ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ,

ИЗДАНІЕ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1880.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.

Печатать дозволяется. Доцентъ академіи, *А. Вадковскій.*

ВОЗМУЩЕНІЕ СОЛОВЕЦКИХЪ МОНАХОВЪ-СТАРООБРЯДЦЕВЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

—

Возмущеніе соловецкихъ монаховъ по поводу выхода во второй половинѣ XVII столѣтія исправленныхъ при патріархѣ Никонѣ церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ весьма важное историческое значеніе. Это, съ одной стороны,— явленіе небывалое ни въ Соловецкомъ монастырѣ, ни въ русскомъ монашествѣ, ни даже, въ Русской церкви. Нѣчто подобное, правда, начиналось въ одно время съ соловецкими смутами, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, въ Ниловской пустынѣ. И тамъ монахи, не соглашаясь принять въ употребленіе исправленныхъ богослужебныхъ книгъ, въ самомъ храмѣ Божіемъ произвели-было схватку со священникомъ, приступившимъ къ совершенію литургіи по новому служебнику, и съ полиціей; но они въ тоже время были усмирены и, затѣмъ, не повторяли своихъ возмущеній (1). Поэтому возмущеніе ихъ едвали можетъ быть названо и подобіемъ соловецкаго возмущенія, продолжавшагося болѣе 20 лѣтъ (съ 1654 до 1676 г.), причемъ монахи боролись не съ полиціей только, а съ тысячнымъ отрядомъ стрѣльцовъ. До этого прискорбнаго случая въ Соловецкомъ монастырѣ, и послѣ, въ про-

(1) Исторія раскола преосвящ. Макарія, стр. 174.

долженіи цѣлаго тысячелѣтія Русская церковь и русское гражданское правительство всегда находили и привыкли видѣть въ монашествующихъ лучшихъ себѣ помощниковъ, неутомимыхъ, святыхъ тружениковъ, подвиги которыхъ начертаны въ исторіи Русской церкви и всего Русскаго государства, такъ сказать, золотыми буквами. До этого случая и послѣ, и соловецкіе монахи, такъ или иначе, служили и служатъ церкви и отечеству, и заслуги ихъ цѣнятся по достоинству всякимъ русскимъ человѣкомъ. Но вотъ, въ тоже самое время, когда духовное и гражданское правительства, можетъ быть, больше всего нуждались въ помощи иночествующихъ, соловецкіе монахи не только не изъявляютъ готовности помогать имъ, но являются непокорными ихъ распоряженіямъ, противодѣйствуютъ, вступаютъ въ кровопролитную съ ними борьбу! Читая эти страницы въ исторіи русскаго монашества, православный сынъ отечества не можетъ не задуматься, не можетъ не пожалѣть наше монашество и, въ частности, Соловецкую обитель, такъ неосторожно запятнавшую свою многовѣковую, славную исторію. Съ другой стороны соловецкое возмущеніе своею необычайностію и своими основными мотивами произвело въ Русскомъ народѣ такое впечатлѣніе, которое не можетъ забыться до сихъ поръ. Дѣло въ томъ, что оно случилось въ то самое время, когда лишь только зарождался нашъ расколъ старообрядства, т. е., когда большая часть Русскаго народа, сосредоточивъ все свое вниманіе на церковной реформѣ, начатой Никономъ, колебалась въ выборѣ путей спасенія, предлагаемыхъ съ одной стороны Никономъ, съ другой—Аввакумомъ съ товарищами. Соловецкіе монахи, для которыхъ, по представленіямъ народной массы, чистота вѣры и спасеніе души составляютъ цѣль жизни и дороже всего на свѣтѣ, стали на сторону Аввакума. Выборъ ихъ сразу разрѣшилъ недоразумѣніе многихъ изъ благочестивыхъ людей, до сихъ поръ колебавшихся въ выборѣ путей

спасенія, и они послѣдовали примѣру соловецкой братіи. Такимъ образомъ соловецкое возмущеніе дало силу и авторитетъ раскольническому движенію.

Но этимъ еще дѣло не кончилось. Старообрядцы, благодарные соловецкимъ монахамъ за разрѣшеніе своихъ недоумѣній относительно вѣры, причислили казненныхъ въ 1676 году монаховъ къ лику святыхъ страдальцевъ-мучениковъ, а извѣстную челобитную ихъ, поданную царю Алексѣю Михайловичу въ 1667 году, сдѣлали своею настольною книгою, которою должны были руководиться, и дѣйствительно руководятся новыя старообрядческія поколѣнія (1).

Между тѣмъ нѣкоторые изъ соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ, не дождавшись конца соловецкой борьбы вышли изъ монастыря и начали усердно бросать сѣмена старообрядчества по сѣверному поморью. Таковы: старецъ Епифаній, одиннадцать лѣтъ бродившій съ проповѣдью по селамъ и деревнямъ, расположеннымъ у рѣкъ Сумы и Онеги; старецъ Савватій, 12 лѣтъ проповѣдывавшій „старое благочестіе“ жителямъ кемскаго уѣзда; діаконъ Игнатій, который по словамъ Семена Денисова, „вся олонецкія и каргопольскія страны во православія догматѣхъ стояти утверди и непроходимыя пустынныя дебри благочестивыми насади жительми“ (2) и т. д. Брошенныя этими бродячими старцами сѣмена старообрядчества принесли къ сожалѣнію обильный плодъ по роду своему. На разработанной ими, удобовоспріимчивой бѣломорской почвѣ, въ скоромъ времени появилась знаме-

(1) Въ 1682 году, напримѣръ, московскіе стрѣльцы соловецкую челобитную положили въ основаніе своей челобитной. (Описаніе раскольн. сочиненій Александра Б. Ч. II. стр. 128—129). Въ 1799 г. херсонскіе раскольники въ оправданіе своихъ вѣрованій подали соловецкую челобитную преосвященному Никифору, убѣждавшему ихъ оставить расколъ. «Истина Соловецкой обители» изд. 1847 г. стр. 1—3.

(2) «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ» Семена Денисова, л. 104 и сл.

нитая Выговская пустынь, которая цвѣла и оплодотворяла почти весь русскій расколъ чуть не 200 лѣтъ (1). Благодаря именно проповѣди соловецкихъ старцевъ поморскій край олонецкой и архангельской губерніи 200 лѣтъ коснѣлъ и теперь коснѣетъ въ расколѣ и невѣжествѣ. Преосвященный Игнатій воронежскій, въ бытность свою въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія петрозаводскимъ епископомъ часто объѣзжавшій свою епархію съ цѣлію изученія раскола, въ свое время о состояніи насажденнаго соловецкими старцами въ олонецкихъ предѣлахъ раскола свидѣтельствовалъ, что „поморскіе скиты, подъ именемъ *даниловскихъ*, начавшись отъ соловецкихъ выходцевъ, предъ самымъ заключеніемъ монастыря выѣхавшихъ съ острова, считаютъ себя отраслью Соловецкаго монастыря въ томъ именно духѣ, какой былъ въ монастырѣ по тогдашнему времени (во время возмущенія). Они и называютъ себя „монастырскимъ согласіемъ“.... „На пространствѣ нашего сѣвера“, продолжаетъ Игнатій „едва можно встрѣтить человѣка изъ простецовъ, который бы не сказалъ вамъ, сколько нибудь, или какъ нибудь объ упоминаемыхъ въ челобитной и исторіи („о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ“) подвигахъ Соловковъ, когда бы зашла рѣчь о вѣрѣ. Списокъ съ челобитной и исторіи увидите вы почти у всякаго здѣшняго грамотнаго“ (2). Нынѣшній миссіонеръ архангельской епархіи, священникъ Макаровъ, говоря о сильно укоренившемся почти во всей архангельской губерніи расколѣ, прибавляетъ: „причиною сильнаго укорененія раскола въ этихъ мѣстностяхъ (архангельскомъ, холмогорскомъ, шенкурскомъ и пинежскомъ уѣздахъ), какъ замѣчено мною при собесѣдованіяхъ, послужило, и въ настоящее время служитъ сочиненіе Семена Денисова „Ис-

(1) Исторія Выговской пустыни Ив. Филиппова, изд. 1862 г. Спб.

(2) Истина Соловецкой обители, изд. 1847 г. стр. 1—3.

торія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ“ съ соловецкою челобитною къ царю Алексѣю Михайловичу, которую не только раскольники, но даже и нѣкоторые изъ православныхъ, по своему невѣжеству, считаютъ чуть не выше св. Евангелія“ (1). Таковы слѣдствія соловецкаго возмущенія, обнаруживающіяся до сихъ поръ въ архангельской и олонецкой губерніяхъ. Но при этомъ можно съ увѣренностію сказать, что соловецкое возмущеніе до сихъ поръ не утратило своего значенія и въ остальномъ старообрядческомъ мірѣ, потому что, какъ архангельскіе, такъ, наприм., и херсонскіе раскольники одинаково знаютъ и чтутъ „соловецкихъ страдальцевъ“; какъ тѣ, такъ и другіе въ своей религіозной жизни руководятся одной и той же соловецкой челобитной 1667 года (2).

Въ виду столь важнаго историческаго значенія соловецкаго возмущенія, нельзя не пожалѣть, что ни въ духовной, ни въ свѣтской нашей литературѣ до сихъ поръ не появлялось еще ни одного сочиненія, или хотя бы журнальной статьи, спеціально посвященной изслѣдованію этого печальнаго, но въ тоже время въ высшей степени замѣчательнаго и не безъинтереснаго событія; а между тѣмъ раскольники имѣютъ подъ руками печатныя изданія „Исторіи о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ“ съ начала XVIII столѣтія.

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи мы желали бы сдѣлать опытъ въ этомъ родѣ. Съ этою цѣлію мы намѣрены представить слѣдующія стороны событія: I) первые источники старообрядческихъ предубѣжденій соловецкой братіи; II) обнаруженіе старообрядчества въ стѣнахъ монастыря; III) увѣщанія соловецкой братіи со стороны духовнаго и гражданскаго правительства и протесты монаховъ въ формѣ челобит-

---

(1) Письмо о. Макарова ректору семинаріи архимандриту Донату, переданное намъ.

(2) Истина Соловец. обители, изд. 1847 г. стр. 1—3.

ныхъ; IV) семилѣтняя осада монастыря, покореніе старообрядцевъ и возстановленіе нарушеннаго въ монастырѣ порядка,—и наконецъ V) слѣдствія соловецкаго возмущенія, способствовавшія распространенію и утвержденію церковнаго раскола на нашемъ сѣверѣ и въ Россіи вообще.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первые источники старообрядческихъ предубѣжденій соловецкой братіи.

I. Двоякій характеръ возмущенія монаховъ.—II. Начало первыхъ смутъ въ монастырѣ. — III. Отношенія Никона къ соловецкому братству въ бытность его: а) анзерскимъ пустынникомъ, б) московскимъ архимандритомъ, в) новгородскимъ митрополитомъ и патріархомъ и вызванное этими отношеніями глубокое нерасположеніе монаховъ къ Никону.—IV. Первые и главные пропагандисты старообрядчества между соловецкими монахами: а) архимандритъ Илья, б) князь Львовъ, в) протопопъ Нероновъ, г) архимандритъ Никаноръ и др.

I. Соловецкое возмущеніе имѣетъ двоякій характеръ—религіозный и политическій, потому что, какъ извѣстно, соловецкіе монахи оказали сопротивленіе волѣ правительства духовнаго и гражданскаго. Въ началѣ, впрочемъ, до 1667 года, пока къ усмиренію ихъ не было принимаемо со стороны государя никакихъ мѣръ, оно носило характеръ чисто религіозный. Непокорность государю вытекла какъ необходимое слѣдствіе непокорности патріарху и собору 1666 года, когда государь рѣшительно принялъ сторону духовныхъ властей и сталъ помогать имъ въ церковной реформѣ. До 1667 года, когда соловецкіе монахи послали къ царю Алексѣю Михайловичу свою челобитную и не получили по ней удовлетворенія, они нисколько не думали и не желали быть ослушниками царя, и вступили въ борьбу съ царскими стрѣльцами, можетъ быть, со слезами на глазахъ, лишь желая быть послѣдовательными и покорными, по ихъ мнѣнію,

больше Царю небесному, нежели царю земному. Но подъ конецъ борьба приняла почти чисто политическій характеръ; религія была оставлена далеко на второмъ планѣ; монахи, отстрѣливаясь отъ осадившаго ихъ царскаго войска, больше думали о томъ, какъ бы не попасть въ руки „слугъ антихристовыхъ“ и спасти свою жизнь!

Но и сопротивленіе духовнымъ властямъ у монаховъ произошло какъ-то случайно, ненамѣренно, само собой. По крайней мѣрѣ большая часть простой, безграмотной братіи никогда не думала не повиноваться высшему духовному начальству и введена была въ это заблужденіе немногими фанатичными вожатаями. Тѣхъ и другихъ, конечно, необинуясь можно назвать слѣпцами; но послѣдніе отличались отъ первыхъ тѣмъ, что шли впереди и потому первые упали въ яму. При томъ умственномъ и религіозно-нравственномъ состояніи соловецкаго братства, въ какомъ оно было застигнуто выдающимся по своимъ реформамъ въ Русской церковной исторіи патріаршествомъ Никона,— заблужденіе и возмущеніе въ монастырѣ было дѣломъ весьма возможнымъ: почва была самая удобовоспріимчивая для сего (1).

II. Начало соловецкаго возмущенія у нашихъ историковъ принято относить ко времени полученія въ Соловецкомъ монастырѣ (въ 1657 г.) исправленнаго и изданнаго въ 1656 году служебника. Но это не совсѣмъ точно. Присылка новаго служебника только послужила поводомъ къ открытому заявленію монахами своихъ предубѣжденій противъ новыхъ церковныхъ порядковъ; между тѣмъ соловецкіе монахи начали смущаться церковными перемѣнами нѣсколькими годами раньше, по крайней мѣрѣ не позже 1654 г., когда по предложенію Никона московскій духовный соборъ порѣшилъ приступить къ немедленному ис-

(1) См. ст. «Соловец. мон. предъ возмущеніемъ». Правосл. Собес. 1879 г. октябрь и ноябрь.

правленію церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Въ 1657 году у нихъ ходили уже по рукамъ тетрадки о двуперстномъ сложеніи крестнаго знаменія, изложенныя соловецкимъ монахомъ Герасимомъ Фирсовымъ (1). — Болѣе раннее смущеніе соловецкой братіи исправленіемъ богослужебныхъ книгъ становится само собою понятнымъ и изъ того отзыва ихъ о новомъ служебникѣ, который они сдѣлали при первомъ предложеніи слѣдовать ему. Соловецкій архимандритъ Илья „съ совѣтниками“, вѣроятно, болѣе другихъ предубѣжденные противъ служебника, получивъ его, скрыли было отъ братіи въ кладовую, и не показывали около года. Но, наконецъ, дольше скрывать было опасно и онъ 8 іюня 1658 г. былъ вынесенъ и предъявленъ всему братству *на черномъ соборѣ*. Братія не долго разсуждая почти всѣ въ голосъ закричали: намъ *латинскія службы и еретическаго чину* не принимать и причащаться отъ такой службы не хотимъ (2). Братія такимъ образомъ прямо высказала, что въ новомъ служебникѣ заключается „латинская ересь“, съ чѣмъ были согласны и архимандритъ Илья съ своими совѣтниками. Но спрашивается: откуда они узнали объ этомъ? Изъ сличенія новаго служебника со старыми? Но сличенія они пока не дѣлали и не могли сдѣлать, когда служебникъ съ полученія до 8 іюня лежалъ въ кладовой скрытымъ для многихъ и неприкосновеннымъ. Притомъ, въ состоніи ли были монахи подмѣтить въ новомъ служебникѣ мѣста, заключающія въ себѣ латинскую ересь, да и знали ли сколько нибудь о томъ, что такое латинская ересь? Можно положительно сказать, что это было выше силъ и способностей тѣхъ, которые рѣшали вопросъ о принятіи или непринятіи въ употребленіе новаго служебника. По собственному ихъ сознанію почти всѣ они были люди „косные, не пере-

(1) Матеріалы для Истор. раск. т. III, стр. 10.

(2) Тамъ же.

имчивые и грамотѣ ненавычные". Остается одно средство къ объясненію такого неблагопріятнаго со стороны соловецкой братіи отзыва о новомъ служебникѣ— именно, что соловецкая братія раньше, со стороны наслышалась о томъ, что исправленіе богослужебныхъ книгъ именно съ тою цѣлію и совершается патріархомъ Никономъ, съ окружающими его олатинившимися греками и „черкасами", чтобы ввести въ русское богослуженіе латинскую ересь. Какими же путями и отъ кого набрались подобнаго рода мыслей соловецкіе монахи?

III. Изъ исторіи русскаго раскола мы знаемъ, что первымъ камнемъ преткновенія для московскихъ старообрядцевъ была личность Никона, съ его необыкновенно-правдивымъ и строгимъ характеромъ, а церковная реформа его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, была для недовольныхъ имъ только однимъ изъ лучшихъ средствъ къ подрыву его авторитета и репутаціи въ народѣ. Первые противники Никоновой церковной реформы и проповѣдники старообрядчества — Павелъ еп. коломенскій, протопопы: Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логинъ и др., всѣ были лично недовольны „многомятежнымъ" Никономъ. Павелъ недоволенъ былъ за то, что Никонъ занялъ патріаршій престолъ, на который предназначался близкій родственникъ его іеромонахъ Антоній; протопопъ Аввакумъ съ товарищами вознегодовали на него по поводу удаленія ихъ отъ почетной должности книжныхъ справщиковъ, причемъ Никонъ опозорилъ ихъ книжную мудрость, объявивъ напечатанныя ими книги неисправными и начавъ исправлять тѣ самыя мѣста, которыя они первые внесли-было въ печатныя книги и надѣялись укоренить въ Русской церкви. И вотъ они, желая отомстить Никону и прикрываясь мнимою ревностію по вѣрѣ, поднимаютъ знамя религіозной борьбы съ патріархомъ (1). Подобно сему и

(1) Исторія раскола преосв. Макарія 1855 г. стр. 163.

въ основѣ соловецкаго возмущенія лежитъ на первомъ мѣстѣ личное нерасположеніе къ Никону соловецкаго настоятеля и нѣкоторыхъ изъ передовой братіи,—нерасположеніе, вызванное строгимъ отношеніемъ Никона къ соловецкому братству въ бытность его новгородскимъ митрополитомъ, къ епархіи коего принадлежалъ Соловецкій монастырь, а затѣмъ и—патріархомъ.

Нерасположеніе соловецкой братіи къ Никону росло постепенно, по мѣрѣ прикосновеній его къ ихъ житейскимъ интересамъ, и подъ конецъ патріаршества Никона дошло до глубокой ненависти. Между тѣмъ началось исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ. Москва, въ лицѣ нѣкоторыхъ непримиримыхъ враговъ Никона, поспѣшила провозгласить его латинщикомъ. Соловецкіе монахи въ своемъ негодованіи какъ будто того и ждали, чтобы опереться на какую нибудь хотя бы ложно возведенную на Никона вину и прикрывшись, какъ и московскіе враги Никона, ревностію о православіи, съ готовностію подали руку Москвѣ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ съ нею идти противъ мнимаго врага православія.

а) У соловецкихъ монаховъ много было поводовъ къ непріязни противъ Никона, которая, впрочемъ, изъ страха, обнаруживалась робко и не такъ часто. Монахи были лично знакомы съ Никономъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ еще простымъ анзерскимъ пустынникомъ. На первыхъ же порахъ это знакомство не было искреннимъ, дружелюбнымъ. Никонъ поселился на Анзерскій островъ въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія и жилъ здѣсь больше десяти лѣтъ (1). Въ это

(1) Въ соловецкой библіотекѣ (принадлежащей нынѣ казанской академіи) подъ № 577 имѣется служебникъ, приписываемый патріарху Никону, съ такою надписью: «а продалъ я Никонъ сію книгу священноиноку Геронтію въ 126 (7126=1618) году мая въ 3-й день». (Правосл. Собес. 1859 года стр. 200). Если дѣйствительно этотъ служебникъ принадлежалъ до продажи Никону, то выходитъ, что Никонъ былъ на Со-

время здѣсь въ уединеніи подвизался схимникъ Елеазаръ, устраивая скитъ для любителей строгой пустынической жизни. Никонъ сдѣлался его ученикомъ и ревностнымъ помощникомъ. Заботы по устройству скита этихъ подвижниковъ постоянно вынуждали ихъ обращаться къ богатымъ соловецкимъ монахамъ—то съ тою, то съ другою просьбой. Пока былъ живъ соловецкій настоятель Иринархъ—другъ Елеазара, отказа ни въ чемъ не было. Но со смертію (въ 1626 г.) этого добраго игумена, отношенія соловецкихъ монаховъ къ пустынникамъ измѣнились: они стали не только отказывать имъ въ помощи, но и притѣснять ихъ; имъ непріятно было, что анзерскіе пустынники живутъ на ихъ землѣ, надоѣдаютъ просьбами, и въ тоже время стремятся быть отъ нихъ въ независимости. Особенно не нравилось монахамъ благоволеніе къ пустынникамъ царя Михаила Ѳедоровича, который въ 1633 году далъ имъ нѣкоторую независимость отъ Соловецкаго монастыря, а между тѣмъ соловецкому настоятелю повелѣвалъ выстроить для нихъ новый храмъ. Преподобный Елеазаръ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ (съ 1638 до 1656 г.), умолялъ игумновъ Рафаила и Илью о помощи, согласно царской волѣ, въ построеніи храма и, однако, умеръ въ 1656 году, не дождавшись окончанія постройки. Мало того, игуменъ

ловецкихъ островахъ уже въ 1618 году. Въ «Житіи» основателя Анзерскаго скита Елеазара говорится, что Елеазаръ былъ два раза въ Москвѣ, при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, и въ первую поѣздку бралъ съ собой Никона. А эта поѣздка была до рожденія Алексѣя Михайловича, т. е. до 1629 г., потому что Елеазаръ, какъ говорится въ его жизнеописаніи, при этомъ свиданіи съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ предсказалъ ему о рожденіи наслѣдника. Слѣдовательно Никонъ во всякомъ случаѣ былъ уже на Соловецкихъ островахъ до 1629 года. Вышелъ Никонъ изъ Анзерскаго скита около 1640 г., потому что въ 1643 году былъ уже настоятелемъ Кожеозерскаго монастыря, а до выбора въ настоятеля жилъ еще года два или три въ уединеніи на Кожеозерскихъ островахъ. Истор. опис. Солов. мон. ч. II, ст. 9.

Илія пріискалъ на святаго мужа какую-то вину и держалъ его въ соловецкой тюрьмѣ (1). Эти непріязненныя отношенія монаховъ къ анзерскимъ пустынникамъ, въ числѣ коихъ былъ Никонъ, не могли конечно возбуждать и въ самомъ Никонѣ особеннаго почтенія къ соловецкой братіи. Но зато онъ изъ этихъ отношеній извлекъ себѣ ту пользу, что коротко познакомился съ соловецкою жизнію, бывая въ монастырѣ по нуждамъ скита, видѣлъ хорошую и дурную ея стороны, на что̀ и обратилъ свое вниманіе впослѣдствіи, сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ.

б) Пока Никонъ былъ анзерскимъ пустынникомъ, соловецкая братія конечно, мало обращала на него вниманія, и относилась къ нему не лучше, чѣмъ къ Елеазару и другимъ анзерцамъ, надоѣдавшимъ имъ своими просьбами. Когда же Никонъ удалился въ Кожеозерскую пустынь, иноки можетъ быть и совсѣмъ забыли, что когда-то какой-то чернецъ Никонъ былъ въ Анзерскомъ скитѣ. Но, вотъ, Никонъ вдругъ является въ Москвѣ, въ санѣ архимандрита и близь самого царя; царь дѣлаетъ его своимъ другомъ и повѣряетъ ему свои тайны. Это обстоятельство не могло не обезпокоить соловецкихъ старцевъ, которые сами считали себя близкими къ царю, свободно обращались къ нему со всякимъ челобитіемъ и имѣли при дворѣ своего представителя. Монахи не могли теперь не опасаться многаго со стороны Никона. Онъ теперь могъ, напр., въ отмщеніе за прежнія оскорбленія отозваться предъ царемъ не въ пользу соловецкой братіи, могъ помѣшать удовлетворенію какой нибудь со стороны ихъ просьбы. Но Никонъ, повидимому, не питалъ къ соловецкимъ монахамъ никакой вражды и не думалъ имъ вредить. За это время онъ сдѣлалъ соловецкимъ монахамъ развѣ одну только непріятность, это: отрекомендовалъ предъ царемъ Алексѣемъ

(1) Истор. опис. Солов. мон. част. II. стр. 9—12.

Михайловичемъ бывшаго своего наставника, строителя Анзерскаго скита Елеазара, котораго царь и вызвалъ въ Москву, снабдилъ особой новой граматой на имя соловецкаго игумена Ильи о томъ, чтобы игуменъ неотложно выстроилъ анзерскимъ пустынникамъ на монастырскій счетъ каменный храмъ (1). Тѣмъ не менѣе соловецкіе монахи и теперь уже не могли относиться къ Никону дружелюбно, не могли не питать къ нему затаеннаго нерасположенія. Ихъ раздражало противъ Никона одно уже то, что онъ заслонилъ отъ нихъ царя. Въ 1649 году игуменъ Илья былъ въ Москвѣ и сидѣлъ рядомъ съ Никономъ на знаменитомъ земскомъ соборѣ (2). Онъ теперь лично могъ убѣдиться въ томъ, какую силу имѣлъ при царѣ Никонъ, бывшій анзерскій пустынникъ, и какъ онъ Илья съ своей братіей ничтожны въ сравненіи съ этимъ могучимъ и умнымъ человѣкомъ.

в) Въ 1649 году Никонъ сдѣлался новгородскимъ митрополитомъ, не переставая быть другомъ царя, довѣріе котораго къ нему все болѣе и болѣе возрастало. Соловецкій монастырь, какъ мы знаемъ, принадлежалъ новгородской митрополіи. Никонъ такимъ образомъ сталъ непосредственнымъ начальникомъ соловецкихъ монаховъ. Зная уже характеръ и силу Никона, соловецкіе монахи не могли и думать, что и этотъ митрополитъ будетъ относиться къ нимъ такъ же легко, какъ относились прежніе митрополиты (3). И опасенія ихъ на этотъ разъ были не напрасны. Никонъ энергично принялся за дѣла митрополіи, запущенныя прежними митрополитами. На первыхъ же порахъ онъ подчинилъ своему строгому надзору все бѣлое и

---

(1) Ист. опис. Солов. монаст. ч. II. стр. 11. «Странникъ» 1873 г. Мартъ, стр. 21.

(2) Архивъ историко-юридич. сочиненій о Россіи» 1850 г. кн. I. отд. II. стр. 5.

(3) Правосл. Собесѣд. 1879 г. Октябрь, ст. Соловецк. мон. предъ возмущеніемъ.

черное духовенство (1), потребовалъ отъ него строгой нравственности, точнаго и усерднаго выполненія своихъ обязанностей и, особенно, благочинія церковнаго. Не составлялъ въ этомъ случаѣ для него исключенія и Соловецкій монастырь, обычаи и порядки котораго были ему хорошо извѣстны. Напротивъ, онъ на Соловецкій монастырь обратилъ свое особенное вниманіе потому, можетъ быть, что глубоко чтилъ это святое мѣсто и, не имѣя лично ничего противъ соловецкихъ подвижниковъ, преслѣдовалъ въ нихъ только слабости. Руководясь подобными чувствами Никонъ, одной рукой, такъ сказать, гладилъ и миловалъ монаховъ, другой—щипалъ ихъ до боли.

Въ 1651 году митрополитъ Никонъ предложилъ царю, чтобы настоятель Соловецкаго монастыря имѣлъ вмѣсто игуменскаго, архимандричій санъ. Царь ни въ чемъ не отказывавшій своему другу поспѣшилъ „за радость торжественнаго дня дочери своей государевы благовѣрные и христолюбивые царевны и великой княжны Евдокіи Алексѣевны рожденія указать въ своемъ царскомъ богомольѣ... въ общемъ Соловецкомъ монастырѣ... игумну Иліѣ быти архимандритомъ съ шапкою, съ палицею, и съ бедренникомъ и съ ручнымъ сулогомъ, и съ репидами, и съ осѣняльными свѣщами, и съ ковромъ полною архимандричьею службою“. Никонъ самъ возложилъ на игумна Илію митру и предписалъ братіи чтить его сообразно съ новымъ чиномъ (2). Самъ Илья и соловецкая братія, по крайней мѣрѣ тѣ изъ братіи, которые, дорожили честью своей обители, особенно же которые были близки къ архимандриту Ильѣ, не могли не оцѣнить высоко этой важной услуги со стороны Никона. Новый санъ настоятеля возвысилъ честь и значеніе и настоятеля

---

(1) Акты эксп. том. IV, № 30, стр. 70.

(2) Истор. опис. Солов. монаст. Ч. I. стр. 207—209. Част. III. стр. 217—219.

и обители въ ряду другихъ настоятелей и монастырей и въ глазахъ народа, а служеніе архимандрита „съ шапкою, и съ палицею“ и т. д. придавало бо́льшее благолѣпіе монастырскому богослуженію, которымъ монахи дорожили, въ виду многочисленныхъ посѣтителей. Не говоримъ о томъ, что все это было особенно дорого лично для архимандрита Иліи. Въ другой разъ Никонъ выпуталъ соловецкое братство изъ какого-то крайне непріятнаго дѣла. Въ 1652 году соловецкій старецъ Сергій, добравшись какимъ-то образомъ до Москвы, сдѣлалъ предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на соловецкую братію „извѣтъ во многихъ доводныхъ статьяхъ“. Извѣтъ повидимому былъ немаловажный, потому что царь поручилъ архангельскимъ воеводѣ и дьяку произвести формальное слѣдствіе, отправивъ къ нимъ для очныхъ ставокъ съ братіей самого старца Сергія. На соловецкихъ старцевъ, привыкшихъ обдѣлывать подобныя дѣла въ самой Москвѣ, чрезъ своего повѣреннаго — московскаго строителя, это дѣло произвело страхъ и уныніе. Съ одной стороны они видѣли въ этомъ перемѣну отношеній къ нимъ царя, доселѣ ни въ чемъ ихъ не судившаго и во всемъ защищавшаго; съ другой—худыя послѣдствія. Искать защиты отъ царскаго гнѣва было положительно не у кого, кромѣ Никона—ихъ непосредственнаго начальника, доступнаго къ царю во всякое время. И монахи поспѣшили прибѣгнуть подъ защиту Никона, написавъ къ нему объ этомъ „слезное челобитіе“. Между тѣмъ Никонъ до полученія еще этого челобитья узналъ о непріятномъ для соловецкихъ монаховъ дѣлѣ и написалъ царю, „чтобъ старца Сергія ложному извѣту во многихъ доводныхъ статьяхъ повѣрить не велѣлъ“. Получивъ же изъ Соловецкаго монастыря „отписку“, онъ снова, съ нарочнымъ боярскимъ сыномъ, послалъ царю письмо, ходатайствуя за подсудимыхъ. Увѣдомляя объ этомъ соловецкую братію, онъ въ утѣшеніе прибавилъ: „и про то намъ вѣдомо, что государская милость къ вамъ

есть, что государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи не велѣлъ васъ ничѣмъ о томъ дѣлѣ оскорбить“ (1). Слѣдствіе дѣйствительно кончилось ничѣмъ.

Такого рода благодѣянія и заступничество со стороны Никона могли возбуждать въ соловецкомъ братствѣ одну только благодарность и невольно вызывали ихъ къ покорности доброму съ этой стороны своему архипастырю. И мы видимъ, что соловецкіе монахи на первыхъ порахъ, подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, были послушны Никону, особенно въ такихъ его требованіяхъ, которыя не касались ихъ матеріальныхъ интересовъ. Замѣчательно, что они въ это время оказывались покорными Никону даже въ требованіяхъ его, прямо касающихся церковной обрядности, за неприкосновенность которой послѣ возстали. Въ 1651 г. митрополитъ Никонъ, извѣщая соловецкую братію о поставленіи игумена Иліи въ архимандрита, между прочимъ повелѣвалъ, чтобы согласно состоявшемуся 9 февраля 159 (1651) г. опредѣленію московскаго освященнаго собора было немедленно введено въ Соловецкомъ монастырѣ, „единогласное чтеніе и пѣніе“, вмѣсто укоренившагося временемъ и небреженіемъ чтенія и пѣнія въ два, три и четыре голоса (2). Нѣтъ свѣдѣній о томъ, что соловецкіе монахи тотчасъ по полученіи граматы, или по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени, ввели у себя при богослуженіи порядокъ единогласнаго пѣнія. Но нельзя сомнѣваться въ этомъ, съ одной стороны потому, что грамата заключалась угрозою „быть ослушникамъ отъ службы отказаннымъ и въ великомъ запрещеніи“, чего иноки конечно не

(1) Истор. опис. Солов. мон. част. III. стр. 222.

(2) Небреженіе заключалось въ слѣдующемъ: чтобы ускорить службу и въ тоже время ничего не пропустить изъ положеннаго церковнымъ уставомъ, псаломщикъ, напримѣръ, читалъ псалмы, головщикъ выпѣвалъ стихиры, діаконъ говорилъ эктенію, а священникъ сказывалъ возгласъ— и всѣ—въ разъ. Истор. описан. Солов. монаст. част. III. стр. 217—218.

желали; съ другой—монахи подобнаго рода распоряженія пока еще не считали предосудительнымъ нововведеніемъ, и сами предупреждали Никона въ измѣненіи нѣкоторыхъ обычаевъ и порядковъ церковныхъ. Такъ, въ томъ же 1651 году, они спрашивали Никона: во-первыхъ, должно ли совершать молебны по установившемуся въ Соловецкомъ монастырѣ такому порядку: „игуменъ начинаетъ въ олтарѣ, а какъ пропоютъ *Богъ Господь*, и онъ тогда выйдетъ на выходъ въ церковь и стоитъ въ церкви до *достойно*, а послѣ достойно входитъ въ олтарь и совершаетъ въ олтарѣ“?. Во 2-хъ, совершать ли въ монастырѣ *умовеніе ногъ* въ великій четвертокъ? И, наконецъ, „проводить ли на Семенъ-день лѣто съ дѣйствомъ“? Митрополитъ на это отвѣчалъ: „молебны вышедъ изъ олтаря на соборѣ начинать, а отпускъ говорить съ крестомъ; что же касается умовенія ногъ и дѣйства на Семенъ-день,—и тому быть по прежнему, потому что еще у насъ съ патріархомъ о томъ не говорено“. Сверхъ того Никонъ предписывалъ: „а въ великую субботу подъ плащаницею ходить съ однимъ Евангеліемъ“ (1). Такъ сочувственно относились соловецкіе монахи къ начинающейся отъ Никона реформѣ въ началѣ, пока они питали къ Никону кое-какое еще уваженіе и страхъ, пока не видѣли примѣровъ протеста со стороны другихъ (2).

Но нерасположеніе къ Никону у соловецкихъ монаховъ за это же время исходило изъ тѣхъ его требованій, которыя касались соловецкой жизни и интересовъ обители. А этихъ требованій было не мало. Никонъ по праву новгородскаго митрополита рано

(1) Истор. опис. Солов. монаст. част. III, стр. 220—221.

(2) При введеніи единогласнаго пѣнія монахи вѣроятно имѣли въ виду и волю государя. Изъ послушанія именно къ государю они въ 1661 г., когда уже отказались отъ всѣхъ нововведеній, новое пѣніе снова пробовали ввести въ монастырѣ. Матеріалы для ист. раск. т. III. стр. 13.

началъ касаться соловецкой жизни, желая искоренить въ ней извѣстные ему безпорядки. Еще въ 1650 г. онъ предписывалъ игумну Ильѣ съ братіей отмѣнить обычай печь „раздаточныя“, т. е. продаваемыя богомольцамъ просфоры изъ ржаной, или съ примѣсью ржаной муки. Богатому средствами монастырю ничего, конечно, не стоило исполнить это распоряженіе митрополита. Но монахи слишкомъ дорожили своими матеріальными выгодами. Въ сравненіи съ ними для нихъ мало имѣло значеніе то: бѣлая ли просфора будетъ принесена къ святому жертвеннику, или полуржаная, или даже ржаная (1). И монахи смиренно осмѣлились протестовать предъ Никономъ противъ этого распоряженія, прося, чтобы „поволилъ въ Соловецкомъ монастырѣ печь раздаточныя просфоры по прежнему жъ во ржаной мукѣ, опричь служебныхъ просфоръ“. Но Никонъ пригрозилъ за это непослушаніе игумену Ильѣ запрещеніемъ (2) и монахи должны были скрыть неудовольствіе въ сердцѣ.

Въ 1651 году Никонъ получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича особую грамату, давшую ему безграничное право „вѣдать судомъ и управою во всякихъ управныхъ дѣлахъ въ Великомъ Новгородѣ, въ великихъ Лукахъ, въ пригородахъ и уѣздахъ всей новгородской десятины, архимандритовъ, игуменовъ, братіи и поповъ, и всѣхъ ружныхъ и приходскихъ церквей поповъ, дьяконовъ и причетниковъ и монастырскихъ служекъ и крестьянъ“ (3). Самая подсудность мѣстному митрополиту для соловецкихъ монаховъ могла казаться большой обидой: они отъ начала основанія монастыря были совершенно свободны отъ всякаго суда гражданской и духовной власти, зная

---

(1) Здѣсь идетъ рѣчь о просфорахъ раздаточныхъ. Но они не могли быть раздаваемы, прежде чѣмъ будутъ принесены во св. алтарь и освятятся чрезъ отдѣленіе для евхаристіи извѣстной частицы.

(2) Историч. опис. Солов. м. часть III, стр. 216.

(3) Акты эксп. т. IV, № 30, стр. 70

въ этомъ случаѣ одну только верховную царскую власть, постоянно благоволившую къ нимъ и никогда ни въ чемъ ихъ не судившую. До сихъ поръ ни одинъ изъ новгородскихъ митрополитовъ не только не смѣлъ судить ихъ въ чемъ бы то ни было, но и „приставовъ своихъ не всылалъ ни по что, опричь духовнаго дѣла". Но эта подсудность была тѣмъ болѣе для монаховъ тягостна, что Никонъ скоро и сильно началъ примѣнять ее къ нимъ, дѣлая имъ строгія замѣчанія, выговоры, предписанія, а иногда и налагая заслуженныя наказанія на провинившуюся въ чемъ-либо братію. Въ томъ же 1651 году онъ писалъ соловецкому настоятелю съ братіею слѣдующее: 1) „вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ въ великій постъ въ субботу и въ недѣлю рыбу ядятъ, и то вы дѣлаете не по преданію святыхъ древнихъ отецъ, и вамъ бы впредь въ великій постъ въ субботу и въ недѣлю рыбы не ѣсть, питаться отъ земнаго плода (1). 2) Да ты жъ бы сыну (архим. Илья) съ братіею въ монастырѣ заказали крѣпко, и учинили, чтобы у васъ въ монастырѣ дрожениковъ и хмѣльнаго питья не было, а держали бъ квасы простые и медвенные безъ хмелю. 3) Да у васъ же, какъ написано въ уставѣ въ 16 главѣ, о откровеніи главъ, отеческаго преданія не исполняется, главъ не открываете, и у васъ бы впредь такого безчинія отнюдь не было, дѣлать бы по преданію святыхъ отецъ, въ указанное время главы открывати и *въ презорство* тово не ставить. 4) Да къ вамъ же, наконецъ, въ монастырь по государеву указу присылаютъ подъ началъ старцевъ и всякихъ чиновъ людей, и вы ихъ держите не по государеву указу, не крѣпко, во всемъ имъ свободу даете, и противъ государева указу подъ крѣпкій началъ

---

(1) Въ древнемъ соловецкомъ уставѣ (1653 г.) о великомъ постѣ говорится: «а въ субботу и въ недѣлю щи, *да сущи вялые* (похлебка изъ сухой вяленой рыбы—трески) да каша»... Уставъ свящ. Нектарія. Въ библ. каз. акад. № 1235, стр. 1126.

не отдаваете и отъ тѣхъ ссыльныхъ безчинниковъ бываетъ смута многая“ (1). Это новое распоряженіе со стороны Никона не могло не возбудить во многихъ изъ слабой духомъ братіи новыхъ неудовольствій противъ него. Отмѣною, напримѣръ, рыбнаго стола въ постѣ и запрещеніемъ дрожениковъ могли быть крайне недовольны любители сытнаго стола и хмѣльнаго питья, въ каковыхъ въ монастырѣ недостатка не было (2); открытіемъ главъ въ установленное время при совершеніи службъ могли смущаться и быть недовольны нѣкоторые изъ простой, фарисействующей братіи, ставя это *въ презорство* для инока; не могъ, конечно, Никонъ ожидать благодарности и отъ ссыльныхъ въ монастырь за стѣсненіе ихъ свободы. Такимъ образомъ, можно быть увѣреннымъ, что въ Соловецкомъ монастырѣ мало-по-малу стала составляться партія скрытыхъ недоброжелателей Никона. Къ этой партіи, конечно, принадлежали и тѣ, которыхъ Никонъ за разныя вины наказывалъ, вызывая въ Новгородъ и налагая на нихъ цѣпи и эпитиміи (3). Недовольные до времени скрывали въ своемъ сердцѣ свои неудовольствія изъ страха наказанія; но были случаи, когда они и обнаруживали ихъ, даже за стѣнами монастыря. Разъ строитель соловецкаго подворья въ Москвѣ старецъ Матвѣй не вытерпѣлъ и началъ на всю Москву злословить своего митрополита, обзывая его самымъ злымъ „врагомъ“ Соловецкой обители, такъ что Никонъ вынужденъ былъ потребовать отъ соловецкаго настоятеля, чтобы тотъ унялъ старца и отлучилъ его отъ причастія (4).

---

(1) Истор. оп. Сол. м. часть III, стр. 219.

(2) См. ст. «Солов. мон. предъ возмущеніемъ». Правосл. Собесѣд. 1879 г. октябрь и ноябрь.

(3) Истина Сол. обит. 1847 г. стр. 20. Подлинныя граматы въ солов. архивѣ №№ 87 и 88.

(4) Подлинныя грам. Никона въ Сол. м. 1650г. Ризн. № 387.

Между тѣмъ сдѣланныя Никономъ благодѣянія скоро утратили свое значеніе, монахи приглядѣлись къ новымъ преимуществамъ своего настоятеля, позабыли непріятное дѣло, изъ котораго выпуталъ ихъ Никонъ и стали больше обращать вниманіе на тѣ распоряженія его, которыя касались ихъ установившейся долгимъ временемъ жизни и порядковъ. Теперь и церковныя нововведенія Никона, въ родѣ единогласнаго пѣнія, совершенія молебна среди храма и т. п., стали занимать соловецкую братію и наводили на размышленія не въ пользу Никона (1). — Соловецкій дьяконъ Пименъ еще въ 1651 году, пробравшись изъ монастыря въ Новгородъ и встрѣтившись со старцемъ Корниліемъ, говорилъ ему: „что ты вѣдаешь, Корнилій? Никонъ митрополитъ—антихристъ! — Бѣснуешься, тако глаголеши!“ отвѣчалъ ему Корнилій. — Идемъ и посмотримъ, како людей благословляетъ? Корнилій пошелъ и, удостовѣрившись, что Никонъ дѣйствительно благословляетъ по новому (вѣроятно, обѣими руками, а не одной, какъ обыкновенно въ то время благословляли епископы и священники), пересталъ ходить подъ благословеніе митрополита (2). Пименъ же вскорѣ послѣ того возвратился въ Соловецкій монастырь и, конечно, не молчалъ здѣсь о народившемся „антихристѣ“ Никонѣ, находя между братіей простыхъ и суевѣрныхъ людей, подобныхъ Корнилію (3).

---

(1) Въ началѣ 1661 г. единогл. пѣніе снова вводилось. Значитъ оно было отмѣнено. Матер. для ист. раск. т. III, ст. 13.

(2) Разсказы изъ исторіи старообрядчества, Максимова. Изд. 1861 года, стр. 9 и 10. Житіе старца Корнилія. Опис. раск. соч. Александра Б. 172 стр.

(3) По словамъ Денисова старецъ Пименъ послѣ жилъ на Соловец. островахъ въ пустынѣ съ учениками Алексѣемъ и Іоанномъ—писаремъ; здѣсь ихъ нашелъ стрянчій Волоховъ и увезъ въ Сумскій острогъ, гдѣ Іоанна предалъ смерти, а Пимена и Алексѣя, продержавъ нѣсколько въ тюрьмѣ и помучивъ пытками, отпустилъ опять въ туже пустыню. Послѣ Пименъ бѣжалъ съ Солов. острововъ въ олонецкую губернію и погибъ въ самосожженіи съ прочими раскольниками. Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ, стр. 17—20

Неудовольствія и подозрѣнія подобнаго рода со стороны соловецкой братіи къ Никону получили новый толчекъ по слѣдующему поводу: въ 1652 году митрополитъ Никонъ извѣстилъ соловецкую братію, что онъ желаетъ и намѣренъ въ скоромъ времени побывать въ Соловецкомъ монастырѣ, чтобы поклониться соловецкимъ чудотворцамъ (1). И дѣйствительно прибылъ. Но прибылъ не Богу только молиться, а чтобы вмѣстѣ отнять у монаховъ и увезти въ Москву одну изъ величайшихъ соловецкихъ святынь — мощи святителя Филиппа, митрополита московскаго, скончавшагося въ царствованіе Грознаго мученическою смертію. Соловецкіе монахи считали эту святыню своею собственностію, потому что св. Филиппъ до призванія на митрополію десятки лѣтъ подвизался въ Соловецкой обители, сначала въ званіи простаго монаха, а потомъ—настоятеля. Москва вызвала его къ себѣ на святительскій престолъ вопреки его собственному желанію и желанію братіи; потомъ она съ поруганіемъ изгнала его въ заточеніе, предала насильственной смерти и затѣмъ никогда о немъ не вспоминала. Между тѣмъ соловецкіе монахи съ большимъ трудомъ, чрезъ 20 лѣтъ послѣ смерти святителя, достали къ себѣ святыя мощи его, положили въ дорогую раку и поставили въ главный Преображенскій соборъ, устроенный самимъ святителемъ въ бытность его соловецкимъ игуменомъ, и этимъ пріобрѣли какъ бы полное право на обладаніе святыней, тогда какъ Москва сама себя лишила ея. Митрополитъ Никонъ первый пришелъ къ мысли, что святыя мощи Филиппа принадлежатъ не соловецкимъ монахамъ, а Москвѣ и задумалъ перенести ихъ въ Москву. Онъ хотѣлъ, какъ извѣстно, перенесеніемъ святыхъ мощей Филиппа провести въ народъ мысль о первенствѣ въ государствѣ церкви и о правотѣ ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ обличить неправду

(1) Подлинная грамата Никона въ соловецкой ризницѣ № 399.

свѣтской власти, въ лицѣ Грознаго неправильно посягнувшей на власть церковную. Никону ничего не стоило склонить къ этому своего друга-царя Алексѣя Михайловича и слабаго старца патріарха Іосифа. И онъ, заручившись царскою и патріаршею граматами, самъ прибылъ за мощами въ Соловецкій монастырь. Соловецкимъ монахамъ тѣмъ болѣе тяжело было разстаться съ святыней, что она составляла славу Соловецкой обители на всю Русь и привлекала безчисленныхъ поклонниковъ съ „лептами“ доброхотныхъ даяній; но они должны были исполнить волю царя и патріарха. Съ горькимъ плачемъ они передали Никону святыя мощи. Памятникомъ этого плача до сихъ поръ служитъ слѣдующій, сложенный монахами на день провожанія, гимнъ: „не подобало бы тебѣ, о святителю Филиппе, оставлять твое отечество! Но должно къ намъ возвратиться, гдѣ духовно народился, гдѣ ты понесъ разнообразные труды богоноснымъ отцамъ, гдѣ, наконецъ, воздвигъ ты великолѣпные храмы во спасеніе иноковъ и къ славословію Творца (1). Монахи хорошо знали отношенія Никона къ царю и силу его вліянія на церковныя дѣла, и отсюда догадывались и о томъ, что не царю и патріарху, а Никону принадлежитъ первая мысль о перенесеніи св. мощей Филиппа въ Москву. И Никонъ послѣ этого сталъ въ глазахъ всѣхъ ихъ недоброжелателемъ Соловецкой обители.

Съ возвращеніемъ изъ Соловецкой обители въ Москву Никонъ сдѣлался патріархомъ. Но Соловецкимъ монахамъ не было отъ этого легче: они и теперь не знали отъ него покоя. Не говоря уже о томъ,

---

(1) Истор. оп. Сол. м. ч. I. стр. 140—141. Семенъ Денисовъ увѣряетъ даже, что одинъ изъ соловецкихъ «святыхъ» подвижниковъ старецъ Гурій «о пріѣздѣ Никона по мощи святит. Филиппа напередъ пророче». Исторія о отцѣхъ... стр. 6 на обор. Извѣстно, что подобнымъ образомъ оплакивала пермская паства перенесеніе въ Москву мощей святителя Стефана.

что благодаря Никону, монахи остались навсегда въ полной зависимости отъ новгородскаго митрополита, что Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, окончательно скрылъ отъ нихъ царя, самъ сталъ духовнымъ и свѣтскимъ государемъ; не говоря объ этомъ, и теперь Никонъ не переставалъ досаждать соловецкимъ монахамъ, касаясь ихъ жизни и интересовъ. Благоволеніе Никона къ нелюбимымъ соловецкою братіею анзерскимъ пустынникамъ продолжалось по прежнему. Онъ постоянно просилъ у царя для нихъ новыхъ милостей, а эти милости, какъ и раньше, дѣлались на счетъ соловецкой братіи.

Въ 1656 году, напримѣръ, по предложенію Никона царь окончательно освободилъ пустынниковъ отъ зависимости соловецкому настоятелю, повелѣвъ, чтобы „ничѣмъ тое пустыни Соловецкаго монастыря архимандриту и келарю впредь не вѣдать, и строителей къ нимъ не посылать и *насилія* никакого не чинить;“ а между тѣмъ, требовалъ, „чтобы соловецкіе монахи анзерцамъ перевозили на монастырскихъ судахъ изъ Холмогоръ и Архангельска хлѣбные запасы и посылали къ нимъ монастырскихъ работниковъ дрова сѣчь и воду возить.“ Далѣе Никонъ, устроивъ въ Поморьѣ на свое имя Крестный монастырь, отписалъ къ нему двѣ лучшія соловецкія вотчины—Кушерѣцкую волость и Піяльское усолье съ землею, людьми, промышленностью и всѣми доходами ([1]). Какихъ выгодныхъ вотчинъ монастырь лишился по волѣ патріарха, можно видѣть изъ слѣдующей жалобы архимандрита Варѳоломея къ царю, писанной въ 1666 году: „Въ Соловецкомъ монастырѣ братіи и мірскихъ работныхъ людей стало предъ прежнимъ много, а рыбными ловлями учало быть скудно потому, что *взяты прежнія ихъ*

([1]) Грамата патріарха Іоасафа 1668 года въ соловецкой ризницѣ № 473.

монастырскія рыбныя ловли въ Ставросъ (крестный) *монастырь* (1).

Когда припомнимъ, что соловецкіе монахи XVII вѣка въ своей жизни всегда имѣли на первомъ планѣ свои матеріальныя выгоды, то будетъ понятно, какъ не легко было для нихъ, по волѣ Никона, ни за что, ни про что помогать анзерскимъ пустынникамъ и уступить Крестному монастырю свои лучшія владѣнія... Но патріархъ Никонъ сверхъ того обидно касался и личностей. Ему чѣмъ то не понравился, наконецъ, архимандритъ Илья и онъ въ 1653 году чуть было не удалилъ его отъ настоятельской должности; былъ уже вызванъ въ Москву для посвященія на его мѣсто изъ Вологды соловецкій приказный старецъ Никаноръ; но, вѣроятно, заступничество царя спасло Илью, и Никаноръ былъ назначенъ настоятелемъ Звенигородскаго Саввина монастыря (2). Въ 1655 году этотъ же настоятель Илья подвергся запрещенію отъ Никона за то, что любезно принималъ у себя въ монастырѣ убѣжавшаго изъ ссылки протопопа Іоанна Неронова, одного изъ злѣйшихъ враговъ Никона и противника церковной реформы (3). Между тѣмъ, по словамъ Неронова, Никонъ въ Москвѣ безпрестанно мучилъ какого то соловецкаго старца „и въ красный день (воскресный) велѣлъ его бить немилостиво“ (4).

(1) Историч. акты т. IV, № 188, стр. 359.

(2) При отправкѣ въ Москву Никаноръ получилъ въ Соловецкомъ монастырѣ на расходы 200 р. и приходорасходную книжку. Въ книжкѣ говорится: «по приговору келаря старца Никиты, и казначея старца Лаврентія, и всѣхъ соборныхъ старцевъ и всей братіи Соловецкаго монастыря чернецъ Никаноръ, *нареченный* архимандритъ, отпущенъ къ Москвѣ въ Солов. монастырь въ архимандриты ставитца». Кн. въ сол. архивѣ № 14. Здѣсь замѣчательно во 1-хъ то, что въ приговорѣ не упоминается имя Ильи, а это предполагаетъ хотя временное удаленіе его отъ должности; во 2-хъ, что Никаноръ называется уже нареченнымъ, иначе—предназначеннымъ въ соловец. настоятеля.

(3) Рукоп. сб. сочин. Библ. Неронова каз. дух. акад. № 1986, стр. 108.

(4) Тамъ же, стр. 14.

Такимъ образомъ отношенія Никона къ соловецкой братіи, начиная съ пребыванія его на Анзерскомъ островѣ до послѣднихъ дней патріаршества не только не могли расположить къ нему соловецкихъ монаховъ, напротивъ вызывали со стороны ихъ недоброжелательство, особенно со стороны тѣхъ, которые были лично обижены имъ, каковъ архимандритъ Илья, старецъ Матвѣй, въ 1650 году наказанный отлученіемъ отъ причастія, тотъ старецъ, котораго Никонъ, по словамъ Неронова, мучилъ въ Москвѣ и билъ плетьми въ воскресный день и др. Отъ подобныхъ людей трудно было ожидать сочувствія и къ его церковнымъ перемѣнамъ; они также не могли и отзываться одобрительно объ этихъ перемѣнахъ предъ братіей. Радушное принятіе въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1655 году ссыльнаго бѣглеца протопопа Неронова свидѣтельствуетъ, что въ соловецкомъ братствѣ было уже не малое предубѣжденіе противъ Никоновой церковной реформы, навѣянное недоброжелателями его. Не за обличеніе ли Никона въ нововведеніяхъ страдалъ въ Москвѣ и неизвѣстный старецъ, о которомъ такъ соболѣзновалъ Нероновъ?..

И. Сырцовъ.

О ДВУХЪ ГЕНЕАЛОГІЯХЪ ІИСУСА ХРИСТА.

(Матѳ. I, 1—17. Лук. III, 23—38 ст.).

—

Если въ прологѣ ев. Луки говорится объ исторической достовѣрности евангельской исторіи и первоначальныхъ источникахъ ея (1), а въ прологѣ ев. Іоанна о божествѣ Іисуса Христа и божественномъ Его происхожденіи (2), то въ генеалогіяхъ (3) Господа нашего у Матѳея и Луки главнымъ образомъ проводится мысль о приготовленіи рода человѣческаго къ принятію Искупителя, что вмѣстѣ указываетъ и на внутренюю тѣснѣйшую связь Новаго Завѣта съ Ветхимъ.

Приготовленіе человѣчества къ принятію Искупителя совершилось, какъ извѣстно, двумя параллельными путями: въ іудействѣ—путемъ положительнымъ, чрезъ непосредственныя божественныя откровенія (Рим. IX, 4), а у язычниковъ — отрицательнымъ, который привелъ ихъ къ сознанію духовной безпомощности человѣка и къ исканію вышней помощи, *да по-*

---

(1) См. Прав. Собес. 1879 г. янв.: Прологъ Ев. Луки.

(2) См. Прав. Собес. 1878 г. апр.: Прологъ Ев. Іоанна.

(3) Генеалогіи Іис. Христа вмѣстѣ съ прологомъ Ев. Іоанна и прологомъ Ев. Луки составляютъ, такъ сказать, общее введеніе въ евангельскую исторію.

не осяжутъ его и обрящутъ, яко не далече отъ единаго коегождо насъ суща (Дѣян. XVII, 27). Примѣнительно къ этому, можно сказать, написаны и евангельскія родословія. Такъ родословіе ев. Матѳея, если бы мы даже и не знали, для кого предназначалось самое евангеліе, однимъ уже тѣмъ, что начинается съ Авраама и Давида, главнѣйшихъ предковъ еврейскаго народа (Быт. XXII, 18 и 2 Цар. VII, 12—13), ясно показываетъ, что въ краткомъ его перечнѣ представителей и носителей обѣтованій Божіихъ повторяется исторія избраннаго народа, исторія его приготовленія къ принятію Мессіи (1). Этимъ собственно только и можно объяснить, почему св. Матѳей въ родословіи Іис. Христа не выходитъ за предѣлы, какъ бы указанные самимъ Богомъ, а предлагаетъ усматривать обѣщаннаго Искупителя въ священномъ родѣ Авраама и Давида. „Поелику говоритъ іудеямъ, пишетъ Златоустъ, то излишнимъ считаетъ начинать родословіе съ древнѣйшихъ родовъ". Совсѣмъ другое мы видимъ въ родословіи ев. Луки. Это родословіе хотя также идетъ чрезъ Авраама и Давида, но оно восходитъ гораздо выше и доходитъ даже до родоначальника всѣхъ людей Адама. Въ исторіи человѣческой нельзя еще указать другаго подобнаго родословія, которое бы такъ точно и такъ далеко простиралось, какъ родословіе Іисуса Христа въ ев. Луки. Такъ какъ св. Лука писалъ свое евангеліе для христіанъ изъ язычниковъ (т. е. грековъ), по воззрѣнію которыхъ происхожденіе человѣчества покрыто непроницаемымъ мракомъ и у которыхъ ходили самыя нелѣпыя басни о первобытныхъ людяхъ, то онъ и предлагаетъ въ своемъ родословіи краткое, но истинное сказаніе

(1) Для христіанъ изъ іудеевъ, которыхъ имѣлъ въ виду первоначально св. Матѳей, безъ сомнѣнія, достаточно было перечислить имена главнѣйшихъ ихъ предковъ, чтобы напомнить имъ всѣ пророчества, которыя они знали и сами относили къ ожидаемому ими Мессіи. Иначе ему надобно было бы повторять всѣ почти ветхозавѣт. книги по частямъ.

о происхожденіи Іис. Христа (чудесное рожденіе котораго онъ описалъ выше въ гл. I и II), а вмѣстѣ съ Нимъ и всѣхъ людей отъ единаго человѣка, отъ единыя крови (мысль апост. Павла, см. Дѣян. XVII, 26), съ одной стороны для того, чтобы разсѣять прежнія, нелѣпыя языческія басни о первобытныхъ людяхъ, а съ другой и главнымъ образомъ — показать, что во Христѣ Іисусѣ, согласно обѣтованію, данному еще прародителямъ въ раю (Быт. III, 15), спасеніе открыто и предоставлено всему человѣческому роду, а не однимъ только іудеямъ (1). И дѣйствительно, смотря теперь на родословное дерево (2) Іис. Христа, мы на самомъ опытѣ видимъ уже то, что апост. Павелъ, въ послан. къ Римлян., объяснилъ въ утѣшеніе всѣхъ, бывшихъ нѣкогда язычниками. *Ты дивія маслина сый*, говоритъ онъ тамъ, *прищепился еси въ нихъ* (вѣтвяхъ естественныхъ), *и причастникъ корене и масти масличныя сотворился еси* и проч. (Рим. XI, 17).

Что св. Матѳей помѣстилъ родословіе Іис. Христа въ началѣ евангелія, — это понятно. Народъ іудейскій, для котораго онъ предназначалъ первоначально свое евангеліе, былъ по преимуществу народомъ генеалогическимъ, т. е. такимъ, который издавна имѣлъ и уважалъ родословныя записи (3) и который

---

(1) Мысль эта, составляющая отличительную черту всего евангел. Луки, сравнительно съ еванг. Матѳея, со всею ясностію и со всею полнотою раскрыта у ап. Павла въ его послан. къ Римлян. и Галатамъ.

(2) Родословное дерево І. Христа наглядно, въ лицахъ, изображено въ одномъ древнемъ печатномъ Евангеліи 1681 г., хранящемся въ Московск. Высоко—Петровскомъ монастырѣ. Копія съ этого родословн. дерева приложена въ Чтен. Общ. любит. дух. просвѣщ. 1871 г., при статьѣ объ упомянутомъ древн. Евангеліи.

(3) Въ книгѣ Бытія Моисей уже пишетъ родословіе Адама (V, 1 и дал.); въ кн. Исхода представляетъ родословіе роднаго ему колѣна Левіина (VI, 16—26). Въ кн. Руѳь помѣщено краткое родословіе Фареса до Давида (IV, 18—22); во 2-й кн. Паралипом. (гл. I—IV) сохранились родословные списки знатнѣйшихъ фамилій еврейск. народа, гдѣ читается и родословіе Давида (гл. III).

постоянно хвалился тѣмъ, что происходитъ отъ рода и сѣмени Авраамова (Матѳ. III, 9. Іоан. VIII, 33). Не такъ легко, повидимому, понять, почему св. Лука въ своемъ евангеліи помѣстилъ родословіе І. Христа между крещеніемъ и искушеніемъ Его? По мнѣнію Гольцмана (¹), онъ поступилъ такъ потому, что не нашелъ для него другаго болѣе приличнаго мѣста. Но это объясненіе было бы хорошо въ томъ случаѣ, если бы евангеліе Луки представляло какую нибудь переработку, а не самостоятельное твореніе извѣстнаго писателя.

Между тѣмъ св. Лука самъ указываетъ намъ путь къ рѣшенію этого вопроса въ первыхъ словахъ 23-го стиха: *и той бѣ Іисусъ*. Этимъ выраженіемъ онъ, вопервыхъ, обращаетъ особенное вниманіе читающаго на Лице Іисуса Христа, а во вторыхъ ясно даетъ понять, что крещеніе, о которомъ только что было говорено, есть одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ въ жизни Іис. Христа; съ этого времени Онъ является уже не тѣмъ, чѣмъ казался прежде. Торжественное свидѣтельство Бога Отца: *Ты еси Сынъ Мой возлюбленный* (Лук. III, 22) вывело Его какъ бы изъ подъ спуда и явило міру, доселѣ ничего не вѣдавшему о Немъ.

Съ этого времени Іис. Христосъ во всемъ своемъ величіи какъ божественный посланникъ и какъ *чаяніе* языковъ выступаетъ на дѣло общественнаго служенія роду человѣческому; съ этого времени Онъ поэтому самому и становится средоточнымъ лицемъ въ евангельскомъ повѣствованіи. Этотъ моментъ естественно былъ для евангелиста самымъ удобнымъ, чтобы изложить Его родословіе. Такъ точно поступилъ и писатель книги Исходъ, помѣстившій родословную Моисея при вступленіи его въ общественное служеніе въ качествѣ посланника Божія и освободителя

(¹) Die synopt Evang. стр. 112.

народа еврейскаго отъ рабства египетскаго (Исх. VI, 4—26). Св. Лука, только что переступивъ чрезъ порогъ начинающагося новаго времени, еще какъ бы разъ так. образомъ бросаетъ общій взглядъ на все прошедшее и вкороткѣ повторяетъ его содержаніе въ этомъ документѣ, если можно такъ выразиться, который справедливо можно назвать сокращенной исторіей всего древняго человѣчества.

Входя дальше въ разсмотрѣніе евангельскихъ родословій, нельзя не обратить вниманія и на другія болѣе крупныя разности въ нихъ какъ между собою, такъ и съ родословіями ветхозавѣтными,— разности, которыя съ давнихъ поръ (съ 3-го вѣка) и доселѣ остаются предметомъ ученыхъ изслѣдованій. Разности эти заключаются главнымъ образомъ или въ пропускѣ лицъ, или въ замѣнѣ однихъ другими на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и тоже время (1).

Нѣкоторые изъ западныхъ ученыхъ изслѣдователей (2) въ новѣйшее время стали возводить эти разности на степень непримиримыхъ противорѣчій и на основаніи ихъ заподозрили не только подлинность генеалогій, но и самое происхожденіе Христа Спасителя по плоти отъ Давида и Авраама, отъ которыхъ, по обѣтованію Божію, долженъ былъ произойти истинный Мессія. По мнѣнію ихъ, генеалогіи Іисуса Христа просто были вымышлены послѣ жизни Его ближайшими послѣдователями или родственниками. Но прежде чѣмъ объяснить упомянутыя выше разности въ ге-

---

(1) Разности же такія, какъ напр. Матѳей вводитъ въ родословіе женскія лица, а Лука не упоминаетъ ни одной, или Матѳей ведетъ родословіе по нисходящей, а Лука по восходящей, оставляемъ безъ вниманія, такъ какъ подобныя разности не имѣютъ особеннаго значенія.

(2) Штраусъ въ сочинен.: Leben Jesu. Erst. Band. Zweif. cap. Jesu Davidische Abkunft; Ренанъ, популяризаторъ Штрауса, въ сочин.: La vie de Iesus и друг. раціоналисты; изъ древнихъ стоитъ упомянуть объ Юліанѣ богоотступникѣ и неоплатоническомъ философѣ Порфиріѣ (Hieronym. Comment. in Matthaeum), которые въ разногласіяхъ родословій евангельскихъ находили предлогъ къ нареканію на евангельскія сказанія.

неалогіяхъ и доказать ихъ подлинность и историческую достовѣрность, въ опроверженіе указаннаго мнѣнія, мы представимъ ту и другую генеалогію въ двухъ соотвѣтствующихъ столбцахъ и притомъ такъ, что члены родовъ, для большей ясности, и въ родословіи Луки расположимъ въ нисходящемъ порядкѣ.

Все родословіе Іисуса Христа можно раздѣлить на четыре части или періода, далеко впрочемъ не равныхъ по времени. Первый отъ Адама до Авраама, который передастъ одинъ Лука, обнимаетъ пространство времени въ двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ, второй, отъ Авраама до Давида,—въ тысячу лѣтъ; третій отъ Давида до плѣна вавилонскаго въ четыреста пятьдесятъ лѣтъ, и четвертый отъ плѣна до Христа, въ пятьсотъ пятьдесятъ лѣтъ.

Члены родословія перваго періода отъ Адама до Авраама, слѣдующіе: 1. Адамъ, Сиѳъ, Енось, Каинанъ. Малелеилъ, Іаредъ, Енохъ, Маѳусалъ, Ламехъ. 10. Ной, Симъ, Арфаксадъ, Каинанъ, Сала, Еверъ, Фалекъ, Рагавъ, Серухъ, Нахоръ. 20. Ѳара.

Члены родословія втораго періода, отъ Авраама до Давида, слѣдующіе: 1. Авраамъ, Исаакъ. Іаковъ, Іуда и братья его, Фаресъ и Зара отъ Ѳамари, Эсромъ, Арамъ. Аминадавъ, Наассонъ. 10. Салмонъ, Воозъ отъ Рахавы, Овидъ отъ Руѳи, Іессей. 14. Царь Давидъ.

Обѣ родословныя въ этомъ періодѣ совершенно сходны между собою.

Въ третьемъ періодѣ, отъ Давида до плѣна, напротивъ, и число членовъ неодинаково (у Матѳ. 14., а у Луки 19), и имена совершенно различныя отъ перваго до послѣдняго. Матѳей ведетъ родословіе чрезъ поколѣніе сына Давидова Соломона, а Лука чрезъ поколѣніе другаго его сына Наѳана.

Родосл. Матѳ.	Родосл. Лук.
1. Соломонъ отъ жены Урія, Ровоамъ.	1. Наѳанъ, Маттаѳай.

Авія,
Аса,
Іосафатъ,
Іорамъ,
Озія,
Іоаѳамъ,
Ахазъ,
10. Езекія,
Манассія,
Амонъ,
Іосія.
14. Іоакимъ.

Маинанъ,
Мелеай,
Еліакимъ,
Іонанъ,
Іосифъ,
Іуда,
Симеонъ,
10. Левій,
Матѳатъ,
Іоримъ,
Еліезеръ,
Іосія,
Иръ,
Елмодамъ,
Косамъ,
Аддій,
19. Мелхій.

Въ этомъ періодѣ, кромѣ видимаго разногласія евангелистовъ между собою, замѣчается еще разногласіе св. Матѳея съ ветхозавѣтнымъ свидѣтельствомъ. У евангелиста Матѳея за Іорамомъ слѣдуетъ Озія, тогда какъ по 4 кн. Цар. VIII, 24—26 и 1 Паралип. III, 11 извѣстно, что Іорамъ родилъ Охозію; Охозія родилъ Іоаса; Іоасъ родилъ Амассію; Амассія же родилъ Озію. Так. образомъ выходитъ, что св. Матѳей пропустилъ имена трехъ царей—Охозіи, Іоаса и Амассіи.

Четвертый періодъ, отъ плѣна вавилонскаго до Христа, у Матѳея, какъ и въ предыдущихъ двухъ, содержитъ 14 родовъ, а у Луки 23. Члены родовъ различны, за исключеніемъ двухъ—Салаѳіиля и Зоровавеля, которые въ одно время упоминаются обоими евангелистами.

Родосл. Матѳ.	Родосл. Лук.
1. Іехонія и братья его,	1. Нирій,
Салаѳіиль,	Салаѳіиль,
Зоровавель,	Зоровавель,
Авіудъ,	Рисай,

Еліакимъ,
Азоръ,
Садокъ,
Ахимъ,
Еліудъ,
10. Елеазаръ.
Матѳанъ,
Іаковъ,
Іосифъ мужъ Маріи,
14. Іисусъ Христосъ.

Іоаннанъ,
Іуда,
Іосифъ,
Семеій,
Маттаѳій,
10. Мааѳъ,
Наггей,
Еслимъ,
Наумъ,
Амосъ,
Маттаѳій,
Іосифъ,
Іаннай.
Мелхій,
Левій,
20. Матѳатъ,
Илій,
Іосифъ,
23. Іисусъ.

И въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ родословія евангелисты разногласятъ не только между собою, но и съ Ветхимъ Завѣтомъ. Такъ Зоровавель по Матѳею и Лукѣ сынъ Салаѳіиля, а по 1 кн. Паралимом. III, 18—19 ст. онъ называется сыномъ Фадаіи, брата Салаѳіилева; дальнѣйшихъ же членовъ, начиная по Матѳею, съ Авіуда, а по Лукѣ съ Рисая, ветхозавѣтн. писатели и сорсѣмъ, повидимому, не знаютъ.

Остановимся сначала на примиреніи кажущихся противорѣчій въ евангельскихъ родословіяхъ съ ветхозавѣтными свидѣтельствами.

Какъ объяснить прежде всего пропускъ въ родословіи Ев. Матѳея трехъ царей между Іорамомъ и Озіей?

Одинъ изъ ученыхъ седьмаго столѣтія, именно сирскій епископъ Георгій Аравитянинъ (1), высказалъ предположеніе, будто въ подлинникѣ еванг. Матѳея,

(1) У Assemani, Bibl. orient. II, стр. 160 и слѣд.

на еврейскомъ языкѣ, эти имена были, но что опустили ихъ и притомъ совершенно случайно переводчики (1), которые переводили еванг. Матѳея съ еврейскаго языка на греческій. Они, по мнѣнію упомянутаго епископа, вслѣдствіе сходства этихъ именъ въ греческомъ языкѣ, перескочили съ Охозіи (Οχοζειαν) на Озію (Οζειαν) и так. образомъ выпустили три имени, отъ чего образовалось и распространилось неправильное чтеніе между всѣми народами. Хотя это объясненіе находитъ себѣ оправданіе въ Ветх. Завѣтѣ. но нельзя сказать, чтобы оно было вѣрно, истинно, вопервыхъ потому, что подобные пропуски, по ошибкѣ глаза, какъ здѣсь, можно допустить развѣ отъ переписчика, который слѣдитъ только за буквами, но никакъ не отъ переводчиковъ, притомъ такихъ, трудъ которыхъ не уступаетъ по своему совершенству подлиннику; такъ какъ принятъ былъ въ церкви и распространился въ ней, какъ подлинное, самимъ евангел. Матѳеемъ написанное на этомъ языкѣ евангеліе. Во вторыхъ потому, что въ 17 стихѣ евангелистъ самъ ясно говоритъ, что въ его родословіи какъ отъ Авраама до Давида, такъ и отъ Давида до плѣна вавилонскаго, гдѣ сдѣланъ пропускъ, такъ еще и далѣе отъ плѣна вавилонскаго до Христа, вездѣ по 14 родовъ. Если же имена трехъ опущенныхъ царей прибавить къ имѣющимся, то во второмъ отдѣлѣ его родословія получится вмѣсто четырнадцати семнадцать, что, очевидно, будетъ противорѣчить показанію самого евангелиста (2). Существуетъ, напротивъ, другое болѣе правдоподобное объясненіе, по которому св.

---

(1) Сколько было переводчиковъ—одинъ или нѣсколько,—это еще вопросъ.

(2) На основаніи этого считаемъ не лишнимъ замѣтить, что г. Хвольсонъ слишкомъ поспѣшно и далеко не основательно сослался на Григорія епископа сирскаго въ подтвержденіе своего предположенія о такомъ же будто бы случайномъ поврежденіи текста въ XXVI гл. 17 ст. ев. Матѳея. См. Хр. чтен. 1875 г. Октяб. стр. 462.

Матѳей опускаетъ имена трехъ царей за то, что они принадлежали къ роду Ахава, по матери Охозіи царя,—къ такому роду, на который дважды произнесено было Богомъ проклятіе (3 Цар. XXI, 21. 4 Цар. IX, 7). Объясненіе это можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что ниже (ст. 17) самъ евангелистъ даетъ понять, что при исчисленіи родовъ, онъ имѣлъ въ виду численную соразмѣрность (симметрію) и что слѣдоват. могъ нѣкоторыя лица намѣренно опустить изъ родословія Спасителя. Если бы мы, впрочемъ, и не могли указать никакого побужденія для подобнаго пропуска въ родословной Спасителя, то и тутъ историческая достовѣрность остается выше всякаго сомнѣнія, такъ какъ каждый іудей могъ знать, что Озія, хотя и не сынъ Іорама, но происходитъ отъ него по прямой линіи и необходимо заставляетъ предполагать собою и отца, и дѣда, и прадѣда, т. е. Амассію, Іоаса, Охозію (1). А выраженіе *родилъ* такъ же могло быть употреблено, когда говорилось о дѣдѣ и прадѣдѣ въ отношеніи къ внукамъ и правнукамъ, какъ и слово отецъ прилагается къ дѣду (Быт. XXVIII, 13), прадѣду (Числ. XVIII, 1—2) и даже прапрадѣду (3 Цар. XV, 11. 24).

Затѣмъ болѣе важнымъ и труднымъ представляется кажущееся противорѣчіе евангельскихъ родословій съ писателемъ 1 кн. Паралипом. касательно Салаѳіиля.

По Матѳею и Лукѣ Зоровавель сынъ Салаѳіиля, а по кн. Паралипом. (1 Парал. III, 18—19) онъ признается сыномъ Фадаіи, брата Салаѳіилева, и слѣдовательно былъ не сыномъ, а племянникомъ послѣдняго. Но Зоровавель называется сыномъ Салаѳіиля не у Матѳея и Луки только, но и во многихъ другихъ мѣстахъ Ветх. Завѣта (1 Ездр. III, 2. V, 2. Неем. XII, 2. 2 Ездр. V, 5. Агг. I, 1. II, 3). Вѣроятно,

(1) См. Христ. чтен. 1864 г. Родосл. І. Христа. Срав. Curs Compl. sac. script. T. XXI, p. 372.

Зоровавель былъ сыномъ Салаѳіиля или по закону ужичества (1), или по усыновленію: въ томъ и другомъ случаѣ одно и тоже лице могло получить двоякое происхожденіе (Второз. XXV, 5—6. Числ. XXXVI, 8—9. XXXII, 41).

Что касается, въ третьихъ, того, что св. Матѳей называетъ сыномъ Зоровавеля Авіуда (ст. 13), а св. Лука—Рисая (27 ст.), которыхъ, повидимому, не знаетъ священ. историкъ Ветх. Завѣта (1 кн. Паралип.), то въ этомъ случаѣ являются намъ на помощь свидѣтельства другихъ писателей Ветх. завѣта, которыя указываютъ путь къ соглашенію св. Матѳея и Луки съ священ. историкомъ Ветх. Завѣта. Изъ нихъ ясно, что, или писатель 1 кн. Паралип. назвалъ не всѣхъ сыновъ Зоровавеля, или,—что нѣкоторые изъ нихъ, а быть можетъ и всѣ, носили по два имени. Ясно это изъ того, что писатель 2 кн. Ездр. (V, 5), кромѣ названныхъ въ 1 кн. Паралип. сыновъ Зоровавеля, говоритъ еще объ Іоакимѣ, котораго называетъ сыномъ Зоровавеля сына Салаѳіилева. Нельзя не предположить, что Іоакимъ этотъ имѣлъ еще другое имя и притомъ одно изъ названныхъ въ третьей главѣ 1 кн. Паралипом., потому что писатель 1 кн. Паралипом., повидимому, хочетъ перечислить всѣхъ сыновъ Зоровавеля, когда по перечисленіи замѣчаетъ, что ихъ было пять (ст. 20), а между тѣмъ не упоминаетъ объ Іоакимѣ, который признается сыномъ Зоровавеля въ пятой главѣ 2 кн. Ездры. Так. образ., вопросъ рѣшается легко на основаніи этихъ предположеній. Если одинъ изъ названныхъ у писателя 1 кн. Паралипом. сыновъ Зоровавеля носилъ еще имя Іоакима (2 Ездр. V, 5); то другой и третій изъ сыновъ

---

(1) По этому закону ближайшій родственникъ—ужикъ, въ большинствѣ случаевъ братъ умершаго или деверь (levir, отсюда левиратный бракъ) обязанъ былъ вступить со вдовою умершаго въ бракъ и возстановить ему сѣмя—потомство.

его, кромѣ именъ извѣстныхъ изъ 1 кн. Паралип., могли имѣть и другія имена—Авіуда и Рисая, которыя упоминаютъ евангел. Матѳей и Лука (1). При дальнѣйшемъ изчисленіи потомковъ Заровавеля Матѳей и Лука ведутъ родословіе Іис. Христа по двумъ родовымъ линіямъ—Авіуда и Рисая, которыя опустилъ писатель 1 кн. Паралип. (2), но которыя несомнѣнно хранились какъ въ памяти, такъ и въ фамильныхъ записяхъ (3) потомковъ Давида, изъ которыхъ и заимствовали ихъ евангелисты.

Противорѣчія, так. образ., между родословіемъ евангельскимъ и родословіемъ ветхозавѣтн. нѣтъ собственно никакого; есть только разногласіе, которое удобно примиряется, не бросая ни малѣйшей тѣни на достовѣрность евангельскихъ родословій.

Нѣтъ также, какъ увидимъ сейчасъ, противорѣчій у евангелистовъ и между собою, а есть опять только кажущееся разногласіе. Разногласіе это простирается отъ Давида до Салаѳіиля, у Матѳ. I, 6—12, чрезъ 16-ть поколѣній, а у Луки III, 27 — 36, чрезъ 20-ть. Въ Салаѳіилѣ и Зоровавелѣ евангелисты сходятся (Матѳ. I, 12. Лук. III, 27), но потомъ опять расходятся въ разныя стороны до Іосифа, мнимаго отца Іис. Христа (Матѳ. I, 18. Лук. III, 23).

Извѣстны три главныхъ мнѣнія или лучше три гипотезы для примиренія кажущихся здѣсь противорѣчій.

Первая, самая древняя, которая объясняетъ всѣ разногласія такъ называемымъ закономъ ужичества (Второзак. XXV, 5 и 6 ст.), извѣстна была уже Юлію африканскому (писателю 3-го вѣка), который и вос-

---

(1) См. Прав. Собес.: Опытъ объяснен. Еванг. Матѳ. 1865 г. стр. 171. Срав. Hug. Einl. 2 p. 271.

(2) Да и вообще нигдѣ въ свящ. книг. Вет. Зав. ни одно лице изъ этихъ двухъ родов. линій не встрѣчается.

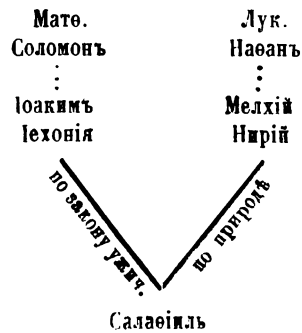
(3) Dav. Parei. Tom. XXI. Comment. Cap. 1. Можно еще читать въ такъ называемой Адамовой книгѣ на эѳіопск. языкѣ. См. Sepp. D. Leben. J. Chr. Der Adel Christi, p. 119, Anmerk. 34.

пользовался ею въ данномъ случаѣ. Вотъ подлинныя слова Юлія, взятыя Евсевіемъ изъ письма его къ Аристиду: „имена родовъ у Израиля, говоритъ онъ, исчислялись или по природѣ, или по закону, когда во имя брата, умершаго бездѣтнымъ, другой братъ рождалъ отъ жены его дѣтей. Поелику же изъ лицъ, въ родословіи Іис. Христа, нѣкоторые подлинно преемствовали отцамъ, какъ сыновья, а другія родившись отъ однихъ отцевъ, прозвались по инымъ: то въ евангеліяхъ упоминается о тѣхъ и другихъ,—и о родившихся отъ своего отца и какъ будто родившихся (отъ своего отца). Роды, произшедшіе отъ Соломона и Наѳана, *такъ переплелись между собою чрезъ стараніе обезсмертить бездѣтныхъ, чрезъ вторые браки и чрезъ возстановленіе сѣмени*, что одни и тѣже лица справедливо могли считаться дѣтьми разныхъ отцевъ, то мнимыхъ, то подлинныхъ (1).

Основываясь на этомъ предположеніи. легко, дѣйствительно, объяснить, почему напр. Салаѳіиль считается у Матѳея сыномъ Іехоніи, а у Луки сыномъ Нирія? Когда Іехонія умеръ бездѣтнымъ (4 Цар. XXIV, 7 и Іер. XX, 30), то жена его, говорятъ, по закону ужичества, сдѣлалась женою потомка Давидова чрезъ Наѳана, именно Нирія, и родила отъ него сына, Салаѳіиля, который по природѣ былъ сыномъ Нирія, а по закону сыномъ Іехоніи (2). Этотъ способъ

(1) Евсев. Истор. Церк. кн. 1. гл. 7. стр. 30—31.

(2) Наглядное объясненіе:



соглашенія разностей въ родословіяхъ евангельскихъ Юлій африканскій выдаетъ не за свою догадку или чье либо предположеніе, но за свидѣтельство самыхъ сродниковъ Спасителя по плоти. А такъ какъ этотъ способъ основанъ на законѣ, слѣдовательно взятъ изъ живой дѣйствительности (примѣровъ много въ Ветх. Завѣтѣ) и отличается простотою и наглядностію, то его держались, по замѣчанію Калмета, почти всѣ древніе толковники (1). При всемъ этомъ нельзя, однако, не замѣтить, что самъ Юлій африканскій не считалъ приведеннаго имъ способа примиренія неоспоримымъ во всѣхъотношеніяхъ. „Такъ ли оно было, или иначе, говоритъ въ заключеніе Юлій, но достовѣрно, что не легко было бы пріискать объясненіе родословныхъ болѣе удовлетворительное, нежели то, какое они мнѣ сообщили".

Другой способъ примиренія—не такъ древній сравнительно съ предыдущимъ—основывается на другомъ законѣ—законѣ о наслѣдствѣ (Числ. XXXVI, 8—9. 1 Паралип. II, 21—22. Неем. VII, 63), по которому взявшій за себя дочь умершаго отца вписывался въ потомство послѣдняго и считался сыномъ его. Такъ полагаютъ, что Салаѳіиль, сынъ Нирія, женившись на дочери Іехоніи, которая получила землю и наслѣдство, долженъ былъ вписаться въ потомство послѣдняго, а потому и считался по природѣ сыномъ Нирія, а по закону о наслѣдствѣ сыномъ Іехоніи.—Гипотеза

Зоровавель

Авіудъ Рисай

(1) Григорій Богословъ: Carm. *περι της τη Χριστη γενεαλογιας*; Ѳеофилактъ, Іоаннъ Дамаскинъ: Изложен. вѣры, гл. 14: о родословіи Господа.

эта по справедливому замѣчанію Ольсгаузена (1) идетъ не столько къ разрѣшенію трудностей въ родословіяхъ евангельскихъ, сколько къ объясненію факта путешествія пресвятой Дѣвы въ Виѳлеемъ (Лук. II, 4).

Въ послѣднее время распространилось и сдѣлалось едва ли не общепринятымъ еще одно объясненіе, которое, какъ увидимъ, отличается отъ предыдущихъ и большею легкостью, и большею основательностью. Новѣйшіе толковники (2) разногласіе между евангелистами объясняютъ тѣмъ, что Матѳей изложилъ родословіе Іосифа, а Лука—Маріи или вѣрнѣе отца ея Илія. Если въ самомъ дѣлѣ такъ, то понятно само собою, что для различныхъ лицъ—Іосифа и Маріи или отца ея Илія—необходимо должны быть и различныя родословія. Какое же основаніе для этого предположенія? Основаніе находится въ самомъ текстѣ евангельскомъ. Евангел. Лука выражается: *и былъ* (Іисусъ), *какъ думаютъ сынъ Іосифовъ* — ην... ων, ως ενομιζετο υιος Ιωσηφ.—Если Лука, говорятъ, сказалъ, что Іосифъ не истинный, а мнимый отецъ Іисуса, то поэтому уже самоту онъ долженъ былъ составить родословіе не Іосифа, а Маріи, Матери Христа, отцемъ которой былъ Илій, (3) иначе Іоакимъ, какъ онъ называется по древнему церковному преданію. Но сила доказательства заключается не въ томъ однако, что Іосифъ называется въ еванг. Луки мнимымъ отцемъ Іисуса, такимъ онъ собственно предстаѳляется и у еванг. Матѳея въ ст. 18—20, I гл. (4), а въ томъ

(1) Bibl. Comment 1 Band. p. 38.

(2) Rosenmülleri Schol. in. N. Test. Calmet: Dissert de genealog. Godet: Comment. z. D. Evang. d. Lucas. deutsch bearbeites v. Wunderlich. Hannover. 1872 г.

(3) По іудейскому преданію. См. Rosenmüll. Scholia.

(4) Нѣкоторые на основаніи этого мѣста доказываютъ наоборотъ, что св. Матѳей исчисляетъ предковъ Дѣвы Маріи, а св. Лука предковъ Іосифа (См. Прав. Собес. 1863 г. «Опытъ толкованія» стр. 184). Мало того. Хотятъ даже сдѣлать поправку въ чтеніи текста, именно: *Іаковъ же роди Іоакима отца Маріи*, вмѣсто: *Іаковъ же роди Іосифа мужа Маріи*. Настоящее чтеніе, по ихъ мнѣнію, будто бы вкралось въ текстъ по ошибкѣ переписчика. Но объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

главнымъ образомъ, что въ словахъ: *„какъ думаютъ сынъ Іосифовъ“*, предъ именемъ „Іосифъ“ въ подлинникѣ не достаетъ члена τοῦ. Между тѣмъ членъ этотъ стоитъ предъ всѣми прочими именами, находящимися въ генеалогіи. Стоитъ онъ также предъ каждымъ именемъ и въ родословіи ев. Матѳея. Только въ двухъ манускриптахъ Италійскомъ и подъ буквою G извѣстномъ находится членъ τοῦ и предъ именемъ Іосифъ; но весьма легко объяснить эту вставку въ упомянутыхъ манускриптахъ подражаніемъ слѣдующимъ выраженіямъ родословія,—это съ одной стороны; а съ другой было бы непонятно опущеніе члена во всѣхъ прочихъ древнихъ памятникахъ, если бы онъ стоялъ первоначально въ текстѣ. Вслѣдствіе отсутствія члена имя Іосифа получаетъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ какой имѣютъ всѣ другія имена, и само собою, такъ сказать, выпадаетъ изъ родословія. На основаніи этого можно смѣло заключить, что 1) самъ Лука не считалъ имени Іосифа необходимымъ членомъ родословія; 2) что генеалогія его начинается не съ Іосифа, а съ Илія. Но если Іосифъ не есть необходимый членъ родословія и если генеологія Луки начинается съ Илія, то требуется рѣшить еще одинъ весьма важный вопросъ: отъ чего зависитъ слово Иліевъ—τοῦ Ἡλι,—не зависитъ ли оно отъ непосредственно предъидущаго имени „Іосифъ„? Судя по аналогіи со всѣми другими именами, стоящими въ родительномъ падежѣ, изъ которыхъ каждое послѣдующее несомнѣнно зависитъ отъ предыдущаго, можно заключать и такъ; только тогда придется признать Илія отцемъ Іосифа, а признавши Илія отцемъ Іосифа, мы должны будемъ принять и объясненіе, предлагаемое Юліемъ африканскимъ, т. е., что Лука, какъ и Матѳей, излагаетъ генеалогію Іисуса Христа чрезъ родовую линію Іосифа. Но это объясненіе, какъ мы видѣли, несогласимо съ отсутствіемъ члена предъ именемъ „Іосифъ“. Если бы св. Лука начиналъ родословіе съ Іосифа, то имя это онъ непремѣнно долженъ былъ бы отличить, отмѣтить опредѣ-

лительнымъ членомъ τϑ. Не зависитъ ли имя Иліевъ—τϑ Ἡλι—отъ слова сынъ—υιος? При общепринятомъ чтеніи, гдѣ слова сынъ Іосифовъ составляютъ какъ бы одно выраженіе, это трудно допустить. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно слово *сынъ* мыслить себѣ отдѣльно отъ слова Іосифъ, съ которымъ оно такъ тѣсно соединено? При этомъ чтеніи ничего не остается другаго, какъ принять такое пониманіе этого выраженія: *и былъ, какъ полагаютъ, сынъ Іосифовъ, но произошелъ отъ Илія;* только *сый*—ων—не можетъ имѣть здѣсь въ одно и тоже время двухъ значеній: *онъ былъ*, именно сынъ, и: *онъ произошелъ*, именно отъ Илія. Совершенно будетъ другое, если мы примемъ александрійское чтеніе, которому можно отдать на этотъ разъ предпочтеніе. Здѣсь слово сынъ—υιος—стоитъ непосредственно послѣ ων—сый и отдѣлено отъ имени Іосифъ вводнымъ предложеніемъ ως Ἐνομιζετο— *какъ полагаютъ.*—Точный смыслъ настоящаго стиха по этому чтенію будетъ такой: и былъ сынъ, какъ полагаютъ, Іосифовъ, на самомъ же дѣлѣ Иліевъ—τϑ Ἡλι. Вотъ почему св. Лука имя Илія, какъ первое звено въ генеалогической цѣпи, и отмѣчаетъ членомъ. Такъ. образомъ, болѣе точное изслѣдованіе текста снова приводитъ къ тому заключенію, что св. Лука излагаетъ родословіе Іисуса Христа по родовой линіи Илія, отца пресвятой Дѣвы Маріи. Здѣсь, повидимому, одно еще остается непонятнымъ: почему евангелистъ не называетъ пресвятой Дѣвы по имени, а переходитъ прямо отъ Іисуса Христа къ Его дѣду? Но отвѣтить на это не трудно. У древнихъ было не въ обычаѣ, считалось даже неприличнымъ вводить мать, какъ члена, въ генеалогію. У грековъ сынъ извѣстенъ былъ по отцу, а не по матери; также и у іудеевъ, у которыхъ даже составилась такая поговорка: genus matris non vocatur genus (¹). Поэтому обычай называть внука

(¹) Baba bathra, 110, a.

сыномъ дѣда своего считался самымъ естественнымъ и вполнѣ историческимъ, Примѣровъ на это мы имѣемъ много въ Ветхомъ Завѣтѣ. И если прежде этотъ обычай находилъ себѣ примѣненіе, то въ настоящемъ случаѣ уклониться отъ него значило бы сдѣлать исключеніе. Первыя главы евангелія не оставляютъ мѣста никакому сомнѣнію въ этомъ отношеніи. Замѣчательно, что и Талмудъ называетъ Марію, мать Іисуса Христа, дочерью Илія (1). Если іудейскіе ученые заимствовали этотъ взглядъ изъ текста еванг. Луки, что еще требуется доказать, то, значитъ, они понимали его такъ, какъ мы; если же-изъ преданія, то показаніе Луки, какъ совершенно согласное съ нимъ, подтверждаетъ подлинность того источника, которымъ онъ пользовался (2). Такимъ образомъ, повторяемъ еще разъ, предположеніе, что евангел. Лука исчисляетъ предковъ Дѣвы Маріи или отца ея Илія, не только не заключаетъ въ себѣ никакихъ несообразностей, напротивъ находитъ подтвержденіе и въ текстѣ, и въ преданіи, почему и можетъ быть принято какъ самое достовѣрное (3). При этомъ предположеніи, что особенно важно для насъ, оказывается несомнѣннымъ происхожденіе Іисуса Христа отъ Давида какъ по мнимому отцу, такъ и по матери. То обстоятельство, что Дѣва Марія была родственницею Елисаветы, жены Захарія, происходившихъ отъ свя-

---

(1) Chagig 74, 4. Имена: Илій, Эліакимъ и Іоакимъ, надо замѣтить, у іудеевъ были однозначущими. См. Calmet, dissertatio de genealogia.

(2) О родствѣ Іис. Христа съ царскою фамиліей См. Sanhedrin, 43.

(3) Этого мнѣнія изъ нашихъ богослововъ держались Филаретъ митропол. Москов., Библ. истор. стр. 476. Игнатій, архіеп. Донск. и Новочеркаск. см. 1 бес. его въ недѣлю предъ Рожд., стр. 8. Спб. 1846 г. А. В. Горскій См. Еванг. Истор. въ Твор. Св. Отц. 1880 г. Кн. 1, стр. 68, прим. 5. Возраженіе, что родословіе Илія или Іокима по Наѳанову поколѣнію говоритъ противъ исполненія Божіихъ обѣтованій данныхъ Соломону (2 Цар VII. 12. XII. 25), не имѣетъ никакого значенія; такъ какъ роды, произшедшіе отъ Соломона и Наѳана нѣсколько разъ переплелись между собою вторичными браками и представляли изъ себя собственно одинъ родъ или домъ Давидовъ.

ценническаго рода Ааронова, слѣдоват. колѣна Левіина, а не Іудина, блаж. Августинъ (1) объясняетъ тѣмъ, что вѣроятно кто нибудь изъ предковъ св. Маріи, колѣна Іудина, вступилъ въ родство съ семействомъ колѣна Левіина (2). Да по обычаямъ іудейской церкви св. Дѣва и не могла быть обручена Іосифу, если бы не происходила изъ одного и того же съ нимъ рода и племени, а равно и усыновленіе Іосифомъ рожденнаго Маріею сына было бы не возможно (3).

Итакъ мнимое разногласіе евангелистовъ между собою и съ ветхозавѣтн. свидѣтельствами только яснѣе выставляетъ ихъ правдивость, отнимая у злонамѣренной критики всякую возможность придраться хоть къ тому, что въ боковыхъ линіяхъ родъ Давидовъ часто распадался на вѣтви, между которыми, со временемъ, нельзя было бы отыскать ихъ общаго происхожденія. Напротивъ, по какой изъ вѣтвей не вести родословную Іис. Христа, прямое происхожденіе Его изъ рода и племени Давидова одинаково не оспоримо. „Нужно удивляться, говоритъ одинъ изъ западн. богослововъ (4), божественному Провидѣнію, которое

---

(1) In Quaest. 47 in lib. iud.

(2) Точно также не можетъ имѣть значенія при единогласномъ свидѣтельствѣ преданія и то, что въ такъ называемомъ завѣтѣ 12-ти патріарховъ (См. Fabric. Cod. Pseudepigraph. V. T.) говорится, что Мессія долженъ произойти отъ колѣна Іудина и Левіина вмѣстѣ, на основаніи чего нѣкоторые (маниxеи) и приписывали Іосифу происхожденіе отъ Іуды, а Дѣвѣ Маріи—отъ колѣна Левіина. Впрочемъ, въ первые уже вѣка христіанства, именно не позже 4-го вѣка, когда мнѣніе маниxеевъ о левитскомъ происхожденіи Маріи было еще въ силѣ и пользовалось авторитетомъ, явилось апокрифическое евангеліе «о рожденіи Маріи» съ цѣлію опровергнуть это ложное мнѣніе. Псевдоевангелистъ прибѣгаетъ къ авторитету евангелиста Матѳея, который научилъ признавать происхожденіе Маріи отъ Давида и его апостольскимъ авторитетомъ подтверждаетъ ученіе и преданіе церкви о рожденіи и дѣтскомъ возрастѣ св. Дѣвы.

(3) Евсев. Церк. Ист. I, гл. 6. стр, 25 и 7 гл. стр. 28—33.

(4) См. Земная жизнь Іис. Хр. Ците. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. Орды. Кіевъ 1867 г. стр. 63.

распорядилось такъ, что въ продолженіи четырехъ тысячъ лѣтъ (по западному лѣтосчисленію), въ прямой линіи отъ отца къ сыну, безошибочно и безостановочно продолжалось родословіе Іис. Христа, и что у членовъ этого родословія была опредѣленная нить, по которой они во множествѣ поколѣній, на которыя распадался каждый родъ, могли найти тотъ членъ, которому назначено было продолжать собою родословіе. Этою нитью была твердая надежда, что въ потомствѣ Авраама и Давида долженъ родиться Мессія.“ Послѣ всего этого нелѣпо думать, что евангельскія родословія вымышлены нарочно кѣмъ-то послѣ жизни Іис. Христа.

Но кромѣ всего сказаннаго выше въ опроверженіе этого ложнаго мнѣнія, мы имѣемъ рядъ другихъ еще болѣе твердыхъ доказательствъ, которыя ни въ какомъ уже случаѣ не допускаютъ и мысли о какомъ либо подлогѣ въ родословіяхъ. Это — во-первыхъ—многочисленные списки родословныхъ, хранившіеся у іудеевъ со всею тщательностію въ общественныхъ архивахъ и въ частныхъ домахъ до самаго разрушенія Іерусалима; во вторыхъ, ясныя указанія христіанскихъ и другихъ писателей древности на евангельскія родословія, какъ на подлинные памятники, а отнюдь не вымышленные.

1) Обычай вести родословныя и хранить ихъ со всею тщательностію былъ не у однихъ іудеевъ, но и у другихъ восточныхъ народовъ ([1]); у іудеевъ только этотъ обычай былъ гораздо сильнѣе; кто знакомъ съ исторіей этого народа, тотъ знаетъ, какую важность ([2]) придавали они своимъ родословнымъ записямъ; послѣднія стояли у нихъ въ самой тѣсной связи съ ихъ внутреннимъ образомъ жизни какъ граж-

([1]) Геродотъ II, 91. 143. Діодоръ IV, 14. Павзаній I, 11 и друг. См. Sepp. Das Leben J. Chr. 1. B. p. 119—123. 1854 г. Regensburg.

([2]) Іосифъ Флав. Apion. 1, 7 и Талмудъ.

данской, такъ и церковной (Лев. XXV, 9 и слѣд.). Мысль, что Мессія долженъ произойти только отъ нихъ, какъ избраннаго народа, и притомъ отъ извѣстнаго племени, побуждала ихъ постоянно обращаться къ своимъ родословнымъ и повѣрять ихъ. Такъ по выходѣ изъ Египта, у нихъ тотчасъ же происходитъ перепись родовъ; по переселеніи въ Вавилонъ и изъ Вавилона прежде всего дѣлается тоже. Кто не могъ бы доказать когда либо родства своего въ извѣстномъ племени, тотъ лишался правъ племени. Значительныя части Библіи, наприм. Чиселъ, Царствъ, Паралипомен., Ездры, даже цѣлыя книги, наприм. книга Руѳи, состоятъ изъ такихъ перечисленій. Съ какою заботливостію іудеи старались исправить свои родословныя послѣ плѣна, ясно можно видѣть изъ 1 кн. Ездр. II. 62 и Неем. VII, 64—65. Еще одинъ фактъ. Когда Августъ наканунѣ, такъ сказать, рожденія Спасителя повелѣлъ сдѣлать перепись по всей землѣ (Лук. II, 1 и дал.) и когда всѣ пошли записываться, каждый въ свой городъ, то пошелъ и Іосифъ съ Маріей въ отечественный свой городъ—Виѳлеемъ, неся съ собою свои древнія записи, безъ чего ихъ, ни того, ни другую, не записали бы въ славномъ родѣ Давида. Не обличаютъ ли эти факты противниковъ евангельскихъ родословій въ совершенномъ незнаніи общественнаго быта іудеевъ въ ту эпоху, когда родословныя Іисуса записаны были евангелистами? Кажется, такъ. Но они стараются оправдать свое мнѣніе сказаніемъ Юлія африканскаго (1) объ Иродѣ, который будучи самъ незнатнаго рода, изъ зависти къ семействамъ знаменитыхъ родовъ, велѣлъ истребить всѣ хранившіяся въ архивахъ родословныя записи іудеевъ. Между тѣмъ самъ Юлій непосредственно послѣ этого извѣстія о распоряженіи Ирода замѣчаетъ, что не смотря на такое повелѣніе со стороны Ирода, нѣкоторые роды и

(1) См. Евсев. Церк. Истор. Кн. 1. гл. 7.

въ томъ числѣ сродники Спасителя по плоти, „деспосины,“ какъ ихъ тогда называли, сохранили свои родословныя записи ([1]). Съ другой стороны, Іосифъ Флавій, писатель очень близкій ко времени, о которомъ говоритъ Юлій африканскій, и болѣе знакомый съ бытомъ іудейскаго народа, не только не упоминаетъ объ истребленіи родословныхъ, но и прямо свидѣтельствуетъ о существованіи ихъ въ его время ([2]). Правда, что во времена Юлія африканскаго были многія іудейскія фамиліи безъ полныхъ родословныхъ записей; но это уже было слѣдствіемъ разрушенія іудейскаго царства и разсѣянія іудеевъ, а не слѣдствіемъ истребленія записей при Иродѣ. Извѣстно, что іудеи позднѣйшаго времени имѣли обыкновеніе во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ обвинять Ирода. Извѣстно также, что іудейскіе раввины въ первые вѣка, стараясь заподозрить достовѣрность евангельскихъ сказаній, придумывали для этого небывалые факты, указывали между прочимъ на родословія у евангелистовъ и говорили, что они не могли быть составлены согласно съ историческими показаніями, потому что записи родословныя истреблены Иродомъ. Юлій африканскій могъ или по ошибкѣ раздѣлять убѣжденія современныхъ ему іудеевъ касательно истребленія родословныхъ записей, или онъ могъ передать только ихъ мнѣніе ([3]).

2) Другимъ ручательствомъ за то, что евангельскія родословія отнюдь не вымышленные, а подлинные памятники, служатъ, какъ мы сказали выше, ясныя указанія на нихъ христіанскихъ писателей древности, а также и другихъ.

Изъ христіанскихъ писателей православной церкви сошлемся на мужей апостольскихъ — свят. Игнатія Богоносца и св. Іустина мученика.

([1]) Ibid.

([2]) Iosivъ Флав. Contr. Apion. 1, 17.

([3]) См. въ Прав. Собес. Опытъ объяснен. на св. ев. отъ Матѳ. гл. 1-я. Примѣч. 3 къ 1 ст. стр. 163.

Св. Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Римлян. въ гл. VII говоритъ, что „Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, (по плоти) родился въ послѣднее время отъ сѣмени Давида и Авраама.“ Подобн. образомъ онъ выразился и въ послан. къ Ефесян., въ двухъ мѣстахъ, гл. XVIII и XX; и въ послан. къ Тралліанамъ, гл. IX, и къ Смирнян., гл. I, еще точнѣе: „Іисусъ Христосъ, говоритъ онъ, по плоти истинно произошелъ изъ рода Давидова отъ Маріи.“

У св. Іустина мученника встрѣчаемъ еще болѣе мѣстъ, доказывающихъ подлинность и историческую достовѣрность евангел. родословій. Такъ въ разговорѣ съ Трифономъ, въ LXXXVIII гл., читаемъ мѣсто ясно указывающее на 23 ст. III гл. евангелія Луки: „и пребывалъ (Іисусъ) тридцать лѣтъ, больше или меньше, пока не пришелъ напередъ Іоаннъ вѣстникомъ Его пришествія... Его почитали сыномъ Іосифа плотника“ (1).

Въ слѣдующихъ же нѣсколькихъ мѣстахъ, онъ, какъ и св. Игнатій, ясно указываетъ на родословіе еванг. Матѳея, именно въ CXX гл. (разговора съ Трифоиомъ) говорится: „ибо отдѣляется сѣмя отъ Іакова и происходитъ чрезъ Іуду, Фареса, Іессея и Давида.“ Еще тутъ же въ C гл.: „мы признаемъ Его (Христа) сыномъ патріарховъ, потому что Онъ воплотился отъ Дѣвы изъ ихъ рода, и благоволилъ сдѣлаться человѣкомъ, безъ вида и славы страждущимъ.... Онъ назвалъ Себя сыномъ человѣческимъ, или потому что родился отъ Дѣвы, происходившей, какъ я сказалъ, изъ рода Давида, Іакова, Исаака и Авраама, или потому, что самъ Авраамъ былъ отцемъ Его и изчисленныхъ мужей, отъ которыхъ Марія ведетъ свое происхож-

(1) Есть подобное мѣсто у Мелитона, епископа Сардійскаго, въ его сочиненіи «о воплощеніи Христовомъ», которое въ подлинникѣ читается такъ: Христосъ показалъ *την ανθρωποτητα αυτη εν τοις τριακοντα χρονοις τοις προτη βαπτισματος, εν οις... απεκρυβη τα σημεια.*

деніе.“ Подобнымъ образомъ выражается въ гл. XXIII (1), XLIII (2) и XLV (3).

Есть у св. Іустина и въ другомъ его сочиненіи, именно въ первой апологіи, очень важное мѣсто, свидѣтельствующее о знакомствѣ его съ родословіемъ Іисуса Христа, именно въ гл. XXXII онъ такъ пишетъ: „ибо Онъ (Христосъ) силою Божіею родился отъ Дѣвы, происходящей отъ сѣмени Іакова отца Іуды, который былъ, какъ сказали мы выше, праотцемъ іудеевъ, и Іессей, по слову пророческому, былъ Его прародитель, и сынъ Іакова и Іуды, согласно съ преемствомъ родовъ.“

Но не только у православныхъ, есть указаніе на родословіе Іис. Христа и у еретиковъ. Такъ, имѣли его, по словамъ св. Епифанія (4), еретики Керинѳъ и Карпократъ; кромѣ ихъ имѣли еще Клеобулъ, Клавдій, Демасъ и Гермогенъ (5), которые, какъ извѣстно, не были послѣдователями Керинѳа и Карпократа. Наконецъ можно сослаться на язычника Цельса, который также зналъ, что Іис. Хр. происходилъ изъ царскаго іудейскаго рода и знакомъ былъ даже съ Его генеалогіей (6).

Приведенныхъ свидѣтельствъ, кажется, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ подлинности и исто-

---

(1) «Сынъ Божій Іисусъ Христосъ родился безъ грѣха отъ Дѣвы изъ рода Авраамова».

(2) «Сынъ Божій Христосъ по волѣ Отца родился отъ Дѣвы изъ рода Авраамова, отъ племени Іуды и Давида».

(3) «Христосъ Сынъ Божій благоволилъ воплотиться и родиться отъ Дѣвы изъ рода Давидова».

(4) Епифан. ересь 30. гл. 14: «ибо Керинѳъ и Карпократъ родословіемъ въ началѣ Евангелія отъ Матоея хотятъ доказать, что Христосъ отъ сѣмени Іосифова и Маріина». 1863 г. часть 1-я, стр. 236—237. Русск перев. Москва.

(5) См. Епифан. ер. 51, гл. 6. Русск. перев. Моск. 1864 г. ч. 2. стр. 347.

(6) Celsus (Orig. 2, 32): *φησιν... απηνθαδησθαι τους γενεαλογησαντας απο της πρωτης φυτος και των εν Ιουδαιοις βασιλεων τον Ιησουν.*

рической достовѣрности евангельскихъ родословій; иначе подлогъ ихъ давно былъ бы замѣченъ и доказанъ; но ни у одного изъ свидѣтелей на это нѣтъ никакого и намека. Тотъ фактъ, что родословій не доставало въ древнѣйшихъ евангеліяхъ назореевъ (1), евіонеевъ (2) и въ евангеліи Маркіона, изъ которыхъ первыя два считаются родственными нашему евангелію Матѳея, а послѣднее нашему евангелію Луки,—этотъ фактъ ничего не говоритъ въ пользу предполагаемой неподлинности и недостовѣрности генеалогій Іис. Христа, хотя нѣкоторые изъ западныхъ ученыхъ и желали имъ воспользоваться (3). Извѣстно, что какъ Маркіонъ, такъ и евіонеи имѣли ложное понятіе объ Іисусѣ Христѣ: они считали Его простымъ человѣкомъ. Вотъ и причина, почему у нихъ съ нѣкоторыми другими мѣстами было выпущено родословіе Іис. Христа, говорящее сколько о естественномъ, столько же и о сверхъестественномъ рожденіи Спасителя, а не потому, чтобы они считали, какъ думаетъ Ренанъ (4), родословіе вымышленнымъ кѣмъ либо, или не признавали его подлинности. Понятно, что слѣдовать такимъ авторитетамъ совершенно неосновательно и крайне несправедливо. Впрочемъ самъ Бауръ на этотъ разъ оказался непослѣдовательнымъ. Отвергнувъ въ слѣдъ за евіонеями подлинность родословія въ еванг. Матѳея, онъ признаетъ однако подлинность родословія въ ев. Луки, не смотря на то, что Маркіонъ отрицаетъ.

---

(1) Епифан. ер. 29, 9.

(2) Ibid. ер. 30, 14.

(3) Какъ въ еванг. Луки Бауръ по примѣру Маркіона опустилъ двѣ первыхъ главы, такъ и въ ев. Матѳея онъ опускаетъ по примѣру евіонеевъ не одно родословіе, а цѣлыхъ двѣ главы (см. Епифан. 30, 14). Опроверженіе возраженій Баура противъ подлинности первыхъ двухъ главъ въ ев. Матѳея можно читать въ Прав. Обозрѣн. 1873 г., втор. полуг. Стр. 27—40.

(4) La vie de Jesus.

Познакомившись вообще съ родословіями Іис. Христа въ евангел. Матѳея и Луки, остановимся теперь и на нѣкоторыхъ частностяхъ въ нихъ (1).

Начнемъ съ родословія еванг. Матѳея. Родословіе это распадается на три отдѣла: съ Авраама до Давида (2—6 ст.); съ Давида до плѣна вавилонскаго (7—11 ст.) и съ плѣна вавилонскаго до Христа (12—16 ст.); первый стихъ служитъ вступленіемъ, а послѣдній—заключеніемъ.

Ст. 1. *Книга родства Іисуса Христа, Сына Давидова, сына Авраамля.*

Первое выраженіе: *Книга родства Іисуса Христа — βίβλος γενεσεως Ιησ Χριστ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ (2), служитъ какъ бы общимъ заглавіемъ, въ которомъ указывается главный предметъ и главное содержаніе всего евангелія, и это не неосновательно: потому что все, что повѣствуетъ евангелистъ объ Іисусѣ Христѣ, заключается въ родословіи, какъ въ корнѣ или въ началѣ. „Всего изумительнѣе, выше всякой

---

(1) Пособія для толкованія родословій: Jansenius. Comment in s. Evangelia. T. prim. 1825 г. Curs. compl. Sacrae Scripturae. Olshausen, Bibl. Comment. erst. Band. 1830 г. Glöckller, Die Evangel d. Matth., Mark et Lukas. Frankf. 1834 г. Mauduit, L'Evangile analyse selon l'ordre historique... T. 1. Paris. 1843 г. Rigler, Das Leben Jesus Christus in Harmonie d. Vier Evangel. Erst. B. Bamberg. 1843 г. Ebrard, Wissenschaft. Kritik. § 43. Die Genealogien. J. Maldonatus, Comment in quatuor Evangel. T. 1. 1853 г. Heinr. Ewald, Die Bücher d. N. Test. Erst. Th. Die drei erst. Evang. u. die Apostelgesch. Erst Hälfte. Gottingen. 1871 г. Godet, Comment. z. d. Evang. d. Lukas. 1872 г. Hofmann, Die heil. Schrift neuen Test. Acht. Th. Erst. Abth. Das Evang. d. Lukas. Nordlingen. 1878 г. и мн. др. На русскомъ языкѣ: Толков Евангел. архим. Михаила отъ Матѳея и отъ Луки. «Учебное руководство къ чтенію евангелій Д. Боголѣпова. Христ. чтеніе 1864 г. часть третья: Родословіе Господа. Прав. Собесѣдн. 1865 г. часть вторая: Опытъ объясненія на св. Еванг. отъ Матѳея, гл. I. ст. 1—17. Евсевія Самарск. Бесѣды на воскр. и праздничн. Евангел. часть 2-я Москва-1855 г. Игнатій, архіеп. донск. и Новочеркаск. Рождество Господа І. Хр. Бесѣды. Спб. 1846 г. Херсонск. епарх. вѣдом. 1879 г. № 13 и 14. Родословіе Госп. нашего Іис. Хр. Гэтэ, опроверженіе на выдуманную жизнь І. Хр Ренана и друг.

(2) August. Lib. 2 Contr. Faust. cap. 6.

надежды, говоритъ Златоустъ (1), что Богъ сталъ человѣкомъ. А когда сіе совершилось, все, что затѣмъ ни послѣдовало, и понятно, и естественно.“ Прямѣе и лучше однако разумѣть подъ этимъ выраженіемъ сказаніе, запись о происхожденіи Іисуса Христа по плоти, или Его генеалогію, подобно тому какъ въ 4 ст. II гл. книги Бытія выраженіе: *сія книга бытія небесе и земли*, означаетъ описаніе происхожденія неба и земли. Въ значеніи перечня или записи употребленно это выраженіе предъ исчисленіемъ родовъ отъ Адама въ V гл. 1 ст. кн. Бытія: *сія книга бытія человѣча—βίβλος γενεσεως ανθρώπων*. Слово *βιβλος*—книга—употреблено въ значеніи записи или перечня у св. апост. Павла (Филип. IV, 3), а *γενεσις* въ значеніи рода или происхожденя — въ книгѣ Исхода (VI, 24) и Числ. (I, 18).

Имя *Іисусъ* есть личное имя, по еврейски Іешуа,—значитъ Богъ Спаситель или просто Спаситель, имя довольно обыкновенное у іудеевъ. Здѣсь въ приложеніи ко Христу оно имѣетъ особенное значеніе, выражаетъ понятіе совершеннаго Имъ дѣла спасенія рода человѣческаго (см. ст. 21). Нарицательное имя *Христосъ* есть собственно греческое и значитъ *помазанный* (2),—тоже, что еврейское Машіахъ—Мессія, почему Іисусъ и называется то Христомъ, то Мессіей, что все равно. „Въ имени Христа, по словамъ св. Иринея, подразумѣвается помазавшій и помазанный и самое помазаніе, которымъ Онъ помазанъ. Помазалъ Отецъ, помазанъ же Сынъ посредствомъ Духа, который есть помазаніе, какъ чрезъ Исаію говоритъ Слово: „Духъ Божій на Мнѣ, потому что Онъ помазалъ Меня (LXV, 1), обозначая и помазующаго Отца и по-

---

(1) Въ толкованіи на Евангеліе Матѳея.

(2) Помазаннымъ у евреевъ называли царей, первосвященниковъ, а иногда и пророковъ, такъ какъ ихъ помазывали елеемъ (Лев. IV, 3. 5. 16 и др. Псал. CIV, 15. II, 2. Ис. XLV. 1 и др.).

мазаннаго Сына и помазаніе, которое есть Духъ“ (1).

Сына Давидова, сына Авраамля. Происхожденіе Іис. Христа отъ Давида и Авраама было первымъ и самымъ важнымъ въ глазахъ каждаго іудея критеріемъ Его мессіанскаго достоинства; при множествѣ самыхъ поразительныхъ доказательствъ мессіанскаго достоинства Іисуса Христа во время Его земной жизни, каковы были Его чудеса и божественное, невольно приводившее каждаго въ изумленіе, Его ученіе, одного сомнѣнія въ происхожденіи Спасителя отъ Давида достаточно было для того, чтобы на мѣсто уже начинавшейся вѣры въ Іисуса, какъ Мессію, стало полное невѣріе (Іоан. VII, 41. 42. 52). Всякій іудей, какъ скоро была рѣчь о мессіанскомъ достоинствѣ Іисуса, прежде всего спрашивалъ: отъ кого Онъ происходитъ? Апостолы въ своихъ устныхъ рѣчахъ и писаніяхъ для возбужденія вѣры въ Іисуса, какъ Мессію, часто указывали преимущественно на Его происхожденіе отъ Давида (Дѣян. II, 22—30. Римл. I, 3. 2 Тим. II, 8. Апок. XXII, 16). И евангелистъ Матѳей, если имѣлъ цѣлію, какъ утверждаетъ вся христіанская древность, доказать іудеямъ въ своемъ евангеліи мессіанское достоинство Іисуса, могъ начать его не иначе, какъ словами: „Іисусъ — Мессія сынъ Давидовъ, сынъ Авраамовъ.“ Сыномъ Давида и Авраама евангелистъ называетъ Іисуса Христа въ смыслѣ общемъ, т. е. въ смыслѣ потомка, каковымъ Іисусъ Христосъ и былъ, согласно обѣтованію Божію (Быт. XII, 1 и слѣд. XXII, 18. Гал. III, 17. 2 Цар. VII, 12. 1 Паралип. XVII, 11. Псал. LXXXVIII, 4. CXXXI, 11. Ис: XI, 1 и др.). Назвалъ Іисуса Христа прежде сыномъ Давида, вѣроятно, потому, что обѣтованіе послѣднему было новѣе, относилось не ко всей націи іудейской, какъ это было въ обѣтованіи Аврааму и ни къ одному изъ двѣнадцати колѣнъ, какъ

(1) Книга III противъ ересей, гл. XVIII Русск. перев. Москва, 1868 г. стр. 364.

это было въ обѣтованіи Іудѣ, но частнѣе, — относилось къ дому Давида, имя котораго было Ему усвоено. (Іерем. XXX, 9. Іезек. XXXIV, 24. XXXVII, 24). Такъ. образомъ, евангелистъ, назвавъ Іисуса Христа прежде всего сыномъ Давида, хотѣлъ этимъ показать іудеямъ, что онъ говоритъ о томъ именно Христѣ, котораго они ожидали, какъ сына Давида и наслѣдника обѣщаннаго славнаго царства. Послѣ этого краткаго вступленія слѣдуетъ самое родословіе.

Первый отдѣлъ (ст. 2—6): *Авраамъ* (1) *роди Исаака. Исаакъ* (2) *же роди Іакова. Іаковъ* (3) *же роди Іуду и братію его. Ст. 3. Іуда* (4) *же роди Фареса и Зару отъ Θамари. Фаресъ* (5) *же роди Эсрома. Эсромъ* (6) *же роди Арама. Ст. 4. Арамъ* (7) *же роди Аминадава. Аминадавъ* (8) *же роди Наассона. Наассонъ* (9) *же роди Салмона. Ст. 5. Салмонъ* (10) *же роди Вооза отъ Рахавы* (11). *Воозъ* (12) *же роди Овида отъ Руѳи. Овидъ* (13) *же роди Іессея. Іессей* (14) *же роди Давида царя. Ст. 6. Давидъ* (15) *же царь роди Соломона отъ Урінны.*

---

(1) Быт. XXI, 2 и слѣд.
(2) Ibid. XXV, 26.
(3) Ibid. XXIX, 35.
(4) Ibid. XXXVIII, 39.
(5) 1 Паралип. II, 5.
(6) Ibid. II. 9.
(7) Ibid. II, 10.
(8) Ibid.
(9) Числ. VII, 12.
(10) 1 Паралип. II, 11.
(11) Руѳ. IV, 21,
(12) Ibid. IV, 18.
(13) Ibid. IV. 22.
(14) 1 Цар. XVI, 1.
(15) 2 Цар. XII, 24.

Въ этомъ отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе вопросы: 1) почему евангелистъ, упомянувъ о братьяхъ Іуды, не сказалъ ничего ни объ Измаилѣ—братѣ Исаака, ни объ Исавѣ—братѣ Іакова? 2) Какое значеніе имѣютъ женскія лица, введенныя евангелистомъ въ родословіе Іисуса Христа? 3) Возможно ли, чтобы въ промежутокъ времени отъ переселенія израильтянъ въ Египетъ до возвращенія ихъ обратно въ свою землю, въ 430 лѣтъ, смѣнилось только три члена, какъ это повидимому случилось, если основываться на родословіяхъ новозавѣтныхъ и ветхозавѣтныхъ ([1])? Возможно ли также, чтобы со времени вступленія израильтянъ въ землю обѣтованную до построенія храма Соломонова, въ 480 лѣтъ, смѣнилось только пять членовъ, какъ это опять даютъ поводъ заключать генеалогіи ([2])?

И такъ 1) почему св. Матѳей упомянулъ въ родословіи только о братьяхъ Іуды и ничего не сказалъ ни объ Измаилѣ братѣ Исаака, ни объ Исавѣ братѣ Іакова?

„Такъ поступилъ евангелистъ, по замѣчанію Златоуста, не безъ основательной причины. Онъ хотѣлъ чрезъ это показать, что Измаилъ и Исавъ съ произшедшими отъ нихъ народами: измаильтянами, сарацинами, арабами и друг. ничего не имѣли общаго съ народомъ іудейскимъ, и что Христосъ отъ нихъ не произошелъ;“ тогда какъ дѣти Іакова—Іуда и братья его—были родоначальниками двѣнадцати колѣнъ народа израильскаго, которыя и составляли избранное Богомъ сѣмя Авраамово. Что евангелистъ поименовалъ изъ дѣтей Іакова Іуду, такъ это потому, что въ

([1]) Фаресъ сынъ Іуды родился еще до переселенія въ Египетъ, куда онъ отправился съ Іаковомъ дѣдомъ своимъ, а Наассонъ четвертый послѣ Фареса былъ уже, какъ извѣстно, въ числѣ князей возвращавшихся изъ рабства египетскаго.

([2]) За Салмономъ, возвратившимся въ землю обѣтованную, поименованы еще четыре лица до Соломона: Воозъ, Овидъ, Іессей и Давидъ.

имени Іуды обнимаются всѣ потомки Іакова, и онъ является (Быт. XLIX, 3—8) какъ бы главой ихъ. А въ родословіе только и входятъ главы родовъ, отъ которыхъ имѣлъ произойти Мессія.

2) Какой смыслъ, какое значеніе имѣютъ женскія лица, введенныя св. Матѳеемъ въ родословіе Іисуса Христа, Ѳамарь (ст. 3), Рахавъ, Руѳь (ст. 5) и жена Урія (ст. 6)? Но прежде, что это были за женщины? Ѳамарь была невѣсткою Іуды. Библія передаетъ о ней слѣдующее. Послѣ смерти двухъ своихъ мужей, сыновей Іуды, она осталась бездѣтной и, по предложенію свекора, должна была удалиться въ домъ отца своего и жить тамъ до совершеннолѣтія третьяго сына Іуды Силома, котораго отецъ обѣщалъ женить на ней же. Между тѣмъ умерла жена Іуды. Послѣ этого случилось, что Іуда вышелъ посмотрѣть въ поле, какъ стригли его овецъ. Когда сказали объ этомъ Ѳамари, она сбросила съ себя траурную одежду, нарядилась и вышла встрѣтить своего свекора. Она знала, что Силомъ былъ большой уже, а между тѣмъ не была еще, согласно обѣщанію, его женою. Іуда, увидѣвъ Ѳамарь и не узнавъ ее, прельстился ею, плодомъ чего были два сына — близнецы — Фаресъ и Зара (Быт. XXXVIII гл.). Назвалъ евангелистъ того и другаго, какъ думаютъ, потому, что Фаресъ и Зара послужили прообразомъ двухъ народовъ, вошедшихъ въ царство Христово — іудейскаго и языческаго (1).

Рахавъ была женою Салмона, сына Наассона, отъ которой родился Воозъ. Большая часть толковниковъ признаютъ ее за одно лице съ Раавъ, іерихонской блудницей, о которой говорится въ кн. Іис. Навина (II, 1. Срав. Евр. XI, 31), но нѣкоторые сомнѣваются и больше по хронологическимъ соображеніямъ, которыя будто бы не позволяютъ отождествить Рахавъ

(1) См. Comment. Jansenii.

съ Раввъ (1). Извѣстіе о ней почерпнуто, вѣроятно, изъ фамильныхъ записей дома Давидова. Ея высокое положеніе между іудеями засвидѣтельствовано въ апостольскихъ писаніяхъ (Іак. II, 25 и Евр. XI, 31).

Руѳь—мать Овида—была по происхожденію моавитянка, язычница, и случайно сдѣлалась женою Вооза по закону ужичества.

Четвертое лице женскаго пола, введенное въ родословіе, была незаконная жена Давида, Вирсавія, отнятая имъ у Урія.

Вводя такихъ женщинъ въ родословіе Іисуса Христа, евангелистъ хотѣлъ этимъ показать, что І. Хр. свое достоинство получаетъ не отъ своихъ предковъ, что Его посланничество основывается не на человѣческихъ заслугахъ, а на благости и милосердіи Божіемъ, что обѣтованія Божіи не разрушены грѣхами людей, что Христосъ явился на землѣ не для спасенія одного только избраннаго народа, но для спасенія всего рода человѣческаго, для спасенія всѣхъ, кто бы какого рода, званія, достоинства и пола ни былъ, какъ учитъ апостолъ: *нѣсть іудей, ни еллинъ; нѣсть рабъ, ни свободъ; нѣсть мужескій полъ, ни женскій; вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ* (Гал. III, 28). Такой смыслъ и такое значеніе имѣютъ женскія лица, введенныя евангелистомъ въ родословіе Іисуса Христа, хотя и вопреки обычаю восточныхъ писателей (2).

Третій вопросъ касается того, не сокращено ли евангельское родословіе въ періодъ времени отъ переселенія израильтянъ въ Египетъ до возвращенія ихъ въ обѣтованную землю, а также со времени возвращенія до построенія Соломономъ храма Богу всевышнему въ Іерусалимѣ?

---

(1) Rosenmüll. Scholia in N. Test.

(2) Исключеніе одно можно указать только в. 1 кн. Паралип. III, 19 ст.

Со времени вступленія израильтянъ въ Египетъ до выхода изъ него протекло, какъ извѣстно 430 лѣтъ. Фаресъ внукъ Іакова, упоминаемый въ родословіи, былъ въ числѣ вошедшихъ въ Египетъ съ дѣдомъ своимъ (Быт. XLVIII, 8—12), а Наассонъ четвертый послѣ него былъ уже въ числѣ вышедшихъ въ землю обѣтованную (Числ. II, 3). Так. образомъ въ теченіе 430 лѣтъ въ родословіи поименованы только три лица. Точно также со времени возвращенія евреевъ въ землю обѣтованную до построенія храма, въ теченіе 480 лѣтъ (3 Цар. VI, 1), въ родословіи упоминаются только пять лицъ: Салмонъ, Воозъ, Овидъ, Іессей и Давидъ. Хотя родословія какъ евангельскія, такъ и ветхозавѣтныя не противорѣчатъ другъ другу ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ и, повидимому, не даютъ повода предполагать пропусковъ, тѣмъ не менѣе, трудно согласиться, чтобы ихъ не было. Въ первобытныя времена, когда люди были надѣлены необыкновенною долговѣчностію, жили почти по тысячѣ лѣтъ, когда дѣти — наслѣдники рождались нерѣдко черезъ сто лѣтъ, и тутъ въ періодѣ отъ 430 до 480 лѣтъ въ Библіи насчитывается не болѣе пяти лицъ. Возьмемъ для примѣра средній періодъ между 430—480 г., именно въ 460 лѣтъ, отъ сотворенія Адама до Іареда; Библія указываетъ за это время пять лицъ: Адама, Сиѳа, Еноха, Каинана, Малелеила, Іареда. Чтобы отыскать искомое число лѣтъ, нужно только сложить годы патріарховъ, прожитые каждымъ изъ нихъ до рожденія перваго сына. У Адама, какъ извѣстно, Сиѳъ родился чрезъ 130 лѣтъ; у Сиѳа—Енохъ. чрезъ 105, у Еноха—Каинанъ чрезъ 90 л.; у Каинана—Малелеилъ чрезъ 70 л.; у Малелеила — Іаредъ чрезъ 65 л. Складываемъ эти лѣта: 130+105+90+70+65 и получаемъ сумму въ 460 лѣтъ (1). На осно-

(1) Со способомъ этого счета можно обстоятельно познакомиться въ статьѣ, помѣщен. въ Христ. чтен. за іюль—Авг., 1879 г., подъ заглавіемъ «первобытное человѣчество, его исторія, культура и древность», стр. 55—56.

ваніи этихъ данныхъ, въ разсматриваемый нами періодъ, когда жизнь сдѣлалась почти въ десять разъ короче, когда наслѣдники рождались чрезъ 20 — 30 лѣтъ, необходимо допустить пропуски въ родословіяхъ; иначе мы не поймемъ, какимъ образомъ въ такіе длинные періоды упоминается такъ мало лицъ. Возможные здѣсь пропуски весьма легко объяснить тѣмъ, что наслѣдниками въ родѣ были, можетъ быть, нерѣдко не сыновья, а внуки или даже правнуки, въ случаѣ ранней смерти первыхъ при жизни отца или дѣда, какъ представителя рода, что въ порядкѣ вещей. Названіе же внука или правнука сыномъ нисколько не противорѣчитъ этому объясненію, потому что, какъ извѣстно, въ родословіяхъ сыномъ называется вообще потомокъ (Іис. Христ. сынъ Давида, сынъ Авраама); затѣмъ также извѣстно, что въ родословіе заносились важнѣйшія лица, представители рода, а не всѣ вообще (изъ сыновъ Іакова — Іуда): но не говоритъ ли противъ насъ то мѣсто книги Бытія, въ которомъ сказано, что потомство Авраама должно возвратиться въ землю своихъ отцевъ въ четвертомъ родѣ, какъ это самымъ дѣломъ и выходитъ по родословію (Эсромъ сынъ Фареса, Арамъ, Аминадавъ и Наассонъ). Нисколько. Лица, упомянутыя здѣсь, служатъ представителями поколѣній или генерацій, изъ которыхъ четвертое при Наассонѣ дѣйствительно, какъ было сказано Аврааму самимъ Богомъ, и возвратилось въ землю обѣтованную.

Второй отдѣлъ начинается съ Соломона, сына Давидова (ст. 7—11): *Соломонъ* (1) *же роди Ровоама. Ровоамъ* (2) *же роди Авію. Авія* (3) *же роди Асу. Ст. 8. Аса* (4) *же роди Іосафата. Іосафатъ* (5) *же роди*

(1) 3 Цар. XI, 43.
(2) Ibid. XIV, 31.
(3) Ib. XV, 9.
(4) Ib. XV, 24.
(5) Ib. XXII, 50.

Іорама. Іорамъ ([1]) *же роди Озію. Ст. 9. Озія* ([2]) *же роди Іоаѳама. Іоаѳамъ* ([3]) *же роди Ахаза. Ахазъ* ([4]) *же роди Езекію. Ст. 10. Езекія* ([5]) *же роди Манассію. Манассія* ([6]) *же роди Амона. Амонъ* ([7]) *же роди Іосію: Ст. 11. Іосія* ([8]) *же роди Іоакима и братію его. Іоакимъ* ([9]) *же роди Іехонію въ переселеніе вавилонское.*

Во второмъ отдѣлѣ главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе два пропуска,—это во первыхъ пропускъ трехъ царей—Охозіи, Іоаса и Амассіи, между Іорамомъ и Озіей, но на этомъ пропускѣ мы останавливались уже выше, другой пропускъ касается имени Іоакима, сына Іосіи и отца Іехоніи. Имени этого дѣйствительно не достаетъ въ нашемъ славянскомъ переводѣ, не достаетъ его и во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ подлиннаго текста, равно какъ во многихъ рукописяхъ такъ называемой западной рецензіи, Ватиканск., Ефрема Сир. и друг.; но за то это имя сохранилось во многихъ рукописяхъ восточной рецензіи, отличающихся большею исправностію ([10]), сравнительно съ западными рукописями. Поэтому издавна съ основательностію замѣчаютъ, что опущеніе имени Іоакима въ многихъ древнихъ кодексахъ произошло, по всей вѣроятности, отъ переписчика,

---

([1]) 4 Цар. VIII, 24.

([2]) Паралип. XXVI. 23.

([3]) Ib. XXVII, 9.

([4]) Ib. XXVIII. 27. Исаія VII, 14.

([5]) 2 Парал. XXXII, 33.

([6]) Ib. XXXIII, 20.

([7]) Ib. XXXIII, 25.

([8]) 1 Паралип. III, 15.

([9]) Ibid. III, 16.

([10]) См. объ этомъ въ стат. «къ исторіи новозавѣтн. текста», помѣщен. въ Чтен. общ. люб. д. просв. 1876 г. 2 ч. стран, 430. 1877 г. 2-я ч. стр. 494.

обманутаго сходствомъ имени Іоакима и Іехоніи, и подлиннымъ текстомъ Евангел. Матѳея справедливо считаютъ слѣдующее чтеніе, принятое уже отчасти въ нашемъ русскомъ переводѣ: Іосія родилъ Іоакима и братьевъ его. У Іоакима дѣйствительно было три брата: Іоахазъ, Седекія и Селлумъ (1 Парал. III, 15). Многіе изъ учителей церкви, наприм. Амвросій (1), Епифаній (2), Августинъ (3), Евѳимій въ толкованіи на это мѣсто говорятъ, что Іехоніей названъ здѣсь Іоакимъ. Но въ священ. каноническихъ книгахъ нигдѣ не видно, чтобы Іоакимъ назывался еще Іехоніей. Правда, назывался онъ прежде иначе, но не Іехоніей, а Еліакимомъ (4 Цар. XXIII, 34). Когда египетскій царь Нехао убилъ его отца Іосію, потомъ побѣдилъ и отправилъ въ Египетъ старшаго брата Іоахаза, тогда онъ поставилъ царемъ Іудеи Еліакима,—назвавъ его Іоакимомъ. Іоакимъ этотъ имѣлъ у себя сына тоже именемъ Іоакима (4 Цар. XXIV, 6), который притомъ назывался еще другимъ именемъ, Іехоніей (1 Паралип, III, 16), но братьевъ не имѣлъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Когда Навуходоносоръ взялъ Іехонію въ плѣнъ, то царемъ іудейскимъ поставилъ дядю его Седекію (4 Цар, XXIV, 17); если бы у Іехоніи были братья, то царемъ, конечно, былъ бы скорѣе поставленъ братъ, а не дядя. Эти два обстоятельства не только убѣждаютъ, но и побуждаютъ вѣрить, что въ настоящемъ мѣстѣ должно читать: *Іосія же родилъ Іоакима и братьевъ его. Іоакимъ родилъ Іехонію въ переселеніе вавилонское* (ст. 11). Не только въ русскомъ переводѣ, какъ мы сейчасъ замѣтили, но и въ нашей славянской библіи такое именно приведено чтеніе подъ строкой съ поясненіемъ, что такъ читается это мѣ-

(1) Lib. III. Comment in Lucam.

(2) Lib. I de haeres. in secta Epicureorum.

(3) Lib. II. de cons. Evang. cap. IV .

сто въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ еванг. отъ Матѳея. Чтеніе это несомнѣнно подлинное, иначе отъ Давида до вавилонскаго плѣна не было бы четырнадцати родовъ, какъ это замѣтилъ уже блаж. Іероним[1]. Вопросъ так. образ. о такъ называемомъ недочетѣ родовъ въ евангельскомъ родословіи втораго отдѣла оказывается теперь совершенно излишнимъ, хотя прежде много труда и времени тратили для рѣшенія его.

Іоакимъ же роди Іехонію въ преселеніе вавилонское, т. е. при наступленіи, или предъ переселеніемъ (около 588 г. до Рожд. Христ. 2 Пар. XXXVI гл.), потому что самый фактъ переселенія совершился послѣ, именно въ третій мѣсяцъ царствованія Іехоніи (4 Цар. XXIV, 12). Переселеніе называется *вавилонскимъ* по имени главнаго въ царствѣ города Вавилона, который стоялъ на рѣкѣ Евфратѣ, впадающей въ персидскій заливъ; нынѣ разслѣдываютъ развалины этого великолѣпнаго и богатаго нѣкогда города.

Іоакимомъ заканчивается второй отдѣлъ или вторая треть родословной І. Христа; за ней слѣдуетъ время плѣна вавилонскаго, продолжавшагося семьдесятъ лѣтъ[2] (Іерем. XXV, 11—12), а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя треть, начинающаяся Іехоніей сыномъ Іоакима (1 Парал. III, 15—17) и оканчивающаяся Іис. Христомъ какъ заключительнымъ членомъ всего родословія.

Ст. 12—16. *По преселеніи же вавилонстѣмъ, Іехонія*[3] *роди Салаѳіила.* Ст. 13. *Салаѳіилъ*[4] *же*

---

(1) In Dan. 1.: in evangelio secundum Matthaeum secunda Tessarodecas in Ioakim desinit, filio Iosiae, tertium incipit a Ioakim (Iechonia) filio Ioakim. Еще въ толкованіи на Матѳ.: Sciamus Ieconiam priorem ipsum esse, quem et Ioachim, secundum autem filium, non patrem.

(2) Съ 4902—4973 г. отъ сотворенія міра, или 606—535 г. до Р. Хр.

(3) 1 Парал. Ш, 17.

(4) 1 Ездр. Ш, 1 и V, 2.

роди Зоровавеля. Зоровавель (1) *же роди Авіуда. Авіудъ же роди Еліакима.* Ст. 14. *Еліакимъ* (2) *же роди Азора. Азоръ же роди Садока. Садокъ же роди Ахима. Ахимъ же роди Еліуда.* Ст. 15. *Еліудъ же роди Елеазара. Елеазаръ же роди Матѳана. Матѳанъ же роди Іакова.* Ст. 16. *Іаковъ же роди Іосифа, мужа Маріина, изъ нея же родися Іисусъ, глаголемый Христосъ.*

Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ нѣкоторые (3) останавливаются на мнимой ошибкѣ, вкравшейся будто бы въ 16 стихъ. Говорятъ, что имя Іосифа внесено въ текстъ по ошибкѣ переписчика, который вмѣсто Ἰωακιμ—Іоакимъ—прочиталъ Ἰωσὴφ—Іосифъ, а потомъ, зная, что Іосифъ былъ не отцемъ, а нареченнымъ мужемъ св. Дѣвы Маріи, замѣнилъ слово „отецъ" словомъ „мужъ" (и эти слова на греческомъ языкѣ очень сходны по буквамъ: πατὴρ—ἀνὴρ). Правильное поэтому чтеніе 16 ст. еванг. отъ Матѳея, по мнѣнію такихъ толковниковъ, должно быть слѣдующее: Іаковъ же роди Іоакима, отца Маріина. Предположеніе это ни на чемъ не основывается и есть ни больше, ни меньше какъ догадка, придуманная съ цѣлію оправдать мнѣніе, что Матѳей излагаетъ родословіе предковъ Дѣвы Маріи. Но это совершенно невѣроятно. Напротивъ, такъ какъ св. Матѳей писалъ свое евангеліе преимущественно для христіанъ изъ іудеевъ, невѣріе которыхъ въ Іис. Христа, какъ Мессію, онъ имѣлъ въ виду, то уже поэтому самому онъ не имѣлъ ни побужденія, ни возможности отступить отъ общаго іудейскаго обычая — считать роды только по мужской линіи (4), уже поэтому одному, повторяемъ,

---

(1) 1 Пар. Ш. 19.

(2) Съ Еліакима до конца родословія ни одно лице не встрѣчается въ исторіи еврейскаго народа и ни одно имя не упоминается въ священ. книгахъ ветх. завѣта.

(3) См. Опытъ объяснен. на ев. Матѳ. въ Правосл. Себес. стр. 184.

(4) См. Родословіе въ кн. Бытія — главы: X, XXV, XXXVI, XLVI и др.

онъ долженъ былъ ввести въ свое родословіе Іосифа, на котораго іудеи смотрѣли какъ на естественнаго отца Іис. Христа (Матѳ. XIII, 55. Лук. IV, 22. Іоан. VI, 42). Что Іосифъ называется здѣсь мужемъ Маріи, объясняется, съ одной стороны тѣмъ, что у іудеевъ женихъ и невѣста тотчасъ послѣ обрученія назывались мужемъ и женой (1) (срав. Быт. XXIX, 21. Второз. XXII, 23. 24), а съ другой стороны и тѣмъ, что Іосифъ по повелѣнію ангела принялъ пресвятую Дѣву въ домъ свой какъ жену свою (I, 20). Въ талмудѣ (2) и у древнихъ отцевъ церкви (3), Іосифъ мнимый отецъ Іисуса носитъ еще другое имя Панѳира—*Παν∂ηρα*, а Іисусъ называется сыномъ *Παν∂ηρα* или Пантера. Но какъ и почему, неизвѣстно.—Замѣчательно наконецъ въ этомъ стихѣ самое выраженіе евангелиста о рожденіи Іисуса Христа. Онъ не сказалъ такъ, какъ говорилъ выше о рожденіи предковъ Его по человѣчеству: Авраамъ роди Исаака, Исаакъ—Іакова, Іаковъ Іуду и проч., не сказалъ: Іаковъ же роди Іосифа, Іосифъ же Христа; но: Іаковъ же роди Іосифа, мужа Маріина, изъ нея же родися Іисусъ, глаголемый Христосъ. Іосифъ не былъ отцемъ Іисуса по плоти, но былъ только обрученъ съ пресвятой Дѣвой Маріей. Потому евангелистъ и относитъ рожденіе Іисуса только къ Маріи: изъ нея же родися Іисусъ. Это послѣднее выраженіе составляетъ вступленіе къ дальнѣйшему повѣствованію евангелиста о сверхъестественномъ рожденіи Іисуса Христа. — Вопросъ о томъ, какимъ образомъ евангелистъ Матѳей, излагая родословіе Іисуса Христа, исчисляетъ предковъ Іосифа, и оканчиваетъ родословіе самимъ Іосифомъ, не сказавъ ничего о предкахъ пресвятой Дѣвы,—легко разрѣшается. По закону Моисееву, какъ

(1) Моис. Маймонидъ у Блека: Synoptische Erklärung der drei erst. Evangel. 1862. Th. I. s. 115.

(2) Талмудъ іерусалимск. с. 2.

(3) Св. Епифан. Ересь LXXVIII.

это разъ замѣчено было уже выше, никто изъ евреевъ не могъ брать себѣ жену изъ другаго колѣна и изъ другаго племени и рода. Для исполненія предопредѣленныхъ цѣлей Промысла каждое колѣно и каждое племя въ колѣнѣ должны были сохранять свою цѣлость. Поэтому, если Іосифъ, по родословію происходилъ отъ Давида, то ясно, и обрученная ему Марія происходитъ отъ Давида. Поэтому, у іудеевъ и не было въ обычаѣ, чтобы родословія писались по женской линіи.

Въ заключеніи евангелистъ, какъ бы подводя итогъ всему сказанному, говоритъ, что родословіе Іисуса Христа раздѣляется на три отдѣла или эпохи и что каждая эпоха состоитъ изъ четырнадцати родовъ.

Ст. 17. *Всѣхъ же родовъ отъ Авраама до Давида, родове четыренадесять: и отъ Давида до преселенія вавилонскаго, родове четыренадесяте: и отъ преселенія вавилонскаго до Христа, родове четыренадесяте.*

Общее раздѣленіе родословія на три отдѣла или эпохи имѣетъ въ своемъ основаніи три весьма важныхъ момента или состоянія (1) въ жизни еврейскаго народа, послѣ чего, по слову Божію, чрезъ пророковъ возвѣщенному, надлежало явиться Спасителю міра. Такъ первая эпоха отъ Авраама до Давида обнимаетъ начало образованія еврейскаго народа и времена теократіи до учрежденія царской власти и явленія царя, родоначальника Мессіи. Въ это время народъ былъ подъ управленіемъ патріарховъ или пророковъ. Вторая эпоха обнимаетъ времена царей до потери народной самостоятельности съ наступленіемъ вавилонскаго плѣна. Наконецъ третья—времена возстановленія народной самостоятельности подъ управленіемъ первосвященниковъ до явленія самого Мессіи. Мессія по пророчествамъ долженъ былъ быть и Про-

(1) Златоустъ въ началѣ 4 бесѣды и бл. Ѳеофилактъ.

рокъ, и Царь, и Первосвященникъ. Так. образомъ, три указанныхъ эпохи, предшествующія явленію Его, были фактическимъ пророчествомъ о Немъ. На три эти эпохи въ приготовленіи рода человѣческаго самъ Господь указалъ прикровенно въ притчѣ о дѣлателяхъ винограда (Матѳ. XXI, 33—41. Лук. XX, 9 и слѣд.).

Весьма замѣчательна здѣсь и удивительная соразмѣрность родовъ во всѣхъ трехъ эпохахъ, на что не безъ причины обращаетъ вниманіе читающихъ св. евангелистъ. Отъ Авраама смѣнилось четырнадцать поколѣній или родовъ, какъ явился царь Давидъ, славнѣйшій послѣ Авраама изъ предковъ обѣтованнаго сѣмени. Столько же родовъ смѣнилось отъ царя Давида до плѣна вавилонскаго: царство пало и едва часть народа отведеннаго въ плѣнъ возвратилась въ землю отцевъ. Отъ плѣна ровно столько же еще родовъ прошло до совершеннаго порабощенія іудеевъ Римлянами: не слѣдовало ли поэтому быть чему нибудь особенному и въ это время,—какъ бы такъ продолжалъ св. евангелистъ? По пророчествамъ оставалось только явиться Спасителю міра—*чаянію языковъ и утѣхи израиля*, какъ предсказалъ Іаковъ при благословеніи сына своего Іуды (Быт. XLIX, 1). Но такъ какъ Спаситель міра явился согласно пророчествамъ изъ рода Авраамова и Давидова, такъ какъ все предсказанное сбылось на Немъ, то мы и должны вѣрить въ Него, какъ бы такъ говорилъ евангелистъ.

Обращаемся къ родословію Іис. Христа въ евангеліи Луки (III, 23—38 ст.).

Вступленіемъ къ нему, а вмѣстѣ и переходомъ отъ предыдущаго разсказа (о крещеніи Іис. Христа) служитъ начальный 23 стихъ, который читается такъ: *и той бѣ Іисусъ яко лѣтъ тридесять начиная, сый, яко мнимь, сынъ Іосифовъ, Илиевъ — και αυτος ην ο Ιησους ωσει ετων τριακοντα αρχομενος, ων, ως ενομιζετο, υιος Ιωσηφ, τ8 Ηλι.*

Въ этомъ начальномъ стихѣ весьма важно указаніе евангелиста на годъ вступленія Іисуса Христа въ общественное служеніе роду человѣческому: *и той бѣ Іисусъ яко лѣтъ тридесять начинаяй*,... Правда, указаніе это не совсѣмъ точно, но въ связи съ предыдущимъ разсказомъ, гдѣ говорится о времени явленія Іоанна Крестителя на проповѣдь въ пятнадцатое лѣто правленія Тиверія (Лук. III, 1 ст.), оно служитъ однимъ изъ лучшихъ способовъ къ опредѣленію не только евангельской хронологіи, а и вообще христіанскаго лѣтосчисленія. Наше лѣтосчисленіе, введенное въ шестомъ вѣкѣ монахомъ Діонисіемъ, невѣрно, какъ это доказываютъ теперь новѣйшіе ученые; по мнѣнію однихъ (1) оно отстаетъ отъ дѣйствительнаго на два-на три года, а по мнѣнію другихъ (2) и болѣе. Какимъ же образомъ можно на основаніи разсматриваемаго мѣста болѣе или менѣе точно опредѣлить годъ вступленія Іисуса Христа на общественное служеніе и годы нашего лѣтосчисленія? Іисусъ Христосъ вступилъ въ служеніе, имѣя *яко* (ὡσεί) *лѣтъ тридесять*, т. е. нѣсколько болѣе, или нѣсколько менѣе. Путь къ точному опредѣленію этого года, а слѣдовательно и нашего лѣтосчисленія указываетъ, какъ мы сказали, самъ св. Лука въ началѣ главы, а отчасти и свѣтскіе историки. По показаніямъ историческимъ Октавій Августъ передъ смертію своей, за два года, объявилъ соправителемъ своимъ Тиверія, въ пятнадцатый годъ правленія котораго Іоаннъ Креститель вышелъ на проповѣдь *по глаголу Божію* (Лук III, 1

---

(1) Riggenbach, Vie du Seigneur Jesus p. 176—186. Paris. 1864 г. Zumpt, Das Geburtsjahr Christi. Leipz. 1869 г. — Quandt, Chronologisch-geografische Beiträge. Начертаніе церковно-библ. исторіи, стр. 684. — Христ. Чтен. 1870 г. I. Годъ рожд. Іис. Хр. В. Г. Рождественскаго.

(2) По изслѣдованію новѣйшаго шведскаго профессора Люнгберга, въ сочиненіи: Chronologie Jes. Chr., переведенномъ уже на французск. языкъ, Іис. Христ. родился въ седьмомъ году нашего лѣтосчисленія, въ ночь послѣдняго числа сентяб. на первое октября.

и 2 ст.). Теперь нужно только опредѣлить, съ какого времени должно считать пятнаднатый годъ правленія Тиверія, — со времени ли объявленія его соправителемъ Августа, или же съ того момента, когда онъ сдѣлался единодержавнымъ государемъ послѣ смерти Августа († 767 г. отъ основанія Рима). Римскіе историки обыкновенно начинаютъ счетъ правленія Тиверія со времени его единодержавія. По этому счету пятнадцатый годъ падаетъ на 781—782, т. е. 29—30 нашей эры. Но Іисусу Христу было въ это время, какъ полагаютъ (1) около 32—33 лѣтъ, слѣдовательно гораздо болѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ по евангелію Луки (III, 23). По другому счету пятнадцатый годъ правленія Тиверія падаетъ на 779—780 г., т. е. 27—28 нашей эры, отстающей на 2—3 года отъ дѣйствительной. Если положить, что Іисусу Христу въ тотъ годъ, когда Іоаннъ Креститель вышелъ на проповѣдь, было слишкомъ 29 лѣтъ и если прибавить къ этому еще полгода или даже цѣлый годъ подготовленія его къ проповѣди, то и выйдетъ, что Іис. Христосъ во время своего крещенія и вступленія на служеніе имѣлъ около тридцати лѣтъ, немного менѣе или немного болѣе, хотя принято считать круглымъ числомъ — тридцать лѣтъ. Крещеніе Іис. Христа и вступленіе Его на служеніе такимъ образомъ, надо полагать, было въ 780—781 г. А если такъ, то родился Онъ въ концѣ 749 или 750 года, а не 752, какъ это опредѣлено упомянутымъ выше монахомъ Діонисіемъ. Что дѣйствительно Іис. Христосъ крестился и вступилъ на служеніе роду человѣческому въ началѣ 780 или 781 г., а родился въ концѣ 749—750 г. отъ основанія Рима, а не въ 752 г., въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства языческихъ писателей Флегона и Ѳалла о затмѣніи солнца, случившемся въ день и часъ страданій Христовыхъ. Флегонъ и Ѳаллъ

---

(1) См. Riggenbach и Quandt въ указанныхъ выше сочиненіяхъ.

единогласно утверждаютъ, что затмѣніе солнца случилось въ четвертомъ году 202-й олимпіады, когда по словамъ отцевъ церкви, приводившихъ свидѣтельства того и другаго писателя о затмѣніи солнца, умеръ Господь нашъ на крестѣ и когда Онъ посредствомъ этого страшнаго чуда явилъ свою божественную силу и власть надъ природой (1). А четвертый годъ 202-й олимпіады, годъ смерти Іисуса Христа, по римскому лѣтосчисленію отвѣчаетъ приблизительно 783—784 году отъ основанія Рима (2); слѣдовательно годъ крещенія и вступленія Іисуса Христа на служеніе отвѣчаетъ началу 780—781 г., годъ же рожденія Его—концу 749—750 г. Изъ этого видно, что принятое лѣтосчисленіе (хронологія) отстаетъ отъ дѣйствительнаго на два-на три года, но не болѣе, что и доказываютъ въ настоящее время весьма справедливо ученые хронологи.

Послѣ этого остановимся еще на двухъ-трехъ отдѣльныхъ выраженіяхъ 23-го стиха: *начиная. бѣ и сый.* Первыя два—*начиная* и *бѣ*—ἀρχόμενος и ἦν—ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть соединены вмѣстѣ, въ одно предложеніе; отъ *бѣ* зависитъ выраженіе: *яко лѣтъ тридесять*, какъ это ясно видно изъ русскаго перевода: *Іисусъ, начиная свое служеніе былъ лѣтъ тридцати.* Тридцатилѣтній возрастъ, надобно замѣтить, какъ цвѣтущая пора человѣческой жизни, былъ такимъ временемъ, когда у іудеевъ левиты вступ-

---

(1) См. объ этомъ въ статьѣ Лучицкаго, помѣщен. въ Христ. Чтен. 1838 г. IV, подъ заглавіемъ: «въ которомъ году родился Іисусъ Христосъ».

(2) Въ 784 годахъ содержится 196 олимпіадъ, а остальныя шесть заключаются въ тѣхъ 24 год., которые образуютъ разность между годомъ основанія Рима, съ котораго ведется лѣтосчисленіе у римлянъ, и началомъ греческаго лѣтосчисленія по олимпіадамъ. Въ полныхъ двѣсти двухъ олимпіадахъ — восемь сотъ восемь лѣтъ; если вычесть изъ нихъ семь сотъ восемьдесятъ четыре, то въ остаткѣ получится какъ разъ только двадцать четыре года, сколько и требуется для недостающихъ шести олимпіадъ.

пали въ отправленіе своей должности (Числ. IV, 3. 23), а также и у Грековъ только съ этого времени молодые люди начинали заниматься общественными дѣлами (Ксенофонт. Memor. 1 и Діонис. Галикарнасск. Истор. 1, 6). Слово *сый—ων*,—подобно ближайшему къ нему слову *αρχομενος*—начиная, стоитъ повидимому также ни отъ чего независимо, по крайней мѣрѣ трудно логически объяснить его зависимость отъ глагола *бѣ—ην*, какъ и предыдущее слово *αρχομενος*. Весьма можетъ быть, что св. Лука употребилъ здѣсь это слово потому, что оно казалось ему болѣе удобнымъ для перехода отъ предыдущаго разсказа о крещеніи къ родословію, которое онъ тутъ же и начинаетъ такъ: яко мнимь (сынъ) Іосифовъ, Иліевъ и т. д. (1).

Родословіе это, какъ мы доказывали выше, начинается не съ Іосифа, а съ Илія, и поэтому слова: *яко мнимь* (сынъ) *Іосифовъ* — слова вводныя, которыя могутъ быть даже выпущены изъ него безъ всякаго ущерба. По мнѣнію Ренана словами этими св. Лука хотѣлъ смягчить идею о божествѣ І. Христа, которая ясно открывается изъ его предыдущаго разсказа о чудесномъ воплощеніи Іис. Христа, о Его рожденіи, о Его первыхъ дѣяніяхъ. Но это такъ несправедливо, какъ нельзя болѣе. „Св. Лука, по вѣрному замѣчанію Гэтэ, во всѣхъ обстоятельствахъ, описанныхъ во второй главѣ и во всемъ евангеліи старается, такъ сказать, сближать идею о божествѣ съ идеей о человѣчествѣ въ Іис. Христѣ, ясно поставить эту первую основу христіанства: двойственное естество единаго лица“.

Перечисленныхъ лицъ въ первомъ отдѣлѣ или лучше въ первомъ періодѣ родословія, отъ Илія до

---

(1) Матѳатовъ, Левіинъ, Мелхіинъ, Іаннаевъ, Іосифовъ, Маттаѳіевъ, Амосовъ, Наумовъ, Еслимовъ, Наггеовъ, Мааѳовъ, Маттаѳіевъ, Семіевъ, Іосифовъ, Іудинъ, Іоаннановъ, Рисаевъ, Зоровавелевъ, Салаѳіилевъ, Нирієвъ (ст. 24—27).

Нирія, т. е. до конца плѣна вавилонскаго, насчитывается по ев. Луки двадцать одно; а если слѣдовать Юлію африканскому, то девятнадцать; послѣдній опускаетъ Матѳата и Левія, которые у евангел. Луки помѣщены между Иліемъ и Мелхіемъ. Для объясненія этого пропуска, нѣкоторые полагали, что Юлію африканскому на этотъ разъ измѣнила память, а другіе, что въ экземплярѣ евангелія, который читалъ онъ, имена Матѳата и Левія были пропущены, — и тому подобное (1). Во всякомъ случаѣ, какъ число четырнадцать по Матѳею, такъ и девятнадцать по Юлію африканскому, слишкомъ мало для такого большаго періода, какъ этотъ, въ пять сотъ тридцать восемь лѣтъ, и родословіе Луки отличается предъ ними въ этомъ періодѣ особенною полнотою и точностію.—Что касается предположенія, высказаннаго Визелеромъ и Блекомъ относительно того, будто Зоровавель и Салаѳіиль, упоминаемые обоими евангелистами, суть не одни и тѣже, а разные, — опровергается тѣмъ, что имена ихъ въ обоихъ родословіяхъ встрѣчаются въ одно и тоже время и на одномъ и томъ же мѣстѣ послѣ плѣна вавилонскаго. Слѣдоват., лица эти отнюдь не разныя, а одни и тѣже.

Въ слѣдующемъ періодѣ отъ плѣна до Давида Лука перечисляетъ девятнадцать родовъ (ст. 28 — 31) (2). У Матѳея за это время опять только — четырнадцать. Но намъ извѣстно уже, что онъ опускаетъ въ этомъ періодѣ трехъ царей; слѣдовательно число девятнадцать у Луки служитъ новымъ подтвержденіемъ особенной полноты и точности его родословія.

---

(1) См. примѣчан. 1 въ Церков. истор. Евсев. Томъ I. стр. 33. Перев. Спб. 1848 г.

(2) Мелхіевъ, Аддіевъ, Косамовъ, Елмодамовъ, Ировъ, Іосіевъ, Елиезеровъ, Іоримовъ, Матѳатовъ, Левіинъ, Симеоновъ, Іудинъ, Іосифовъ, Іонановъ, Еліакимовъ, Мелеаевъ, Маинановъ, Маттаѳаевъ, Наѳановъ.

Въ третьемъ періодѣ отъ Давида до Авраама (ст. 32—34) (1), оба родословія согласны между собою, какъ и съ ветхимъ завѣтомъ.

Четвертый періодъ отъ Авраама до Адама излагаетъ одинъ Лука (въ стих. 34—38) (2).

Эта часть родословія составлена очевидно по ветхому завѣту и притомъ по семидесяти, что доказываетъ имя Каинана въ ст. 36, находящееся только у семидесяти и недостающее въ еврейскомъ текстѣ (Быт. X, 24. XI, 12); вѣроятно, это очень древній варіантъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ имя Каинана непремѣнно должно было стоять въ текстѣ, такъ какъ легче было выпасть этому имени изъ текста еврейскаго, чѣмъ войдти въ текстъ семидесяти, если бы его не было въ первомъ (3).

Заключительныя слова: *Адамовъ, Божій* показываютъ, что Іис. Христосъ хотя по человѣчеству есть истинный человѣкъ, подобный намъ, кромѣ грѣха, и произошелъ вмѣстѣ со всѣми отъ перваго праотца всего рода человѣческаго, Адама, но въ тоже время Онъ и не есть только человѣкъ, а древнѣе его, есть Сынъ Божій, всесовершенный и совѣчный Богу Отцу. Кромѣ того въ словѣ *Божій*, которое поставлено въ концѣ всего родословія, ясно выражается мысль апост. Павла, высказанная имъ въ Аѳинахъ (Дѣян. XVII, 29): *мы—родъ Божій*. Въ самомъ дѣлѣ, если бы люди происходили не отъ Бога, не имѣли въ себѣ образа и подобія Божія, то и воплощеніе Сына Божія было бы невозможно. Іисусъ Христосъ, возлюбленный Сынъ

---

(1) Давидовъ, Іессеовъ, Овидовъ, Воозовъ, Салмоновъ, Нассоновъ, Аминадавовъ, Арамовъ, Есромовъ, Фаресовъ, Іудинъ, Іаковль, Исааковъ, Авраамовъ.

(2) Ѳаринъ, Нахоровъ, Серуховъ, Рагавовъ, Фалековъ, Еверовъ, Салановъ, Каинановъ, Арфаксадовъ, Симовъ, Ноевъ, Ламеховъ, Маѳусалевъ, Еноховъ, Іаредовъ, Малелеиловъ, Каинановъ, Еносовъ, Сиѳовъ, Адамовъ, Божій

(3) См. Изслѣдов. библ. хронол. Ив. Спасскаго, студ. кіев. духов. академ. Кіевъ. 1857 г. стр. 51—63.

Божій (Лук. III, 22 ст.), потому и принялъ на Себя плоть человѣческую, что мы родъ *Божій* (ст. 38) (1).

По словамъ блаж. Ѳеофилакта, словомъ *Божій* поражается невѣріе въ безсѣменное рожденіе Іисуса Христа. „Рожденіе Господа, говоритъ онъ, встрѣчало недовѣріе. Посему евангелистъ, желая показать, что и въ другое время человѣкъ произошелъ безъ сѣмени, отъ низшихъ восходитъ до Адама и Бога. Онъ говоритъ какъ бы такъ: если ты не вѣруешь, какъ второй Адамъ родился безъ сѣмени, то прошу—обратись умомъ къ первому Адаму, и ты найдешъ, что онъ сотворенъ Богомъ безъ сѣмени и—послѣ сего не будь невѣренъ".

Важность разсмотрѣнныхъ нами генеалогій очевидна уже сама собою изъ важности самаго предмета; но эта важность еще болѣе возвышается въ глазахъ нашихъ отъ того, что генеалогіи записаны были евангелистами предъ разрушеніемъ Іерусалима и разсѣяніемъ іудейскаго народа, въ то время, когда происхожденіе Христа изъ рода Давидова можно было всякому доказать изъ подлинныхъ документовъ и когда всякій дѣйствительно могъ ихъ видѣть и видѣлъ самъ, если хотѣлъ. Это обстоятельство таково, что его одного достаточно, чтобы разсѣять въ прахъ всѣ возможныя возраженія противъ подлинности и исторической достовѣрности евангельскихъ родословій, а равно и противъ происхожденія Спасителя нашего изъ священнаго рода Авраама и Давида.

М. Богословскій.

(1) По выраженію Филарета митрополита московскаго, св. Лука родословіемъ Іисуса Христа «изображаетъ какъ бы лѣствицу соединенія человѣчества съ Божествомъ». Начертан. Церков. библ. исторіи. Стр. 399

УЧАСТІЕ

РИМСКОЙ РЕЛИГІИ ВЪ ДѢЛАХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ.

—

Кромѣ того, что римское государство платило своимъ богамъ дань за право благополучнаго существованія въ различныхъ указанныхъ выше формахъ, оно прибѣгало къ нимъ съ просьбой о помощи и старалось угадать ихъ волю при всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ внутренней жизни, а также внѣшнихъ международныхъ отношеній.

Мы уже видѣли выше, съ какими религіозными обрядами основанъ городъ Римъ. Подобные же обряды соблюдались и при выводѣ римскихъ колоній (1). Собравшись на новое мѣсто жительства, колонисты брали съ собой огня изъ роднаго очага, чтобы отъ него возжечь очагъ въ новомъ поселеніи (2), и торжественно, въ боевомъ порядкѣ, подъ предводительствомъ особо назначеннаго начальника, отправлялись въ путь; прибывши къ мѣсту назначенія, они водружали свое знамя (3), а затѣмъ послѣ ауспицій, о которыхъ будетъ сказано ниже, предводитель колоніи обводилъ сохой городскую черту, по обряду, описан-

---

(1) Varro l. l. V. 143.

(2) Preller. 536.

(3) Cic. de leg. agrar. II. 32. Phil. II. 40. Plutar. C. Gracch. 11.

ному нами прежде, и учреждалъ городскіе порядки (1). И уничтоженіе города или колоніи совершалось посредствомъ тогоже обряда только въ обратномъ смыслѣ (contrario jure), т. е. посредствомъ перепахиванія городской межи (2).—Царь Сервій Туллій, сдѣлавши перепись гражданъ, способныхъ носить оружіе, совершилъ въ заключеніе обрядъ очищенія. Три раза были обведены вокругъ народа, собравшагося въ боевомъ порядкѣ, свинья, овца и быкъ (suovetaurilia) и затѣмъ принесены въ жертву, причемъ царь молилъ боговъ даровать римскому народу счастіе и пріумноженіе благополучія (3). По его примѣру обрядъ этотъ повторялся при возобновленіи переписи черезъ каждыя пять лѣтъ до времени имперіи (4).—И народныя собранія обыкновенно освящались священнодѣйствіемъ. Когда бы и по какому бы случаю ни обращался государственный чиновникъ къ народу съ рѣчью (in concione), всегда онъ предварительно приносилъ торжественную молитву (5). И комиціи — народныя собранія для утвержденія законовъ, выбора чиновниковъ и производства суда — тоже всегда начинались жертвоприношеніемъ (6) и молитвой (7). Оканчивались занятія комицій возгласомъ предсѣдательствовавшаго въ собраніи чиновника: diis honorem dico, или по позднѣйшей формулѣ: hinc ad deos (8). Не исключались изъ этого правила и трибутскія комиціи, по

---

(1) Varro l. l. V. 143. Serv. Aen. V. 755.

(2) Fr. 21 D. Quibus modis usufr. (7, 4). Fr. 35. 100. 133. D. de divers. regul. jur. ant. (50, 17).

(3) Dionys. IV. 22. Liv. I. 44. Serv. Aen. VIII. 183.

(4) Varro l. l. VI. 93. Val. Max. IV. 1. 10. Suet. Aug. 97.

(5) Liv. XXXIX 15. Serv. Aen. XI. 301.

(6) Liv. XXXI. 7. Dionys. VII. 59. X. 32. 57.

(7) Cic. p. Murena 1. Plin. Paneg. 63.

(8) Serv. Aen. I. 632.

крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время республики (1). Чиновникъ, созывавшій сенатъ, долженъ былъ принести предъ вступленіемъ въ мѣсто засѣданія сената жертвоприношеніе и ауспиціи (2). Августъ ввелъ обычай, чтобы и сенаторы прежде занятія своихъ мѣстъ въ засѣданіи творили молитву съ принесеніемъ ѳиміама и вина на алтарь того бога, въ храмѣ котораго происходило засѣданіе (3). Въ зданіи Юліевой куріи, гдѣ тоже нерѣдко собирался сенатъ, находилась для этой цѣли статуя и алтарь Викторіи (4). Императоръ Геліогабалъ распорядился нарисовать себя на картинѣ огромныхъ размѣровъ въ томъ видѣ, какъ онъ являлся въ обществѣ и приносилъ жертву (а являлся въ обществѣ онъ въ одеждѣ, представлявшей смѣсь финикійскаго священнаго облаченія и мидійской пышности, именно въ дорогой золотой порфирѣ съ шитьемъ, въ ожерельѣ, нарукавникахъ, и въ золотомъ вѣнцѣ въ видѣ тіары, украшенномъ драгоцѣнными камнями), съ изображеніемъ на той же картинѣ и бога, которому онъ служилъ, и велѣлъ поставить эту картину въ сенатѣ надъ головою статуи Викторіи, чтобы всѣ входящіе въ сенатъ курили ѳиміамъ и возливали вино вмѣстѣ и предъ статуей и предъ картиной (5). Были случаи, когда сенаторы и сами назначали себѣ богомолье. Такъ когда послѣ смерти императора Авреліана войско предложило сенату самому избрать императора, сенаторы были такъ рады возвращенію прежнихъ правъ своихъ, что назначили по этому случаю особыя молебствія, и кромѣ того каждый особо

---

(1) Serv. Aen. XI. 301. Cic. c. Caecil. 13. Becker und Marquardt. II. 3. p. 129. Lange. II. 430.

(2) Gell. XIV. 7. Plin. Paneg. 76. Suet. Caes. 81. Plut. Brut. 15. Dio XLIV. 17. Spart. Did. Jul. 4.

(3) Suet. Aug. 35. Dio XLIV. 30. LVI. 31.

(4) Dio LI. 22. Suet. August. 100. Геродіанъ VII. 11.

(5) Геродіанъ. V. 5.

далъ обѣтъ устроить гекатомбу (1). А когда выбрали въ императоры Тацита, благочестивымъ восторгамъ ихъ не было конца; они приносили въ своихъ домахъ въ жертву животныхъ бѣлой масти, и сами одѣвшись въ бѣлыя одежды, сидѣли угощая другъ друга и съ умиленіемъ посматривая на изображенія своихъ предковъ (2). Также послѣ избранія Максима и Бальбина сенатъ въ цѣломъ составѣ тотчасъ по выходѣ изъ засѣданія, отправился въ Капитолійскій храмъ благодарить Юпитера (3). — Римскіе государственные чиновники во время республики вступали въ отправленіе своей должности съ религіозными обрядами. Такъ консулъ въ день вступленія въ должность надѣвалъ у домашняго очага тогу претексту, принималъ поздравленія отъ сенаторовъ и въ сопровожденіи ихъ, а также толпы народа, отправлялся въ капитолійскій храмъ Юпитера и здѣсь приносилъ въ жертву бѣлаго быка, исполняя обѣтъ предшественника своего, и самъ въ свою очередь давая обѣтъ за благополучное существованіе государства во время его будущаго управленія дѣлами государства (4), а потомъ тотчасъ же открывалъ засѣданіе сената тутъ же въ Капитоліи (5) и первымъ своимъ долгомъ считалъ предложить сенату о предметахъ священныхъ (6), и прежде всего о назначеніи дня праздника на горѣ Альбанской. Жертвоприношеніе на Альбанской горѣ было совершаемо въ возможно скоромъ времени послѣ вступленія консула въ должность, потому что оно также входило въ обрядъ этого вступленія; безъ него нельзя

---

(1) Vopisc. Tacit. 12.

(2) Vopisc. Florian. 6.

(3) Capitol. Maxim. et Balbin. 3.

(4) Liv. XXI. 63. XXII. 1. XLI. 17 (18). Ovid. Fast. I. 79. Ex Ponto IV. 4, 25; 9, 3.

(5) Liv. XXIII. 31. XXVI. 1. 26. XXX. 27. XXXII. 8.

(6) Gell. XIV. 7. Liv. VI. 1. XXII. 9. 11. XXXVII. 1.

было консулу оставить Рима и отправиться въ провинцію (1). Если сдѣлались извѣстны какіе нибудь признаки приближающагося гнѣва боговъ, консулы прежде начатія всякихъ дѣлъ и отправленія въ провинцію старались освободить государство отъ религіозныхъ опасеній (2). Несоблюденіе консулами обычныхъ религіозныхъ церемоній при вступленіи въ должность нагоняло страхъ на умы людей, чтобы изъ-за этого не прогнѣвались боги, и потому естественно навлекало подозрѣніе на законность самой власти консуловъ, пренебрегающихъ благоволеніемъ боговъ (3). Подобнымъ же образомъ вступали въ отправленіе должности диктаторы и другіе высшіе государственные чиновники. Преторы, какъ коллеги консуловъ, вступали въ должность подъ тѣми же ауспиціями, что и консулы, и первоначально въ одинъ день съ ними (4). Цензоры обыкновенно тотчасъ же послѣ выборовъ садились въ курульскія кресла на Марсовомъ полѣ у жертвенника Марса и затѣмъ отправлялись въ Капитолій для принесенія жертвы (5). Сложеніе должности чиновникомъ происходило въ собраніи народа и состояло въ торжественномъ клятвенномъ заявленіи, что онъ не сдѣлалъ ничего противнаго законамъ (6).

Война даетъ государству случай выказать свою силу и крѣпость, а въ тоже время она есть предпріятіе, соединенное съ величайшимъ рискомъ для государства. Особенно въ древнее время военная неудача влекла за собой потерю всѣхъ правъ человѣческаго

---

(1) Liv. I. 14. Dionys. II. 52. Macrob. Satur. III. 4. Liv. XXI. 63. XXII. 1. XXV. 12. XLII. 10. XLI. 15 (19).

(2) Liv. XL. 44. XLI. 9 (13).

(3) Liv. XL. 10 (14). XLI. 27 (32). XLII. 49. XLV. 39.

(4) Liv. VIII. 32. X. 22.

(5) Liv. XL. 45.

(6) Cic. Ad fam. V. 2 (14 Nisard). In. Pison. 3.

существованія со включеніемъ сюда и религіи. Предпринимая войну, государство предоставляло жребію не только свою судьбу, но и участь своихъ боговъ. Поэтому въ войнѣ были заинтересованы не только всѣ граждане, но и ихъ боги, и войну вели не одни люди, но и боги. Въ Римѣ время военныхъ походовъ было временемъ особенной бдительности со стороны Марса. Едва только наступало весной время удобное для войны, мартъ мѣсяцъ, какъ жрецы Марсовы Саліи вынимали изъ кладовой Марсовы щиты и почти въ продолженіи цѣлаго мѣсяца носили ихъ по городу въ торжественной процессіи съ пѣніемъ и военными танцами (1). Осенью 19 октября, съ окончаніемъ срока военныхъ походовъ, Марсовы щиты послѣ особой церемоніи снова складывались подъ спудъ (2). При такой близкой прикосновенности боговъ къ дѣлу войны, и военная служба считалась у Римлянъ militia sacrata (3). Сообразно съ этимъ и вести войну, т. е. нападать на непріятеля, убивать его и брать въ плѣнъ могъ безъ оскорбленія божескихъ и человѣческихъ правъ только тотъ, кто завербованъ въ эту священную милицію и формально принесъ военную присягу (4). Прежде начатія войны Римляне старались обезпечить за собой успѣхъ соотвѣтственными религіозными мѣрами. Они начинали войну только тогда, когда считали ее законной и благочестивой (justum piumque bellum), т. е. когда она по ихъ понятіямъ не оскорбляла международныхъ обязательствъ и предпринималась по крайней необходимости или еще въ защиту международнаго права, потому что они вѣрили, что безсовѣстное нарушеніе принятыхъ

(1) Dionys. II. 70. Polyb. XXI. 10. Lydus de mens. III. 15. IV. 29.

(2) Varro l. l. VI. 22. Fest. p. 19. Подробнѣе объ обрядахъ совершаемыхъ Саліями у Momms. u. Marqu. VI. 411—420.

(3) Liv. VIII. 34.

(4) Cic. de off. I. 11.

на себя международныхъ обязательствъ влечетъ за собой гнѣвъ боговъ, бывшихъ свидѣтелями договоровъ, а вмѣстѣ съ гнѣвомъ и ихъ противодѣйствіе военному успѣху (1). Независимо отъ этого Римляне старались узнать волю боговъ относительно предпринимаемой войны посредствомъ разныхъ гаданій (2), преклонить ихъ на свою сторону разными молебствіями и обѣтами (3), устранить признаки ихъ гнѣва очистительными жертвами (4). Послѣ объявленія войны римскій полководецъ входилъ во святилище Марса и взявшись за священные щиты и копье, говорилъ: воспряни, Марсъ (Mars, vigila) (5), а когда все было готово къ походу, онъ дѣлалъ въ Капитоліѣ торжественный обѣтъ Юпитеру за счастливое окончаніе похода, тутъ же смѣнялъ тогу на военную одежду и въ торжественной процессіи въ сопровожденіи всего народа отправлялся за черту города (6). Въ походѣ при всякомъ новомъ мѣропріятіи полководецъ обращался къ гаданіямъ и жертвоприношеніямъ (7), тѣмъ болѣе конечно предъ началомъ сраженія (8), такъ что онъ, особенно въ глазахъ иностранца, походилъ скорѣе на жреца и гадателя, чѣмъ на распорядителя военнымъ дѣломъ (9). Когда сраженіе шло нерѣши-

---

(1) Liv. IX. 1. 8. 10. 11. XXX. 31. Cic. de off. I. 11.

(2) Liv. VIII. 30. XXXVI. 1. XXXI. 5.

(3) Liv. VII. 11. XXIII. 14. XXV. 12. XXIX. 27. XXXI. 5. 8. 9. XXX. 27. XXXVI. 1. XLII. 21. 30.

(4) Liv. XXIV. 44. XXVII. 11. 23. 37. XXXIII. 26. XXXV. 21. XXXVII. 3. XXXVIII. 36. XLI. 9 (13). 16 (20). XLII. 2.

(5) Serv. Aen. VII. 603. VIII. 3.

(6) Fest. p. 173. Liv. XLII. 49. XLV. 39. XXI. 63. XXII. 1. Cic. Verr. V. 13.

(7) Liv. XXV. 16. XXVII. 16. 26. XXXIV. 14. XXXVI. 30. XXXVIII. 18. 26. XLII. 55. XLIV. 37. 46.

(8) Liv. IV. 18. V. 21. VII. 8. VIII. 6. 9. IX. 14. X. 39. XXII. 42. XXIII. 36. XXIV. 40.

(9) Liv. XXXV. 48.

тельно, полководецъ во время самаго боя старался вызвать содѣйствіе боговъ разнаго рода обѣтами (1), а иногда самъ жертвовалъ собой, чтобы утолить гнѣвъ боговъ и обезпечить побѣду за своимъ войскомъ (2). Послѣ побѣды Римляне совершали молебствія богамъ побѣдителямъ (3), сожигали въ честь ихъ оружіе, взятое на войнѣ у непріятеля (4), а по окончаніи войны устрояли въ честь ихъ торжественную процессію, извѣстную подъ именемъ тріумфа, посвящали имъ часть пріобрѣтенной добычи, исполняли обѣты и отправляли различныя нарочитыя празднества (5).

Въ древности боги призывались во свидѣтели при заключеніи мирныхъ договоровъ между народами (6), блюли за соблюденіемъ договоровъ и гнѣвались на ихъ нарушителей (7). Такимъ образомъ международныя отношенія находились подъ покровительствомъ боговъ и вѣдались у Римлянъ особой коллегіей жрецовъ-феціаловъ, и международное право составляло особый отдѣлъ священнаго права подъ именемъ jus fetiale. Права и обязанности феціаловъ состояли впрочемъ не въ рѣшеніи международныхъ вопросовъ по существу,—это дѣло принадлежало сенату и народу рим-

---

(1) Liv. II. 20. VII. 28. X. 29. 42. XXIX. 36. XXXII. 30. XXXV. 1. XXXIX. 2. XL. 40. 52. XLII. 7.

(2) Liv. VIII. 6 X. 28. Для содѣйствія при произнесеніи обѣтовъ и совершеніи гаданій, полководецъ держалъ при себѣ понтифексовъ, авгуровъ и пулляріевъ, а также гаруспексовъ. (Liv. VIII. 9. X. 28. XXIII. 36. 39. XXV. 16. XXVII. 26. XLI. 18 (22). XLIV. 40).

(3) Liv. XXXI. 22. XXXIII. 24. 37. XXXVI. 21. XXXVII. 47. 52. 58. XL. 28. 36. XLV. 2. 3. 7.

(4) Liv. X. 29. XXIII. 46. XXX. 6. XLV. 33.

(5) Liv. X. 21. XXVII. 7. 51. XXVIII. 9. XXX. 1. 17. 21. 40. XXXI. 8. XXXIII. 22. XXXIV. 21. XXXV. 8. XXXVIII. 44. 48. XXXIX. 38. XL. 53. XLI. 6 (10). 12 (16). 17 (21). XLV. 16. 39.

(6) Liv. VIII. 6. 7. IX. 1. X. 39. XXI. 10. XXVIII. 27. 44. XXIX. 24. XXXIX. 31.

(7) Liv. VII. 31. VIII. 6. IX. 1. XXX. 42.

скому,—а въ надлежащемъ устроеніи обряда международныхъ актовъ (1). Обряды эти носили на себѣ религіозный характеръ (2); при совершеніи ихъ феціалы присутствовали въ священныхъ облаченіяхъ (3) и съ знакомъ своего сана—съ священными травами, которыя они получали съ позволенія государственнаго чиновника изъ Капитолія, гдѣ онѣ росли, каждый разъ, какъ были посылаемы съ порученіемъ (4). Положимъ, что одинъ изъ союзныхъ или дружественныхъ съ Римомъ народовъ нарушилъ чѣмъ нибудь союзъ или дружбу, напр. сдѣлалъ грабительскій набѣгъ на окраины римскаго государства, или оскорбилъ неприкосновенную личность феціала и пр., или положимъ, что со стороны самихъ Римлянъ допущено какое нибудь нарушеніе дружественныхъ международныхъ отношеній, въ подобныхъ случаяхъ Римляне обыкновенно снаряжали посольство изъ двухъ, трехъ феціаловъ съ порученіемъ заявить о нарушеніяхъ союза или дружбы и требовать удовлетворенія за эти нарушенія, или же предложить сдѣлку за нарушенія съ своей стороны (5). Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ посольства былъ pater patratus, назначавшійся посредствомъ особой религіозной церемоніи на каждый данный случай изъ числа членовъ коллегіи феціаловъ (6). Подошедши къ границѣ владѣній народа,

---

(1) Liv. IX. 5.

(2) Liv. I. 32. IX. 11.

(3) Dionys. II. 72.

(4) Liv. I. 24. XXX. 43. Fest. p. 321. Serv. Aen. XII. 120. Plin. H. N. XXII. 3.

(5) Liv. III. 25. XXXI. 18. XLII. 25. Serv. Aen. X. 14. Plut. Camill. 18.

(6) Liv. I. 24. Смыслъ названія pater patratus объясняется тѣмъ, что ему между прочимъ приходилось выдавать головой во власть союзнаго народа лицъ нарушившихъ мирный договоръ. Для того, чтобы ему можно было распорядиться такимъ образомъ личностію виновнаго, онъ долженъ былъ, по тогдашнимъ понятіямъ Римлянъ, имѣть власть надъ

у котораго требовалось удовлетворенія, глава посольства произносилъ слѣд. слова: „внемли, Юпитеръ, и вы, Предѣлы (тутъ назывался народъ), внемли, божественная Правда (Fas)! Я вѣстникъ римскаго народа, я посолъ, имѣющій всѣ законныя полномочія, пусть не сомнѣваются въ томъ, что я скажу". Потомъ, изложивши самое требованіе, онъ призывалъ во свидѣтели своихъ словъ Юпитера, говоря: „если я не по праву и несправедливо требую выдачи себѣ, послу римскаго народа, упомянутыхъ людей и предметовъ, пусть никогда не увижу я своего отечества". Эти же самыя слова съ небольшими измѣненіями повторялъ онъ при переходѣ чрезъ границу, при видѣ перваго встрѣчнаго иноземца, при входѣ въ городскія ворота, при вступленіи на городскую площадь (1). Если требованіе исполнялось, посольство принимало выданныхъ людей и предметы, и уходило назадъ съ миромъ. Въ противномъ случаѣ оно устами своего главы заявляло торжественный протестъ: „услышь, Юпитеръ, и ты Юнона, и ты Квиринъ, услышьте боги небесные, земные и подземные. Призываю васъ въ свидѣтели, что этотъ народъ (поименовывая какой именно) не оказываетъ правосудія и не отдаетъ должнаго. А потому намъ нужно посовѣтоваться дома съ старѣйшинами о томъ, какъ намъ промыслить свое право". Если римскій народъ рѣшалъ начать войну, феціалы снова возвращались къ границамъ народа, съ которымъ велись переговоры, и объявляли ему войну въ присутствіи не менѣе троихъ свидѣтелей, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „такъ какъ народъ (латинскій) поступилъ несправедливо въ отношеніи къ римскому народу, и римскій народъ рѣшилъ вести войну съ латинами, и сенатъ римскій согласился съ

послѣднимъ подобную отеческой. Cicer. p. Caecina 34. De oratore I. 40. Moms. und Marq. VI. 402. Lange. I. 236.

(1) Liv. I. 32. Dionys. II. 72.

этимъ, то я отъ имени римскаго народа симъ объявляю войну (латинскому народу) и вчиняю", и вслѣдъ за симъ бросали въ непріятельскіе предѣлы копье, омоченное въ крови и на концѣ обожженное, или же съ желѣзнымъ концомъ (1). Эта древняя формула объявленія войны соблюдалась неизмѣнно до послѣднихъ временъ республики (2). Когда римскіе предѣлы расширились и войну приходилось вести въ далекомъ разстояніи отъ Рима, даже за моремъ, исполненіе древняго обряда стало затруднительно. Тогда — это было во время войны съ Пирромъ — придумали Римляне объявлять войну дома, создавши искусственно непріятельскую землю, согласно общему римскому правилу: in sacris simulata pro veris accipi. Именно, схватили одного изъ воиновъ Пирра, заставили его купить себѣ участокъ земли около Фламиніева цирка, и здѣсь совершили обрядъ объявленія войны какъ бы въ непріятельской землѣ. Подобнымъ же образомъ стали поступать въ Римѣ и на будущее время. У храма Беллоны поставили военную колонну, къ которой и бросали копье феціалы въ случаѣ объявленія кому нибудь войны (3). О соблюденіи этого обряда встрѣчается упоминаніе еще при Маркѣ Аврелiѣ (4). Фактическое же объявленіе войны производилось въ позднѣйшее время предводителемъ войска при вступленіи въ непріятельскіе предѣлы въ формѣ, напоминавшей древній обрядъ (5).—Заключеніе мира также совершалось феціалами при участіи религіознаго обряда. Если римскій военачальникъ находилъ нужнымъ войти съ непріятелемъ въ мирные переговоры, онъ заключалъ съ нимъ предварительное соглашеніе (spon-

(1) Liv. I. 32.

(2) Ibid. Gell. XIV. 4.

(3) Serv. Aen. IX. 53. Ovid. Fast. VI. 205. Fest. p. 33.

(4) Dio LXXI. 33.

(5) Liv. XXXI. 8. XXXVI. 3. Polyb. XIII. 3. Amm. Marcell. XIX. 2

sio) подъ собственною отвѣтственностію. Если римскій народъ не хотѣлъ утвердить предварительнаго соглашенія своего военачальника, то онъ выдавалъ его и всѣхъ лицъ подписавшихъ соглашеніе непріятелю головой, тоже при посредствѣ феціаловъ, чтобы, пожертвовавъ виновниками условія, котораго нельзя принять, освободить государство отъ гнѣва боговъ за нарушеніе клятвы, сопровождавшей заключеніе условія (1). Если же предварительное мирное условіе утверждалось римскимъ народомъ, то оно превращалось въ мирный договоръ (foedus), который совершался опять феціалами той и другой изъ договаривающихся сторонъ, такъ какъ институтъ феціаловъ существовалъ у всѣхъ народовъ Италіи. Римскіе феціалы являлись съ принадлежностями своего званія — священной травой (sagmina) и священными камнями (silices), хранившимися въ храмѣ Юпитера Феретрія (2), и служившими символомъ самого Юпитера (3). Послѣ прочтенія мирнаго договора, уполномоченный феціалъ (pater patratus) произносилъ слѣд. клятвенную формулу: „внемли, Юпитеръ, внемли посолъ народа (албанскаго), внемли народъ (албанскій)! Пусть все, что теперь прочтено, отъ перваго слова до послѣдняго, безъ всякаго злоумышленнаго толкованія, точь въ точь какъ теперь понимается, будетъ обязательно для римскаго народа. Если римскій народъ первый нарушитъ то, что здѣсь сказано, злонамѣренно, съ общаго согласія, тогда ты, Юпитеръ, порази его такъ, какъ я теперь поражу эту свинью, и тѣмъ съ большею силою порази, чѣмъ ты сильнѣе меня“. Сказавши это, феціалъ поражалъ животное кремневымъ камнемъ. Подобный же обрядъ совершала и

---

(1) Liv. IX 5. 8. 9. 10. Epit. LVI.

(2) Liv. I. 24. XXX. 43. Fest. p. 92. 321.

(3) Gell. I. 21. Cic. Ad fam. VII. 12 (173 Nisard). Fest. p. 92. 115. Plut. Sulla. 10. Polyb. III. 25.

другая изъ договаривающихся сторонъ (1). Послѣ клятвы и жертвоприношенія феціалы, совершавшіе обрядъ, скрѣпляли договоръ своими подписями (2). Въ той же самой формѣ заключались договоры и съ народами, находящимися внѣ Италіи, напр. съ Карѳагенянами (3). Но впослѣдствіи о феціалахъ упоминается очень рѣдко, да и то при выдачѣ виновныхъ непріятелю (4). Мирные же договоры стали заключаться государственными чиновниками, съ соблюденіемъ впрочемъ клятвы; такъ напр. былъ заключенъ договоръ съ царемъ Антіохомъ въ 564 году (5). Вѣроятно это измѣненіе формы заключенія мирныхъ договоровъ случилось одновременно съ тѣмъ, какъ перестали посылать феціаловъ для объявленія войны въ предѣлы непріятеля. При императорахъ (напр. при Клавдіѣ) иногда совершалась древняя церемонія при заключеніи мирнаго договора, но только въ Римѣ на городской площади и вѣроятно такъ же символически, какъ совершался въ то время обрядъ объявленія войны (6). Можетъ быть, съ новымъ обычаемъ заключать мирные договоры при посредствѣ государственныхъ чиновниковъ имѣетъ связь упоминаемое у нѣкоторыхъ писателей обыкновеніе употреблять при договорныхъ клятвахъ въ качествѣ символа Юпитера, кромѣ кремневаго камня, еще скипетръ, который считался принадлежностію Юпитера (7).

Чтобы обезопасить себя отъ неудачъ въ разныхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, римское государство, прежде чѣмъ что нибудь предпринять, обыкновенно

---

(1) Liv. I. 24.

(2) Liv. IX. 5.

(3) Polyb. III. 25. Liv. XXX. 43.

(4) Cic. de Oratore. I. 40. II. 32. Liv. Epit. LVI.

(5) Liv. XXXVIII. 39.

(6) Suet. Claud. 25. Tacit. Annal. III. 64.

(7) Fest. p. 92. Serv. Aen. XII. 206.

справлялось у Юпитера, будетъ ли удача въ предпріятіи. Средствомъ къ этому служили ауспиціи, а руководителями въ этомъ важномъ дѣлѣ были авгуры, составлявшіе изъ себя особую жреческую коллегію. Иногда Юпитеръ самъ, по собственному почину, давалъ условные знаки, выражающіе его одобреніе или неодобреніе извѣстнаго дѣла (auspicia oblativa). Напр. если бы во время народнаго собранія загремѣлъ громъ (1) или случился бы съ кѣмъ нибудь припадокъ падучей болѣзни (названной отъ этого morbus comitialis) (2), то это было худымъ знакомъ, собраніе не могло состояться. Но не дожидаясь, когда Юпитеръ вздумаетъ дать знаменіе своего благоволенія или неблаговоленія, представители народа каждый разъ сами спрашивали его насчетъ успѣшности предпріятія (auspicia impetrativa), причемъ въ точной формулѣ, какъ бы въ контрактѣ или въ законѣ, обозначался предметъ, о которомъ былъ вопросъ, а также и самыя знаменія, которыя желали получить отъ Юпитера (3). Древнѣйшимъ способомъ угадыванія мнѣнія Юпитера было гаданіе по полету и голосу птицъ (signa ex avibus) (4). Гаданіе это, дѣло мудреное само по себѣ, было обставлено очень сложными условіями. Наблюденіе птицъ должно было производиться раннимъ утромъ (послѣ полуночи и прежде разсвѣта, потому что юридическій день начинался послѣ полуночи) (5), при ясномъ небѣ, при тихой погодѣ (6). При самомъ наблюденіи птицъ требовалась полнѣйшая тишина. Не говоря уже о какихъ нибудь странныхъ

---

(1) Cic. de div. II. 18. Phil. V. 3. Liv. X. 42. XL. 59. Dio XXXVIII. 13.

(2) Fest. p. 234. Dio. XLVI. 33.

(3) Liv. I. 18. Serv. Aen. III. 89.

(4) Liv. I. 19. IV. 18. Cic. de leg. III. 3. Fest. p. 241.

(5) Censorin. XXIII. 4. Dionys. XI. 20. Liv. X. 40. Fest. p. 348.

(6) Serv. Aen. VII. 141.

внезапныхъ звукахъ (dirae), всякій шорохъ въ родѣ скрипа ножки кресла или писка полевой мыши, всякій стукъ, напр. отъ паденія какого нибудь предмета, запинка ногой дѣлали наблюденіе недѣйствительнымъ (1). Отъ воли наблюдающаго впрочемъ зависѣло не обратить вниманія на встрѣтившееся препятствіе (2), и это практическое правило конечно нерѣдко выручало на дѣлѣ, когда было нужно получить благопріятныя предзнаменованія. Такъ какъ при наблюденіи птицъ было весьма важно знать, откуда, съ какой стороны летитъ или кричитъ птица, то прежде наблюденія требовалось устроить особое мѣсто для наблюденія—templum. Для этой цѣли авгуръ, становясь лицомъ къ югу и творя молитву, проводилъ своимъ жезломъ (lituus—загнутая съ верхняго конца палка) по небу и по мѣсту, которое онъ занималъ, прямую линію съ сѣвера на югъ и другую съ востока на западъ, затѣмъ перпендикулярно къ концамъ каждой изъ этихъ линій проводилъ по двѣ параллельныхъ линіи и такимъ образомъ описывалъ четвероугольникъ. Въ самой срединѣ этого четвероугольника устроялась палатка для наблюденія тоже въ формѣ четвероугольника, обращенная входомъ къ югу, а задней стороной къ сѣверу (3). Въ эту палатку входилъ чиновникъ, наблюдавшій предзнаменованія, просилъ Юпитера дать опредѣленныя знаменія относительно удачи или неудачи предпринимаемаго дѣла, и затѣмъ садился вмѣстѣ съ авгуромъ для наблюденія. По прошествіи нѣкотораго времени наблюдавшій спрашивалъ авгура: dicito, si silentium esse videtur, и получалъ отъ него въ отвѣтъ: silentium esse videtur. Затѣмъ слѣдовалъ другой вопросъ: dicito, si addicunt,

---

(1) Fest. p. 64. Val. Max. I. 1, 5; 4, 2. Plut. Marcell. 5. Plin. H. N. VIII. 82 (57).

(2) Fest. p. 234. Cic. de div. II. 36.

(3) Liv. I. 18. Cic. de div. I. 17. Varro l. l. VII. 7. 8. Fest. p. 220. 339.

и отвѣтъ: aves addicunt, или въ случаѣ неудачи: alio die (1). Благопріятными предзнаменованіями считались такія, которыя приходили съ лѣвой стороны наблюдающаго (sinistrae aves), а неблагопріятными, которыя съ правой (dextrae aves) (2). Чтобы не повторять каждый разъ построенія templum, на мѣстахъ народныхъ собраній были устрояемы постоянныя вышки для наблюденія; такъ въ Капитоліѣ было auguraculum на самой вышкѣ крѣпости (3), на городской площади—на ростpахъ (4), на Марсовомъ полѣ—въ садахъ Сципіона (5). Такъ какъ сенатъ собирался не на площади, а въ закрытомъ зданіи, то самое зданіе, гдѣ засѣдалъ сенатъ, должно было быть templum, т. е. устроено и приспособлено авгуромъ по обрядамъ авгурской дисциплины (6). — На войнѣ было затруднительно пользоваться такой сложной формой ауспицій; поэтому тамъ съ ранняго времени употреблялась другая болѣе простая и удобная форма гаданія—по питанію птицъ (auspicia ex tripudiis) (7). Давали курицѣ (употреблялась попреимуществу эта птица) (8) корму, и если она во время ѣды роняла изъ своего клюва захваченный кормъ, это принималось за знакъ

---

(1) Serv. Aen. IX. 4 Fest. p. 348. Cic. de div. II. 34. De leg II. 12. Phil. II. 33 Momms. und Marqu. VI. 388.

(2) Fest. p. 339, 5. 351, 19. Varro l. l. VII. 97. Cic. de div. I. 20. II. 35. Serv Aen. II. 693. IX. 631. Dionys. II. 5. У грековъ же и варваровъ считалась счастливой правая сторона. Cic. de div. II. 39. Со времени Августа это воззрѣніе проникло и въ латинскую литературу. Fest. p. 74, 4. Sueton Vitell. 9.

(3) Fest. p. 18. Varro l. l. V. 47. Cic. de offic. III. 16.

(4) Liv. VIII. 14. Cic. Vatin. 10.

(5) Cic. de nat. deor. II. 4.

(6) Gell. XIV. 7. Varro l. l. VII. 10. Liv. I. 30. Serv. Aen. I. 446. VII. 153. XI. 235. XII. 120.

(7) Fest. Tripudium. Liv. IX. 14. X. 40. XXII. 42 Sabidius ad Aeneid. X. 241. Commentar. in Virgil. Servii, Ed. Lion. II. p. 322.

(8) Cic. de div. II. 35.

того, что боги благоволятъ къ предпринимаемому дѣйствію (1). Чтобы всегда и во всякое время имѣть возможность обратиться къ совѣту вѣщуньи, полководецъ постоянно имѣлъ при себѣ цыплятъ въ клѣткѣ подъ присмотромъ пуллярія. Въ свободное отъ гаданія время цыплятъ не кормили, чтобы они тѣмъ охотнѣе бросались на пищу и съ большею жадностію хватали ее, когда понадобится ихъ содѣйствіе для узнанія воли боговъ, причемъ второпяхъ скорѣе могли выронить схваченный кусокъ корму. А для лучшаго еще обезпеченія благопріятнаго гаданія, кромѣ того давали имъ ѣсть мѣсиво, такъ приготовленное, что они не могли ѣсть его, не роняя на полъ крошекъ изъ своего клюва (2). Такимъ образ. обращающійся къ гаданію по этому способу всегда имѣлъ въ своихъ рукахъ готовый отвѣтъ на свой вопросъ. Да и посредства никакого не требовалось при такомъ гаданіи; достаточно было одного сторожа цыплятъ. Не удивительно, что такой простой и удобный способъ гаданія сталъ современемъ употребляться и въ городской жизни по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ не важныхъ случаяхъ (3).—Кромѣ гаданія посредствомъ кормленія цыплятъ въ послѣднее время республики было въ большомъ ходу гаданіе посредствомъ наблюденія молніи (de coelo servare, coelestia auspicia). Оно было тоже древняго происхожденія и считалось важнѣе всѣхъ прочихъ (4). Если Юпитеръ раннимъ ут-

---

(1) Cic. de div. I. 15. II. 34.

(2) Cic. de div. II. 35. Fest. p. 245.

(3) Val. Max. I. 4, 2; 6, 7. Plut. Tib. Gracch. 17. Serv. Aen. VI. 198. Sueton. Galba. 18. Въ послѣднее время республики слово pullarius употреблялось для обозначенія лица, помогающаго при всякихъ гаданіяхъ вообще, какимъ бы способомъ онѣ ни производились. Cic. de div. II. 35. Ad famil. X. 12 (819 Nisard). Этимъ обстоятельствомъ затрудняется точное опредѣленіе того, насколько было распространено гаданіе по кормленію цыплятъ въ городской жизни.

(4) Dionys. II. 5. Cic. de div. II. 35. Serv. Aen. II. 693. Dio XXXVIII. 13.

ромъ и при ясномъ и безоблачномъ небѣ посылалъ наблюдающему молнію, и она ударяла слѣва на право, то это было хорошимъ знакомъ для всѣхъ дѣлъ, по поводу которыхъ испрашивалось знаменіе, кромѣ только народныхъ собраній (1); послѣднія не могли собираться въ тотъ день, въ который замѣчена молнія на небѣ (2). Казалось бы, что не часто можно было разсчитывать на подобное чудесное знаменіе; повидимому такое труднодостижимое условіе благополучнаго исхода предпріятія должно было служить весьма сильнымъ стѣсненіемъ для безостановочнаго теченія государственныхъ дѣлъ. Но на дѣлѣ этотъ способъ гаданія сталъ такъ же прость и удобенъ, какъ и гаданіе посредствомъ кормленія цыплятъ. Римляне дорожили формой, а о существѣ дѣла мало безпокоились. Они не доискивались, видѣлъ ли дѣйствительно гадатель молнію, ударившую слѣва на право, имъ было нужно, чтобы онъ только заявилъ, что видѣлъ. Если онъ обманулся или намѣренно солгалъ, это былъ его грѣхъ; онъ и отвѣчалъ за этотъ грѣхъ предъ богомъ; чиновникъ, принявшій на вѣру его заявленіе о благопріятномъ знаменіи, а вслѣдъ за чиновникомъ и государство были тутъ ни при чемъ (3). Такимъ путемъ естественно гаданіе посредствомъ наблюденія молніи обратилось въ чистѣйшую формальность, не представлявшую затрудненій. Всякій разъ, какъ вновь избранный консулъ, преторъ или квесторъ въ день вступленія въ должность отправлялся утромъ наблюдать небо, прислужникъ при наблюденіи неизмѣнно заявлялъ, что онъ слышалъ счастливый громъ, хотя бы и былъ самъ глухъ (4). Къ этому такъ при-

---

(1) Dionys. II. 5. Serv. Aen. II. 693. VII. 141. IX. 630. Cic. de div. II. 35.

(2) Cic. de div. II. 18. In Vatin. VIII. 20. Phil. V. 3. Liv. X. 42.

(3) Liv. X. 40.

(4) Dionys. II. 5. Cic. de div. II. 35. Lucanus. Phars. V. 395.

выкли, что когда говорилось, что совершено наблюденіе неба, то при этомъ само собой разумѣлось, что была молнія и громъ. Когда напр. консулъ или народный трибунъ заявлялъ въ народномъ собраніи, что онъ сегодня наблюдалъ небо (de coelo servare), то всѣ понимали, что онъ видѣлъ знаменіе, которое мѣшало быть народному собранію, и немедленно расходились (1). Чиновники, имѣвшіе право наблюдать небесныя знаменія во имя государства, даже заранѣе предвидѣли желаемый результатъ своихъ наблюденій и предупреждали объ этомъ народъ. Такъ напр. въ 697 г. народный трибунъ Милонъ, желая воспрепятствовать собранію народныхъ комицій, вывѣсилъ объявленіе, что онъ будетъ наблюдать небо каждый разъ, какъ будетъ собираться народъ на собраніе (2).

Тѣмъ или другимъ изъ указанныхъ способовъ Римляне старались угадать волю боговъ при всякомъ новомъ предпріятіи дома ли—въ городѣ, или на войнѣ (3). При посредствѣ ауспицій былъ построенъ Ромуломъ городъ Римъ (4); при посредствѣ ауспицій также Римляне строили колоніи (5) и полагали основаніе храмамъ (6). Ауспиціи устроялись предъ засѣданіемъ сената (7), при распредѣленіи провинцій между чиновниками (8), при вербовкѣ войска (9), на войнѣ при всякомъ новомъ имѣющемъ значеніе шагѣ.

---

(1) Cic. de div II. 18. Phil. II. 38. In Vatin 6. 7. Pro domo 15. De har. resp. 23.

(2) Cic. Ad Attic. IV. 3. (89). Dio XXXVIII. 13.

(3) Cic. de div. I. 2. 16. Liv. I. 36. VI. 41.

(4) Liv. I. 12. VI. 41. XXVIII. 28. Cic. de nat. deor. III. 3. De republ. II. 9.

(5) Liv. I. 44. Cic. Phil. II. 40. De leg. agr. II. 12. Varro l. l. V. 143.

(6) Liv. I. 55.

(7) Cic. Ad fam. X. 12. (819). Serv. Aen. I. 446.

(8) Liv. XLI. 18 (22).

(9) Liv. XLV. 12.

напр. при переходѣ чрезъ рѣку (1), при началѣ сраженія (2). Но особенно важное юридическое значеніе имѣли ауспиціи въ слѣд. случаяхъ: при вступленіи чиновниковъ въ должность, при отправленіи ихъ на войну и при народныхъ собраніяхъ.

Первымъ дѣломъ вновь избраннаго чиновника было воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ ауспицій, войти въ сношеніе съ богами и при первомъ же случаѣ узнать отъ нихъ, угоденъ ли онъ имъ въ качествѣ государственнаго чиновника. Это и достигалось совершеніемъ ауспицій при вступленіи его въ должность. Конечно въ послѣднее время республики эти ауспиціи обратились въ формальность, но если бы авгуръ захотѣлъ, онъ могъ бы помѣшать новоизбранному чиновнику воспользоваться правами своей должности. Одного писка полевой мыши, замѣченнаго при ауспиціяхъ, было достаточно для того, чтобы заставить Фабія Максима сложить съ себя диктатуру, а Фламинія отказаться отъ начальства надъ конницей (3). Ударъ грома въ день вступленія чиновника въ должность тоже имѣлъ послѣдствіемъ отказъ его отъ должности (4). Въ городѣ римскій чиновникъ пользовался только гражданскою властію, военная ему давалась лишь на случай войны, за стѣнами города. Вступая въ отправленіе обязанностей предводителя войска, онъ обязанъ былъ въ день отправленія на войну совершить ауспиціи касательно успѣшности его военной дѣятельности. Безъ исполненія этого условія онъ не могъ пользоваться и своею властію (5). Если возникало какое нибудь сомнѣніе

(1) Cic. de div. II. 36. De nat. deor. II. 3. 4. Fest. p. 245. 250.

(2) Liv. VIII. 30. IX. 14. X. 40. XXII. 42. XLI. 18. Cic. de div. I. 35. De nat. deor. II. 3. Val. Max. I. 4, 3.

(3) Val. Max. I. 1, 3 Plut. Marcell. 3.

(4) Liv. XXIII. 31. Plut. Marcell. 12.

(5) Liv. XXI. 63. XXII. 1.

насчетъ его ауспицій, онъ долженъ былъ оставить войско и отправиться въ Римъ для возобновленія ауспицій (1). Такъ же точно поступали и въ томъ случаѣ, если истекалъ срокъ полномочій военачальника и обстоятельства требовали ихъ возобновленія. Только въ послѣднее время республики, когда римскія владѣнія распространились на далекія пространства и когда слѣд. путешествіе военачальника въ Римъ требовало бы много времени, что̀ не могло не сопровождаться ущербомъ для военныхъ операцій, стали дѣлать отступленіе отъ буквы этого требованія, не нарушая впрочемъ принципа, именно стали искусственно дѣлать ager romanus въ непріятельской землѣ, отдѣливши отъ нея небольшой участокъ и объявивши его римскимъ владѣніемъ, и тамъ вмѣсто Рима совершать ауспиціи (2).

Въ собраніяхъ римскаго народа рѣшались важнѣйшія дѣла государственныя, какъ напр. объявленіе войны и заключеніе мира, производство уголовнаго суда по апелляціямъ, ежегодный выборъ чиновниковъ государственныхъ, утвержденіе законовъ. Естественно поэтому, что каждый разъ, какъ созывалось народное собраніе, спрашивали предварительно согласія боговъ на предложеніе извѣстнаго вопроса въ народномъ собраніи (3). Этому правилу были подчинены и собранія по трибамъ, послѣ того какъ онѣ перестали быть собраніями сословными, и пріобрѣли преобладающее вліяніе на дѣла государственныя (4). Благопріятное отношеніе ауспицій къ рѣшеніямъ народныхъ собраній имѣло существенное вліяніе на ихъ юридическое значеніе. Напр. чиновникъ государственный тогда только считался законно поставленнымъ,

(1) Liv. VIII. 30. 32. X. 3. XXIII. 19.

(2) Serv. Aen. II. 178. Dio XLI. 43.

(3) Liv. V. 52. Cic. de nat. deor. II. 4. Dionys. IX. 41.

(4) Dio LIV. 24.

когда его выборъ былъ одобренъ благопріятными ауспиціями ([1]). Если бы даже впослѣдствіи, спустя значительное время послѣ избранія чиновника и вступленія его въ должность, открылось, что ауспиціи были не въ его пользу, онъ тотчасъ же долженъ былъ отказаться отъ своей должности какъ vitio creatus ([2]). Такъ же точно и законы, изданные безъ согласія ауспицій, не имѣли обязательной силы для людей ([3]), а тѣмъ болѣе для боговъ ([4]). Новый законъ измѣнялъ или дополнялъ прежній порядокъ вещей. А послѣдній былъ установленъ тоже съ согласія ауспицій. Естественно и перемѣнять его было нельзя, не спросивши мнѣнія боговъ ([5]). Съ этой точки зрѣнія весь строй римскаго государства представляется установленнымъ съ согласія боговъ (auspicato, divinitus constituta) и весь процессъ его развитія, доколѣ онъ шелъ правильно, въ духѣ древне-римскаго уклада, совершался подъ формальнымъ вліяніемъ ауспицій ([6]). Исключеніе изъ этого составляли постановленія плебейскихъ собраній (plebiscita), доколѣ онѣ касались только интересовъ однихъ плебеевъ ([7]); но когда онѣ пріобрѣли общегосударственное значеніе, тогда и онѣ подведены подъ общее правило относительно изданія законовъ.

([1]) Liv. VI. 41. Cic. de leg. III. 3.

([2]) Liv. IV. 7. V. 17. VI. 27. 38. VIII. 15. 17. 23. IX. 7. XXII 33. XXIII. 31. Plut. Marcell. 4. Cic. de nat. deor. II. 4. De div. I. 17. Ad Quint. fr. II. 2 (9⁵). Впрочемъ должностныя дѣйствія, совершенныя чиновникомъ, который оказался vitio creatus, считались дѣйствительными. Varro l. l. VI. 30.

([3]) Cic. de leg. II. 12. Pro domo 15. 16. Phil. V. 4. XI. 6. XII. 5. XIII. 3.

([4]) Liv. VII. 6.

([5]) Liv. I. 36.

([6]) Liv. VI. 41. Cic. De republ. II. 9. Tuscul. VI. 1. Tacit. Hist. I. 84.

([7]) Dionys. IX. 41. Liv. VII. 6.

Вообще ауспиціи считались самымъ прочнымъ основаніемъ римскаго государства (1); поступить вопреки ауспицій въ выборѣ чиновниковъ и въ законодательствѣ значило для римскаго государства посягнуть на свое собственное существованіе. Смѣнялись римскіе государственные чиновники, перемѣнялись формы государственнаго управленія, издавались новые законы, но при этомъ сохранялись неприкосновенно одни и тѣже ауспиціи, начиная отъ Ромула до конца римскаго государства. Римляне блюли чистоту ауспицій какъ зеницу ока. Хранилищемъ ауспицій служило сословіе патриціевъ, положившее основаніе римскому государству и постоянно управлявшее имъ. Здѣсь покоились ауспиціи во время междуцарствія, во время, когда не было представителя государственной власти. Отсюда заимствовалъ, безъ всякаго впрочемъ особаго акта, ауспиціи чиновникъ, управлявшій государствомъ во время междуцарствія (interrex) и передавалъ ихъ поставляемому имъ главѣ государства (2). Чиновникъ государственный, олицетворявшій въ себѣ державство народа, былъ въ тоже время и носителемъ государственныхъ ауспицій, и передавая свою власть своему преемнику въ актѣ избранія, въ тоже время вручалъ ему и ауспиціи. Эта передача продолжалась регулярно до тѣхъ поръ, пока не произошло какого нибудь замѣшательства въ замѣщеніи должности высшихъ чиновниковъ государства, или пока не было замѣчено въ дѣйствіяхъ чиновниковъ и въ знаменіяхъ времени ихъ правленія какихъ нибудь признаковъ, указывающихъ на нѣкоторое поврежденіе ауспицій. Въ послѣднемъ случаѣ чиновники были смѣняемы и для обновленія ауспицій назначался патриціями междуцарь (3).

---

(1) Cic. de nat. deor. III. 2. De republ. II. 10.

(2) Liv. VI. 41.

(3) Liv. V. 17. 31. 52. VI. 1. 5. VIII. 17. IX. 7.

Республиканскія учрежденія продолжали существовать значительно долгое время и при императорахъ, хотя только для видимости, почти безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Были напр. консулы, преторы, и другіе республиканскіе чиновники; собирались комиціи. Соблюдались также и религіозные обряды, какіе полагались при извѣстныхъ случаяхъ (1). Такъ напр. при Траянѣ, и послѣ въ началѣ третьяго вѣка, консулы избирались въ народныхъ собраніяхъ, причемъ соблюдались ауспиціи, произносилась обычная молитва, да кромѣ того еще давалась избраннымъ клятва на вѣрность (2). Но къ концу III вѣка комиціи по центуріямъ и трибамъ совсѣмъ вышли изъ употребленія (3). Послѣ закона Діоклетіана 286 г. о дозволеніи совершать arrogatio и у претора (4) не стало болѣе надобности и въ куріатскихъ комиціяхъ; а съ прекращеніемъ ихъ изсякалъ т. с. самый источникъ ауспицій (5), потому что куріатскія комиціи служили органомъ сословія патриціевъ, которое было хранилищемъ ауспицій. Подобный же исходъ былъ и съ комиціями для утвержденія законовъ. Комиціи лишились своей законодательной власти въ пользу сената, а послѣдній былъ орудіемъ въ рукахъ императора, и отъ него, а не отъ ауспицій получалъ всѣ нужныя внушенія. Засѣдалъ сенатъ теперь нерѣдко въ построенномъ при Адріанѣ Атенеѣ, зданіи не имѣющемъ значенія templum, назначенномъ для риторическихъ упражненій (6). Между тѣмъ наряду съ чиновниками республиканскаго происхожденія возникаетъ при императорахъ много новыхъ чиновниковъ,

---

(1) Dionys. II. 6.

(2) Sueton. Vespas. 5. Domit. 10. Dio LVIII. 20. Plin. Paneg. 63. 64. 77.

(3) Arnob. Ad nationes. II. 67. Becker und Marq. II. 3. p. 206. 207.

(4) L. 2 C. de adopt. (8, 48).

(5) Cic. de leg. agrar. II. 11.

(6) Becker und Marqu. II. 3. p. 209. 210.

которые постепенно завладѣваютъ всѣмъ управленіемъ государства, каковы напр. префектъ города съ подчиненными ему префектомъ городской стражи и префектомъ городскаго продовольствія и начальникъ преторскихъ когортъ. Общее свойство этихъ чиновниковъ то, что всѣ они военнаго происхожденія и характера, а также и то, что они не чиновники государства, а слуги императора, приставленные къ извѣстному дѣлу безъ участія сената и народа, по личному довѣрію императора, ему одному отдающіе отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и смѣняемые тоже по его личному усмотрѣнію (1). Естественно, по отношенію къ императорскимъ чиновникамъ не можетъ быть и рѣчи объ ауспиціяхъ при ихъ поставленіи. Равнымъ образомъ въ законодательствѣ, наряду съ древней формой закона—lex, впрочемъ вышедшей изъ употребленія при первыхъ же императорахъ, наряду съ сенатусконсультомъ—новой формой закона, замѣнившей lex съ перенесеніемъ полномочій народныхъ собраній на сенатъ, являются императорскія постановленія, издававшіяся единолично императоромъ безъ всякаго участія народа или сената, которымъ тоже усвоена была сила закона (2). Конечно эти законы, а также и упомянутые выше сенатусконсульты издавались безъ всякаго отношенія къ ауспиціямъ. Сама императорская власть опиралась не на ауспиціяхъ, а на военной силѣ. Хотя императоры и старались прикрыть новый порядокъ вещей старыми формами, принимая на себя всѣ важнѣйшія республиканскія должности, и при этомъ придерживаясь иногда древнихъ обрядовъ, въ томъ числѣ и спроса ауспицій при принятіи консульства (3), но соблюденіе подобныхъ церемоній

---

(1) Becker. II. 3. p. 276.

(2) Gai Instit. I. 3. Fr. 1 D. de constit. princ. (1, 4). 6 Instit. de jure natur. (1. 2). L. 1 § 7 C. de vetere jure enucl. (1, 17).

(3) Plin. Paneg. 63. 64. 76.

не освящало императорской власти, центръ тяжести которой заключался въ военныхъ полномочіяхъ. Для принятія императорской власти долгое время не было даже опредѣленной формы, не говоря уже объ ауспиціяхъ (1). Какъ принималъ свою власть, такъ и пользовался ею императоръ безъ совѣта съ богами. Такимъ образомъ къ концу III вѣка, ко времени преобразованія принципата въ самодержавіе, вышли изъ употребленія древнія республиканскія учрежденія, соблюдавшіяся въ началѣ имперіи по наружности, а вмѣстѣ съ ними прекратилось и наблюденіе ауспицій при отправленіи государственныхъ дѣлъ. Авгуры впрочемъ продолжали существовать еще цѣлое столѣтіе, но существовали какъ старое, отжившее свой вѣкъ учрежденіе; только изрѣдка являлись они для декорума при народныхъ играхъ и зрѣлищахъ (2) и въ другихъ подобныхъ случаяхъ (3).

И. Вердниковъ.

---

(1) Momms. und Marq. II. 748. 795.

(2) Arnob. IV. 35. Moms. und Marq. VI. 383.

(3) Moms. u. Marqu. II. 931.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1.

«Записки императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленные сроки, отъ 3 до 4 томовъ въ годъ, отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ томъ, in 8° (съ протоколами).

Редакціи періодическихъ изданій, которыя пожелали бы вступить съ редакціей «Записокъ» въ обмѣнъ своими изданіями, благоволятъ обращать свои заявленія въ *Правленіе имп. нов. университета.*

Редакторъ: Орд. проф. *А. Кочубинскій.*

Въ редакціи «Записокъ императорскаго новороссійскаго университета» имѣются и прежніе томы этого изданія, заключающіе въ себѣ:

Томъ I. *Соколовъ И. Д.* Замѣчаніе относительно интегрированія диффер. уравненій движенія свободной точки. *Лапшинъ В. И.* О вулканическихъ явленіяхъ близъ остр. Санторина. *Брунъ Ф. К.* Путешествіе [illegible]в. Шилтбергера по Европѣ, Азіи.... *Леонтовичъ Ѳ. И.* Древнее хорв[illegible]о-долматское законодательство. *Юргевичъ В. Н.* De Jovis Lycaei na[illegible]га.... *Бернштейнъ.* Отчетъ о командировкѣ. *Абашевъ Д. Н.* О теп[illegible]ыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей.

[illegible]мъ II. *Смирновъ М. П.* Ягелло Владиславъ и первое соединеніе Ли[illegible]ы съ Польшею. *Беркевичъ Л. Ѳ.* Изслѣдованіе движенія пл. Юноны. *Чатлаевскій И. І.* Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762.

Томъ [illegible] *Орбинскій Р. В.* Англійскіе деисты XVII—XVIII ст. *Соколовъ [illegible]Н.* О молочной кислотѣ изъ β—іодопропіоновой кислоты. *Вольскій [illegible]М.* Рабская обработка земли *Струве Ѳ. А.* Путевыя замѣтки.—Праз[illegible]ованіе въ и. нов. ун—тѣ тысящелѣтія со дня кончины св. Кирилла (1 [illegible]евр. 1869).

Томъ IV. [illegible]асовъ *И. С.* Зарожденіе національной лит—ры въ сѣв. Руси. *Богдан[illegible]кій А. М.* Молодые преступники. *Абашевъ Д. Н.* О механическомъ а[illegible]изѣ почвъ. *Шведовъ Ѳ. Н.* О законахъ превращенія электричества [illegible]теплоту.

Томъ V. *Ярошенко С. П.* О розысканіи особенныхъ рѣшеній дифер. уравненій 1 порядка. *Брунъ Ѳ. К.* О странствованіяхъ царя пресвитера Іоанна. *Бекетовъ.* Рецензія соч. г. Абашева «О тепловыхъ явленіяхъ...». *Лапшинъ В. И.* Мнѣніе о томъ же. *Соколовъ Н. Н.* Разборъ того же сочиненія. *Абашевъ Д. Н.* Замѣчанія на разборъ пр. Соколова. *Григоровичъ В. И.* Рѣчь на 11 мая 1869. — Отчетъ о состояніи и. нов. ун—та за $18^{69}/_{70}$ ак. г.; при немъ: *Шведовъ Ѳ. Н.* Объ отношеніи физики къ естествознанію.—Протоколы засѣданій совѣта: 4 янв.—30 мая 1870. *Богишичъ В. В.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VI. *Некрасовъ И. С.* Пахомій сербъ, писатель XV в. *Патлаевскій И. І.* Теорія денежнаго обращенія Рикардо. *Шпилевскій М. М.* Политика народонаселенія въ царствованіе Екатерины II. *Григоровичъ В. И.* Изъ лѣтописи науки славянской. — Протоколы засѣданій: 19 авг.—21 дек. 1870 г.

Томъ VII. *Павловъ А. С.* Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. ч. I. *Лигинъ В. Н.* Вступ. лекція. *Ярошенко С. П.* Вступ. лекція.—Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{70}/_{71}$ ак. г.; при немъ: *Некрасовъ И. С.* Разборъ соч. «Объ азовскомъ сидѣніи». *Мечниковъ И. И.* Позвоночная теорія черепа. — Протоколы зас. сов.: 18 янв.—21 мая 1871 г. *Бернштейнъ Н. О.* Отчетъ о командировкѣ. *Мечниковъ И. И.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VIII. Протоколы засѣданій совѣта: 16 авг. 1871 — 29 мая 1872. *Кочубинскій А. А.* Славянскія нарѣчія и сравнительное языкознаніе (вст. лекція). *Кондаковъ Н. П.* Наука классич. археологіи и теорія искусства (вст. л.). *Марковниковъ В.* Двѣ вст. лекціи. *Головкинскій Н. А.* Двѣ вст. лекціи. *Павловъ А. С.* Номоканонъ при большомъ требникѣ.

Томъ IX. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—23 дек. 1872. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{71}/_{72}$ ак. г. *Вольскій М. М.* Задача политической экономіи и отношеніе ея къ прочимъ наукамъ. *Брунъ К.* Периплъ каспійскаго моря по картамъ XIV ст. *Павловъ А. С.* Изъ наказный списокъ по Стоглаву. *Умовъ Н. А.* Историческій очеркъ теоріи свѣта. *Ярошенко С. П.* Начала новой геометріи.

Томъ X. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—27 апр. 1873. *Малининъ М. И.* Убѣжденіе судьи въ гражд. процесѣ *Ярошенко С. П.* Начала новой геометріи. *Умовъ Н. А.* Теорія простыхъ средъ. *Его же.* Замѣтка о соч. г. Лигина «Теорія абсолютнаго движенія нем. системы».

Томъ XI. Протоколы зас. сов.: 1 мая — 18 авг. 1873. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{72}/_{73}$ ак. г. *Кочубинскій А. А.* Братья—подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII в. *Лигинъ В. Н.* Отвѣтъ на «замѣтку» г. Умова.

Томъ XII. Протоколы зас. сов.: 6 сент.—5 дек. 1873. Программа курса церковнаго законовѣдѣнія. *Кандаковъ Н. П.* Памятникъ гарпій изъ Ксанѳа въ Ликіи. *Лигинъ В. Н.* Объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ.

Томъ XIII. Протоколы зас. сов.: 6 янв.—2 марта 1874. *Кочубинскій А. А.* Записка о путешествіи по славян. землямъ. *Лебедевъ Д. П.* Федонъ, переводъ съ примѣчаніями. *Павловъ А. С.* Каноническія рукописи моск. синод. библіотеки.

Томъ XIV. Каталогъ дублетовъ библіотеки и. нов. ун—та. *Кудрявцевъ А. Н.* Вступ. лекція. *Лебедевъ Д. П.* Анализъ Федона. *Шпилевскій М. М.* Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи.

Томъ XV. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{73}/_{74}$ ак. г. *Лигинъ В. Н.* Истор. очеркъ изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ. *Спиро П. А.* Къ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній. *Лигинъ В. Н.* Кинематика. I.

Томъ XVI. Протоколы зас. сов.: 20 сент.—23 дек. 1874. *Успенскій Ѳ. И.* Значеніе византійскихъ занятій въ изученіи средневѣк. исторіи. *Цитовичъ П. П.* Отзывъ о соч. г. Дювернуа «Осн. форма корреальнаго обязательства». *Синцовъ И. Ѳ.* Отчетъ объ экскурсіяхъ въ губ. сарат. и сам. *Шпилевскій М. М.* Полицейское право какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. *Павловъ А. С.* Замѣчанія на программу изданія церк. правилъ.

Томъ XVII. Протоколы зас. сов.: 25 янв.—12 мая 1875. Отчетъ о состояніи и. нов. ун—та за $18^{74}/_{75}$ ак. г. *Волковъ А. Н.* Къ вопросу объ ассимиляціи. *Шельтинга А.* Изъ исторіи развитія предростцевъ папортниковъ. *Кн. Кантакузинъ гр. Сперанскій М.* Опытъ понятія военной контрабанды.

Томъ XVIII. Протоколы зас. сов.: 19 авг.—18 дек. 1875. *Вальцъ Я. Я.* О вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы раст. жизни. *Спиро П. А.* О кожномышечныхъ рефлексахъ. *Кононовичъ А.* Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ. *Головкинскій Н. А.* Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты. *Шельтинга А.* Вліяніе тепла на растенія. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 марта—1 сент. 1875. *Спиро П. А.* Прибавленіе къ ст. «О кожном. рефлексахъ». *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 авг. 1874—1 февр. 1875.

Томъ XIX. Протоколы зас. сов.: 19 янв.—29 мая 1876. Докладъ о перенесеніи библіотеки. *Кононовичъ А.* Способы.... (продолж.). *Клименко Е. Ф.* Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ. *Кн. Кантакузинъ гр. Сп. М.* О кодификаціи международнаго права. *Воеводскій Л. Ф.* О т. наз. гомеровскихъ поэмахъ. *Карастелевъ К. И.* Приложеніе теоріи функцій.

Томъ XX. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{75}/_{76}$ ак. г. *Вальцъ Я. Я.* Отзывъ о дисерт. г. Волкова «Къ вопросу объ ассим.». *Малининъ М. И.* Отчетъ, 1874—75. *Григоровичъ В. И.*: 1 Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ 1875 г.; 2. Объ участіи сербовъ въ нашихъ обществен. отношеніяхъ. *Кочубинскій А. А.* Отчеты 2 и 3., 1 февр. 1875—1 февр. 1876. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 сент. 1875—1 мар. 1876. *Палаузовъ В. Н.* Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи. *Вальцъ Я. Я.* О размноженіи растеній частями сѣмянъ. *Кудрявцевъ А. Н.* Мохамеданская религія.

Томъ XXI. Протоколы зас. сов.: 18 авг.—7 окт. 1876. *Кондаковъ Н. П.* 1. Исторія визант. искусства и иконографіи по миніатюрамъ греч. рукописей; 2. Отчетъ, 1 марта—1 авг. 1876. Index seminum an. 1876.

Томъ XXII. Протоколы зас сов.: 21 окт.—16 дек. 1876. Докладъ коммисіи о спец. средствахъ. *Войтковскій В. М.* Разборъ соч. «Константинъ Вел.». *Малининъ М. И.* Судебное признаніе въ гражд. дѣлахъ. *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 февр.—1 іюня 1876. *Лигинъ В. Н.* О способѣ Кемпе для мех. рѣшенія уравненій. *Успенскій Ѳ. И.* Отчетъ, май—окт. 1876.

Томъ XXIII. Протоколы зас. сов.: 20 янв.—20 янв. 1877. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{76}/_{77}$ ак. г. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній. I. *Брунъ Ф. К.* О разныхъ названіяхъ Керчи.... *Клименко Е. Ф.* Отвѣтъ проф. Алексѣеву.

Томъ XXIV. *Воеводскій Л. Ф.* Этологическія и миѳологическія замѣтки. Чаши изъ человѣческихъ череповъ. *Посниковъ А. С.* Общинное землевладѣніе. *Перетятковичъ Е. И.* Вступ. лекція. *Петріевъ В. М.* О моно- и диоксималоновыхъ кислотахъ.

Томъ XXV. Протоколы зас. сов.: 7 апр.—29 сент. 1877. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славян. нарѣчій.... II. 1. *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гр. судопроизводства. *Панкевичъ А.* Объектъ авторскаго права. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русскаго гражд. права. I Общая часть.—Содержаніе первыхъ 25 т. «Записокъ и. нов. ун.» ($18^{67}/_{68}$—$18^{77}/_{78}$).

Томъ XXVI. Протоколы зас. сов.: 6 окт.—8 дек. 1877 г. *Умовъ Н. А.* Курсъ математ. физики I. Введеніе. Съ 2-мя табл. *Цитовичъ П. П.* Новые пріемы защиты общиннаго землевладѣнія. По поводу соч. «Общинное землевладѣніе». А. Посникова. *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гражд. судопроизв.—*Его же.* По поводу рецензіи г. Гедримовича. *Сабининъ Е. Ѳ.* Къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій помощію рядовъ. *Кочубинскій А. А.* Памяти товарищей. Двѣ рѣчи. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русскаго гражд. права. I. Общая часть (продолженіе).—Объявленіе.

Томъ XXVII. Краткій отчетъ о дѣятельности и. нов. ун. за $187^{7}/_{8}$ ак. г. Протоколы зас. сов. 19 янв.—23 авг. 1878 г. Прил. къ нимъ: *Кочубинскій А. А.* Polabani. Разборъ соч. на фак. премію: «Очеркъ языка славянъ Балт. Поморья, Бранд.». *Некрасовъ И. С.* Отзывъ о комед. «Свищи», увѣнч. премiей И. Ю. Вучины. *Пономаревъ И.* Къ исторіи производныхъ группы моч. кислоты. *Трачевскій А. С.* Соврем. задача истор. науки. *Успенскій Ѳ. И.* Образованіе втор. Болг. царства. *Ярошенко С. П.* Проэкт. геометрія.

Цѣна тома 2 р. 50 коп. (томъ I, XXVII 3 р.).

Складъ изданія въ университетѣ. Выписка чрезъ всѣ книжные магазины Одессы.

2.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА СЪ РИСУНКАМИ

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ

подъ новою редакціею.

Съ октябрской книжки 1879 года журналъ перешелъ къ новой редакціи. Вступительное слово отъ имени новой редакціи помѣщено во главѣ XV-го тома (стран. 3—8). На этотъ томъ (октябрь, ноябрь, декабрь) можно подписываться отдѣльно (4 р. съ пересылкою и доставкою). По этому желающіе могутъ ознакомиться съ новою редакціею и ея веденіемъ журнала, съ новымъ удобнѣйшимъ и сподручнымъ форматомъ, а также съ новымъ шрифтомъ, компактнымъ и четкимъ, вмѣщающимъ въ листѣ большее количество буквъ, чѣмъ было прежде.

«Древняя и Новая Россія» выходитъ ежемѣсячно книгами, каждая въ размѣрѣ не менѣе тринадцати листовъ (208 страницъ въ книжкѣ), съ нѣсколькими портретами и рисунками. Изъ двѣнадцати книгъ «Древней и Новой Россіи» 1880 года составятся три тома (XVI, XVII, XVIII), каждый съ особымъ къ нему указателемъ. Въ каждомъ томѣ будетъ не менѣе 52 печатныхъ листовъ или 832 страницы. Во всѣхъ трехъ томахъ не менѣе 156 печатныхъ листовъ или 2496 страницъ, съ пятидесятью портретами и рисунками.

Подписка на 1880 годъ принимается въ Главной Конторѣ журнала «Древней и Новой Россіи» въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ д. 46 и въ отдѣленіяхъ конторы въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и Н. И. Мамонтова.

Подписная цѣна: безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ 12 р.; съ доставкою на домъ 12 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города 13 р. 50 к.; во Францію 16 р. и въ остальную Европу 14 р.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается только по соглашенію съ Главною Конторою журнала.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ Главную Контору журнала «Древняя и Новая Россія» (Невскій, 46), на имя редактора-издателя Владиміра Ивановича *Грацiанскаго* (на его же имя высылаются всѣ статьи, рисунки и проч.).

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры сборника «Древняя и Новая Россія» за 1875, 1876, 1877, 1878 и 1879 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ (до 150 печ. лист.) съ 50—60 портретами и рисунками.

Цѣна каждаго года безъ пересылки двѣнадцать руб. сер., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер. Всѣ вмѣстѣ уступаются за пятьдесятъ руб. сер. безъ пересылки; за пересылку же присылаются деньги за пудъ по разстоянію.

Редакторъ-издатель *Владиміръ Грацiанскій.*

3

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1880 году будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

Православное Обозрѣніе, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ *ежемѣсячно* книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкой 7 рублей.

Подписка принимается: въ *Москвѣ* у редактора журнала, священника при церкви Ѳеодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго и у извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* такъ: въ редакцію *Православнаго Обозрѣнія*, въ Москвѣ.

Подписка на 1879 годъ продолжается.

Цѣна *Православнаго Обозрѣнія* за 1875, 1876, 1877 и 1878 годъ остается прежняя, т. е. 7 руб. съ перес. за годъ.

Въ редакціи можно получать:

1) *Указатель къ Православному Обозрѣнію* за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 годовъ, составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна *Указателя* 50 коп. съ перес.

2) *Псалтирь* въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія, архіепископа московскаго. Москва, 1878 года. Цѣна 50 коп.

Редакторъ-издатель *П. Преображенскій.*

4.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „СТРАННИКЪ“ ВЪ 1880 г.

Съ 1880 года духовный учено-литературный журналъ «Странникъ» вступаетъ въ третье десятилѣтіе своего существованія. Редакція имѣетъ въ виду любителямъ книгъ религіозно нравственнаго содержанія доставить полезное для ума и сердца чтеніе. Съ этою цѣлію въ составъ журнала «Странникъ» входятъ: 1) статьи почти по всѣмъ отраслямъ богословскаго знанія, изложенныя популярно и доступно для всякаго образованнаго читателя, 2) статьи назидательныя, какъ то: слова и поученія, произносимыя съ церковной каѳедры и руководящія христіанина къ душевному спасенію, — воспоминанія о лицахъ достопамятныхъ по своимъ заслугамъ для православной церкви или по своей духовно-нравственной жизни, — описанія путешествій къ святымъ мѣстамъ, — поучительные разсказы и повѣсти, — случаи изъ современной жизни, свидѣтельствующіе о благодатномъ дѣйствіи промысла Божія. Сверхъ того редакція слѣдитъ за ходомъ духовной литературы, дѣлая своевременные отзывы о книгахъ интересныхъ для любителей религіознаго чтенія, и принимаетъ участіе въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые въ настоящее время занимаютъ не только духовенство, но и ту часть русскаго общества, которая искренне желаетъ видѣть въ пастыряхъ церкви вліятельныхъ руководителей русскаго православнаго народа къ истинѣ и добру.

Условія подписки прежнія: за 12 выпусковъ (до 10 листовъ каждый) безъ доставки и пересылки — четыре рубля, съ доставкою же въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской имперіи — *пять* руб., за границу — шесть руб. Иногородные благоволятъ адресовать свои заявленія о подпискѣ исключительно въ *редакцію* духовнаго журнала «Странникъ» (Шпалерная, д. 50, кв. 29). Петербургскіе подписчики могутъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Тузова (бывшемъ Кораблева и Сирякова, большая Садовая д. Коровина, 16), также и у другихъ кни-

гопродавцевъ, Московскіе же — у книгопродавца А. Н. Ѳерапонтова въ Москвѣ. На полгода подписка не принимается.

Для пріобрѣтшихъ, вслѣдствіе одобрительныхъ отзывовъ: 1) духовно-учебнаго комитета при Святѣйшемъ Сунодѣ и 2) помѣщеннаго въ «Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы», изданія «Странника» прежней редакціи, по уменьшенной цѣнѣ, и настоящая редакція предлагаетъ уступку: за два года «Странника» (1877 и 1878)—семь рублей, за три года (1877, 1878 и 1879) одиннадцать рублей, а совокупно съ слѣдующимъ 1880—пятнадцать р. съ пересылкою. Отдѣльно же 1877 г. три р., а 1878 и 1879—по пяти р. каждый, съ пересылкою. Уступка эта обязательна только въ теченіи настоящаго 1879 и слѣдующаго 1880 г.

Редакторъ, протоіерей *В. Протопоповъ.*

5.

О ПОДПИСКѢ НА (II-ой) 1880 ГОДЪ НА

Главный Вѣстникъ Русской печати:

РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

литературныхъ, ученыхъ и художественныхъ

Издаваемый по **оффиціальнымъ свѣдѣніямъ**, съ содѣйствіемъ **извѣстныхъ библіографовъ, ВАЖНѢЙШИХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ, Гг. библіотекарей ученыхъ учрежденій и пр.**

Книгопродавцемъ **ЭМИЛЕМЪ ГАРТЬЕ**, въ С.-Петербургѣ.

„**Россійсская Библіографія**“ будетъ выходить въ 1880 году **два раза въ мѣсяцъ, по прежней программѣ**, которая, какъ показалъ опытъ 1879 г., вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣлямъ журнала. Нумера „Россійсской Библіографіи“ будутъ содержать въ себѣ:

Указатель новыхъ изданій (разъ въ мѣсяцъ).

а) Списки *книгъ*, вышедшихъ *въ Россіи* на всѣхъ языкахъ, музыкальныхъ сочиненій, географическихъ картъ, эстамповъ, фотографій, учебныхъ пособій, съ показаніемъ формата, объема, мѣста изданія, имени издателя и цѣны.

б) Списки важнѣйшихъ *иностранныхъ* книгъ, на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

в) Списки книгъ, вышедшихъ изъ *разсмотрѣнія Учен. Комитетовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

г) Списки *театральныхъ пьесъ*, вышедшихъ изъ разсмотрѣнія *драматической цензуры.*

Указатель періодической печати (разъ въ мѣсяцъ).

а) Систематическіе списки *статей всѣхъ русскихъ журналовъ* и газетъ съ прибавленіемъ алфавитнаго указателя именъ.

б) Алфавитные списки періодическихъ изданій съ показаніемъ цѣнъ, адресовъ редакціи и пр.

Хроника (два раза въ мѣсяцъ).

Статьи посвященныя вопросамъ русскаго книжнаго дѣла.—Новости по книжному дѣлу.—Правительственныя распоряженія и сообщенія по дѣламъ печати.—Конкурсы на сочиненія.—Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ.—Біографіи и Некрологи.—Корреспонденція,—*Библіографическій листокъ*, съ указаніемъ содержанія важнѣйшихъ новыхъ сочиненій.

Коммерческій Отдѣлъ (два раза въ мѣсяцъ).

Объявленія Гг. издателей, авторовъ и др. о новыхъ изданіяхъ или о книгахъ готовящихся къ выходу въ свѣтъ.—Объявленія разныхъ промышленностей, имѣющихъ связь съ печатнымъ дѣломъ.—*Экономическія объявленія*: Случайныя продажи и требованія рѣдкихъ или подержанныхъ книгъ и т. п.—Предложенія и требованія личныхъ услугъ.

Годовой каталогъ (безплатное приложеніе).

Въ концѣ года Гг. подписчикамъ будетъ высланъ особый *«алфавитный и предметный ключъ»*, дающій возможность легко и скоро найдти всѣ свѣдѣнія о требуемыхъ книгахъ и даже выбрать за весь годъ все, что было писано о какомъ нибудь предметѣ, въ отдѣльныхъ книгахъ, въ журналахъ и газетахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА (II-ой) 1880 ГОДЪ.

На годъ съ доставкою 4 р., съ пересылкою 3 р.—(съ годовымъ каталогомъ)
На 6 м. « « 2 р., « « 2 р. 50 к. (безъ годов. каталога)
На 3 м. « « 1 р., « « 1 р. 25 к. (безъ годов. каталога)

Цѣна отдѣльныхъ нумеровъ 25 к.; съ пересылкою 30 к.

КОНТОРА ЖУРНАЛА ПОМѢЩАЕТСЯ ПРИ

КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ (ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ)

27, Невскій пр., 27 (у Казанскаго моста) въ С.-Петербургѣ.

Книжный складъ «РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ» (Эмиль Гартье).

27, Невскій пр. 27 (у Казанскаго моста), въ С.-Петербургѣ.

1) Принимаетъ *подписку на всѣ журналы* и газеты *русскіе* и *иностранные*, по цѣнамъ «*Ежегодника періодическихъ изданій Россіи*», т. е. по цѣнамъ редакцій.

2) *Высылаетъ* по требованію всякія книги, музыкальныя ноты, геогр. карты, учебныя пособія и пр., какъ *русскія*, такъ и *заграничныя* изданія.

3) Принимаетъ *на складъ провинціальныя изданія* и пр.

Постоянные покупатели получаютъ *безплатно „Ежемѣсячные каталоги" новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ Книжнаго Склада „Россійской Библіографіи"*.

(Для другихъ лицъ подписная цѣна за годъ 1 р. с.).

6.

НЕОБХОДИМО ДЛЯ КАЖДОЙ РЕДАКЦІИ!

„Ежегодникъ періодическихъ изданій Россіи" 1880. Полный указатель журналовъ и газетъ, выходящихъ въ Россійск. Имперіи на всѣхъ языкахъ. (Названіе полнаго заглавія изданій, форматъ, число нумеровъ, годъ существованія, имена редакторовъ и издателей, адресы редакцій, цѣны отд. нумеровъ, цѣны подписки безъ дост., съ дост., съ перес. въ Россіи и заграницей, на всѣ сроки, цѣны объявленій). Болѣе 500 періодич. изданій Россіи съ приложеніемъ *полнаго систематическаго указателя* (Изд. Ред. Росс. Библ.). grand-in 8° (форматъ «Росс. Библ.»). Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.

7.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

статей, находящихся въ разныхъ духовныхъ журналахъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ по предмету Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ двухъ частяхъ. Часть I, Выпускъ 1-й *(Общее введеніе и Законодательныя книги В. Завѣта)*. Составилъ преподаватель семинаріи *Ив. Знаменскій*. Полтава 1880 года. (Стран. VIII и 184).

Цѣна 50 коп. безъ пересылки, а съ пересылкой 60 к. сер. Выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Адресоваться: Въ Полтаву. Преподавателю духовной семинаріи *Ивану Знаменскому*.

(Второй выпускъ приготовленъ къ печати).

8.

„КАЗАНСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ“

ПОДПИСКА

НА 1880 ГОДЪ (ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Казанскій Биржевой Листокъ» будетъ издаваться въ 1880 году по прежней программѣ и выходить два раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Телеграммы торговыя и политическія. 2) Мѣстныя рыночныя цѣны и состоявшіяся на Казанской биржѣ торговыя сдѣлки, цѣны провоза и свѣдѣнія по судоходству, вѣдомости о сборѣ хлѣбовъ на пристаняхъ, масла, сала и проч. 3) Торговая корреспонденція: свѣдѣнія о цѣнахъ и покупкахъ на хлѣбныхъ пристаняхъ Волжско-Камскаго бассейна, о состояніи дѣлъ и цѣнахъ на биржахъ Петербургской, Рижской, Московской, Кіевской, Рыбинской, Ростовской (на Дону) и Нижегородской, корреспонденціи изъ другихъ городовъ Россіи и Сибири; свѣдѣнія о ярмаркахъ, 4) Правительственныя распоряженія, касающіяся торговли и промышленности. 5) Передовыя статьи. 6) Хроника дѣйствій и извлеченія изъ отчетовъ казанскихъ ученыхъ, экономическихъ и другихъ обществъ. 7) Статьи экономическаго, промышленнаго и техническаго содержанія. 8) Судебный отдѣлъ. 9) Внутреннія извѣстія. 10) Разныя извѣстія. 11) Внѣшнія извѣстія. 12) Библіографія. 13) Фельетонъ и проч. частныя объявленія.

Подписная цѣна: съ пересылкою иногороднымъ на годъ 6 руб. 50 к. на полгода 4 руб. Адресъ: въ Казань, въ редакцію «Казанскаго Биржеваго Листка».

9.

1880 ГОДЪ ТРЕТІЙ 1880

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„СВѢТЪ и ТѢНИ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

„МІРСКОЙ ТОЛКЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ

И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годовая цѣна на оба изданія съ доставкою и пересылкою—**12** руб.; полугодовая—**7** руб.

Въ будущемъ, 1880, году журналы «СВѢТЪ и ТѢНИ» и «МІРСКОЙ ТОЛКЪ» будутъ выходить, также какъ и въ настоящемъ, еженедѣльно,

въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по той же программѣ, но въ увеличенномъ объемѣ и съ многими улучшеніями, какъ въ рисункахъ, такъ и въ текстѣ, — первый исключительно преслѣдуя вопросы чисто-художественные, второй — политическіе, общественные, научные и литературные. Такимъ образомъ, оба эти изданія, составляя какъ бы одно цѣлое и обнимая, въ совокупности, всѣ отрасли общественной жизни, политики, литературы, наукъ и искусства, въ состояніи замѣнить собой, для лицъ не имѣющихъ средствъ подписываться на нѣсколько отдѣльныхъ изданій, одновременно и еженедѣльную политическую газету, и журналъ спеціально-художественный, съ тремя дорогими преміями и массой отдѣльныхъ приложеній, и журналъ каррикатурный и юмористическій, и, наконецъ, толстый ежемѣсячный журналъ переводныхъ повѣстей и романовъ.

Согласно съ этой программой въ годовое изданіе журнала «СВѢТЪ и ТѢНИ» войдетъ: 1) Сто страницъ бол. формата каррикатуръ, иллюминованныхъ красками.— 2) Отъ четырехъ до пяти сотъ каррикатуръ мелкихъ.— 3) Пятьдесятъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ, отдѣльныхъ картинъ.— 4) Большой, снабженный изящной обложкой, альбомъ, заключающій въ себѣ шесть оригинальныхъ, исполненныхъ, по заказу редакціи, эскизовъ академика *К. А. Трутовскаго*. — 5) Такой же альбомъ, составленный изъ оригинальныхъ работъ др. извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ; и 6) безплатная годовая премія — большая, исполненная заграницей, олеографія.

Въ журналѣ «Свѣтъ и Тѣни» примутъ участіе извѣстные русскіе художники: Гг. *С. И. Грибковъ*, *В. Н. Маковскій*, *Н. В. Неврев*ъ, *В. Г. Перовъ*, *В. Д. Поленовъ*, *Е. И. Рачковъ*, *Е. И. Рѣпинъ*, *К. А. Трутовскій*, *Ѳ. И. Ясновскій* и др.; декораторъ Импер. театровъ К. Ѳ. Вальцъ, и художники-каррикатуристы — Н. А. Богдановъ, И. М. Васильевъ, С. В. Любовниковъ, М. М. Самойловъ, Федоровъ, и многіе другіе.

Примѣчаніе 1-е. Цѣна каждаго альбома въ отдѣльной продажѣ будетъ назначена не менѣе 3 р., а годовой преміи, также какъ и въ настоящемъ году — 5 р.

Примѣчаніе 2-е. Всѣ гг. вновь подписавшіеся при требованіи премій 1878 и 79 гг.— олеографій «На медвѣжьей охотѣ» — и «Штормъ на морѣ» благоволятъ прилагать къ подписной суммѣ: два р., вмѣсто трехъ — за первую, и четыре, вмѣсто пяти — за вторую.

Журналъ «МІРСКОЙ ТОЛКЪ» (изданіе безцензурное), по примѣру нынѣшняго года, имѣетъ предложить читателямъ: 1) передовыя статьи; 2) правительственныя распоряженія; 3) вѣсти изъ-за границы; 4) жизнь нашихъ провинцій; 5) слухи и сообщенія; 6) фельетоны — общественной жизни, московскій, театральный и музыкальный; 7) обозрѣніе нашей пе-

чати; 8) романы, повѣсти и пьесы; 9) стихотворенія; 10) смѣсь, и 11 юмористическій листокъ.

Кромѣ того, журналъ «МІРСКОЙ ТОЛКЪ» *съ января 1880 г. будетъ выдавать всѣмъ подписчикамъ* БЕЗПЛАТНО, какъ приложеніе, 12 КНИГЪ, (по книгѣ въ мѣсяцъ; отъ 250 до 300 страницъ въ каждой) *избранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ.* За это изданіе гг. подписчики высылаютъ только 1 рубль на укупорку и почтовые расходы. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждой книги 1 рубль.

Въ текстѣ самаго журнала «Мірской Толкъ» будутъ напечатаны, между прочимъ: новая комедія *В. Балуцкаго, „Родственники“*, увѣнчанная премію Краковской академіи; историческая трагедія *„Дженъ Шоръ Н Байрона*; нѣсколько отрывковъ изъ пьесы *„Король забавляется“* (Le roi s'amuse) *Виктора Гюго*, въ стихотворномъ переводѣ П. Л. *Пушкарева*; историческій романъ Гр. С—ова—*„Старой вѣры хранители“* и т. д. Помѣщены будутъ, конечно, по мѣрѣ выхода ихъ, и новыя произведенія знаменитыхъ романистовъ запада: *Золя, Гонкура, Шпильгагена, Ауербаха, Ришпена, Генри Удъ* и друг.

Подписная цѣна на оба изданія:

На годъ	съ доставкою	и	пересылкой	12 р.
„ полгода	„	„	„	7 р.

Примѣчаніе. Разсрочка платежей подписной суммы допускается: или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по третямъ, съ обязательнымъ взносомъ первой—при подпискѣ, второй—не позднѣе 15 марта и послѣдней—15 іюля. Полугодовые подписчики правомъ на полученіе годовой преміи не пользуются.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ Главной конторѣ журналовъ «Мірской Толкъ» и «Свѣтъ и Тѣни» (Петровка, д. Товарищества Петровскихъ линій, № 15), куда благоволятъ адресовать свои требованія и гг. иногородные.

Съ **10 октября настоящаго** года, для большаго удобства гг. подписчиковъ, при Главной Конторѣ журналовъ «Мірской Толкъ» и «Свѣтъ и Тѣни» открытъ КНИЖНЫЙ и КАРТИННЫЙ МАГАЗИНЪ, съ пріемомъ объявленій и подписки и на всѣ другія русскія періодическія изданія, а при редакціи имѣется собственная ТИПОГРАФІЯ и ХРОМОЛИТОГРАФІЯ. Всѣ заказы и требованія гг. иногородныхъ, какъ книжнымъ магазиномъ, такъ и типографіей, исполняются немедленно и аккуратно. Гг. подписчики на «Мірской Толкъ» и «Свѣтъ и Тѣни», при выпискѣ изъ магазина книгъ и картинъ, или заказовъ типографскихъ и литографскихъ работъ, за пересылку ничего не платятъ, а при помѣщеніи въ текстѣ названныхъ журналовъ какихъ либо публикацій пользуются уступкой 20%.

Редакторъ-Издатель *Н. Л. Пушкаревъ.*

10.

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

Университетскія Извѣстія въ 1880 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки шесть рублей и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка **Извѣстій**, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ Университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій*. Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, составляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Редакція.

11.

Годъ II. II Годъ.

О подпискѣ на 1880 годъ на большой

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЕШЕВЫЙ БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ художественно выполненныхъ гравюръ. Въ каждомъ нумерѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, біографіи, всемірное обозрѣніе, политика, современная хроника, новости изъ наукъ и жизни, популярно-научныя статьи, каррикатуры, шахматы, задачи, и пр., и пр.

Всѣ подписчики, когда бы ни подписались, получаютъ въ теченіе года:

ДВѢНАДЦАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ

разсылаемыхъ ежемѣсячно и состоящихъ изъ прекрасно-выполненныхъ копій съ лучшихъ художественныхъ произведеній: эти преміи, отпечатанныя на хорошей толстой бумагѣ съ тономъ, составятъ къ концу года богатый альбомъ. Кромѣ того, всѣмъ годовымъ подписчикамъ журнала разсылается **главная большая премія:**

„РОССІЙСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ДОМЪ“

Эта роскошная картина представляетъ группу прекрасно-выполненныхъ портретовъ всѣхъ особъ нынѣ царствующей фамиліи. Величина картины въ длину 1 арш. 1¼ вершка, и въ ширину 12 вершковъ. Картина отпечатана на толстой слоновой бумагѣ, съ фономъ, и стоитъ въ отдѣльной продажѣ 3 руб., съ пер. 6 руб. (Желающіе получить главную премію въ сохранномъ видѣ, досылаютъ къ подписной цѣнѣ одинъ рубль).

Подписная цѣна на журналъ на годъ: безъ доставки 4 (четыре) руб. съ доставкою въ Спб. и для иногородныхъ 5 (пять) руб.

За границу во всѣ страны свѣта 7 (семь) руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи «Иллюстрированнаго Міра», по Фонтанкѣ, д. № 103 (близъ Измайловскаго моста), а также у всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи и заграницею книгопродавцевъ.

12.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1880 году

будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущія шесть лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы церковный, общественный, политическій и библіографическій, и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По примѣру прежнихъ лѣтъ *годовымъ* подписчикамъ будетъ разослано безплатное приложеніе подъ названіемъ **«Календарь для духовенства»** на 1880 годъ. Въ составъ его, между прочими необходимыми для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1) Полный текстъ устава духовныхъ консисторій, со всѣми дополненіями и измѣненіями, какія узаконены въ немъ правительственною властію (въ такомъ видѣ уставъ этотъ появится въ печати въ первый разъ); 2) полный сводъ постановленій о церковномъ причтѣ, составленный покойнымъ Филаретомъ, архіепископомъ черниговскимъ; 3) полный сводъ постановленій св Синода, касающихся съѣздовъ духовенства; 4) подробное изложеніе слѣдственной части въ духовномъ вѣдомствѣ, съ присоединеніемъ относящихся къ дѣлопроизводству по сему предмету формъ отношеній, повѣстокъ и т. д.; 5) постановленія о благочиннической присягѣ и отчетности, и многія другія.

Въ числѣ статей, которыя имѣется въ виду напечатать въ **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** 1880 года, редакціею пріобрѣтено обширное изслѣдованіе покойнаго Д. И. Ростиславова «Объ ученомъ монашествѣ». Оно предназначалось къ помѣщенію въ газетѣ еще въ текущемъ 1879 году, но, по непредвидѣнимъ обстоятельствамъ, отложено до будущаго года. Печатаніе его начнется съ первыхъ же №№ **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»** на 1880-й годъ.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи—на годъ **7** рублей, на полгода **4** рубля; за границей—на годъ **10** рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, на Пескахъ, по Конно-Гвардейской улицѣ, № 59.

Редакторъ-издатель *А. Поповицкій.*

13.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАДА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1880 году.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе* въ 1880 году, двадцать первомъ его существованія, будетъ продолжаемо на прежнихъ основаніяхъ. Редакція останется вѣрною своей первоначальной задачѣ—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общепазидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. 2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержанія. Въ нихъ не будутъ упускаемы изъ вида современныя явленія въ общественной и частной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Церковно-историческія разсказы 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіяся къ православному богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 8) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ 6) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе резолюціи митрополита Филарета, и письма его же. 10) Разныя извѣстія и замѣтки.

Душеполезное Чтеніе въ 1880 г. по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки 3 р. 50 к., съ пересылкой иногороднымъ и съ доставкой московскимъ подписчикамъ: 4 р.

Оставшіеся неразобранными полные экземпляры *Душеполезнаго Чтенія* за 1864 и 1865 годы продаются въ Редакціи по 1 р. 50 к. за экз., а съ пересылкою въ Европейскую Россію по 2 р., на Кавказъ и въ Сибирь по 2 р. 50 к. Полные экземпляры *Душеполезнаго Чтенія* за 1866, 1869 и 1870 годы продаются въ Редакціи по 2 руб. 50 коп. за экз., а съ пересыллою въ Европ. Россію по 3 р., на Кавказъ и въ Сибирь по 3 р 50 к.—Цѣна Душ. Чтенія за 1872, 1873, 1874 и 1875 гг. по 3 р., съ пер. въ Европ. Россію по 3 р. 50, на Кавказъ и въ Сибирь по 4 р. за экземпляръ. Цѣна Душ. Чтенія за 1876, 1877, 1878 и 1879 годы по 3 р. 50 к., съ перес. по 4 р.

Подписка на *Душеполезное Чтеніе* принимается: Въ Москвѣ, въ квартирѣ редактора, при Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, протоіерея Василія Нечаева, также у книгопродавцевъ Ѳерапонтова и Соловьева.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки исключительно въ Редакцію *Душеполезнаго Чтенія* въ Москвѣ.

Издатель-редакторъ, протоіерей **Василій Нечаевъ**.

ПРИ РЕДАКЦІИ „ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ"

ПРОДАЮТСЯ ОТДѢЛЬНО ИЗДАННЫЯ ЕЮ СОЧИНЕНІЯ:

1. Христіанскіе уроки. Прот. В. Нечаева. Цѣна 1 руб. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

2. Сборникъ для назидательнаго чтенія. Прот. В. Нечаева. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Публичныя чтенія о вечерни. Прот. В. Нечаева. Цѣна 25 к., съ перес. 35 к.

4. Толкованіе на пареміи изъ книгъ Моисеевыхъ: Исходъ, Левитъ, Чиселъ и Второзаконія. *Прот. Нечаева.* Цѣна 80 к., съ перес. 1 руб.

5. Толкованіе на литургію (2-е изданіе). *Прот. В. Нечаева.* Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 30 к.

6. Очерки христіанскої жизни. Прот. В. Нечаева. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.

7 Исторія трехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ. Епископа Іоанна. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 30 к.

8. Исторія четырехъ послѣднихъ вселенскихъ соборовъ. А. Лебедева. Цѣна 1 р. 30 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

9. Нѣсколько замѣчаній о современныхъ модахъ въ одеждѣ. 10 к., съ перес. 15 к.

10. Святый Владиміръ равноапостольный. 10 к., съ перес. 15 к.

11) *Жизнь св. Григорія Богослова.* 20 к., съ перес. 25 к.

12) *Указатель къ Душеп. Чтенію за 10 годовъ* (съ 1860 по 1869). 20 к., съ перес. 30 к.

ныхъ повелѣно бъ было, куда надлежитъ, отъ ученія освободя, отъ школъ выпустить, ибо отъ таковыхъ плода ждать почеловѣчески неуповательно, а учащимся отъ того происходитъ несносное, но напрасное затрудненіе и трудъ безполезный. На сіе все на высокое архипастырства вашего благоразсмотрѣніе“ и проч. (1).

Смотры дѣтей все еще оказывались необходимыми при опредѣленіи новыхъ учениковъ и въ старыя семинаріи и, судя по сейчасъ приведенному докладу учителя, требовали немалой внимательности въ распознаваніи годныхъ и негодныхъ къ ученію; вѣроятно, какъ во времена Д. Регламента, нѣкоторыя изъ дѣтей, желая отбыть отъ ученія, и теперь нарочно „притворяли себѣ тупость“. Но при установившемся уже порядкѣ школьнаго обученія въ епархіи смотры эти облегчились тѣмъ, что епархіальное и семинарское начальства по крайней мѣрѣ имѣли у себя уже готовыя вѣдомости о дѣтяхъ, по которымъ болѣе или менѣе знали, кого вызывать въ школу, и не имѣли постоянной надобности дѣлать тяжелыхъ и для себя и для духовенства генеральныхъ вызововъ дух. дѣтей со всей епархіи. Подобные вызовы производились уже только въ экстренныхъ случаяхъ, когда до начальства доходили извѣстія объ усиленіи укрывательства отъ школы. Такой наприм. смотръ дѣтей назначила однажды въ 1746 г. троицкая лавра (2). Въ 1751 г. Лука Конашевичъ казанскій во время посѣщенія своего г. Сызрани и сызранскаго заказа замѣтилъ, что многія дѣти духовенства, „годныя къ обученію въ семинаріи, отпущены на оброкъ, а иныя для обученія читать и писать на долгое время безъ приказанія его преосвященства фальшиво, а иные священно-церковнослужители

(1) Странникъ 1878 г. ноябрь: въ стат. о Варсонофіѣ архангельскомъ, стр. 147—148.

(2) Ист. троицк. семин. 27.

дѣтей своихъ возрастныхъ и по нынѣ въ семинарію ко обученію не представляютъ и утаиваютъ, а нѣкоторые тѣхъ дѣтей своихъ уже и оженили въ несовершенныхъ лѣтахъ, какъ видно, точію для того, чтобы имъ въ семинаріи не быть, къ тому же въ нѣкоторыхъ данныхъ тѣмъ священно-и-церковнослужительскимъ дѣтямъ за подписаніемъ его преосв-ва билетахъ явились въ прописаніи термина чищенія и поправки и во многихъ присланныхъ изъ семинарской конторы указѣхъ оказались нѣкоторыя сумнительства". Вслѣдствіе этого указомъ его преосв-ва отъ 29 августа велѣно было всѣмъ заказчикамъ казанской епархіи „имѣющихся въ вѣдомствахъ ихъ дѣтей, кромѣ самыхъ малолѣтнихъ, какъ женатыхъ, такъ и не женатыхъ, не обходя тѣхъ, которыя отъ казанской семинарской конторы отпущены были изъ обучающихся въ школахъ за болѣзньми и за непонятіемъ наукъ и на время, и которые отъ казанской консисторіи опредѣлены въ правленіе дьячковскихъ и пономарскихъ должностей, а его преосв-вомъ еще не произведены, выслать къ представленію для освидѣтельствованія его преосв-вомъ въ семинарскую контору и съ данными имъ указами, и для того имѣющіяся въ заказахъ о семинаристахъ дѣла и посланные объ нихъ изъ семинарской конторы указы, какіе ни есть съ 1742 г., всѣ прислать же на разсмотрѣніе при доношеніяхъ и при именныхъ реэстрахъ въ немедленномъ времени конечно къ октября 1 числу 1751 г. А когда св.-церковнослужительскія дѣти высланы будутъ, тогда отцамъ ихъ съ ними же ѣхать въ Казань и отъ парохіи своей отлучаться не велѣть, дабы безъ нихъ въ исправленіи мірскихъ требъ не воспослѣдовало остановки и упущенія, того ради выбрать имъ, духовнымъ управителямъ и заказчикамъ, изъ нихъ же священниковъ, кого пристойно, по разсмотрѣнію своему, къ каждымъ 30 или 10 селамъ по одному десятоначальнику, коимъ велѣть тѣхъ священноцерковнослужительскихъ дѣтей, которыя къ нимъ въ надсмат-

риваніе поручены будутъ, привозить въ Казань и въ семинарской конторѣ объявлять самимъ безъ всякихъ отговорокъ". Далѣе слѣдуетъ приведенное уже выше распоряженіе о неразрѣшеніи молодымъ людямъ въ духовныхъ семействахъ вступленія въ бракъ безъ личнаго согласія самого архіерея (¹). Мы нарочно привели этотъ любопытный указъ почти цѣликомъ, потому что въ немъ съ одной стороны подробно описана процедура вызововъ дух. дѣтей на школьные смотры, а съ другой указываются тѣ виды укрывательства отъ школьнаго ученія, заведеннаго въ епархіи уже около 28 лѣтъ, которые вызывали подобные генеральные смотры, простиравшіеся не только на ребятъ, но и на служившихъ на мѣстахъ, даже женатыхъ церковниковъ.

На обыкновенные смотры вызывались тѣ изъ дѣтей духовенства, которыя по лѣтамъ стояли, такъ сказать, на очереди къ несенію школьной повинности; вызовъ ихъ производился обычнымъ порядкомъ чрезъ заказчиковъ и дух. управителей, но вслѣдствіе уклоненія многихъ изъ нихъ отъ школы нерѣдко и за ними надобно было посылать нарочныхъ. Въ вѣдомствѣ Троицкой лавры посылка за учениками солдатъ продолжалась во все описываемое время. Нужно впрочемъ замѣтить здѣсь кстати, что многіе изъ причтовъ въ троицкихъ вотчинахъ имѣли особую, весьма важную причину уклоняться отъ представленія своихъ дѣтей въ лаврскую семинарію: вотчины лавры были раскинуты на огромномъ пространствѣ, среди нѣсколькихъ епархій, въ которыхъ были свои семинаріи, а между тѣмъ лавра требовала, чтобы подвѣдомственныя ей дух. лица непремѣнно везли своихъ дѣтей въ ея семинарію и ни подъ какимъ видомъ не отдавали ихъ въ ближайшія мѣстныя семинаріи. По жалобамъ духовенства св. Синодъ въ 1755 г. выдалъ было распо-

(¹) Изъ рукоп. собранія матеріаловъ для ист. казанск. епархіи.

ряженіе представлять въ троицкую семинарію дух. дѣтей только изъ ближайшихъ монастырскихъ вотчинъ, отстоящихъ отъ лавры не далѣе 200 верстъ, но въ 1758 г. распоряженіе это было отмѣнено. Въ 1761 году вмѣсто солдатъ лавра послала по вотчинамъ за ребятами учителей, снабдивъ ихъ строгими инструкціями и большими полномочіями: пріѣхавъ въ извѣстное мѣсто, собрать по сказкамъ духовенства всѣхъ дѣтей мужск. пола и, освидѣтельствовавъ ихъ лично въ чтеніи, писаніи и въ способностяхъ, годныхъ къ ученію всѣхъ выслать на крестьянскихъ подводахъ въ лавру при доношеніяхъ; въ случаѣ непослушанія отцевъ требовать, гдѣ надлежитъ, команды и забирать дѣтей силой, не пріемля никакихъ отговорокъ, а о противникахъ репортовать; по пріѣздѣ въ лавру о всѣхъ забранныхъ въ семинарію подать учрежденному собору подробную вѣдомость; во время пути обидъ и налогъ никому не чинить и взятокъ не касаться, — этотъ послѣдній пунктъ въ тогдашнее время составлялъ необходимую принадлежность всякаго рода инструкцій, писался и въ упомянутыхъ солдатскихъ инструкціяхъ. Посылка учителей съ такими порученіями была, разумѣется, полезнѣе, потому что учитель набиралъ дѣтей въ школы съ разборомъ, послѣ экзамена, и высылалъ только годныхъ къ ученію, тогда какъ при обыкновенномъ представленіи на смотръ всякаго рода ребятъ огуломъ множество изъ нихъ не подготовленныхъ къ школѣ, пріѣхавшихъ иногда издалека, приходилось отправлять назадъ съ большими издержками насчетъ или ихъ отцевъ или самой администраціи (1). Но такая мѣра едва ли могла быть употребляема въ другихъ семинаріяхъ, имѣвшихъ большею частію самое ограниченное число учителей. Въ воронежской епархіи въ 1753 г. епархіальное начальство уполномочило для такого набора дѣтей учени-

(1) Ист. троицк. сем. 2 —29

ковъ высшихъ классовъ семинаріи (риторовъ и философовъ), отпущенныхъ тогда на вакатъ: въ инструкціи, данной имъ на этотъ предметъ, было сказано, чтобы они пересмотрѣли по вѣдомостямъ всѣхъ дѣтей духовенства 7—10 лѣтъ „въ ростъ, лѣта и примѣты“ и затѣмъ обученныхъ славяно-россійской грамотѣ, т. е. букваря, часослова, псалтири и письма, взяли въ семинарію, а съ дух. управителей и всего духовенства собрали подписки „съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ подъ штрафомъ“, чтобы они дѣтей своихъ съ 7 лѣтъ непремѣнно обучали славяно-русской грамотѣ, а въ 10 лѣтъ представляли уже обученныхъ въ семинарію, каковыя подписки по возвращеніи съ ваката и представили бы въ семинарскую контору (1).

Самымъ благовиднымъ и обычнымъ средствомъ избавиться отъ представленія въ школу, кромѣ притворенія себѣ тупости, было еще притвореніе себѣ болѣзни. Въ предотвращеніе этого рода обмановъ епархіальныя начальства прибѣгали къ строгому освидѣтельствованію всѣхъ отказывающихся отъ школы за болѣзнью чрезъ заказчиковъ и нарочныхъ изъ дух. правленій. Стремленіе уклониться отъ школы у нѣкоторыхъ духовныхъ юношей простиралось до того, что они нарочно наносили себѣ разныя увѣчья, какъ при наборахъ въ солдаты. Какъ поступали при доношеніяхъ объ увѣчьяхъ и болѣзняхъ будущихъ учениковъ, показываетъ наприм. слѣдующее дѣло 1763 г. о сынѣ одного попа ярославской епархіи угличскаго уѣзда Діомида Ильина. Увѣчье на этотъ разъ было невольное: въ челобитной своей въ угличское правленіе попъ Діомидъ писалъ, что попущеніемъ Божіимъ во время пожара сыну его Ефиму „упадшимъ съ избы его попа бревномъ расшибло лѣвую руку такъ жестоко, что кости въ той рукѣ — большую раздробило, а малую отъ оной отшибло и вся та рука весь-

(1) Воронеж. епарх. вѣд. 1868 г. № 23, стр. 755—756.

ма распухла и отъ того де онъ Ефимъ находится въ тяжкой болѣзни, за коею его въ тое семинарію, по взятому съ него попа заказчикомъ въ силу указовъ обязательству, представить не можно", вслѣдствіе чего онъ попъ, опасаясь, чтобы семинарская контора не наложила на него безвинно штрафа, и проситъ сына его освидѣтельствовать. Изъ дух. правленія по этой челобитной былъ посланъ нарочный копіистъ съ инструкціей „накрѣпко изслѣдовать, онаго попова сына рука подлинно ли во время бывшаго пожарнаго случая нечаянно упавшимъ съ избы поповой бревномъ расшибена, а не другимъ какимъ случаемъ, и не нарочно ль то имъ учинено". Копіистъ донесъ, что дѣйствительно такъ все случилось, какъ сказано въ челобитной. Къ слѣдствію въ качествѣ свидѣтелей привлечены были мѣстные крестьяне; и они тоже показали, что все случилось „Божіимъ попущеніемъ, а не другимъ какимъ порядкомъ, нарочно" (1). Были примѣры, что признанныхъ больными учениковъ сначала увольняли отъ ученья, но потомъ, услыхавъ о ихъ выздоровленіи, снова привлекали въ школу. Въ троицкой семинаріи однажды заставили одного такого ученика учиться даже послѣ того, какъ онъ успѣлъ уже жениться (2).

Въ случаѣ безуспѣшности всѣхъ перечисленныхъ мѣръ къ привлеченію духовныхъ дѣтей въ школы, епархіальныя начальства прибѣгали къ разнообразнымъ мѣрамъ карательнымъ, которыя направлены были какъ противъ дѣтей, такъ и противъ ихъ отцевъ. Для дѣтей важнѣйшимъ наказаніемъ за неученіе было лишеніе правъ духовнаго званія чрезъ отдачу въ подушный окладъ или въ солдатство по разборамъ или по опредѣленію самого епархіальнаго начальства. Затѣмъ слѣдовало, часто впрочемъ неосуществлявшее-

---

(1) Госуд. и народное образованіе, стр. 233, примѣчаніе.
(2) Ист. троицк. семин. 27.

ся въ практикѣ, лишеніе возможности получить церковное, преимущественно священнослужительское мѣсто. Наконецъ, въ случаѣ побѣговъ отъ школы, они подвергались болѣе или менѣе жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Нѣкоторыя изъ карательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ отцевъ, намъ уже извѣстны изъ тѣхъ угрозъ, какими наполнены всѣ архіерейскіе указы о представленіи дѣтей къ смотрамъ, — это тѣлесныя наказанія и лишеніе должностей. Что угрозы эти не были только пустыми словами, на это можно привести множество примѣровъ. Въ практикѣ впрочемъ всего употребительнѣе были наказанія посредствомъ денежныхъ штрафовъ.

Штрафы эти первоначально вполнѣ зависѣли отъ усмотрѣнія архіереевъ и потому были очень разнообразны по епархіямъ, начинаясь съ копѣекъ и доходя до десятковъ рублей. Въ иркутской епархіи принято наприм. было взыскивать съ отцевъ по 15 руб. за каждаго не представленнаго въ свое время къ ученію сына. Въ нижегородской епархіи количество штрафа соразмѣряемо было съ степенью виновнаго лица, съ священника больше, дьякона меньше и т. д., и съ степенью самой виновности; брали по 3, по 2 рубля, по рублю, полтинѣ, 25 коп. (1). Въ 1742 г. св. Синодъ издалъ указъ, которымъ повелѣвалось за непредставленіе ученика къ ученію въ назначенный срокъ брать съ его родственниковъ штрафъ въ 10 руб. Въ 1744 г. явилось новое общее распоряженіе о штрафахъ; указомъ 23 февраля предписано было за каждый мѣсяцъ укрывательства ученика брать съ протопоповъ по 2 р., со священниковъ по 1½, съ дьяконовъ по 1 р., съ причетниковъ по полтинѣ (2). Указъ этотъ съ самаго же начала былъ принятъ въ руко-

(1) Иркутск. еп. вѣд. 1864 г. № 34, стр. 544. Ист. нижегор. семин. 5.

(2) Ист. московск. акад. 107. Ист. троицк. сем. 25.

водство по всѣмъ семинаріямъ, хотя и не безъ исключеній, большею частію впрочемъ состоявшихъ не столько въ уменьшеніи, сколько напротивъ въ усиленіи указанныхъ штрафныхъ сборовъ. Въ слѣдующемъ наприм. году, какъ извѣстно, открылась воронежская семинарія и, когда нѣкоторые отцы не представили дѣтей своихъ къ сроку, къ нимъ тогда же было примѣнено и новое распоряженіе о штрафахъ, хотя въ оправданіе своей неисправности они выставляли довольно уважительные резоны — дальность разстоянія и рабочую пору. Изъ опредѣленій воронежской консисторіи видимъ, что штрафная сумма аккуратно высчитывалась не только по мѣсяцамъ, но и за каждый день просрочки, наприм. положить штрафъ свыше объявленнаго имъ сроку, съ августа съ 20 сего же 1745 г. ноября по 27 число, что надлежитъ съ попа августа за 12 дней 60 коп.; за сентябрь 150 к., за октябрь тоже число, да ноября съ 26 дней 120 к., итого 4 р. 90 к. Съ дьячка на тѣжъ числа августа за 12 дней 20 к. 3 полушки, за сентябрь 50 к., за октябрь 50 к., да ноября за 26 дней 45 к. 2 полуденьги, итого съ дьячка 1 р. 66 к. 2 полуденьги и т. д. (1). Въ доказательство того, что епархіальное начальство могло всегда наложить штрафъ и выше указаннаго, можно указать на примѣръ ростовской консисторіи, которая однажды положила собирать съ неисправныхъ отцевъ по 5 руб. за каждую просроченную недѣлю (2). Кромѣ того штрафъ, какъ мы видѣли, отягчался еще въ случаѣ самовольнаго поступленія назначеннаго къ призыву въ школу на церковную службу и преждевременной женитьбы.

Уклонявшихся отъ школы такъ было много, что штрафныя деньги, какъ мы знаемъ, составляли очень

---

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. стр. 22. Сравн. Ист. псковск. сем. 39 и Ист. влад сем. 18—19.

(2) Госуд. и народное образов. примѣч. къ 234 стр.

важную статью содержанія тогдашнихъ семинарій. Но мы знаемъ также, что, благодаря настойчивости, съ какой епархіальныя начальства проводили принципъ обязательности школьнаго образованія для дѣтей духовенства, число кандидатовъ этого образованія все болѣе и болѣе увеличивалось и на семинарскіе смотры стали привозить такое множество ребятъ, что въ школахъ не оказывалось для нихъ ни достаточнаго мѣста, ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ. Отсюда явились неизбѣжныя и невольныя ограниченія принципа обязательности школьнаго обученія, выразившіяся въ двухъ формахъ, въ формѣ устраненія изъ епархіальныхъ школъ первоначальнаго элементарнаго обученія и въ штатахъ, какими пришлось ограничить число учениковъ въ каждомъ учебномъ заведеніи.

Первая форма ограниченія явилась еще раньше, при Петрѣ Великомъ. Мы видѣли, что какъ только школы стали разширять свои курсы введеніемъ латинскаго языка, изъ элементарныхъ, славяно-россійскихъ преобразовываться въ среднія, такъ и обнаружилось, что славено-россійское обученіе составляетъ для нихъ только лишнее бремя, которое слѣдуетъ сдать по принадлежности семействамъ духовныхъ дѣтей или нисшимъ школамъ грамотности, и что духовная администрація, пренебрегши послѣдними, взявши все обученіе дѣтей духовенства только на себя, взялась за дѣло для себя непосильное. Послѣ этого славяно-россійское обученіе въ архіерейскихъ школахъ все болѣе и болѣе стало удаляться на задній планъ, наконецъ съ 1730-хъ гг., когда онѣ преобразовались въ семинаріи, все почти вниманіе епархіальныхъ архіереевъ поглотило поддержаніе однихъ этихъ семинарій, въ которыхъ курсъ уже прямо начинался съ латини. Славено-россійскія школы заводились въ небольшомъ числѣ и преимущественно въ епархіяхъ или болѣе богатыхъ, которыя могли содержать ихъ безъ особеннаго ущерба для главныхъ своихъ школъ, —

семинарій, или въ болѣе обширныхъ, въ которыхъ при трудности сосредоточить все духовное образованіе въ одномъ каѳедральномъ городѣ, чувствовалась настоятельная потребность въ мѣстныхъ школахъ по епархіальнымъ округамъ, приготовительныхъ къ главной каѳедральной школѣ. Да и эти приготовительныя школы по большей части являлись уже въ формѣ славено-латинскихъ; въ славено-латинскія же нерѣдко преобразовывались и старыя нижнія школы разныхъ епархій. При наборѣ дѣтей въ семинарію отъ нихъ вслѣдствіе этого повсюду стали требовать, чтобы они предварительно были выучены грамотѣ и могли приступать уже прямо къ латинскому ученію. Практика епархіальныхъ властей была вполнѣ одобряема и указами правительства, особенно указами 1738 и 1740 гг. объ учрежденіи семинарій троицкой и новгородской. Въ томъ и другомъ было сказано, что въ семинарію слѣдуетъ принимать только тѣхъ дѣтей, которыя читать и писать на русскомъ языкѣ уже обучены, а „понеже, прибавлено во второмъ указѣ, отчасти извѣстно, что до сего времени при семинаріи такихъ учениковъ содержатъ, которые пороссійски читать и писать не обучены, того ради всѣхъ такихъ отдать родителямъ ихъ съ такимъ опредѣленіемъ, чтобы они тѣхъ дѣтей своихъ до пришествія ихъ возраста въ 12 лѣтъ всему тому конечно обучили и, обучивъ, для обученія прочихъ наукъ въ семинарію ихъ отдавали“, подъ опасеніемъ штрафа и отдачи необученныхъ дѣтей въ военную службу. Указъ 1740 г. не отрицалъ впрочемъ, какъ мы уже упоминали, и существованія въ епархіяхъ нижнихъ школъ, даже нарочно велѣлъ завести ихъ въ разныхъ мѣстахъ новгородской епархіи, но только на манеръ частныхъ школъ, относя вознагражденіе ихъ учителей на счетъ самихъ учениковъ по обычной платѣ за

ученіе, какъ вознаграждались за свои труды прежніе мастера грамотности (1).

Приведенные указы имѣли частное значеніе относительно только троицкой и новгородской семинарій; въ началѣ августа 1740 г. вышелъ такого же содержанія общій указъ, который главною цѣлью имѣлъ опредѣлить возрастъ, съ какого отцамъ слѣдовало начинать первоначальное обученіе своихъ дѣтей, и затѣмъ какихъ лѣтъ опредѣлятъ ихъ въ семинарію, но, заговоривъ объ этомъ первоначальномъ обученіи, предложилъ нѣсколько новыхъ разъясненій касательно его организаціи, дозволивъ архіереямъ заводить и нижшія школы грамотности, только бы онѣ не были въ ущербъ семинаріямъ. На основаніи Регламента и приведенныхъ указовъ 1738 и 1740 гг. въ семинарію дозволялось принимать дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ и непремѣнно обученныхъ уже грамотѣ; „которыя же по достодолжному и ревностному отцевъ своихъ тщанію россійской грамотѣ и писать обучены и прежде 10 лѣтъ возраста, и таковыхъ принимать, не ожидая, пока они тѣхъ лѣтъ достигнутъ, безъ отреченія, точію выше пятнадцатилѣтнихъ отнюдь не принимать, развѣ съ такимъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, какъ въ Д. Регламентѣ показано (т. е. что отрокъ и въ домѣ родительскомъ жилъ въ страсѣ и добромъ надсмотрѣніи); а которыя россійской грамотѣ и писать отъ 10 до 12 лѣтъ не обучены и обучаются въ школахъ при арх. домѣ на опредѣленномъ отъ монастырей пропитаніи, и таковыхъ, — гдѣ ежели отъ содержанія оныхъ другимъ отрокомъ, кои учатся въ латинскихъ школахъ, можетъ воспослѣдовать въ довольствованіи и въ прочемъ къ содержанію ихъ какое недовольство, — для того россійской грамотѣ обученія, кромѣ убогихъ, отдавать отцемъ и сродникомъ ихъ съ надлежащими оныхъ, въ коликое время тѣхъ, кто

(1) Ист. троицк. сем. 4. Ист. росс. іер. 594 и 601—602.

чему еще не обучены, обучить и потомъ на который срокъ въ школы для обученія высшимъ наукамъ представить долженъ, обязательствы подъ немалымъ штрафомъ. А ежели которые архіереи похотятъ при арх. домѣхъ обучать и изъ такихъ, кои оной россійской грамотѣ еще не обучены, то въ томъ оставляется быть на ихъ пропитаніи. Такожъ и прочимъ всѣмъ священно-церковнослужителямъ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ приказать, дабы они дѣтей своихъ славено-россійской грамотѣ, т. е. букваря съ десятословіемъ, часослова, псалтири и скорописному, обучали отъ себя, начиная имъ то ученіе всеконечно съ 7-лѣтняго ихъ возраста, съ положеніемъ имъ на то ученіе по послѣдней мѣрѣ трилѣтняго срока, въ которомъ каждый сына своего долженъ, всему оному обучавъ, для обученія высшимъ наукамъ представить въ домѣ архіерейскомъ неотмѣнно, въ чемъ тѣхъ отцевъ ихъ потому жъ обязать штрафомъ по разсмотрѣнію архіереевъ, и тотъ штрафъ съ тѣхъ, кто дѣтей своихъ на опредѣленный срокъ, вышепоказанному обуча, не поставитъ, и взыскивать безъ упущенія, и для того онымъ обязательствамъ имѣть въ домѣхъ архіерейскихъ, у кого надлежитъ, для всегдашней памяти и дѣйствомъ исполненія записную книгу, а потому смотрителю, кому такая книга будетъ дана, къ наставленію, какъ ему въ томъ поступать, дать инструкцію“ (1).

Такимъ образомъ со времени преобразованія дух. школъ въ семинаріи и особенно послѣ приведенныхъ указовъ всѣ дѣти, оказывавшіяся на смотрахъ необученными русской грамотѣ, стали считаться негодными для поступленія въ семинаріи и отсылались обыкновенно назадъ въ домы отцевъ, но отъ обязанности учиться все-таки не освобождались. Въ силу тѣхъ же указовъ и еще раньше ихъ практически утвердившa-

---

(1) Педагог. Вѣстн. 1857 г. т. II, 344. Ворон. епарх. вѣдом. 1867 г. № 3, стр. 82—84 въ примѣч. Ист. Нижегор. іерарх. стр. 106. прим. 3.

гося обычая съ отцовъ такихъ неграмотныхъ дѣтей брались обязательства представлять ихъ вновь въ семинарію въ трехлѣтній срокъ уже обученными. Штрафъ за неисполненіе этого обязательства взимался обыкновенно въ возвышенномъ количествѣ противъ штрафа за непредставленіе дѣтей по вызову на первый смотръ, наприм. въ троицкой семинаріи простирался до 10 р. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ были готовыя славяноросскійскія школы или оставались русскіе классы при самихъ семинаріяхъ, неграмотные дѣти оставлялись для предварительнаго обученія при нихъ, но такъ какъ число такихъ неграмотныхъ оказывалось слишкомъ велико, то въ школы эти принято было включать главнымъ образомъ сиротъ и другихъ подобныхъ дѣтей, которыя почему нибудь не имѣли возможности учиться дома и на свои средства. Въ нѣкоторыхъ болѣе достаточныхъ семинаріяхъ для обученія такихъ дѣтей даже нарочно открывали русскіе классы, наприм. Троицкая лавра въ 1743 г. открыла у себя такой классъ на 20 сиротъ, не включая ихъ въ штатное сотное число учениковъ семинаріи, т. е. сверхъ штата. Объ открытіи новыхъ нисшихъ школъ по округамъ разныхъ епархій мы уже говорили. Большинство дух. дѣтей по всей вѣроятности должно было учиться въ частныхъ школахъ при церквахъ, у разныхъ членовъ приходскихъ причтовъ, или при монастыряхъ. Этимъ частнымъ обученіемъ для распространенія грамотности въ дух. семействахъ пользовались по мѣстамъ и сами епархіальныя начальства, когда послѣ смотра представленныхъ въ семинарію дѣтей находили нужнымъ вступиться въ дѣло обученія неграмотныхъ и указать имъ самые способы этого обученія. Такъ, при открытіи вятской семинаріи преосв. Лаврентій извѣстное число неграмотныхъ, сколько было можно, опредѣлилъ въ русскую школу при своемъ домѣ, остальныхъ же частію возвратилъ отцамъ, которые обязались сами учить ихъ, чему надобно, и оказались къ тому способными, частію отослалъ для той же цѣли къ разнымъ искус-

нымъ въ чтеніи дьяконамъ и причетникамъ г. Хлынова, либо въ монастыри (1).

Второе ограниченіе школьнаго обученія, состоявшее въ опредѣленіи числа учениковъ штатами, еще ближе касалось принципа сословной обязательности дух. образованія. Штаты постепенно сформировались во всѣхъ дух. школахъ частію на основаніи прямыхъ указовъ правительства, какъ въ семинаріяхъ невской, новгородской и троицкой, частію путемъ практическимъ, будучи вызваны ограниченностію матеріальныхъ средствъ въ той или другой епархіи. Послѣдняго рода штаты, разумѣется, не могли быть такъ постоянны, какъ первые, съ перемѣною въ количествѣ матеріальныхъ средствъ къ содержанію учениковъ нерѣдко измѣнялись и сами. Но и тѣ и другіе, ограничивая число учениковъ извѣстною цифрою, необходимо вели за собою устраненіе отъ школы множества дух. дѣтей, призывавшихся къ смотрамъ, и такимъ образомъ прямо ослабляли принципъ обязательности сословной школы для духовенства. При замѣщеніи семинарскихъ вакансій архіереи обыкновенно распоряжались сначала опредѣлить число учениковъ казенно-коштныхъ, включая въ него болѣе талантливыхъ и болѣе нуждавшихся молодыхъ людей, затѣмъ собирали справки, сколько еще новыхъ учениковъ могутъ содержаться на собственныя средства, причемъ приходилось собирать самыя достовѣрныя справки о доходахъ ихъ отцевъ съ помощію заказчиковъ, потому что многіе отцы вовсе не желали видѣть своихъ дѣтей въ школѣ и нарочно утаивали свои средства, наконецъ, опредѣливъ этимъ путемъ и число своекоштныхъ, всѣхъ остальныхъ отсылали отъ семинаріи по домамъ съ обязательствомъ непремѣнно пріобрѣсти нисшую степень образованія, какая обыкновенно требовалась отъ ставленниковъ, т. е. умѣнье читать, пи-

(1) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 2, стр. 26—27.

сать и пѣть и знаніе по букварю краткаго катихизиса. Епархіальныя начальства при этомъ озабочивались иногда еще назначеніемъ изъ епарх. духовенства самыхъ лицъ, у которыхъ такія непринятыя въ семинарію дѣти могли получать требуемое отъ нихъ образованіе частнымъ образомъ, если того желали или если въ томъ нуждались. Устраненіе затрудненія, производимаго семинарскими штатами, этою обязательностію низшаго дух. образованія и ограничивалось. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ къ обязательному обученію въ школахъ призывались иногда дѣти однихъ священнослужителей, а церковнослужительскія только отъ болѣе богатыхъ церквей, какъ это наприм. было въ ростовской епархіи (1); этимъ устранялись хлопоты при собиранія справокъ о доходахъ отцевъ.

Какъ много молодыхъ людей должно было вовсе оставаться безъ школьнаго образованія, можно видѣть изъ нѣсколькихъ взятыхъ на выдержку извѣстій о числѣ являвшихся на смотры. Такъ въ вятскую семинарію при ея открытіи явилось до 400 дѣтей, но принято было всего 200, а затѣмъ и это число упало до 95; въ воронежской семинаріи изъ 130 первоначально явившихся на смотръ принято 30; во владимірскую явилось на смотръ 862, сколько изъ нихъ принято не знаемъ, но судя по maximum числа учениковъ въ другихъ семинаріяхъ, едва ли многимъ болѣе 200 и т. д. Приведемъ еще примѣръ изъ исторіи холмогорской семинаріи, особенно любопытный по своимъ выразительнымъ подробностямъ. Семинарія эта была одна изъ бѣднѣйшихъ и въ началѣ 1740-хъ годовъ при архіереѣ Варсонофіѣ, о которомъ мы уже упоминали, какъ о недоброжелателѣ черкасскихъ затѣй, едва не закрылась. Въ 1742 г. св. Синодъ потребовалъ изъ епархіи вѣдомостей о томъ, сколько

(1) Госуд. и нар. образованіе, стр. 238.

семинарія можетъ содержать учениковъ на казенномъ коштѣ, затѣмъ сколько найдется учениковъ, которыхъ отцы могутъ содержать въ ней на свой собственный счетъ, и наконецъ сколько за онымъ должно остаться дѣтей духовенства безъ школьнаго образованія, при одномъ россійскомъ обученіи. Въ силу этого указа къ концу года составлены были вѣдомости, по которымъ перваго рода учениковъ показано въ наличности только 8, втораго 19, — всего 27; къ концу года слѣдовало собрать новыхъ учениковъ изъ ребятъ, умѣющихъ грамотѣ, отъ 10 до 15 лѣтъ, но принять на казенный коштъ ниодного изъ нихъ было нельзя; поэтому слѣдовало вызвать къ ученію только такихъ, которыхъ отцы могли содержать на своемъ пропитаніи; — таковыхъ оказалось 26 всего на всего, тогда какъ всѣхъ дѣтей духовенства, подлежащихъ по лѣтамъ къ вызову въ школу, было по епархіи 451 человѣкъ. Вся эта масса молодыхъ людей должна была слѣдовательно оставаться при одномъ только славяно-россійскомъ обученіи. При представленіи этихъ вѣдомостей арх. канцелярія рѣшила: показанныхъ дѣтей къ обученію россійскихъ наукъ, — часослова, псалтири, писать, букваря съ толкованіемъ, катихизиса и церковнаго пѣнія, — раздать по уѣздамъ священно-и-церковнослужителямъ великоприходныхъ церквей (которыхъ сама же и указала), „и которые отцы пожелаютъ взять дѣтей своихъ въ домы для совершеннаго оныхъ россійскихъ наукъ, кромѣ катихизиса, изученія, и тѣхъ отдавать имъ учителямъ на срочное время, смотря по остротѣ дѣтей ученія, а для скораго собранія по всѣмъ уѣздамъ оныхъ дѣтей и общаго съ учителями термина отпуску послать домовыхъ служителей, знающихъ совершенно оныхъ россійскихъ наукъ, и людей добросовѣстныхъ, понеже по вышеозначенному указу велѣно о изученіи ихъ съ вышеобъявленными обучающимися въ домѣ вашего преосвященства школьники присылать въ св. прав. Синодъ репорты, различая, которые чему въ школахъ и кои че-

му при церквахъ обучаются именно". Затѣмъ представленъ реэстръ самихъ священно-и-церковнослужителей разныхъ уѣздовъ, при домахъ которыхъ должны были учиться эти непопавшія въ семинарію дѣти, каждый въ своемъ уѣздѣ: „У гор. Архангельскаго боровской Успенской церкви священникъ Яковъ да Воскресенской церкви діаконъ Никита. Въ Холмогорахъ соборный дьяконъ Филиппъ, пѣвчій Терентій Шабанинъ. Въ Емецкомъ Никольской волости попъ Аѳанасій" и т. д. всѣхъ 20 человѣкъ; дѣтей съ вотчинъ Соловецкаго монастыря велѣно для обученія отдать въ монастырь (1).

Такимъ образомъ, громко провозгласивъ принципъ обязательности сословнаго образованія дух. дѣтей именно въ архіерейскихъ школахъ и на основаніи этого принципа совершенно осудивъ прежнее обученіе ихъ у отцовъ и въ частныхъ приходскихъ школахъ, даже, какъ мы замѣчали, относясь къ послѣднимъ съ пренебреженіемъ, духовная администрація въ концѣ концовъ все-таки пришла къ тому, что сама созналась въ непосильности принятой на себя задачи и обратилась за помощью и содѣйствіемъ къ тѣмъ же частнымъ школамъ. Къ счастію эти школы, не смотря на все пренебреженіе къ нимъ, еще сохранились и продолжали свою невидную, но полезную дѣятельность, распространяя грамотность не только въ духовенствѣ, но и въ народѣ, о которомъ тогда пока никто еще съ этой стороны не заботился. Судьба ихъ впрочемъ и послѣ была незавидная; при имп. Екатеринѣ II правительство озаботилось объ образованіи народномъ и тоже, вмѣсто того, чтобы воспользоваться уже готовыми для того средствами, обратить вниманіе на организацію старыхъ приходскихъ школъ,

(1) Странникъ 1878 г. ноябрь, стр. 144—146: въ стат. о Варсонофіи архангельскомъ.

взялось за дѣло съ обычною у всѣхъ нашихъ реформаторовъ и попечителей народа радикальностію и презрѣніемъ къ исторіи, стало заводить новыя школы по послѣдней западной модѣ, а старыя ломать...

Обращеніе къ помощи приходскихъ школъ и домашняго обученія дѣтей допускалось впрочемъ лишь, такъ сказать, практически, какъ нѣкотораго рода исключеніе изъ общаго правила, вынужденное обстоятельствами; самое правило, принципъ обязательности именно семинарскаго образованія, въ сознаніи дух. властей оставалось неприкосновеннымъ. Изъ просвѣтительной практики разныхъ епархіальныхъ начальствъ къ удивленію нашему узнаемъ, что съ непринятыхъ въ семинарію дѣтей духовенства взимались даже штрафы точно такъже, какъ съ уклонявшихся отъ нея произвольно, по нежеланію учиться. Такъ въ одномъ донесеніи 1736 г. о казанской семинаріи говорится, что „многія священноцерковнослужительскія дѣти, которыя посвящены по просьбамъ къ церквамъ въ причетъ церковной (не бывши въ семинаріи), другія за малолѣтствомъ отпущенныя въ домы отцовъ своихъ“ платили „въ ту семинарію оброчныя деньги“ по рублю въ годъ (1). Вятскій архіерей Антоній Илляшевичъ при имп. Елизаветѣ, какъ мы знаемъ, сталъ сокращать число учениковъ въ семинаріи для поправленія семинарской экономіи; исключивъ изъ семинаріи до 100 учениковъ, признанныхъ малопонятливыми или великовозрастными, онъ обложилъ при этомъ всѣхъ ихъ денежными штрафами, „смотря по состоянію, кто что понести можетъ“. Еще выразительнѣе другое его распоряженіе, въ силу котораго „съ произведенныхъ имъ и впредь съ производимыхъ поповъ, дьяконовъ, также дьячковъ и пономарей, кои въ латинской школѣ въ наукахъ не были, на содержаніе

(1) Прав. Собесѣдн. 1868 г. т. II. 295: Казанск. семинарія...

студентовъ, каждый годъ" стали „брать съ священниковъ по рублю, съ дьяконовъ по 50 к., съ пономарей и дьячковъ по 25 к. съ человѣка" (1). Налогъ этотъ очевидно былъ тоже чѣмъ-то въ родѣ штрафа за необученіе въ школѣ. Такіе же штрафы взимались еще съ учениковъ, которые выходили изъ школъ на церковную службу раньше времени, не кончивъ курса. Основаніемъ для этихъ послѣднихъ штрафовъ служило правило Регламента о томъ, чтобы вновь принимаемые въ академію студенты „давали на себе запись, что до конца ученій пребудутъ подъ великимъ штрафомъ, если бы обѣта своего не исполнили безъ крайней нужды" (2).

Попавшій въ семинарію совершенно былъ къ ней прикрѣпляемъ и долженъ былъ выходить изъ нея не иначе, какъ по окончаніи всего курса и прямо на духовную службу. Семинаристы были въ этомъ отношеніи чѣмъ-то въ родѣ церковныхъ кантонистовъ, для которыхъ по идеѣ школа духовная и служба церковная были одинаково обязательны и неразрывно между собою связаны, какъ начало и конецъ, средство и цѣль. Извѣстнымъ намъ указомъ 1737 г. было прямо опредѣлено: „которые впредь для наукъ будутъ опредѣлены", тѣхъ не выпускать изъ школъ, „хотя бы кто и совершенно обучился", до тѣхъ поръ, пока или сами не отыщутъ по желаніямъ своимъ мѣстъ, или не будутъ куда нибудь опредѣлены начальствомъ. Духовное начальство въ тѣхъ видахъ, чтобы получившіе семинарское образованіе какъ нибудь не растеривались по окончаніи курса и не уклонялись отъ обязательной для нихъ дух. службы, само по мѣрѣ возможности поддерживало выполненіе этого правила и

(1) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 12, стр. 202—203.

(2) Образчикъ записи можно видѣть въ Иркутск. епарх. вѣдом. 1863 г. № 47, стр. 777—778.

заставляло старшихъ ученниковъ семинарій учиться въ послѣднемъ классѣ иногда по нѣскольку лѣтъ. Наприм. въ троицкой семинаріи въ богословскомъ классѣ иные учились всего по году или даже меньше, другіе же, не успѣвшіе скоро найдти мѣста, года по 3, по 4 и даже по 5. Такъ бывало даже и въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ высшихъ классовъ вовсе не было. Въ вятской наприм. семинаріи въ 1740 г. учениковъ оставили такимъ образомъ въ риторикѣ и нѣкоторые изъ нихъ подняли жалобы, что „за непроизведеніемъ въ школѣ высшихъ наукъ быть имъ въ риторикѣ вельми стало скучно, и въ оной школѣ они всуе содержатся и токмо лѣта теряютъ напрасно“ (1).

Обязательность духовной службы для кончившихъ семинарскій курсъ прямо вытекала изъ всего сословнаго характера семинарій и поддерживалась духовными властями съ величайшей энергіей. Всѣ семинаристы, за очень немногими исключеніями, по окончаніи курса прямо опредѣлялись на церковныя мѣста, а нѣкоторые поступали въ монахи. Даже изъ лаврскихъ семинарій, которыя были содержимы Александро-невскою и Троицкою лаврами между прочимъ въ видахъ образованія кандидатовъ на разныя свѣтскія службы по лаврскимъ вотчинамъ, на эти свѣтскія службы принято было опредѣлять только учениковъ изъ дѣтей лаврскихъ служителей, приказныхъ и другихъ разночинцевъ, а дѣтей духовенства выпускали непремѣнно на духовную службу. О всѣхъ церковныхъ вакансіяхъ въ своихъ вотчинахъ Троицкая лавра обыкновенно давала знать въ семинарскую контору съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли кто занять ихъ изъ семинаристовъ; кромѣ того ходатайствовала за своихъ воспитанниковъ предъ архіереями тѣхъ епархій, куда они отправлялись по окончаніи курса, прося объ опредѣленіи ихъ на священнослужительскія мѣста (2). Са-

(1) Ист. троицк. семин. 103. Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. стр. 199.
(2) Ист. троицк. сем. стр. 102.

ми ученики привыкли смотрѣть на себя, именно какъ на кандидатовъ дух. службы, къ которой тянули ихъ и родовыя симпатіи и характеръ ихъ семинарскаго образованія. Въ 1747 г. доступъ къ церковнымъ должностямъ былъ стѣсненъ строгимъ указомъ, настойчиво требовавшимъ, чтобы въ священники посвящались имѣвшіе не менѣе 30, а въ дьяконы не менѣе 25 лѣтъ, — и вотъ какую жалобу подали по этому случаю въ св. Синодъ ученики, кончившіе тогда курсъ въ невской семинаріи. „Гдѣ намъ нижайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей или у сродниковъ? но тѣхъ большее насъ число не имѣетъ. Рукодѣліемъ кормиться? но того не обучались. Куплями ли промышляти? но и на двѣ лепты почти у всѣхъ насъ не наберется. А хотя у одного и другаго изъ насъ и родитель сыщется, но и самъ онъ на силу пропитаніе имѣетъ: какъ же кормить столь возрастнаго сына, отъ котораго и самъ себѣ въ такія лѣта надѣялся помощи, станетъ? При семинаріи уже ни сякъ — ни такъ оставаться и 30 лѣтъ дожидаться вовсе не мочно; ибо и такъ уже бѣдственное школьническое житіе паче мѣры наскучило, внѣ котораго, можетъ быть, давно уже иной честное себѣ заслужилъ прокормленіе. И такъ мы нижайшіе, вмѣсто чаятельнаго за труды 12-тилѣтные награжденія, Богъ вѣсть съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ; въ священники безъ всякаго изъятія по 30 лѣтъ требуется; въ діаконы желаемаго прихожаны голосу недостаетъ; въ дьячки или пономари стыдно и весьма обидно и, кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ, а наипаче отъ тѣхъ, которые за тупостію къ ученію или другимъ коимъ недостаткомъ отставлены отъ семинаріи или и ногою въ оной не бывали, и давно по мѣстамъ таковымъ опредѣлены благополучно себѣ живутъ въ совершенномъ житія станѣ, — больше нѣтъ чего надѣяться. Какъ впредь быть и что дѣлать, и сами невѣдаемъ. Отъ чего и тѣмъ, которые въ классахъ обрѣтаются, уповательно, что охота къ ученію крайне

ослабѣетъ". Строгость постановленія о законныхъ лѣтахъ была впрочемъ скоро ограничена въ отношеніи ко всѣмъ, кончившимъ курсъ въ семинаріяхъ и академіяхъ (1). Нельзя опускать при этомъ изъ вниманія и того, что многіе, если не большая часть учениковъ, при тогдашнемъ обыкновеніи начинать школьное обученіе поздно, уже въ изрядномъ великовозрастіи, оканчивали курсъ въ лѣтахъ совершенно удовлетворительныхъ для посвященія по крайней мѣрѣ въ дьяконы.

Нѣкоторая часть семинаристовъ, сравнительно впрочемъ меньшая съ числомъ поступавшихъ на священнослужительскія мѣста, преимущественно изъ малороссійскихъ школъ и главнымъ образомъ въ видахъ учительскихъ должностей, поступали на духовную службу чрезъ постриженіе въ монахи. При Аннѣ Іоанновнѣ постриженіе ихъ было сильно стѣснено сначала указомъ 1733 г., запретившимъ постригать студентовъ безъ трехлѣтняго искуса и ранѣе 30 лѣтъ, потомъ другимъ 1734 г., которымъ, кромѣ отставныхъ солдатъ и вдовыхъ священнослужителей, вовсе не велѣно было постригать никого (2). Указы эти грозили совершеннымъ уничтоженіемъ ученаго монашества и вызвали горькія жалобы на то, что въ ученыхъ монахахъ сталъ ощущаться крайній недостатокъ даже въ Малороссіи, гдѣ ими держались всѣ дух. школы. Въ 1738 г. правительство сочло поэтому нужнымъ умѣрить строгость своихъ указовъ о постриженіи, по крайней мѣрѣ для Малороссіи, гдѣ безъ ученаго монашества духовныхъ школъ не могли и представить, и снова дозволило тамъ постриженіе ученыхъ людей, только съ особаго на каждый случай разрѣшенія отъ кабинета министровъ и Синода (3). Но подъ конецъ царствованія въ монашествѣ, какъ въ

---

(2) Ист. спб. акад. 50—51.

(3) П. С. 3. IX. № 6504. 6585.

(3) Тамъ же X. 7634. 7671.

рядовомъ, такъ и ученомъ, чувствовалось все-таки крайнее оскудѣніе и св. Синодъ не переставалъ высказывать серьезныя опасенія касательно самаго его существованія (1). По неоднократнымъ его представленіямъ объ этомъ предметѣ въ 1741 г. дано было наконецъ довольно широкое разрѣшеніе постригать въ монашество всѣхъ желающихъ, только съ соблюденіемъ прежнихъ штатныхъ опредѣленій о числѣ монаховъ, а семинаристовъ и студентовъ кромѣ того дозволено освобождать при постриженіи и отъ законнаго трехлѣтняго искуса, замѣняя послѣдній только шестимѣсячнымъ (2). Но указъ объ этомъ предметѣ дѣйствовалъ весьма непродолжительное время. Въ царствованіе имп. Елизаветы, отмѣнившей всѣ распоряженія брауншвейгскаго правительства, при которомъ онъ былъ изданъ, онъ потерялъ всякую силу и постриженіе стало опять производиться на основаніи указа 1738 г., т. е. только съ особаго высочайшаго разрѣшенія и по указу изъ св. Синода (3). Малороссійскія дух. начальства снова стали жаловаться на оскудѣніе ученаго монашества и на этотъ разъ, пользуясь особенной любовью императрицы къ малороссамъ, въ 1749 г. успѣли выхлопотать для себя такой указъ, который шелъ совершенно въ разрѣзъ всему прежнему законодательству о монашествѣ со временъ Петра Великаго: этимъ указомъ дозволялось постригать молодыхъ людей даже съ 17-ти лѣтняго возраста и съ разрѣшенія однихъ только епархіальныхъ архіереевъ, а въ кіевской лаврѣ съ разрѣшенія одного архимандрита. О великоруссахъ въ этомъ указѣ сказано было лишь мимоходомъ и очень неопредѣленно: „не постригать никого неволею и ранѣе 17 лѣтъ, особенно изъ вели-

---

(1) П. С. З. XI, 8303.

(2) Тамъ же № 8382.

(3) См. напр. въ Ист. спб. акад. стр. 69.

короссіянъ, безъ высочайшаго повелѣнія", вслѣдствіе чего онъ и былъ относимъ только къ однимъ малороссамъ и имѣлъ для великорусскаго монашества очень невыгодные результаты, о которыхъ правительство узнало уже въ 1761 г. Въ сентябрѣ этого года изданъ былъ новый указъ, распространявшій силу перваго и на великорусскіе монастыри. Ея величеству, говорилось въ немъ, извѣстно учинилось, что съ 1749 г. постриженіе въ монахи въ великороссійскихъ монастыряхъ совсѣмъ оставлено затѣмъ, будто бы въ указѣ 1749 г. постригать великороссіянъ невелѣно, между тѣмъ „таковое высочайшее повелѣніе не для другаго какого намѣренія воспослѣдовало, какъ только дабы годные въ службу и мужья отъ живыхъ женъ и жены отъ живыхъ мужей, такожъ несвободные и младолѣтные по принужденію родителей и родственниковъ постригаемы не были; того ради" и проч.,—дозволено постригаться всѣмъ желающимъ съ разрѣшенія однихъ архіереевъ, а въ Синодъ велѣно представлять годичныя вѣдомости о постриженныхъ для свѣденія (1). Послѣ этого указа свобода постриженія на непродолжительное время стѣснена была указомъ Петра III 1762 г. (2), но съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II снова возстановлена.

Духовныя начальства въ интересахъ духовной службы чрезвычайно дорожили кончившими въ семинаріяхъ полный курсъ и употребляли все стараніе, чтобы удерживать учениковъ въ школахъ до конца; съ этою цѣлію право увольненія учениковъ отъ ученія архіереи постоянно старались удерживать исключительно въ своихъ собственныхъ рукахъ, не довѣряя въ этомъ случаѣ ни ректорамъ, ни семинарскимъ кон-

---

(1) П. С. З. XIII, № 9591. XV, № 11332.

(2) Тамъ же XV. 11441.

торамъ (1). Законъ по прежнему дозволялъ увольненіе молодыхъ людей изъ школы раньше конца курса только въ крайнихъ случаяхъ, когда ученикъ или крайне тупъ, или лѣнивъ и дурнаго поведенія, и требовалъ, чтобы оно сопровождалось для уволенныхъ исключеніемъ ихъ изъ самаго духовнаго сословія (2). Но разныя настоятельныя нужды, встрѣчавшіяся въ практикѣ епархіальныхъ властей, невольно заставляли ихъ отступать отъ выполненія такихъ суровыхъ требованій, увольнять отъ школы не однихъ только никуда негодныхъ учениковъ и не для только отдачи ихъ въ солдаты или записи въ подушный окладъ, а также и притомъ большею частію для церковной же службы. Само правительство сознавалось, что того долго ждать, когда явится возможность замѣщать церковныя вакансіи одними учеными людьми, и въ виду чрезвычайнаго множества этихъ вакансій послѣ разборовъ позволяло ставить въ священнослужительскія должности даже вовсе неученыхъ, за одно доброе житіе. Понятно, что какой нибудь уже достаточно возрастный риторъ во всякомъ случаѣ былъ лучшимъ кандидатомъ на священнослужительскую должность, чѣмъ вовсе неучившійся въ школѣ церковникъ. Когда открывалась церковная вакансія, въ семинарію нерѣдко нарочно посылались предложенія, не пожелаетъ ли кто занять ее изъ учащихся. Даже въ московской епархіи въ священники сельскихъ приходовъ могли поступать академисты прямо изъ піитики. На наслѣдныя священническія мѣста посвящали риторовъ въ самой Москвѣ, хотя общій порядокъ, принятый тамъ въ руководство при производствѣ въ священнослужительскія степени, требовалъ, чтобы на эти мѣста въ столицѣ посвящались только богословы и философы,

---

(1) Наприм. см. Курск. епарх. вѣд. 1873 г. № 14, стр. 672.

(2) П. С. З. № 7385. Ист. Росс. іерарх. I, 440.

а риторы лишь на дьяконскія (1). Въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ дѣло доходило до того, что вслѣдствіе такого преждевременнаго посвященія учениковъ высшіе классы семинаріи совсѣмъ пустѣли; наприм. въ 1756 г. въ трехъ высшихъ классахъ псковской семинаріи не осталось ни одного ученика, потому что въ епархіи было слишкомъ много при церквахъ вакансій, а въ 1755 г. присланъ былъ высочайшій указъ замѣстить эти вакансіи въ возможно скорѣйшемъ времени (2). Кромѣ замѣщенія священнослужительскихъ вакансій, множество учениковъ увольнялось изъ семинарій для опредѣленія на церковническія должности; должности эти были обыкновеннымъ удѣломъ исключенныхъ изъ нисшихъ классовъ.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе большаго наплыва учеников въ въ сем наріи и недостатка средствъ къ ихъ содержанію, заставлявшаго архіереевъ прибѣгать къ сокращенію семинарскихъ штатовъ, исключеніе учениковъ стало производиться все чаще и все въ большихъ размѣрахъ. Понятно, что оцѣнка ученическихъ успѣховъ при этомъ естественно становилась гораздо взыскательнѣе, чѣмъ на первыхъ порахъ существованія дух. школы, когда, по требованію Регламента, тупаго ученика до исключенія нужно было испытывать цѣлый годъ, чтобы не обмануться тупостью притворной, а злонравнаго столько же времени предварительно исправлять, чтобы окончательно убѣдиться, что онъ дѣйствительно „дѣтина непобѣдимой злобы“. Исключались не одни никуда негодные юноши, а просто только сравнительно менѣе талантливые, иногда даже только менѣе состоятельные, которые не могли содержаться въ заведеніи на свой счетъ, а на казенный не попали за излишествомъ. Къ этому при-

---

(1) Ист. моск. академіи и Ист. троицк. семин. 102.

(2) Ист. псковск. семин. стр. 50—51.

соединялись еще разные семейные разсчеты самихъ отцевъ, желавшихъ уволить своихъ дѣтей отъ ученія и обращавшихся о томъ съ просьбами. Вся эта масса уволенныхъ, если не попадала неожиданно подъ разборъ, и расходилась затѣмъ по нисшимъ церковнымъ должностямъ.

Епархіальныя начальства, допуская эти случаи преждевременнаго увольненія учениковъ въ силу практической необходимости, все-таки старались выдержать принципъ обязательнаго и полнаго обученія дух. дѣтей въ школахъ посредствомъ наложенія на уволенныхъ штрафовъ или оброковъ, какъ на нарушителей закона, хотя бы въ такомъ нарушеніи они не были лично виновны ни душей, ни тѣломъ. Штрафы, разсказываетъ авторъ Исторіи нижегородской и рязанской семинарій, собирались „съ дѣтей за увольненіе ихъ за урослѣмъ, за непонятіемъ и за всякими неспособностями. Отецъ бралъ неспособнаго къ ученію сына домой, иногда при самомъ вступленіи въ школу, иногда по истеченіи нѣкотораго времени, и за это вносилъ за него ежегодное количество денегъ. По опредѣленіи къ мѣсту самъ уволенный отъ школы долженъ былъ платить за себя каждый также годъ штрафныя деньги. Изъ сего оброка, какъ значится въ бумагахъ, выключались только за совершенствомъ лѣтъ, за скудостію и за пожарнымъ раззореніемъ“ (1). Мы упоминали уже, что въ вятской епархіи архіерей Антоній обложилъ такимъ оброкомъ или штрафомъ въ пользу семинаріи даже всѣхъ вообще духовныхъ лицъ, получавшихъ при немъ посвященіе безъ предварительнаго обученія въ школѣ. Количество этихъ оброковъ вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія архіерея и въ разныхъ епархіяхъ для разныхъ лицъ было разное. Вслѣдствіе почти общаго тогда нерасположенія духовенства

(1) Ист. нижегор. семин. стр. 4—5. Р. Педагог. Вѣстн. 1858 г. т. III, 24—25. Странникъ 1868 г. т. II. стр. 295.

къ школѣ увольненіе учениковъ на оброкъ, разумѣется, не обходилось безъ злоупотребленій. Между дух. отцами было слишкомъ много такихъ, которые желали бы поскорѣе видѣть своихъ дѣтей „въ совершенномъ житія станѣ“ безъ излишней потери времени на латинское ученіе, а между дѣтьми еще болѣе „паче мѣры скучавшихъ отъ бѣдственнаго школьническаго житія“. Какъ только архіерей выпускалъ это дѣло изъ своихъ собственныхъ рукъ, такъ и нычинались разные подкупы семинарскаго начальства, увольненіе мальчиковъ талантливыхъ, которыхъ слѣдовало бы непремѣнно удержать отъ выхода изъ школы, и другія злоупотребленія (1). Поэтому, кромѣ штрафовъ, архіереи старались затруднить дѣло увольненія семинаристовъ еще разными справками объ ихъ успѣхахъ, семейныхъ обстоятельствахъ и т. п., а главное постоянно держать это дѣло въ зависимости отъ своего собственнаго усмотрѣнія. Любопытно, что, привыкнувъ къ поборамъ отъ второстепенныхъ семинарскихъ и епархіальныхъ начальствъ, духовенство являлось откупать своихъ дѣтей отъ школы деньгами и къ самому архіерею, можетъ быть смотрѣло съ такой точки зрѣнія и на самые оброки и штрафы. Въ 1748 г. одинъ священникъ воронежской епархіи подалъ наприм. такую челобитную архіерею Ѳеофилакту: „Пожалуй, архипастырь Божій, преосв. владыко, повели отъ школы отпустить сына моего Матвея въ Ольховатовку ко храму Введенія Богородицы дьячкомъ и выдати изъ своей архіерейской крестовой палаты указъ и освятити въ стихарь. Прошу слезне вашего архипастырства и отъ своего убожества преосвященству вашему рублей 20 кланяюсь“. Архіерей велѣлъ консисторіи деньги принять съ выдачей просителю кви-

(1) См. наприм. приведенный выше указъ 1751 г. Луки Конашевича казанскаго. Также *Попова*: Татищевъ и его время, стр. 735.

танціи и употребить на семинарскіе расходы, а объ ученикѣ Матвеѣ навести надлежащія справки. По справкамъ оказалось, что онъ обучался въ третьей школѣ, въ грамматикѣ, но точію за разными болѣзнями училъ оную тупо. Послѣ этого его вѣроятно уволили въ Ольховатовку (1). Не надѣясь преодолѣть всѣ затрудненія при увольненіи законнымъ порядкомъ, нѣкоторые, желавшіе поскорѣе пожить въ совершенномъ житія станѣ, уходили изъ школы самовольно и при помощи подкуповъ, обмановъ и др. средствъ сами втирались на дьячковскую службу; но такіе ученики считались уже бѣглыми и подвергались особаго рода наказаніямъ, о которыхъ рѣчь впереди...

Всего непріятнѣе и невыгоднѣе для духовнаго вѣдомства были частые вызовы учениковъ духовныхъ школъ въ учебныя заведенія свѣтскаго вѣдомства или прямо на разные роды государственной службы. Вызовы эти одинаково нарушали и принципъ обязательности полнаго семинарскаго образованія въ дух. вѣдомствѣ, и принципъ обязательности для духовныхъ воспитанниковъ церковной службы, потому что вызванные такимъ образомъ молодые люди въ свое прежнее вѣдомство потомъ уже не возвращались. Интересы дух. вѣдомства въ этомъ случаѣ рѣзко сталкивались съ интересами государственными: тогда какъ первое естественно старалось замкнуть всякій выходъ изъ своихъ школъ на всѣ постороннія для него службы, настоять на строгомъ выполненіи ихъ спеціальнаго назначенія исключительно въ пользу службы церковной, ради интересовъ которой и предпринимались всѣ эти матеріальныя затраты и всѣ эти заботы, какихъ онѣ стоили, государство напротивъ, не менѣе церкви нуждаясь въ образованныхъ людяхъ, заботилось только о томъ, чтобы замкнуть одинъ доступъ въ эти школы для людей постороннихъ вѣдомствъ,

(1) Ворон. епарх. вѣдом. 1867 г. № 11, стр. 362—363.

а выходъ изъ нихъ на постороннія, государственныя службы сдѣлать свободнымъ. Какъ мы видѣли, оно охотно допускало запрещеніе принимать на свѣтскую службу духовныхъ дѣтей и церковниковъ еще до поступленія ихъ въ школу, т. е. людей худшихъ, которыми не очень дорожило и само духовное вѣдомство, но никогда не отказывалось отъ права принимать въ эту службу дѣтей духовенства, которыя уже побывали въ духовной школѣ (1), т. е. такихъ, на которыхъ дух. вѣдомство возлагало свои самыя лучшія надежды и которыя составляли лучшія его силы. Само собой понятно, что перевѣсъ въ этомъ столкновеніи духовнаго вѣдомства съ государствомъ оставался всегда на сторонѣ послѣдняго.

Отъ этихъ вызововъ учениковъ въ свѣтское вѣдомство чаще всего приходилось терпѣть тѣмъ дух. школамъ, которыя были въ столицахъ и поблизости ихъ. Ректоры московской академіи не переставали жаловаться св. Синоду, что свѣтскія школы постоянно отнимаютъ у нихъ студентовъ. Вотъ одна такая жалоба ректора Стефана Калиновскаго по случаю присланнаго въ 1735 г. вызова студентовъ въ академію наукъ: онъ писалъ, что изъ учениковъ „немногіе доходятъ до богословія: ибо иніи посылаемы бываютъ въ Санктпетербургъ для обученія оріентальныхъ діалектовъ и для камчадальской экспедиціи, иніи въ Астрахань для наставленія калмыковъ и ихъ языка познанія, иніи въ сибирскую губернію съ д. ст. сов. В. Татищевымъ, иніи въ оренбургскую экспедицію съ ст. сов. Иваномъ Кирилловымъ, иніи же берутся и въ московскую типографію и въ монетную контору, мнозіи же и бѣгаютъ, которыхъ и сыскать невозможно, еще же суть, что и по разнымъ приказамъ принимаются, а искоміи укрываются, а отъ другаго вопрошены, отъ чего бѣгаютъ, говорятъ, искать де мѣ-

(1) См. напр. П. С. З. №№ 7169. 7385 и др.

ста и хлѣба за времени, понеже де мало видимъ тыхъ, которіи по совершеніи теченія наукъ своихъ угодное пристанище получаютъ; а что паче всего есть, что которіи ученики по многотрудныхъ въ фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, синтаксимѣ, чрезъ 2, 3 и 4 лѣта около ихъ тщаніяхъ и прилежностяхъ, въ піитику уже, риторику и философію поступятъ, а остроумнѣйшіи и надежнѣйшіи покажутся, тотчасъ московскія гошпитали учениками, яко своими друзьями, понеже изъ московскихъ же латинскихъ школъ туды переведенными, для довольнѣйшаго, честнѣйшаго въ госпитали, нежели въ академіи, ученическаго состоянія и содержанія, удобно наговорены, повсягодно въ московскую гошпиталь опредѣляются и отсылаются, а въ московской академіи почти самое остается дрождіе". Св. Синодъ распорядился отпускать въ гошпиталь учениковъ не изъ дѣтей духовенства, а изъ разночинцевъ, и притомъ такихъ, которые ушли не дальше синтаксимы, а изъ высшихъ школъ студентовъ не отпускать. Кромѣ того академія старалась сбыть туда учениковъ похуже, такъ что гошпиталь иногда возвращалъ ихъ назадъ (1). Только такими мѣрами и оставалось поддерживать себя безсильному духовному вѣдомству. Медицинская профессія всего болѣе отнимала у него ученыхъ молодыхъ людей, а между тѣмъ за интересы этой профессіи стояло само правительство. Въ указѣ слѣдующаго 1736 г. о разборѣ духовенства, гдѣ настойчиво проведена мысль, что изъ дух. сословія только и есть одинъ выходъ, — въ подушный окладъ да въ солдаты, вдругъ ни съ того ни съ сего читаемъ: „а изъ славяно-греко-латинской академіи учениковъ по прежнимъ указамъ опредѣлять въ хирургическую науку, а изъ той науки достойныхъ въ полки въ лекари, какъ и напредъ сего чинилось" (2).

---

(1) Ист. московск. акад. 240. 243—244.
(2) П. С. З. IX, № 7070,

Съ 1735 г. вызовы дух. воспитанниковъ въ академію наукъ не прекращались. По первому вызову между прочимъ былъ посланъ въ академію знаменитый Ломоносовъ. Впослѣдствіи, будучи уже профессоромъ, онъ предлагалъ академіи просить сенатъ о дозволеніи выбирать къ слушанію лекцій при академическомъ университетѣ студентовъ изъ семинаристовъ, особенно изъ невской и новгородской семинарій, и выставлялъ это мѣрой въ высшей степени полезной для русскаго просвѣщенія (1). Воспитанники дух. школъ дѣйствительно до такой степени были необходимы для академической гимназіи и университета, что до прибытія ихъ изъ семинарій академія наукъ не открывала своихъ годичныхъ курсовъ. Мысль Ломоносова нашла себѣ осуществленіе въ 1747 г. при учрежденіи академическаго университета. На основаніи регламента академіи наукъ, утвержденнаго тогда же, президентъ академіи графъ Разумовскій обратился въ св. Синодъ съ представленіемъ, что въ канцеляріи академіи за благо разсуждено вызвать въ университетъ 30 воспитанниковъ изъ семинарій невской и новгородской и изъ московской академіи, изъ каждой по пропорціи. Св. Синодъ распорядился учениковъ требуемыхъ выслать, по 10 изъ каждаго изъ упомянутыхъ заведеній, но выбрать для этого нужное число не изъ дѣтей духовенства, воспитывающихся въ надежду священства, а изъ дѣтей разночинцевъ, и только за крайнею нуждою изъ дѣтей причетническихъ. Въ Москвѣ, гдѣ учениковъ академіи было до 400, и въ Новгородѣ, гдѣ въ семинаріи по штату было 200 воспитанниковъ, вызовъ изъ академіи наукъ не встрѣтилъ препятствій, но петербургскую семинарію, гдѣ было только около 70 учащихся, привелъ въ затрудненіе. Петербургскій архіепископъ Ѳеодосій про-

---

(1) *Пекарскаго* Ист. акад. наукъ т. I, 523. II. 286—287. 358. *Сухомлинова* Истор. россійск. академіи вып. 2, стр. 5—6.

стго. крщенія сподобленіе“.... Слѣдуютъ выписки изъ толковой псалтыри, переведенной Максимомъ.

л. 730. Оглавленіе изряднѣйшихъ вещей, обрѣтающихся въ книзѣ сей. Оглавленіе расположено по алфавиту, оно оканчивается буквою И. Слѣдующіе листы рукописи потеряны.

III. БОГОСЛОВІЕ.

а) Сочиненія догматическія и полемическія.

311 (247). Зерцало богословія Кирилла Транквилліона, въ 4 д. скорописью XVII в. на 301 л. На 2 л. внизу подъ строками: „Книга Зерцало богословіи, здѣже і выписки изъ Великаго Зерцала, притяженія ключаря Алеѯіа келейная".

л. 1—164. Сія книга, нарицаемая Зерцало богословіи, избрана отъ многихъ книгъ богословскихъ, трѕдолюбіемъ составлена ермонаха Кирилла Транквѣлліона и проповѣдника слова Божія, его власнымъ коштомъ и покладомъ выдрукована въ монастырю Почаевскомъ. Напечатана въ Почаевскомъ монастырѣ въ 1618 г., потомъ въ Уневскомъ монастырѣ въ 1692 г.

л. 169—246. Выписки изъ Великаго Зерцала, состоящія изъ разныхъ повѣстей и притчей назидательнаго характера, заимствованныхъ изъ духовно-исторической литературы. Смотр. Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ А. Н. Пыпина въ Учен. Зап. Ак. Н. кн. IV 1858 г., стр. 185—194.

л. 248—301. Хожденіе въ Іерусалимъ игумена Даніила. Сначала (л. 248—249) оглавленіе статей, предъ которымъ помѣщено слѣд. предисловіе: „Хотяй увѣдати, да не числитъ листы или тетрати, но здѣ зря вся опасно увѣсть. Аще хощеши Богу помолися, книгу сію странникъ чести, или учнещъ писати, то

здѣ малымъ симъ надписаніемъ вся обрящеши, яко бисеръ на златѣ блюдѣ ясно сіяющъ і зрящимъ веселящи сердца, сице и сія книга глаголемая Странникъ, хоженіе смиреннаго и трудолюбствующаго и снискающаго игоумена Даніила". За тѣмъ (л. 250—301) самая книга Странникъ. Напечатана въ Путешествіяхъ русскихъ людей ч. 1; въ Сказаніяхъ русскаго народа том. II; отдѣльно: Путешествіе игумена Даніила по святой землѣ. А. С. Норова Спб. 1864 г.

312 (248). Тоже Зерцало богословія, въ 4 д. скорописью на 121 л. На об. 2 л запись: „Книга Зерцало богословіи колмогорскаго Спасскаго большаго собора протопопа Петра Аѳонасьева Вепрева. Подписалъ своею рукою".

л. 1—2. Послѣ оглавленія помѣщенъ Лезиконъ, албо трудныхъ словъ выкладъ въ той книзѣ (только 19 строкъ). „Елементы лацѣньскаго языка, а стихіи греческаго, едино слово показуетъ... еѳеръ огнь подъ небомъ. еврепины пупы пропасти албо вирове моря окіяньскаго. физисъ естество албо прирожения. существо бытность и зѣлойцы еще отъ прирожения всѣхъ рѣчей молвятъ метафизіонъ разумѣнія и укатования в прирожениі і надъ прирожения невѣдомыхъ рѣчей. вапоръ уморъ (humor) пара земная і водная мгла. горизонтъ полнеба намъ видимаго. театрумъ позоръ, албо видокъ. квалѣтатесъ качества, албо яко когды молвимо, яко тое черное. а то яко бѣлое, смертное безсмертное и прочая".

На послѣднемъ 122 л. приписана такая похвала Зерцалу: „Всейже книзѣ свѣтится свѣтъ благочестія, да внемъ ходя не поткнется: Зерцало совѣсти и тмѣ свѣтило, слѣпымъ вождь, око словеси, оумъ крѣпокъ, совершенъ разумъ, прикрутъ помыслъ, пастырь стаду, кораблю кормникъ, волкомъ ловецъ, татемъ стражъ, птицамъ соколъ, нетопыремъ солнце, хлѣбу квасъ, червемъ соль,

древу сѣкира, слову и смыслу хитрость, правитель утвержень души здобрымъ исправленіемъ (далѣе для двухъ строкъ оставлено бѣлое мѣсто; вѣроятно, что нибудь пропущено)... Давидъ сѣдяй накладая очитыя персты на живыя струны; мыже, пріемля трость скорописную счерниломъ и бумагу, накладаемъ писмена. Много о семъ хотѣхъ писати і кразуму наставляти, но разумъ имущему и сия довлѣютъ къ разуму прочихъ".

313 (469). Катихизисъ великій. Въ листъ полууст. XVII в. на 307 листахъ. Въ началѣ на бѣломъ листѣ приписка: „Катихизисъ казеной. Да кореcкіи протопоп Лаврентіи Зизаніи". Большой Катихизисъ составленъ Лаврентіемъ Зизаніемъ, протопомъ мѣстечка Корецъ (могилев. губ.), братомъ Стефана Зизанія, автора извѣстнаго толкованіи 15 огласительнаго слова Кирилла іерусалимскаго помѣщеннаго въ книгѣ Кирилловой. Катихизисъ составленъ былъ на языкѣ бѣлорусскомъ, а по переводѣ на славянскій языкъ представленъ былъ для напечатанія московскому патріарху Филарету; по приказу послѣдняго былъ разсмотрѣнъ двумя московскими справщиками и за тѣмъ напечатанъ въ 1627 г. Послѣ онъ былъ перепечатывасмъ въ XVIII в. въ старообрядческихъ типографіяхъ. Изслѣдованіе объ этой книгѣ помѣщено въ Прав. Собес. 1855 г. III. 117; IV. 252; 1856, III. 305; IV. 399. Въ началѣ рукописи помѣщено оглавленіе: Главы яже суть въ книзѣ сей. Всѣхъ главъ 68. Въ печатномъ изданіи всѣхъ главъ 80. Разность въ количествѣ главъ произошла отъ того, что въ рукописи нѣкоторые отдѣлы значатся подъ одной главой, тогда какъ въ печатномъ изданіи они разбиты на нѣсколько главъ. Такъ напр. главы 4 и 5 (по печатному изданію) въ рукописи соединяются въ одну главу; точно также соединены главы 48 и 49; 57, 58 и 59; 62, 63, 64, 65 и 66 и нѣкоторыя другія.

Съ листа 1 до 287 идетъ изложеніе Катихизиса, который озаглавляется: Книга глаголемая по гречески Катихизисъ, по литовски оглашеніе, русскимъ же языкомъ нарицается бесѣдословіе, избрано отъ божественныхъ писаній, и евангельскія проповѣди и апостольскихъ ученій и святыхъ богоносныхъ отецъ въ вопросѣхъ и отвѣтѣхъ, рекше во образѣ хотящаго разумѣти, и во образѣ могущаго разумъ подати. Рукопись согласна съ печатнымъ изданіемъ, но мѣстами попорчена кѣмъ либо изъ читателей, сдѣлавшимъ подчистки:—На л. 3 об. вмѣсто:„ сложивше три персты", (печатн. л. 5 об.) подправлено: „два перста". На л. 5 вмѣсто: „великій со двѣма малыми вкупѣ слагаеми" (печ. л. 5 об.), подправлено „со двема послѣдующими". На л. 5 об. вмѣсто: „безъ таковаго же сложенія тріехъ перстовъ" (печ. л. 7), подправлено „первымъ перстомъ". Первая поправка имѣетъ характеръ старообрядческій, вторая православный, а смыслъ третьей трудно опредѣлить. На нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы исправленія ошибокъ, происшедшихъ отъ переписчика.

Съ л. 287 помѣщено преніе составителя Катихизиса съ московскими справщиками по разнымъ догматическимъ вопросамъ. Въ началѣ помѣщенъ приказъ патріарха Филарета игумену Иліи и Григорію Онисимову. Нач: „Влѣто ҃зрлѕ февраля въ ҃и дн҃ь По приказ҃ гдря стѣишаго киръ Филарета патриарха москов. скаго и всеа р҃сіи". Преніе это напечатано въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова, т. II, стр. 80—100.

314 (77). Катихизисъ великій. Въ 4 д. л. скоропись XVII в. на 139 листахъ. На первыхъ листахъ внизу помѣтка: „Лѣта ҃зр҃л҃. марта въ ҃є день сиа книга Никифора Голочанова. а подписа своею рукою".

№№ 314—315

л. 1. Оглавленіе; всѣхъ главъ, какъ и въ предшествовавшей рукописи, 68 да еще двѣ главы: Слово на 30 день января и сказаніе о житіи Пафнутія боровскаго чудотворца.

Съ л. 4 начинается изложеніе Катихизиса, согласно съ печатнымъ изданіемъ, но до конца не дописанное; рукопись оканчивается на гл. 56, (или, что тоже, на гл. 69 по печатному изданію): О Гдѣ нашемъ Іисе Хртѣ словами: „Занеже не похитивъ имяше начальство естественное, не данное. но аще же не едино безсловесно не бысть“ (по печат. л. 290). Добавочныхъ статей, указанныхъ въ оглавленіи, въ текстѣ рукописи нѣтъ.

315 (28 Анз. скита). **Катихизисъ.** Въ листъ, полуустав XVIII в. на 355 листахъ.—Это сборникъ выписокъ и статей изъ печатныхъ изданій весьма разнообразнаго содержанія—катихизическихъ (выписки изъ Малаго Катихизиса), каноническихъ (выписки изъ книги Зонаръ съ Богомъ, правила готовящимся служить и др.), литургическихъ (разные каноны, службы, молитвы) и проповѣдническихъ (поученіе Макарія великаго и др.). Собиратель и списатель даетъ сборнику слѣдующее подробное заглавіе: „Катихизисъ святый вкратцѣ: собранный съ книгъ московской типографіи: о правовѣріи и благочестивомъ жительствѣ христіанскомъ, и душеспасительныхъ добротвореніихъ, безъ нихже невозможно всякому спастися, въ ползу благочестивымъ душамъ христіанскимъ. съ катіхісіса иже при святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ бысть. иная же изъ иныхъ разныхъ лѣтъ выходовъ: тщаніемъ люботруднымъ меньшаго и худшаго раба рабовъ господнихъ: Василіемъ діакономъ козловскаго собору, иже страннымъ гнѣвомъ заточенъ бѣ въ крестный монастырь. Выклады же о всемъ взыщи, въ катіхісісахъ. Здѣже въ кратцѣ изобразихомъ нужнѣйшая, и зѣло потребнѣйшая человѣческому спасенію влѣто ,зсѳ“.

316 (40 Анз. ск.). **Книга Кириллова** съ другими статьями. Полуставъ XVII в., въ 4 д. на 633 листахъ. Книга Кириллова составляетъ сборникъ разныхъ догматико-полемическихъ статей, составленный протопопомъ Роговымъ и изданный въ первый разъ въ Москвѣ въ 1644 году. Въ XVIII в. Кириллова книга была издана еще нѣсколько разъ въ типографіяхъ старообрядческихъ; послѣднія изданія совершенно согласны съ изданіемъ московскимъ. Названіе свое сборникъ этотъ получилъ отъ первой статьи, представляющей толкованіе 15 огласительнаго слова св. Кирилла іерусалимскаго, составленное Стефаномъ Зизаніемъ, братомъ Лаврентія, автора большаго Катихизиса. Изслѣдованіе о Кириловой книгѣ Лилова напечатано въ Прав. Собес. за 1858 годъ и отдѣльною брошурою въ Казани. Изслѣдованія о нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Кирилловой книгѣ, можно находить въ книгѣ Попова: Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинъ (XI—XV). Москва. 1875 г. Въ началѣ на бѣлыхъ листахъ помѣта: „Лѣта ҃зрои апрѣля ҃з дня. Книга Кирилла іерусалимскаго, изъ числа библіотеки Анзерскаго скита, находящейся подприсмотромъ строителя іеромонаха Ігнатія“. На л. 14 и 15 внизу подпись: „Сію кнг҃ дань галеченин инокъ Ісаия по своеи дши ванзерскую пустиню“.

л. 1. О книгахъ ихже пріятъ соборная апльская црковь. И ихже подобаетъ чести православнымъ хритіаномъ. Напечатано въ Кирилловой книгѣ л. 1—5. Л. 6. Книги ложныя. ихже не подобаетъ чести и держати православнымъ хритіаномъ; тоже, что и въ печатномъ изданіи. Указаніе на исторію индекса ложныхъ книгъ см. выше № 261, стр. 405.

л. 15. Иже во стыхъ оца нашего Кирилла іелимскаго сказаніе на осмыи вѣкъ. Сходно съ печатнымъ изданіемъ. За тѣмъ, въ сравненіи съ печатнымъ нѣтъ слѣдующихъ трехъ главъ.

л. 164 Глав. д. О пррцѣхъ, иже пророчествоваша о Бжествѣ, и о Хвѣ рѫтвѣ, и о иныхъ боудѫщи; въ печатн. л. 105 об.—Л. 183 об. глав. ѕ. О еллинскихъ мѫдрецѣхъ иже ѡ части пророчествоваху о превышнемъ бжествѣ и о рѫтвѣ Хртовѣ ѡ пречтыя Бцы; въ печатн. л. 115 об. Нѣтъ также главъ ѕ, з, и и ѳ. Л. 190, глав. і. О стыхъ иконахъ, ꙗко изначала быша; въ печатн. л. 135 об.—Л. 218 об. глав. ѳі. О томъ, когда и въ кое время отъ самѣхъ хритіанъ иконоборство востало и которіи цари иконоборцы быша, и на которомъ соборѣ за то прокляти; въ печатн. л. 159 об.—Л. 223. Мконоборцомъ на противныя ихъ рѣчи нашъ отвѣтъ; печатн. л. 161 об. За тѣмъ нѣтъ слѣдующихъ двѣнадцати главъ.—Л. 231. О римскомъ отпаденіи, како отступиша отъ православныя вѣры и отъ стыя цркви; въ печатн. л. 22.—За тѣмъ пропущено два отдѣла слѣдующей (26-й) главы.—Л. 243 об. О фрязѣхъ и о прочихъ латынѣхъ, и о мудрѣствующихъ съ ними иже съ папою единогласницы всихъ ересѣхъ; въ печатн. л. 257 об. За тѣмъ нѣтъ слѣдующихъ тринадцати главъ.—Л. 251. Четвертое посланіе Мелетія патріарха александрійскаго; въ печатн. л. 451. Слѣдующихъ пяти посланій Мелетія нѣтъ.

л. 283. Посланіе десятое князю Василію; въ печатн. л. 501—На л- 294-мъ помѣщена пропущенная прежде статья о Люторѣ и его ереси; въ печатн. л. 263.

л. 300 об.—304. Статья безъ заглавія, содержащая отрывки изъ апокрифическихъ сказаній, начинается вопросомъ: „Почему Адамъ первый бысть пррк̃ъ и вѣдаше ли Адамле престѫпленіе Бг̃ъ“.

л. 305—314. Слово о двонадесятъ воздѣшныхъ мытарствъ. Нач: „Понеже тийна си не всѣмъ откровена бысть, многими чл҃ки несвѣдома, но якоже Кириллъ философъ рече: не того ради сотворени быхомъ, да ямы и піемъ“. Помѣщается между сочиненіями св. Кирилла епископа туровскаго, но считается сомнительнымъ (Ист. русск. церкви преосв. Макарія ч. 3. стр. 99—149) и приписывается разнымъ лицамъ, то Кириллу философу, то св. Аврамію смоленскому, то митр. Кириллу II. Напечатано въ Памятн. словесности XII в. издан. Калайдовичемъ, и въ Рукописяхъ графа А. С. Уварова, изд. М. И. Сухомлиновыхъ, томъ II, стр. 109—119. Списокъ раскольнической редакціи со многими ошибками и вообще неисправенъ.

л. 314 об.—325. Въ нед҃лю ст҃ыхъ женъ мироносицъ слово Ивана Златоуста архіеп҃па Константина града о Тиверіи Кесаріи (Кесари). Нач: „Страшна и велія дѣанія хощѣ вамъ исповѣдати яже о Спсе нашемъ І҃се Х҃е“... Подробная редакція апокрифическаго сказаніа о приходѣ въ Римъ сестеръ Лазаря, Марѳы и Маріи. Въ болѣе краткомъ видѣ это сказаніе напечатано въ Памятн. старин. русск. литер. Вып. III. стр. 104 105. Оригиналъ его смотр. у Бирхія въ Auctarium codicis apocryphi Fabriciani Novi Test. tom. 1.

л. 325—327. Мц҃а августа въ к҃і д҃нь. Чюдо о стемъ оубр҃се, на немжъ образъ Г҃дн҃ь воображенъ. Нач: „пріимъ Авгарь цр҃ь Г҃дню епистолію, юдеиже пришедше Йса погѣбити, послававъже Агарь скоро писца, горазда иконамъ“... Посланіе Авгаря Іисусу Христу. Сравнительно съ напечатаннымъ въ Пам. отреч. русск. литер. том. II, стр. 11—13 въ немъ недостаетъ окончанія, именно того мѣста, гдѣ и помѣщено самое посланіе, начинающееся словами: „Слышано ми бысть о Тебѣ, Г҃ди“...

№ 316

л. 328. Слово пр҃рка Двда о псалтыри, како бяше была въ морѣ. Отрывокъ изъ апокрифическаго сказанія, напечатаннаго въ книгѣ: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и особытіяхъ. Казань 1872 г. стр. 93—94, и въ Сборникъ 2-го Отдѣленія Академіи наукъ томъ XVII, стр. 242—243.

л. 328 об.—332. Поученіе Григорія бг҃ослова о бж҃ественной сл8жбѣ. Нач: „Иже бысть въ дни первыя, двнадесять собращася ст҃іи w҃цы ко ст҃ом8 Григорію бг҃слов8 и рѣша ем8: w҃че скажи намъ о тайнѣ святѣй бж҃ственной сл8жбѣ.—Слѣдуетъ отъ лица св. Григорія Богослова апокрифическое объясненіе литургіи, какъ при совершеніи ея, вмѣстѣ со священникомъ, служатъ и ангелы Божіи. Напечат. въ Правосл. Собес. 1878 г. май стр. 11—19.

л. 333—345. Въ недѣлю сыропѵстн8ю слово о Адаме и о Евве, w҃ зачала совершенія. Нач: „Бяше Адамъ въ раи преже согрѣшенія, и вся имяше, якоже хотяше, и вся въ воли его хождаху и летаху“... Напечатано въ Памяти. стар. русск. лит., вып. III, стр. 1—7, въ Памяти. Отреч. русск. лит., том. I, стр. 1—15, 298—304, и въ Сборн. 2-го Отд. Академіи наукъ, том. XVII, стр. 90—96, 208—216. Греческій текстъ апокрифа: подъ именемъ апокалипсиса Моисея, напечатанъ у Тишендорфа. Apocalypses apocryphae. Lipsiae 1866. pag. 1—23. О происхожденіи его въ книгѣ: Апокриф. сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ стр. 34—44.

л. 345—374. Повѣсть инока Симеона іерѣія сѫжьдальца, како римскій папа Евгеній составлялъ осмый соборъ съ своими единомысленники. Нач: „Въ цьрство греческаго царя Івана Калояна Палеолога бысть въ Риме папа Евгеній и сей помысливъ съ своими единомысленники чрезъ древняя бж҃твенная писанія и чрезъ изложенія правилъ ст҃аго вселенскаго седмаго собора восхотѣ составити осмый соборъ“. Іеромонахъ суздальскій Симе-

онъ въ 1437 г. сопровождалъ Авраамія, епископа суздальскаго, и Исидора митрополита въ Италію на Флорентійскій соборъ. Въ своей повѣсти онъ разсказываетъ объ этомъ соборѣ. Оно напечатано въ VI томѣ Древн. Росс. Вивліоѳики, а также въ сочиненіи г. Попова, стр. 344—359.

л. 377—380. Повѣсть изъ Патерика о юноши иже въ Римѣ. Нач: „Бысть нѣкто юноша вримъстѣй области, отъ палаты цревы".

л. 380—382. Слово полезно о иноческомъ житіи. Нач. „Слышите братія моя возлюбленная колико почтенъ бы иноческій чинъ".

л. 382 об.—423. Житіе и жизнь преставленіе прпбнаго Макарія wца ншего желговоцкаго чюдотворца. и чудеса его. Нач: „Сей же преблней оць ншь Макарие родися въ Нижнемъ Новѣградѣ".— Редакція XVI в. см. „Древнерусскія житія святыхъ" стр. 324. При житіи 10 чудесъ.

л. 423—436. Мца маия кг прпбнаго wца нашего Никити столпника переславскаго чюдотворца. Нач: „Никита пребный wць ншь бѣ рожденъ и воспитанъ въ Переславле граде". См. Ключевскаго стр. 45—50. Житіе безъ предисловія, безъ похвальнаго слова и безъ описанія чудесъ.

436—460. Ѳ завѣщаніи бжтвенныхъ аплъ и w жительства стыхъ wцъ преданіе како подобаетъ инокомъ и хртіяномъ жити. Уставъ о постахъ, о колѣнопреклоненіи, о иноческомъ правилѣ.

л. 401—464. Уставъ о поклонѣхъ, когда бываютъ въ церкви и въ келіяхъ и въ домѣхъ приходныя и исходныя поклоны, и когда не бываютъ.

л. 464—466. Василія великаго. „Никія же бо иныя книги тако Бга славятъ, яко же псалтырь дѕѳполезна есть". Тутъ же толкованіе о неразумныхъ словесѣхъ псалтырныхъ.

№№ 316—317

л. 467—473. Чинъ како подобаетъ пѣти двнадесять псалмовъ особь.

л. 473—480. ѿ старчества о келейномъ правилѣ, и о молитвѣ юже предаде англь Гдн̃ь великомꙋ Пахомію, и помянникъ, его же должно есть инокꙋ или мирянинꙋ на всякъ день по скончаніи своего келейнаго правила со всякимъ умиленіемъ и усердіемъ чести.

л. 480—522. Книга глаголемая о старчествѣ. Нач. „Аще брате пришелъ еси ко мнѣ немощномꙋ чл̃кꙋ грѣшномꙋ грꙋбомꙋ неключимомꙋ“. Обширное наставленіе новоначальному иноку, обнимающее разные случаи жизни инока среди монастыря, правила поведенія его въ келіи, на трапезѣ и въ церкви, въ отношеніи къ игумену и братіи. Произведеніе по всей вѣроятности русское или вообще славянское.

л. 522 об.—526. О приходѣ брата ко инокꙋ братꙋ въ келию. Подробный церемоніалъ такого посѣщенія инока брата.

л. 526—564. Бл̃женнаго Ипполита папы римскаго и мч̃нка. слово вн̂лю мясопꙋстнꙋю, ѡ скончаніи мира, и ѡ антихристѣхъ, и ѡ второмъ пришествіи Гда нашего Іса Христа. Напечатано въ великомъ Соборникѣ. По изслѣдованію К. И. Невоструева, слово это св. Ипполиту не принадлежитъ.

л. 565—632. Слово Симеона новаго бг̂лова о началожительстви. См. выше стр. 425.

317 (273). Изложеніе о вѣрѣ, въ 8 д. Полуустав̀ переходящій въ скоропись XVII в. на 267 листахъ. Это сборникъ догматико-полемическихъ статей, изъ коихъ почти всѣ вошли въ Кириллову книгу. На первыхъ листахъ внизу помѣтка: „р҃н годꙋ генваря въ з҃ї̂ продалъ сію книгꙋ Архангельскаго города Спаскому попу Івану Романову Ѳилатко Ивановъ Доронинъ взялъ на ней рубль двадцать шесть алтынъ четыре деньги, подписалъ Ѳилатко своею рꙋкою“.

л. I. Предисловіе. Нач: „Пріидѣте вси любящіи православіе, пріимѣте премрости чашу w Бжетвенны писаніи почерпите“. Л. 2 оглавленіе статей; всѣхъ статей 32.

л. 5. Глава а како подобаетъ христіаномъ вѣровати во Отца и Сына и святаго Духа, и что и како есть Богъ, и чесо ради покланяемся на востокъ. Нач. „Первѣе збо подобаетъ истинномѕ христіанинѕ іноко и мирскимъ, испытати писанія“: Опис. рук. син. библ. 2 отд. 3 ч. стр. 777 № 333.—Л. 13 об. глав. в. О стыхъ иконахъ. ако изначала быша. Напечатано въ Кирилл. кн. л: 145 об.—Л. 23 об. глав. г: О томъ, когда и вкое время отъ самыхъ христіанъ иконоборство востало. і которые цари иконоборцы быша и на которомъ соборѣ за то прокляты. Напеч. въ Кир. кн. л. 159.—26 л. об. глав. д. Иконоборцемъ отвѣтъ на противныя ихъ рѣчи. Напеч. въ Кир. кн. л. 161 об.—Л. 32 об. глав. е: О крт҃ѣ видимомъ знаменіи Сна члческаго Га нашего Іса Ха иже во время страшнаго пришествія его явится на облацѣхъ нбныхъ. Отвѣтъ противѕ рѣчи враговъ крта Хва. Кир. кн. л. 166.—Л. 47 гл. ѕ. О крт҃ѣ, чесо ради знаменаемъ лицѣ свое крт҃ообразно. Кир. кн. л. 178. Въ рукописи статья эта нѣсколько короче: въ началѣ нѣтъ нѣсколькихъ строкъ, и въ концѣ нѣтъ сказанія о патріархѣ Мелетіи.—Л. 53 об. глав. з. О хожденіи со крты и чесо ради тако црковь творитъ. Кир. кн. л. 185 об.—Л. 59. глав. и. О похвалѣ и о чти стыхъ Бжіихъ угодниковъ. Кир. кн л. 208.—Л. 67 об. гл. а О млтвѣ стыхъ, иже и ннѣ стіи молятся о насъ. Кир. кн. л 114 об.—Л. 72. глав. і. О стѣмъ постѣ, иже суть четыредци въ лѣтѣ учитъ црковь Бжія поститися. Кир. кн. л. 190.—Л. 84. глав. аі. О исповѣданіи грѣховъ въ цркви предъ сщенники. Кир. кн. л. 202.—Л. 87 об. глав. ві. О прчтомъ тѣле и крови Хвѣ. Кир. кн. л. 199.—Л. 92 глав. гі. О отшедшихъ свѣта сего, иже о

нихъ память творити. Кир. кн. л. 218; но редакція рукописи полнѣе. Къ Кир. книгѣ выпущена слѣдующая мысль съ доказательствами: „И не токмо вѣрнымъ умершимъ давалъ Бгъ млть свою млтвъ ради стыхъ своихъ, но и невѣрныхъ отъ ада и отъ муки избавлялъ млтвъ ради стыхъ праведныхъ своихъ“. Далѣе приводятся примѣры. (л. 96 об. и 97).—Л. 98 об. гл. д. О прстѣй единосущнѣй Троицы. Кир. кн. л. 83.—Л. 118. глав. ѕ. О превѣчномъ бжтвеномъ ржтвѣ Га нашего Іса Ха. Кир. кн. л. 97 об.—Л. 124. глав. зі. Отъ писаній пррческихъ о истинномъ бжтвѣ и о члчествѣ Хртовѣ. Кир. кн. л. 102.—Л. 129. глав. зі. Отъ писаній апльскихъ и ихъ учнковъ и наслѣдниковъ стыхъ wцъ о истинномъ бжтвѣ і о члчествѣ Га нашего Іса Хрста. Кир. кн. л. 119.—Л. 136. об. глав. ѳі. О бжтвѣ стаго Дха. Кир. кн. л. 124.—Л. 139 об. глав. ѳа. О исхожденіи стаго Дха. Кир. кн. л. 126.—Л. 154: глав. к. О отвѣтѣхъ досадителемъ и грубителемъ бжтву Хртову. Кир. кн. л. 136.—Л. 168. гл. ка. О понурені новокрещенцовъ і о крещеніи дѣтей хртіянскихъ, которому они противни суть. Кир. кн. л. 222. об.—Л. 173 глав. кв. Отвѣты ко аріаномъ на противныя ихъ рѣчи о прчтѣй Бцы. Кир. кн. л. 204 об.—Л. 177 об. гл. кг. Родословіе стыя Бца. Кир. кн. л. 207 об.—Л. 178 об. глав. кд. О римскомъ отпаденіи како отступиша отъ православныя вѣры и отъ стыя цркви. Кир. кн. л. 226. См. также у Попова, стр. 176 и дал.—Л. 188. глав. ке. О латыньскихъ ересѣхъ. Кир. кн. л. 233.

Въ словахъ „панагіота“ относительно перстосложенія при крестномъ знаменованіи есть нѣкоторыя разности противъ печатнаго. „Почто не согибаеши три персты и не крестишися десною рукою. егда полагаеши на челѣ своемъ и не одѣваешися оружіемъ креста Господня. но твориши крестъ со обоими персты. и послѣди пальцомъ внѣшнею страною. и воображеніемъ креста зритъ вонъ вмѣстожъ бы снимъ одѣятися. якожъ мы хри-

стіане. а ты совлачаешися животворящаго креста“ (193 об.—194). Въ Кир. кн. статья окончена ранѣе, чѣмъ въ рукописи. Здѣсь прибавлено еще нѣсколько вопросовъ „азимита“ и отвѣтовъ на нихъ „панагіота“. „Азімитъ рече. что есть горы высокія еленемъ. Панагіотъ рече. горы высокія есть святая гора. елени суть калугери прибѣгающеи во святую гору и совершающе страхъ Божій спасаются..... Азимитъ рече. кто первый бысть пророкъ на земли. Панагіотъ рече. Адамъ. егда созда Богъ Адама въ калѣ. и посади его на престолѣ и дуну на него и оживе Адамъ. і рече Богъ, благослови Владыко. і восталъ Адамъ отъ престола, и рече благословено царство Отца и Сына и святаго Духа той пророче святую Троицу. Азимитъ рече. кто клялся и не преступи клятву и до нынѣ мучится. Панагіотъ рече. клялся Иродъ царь Иродіи и отсѣче главу Іоанну крестителю і до нынѣ мучится“. (л. 202). Слѣдующіе вопросы взяты изъ псалма 103-го. Въ настоящей редакціи „Преніе Панагіота“ напечатано въ изслѣдованіи Попова, стр. 255 и дал. Лучшіе критическія и библіографическія изысканія объ этой статьѣ у того же автора.

л. 204. глав. кв. Повѣсть инока Симеона іерея суждальца. како папа Евгеній составлялъ осмый соборъ съ своими единомысленниками. См. ранѣе № 316 л. 345.—Л. 227. глав. кз. О Люторѣ и о его ереси. Кир. кн. л. 263.—Л. 232 об. глав. ки. О арменьской ереси. Кир. кн. л. 266 об.—Л. 238 об. глав. кѳ. Прѣніе стаго Иларіона меглинскаго сманихеи. Кир. кн. л. 270 об.—Л. 242 об. глав. л. Прѣніе стаго Іларіона со армены. Кир. кн. л. 273 об.—Л. 249. глав. лл. О пррцѣхъ. иже пррчествоваша о бжтвѣ. і о Хвѣ ржтвѣ. і о иныхъ будущихъ. Кир. кн. л. 105 об.—Л. 261 об. глав. лв. О еллинскихъ мрцѣхъ иже отъ части пррчествоваша о превѣчномъ бжтвѣ і о ржтвѣ Хвѣ отъ пртыя Бца. с Кир. кн. л. 115. об. Конецъ главы различенъ съ печатнымъ. Того, что напечатано на обор. л. 118, въ рукописи нѣтъ. Но вмѣсто этого помѣщено: Сказаніе о небесныхъ силахъ.

„Вопросъ: ангели Божіи лица Божія не видятъ. и како бываетъ имъ повелѣніе Божіе, посылая ихъ на службу. Отвѣтъ. Ангели Господни имутъ надъ ушима тароцы то бо есть покоище святаго Духа иже и дѣйство имать. а иже надъ челомъ бѣ-

лость то суть слухи. егда пріидетъ ангелу повелѣніе отъ Бога на которую службу. тогда вострепещетъ у ангела слухъ. онъ же абіе зритъ въ зерцалѣ, иже имать вруцѣ своей. и обрѣтаетъ повелѣнное ему отъ Бога взерцалѣ написано. якоже кто пишетъ на водѣ а лица Божія не видятъ токмо славу его".

л. 266 л. О цркви премрости Бжіи Сооіи, иже есть в великомъ Новѣградѣ. Нач. „Въ лѣто ѕѵтзї поставлена бысть црковь премрости Бжія Сооіи".

Въ заключеніи: Смиреніе писателево, или послѣсловіе, въ коемъ списатель проситъ не клянуть его за небреженіе и скудость ума.

318 (274). Изложеніе о вѣрѣ въ 4 д. скоропись XVII в. на 214 листахъ. Всѣхъ статей 30. На л. 1, оглавленіе. Статьи тѣже, которые находятся и въ предшествовавшей рукописи и размѣщены въ томъ же порядкѣ, за исключеніемъ того, что въ настоящей рукописи нѣтъ вышеупомянутыхъ статей четвертой и 31-й и помѣщена новая статья, на мѣстѣ 14 главы: Толкъ како явися Бгъ Аврааму въ Трцы (л. 93). Напеч. въ Кир. кн. л. 94 об.

Съ л. 185 по 202 помѣщено нѣсколько мелкихъ статей, написанныхъ другою рукою, полууставомъ. Между ними находятся. 1) Изложеніе православной вѣры Аѳанасія Александрійскаго; 2) вопросы и отвѣты о вѣрѣ Анастасія патр. Антіохійскаго и Кирилла Александрійскаго, 3) изложеніе о вѣрѣ святаго Максима (всѣ эти статьи см. въ Кир. книгѣ л. 547—552). Съ л. 208 по 214 полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, помѣщена статья: О книгахъ ихже подобаетъ чести и внимати, и ихже не внимати, ни чести.

319 (926). Изложеніе о вѣрѣ, въ 8 д. скоропись XVII в. на 391 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ помѣтка, указывающая на 1638 годъ. Всѣхъ статей 30, и тѣже самыя что и въ предшествовавшей рукописи.

курсѣ слѣдующія группы предметовъ, по которымъ они будутъ держать магистерское испытаніе: 1) *Священное писаніе и еврейскій языкъ*: Григорій Смирновъ, 2) *Всеобщую церковную исторію и исторію русской церкви*: Иванъ Добролюбовъ, 3) *Пастырское богословіе, гомилетику, литургику и каноническое право*: Андрей Яблоковъ, 4) *Всеобщую гражданскую исторію, русскую гражданскую исторію и исторію русской церкви*: Сергій Ливановъ, Василій Разумовъ, Михаилъ Ремезовъ, Вячеславъ Шишковъ и Захарій Благонравовъ, 5) *Словесность съ исторіей литературы, логику и основное богословіе*: Александръ Архангельскій и Владиміръ Плотниковъ, 6) *Словесность съ исторіей литературы, логику и гомилетику*: Валеріанъ Фаминскій, 7) *Словесность съ исторіей литературы, логику и каноническое право*: Василій Рудинскій, 8) *Психологію, исторію философіи, педагогику и нравственное богословіе*: Николай Скрынченко и Александръ Гранквиллицкій, 9) *Психологію, исторію философіи, педагогику и исторію русской церкви*: Аркадій Третьяковъ, 10) *Греческій языкъ и литургику*: Павелъ Румянцевъ и Иванъ Гиляровскій, 11) *Греческій языкъ и гомилетику*: Владиміръ Смиренномудровъ, Михаилъ Виноградовъ и Викторъ Веселовскій, 12) *Греческій языкъ и исторію русской церкви*: Сергій Добротворскій и Павелъ Неболюбовъ, 13) *Латинскій языкъ и основное богословіе*: Михаилъ Монбланновъ, Илья Масловъ и Николай Виноградовъ и 14) *Латинскій языкъ и исторію русской церкви*: Петръ Смирновъ.

Справка: 1) Студенты IV курса распредѣлились по группамъ предметовъ практически-спеціальнаго курса, согласно съ приложенною при § 17 положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени таблицею магистерскаго испытанія.

2) Опредѣленіемъ Совѣта отъ 19 сентября 1878 года постановлено: переходъ студентовъ IV курса съ избранныхъ ими для спеціальнаго изученія группъ предметовъ на другія группы допускать только до 1-го октября учебнаго года.

Постановили: Предоставить студентамъ IV курса спеціально изучать въ этомъ курсѣ тѣ группы предметовъ, которыя они избрали и по которымъ должны будутъ держать магистерское испытаніе по окончаніи четвертаго курса, при этомъ объявить имъ, что переходъ съ избранныхъ

ими для спеціальнаго изученія группъ предметовъ на другія группы будетъ допускаться Совѣтомъ только до 1-го октября учебнаго года.

V. Слушали: Отношеніе казанскаго духовнаго училища отъ 21 сентября сего года за № 164: „Вслѣдствіе отношенія о. ректора казанской духовной академіи отъ 17 сего сентября за № 1051, правленіе казанскаго духовнаго училища имѣетъ честь при семъ препроводить въ Совѣтъ академіи документы бывшаго учителя латинскаго языка Ѳеодора Троицкаго, а именно: 1) Свидѣтельство буинскаго уѣзднаго училищнаго Совѣта отъ 27 августа 1874 года за № 171-мъ, 2) свидѣтельство московской духовной академіи отъ 20 марта 1875 г. за № 65, 3) свидѣтельство отъ Совѣта казанской духовной академіи отъ 29 апрѣля 1878 г. за № 391, 4) копію съ выписки изъ метрическихъ книгъ алатырскаго духовнаго правленія отъ 24 іюля 1878 года за № 8 и 5) учебный аттестатъ, выданный г. Троицкому изъ правленія симбирской духовной семинаріи 17 августа 1872 г. за № 253-мъ".

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, документы г. Троицкаго приложить къ дѣлу о переходѣ его на службу въ академію.

VI. Слушали: Указъ Святѣйшаго Синода отъ 14 сего сентября за № 3174 на имя его высокопреосвященства Антонія, архіепископа казанскаго и свіяжскаго: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, отъ 9 августа сего года за № 317, журналъ учебнаго комитета за № 232, по ходатайству вашего преосвященства о разрѣшеніи Совѣту казанской духовной академіи поручить вновь временное преподаваніе англійскаго языка въ академіи, въ теченіи наступающаго учебнаго года, съ 15 августа 1879 года по 15 августа 1880 года, доценту той же академіи Петру Милославскому, съ вознагражденіемъ его за это преподаваніе, по сдѣланному академическимъ Совѣтомъ разсчету. Приказали: такъ какъ Совѣтъ казанской духовной академіи не пріискалъ и до настоящаго времени лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ устава, для занятія должности лектора англійскаго языка

въ академіи.—Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ учебнаго комитета, опредѣляетъ: поручить вновь временное преподаваніе англійскаго языка въ казанской академіи въ теченіи наступившаго учебнаго года, съ 15 августа 1879 г. по 15 августа 1880 года, доценту Петру Милославскому, съ вознагражденіемъ его за это преподаваніе по сдѣланному академическимъ Совѣтомъ разсчету, предложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣту академіи озаботиться скорѣйшимъ замѣщеніемъ вышеупомянутой лекторской вакансіи постояннымъ преподавателемъ. О чемъ вашему преосвященству дать знать указомъ".

Резолюція на семъ журналѣ его высокопреосвященства послѣдовала такая: „25 сентября 1879 г. Препровождается въ Совѣтъ академіи для надлежащаго распоряженія".

Справка: Журналомъ Совѣта отъ 21 апрѣля сего года, по примѣру предшествующихъ лѣтъ и на основаніи § 65 акад. устава, предполагалось назначить доценту Милославскому изъ суммъ, отпускаемыхъ на каѳедру англійскаго языка, въ размѣрѣ, не превышающемъ половиннаго оклада жалованья, сообразно съ должностію его на постоянной каѳедрѣ, т. е. въ размѣрѣ 36 р. 75 к. въ мѣсяцъ, или 441 руб. въ годъ.

Постановили: Указъ принять къ свѣдѣнію и сообщить о немъ правленію академіи для распоряженія о выдачѣ г. Милославскому вознагражденія за преподаваніе англійскаго языка съ 15 августа сего года въ указанномъ въ справкѣ размѣрѣ, т. е. 36 р. 75 к. въ мѣсяцъ, или 441 р. въ годъ, о чемъ сообщить и доценту Милославскому. Для постояннаго же замѣщенія лекторской вакансіи англійскаго языка открыть снова конкурсъ по прежнимъ примѣрамъ. Срокъ конкурса назначить 15 августа будущаго 1880 года, о чемъ и пропечатать въ Церковномъ Вѣстникѣ, Московскихъ Вѣдомостяхъ и Православномъ Собесѣдникѣ.

VII. Слушали: Докладъ секретаря М. Соловьева: „Указомъ Святѣйшаго Синода, $^{7}/_{18}$ октября 1877 года за № 1563, о порядкѣ доставленія въ синодальную канцелярію послужныхъ списковъ ректоровъ и инспекторовъ духовныхъ академій и семинарій, а равно и профессоровъ академій изъ лицъ монашествующихъ, предписано: 1) „чтобы требуемые указами Святѣйшаго Синода, отъ 18 февраля 1871 г. и 2-го ноября 1867 года, формулярные списки о службѣ ректоровъ

и инспекторовъ духовныхъ академій и семинарій, а равно и преподавателей академій изъ лицъ монашествующихъ, доставлялись въ канцелярію Святѣйшаго Синода не ежегодно, но примѣнительно къ тому, какъ доставляются нынѣ послужные списки о службѣ преосвященныхъ, чрезъ каждые пять лѣтъ, а о всѣхъ перемѣнахъ по службѣ въ теченіе промежуточнаго времени, если таковыя послѣдуютъ, присылать дополнительныя вѣдомости къ 1-му ноября. 2) Вмѣстѣ съ симъ Святѣйшій Синодъ, имѣя въ виду, что въ именные списки, составляемые синодальной канцеляріей, ежегодно вносятся наравнѣ съ ректорами и инспекторами академій и семинарій и всѣ профессоры академій, считаетъ необходимымъ поручить академическимъ Совѣтамъ доставлять списки и этихъ лицъ по вышеозначенному порядку въ синодальную канцелярію". Въ силу этого указа слѣдуетъ препроводить въ синодальную канцелярію послужной списокъ бывшаго доцента, а нынѣ помощника ректора по богословскому отдѣленію, ординарнаго профессора, Николая Бѣляева, о чемъ и имѣю честь доложить Совѣту для зависящаго распоряженія".

Постановили: Препроводить послужной списокъ помощника ректора, ординарнаго профессора, Николая Бѣляева въ синодальную канцелярію.

VIII. Слушали: Прошеніе вольнослушателя казанской академіи Александра Курочкина: „Состоя вольнослушателемъ при академіи и встрѣчая большія затрудненія въ пріобрѣтеніи книгъ для чтенія по предметамъ богословскимъ и церковно-историческимъ, я осмѣливаюсь обратиться въ академическій Совѣтъ съ покорнѣйшею просьбою позволить мнѣ брать книги для чтенія изъ академической библіотеки".

Справка: 1) По § 10 инструкціи для библіотекаря и его помощника: „Право пользоваться книгами библіотеки имѣютъ всѣ учащіе и учащіеся въ академіи. Выдача рукописей и рѣдкихъ книгъ дозволяется гг. преподавателямъ". 2) По § 11 той же инструкціи: „Получающій книгу или рукопись обязанъ точно обозначать ея заглавіе, имя автора, число томовъ, время и мѣсто изданія и пр. Лица, получающія изъ библіотеки книги, должны представлять ихъ обратно въ библіотеку по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ, а рукописи чрезъ одинъ мѣсяцъ. Кромѣ срока выдача книгъ и рукописей ограничивается количествомъ оныхъ, 6—10 названій

книгъ и 1-3 рукописей, смотря по соображеніямъ библіотекаря касательно получающаго лица".

Постановили: Дозволить вольнослушателю Курочкину на равномъ основаніи съ другими студентами пользоваться книгами изъ академической библіотеки, кромѣ рѣдкихъ книгъ и рукописей, о чемъ и увѣдомить библіотекаря академіи и г. Курочкина.

IX. Слушали: Записку лектора французскаго языка г. Боржимовскаго: „Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ академіи выписать для гг. студентовъ I, II и III курсовъ полное изданіе лексикона французскаго языка Макарова въ количествѣ 3-хъ экземпляровъ, по одному экземпляру на каждый изъ 3-хъ курсовъ".

Справка: 1) По § 87 лит. А. п. 9 акад. устава выборъ книгъ для библіотеки принадлежитъ къ предметамъ занятій, предоставленнымъ утвержденію Совѣта. 2) По § 5 инструкціи для библіотекаря и его помощника, библіотекарь выписываетъ (по опредѣленію Совѣта) книги отъ книгопродавцевъ и ведетъ съ послѣдними счеты, представляя объ уплатѣ по этимъ счетамъ правленію академіи.

Постановили: Поручить г. библіотекарю А. Заблоцкому пріобрѣсти означенныя книги для академической библіотеки, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ въ свое время правленію академіи счеты для уплаты по нимъ денегъ за пріобрѣтенныя книги.

X. Слушали: Отношеніе бессарабскаго статистическаго комитета, отъ 11 сентября 1879 года за № 318: „По порученію комитета, имѣю честь препроводить при этомъ, для академической библіотеки, экземпляръ вновь изданной имъ 1 части изслѣдованія „Бессарабская губернія въ 1870—75 годахъ".

Постановили: Означенную въ отношеніи книгу сдать въ академическую библіотеку подъ росписку г. библіотекаря, а статистическій комитетъ о полученіи ея увѣдомить съ благодарностію отъ лица совѣта.

17 октября 1879 года.

Въ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали: помощники ректора: И. Порфирьевъ, П. Знаменскій и Н. Бѣляевъ, инспекторъ академіи Н. Ивановскій, члены Совѣта: М. Красинъ, В. Миротворцевъ, И. Бердниковъ, В. Снегиревъ и А. Волковъ.

I. Слушали: а) Отношеніе канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отъ 27 сентября 1879 г. за № 4363: „По утвержденному г. исправляющимъ должность синодальнаго оберъ-прокурора, 15 текущаго сентября, докладу учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидаты казанской духовной академіи: Дмитрій *Никольскій* и Иванъ *Покровскій* назначены: первый преподавателемъ архангельской духовной семинаріи, по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей, а второй—помощникомъ смотрителя данковскаго духовнаго училища. Канцелярія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода имѣетъ честь увѣдомить о семъ академическій Совѣтъ, для зависящаго распоряженія, присовокупляя, что объ ассигнованіи слѣдующихъ означеннымъ кандидатамъ, по положенію, денегъ сообщено вмѣстѣ съ симъ хозяйственному управленію при Святѣйшемъ Синодѣ".

б) Отношеніе той же канцеляріи отъ 6 октября за № 4652: „По утвержденному г. исправляющимъ должность синодальнаго оберъ-прокурора, 22 минувшаго сентября, докладу учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидаты казанской духовной академіи А. *Юрьевъ* и Ив. *Пятницкій* назначены преподавателями въ духовныя семинаріи, первый въ пермскую по психологіи, обзору философскихъ ученій и педагогикѣ, послѣдній въ кавказскую—по основному, догматическому и нравственному богословію. Канцелярія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода имѣетъ честь увѣдомить о семъ академическій Совѣтъ, для зависящаго распоряженія, присовокупляя, что объ ассигнованіи слѣдующихъ означеннымъ кандидатамъ, по положенію, денегъ, сообщено хозяйственному управленію при Святѣйшемъ Синодѣ".

Справка: Кандидаты Никольскій и Покровскій увѣдомлены чрезъ семинарскія правленія, первый чрезъ симбир-

ское, а второй—чрезъ рязанское. о назначеніи ихъ на службу отношеніями отъ 12 октября за №№ 1169 и 1170, съ присовокупленіемъ, что деньги, причитающіяся въ прогоны и пособіе, по положенію, будутъ высланы немедленно, по полученіи на сей предметъ распоряженія изъ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ. Кандидаты Юрьевъ и Пятницкій обращены—согласно отношенію канцеляріи г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отъ 11 сентября сего года, оба въ курское епархіальное вѣдомство по мѣсту ихъ родопроисхожденія, впредь до назначенія ихъ на духовно-училищную службу, съ выдачею имъ прогоновъ до мѣста родины.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, увѣдомить Юрьева и Пятницкаго о назначеніи ихъ на духовно-училищную службу чрезъ курское семинарское правленіе, съ присовокупленіемъ, что деньги, слѣдующія имъ на прогоны и пособіе, по положенію, будутъ высланы немедленно по полученіи распоряженія на этотъ предметъ изъ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, причемъ просить правленіе семинаріи, чтобы оно, если распоряженіе о выдачѣ означеннымъ кандидатамъ денегъ отъ хозяйственнаго управленія послѣдуетъ непосредственно чрезъ семинарское правленіе, увѣдомило о семъ правленіе академіи. О постановленіи семъ сообщить и правленію академіи.

II Донесеніе инспектора академіи экстраординарнаго профессора Н. Ивановскаго: „Имѣю честь донести Совѣту академіи, что въ теченіе сентября мѣсяца за студентами предосудительныхъ поступковъ замѣчено не было".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Слушали: Предложеніе ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго: „На основаніи п. VIII Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ, имѣю честь предложить Совѣту, что въ истекшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ сего 1879 года изъ преподавателей академіи не читали лекцій по болѣзни: ординарные профессоры: И. Порфирьевъ 5 лекцій, Н. Бѣляевъ 4 лекціи, экстраординарные профессоры: А. Волковъ 2 лекціи, И. Бердниковъ 1 лекцію, доценты: Д. Гусевъ 3 лекціи, Н. Красносельцевъ и П. Милославскій

по 1 лекціи и лекторъ французскаго языка Э. Боржимовскій 2 лекціи".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Слушали: Вѣдомость, представленную правленіемъ академіи, на основаніи § 109 уст. прав. дух. академіи, о наличныхъ суммахъ казанской духовной академіи за сентябрь мѣсяцъ 1879 года. По вѣдомости значится: въ остаткѣ къ 1 сентября состояло наличными деньгами 28746 р. 22¼ коп., въ билетахъ кредитныхъ учрежденій 2586 р., итого 31332 р. 22¼ к.; въ сентябрѣ на приходъ поступило наличными деньгами 188 р. 75 коп., въ сентябрѣ израсходовано 6789 р. 75¼ коп.; въ остаткѣ къ 1-му октября состоитъ наличными деньгами 22145 руб. 21¼ коп., въ билетахъ кредитныхъ учрежденій 2586 руб., итого 24731 руб. 21¼ коп.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

31 октября 1879 года.

Въ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали: помощники ректора П. Знаменскій и Н. Бѣляевъ, инспекторъ академіи Н. Ивановскій, члены: М. Красинъ, И. Бердниковъ, В. Миротворцевъ, и В. Снегиревъ. Не присутствовалъ по болѣзни помощникъ ректора И. Порфирьевъ и экстра-ординарный профессоръ А. Волковъ.

I. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта М. Соловьева: „Честь имѣю представить при семъ Совѣту академіи отчетъ о состояніи казанской духовной академіи за 1878-79 учебный годъ".

Справка: 1) По § 102 ак. устава: „По истеченіи года Совѣтъ составляетъ отчетъ о состояніи академіи. Отчетъ этотъ представляется, чрезъ епархіальнаго преосвященнаго, Святѣйшему Синоду и печатается во всеобщее свѣдѣніе". 2) По § 103 того же устава: „Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія академіи, въ которомъ,

сверхъ чтенія отчета, раздаются студентамъ награды и предоставляется произносить рѣчи".

Постановили: 1) Представленный секретаремъ Соловьевымъ отчетъ о состояніи академіи за 1878—79 учебный годъ, одобривъ, утвердить и просить его высокопреосвященство представить его Святѣйшему Синоду; 2) отчетъ напечатать при протоколахъ Совѣта и отдѣльными оттисками 400 экземпляровъ; 3) торжественное собраніе академіи назначить 8 ноября въ 12½ часовъ дня, о чемъ и объявить чрезъ казанскія губернскія вѣдомости; 4) экстраординарнаго профессора академіи А. Некрасова просить произнести въ день торжественнаго собранія изготовленную имъ рѣчь подъ заглавіемъ „Мѣсто первоначальнаго обособленія славянскаго племени и направленіе его движеній по отношенію къ Черному морю (гипотеза по даннымъ филологіи)", и 5) секретарю М. Соловьеву поручить прочитать въ означенномъ собраніи извлеченіе изъ отчета о состояніи академіи за 1878-79 учебный годъ.

II. Слушали: Донесеніе богословскаго отдѣленія: „Кандидатъ богословія П. Юнгеровъ, ищущій преподавательской должности въ казанской духовной академіи по каѳедрѣ священнаго писанія ветхаго завѣта, въ сентябрѣ сего года представилъ и, по разсмотрѣніи богословскимъ отдѣленіемъ, 21 октября, въ присутствіи профессоровъ и доцентовъ отдѣленія, публично защитилъ диссертацію pro venia legendi: „Исторія и значеніе пророческаго служенія въ іудейскомъ народѣ". Затѣмъ г. Юнгеровымъ 24 и 31 октября прочитаны публично, въ присутствіи коммиссіи изъ профессоровъ и доцентовъ отдѣленія, двѣ пробныя лекціи, одна на тему по собственному избранію: „Объясненіе VII гл. 8 ст.—XII гл. 30 ст. книги Исхода, а другая по назначенію коммиссіи: „Повѣствованіе о твореніи міра и человѣка въ 1, 2 и 5 гл. кн. Бытія, —въ отношеніи къ вопросу о происхожденіи и писателѣ книги". Кромѣ того отдѣленіе истребовало отъ г. Юнгерова и разсмотрѣло программу чтеній по священному писанію ветхаго завѣта. Признавая защиту диссертаціи, пробныя лекціи и программу удовлетворительными, богословское отдѣленіе о таковомъ выполненіи г. Юнгеровымъ требованій академическаго устава для полученія званія приватъ-доцента имѣетъ честь донести Совѣту академіи".

Справка: 1) По § 48 академическаго устава: „Приватъ-доцентами могутъ быть и кандидаты, представившіе диссертацію (pro venia legendi), по предметамъ того отдѣленія академіи, въ которомъ они намѣрены преподавать, и защитившіе оную публично въ присутствіи профессоровъ и доцентовъ того отдѣленія".

2) По § 50 того же устава: „Ищущіе званія профессора, доцента или приватъ-доцента, по неизвѣстные Совѣту своими преподавательскими способностями, сверхъ условій, изложенныхъ въ §§ 46—48, должны прочесть публично, въ присутствіи коммиссіи изъ профессоровъ и доцентовъ отдѣленія по принадлежности, двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію коммиссіи".

3) Окончившій курсъ воспитанникъ казанской духовной академіи Павелъ Юнгеровъ Совѣтомъ академіи присужденъ и его высокопреосвященствомъ утвержденъ въ степени кандидата богословія съ правомъ при искаціи степени магистра не держать новаго устнаго испытанія.

4) По § 55 акад. устава: „Ищущіе званія приватъ-доцента и выполнившіе удовлетворительно требованія, изложенныя въ §§ 48 и 50, допускаются Совѣтомъ академіи, съ утвержденія преосвященнаго, къ чтенію въ академіи курса, по избраннымъ ими наукамъ, въ качествѣ приватъ-доцентовъ".

5) По § 56 того же устава: „Приватъ-доцентамъ не полагается опредѣленнаго содержанія, но они вознаграждаются изъ общей, обозначенной въ штатѣ, суммы въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ соотвѣтственно трудамъ ихъ Совѣтомъ академіи, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго".

6) Изъ суммы, положенной по штату на приватъ-доцентовъ 2400 рублей, производится, согласно опредѣленію Совѣта академіи въ журналахъ отъ 17 августа и 27 сентября 1879 года приватъ-доцентамъ при каѳедрахъ латинскаго и греческаго языковъ по 800 рублей каждому, итого 1600 рублей, свободныхъ приватъ-доцентскихъ суммъ такимъ образомъ остается только 800 руб.

7) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 12 января 1874 года № 120 „относительно денежнаго вознагражденія приватъ-доцентовъ, особенно преподающихъ положенныя по уставу науки, въ случаѣ недостатка суммы, назначенной для сихъ

преподавателей, Совѣту предоставляется ходатайствовать о назначеніи для сего особой суммы изъ остаточной по незанятымъ каѳедрамъ".

8) По § 86 лит. Б. п. 7 акад. устава допущеніе приватъ-доцентовъ къ чтенію лекцій и назначеніе имъ вознагражденія относится къ дѣламъ, подлежащимъ внесенію въ Совѣтъ академіи и представляемымъ на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго.

Постановили: Допустить окончившаго курсъ воспитанника казанской духовной академіи, кандидата богословія, Павла Юнгерова къ чтенію лекцій въ академіи по каѳедрѣ священнаго писанія ветхаго завѣта въ качествѣ приватъ-доцента, о чемъ и представить на утвержденіе его высокопреосвященства. А такъ какъ свободныхъ приватъ-доцентскихъ суммъ въ настоящее время только 800 рублей, то, на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 12 генваря 1874 года за № 120, просить его высокопреосвященство ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о дозволеніи Совѣту академіи производить вознагражденіе за преподаваніе священнаго писанія ветхаго завѣта приватъ-доценту Павлу Юнгерову не свыше 900 рублей въ годъ изъ свободнаго оклада по занимаемой имъ штатной каѳедрѣ. До полученія же испрашиваемаго разрѣшенія изъ Святѣйшаго Синода просить его высокопреосвященство дозволить Совѣту академіи производить вознагражденіе приватъ-доценту Юнгерову заимообразно изъ суммы занимаемой имъ каѳедры въ размѣрѣ 900 рублей въ годъ. По утвержденіи его высокопреосвященствомъ сего журнала увѣдомить правленіе академіи, богословское отдѣленіе и г. Юнгерова.

III. Слушали: Указъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, на имя преосвященнаго Антонія, архіепископа казанскаго и свіяжскаго, отъ 10 октября 1879 года за № 3511: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе вашего преосвященства, отъ 6-го минувшаго сентября за № 1017, о разрѣшеніи Совѣту казанской духовной академіи принять въ составъ новаго академическаго курса, явившагося по собственному желанію, воспитанника вологодской духовной семинаріи Павла Городецкаго, представившаго о себѣ рекомендацію преосвященнаго вологодскаго о полной нрав-

ственной и политической благонадежности къ продолженію образованія. И, по справкѣ, приказали: въ виду удостовѣренія преосвященнаго вологодскаго о полной благонадежности воспитанника вологодской духовной семинаріи Павла Городецкаго къ продолженію образованія въ духовной академіи, Святѣйшій Синодъ, согласно ходатайству вашего преосвященства, опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту казанской духовной академіи принять Городецкаго въ составъ воспитанниковъ новаго академическаго курса; о чемъ, для должныхъ къ исполненію распоряженій, и дать знать вашему преосвященству указомъ, увѣдомивъ таковымъ же, для свѣдѣнія, и преосвященнаго вологодскаго". Резолюція на семъ указѣ его высокопреосвященства послѣдовала слѣдующая: „16 октября 1879 г. Препровождается въ Совѣтъ академіи для надлежащаго распоряженія".

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, зачислить воспитанника вологодской семинаріи Павла Городецкаго въ студенты академіи I курса, о чемъ и сообщить Городецкому и церковно-практическому отдѣленію.

IV. Слушали: Прошеніе студента I курса академіи Сергѣя Радугина: „Желая изучать науки церковно-практическаго отдѣленія, покорнѣйше прошу дозволить мнѣ перейти съ церковно-историческаго отдѣленія на церковно-практическое".

Справка: Въ правилахъ о переходѣ студентовъ изъ одного отдѣленія въ другое, § 1, сказано: „Переходы студентовъ изъ одного отдѣленія въ другое дозволяются въ теченіе перваго полугодія перваго курса".

Постановили: Дозволить студенту I курса церковно-историческаго отдѣленія Сергѣю Радугину перейти на церковно-практическое отдѣленіе, о чемъ сообщить подлежащимъ отдѣленіямъ и студенту Радугину.

V. Слушали: Вѣдомость, представленную правленіемъ академіи, на основаніи § 109 устава православныхъ духовныхъ академій, о наличныхъ суммахъ казанской духовной академіи за октябрь мѣсяцъ сего 1879 года. По вѣдомости значится: въ остаткѣ къ 1-му октября состояло наличными деньгами 22145 р. 21¾ коп. и билетами кредитныхъ учрежденій 2586 р., всего 24731 руб. 21¾ коп.; въ октяб-

рѣ на приходъ поступило наличными деньги 16941 р. 5 к. и билетами кредитныхъ учрежденій 100 р., всего 17041 р. 5 к.; въ октябрѣ израсходовано наличными деньгами 14646 р. 56¼ коп., и затѣмъ къ 1-му ноября состоитъ наличными деньгами 24439 р. 70¼ коп. и билетами кредитныхъ учрежденій 2686 р., а всего 27125 р. 70¼ к.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Слушали: Донесеніе инспектора академіи экстраординарнаго профессора Н. Ивановскаго о томъ, что за студентами академіи въ теченіи октября мѣсяца предосудительныхъ поступковъ замѣчено не было.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Слушали: Отношеніе правленія псковской духовной семинаріи отъ 20 октября 1879 года за № 512: „Вслѣдствіе прошенія преподавателя псковской семинаріи Василія Дмитревскаго, правленіе псковской духовной семинаріи симъ честь имѣетъ покорнѣйше просить Совѣтъ казанской духовной академіи выслать въ правленіе кандидатское сочиненіе означеннаго Дмитревскаго, писанное имъ въ 1874 году подъ названіемъ „Александрійская школа“, необходимое ему для исправленія и напечатанія въ одномъ изъ современныхъ духовныхъ изданій—на шесть мѣсяцевъ, присовокупляя, что, по минованіи срока, означенное сочиненіе будетъ представлено въ академію обратно“.

Справка: Означенное сочиненіе г. Дмитревскаго, по наведенной справкѣ, имѣется въ библіотекѣ рукописей.

Постановили: Кандидатское сочиненіе преподавателя псковской семинаріи Василія Дмитревскаго „Александрійская школа“ препроводить въ правленіе псковской семинаріи срокомъ на шесть мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы, по минованіи срока и надобности, сочиненіе это было возвращено обратно въ Совѣтъ академіи.

VIII. Слушали: а) Записку библіотекаря академіи А. Заблоцкаго: „Честь имѣю донести Совѣту академіи, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года поступили въ даръ академической библіотеки слѣдующія книги: 1) отъ Владиміра Николаевича Маракуева „Полѣсье и полѣшуки“ и „Академическая свобо-

да германскихъ университетовъ" Гельмгольца; 2) отъ директора казанской учительской семинаріи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. И. Ильминскаго „Manuscrits Arabes" — Rosen—а; б) Legrelle A. Louis XIV et Strasbourg"; 3) отъ ея превосходительства Елизаветы Аполлоновны Бекетовой: а)Гиганова: россійско-татарскій словарь и б) грамматика татарскаго языка; 4) отъ студента нашей академіи Чернышева: Tissot „La societè et les moeurs allemandes". Всѣ эти книги мною получены и записаны въ хронологическій каталогъ".

б) Отношеніе Совѣта московской духовной академіи отъ 16 октября 1879 года за № 474: „Совѣтъ московской духовной академіи честь имѣетъ препроводить при семъ экземпляръ сочиненія приватъ-доцента московской духовной академіи Григорія Воскресенскаго подъ заглавіемъ „Древній славянскій переводъ апостола и его судьбы до XV в. Опытъ изслѣдованія языка и текста славянскаго перевода апостола по рукописямъ XII-XV вв.", представленнаго и публично защищеннаго на степень магистра богословія".

в) Отношеніе Совѣта Императорскаго казанскаго университета отъ 18 октября 1879 года за № 1171: „Совѣтъ Императорскаго казанскаго университета, препровождая при семъ годичные акты: 1870 г. 3 экз., 1872, 1873 и 1874 гг. по 1 экз. и 1876 г. 4 экз., имѣетъ честь покорнѣйше просить о полученіи увѣдомить".

Справка: Книги сданы подъ росписку библіотекаря.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, благодарить жертвователей.

VIII. Слушали: Отношеніе канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отъ 6 октября 1879 года за № 4654: „Книгопродавецъ изъ г. Іены (въ Германіи) Густавъ Фишеръ въ письмѣ на имя г. оберъ-прокурора Св. Синода проситъ сдѣлать распоряженіе о пріобрѣтеніи отъ него, для библіотекъ духовныхъ академій, сочиненія профессора богословія вѣнскаго университета, доктора Отто, подъ заглавіемъ „Corpus Apologetorum christianorum saeculi secundi", въ 3 хъ книгахъ (изд. 3-е). Вслѣдствіе сего, и согласно приказанію его сіятельства, канцелярія оберъ-прокурора имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ казанской духовной академіи объ увѣдомленіи, въ какомъ количествѣ экземпляровъ онъ

полагалъ бы пріобрѣсти означенное сочиненіе для академической библіотеки".

Постановили: Сообщить канцеляріи г. оберъ-прокурора Св. Синода, что Совѣтъ академіи полагалъ бы пріобрѣсти для академической библіотеки сочиненіе профессора богословія вѣнскаго университета доктора Отто, подъ заглавіемъ: „Corpus Apologetorum christianorum saeculi secundi", въ 3 книгахъ (изд. 3-е), въ одномъ экземплярѣ.

IX. Слушали: Предложеніе ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго: „Честь имѣю представить въ Совѣтъ академіи, во 1-хъ, пожертвованный 25 сего октября его высокопреосвященствомъ, высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, архіепископомъ казанскимъ и свіяжскимъ, для академической библіотеки, служебникъ Петра Могилы, изданный въ кіевопечерской лаврѣ въ 1629 году, съ благословенія Іова Борецкаго, митрополита кіевскаго и другихъ іерарховъ, и исправленный тогдашнимъ проповѣдникомъ и исправителемъ въ типографіи іеромонахомъ Тарасіемъ Земкою; и во 2-хъ, полученную того же числа съ почты отъ Ларисскаго митрополита Дороѳея Схоларія, проживающаго въ Аѳинахъ, книгу подъ заглавіемъ: „*χλείς Πατρολογίας καί βυζαντίνων συγγραφεων υπο Μιγνίου (Μιγνε) ἐν ᾗ προσετεθησαν καί τά συγγράμματα ἑπτά βυζαντίνων συγγραφεων υπο Δωροθέου Του Σχολαρίου*". *Ἐν Ἀθηναίς*, изд. 1879 года".

Справка: Означенныя книги сданы въ библіотеку подъ росписку г. библіотекаря А. Заблоцкаго.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію выразить жертвователямъ глубокую благодарность отъ лица Совѣта академіи.

X. Слушали: Прошеніе студента II курса Василія Чемоданова на имя о. ректора академіи: „Такъ какъ отецъ мой находитъ для себя обременительнымъ содержать меня въ академіи на свой счетъ въ продолженіи всего академическаго курса, то я нахожусь вынужденнымъ просить васъ, ваше высокопреподобіе, ходатайствовать предъ Совѣтомъ ввѣренной вамъ академіи о зачисленіи меня на свободную казеннокоштную вакансію".

Постановили: Отложить сужденіе о семъ до втораго учебнаго полугодія сего 1879—80 учебнаго года.

XI. Слушали: Записку библіотекаря академіи А. Заблоцкаго: „Имѣю честь довести до свѣдѣнія Совѣта, что бывшій студентъ казанской духовной академіи IX курса, состоящій нынѣ на службѣ въ департаментѣ государственнаго казначейства, надворный совѣтникъ Степанъ Полетаевъ обращался въ правленіе академіи отъ 29 января 1876 года съ просьбой сдѣлать распоряженіе о высылкѣ ему чрезъ департаментъ государственнаго казначейства курсоваго его сочиненія: „Историческое разсужденіе о западныхъ переводахъ св. писанія“ для исправленія срокомъ на шесть мѣсяцевъ. Согласно постановленію Совѣта просимое сочиненіе и было препровождено при отношеніи отъ 5 февраля 1876 года для выдачи Полетаеву въ департаментъ государственнаго казначейства съ просьбой о полученіи и о выдачѣ онаго по принадлежности Совѣту академіи дать увѣдомленіе, каковое и было дано отношеніемъ департамента государственнаго казначейства отъ 8 марта 1876 года № 5077. Но означенное сочиненіе и въ настоящее время еще не возвращено надворнымъ совѣтникомъ Полетаевымъ; посему прошу Совѣтъ академіи сдѣлать распоряженіе объ истребованіи указаннаго сочиненія въ библіотеку академіи“.

Постановили: Отнестись въ департаментъ государственнаго казначейства съ просьбою объ истребованіи съ надворнаго совѣтника Полетаева курсоваго сочиненія его: „Историческое разсужденіе о западныхъ переводахъ св. писанія“, препровожденнаго Совѣтомъ академіи въ департаментъ государственнаго казначейства при отношеніи отъ 5 февраля 1876 года № 68 и по истребованіи просить выслать это сочиненіе въ Совѣтъ академіи.

XII. Слушали: Отношеніе редакціи журнала „Критическое Обозрѣніе: „Редакція „Критическаго Обозрѣнія“ покорнѣйшее проситъ тѣхъ изъ гг. подписчиковъ, которые разсчитываютъ въ будущемъ году возобновить подписку на

УЧАСТІЕ

РИМСКОЙ РЕЛИГІИ ВЪ ДѢЛАХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ.

—

Вліяніе римской религіи на дѣла государственныя не ограничивалось формальной стороной; оно сказывалось не менѣе значительно и на матеріальной сторонѣ римскаго государственнаго права. Такъ, прежде всего, территорія древней римской гражданской общины совпадала съ территоріей, на которую простиралось покровительство ея боговъ. Городъ Римъ былъ заключенъ въ завѣтную межу, проведенную при посредствѣ религіозныхъ обрядовъ. Юридически городская территорія обнимала собою именно то самое пространство, на которомъ имѣли силу городскія ауспиціи (1). Поле римское (ager romanus) тоже имѣло свои ауспиціи, сообщавшія ему особое привиллегированное юридическое положеніе,—сравнительно напр. съ solum provinciale или solum peregrinae civitatis (2). Надѣлъ гражданъ землею производился жрецами авгурами и совершался по тѣмъ же правиламъ и обрядамъ, по какимъ и инавгурація templum (3). Въ силу авгурскихъ правилъ, участки римскихъ гражданъ межевались въ формѣ квадрата, тогда какъ

(1) Liv. I. 44. V. 52. Gell. XIII. 14. Varro l. l. V. 33.

(2) Gai Instit. II. 7. Plin. Epist. X. 59. Varro l. l. V. 33.

(3) Blume. Die Schriften d. r. Feldmesser. II. 286. 320.

участки жителей покоренныхъ и подчиненныхъ городовъ дѣлились на продолговатыя полосы (1). Право согражданства предполагало единство культа; чужакъ въ гражданскомъ отношеніи былъ чужой и въ религіозномъ отношеніи (2). Далѣе въ самомъ гражданствѣ — всякій оттѣнокъ въ гражданскихъ правахъ, какъ мы видѣли прежде, отражался непремѣнно и въ религіозныхъ отношеніяхъ.

Правительственное сословіе въ Римѣ — патриціи составляли изъ себя замкнутую религіозную общину, недоступную для плебеевъ. И они основывали свои сословныя преимущества именно на своихъ исключительныхъ религіозныхъ отношеніяхъ къ богамъ покровителямъ города Рима. Мы хранители ауспицій, говорили про себя патриціи, намъ ввѣренъ залогъ счастія римскаго государства, поэтому мы только и можемъ править государствомъ благополучно и согласно волѣ боговъ. Когда плебеи стали домогаться права заключать браки съ патриціями, послѣдніе возражали, что подобное смѣшеніе крови есть въ нѣкоторомъ родѣ святотатство, что оно необходимо повлечетъ за собой и порчу ауспицій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потерю благоволенія боговъ (3). Когда же плебеи заявили притязаніе на занятіе государственныхъ чиновническихъ и жреческихъ должностей, патриціи ужаснулись за благосостояніе государства (а вмѣстѣ съ тѣмъ и за свои преимущества). „Да не попуститъ державный Юпитеръ дожить намъ до такого поруганія божескихъ и человѣческихъ правъ“, восклицали они, обращаясь къ божественному блюстителю госу-

---

(1) По мнѣнію Рудорфа, съ этимъ находится въ связи названіе господствующаго Рима Roma quadrata, а покоренной Альбы — Alba longa. Blume. Die Schriften d. r. Feldmesser. II. 295—297.

(2) Fest. Exesto. Sic enim lictor in quibus dam sacris clamitabat: hostis, vinctus... exesto; scilicet interesse prohibebatur.

(3) Liv. IV. 1. 2. 6.

дарственнаго порядка (1). Но всѣ страхи и возгласы патриціевъ были безполезны, плебеи стояли на своемъ, что происхожденіе ничего не значитъ, что всѣ граждане имѣютъ право занимать государственныя должности и просить у боговъ знаменій, и вынудили патриціевъ уступить своимъ настояніямъ. Впрочемъ патриціи никогда не могли помириться съ новыми свободными взглядами и отношеніями къ древнему укладу римскаго государства, освященному волей боговъ. Уступивъ силѣ, они не перемѣнили своихъ убѣжденій; они попрежнему себя однихъ считали хранителями государственныхъ ауспицій. Если теперь не одни патриціи вопрошали боговъ о знаменіяхъ, а вмѣстѣ и плебеи въ качествѣ военныхъ трибуновъ съ консульскою властію, а потомъ консуловъ и т. д. и если изъ этого не выходило ничего особенно дурнаго для государства, то это потому, что въ наличномъ годичномъ составѣ чиновниковъ государственныхъ были не одни плебеи, но и патриціи—эти истинные носители ауспицій. И строго наблюдалось, чтобы хоть одинъ чиновникъ да былъ изъ патриціевъ. Въ противномъ случаѣ всѣ чиновники должны были отказаться отъ должности, наступало междуцарствіе и полное возобновленіе ауспицій изъ нѣдръ патриціанскаго сословія (2). Равн. образомъ собранія народа по трибамъ тогда только пользовались правомъ государственныхъ ауспицій, когда въ нихъ участвовали патриціи — это священное племя, сами же по себѣ, въ качествѣ сословныхъ собраній, трибутскія комиціи не имѣли этого права (3).

По тѣсной связи, какая существовала у Римлянъ между auspicium и imperium, патриціи, считая себя

---

(1) Liv. IV. 1. 2. 6. VI. 41.

(2) Cic. Ad. Brut. 5 (839).

(3) Dionys. IX. 41. X. 4. Liv. X. 47. Cic. Ad famil. VII. 30. (680). Becker II. 2. p. 254—260. 287. 3. p. 121. Lange. I. 551. Momms. und Marqu. II. 258—261.

хранителями ауспицій, въ тоже время признавали себя источникомъ правительственной власти въ государствѣ. Царь былъ выборнымъ (по крайней мѣрѣ такъ дѣло представляется у древнихъ историковъ) пожизненнымъ сановникомъ государственнымъ. По его смерти правительственная власть возвращалась къ народу, т. е. къ патриціямъ (res ad patres redit), которые первоначально одни составляли народъ, а патриціи назначали временнаго чиновника - междуцаря для избранія настоящаго царя (1). Это самодержавство народа всегда считалось кореннымъ и неизмѣннымъ правиломъ римскаго государственнаго уклада до учрежденія Діоклетіановской монархіи. Когда Тарквиніи сдѣлали попытку основать въ своемъ родѣ наслѣдственную династію, патриціи возстали противъ этого и выгнали Тарквиніевъ изъ Рима. А чтобы предупредить подобную попытку на будущее время, они замѣнили единоличнаго и пожизненнаго правителя государства годичнымъ чиновникомъ, раздѣляющимъ притомъ же свою власть съ своимъ коллегой, равнымъ ему по своимъ полномочіямъ. Они связали себя клятвой не допускать ни въ какомъ случаѣ на будущее время царской формы правленія (2). Съ ними согласились и боги (3). Хотя во время республики новые чиновники назначались до окончанія срока службы прежнихъ и преемствовали послѣднимъ непосредственно послѣ сложенія ими должности, тѣмъ не менѣе и теперь прибѣгали иногда къ временной формѣ правленія — междуцарствію, именно когда по какому либо случаю не было на лицо чиновниковъ, могущихъ поставить преемниковъ себѣ, или когда ихъ компетентность подвергалась сомнѣнію (4). Во время

(1) Liv. I. 17. 32. VI. 41. Cic. de leg. III. 3.

(2) Liv. II. 1.

(3) Cic. de div. II. 54.

(4) Cic. de leg. III. 3. Ad Brut 5 (839). Liv. V. 17. 31. 32. VI. 5. VIII. 17.

имперіи не употреблялось временнаго правленія въ древней формѣ, но все же каждый новый императоръ долженъ былъ получить свои правительственныя полномочія отъ сената и отъ войска. И эта новая форма сообщенія народомъ полномочій правительственной власти своему избраннику вполнѣ отвѣчала новому демократическому строю римскаго народа; римскій принципатъ былъ выраженіемъ и завершеніемъ римской демократіи послѣднихъ временъ республики. Власть императора основывалась на верховной волѣ народа, которая, сообразно демократическому строю народа, могла выразиться не только въ рѣшеніи народныхъ представителей, но и въ общественномъ мнѣніи войска. Естественно поэтому, что власть императора не имѣла и той прочности, какая была свойственна власти чиновниковъ аристократическаго періода римской исторіи, точно организованной въ своемъ происхожденіи и огражденной въ своемъ дѣйствіи твердыми юридическими гарантіями. Императоръ сохранялъ свою власть до тѣхъ поръ, пока ее признавалъ сенатъ и войско, главн. образомъ послѣднее (1).

Кромѣ того, что патриціи признавали въ себѣ источникъ полномочій правительственной власти государственныхъ чиновниковъ, они еще сохраняли за собой право давать согласіе на выборъ чиновниковъ. Это право технически обозначалось: patres auctores fuerunt (2). Этотъ юридическій актъ первоначально имѣлъ значеніе условнаго отреченія со стороны патриціевъ отъ своего полновластія и независимости, принадлежавшей имъ по священному праву какъ главамъ родовъ, въ пользу избраннаго ими самими чиновника—царя (3). Во время республики, когда чиновники стали избираться въ общихъ собраніяхъ на-

(1) Momms. und Marqu. II. 788—791.

(2) Liv. I. 17. 22. 32. VI. 42. Cic. pro domo 14.

(3) Gell. V. 19. Cic. pro domo 29. Lange. I. 266.

рода, въ которыхъ участвовали кромѣ патриціевъ и плебеи, постановленіе куріатскихъ комицій о полномочіяхъ новоизбраннаго чиновника (lex curiata de imperio) получило оттѣнокъ повѣрки и утвержденія народныхъ выборовъ (1). Эта зависимость, хотя и въ очень легкой степени, отъ патриціевъ стала тяготить римскій народъ, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе склонявшійся въ своемъ направленіи къ демократіи, и вотъ въ пятомъ вѣкѣ отъ основанія Рима установлено закономъ, чтобы куріи ранѣе голосованія въ народномъ собраніи давали свое согласіе на утвержденіе закона, который угодно будетъ принять, и на избраніе чиновниковъ, которыхъ заблагоразсудится предпочесть народному собранію. Естественно послѣ этого auctoritas patrum или lex curiata обратилась въ пустую формальность; даже и собираться куріи перестали, а были замѣнены 30 ликторами (2). Достигнувъ политическаго полновластія, демократія однакожъ была не въ состояніи пользоваться имъ и скоро возложила какъ законодательную, такъ и всякую другую власть на императоровъ (3). Такимъ образомъ разрушеніе патриціанскаго строя римскаго государства, освященнаго древнѣйшей религіей Рима, привело въ замѣшательство его политическую организацію, изъ котораго не было другаго исхода, кромѣ назначенія особеннаго чиновника съ чрезвычайными полномочіями.

Такъ какъ римское государство считало необходимымъ для своего благосостоянія имѣть своихъ боговъ покровителей и чествовать ихъ условленнымъ образомъ, то къ числу главнѣйшихъ обязанностей

---

(1) Liv. VI. 42. Cic. de leg. agrar. II. 11. Pro Planc. 3. De republ. II. 32.

(2) Liv. I. 17. VIII. 12. Cic. Brut. 14. De leg. agr. XII. 31. Becker. II. 1. p. 294—332. 3. p. 184—191. Lange. I. 253—269.

(3) Fr. 1 D. de constit. princ. (1, 4). L. 1. § 7. C. de vetere jure enucl. (1, 17). 6 Inst. de jure natur. (1, 2).

римскаго государственнаго чиновника принадлежало принесеніе богамъ отъ лица государства извѣстныхъ жертвъ и устроеніе положенныхъ праздниковъ и обрядовъ. Первые римскіе государственные чиновники сами исполняли жреческія обязанности. Но такъ какъ частыя войны и другія государственныя занятія препятствовали имъ приносить жертвы съ тою исправностію, какая требовалась, то они и назначили въ помощь себѣ особыхъ жрецовъ, поручивъ имъ часть своихъ жреческихъ обязанностей (1). Впрочемъ и послѣ этого у нихъ осталось еще не мало жреческихъ обязанностей. Да и вообще съ учрежденіемъ особаго жречества не снимались съ римскихъ чиновниковъ право и обязанность приносить жертвы и вообще чествовать боговъ отъ имени государства. Римскій чиновникъ попрежнему остался единственно законнымъ представителемъ государства въ этомъ отношеніи. Чествовать боговъ отъ имени государства могли только высшіе чиновники—консулы и всѣ чиновники съ консульскою властію, также диктаторы (2).—Рав. образ. спрашивать соизволенія боговъ на извѣстныя предпріятія государства былъ обязанъ чиновникъ государства; онъ же только былъ и въ правѣ это сдѣлать. Сначала римскіе чиновники сами же были и авгурами (3), а потомъ стали пользоваться услугами другихъ авгуровъ, учредивъ для этого особую коллегію (4). Но содѣйствіе авгуровъ чиновникамъ при устроеніи ауспицій ничего не измѣнило въ полномочіи ихъ вопрошать волю боговъ отъ лица государства. Auspicium было такъ тѣсно связано съ imperium, что когда хотѣли обозначить правительственныя полномочія чиновника во всей ихъ совокупности, обык-

---

(1) Liv. I. 20. 33. II. 2.

(2) Liv. VI. 6. VIII. 10. IX. 46. XL. 53. XLV. 16.

(3) Cic. de div. I. 2. 40. 47. Liv. IV. 4.

(4) Cic. de republ. II. 9. Liv. I. 18. IV. 4.

новенно говорили: imperium auspiciumque (1), или наоборотъ: auspicium imperiumque (2). По большей же части ограничивались однимъ какимъ нибудь изъ указанныхъ терминовъ, причемъ самъ собою подразумѣвался и другой; такъ напр. когда дѣло шло о смѣнѣ чиновниковъ, то очень часто выражались, что возобновлены ауспиціи (3); предводителемъ римскаго войска считался юридически тотъ, подъ чьими ауспиціями велась война (4); полномочія чиновниковъ, назначенныхъ для вывода колоній, назывались auspicia (5); вообще выраженіе: iisdem auspiciis равнялось выраженію: eodem jure. Каждый римскій чиновникъ, имѣвшій imperium, обладалъ въ тоже время и auspicium въ той мѣрѣ, въ какой это было прилично его правительственной власти. Сообразно раздѣленію римскихъ чиновниковъ на два класса — высшихъ и низшихъ, и ауспиціи раздѣлялись на auspicia maxima, принадлежавшія консуламъ (и всѣмъ чиновникамъ съ консульскою властію), преторамъ и цензорамъ, и auspicia minora, свойственныя прочимъ патриціанскимъ чиновникамъ. И въ этихъ двухъ классахъ различались еще степени; такъ напр. въ первомъ классѣ ауспиціи цензоровъ не могли идти въ сравненіе съ успиціями консуловъ и преторовъ; преторъ хотя и считался товарищемъ консулу, потому что поставлялся подъ тѣми же ауспиціями, что и консулъ, однакоже долженъ былъ уступать ему первенство въ случаѣ совокупнаго дѣйствія (6). Это разграниченіе ауспицій имѣло весьма важное юридическое значеніе въ

---

(1) Liv. XXII. 30. XXVIII. 27. XXIX. 27. XLI. 28. Val. Max. II. 8, 2.

(2) Liv. XL. 52. Corp. Inscrip. lat. I. 541.

(3) Liv. VI. 5. VIII. 17. 23.

(4) Liv. IV. 20. VII. 40. XXVIII. 9. 27. XXXI. 7. XXXIV. 11. XXXVI. 17. XLI. 17 (21).

(5) Cic. de leg. agrar. II. 12.

(6) Gell. XIII. 15. Fest. p. 157. Cic. Ad Attic. IX. 9 (356).

жизни римскаго государства: благодаря ему устранялось столкновеніе ауспицій чиновниковъ. Нечего говорить объ ауспиціяхъ чиновниковъ низшаго класса—квестора, эдила, также цензора, имѣющихъ особыя полномочія; они были устранены отъ столкновенія между собою, а также съ ауспиціями высшихъ чиновниковъ своимъ особымъ назначеніемъ, не позволявшимъ имъ выходить изъ сферы своихъ полномочій. Даже и у тѣхъ чиновниковъ, которые считались товарищами (collegae) по отношенію другъ къ другу, столкновеніе ауспицій предупреждалось тѣмъ, что отдавалось преимущество ауспиціямъ старшаго товарища, напр. ауспиціямъ диктатора предъ ауспиціями консула, ауспиціямъ консула предъ ауспиціями претора (1). Если же въ какомъ либо дѣлѣ дѣйствовали два коллеги совершенно равные другъ другу по своимъ полномочіямъ, напр. два консула, въ такомъ случаѣ они чередовались своими ауспиціями по днямъ; дѣло рѣшалось подъ ауспиціями того, чья была очередь, а другой товарищъ становился на это время въ положеніе неравнаго коллеги (2). Впрочемъ такъ дѣлалось на войнѣ, гдѣ было необходимо устранить всякія недоразумѣнія въ командованіи войскомъ точнымъ правиломъ; а какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ въ дѣлахъ городскихъ, съ точностію неизвѣстно (3). Если чиновникъ исполнялъ обязанности другаго высшаго чиновника по его порученію, въ такомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ подъ ауспиціями поручившаго (4). Народные трибуны, не имѣвшіе imperium, не пользовались и правомъ просить у боговъ знаменій (auspicia impetrativa) (5); вѣроятно они не пріі-

(1) Gell. XIII. 15. Fest. p. 157. Cic. Ad Attic. IX. 9 (356).

(2) Liv. XXII. 42. XXVIII. 9.

(3) Momms. und Marqu. I. 21.

(4) Varro l. l. VI. 91. Suet. August. 21.

(5) Liv. IV. 6. VI. 41. VII. 6. X. 8. Dionys. IX. 49. Gell. XIII. 15.

обрѣли этого права и въ то время, когда стали влiять на дѣла государственныя наравнѣ съ чиновниками; они могли только пустить въ ходъ знаменія, которыя сами являлись имъ на небѣ или на землѣ (1).— Не такъ легко было упорядочить пользованіе со стороны чиновниковъ ауспиціями непрошенными (auspicia oblativa). Эти ауспиціи представлялись сами собою и являлись кому, когда и какъ угодно. Всякій, замѣтившій неблагопріятное предзнаменованіе, могъ и обязанъ былъ сообщить объ немъ чиновнику. Тѣмъ болѣе это право принадлежало всякому чиновному лицу (2). И если докладъ частнаго лица не связывалъ чиновника въ его дѣйствіяхъ, то заявленіе (obnuntiatio) чиновника, сдѣланное имъ лично въ народномъ собраніи, о томъ, что онъ въ этотъ день видѣлъ на небѣ молнію, тотчасъ же останавливало собраніе и влекло за собой его распущеніе (3). Такъ какъ правомъ обнунціаціи пользовались всѣ чиновники неограниченно, то при борьбѣ партій изъ этого выходило нерѣдко страшное замѣшательство и остановка въ дѣлахъ. Проходили недѣли и мѣсяцы въ безплодныхъ усиліяхъ созвать народное собраніе и благополучно его окончить (4). Въ послѣднее время республики нашли нужнымъ нѣсколько ограничить право обнунціаціи; позволено было пользоваться этимъ правомъ консулу противъ консула и народнаго трибуна, народному трибуну противъ консула и цензора (5). Спустя сто лѣтъ послѣ введенія этого порядка (leges Aelia et Fufia), онъ былъ уничтоженъ въ 696 г. за-

---

(1) Cic. de div. I. 16. Pro Sextio. 37. 38. Phil. II. 38. Ad Attic. IV. 3 (89). 9 (119). Ad Quint. fr. III. 3 (152). Momms. und Marqu. II. 258—261.

(2) Cic. de leg. III. 4. 12.

(3) Cic. Phil. II. 33. Ad Quint. fr. III. 3 (152).

(4) Cic. ad Quint. fr. III. 3 (152).

(5) Momms. und Marq. I. 35. 36.

комъ народнаго трибуна Клодія, въ силу котораго совсѣмъ запрещалось пользоваться правомъ обнунціаціи (1), и это правило соблюдалось и впослѣдствіи (2).— Но и помимо обнунціаціи можно было чиновнику ненамѣренно помѣшать народному собранію, напр. наблюденіемъ въ этотъ день молніи при вступленіи своемъ въ должность. Во избѣжаніе такого ненамѣреннаго столкновенія ауспицій, старшій чиновникъ обыкновенно запрещалъ младшимъ наблюдать молнію для своихъ надобностей въ тотъ день, когда онъ былъ намѣренъ созвать народное собраніе (3); такую же повѣстку дѣлалъ сенатъ по отношенію ко всѣмъ чиновникамъ въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ (4). При императорахъ конечно не могло быть рѣчи ни о какихъ столкновеніяхъ ауспицій, потому что всѣ военные чиновники, а также и гражданскіе, поставляемые императоромъ, дѣйствовали подъ его ауспиціями, а прочіе по его указанію (5).

Священная черта города Рима служила рубежемъ тѣхъ или другихъ полномочій римскихъ государственныхъ чиновниковъ. Полною мѣрою власти, соединенною съ imperium, римскій чиновникъ пользовался за чертой города, на войнѣ; здѣсь онъ былъ безапелляціоннымъ повелителемъ, подобнымъ царю (6), съ правомъ жизни и смерти, въ знакъ чего къ его фасцамъ присоединялась сѣкира. Но едва только предводитель войска вступалъ въ городъ, какъ сейчасъ же слагалъ съ себя неограниченную военную власть, и дѣлался чиновникомъ подчиненнымъ голосу народа въ формѣ провокаціи къ нему и ограниченнымъ посредствомъ

---

(1) Cic. pro Sextio 15.

(2) Momms. und Marqu. I. 35.

(3) Gell. XIII. 15.

(4) Cic. pro Sextio 61. Ad Attic. I. 16.

(5) Sueton. August. 21.

(6) Cic. de republ. I. 40. De leg. III. 3.

вмѣшательства своихъ товарищей (1). Съ распространеніемъ границъ римской имперіи явилась надобность назначать въ провинціи особыхъ чиновниковъ — проконсуловъ и пропреторовъ. Такъ какъ настоящій римскій чиновникъ могъ быть только въ городѣ, то провинціальные чиновники назывались исправляющими должность чиновниковъ (promagistratus), и не имѣли никакой власти въ городѣ; только въ послѣднее время республики иногда удостоивали проконсуловъ тріумфа и для этого сообщали имъ правительственную власть въ городѣ на одинъ день (2). Во время имперіи нарушено указанное коренное правило относительно мѣстнаго характера полномочій римскихъ государственныхъ чиновниковъ. Императоры пользовались военной властію и въ чертѣ города и были кромѣ того начальниками военной силы во всей имперіи. Они усвоили также себѣ и полномочія проконсульской власти, хотя пребывали въ городѣ (3).

Самая власть государственная опиралась на религіозномъ чувствѣ, какъ на глубочайшемъ своемъ основаніи. Первообразъ власти, власть главы семейства вытекала изъ домашней религіи. Глава семейства былъ жрецомъ у домашняго очага своего (4); какъ родоначальникъ, онъ носилъ въ себѣ задатки продолженія домашняго богослуженія и по смерти становился предметовъ благоговѣйнаго чествованія для своихъ потомковъ. Естественно, что онъ пользовался высокимъ почетомъ и державною властію въ своемъ семейномъ кругу (5). Въ гражданской общинѣ не было такого природнаго священнаго владыки; здѣсь власть проистекала изъ формальной передачи

---

(1) Momms. und Marqu. I. 93—99.

(2) Ibid. 107. 108.

(3) Mommsen und Marqu. II. 787—810.

(4) Самое названіе pater было nomen religionis. Serv. Aen. III. 89.

(5) Ф. д. Куланжъ. 107—119.

полномочій. Но и здѣсь союзъ между управляющимъ и управляемыми скрѣплялся религіознымъ актомъ— клятвой. Со стороны управляемыхъ эта клятва давалась при наборѣ войска. Клятва эта (sacramentum) обязывала всѣхъ способныхъ носить оружіе явиться въ вооруженіи къ назначенному сроку въ назначенномъ мѣстѣ, и быть на все время войны въ безусловномъ подчиненіи военачальнику (1). Она служила основаніемъ дисциплины въ войнѣ (2). При императорахъ, которые были постоянными начальниками войска, военная клятва давалась уже не на время военнаго похода, а при самомъ вступленіи императора въ управленіе имперіей (3) и потомъ ежегодно возобновлялась въ этотъ день (4), а также въ первый день января (5), и не одними солдатами, но и чиновниками и всѣми вообще гражданами и подданными (6). Съ другой стороны управляющіе не должны были злоупотреблять властію, пользоваться ею произвольно. Въ этомъ не было лучшаго обезпеченія кромѣ опять клятвы. Всякій вновь избранный чиновникъ долженъ былъ прежде формальнаго объявленія о его выборѣ принести клятву въ томъ, что будетъ радѣть объ общей пользѣ (7). Затѣмъ въ теченіе первыхъ пяти дней послѣ вступленія въ должность онъ обязанъ былъ принести клятву въ соблюденіи законовъ (jurare in leges), подъ опа-

---

(1) Liv. III. 20. IV. 26. VI. 38. VII. 11. IX. 43. X. 4. 21. XXVIII. 27. Dionys. X. 18.

(2) Dionys. VI. 45. Seneca Ep. 95.

(3) Tacit. Hist. I. 53. Suet. Claud. 10. Galba 11. Otho. 8. Vitell. 15. Vespas. 6.

(4) Plin. Epist. X. 60. 61. 103. Tacit. Annal. I. 8.

(5) Tacit. Hist. I. 55. Suet. Galba. 16. Plut. Galb. 22.

(6) Tacit. Annal. I. 7. 34. Dio LIX. 3. Corp. Inscr. lat. II. 172.

(7) Plin. Paneg. 64. Lex salpens. 57. 59. Mommsen. Die Stadtrechte der lateinischen Gemeinden Salpensa und Malaca in der Provinz Baetica. Leipzig. 1855. p. 427.

сеніемъ въ противномъ случаѣ лишиться своей должности (1). Равн. образ. въ случаѣ изданія новаго закона чиновники, до которыхъ онъ касался, должны были въ теченіе пяти ближайшихъ дней, а сенаторы въ теченіе десяти дней принести клятву въ его соблюденіи. О принесеніи клятвы квесторы составляли актъ, и записывали имена принесшихъ въ государственныя актовыя книги. Въ соотвѣтствіе съ этимъ и при сложеніи своей должности чиновники являлись въ народное собраніе и приносили предъ народомъ клятву въ томъ, что они при отправленіи должности честно и свято исполняли законы, какъ обѣщали при вступленіи въ должность (2). Во время имперіи, когда наряду съ законами явились распоряженія императоровъ и съ теченіемъ времени почти совсѣмъ замѣнили первые, чиновники стали обязываться клятвой уважать и соблюдать въ качествѣ законовъ всѣ распоряженія правящаго императора (in acta principis jurare), а также постановленія прежнихъ императоровъ, не отмѣненныя позднѣйшими, и совершали эту клятву ежегодно 1 января (3).—Клятвой скрѣплялись также законы, извѣстные подъ именемъ sacratae или sacrosanctae leges (4). Во время преобразованій, глубоко затрогивавшихъ внутренній строй римскаго государства, во время борьбы политическихъ партій, колебались основные государственные законы, терялось довѣріе къ прочности вновь вводимыхъ законовъ, и потому казалось недостаточно обыкновеннаго средства божественной санкціи вновь издаваемыхъ законовъ—ауспицій. Чтобы придать болѣе устойчивости

---

(1) Liv. XXXI. 50. Plin. Paneg. 65. Bantina lex. cap. 3. 4. Giraud. Novum enchiridion juris romani. Parisiis. 1873. p. 608. 609.

(2) Liv. XXIX. 37. Tacit. Annal. XII. 4. Hist. III. 37. Plin. Paneg. 65. Plut. Marcell. 4. Cicero 19. 23. Dio LIII. 1. LIX. 13. LX. 10.

(3) Dio XLVII. 18. LI. 20. LIII. 28. LVII. 8. LVIII. 17. LIX. 13. LX. 10. Tacit. Annal. I. 72. IV. 42. XIII. 11. Suet. Tib. 26. 67.

(4) Liv. III. 55. Fest. p. 318. Cic. p. Balb. 14.

новому порядку вещей, не для всѣхъ желательному, прибѣгали къ религіозному обязательству соблюдать этотъ порядокъ. Такъ напр. по изгнаніи царей, чтобы устранить всякую попытку къ возстановленію уничтоженной формы правленія, весь римскій народъ связалъ себя клятвой никогда болѣе не допускать у себя царской власти (1). Рав. обр. когда заключенъ былъ между плебеями и патриціями миръ съ дарованіемъ первымъ особаго охранителя ихъ безопасности въ лицѣ народнаго трибуна, эта сдѣлка была освящена клятвой. Тоже повторилось и при вторичномъ отщепенствѣ плебеевъ (2). Въ силу этихъ священныхъ (3) законовъ и сами народные трибуны были лицами священными и неприкосновенными (sacrosanctus) (4). Упоминаются и другіе законы, скрѣпленные клятвой (5). Императоры тоже признавали эти законы, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это было полезно для упроченія ихъ власти. Такъ они усвоили себѣ власть народнаго трибуна и вмѣстѣ съ нею привиллегированное положеніе трибуна какъ священной особы (6). — Международныя отношенія, такъ трудно поддающіяся юридическимъ нормамъ, не могли обойтись въ древности безъ помощи религіи; основой ихъ прочности служила клятва (7). Клятвой утверждались международные договоры (8), побѣжденные сдавались на волю побѣдителя, получивъ отъ послѣдняго въ обезпеченіе обѣщанной пощады клятвенное обѣща-

(1) Liv. II. 1.

(2) Liv. II. 33. III. 55. Cic. de offic. III. 31.

(3) Liv. II. 54. III. 32. V. 11. XXXIX. 5.

(4) Fest. p. 318.

(5) Liv. VII. 41. Cic. p. Sextio 30. 37. Pro domo 17. De leg. II. 7. De offic. III. 31.

(6) Momms. und Marqu. II. 813—815.

(7) Liv. I. 9. XXX. 42.

(8) Liv. VIII. 6. 7. IX. 1. X. 39. XXI. 10. XXVIII. 27. 44. XXIX. 24. XXX. 37. XXXVIII. 39. XXXIX. 51.

ніе (1). Уваженіе къ святости клятвы считалось у Римлянъ, да и у другихъ народовъ того времени лучшимъ обезпеченіемъ прочности международныхъ договоровъ (2). — Обращались Римляне за помощію къ клятвѣ и во многихъ другихъ случаяхъ общественной жизни. Такъ напр. когда римскіе воины, собравшись въ походъ, распредѣлялись по центуріямъ и декуріямъ, тотчасъ же послѣ этого они давали другъ другу клятву не робѣть на войнѣ, не обращаться въ бѣгство, не оставлять рядовъ развѣ только для того, чтобы поразить непріятеля или подать помощь своему товарищу (3). Въ походѣ римскіе воины обязывались клятвой ничего не красть и не брать себѣ кромѣ самаго необходимаго, напр. копья, рукоятки для копья, дровъ, плодовъ, корму для животныхъ, сумки, фонаря, а изъ прочаго брать стоимостію не свыше серебряной монеты на день, а остальное, если бы что попалось подъ руку, представлять военному начальству (4). Въ 583 году, чтобы помочь набору войска для войны съ Персеемъ, цензоры наложили на всѣхъ особую клятву, обязывавшую явиться къ отправленію воинской повинности (5). Тоже самое средство употреблено было въ томъ же году для того, чтобы выслать къ мѣсту службы воиновъ македонской арміи, пользовавшихся незаконнымъ отпускомъ (6). Подъ 575 годомъ разсказывается у Ливія о постановленіи требовать клятвы отъ лица освобожденнаго изъ рабства въ томъ, что дающіе ему свободу дѣлаютъ это не съ цѣлію перемѣны гражданства (7).

(1) Liv. XXIII. 19. XXIV. 47. XXVI. 40. XXVII. 17. XXIX. 23.

(2) Liv. XXXIV. 31.

(3) Liv. XXII. 38.

(4) Gell. XVI. 4.

(5) Liv. XLIII. 14 (16).

(6) Liv. XLIII. 15 (17).

(7) Liv. XLI. 9 (13). Это постановленіе было вызвано злоупотребленіемъ со стороны латинскихъ союзниковъ правомъ пріобрѣтать римское гражданство.

Законъ трибуновъ Марія и П. Катона (692 г.) обязывалъ военачальника клятвенно подтверждать свои показанія о числѣ плѣнныхъ и убитыхъ непріятелей и количествѣ потерянныхъ гражданъ, на случай его претензіи на тріумфъ (1). Императоръ Діоклетіанъ, раздѣляя императорскую власть съ своимъ другомъ Максиміаномъ, взялъ съ него торжественную клятву въ храмѣ Юпитера капитолійскаго въ томъ, что онъ будетъ употреблять эту власть въ согласіи съ нимъ—Діоклетіаномъ, и вмѣстѣ съ нимъ сложитъ съ себя эту власть (2). Городскій преторъ, обязанностію котораго было между прочимъ ежегодное составленіе списка присяжныхъ судей, обязывался клятвой выбирать въ судьи самыхъ лучшихъ людей (3). Цензоры при люстраціи требовали отъ каждаго взрослаго гражданина клятвеннаго увѣренія въ томъ, что онъ женатъ (4). Граждане подавали свои голоса въ трибахъ съ открытой головой въ знакъ того, что они дѣлаютъ это дѣло съ открытою совѣстію предъ лицемъ божіимъ (5). Иногда сенаторы прежде, чѣмъ дѣлать постановленіе, приносили клятву (6). Судьи тоже обыкновенно клялись, когда приступали къ совѣщанію о дѣлѣ (7). Истецъ, приносившій жалобу (8), а также обвинитель давали клятву въ томъ, что они начина-

---

(1) Val. Max. II. 8, 1.

(2) Preuss. Kaiser Diocletian und seine Zeit. Leipzig. 1869. p. 122.

(3) Cic. p. Cluent. 43. Zumpt. Criminalrecht der römisch. Republik. II. 2. p. 199. Zumpt. Criminalprocess der römisch. Republik. Leipzig. 1871. p. 29.

(4) Gell. IV. 20.

(5) Plaut. Capt. 3, 1, 15. Huschke. Die Multa und das Sacramentum in ihren verschiedenen Anwendungen. Leipzig. 1874. p. 234.

(6) Liv. XXVI. 33. XXX. 40. XLII. 21. Huschke. Multa. 158.

(7) Cic. p. Cluent. 43. In Verr. I. 10. 13. De Invent. I. 30. Zumpt. Criminalrecht. II. 1. p. 151. Criminalprocess. 354. 355.

(8) Fr. 7 D. de damno infecto (39. 2).

ютъ дѣло не ради клеветы (1). Дача свидѣтельскихъ показаній на судѣ была соединена существеннымъ образомъ съ принесеніемъ клятвы (2). Выраженіе—„сказать что-нибудь съ клятвой“ было равносильно выраженію „быть свидѣтелемъ“ (3). Свидѣтельское показаніе, не подтвержденное клятвой, заподозрѣвалось въ своей достовѣрности (4). Даже между свидѣтельскими показаніями, данными подъ клятвой, отдавалось предпочтеніе тѣмъ, которыя даны лицами, искренно чтущими святость клятвы, напр. показаніямъ Римлянина предъ показаніями Грека, для котораго клятва пустая шутка, или Галла—варвара и изувѣра (5). Только жрецъ Юпитера и весталки освобождались при свидѣтельствѣ отъ принесенія клятвы, чтобы они въ случаѣ клятвопреступленія не осквернили государственнаго культа и не подвергли гнѣву боговъ вмѣстѣ съ собой и государства (6). — Клятвой наконецъ скрѣплялись отношенія между патрономъ и освобожденными его рабами (7).—Вообще клятва считалась у Римлянъ самымъ лучшимъ обезпеченіемъ вѣрнаго соблюденія международныхъ и всякихъ человѣческихъ союзовъ и договоровъ, залогомъ прочности всякихъ человѣческихъ отношеній. Особенно же клятва составляла ничѣмъ незамѣнимое средство тамъ, гдѣ было совсѣмъ безсильно право съ его внѣшними принудительными средствами,—въ области человѣческой совѣсти (8).

(1) Liv. XXXIII. 47. Cic. Epist. VIII. 8. Rein. Criminalrecht der Römer. Leipzig. 1844. p. 808. Zumpt. Criminalprocess. p. 152.

(2) Zumpt. Criminalprocess. 294—298. Свидѣтель произносилъ клятву, держась рукой за алтарь, находившійся въ мѣстѣ производства суда. Cic. pro Flacco 36.

(3) Cic. In Verr. I. 5. 53. II. 33. IV. 23. V. 7. 11. 34. Pro Caelio 2. 8. 22.

(4) Cic. pro Flacco 36. Quinctil. Instit. V. 7.

(5) Cic. pro Flacco 5. Pro Fontejo 13.

(6) Gell. X. 15. Paul. Diac. p. 104. Liv. XXXI. 50.

(7) Fr. 44 D. de liber. causa (40, 12).

(8) Cic. de off. III. 31. De leg. II. 7.

Уголовное римское право въ древнѣйшее время также было всецѣло проникнуто религіознымъ началомъ. За отсутствіемъ внѣшней государственной защиты въ то время всѣ правовыя отношенія состояли подъ покровительствомъ высшихъ силъ — божественныхъ. Въ каждомъ домѣ, въ каждомъ родѣ былъ свой божественный стражъ и покровитель, оберегавшій право семьи и рода отъ внѣшнихъ нарушеній, а также дававшій санкцію внутреннему распорядку въ семьѣ и родѣ (1). На межѣ, отдѣлявшей извѣстный дворъ отъ сосѣднихъ дворовъ, держалъ караулъ особый оградный богъ (2). Поле тоже находилось подъ охраной особыхъ божествъ, постоянно его оберегавшихъ (3). На рубежѣ поля стоялъ богъ Терминъ и не позволялъ никому подходить близко и прикасаться къ нему. „Едва только сосѣдъ прикасался къ его владѣнію плугомъ или заступомъ, такъ онъ сейчасъ же вскрикивалъ: это мое поле, вотъ твое“ (4). Въ извѣстные дни въ году каждый домохозяинъ обходилъ свое поле по священной межевой полосѣ, гналъ предъ собой жертвенныхъ животныхъ, пѣлъ гимнъ, и совершалъ жертвоприношеніе (5). Этотъ обрядъ, совершаемый домохозяевами публично въ одно время, служилъ вмѣсто формальной повѣрки межевыхъ знаковъ; священная межа служила основаніемъ для рѣшенія споровъ о землевладѣніи (6). Такъ же точно и всѣ прочія правовыя отношенія находились подъ покрови-

(1) Cic. p. domo 41. Ovid. Fast. V. 141.

(2) Fest. Ambitus. Serv. Aen. II. 469.

(3) Tibul. 1. 1, 23: Lares agri custodes. Cic. de leg. II. 11: Religio Larum posita in fundi villaeque conspectu. Поэтому и межеваніе полей называлось въ древности consecratio. Blume und Rudorff. Die Schriften der röm. Feldmesser. I. 229, 6; 234, 21. II. 277. 278.

(4) Ovid. Fast. II. 677.

(5) Cato r. r. 141. Ovid. Fast. II. 639.

(6) Siculi Flacci de condicion. agror. Die Schriften der röm. Feldmesser. I. 138. II. 238.

тельствомъ боговъ (1). Поэтому въ то время всякое правонарушеніе было оскорбленіемъ, нанесеннымъ тому божеству, подъ охраной котораго находилось то или другое правовое отношеніе, и потому, подобно всякой винѣ предъ богомъ, должно было быть искуплено жертвой. Легкое или ненамѣренное правонарушеніе заглаждалось совершеніемъ извѣстнаго жертвоприношенія (2). За крупное же и преступное правонарушеніе преступникъ былъ повиненъ предъ божествомъ своей головой и имуществомъ, неразрывно связаннымъ съ правоспособною личностію (3). Sacer homo—такъ назывался повинный предъ богомъ преступникъ — вслѣдствіе своей повинности лишался покровительства законовъ; его могъ и долженъ былъ убить и такимъ образомъ препроводить его душу по назначенію всякій, связанный съ нимъ однимъ религіознымъ союзомъ. Поблажка преступнику навлекала гнѣвъ божій и на самихъ поблажняющихъ (4), какъ не исполняющихъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ богу. Homo sacer, какъ исключенный изъ религіознаго со-

---

(1) О дѣйствіи религіозныхъ уставовъ царя Нумы Ливій говоритъ: ea pietate omnium pectora imbuerat, ut fides et jusjurandum, proxime legum ac poenarum metu, civitatem regerent. Liv. I. 21.

(2) Liv. I. 26. Dionys. III. 22. Paul. Diac. Sororium tigillum p. 307. Fest. subici p. 347. subigere p. 351. Macr. Satur. I. 16. Varro l. l. VI. 30. Cic. de leg. II. 15. Serv. Virg. Eclog. IV. 43: Si quis imprudens occidisset hominem, pro capite occisi agnatis ejus in concione offerret arietem. Rein. Criminalrecht. p. 403.

(3) Cic. de leg. I. 14: Scelerum in homines atque impietatum nulla expiatio est. Fest. p. 309: Sinnius Capito ait, cum civis necaretur, institutum fuisse, ut Semoniae res sacra fieret vervece bidente, ut, eo sacrificio poena salutis civibus, caput ipsum damnati patrimoniumque, cui deo deberetur, id fieret sacrum. Atque inde fuisse solitum, ut, quia tunc in publicum supplicandi causa prodiret Rex sacrorum, ut id vocaretur supplicium. Fest. Sacratae leges p. 348: Sacer alicui deorum sicut familia pecuniaque. Liv. II. 8: Lex de sacrando cum bonis capite ejus, qui regni occupandi consilia inisset. III. 55. Dionys. V. 19. VI. 89. VII. 17.

(4) Macrob. Satur. III. 7. Liv. I. 26.

юза съ своими родичами, лишался погребенія, которое въ древнее время могло быть совершено правильно только въ кругу семьи и рода (1). Слѣды примѣненія этого религіознаго очищенія преступленій сохранились даже изъ царскаго періода римской исторіи. Такъ Ромулу приписываются законы, угрожающіе sacer esto мужу за безпричинное прогнаніе своей жены (2), дѣтямъ за побои нанесенные отцу (3), патрону и кліенту за нарушеніе взаимныхъ обязанностей (4). Въ числѣ законовъ Нумы упоминается законъ, запрещающій перепахивать межу чужаго поля подъ угрозою sacer esto (5). Въ законѣ XII таблицъ полагалось за порчу и похищеніе чужихъ посѣвовъ въ ночное время наказаніе, очень напоминающее sacer esto (6). Вѣроятно въ связи съ sacer esto нужно разсматривать и право отца казнить смертію своихъ преступныхъ дѣтей (7), продолжавшееся до времени Константина великаго (8), и право мужа убить свою прелюбодѣйную жену на мѣстѣ преступленія вмѣстѣ съ соучастникомъ ея преступленія (9), продолжавшееся по отношенію къ женѣ до закона Юліева, а по отношенію къ соучастнику преступленія съ извѣстными ограниченіями до самаго Юстиніана (10). Са-

---

(1) Fr. II § 3 D. de his, qui notantur infamia (3, 2).

(2) Plut. Romul. 22.

(3) Fest. Plorare p. 230.

(4) Dionys. II. 10. Lex XII tab. Tab. VIII. fr. 21. Serv. Aen. VI. 609.

(5) Fest. Termino p. 368. Dionys. II. 74.

(6) Plin. H. N. XVIII. 3, 4: Frugem aratro quaesitam furtim noctu pavisse ac secuisse, puberi XII tabulis capitale erat: suspensumque Cereri necari jubebant, gravius quam in homicidio convictum.

(7) Liv. II. 41. Val. Max. V. 8, 3. Seneca. De clemen. I. 15.

(8) Fr. 2 D. ad leg. Corn. de sic. (48, 8). Fr. 3. D. de patr. pat. (8, 47). L. un. C. de his qui parent. (9, 17); L. un. C. de emend. prop. (9, 15).

(9) Gell. X. 23. Seneca. De ira. 1. Quinctil. Instit. VII. 1, 6.

(10) Nov 117. cap. 15. Rein. Criminalrecht. p 843—853.

кральное значеніе уголовнаго наказанія въ это время отразилось и въ самомъ его названіи supplicium, которое первоначально значило принесеніе умилостивительной жертвы (1). Со времени организаціи римскаго государства, оно само взяло на себя защиту правовыхъ отношеній и наказаніе за нарушеніе ихъ. Отселѣ преступленіе стало считаться уже виной предъ государствомъ, какъ представителемъ правды и блюстителемъ правосудія (crimen, delictum) (2), а наказаніе (poena) возмездіемъ за эту вину (3). Эта перемѣна въ воззрѣніи на наказаніе не осталась безъ вліянія и на самыя наказанія; послѣднія сдѣлались гораздо мягче противъ прежняго. Впрочемъ радикальной перемѣны въ самыхъ родахъ наказаній не послѣдовало. Смертная казнь осталась попрежнему, только совершалась не иначе, какъ по приговору народныхъ комицій, и гораздо рѣже прежняго (4). Осталось и лишеніе погребенія для важныхъ государственныхъ преступниковъ и практиковалось очень часто при императорахъ. Въ это время трупы казненныхъ государственныхъ преступниковъ обыкновенно влачили по землѣ до такъ наз. гемоній (gemoniae scalae—ступени воздыханія, особое возвышенное мѣсто на Авентинѣ со ступенями) и оттуда бросали ихъ въ яму или въ рѣку Тибръ (5). Не вышло совсѣмъ изъ употребленія даже и sacer esto. Слѣды его сохранились въ правѣ

---

(1) Fest. p. 309: Sub vos placo, in precibus fere cum dicitur, significat id, quod supplicio. Paul. Diac. p. 308: Supplicia veteres quaedam sacrificia a supplicando vocabant.

(2) Rein. Criminalrecht. p. 91—98.

(3) Fr. 131 pr. § 1 D. de verb. sign. (50, 16): Poena est noxae vindicta... Poena generale sit nomen, omnium delictorum coërcitio. Rein. Criminalrecht. 284.

(4) Rein. Criminalrecht. p. 53—55.

(5) Tacit. Annal. III. 14. V. 9. VI. 25. 29. Hist. III. 74. 85. Suet. Tib. 53. 61. 75. Vit. 17. Vespas. 2. Lampr. Heliog. 17. Capitol. Maxim 25. Герод. V. 8. Rein. Criminalrecht. 916.

предводителя войска казнить смертію нарушителя военной клятвы безъ всякаго суда и слѣдствія (1). Кромѣ того съ учрежденіемъ трибунской власти и появленіемъ leges sacratae вмѣсто прежняго обычнаго sacer esto установлено новое законное sacer esto (2). По своему первоначальному значенію, законное sacer esto было сходно съ бытовымъ (3), съ тѣмъ различіемъ, что голова и имущество виновнаго посвящались не одному и тому же божеству, какъ было въ бытовомъ, а, согласно двойственному составу римскихъ гражданъ, двумъ различнымъ божествамъ—имущество Церерѣ, а голова Юпитеру (4). Но когда пришлось исполнять священные законы на дѣлѣ, они оказались неудобоисполнимы; патриціи, противъ которыхъ были направлены законы, противодѣйствовали ихъ примѣненію, и плебеи должны были ограничиться только посвященіемъ имущества виновнаго, не трогая его головы (5). При императорахъ, усвоившихъ себѣ трибунскую власть, законы о неприкосновенности личности трибуна дѣйствовали съ новою силою (6). Дѣйствіе ихъ обнаружилось въ проскрипціяхъ, появившихся со времени Суллы. Человѣкъ, имя котораго было занесено въ списокъ проскриптовъ, былъ тоже, что sacer, лишенъ имущества, покровительства законовъ, вообще всѣхъ правъ состоянія; ему никто не долженъ былъ помогать ничѣмъ, никто не могъ принять его къ себѣ, не исключая и самыхъ близкихъ

(1) Dionys. XI. 43.

(2) Liv. II. 33. III. 55.

(3) Fest. p. 318: Sacratae leges sunt, quibus sanctum est, qui quid adversus eas fecerit, sacer alicui deorum sicut familia pecuniaque.—Homo sacer is est, quem populus judicavit ob maleficium.. Qui occidit, parricidii non damnatur, nam lege tribunicia prima cavetur: Si quis eum, qui eo plebiscito sacer sit, occiderit, parricida ne sit.

(4) Liv. III. 55. Dionys. VI. 89.

(5) Huschke. Die Multa. p. 192—196.

(6) Dio. XLIV. 5.

родственниковъ. Убійца его получалъ награду за свое дѣло какъ за подвигъ (1).

Религіозное очищеніе преступленія совершалось не смертію только преступника, но и удаленіемъ его изъ предѣловъ отечества. Мы имѣемъ подъ руками нѣсколько примѣровъ этого рода очищенія. Такъ людей, обреченныхъ въ жертву богамъ по обѣту о священной веснѣ, не убивали, а выпроваживали за предѣлы государства на всѣ четыре стороны (2). Такъ лицъ, заключившихъ, безъ согласія римскаго народа, мирный договоръ съ непріятелемъ съ произнесеніемъ клятвы, выдавали непріятелю, чтобы освободить государство отъ отвѣтственности за нарушеніе клятвы (3). Такъ при devotio лице, обрекшее себя богамъ и оставшееся въ живыхъ, было исключаемо изъ всякаго религіознаго и гражданскаго общенія съ своими согражданами (4). Но болѣе общей формой этого рода очищенія преступленія было запрещеніе огня и воды— aquae et ignis interdictio. Подвергшійся этому отлученію лишался участія въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго житейскаго общенія съ согражданами. Въ тоже время онъ терялъ и всѣ права гражданскія и политическія (5). Какъ безправный, онъ могъ быть и убитъ безнаказанно (6). Въ такомъ положеніи ему ничего не оставалось какъ удалиться изъ отечества. Съ теченіемъ времени забыли о религіозномъ значеніи interdictio; оно сдѣлалось просто изгнаніемъ — exilium (7). При императорахъ оно превратилось въ deportatio—изгна-

(1) Cic. Verr. I. 17. Plut. Sulla 31. Appian. B. C. I. 95. Rein. Criminalrecht. 138.

(2) Fest. Ver sacrum p. 379. Mamertini p. 158, Dionys. I. 16.

(3) Liv. IX. 5. 8. 10. Cic. p. Caec. 34.

(4) Liv. VIII. 9.

(5) Dionys. VIII. 11. XI. 46. Gai Instit. I. 128.

(6) Dio XXXVIII. 17.

(7) Rein. Criminalrecht. 137.

ніе въ опредѣленное мѣсто, съ лишеніемъ правъ гражданства и конфискаціей имущества, и въ relegatio— ссылка безъ лишенія правъ и имущества (1).

Боги, карая преступленія какъ нарушенія своихъ правъ, съ другой стороны иногда давали у себя убѣжище отъ людскаго мщенія и расправы. Прежде всего домъ Римлянина былъ мѣстомъ священнымъ и неприкосновеннымъ. Домашній богъ неусыпно сторожилъ человѣческое жилье, отталкивалъ вора и отженялъ недруга. (2) Проникнуть въ чужой домъ съ недобрымъ намѣреніемъ было святотатствомъ. Домъ служилъ священнымъ убѣжищемъ для человѣка, откуда его нельзя было взять силой безъ нарушенія священнаго права. (3) Священныя рощи также служили убѣжищемъ для рабовъ, должниковъ и преступниковъ. (4) Потомъ пользовались этимъ правомъ храмы, тѣ, которымъ оно усвоено было по уставу при самомъ ихъ основаніи, (5) напр. храмъ Юноны (6), храмъ Діаны на Авентинѣ и пр. (7) Къ облегченію участи узниковъ служилъ и домъ фламина Юпитерова (8). Очень много храмовъ и мѣстъ убѣжища было въ римскихъ провинціяхъ, особенно въ Греціи. (9) Было тамъ не мало злоупотребленій

---

(1) §§ 1. 2. Inst. quibus modis jus pot. solv. (I, 12). Rein. Criminalrecht. 815.

(2) Ovid. Fast. V. 141. Exagitant et Lar et turba Diania fures: pervigilantque Lares pervigilantque canes.

(3) Cic. pro domo 41: Hoc perfugium est ita sanctum omnibus, ut inde abripi neminem fas sit.

(4) Liv. I. 30. XXXV. 51. Dionys II. 15. Rudorff. Die Schriften der röm. Feldmesser. II. 261.

(5) Serv. Aen. II. 761.

(6) Ibid. Orellii 1312.

(7) Preller. 282. 283.

(8) Gell. X. 15. Serv. Aen. II. 57. По мнѣнію Амброша (Studien 50), этой же привиллегіей долженъ былъ пользоваться и домъ tex sacrarum.

(9) Liv. XXIII. 10. XXXV. 51. XLIV. 29. XLV. 4. 5. Въ храмахъ совершалось и отпущеніе рабовъ на волю. Спеціальной покровительни-

правомъ убѣжища, которыя затрудняли правильное отправленіе правосудія. Въ храмахъ скрывались должники отъ преслѣдованій кредиторовъ, уголовные преступники отъ казни. Римское правительство при Тиберіѣ потребовало отъ провинцій, чтобы онѣ представили основанія, по которымъ тотъ или другой храмъ считался у нихъ убѣжищемъ, утвердило древнее право съ нѣкоторыми ограниченіями почти за всѣми храмами, которые пользовались имъ болѣе или менѣе законно, и въ предупрежденіе злоупотребленій на будущее время распорядилось, чтобы каждый храмъ, получившій отъ римскаго правительства патентъ на право убѣжища, вывѣсилъ его у себя на видномъ мѣстѣ на мѣдной доскѣ. (1) Если отъ этой мѣры право убѣжища подверглось нѣкоторому ограниченію, за то оно значительно разширилось съ повсюднымъ введеніемъ божескаго чествованія императоровъ. Уже первому храму въ честь Юлія Цезаря было даровано право убѣжища (2). Статуи Августа тоже давали защиту прибѣгающимъ къ нимъ (3). Впослѣдствіи образовалось общее правило о равночестности статуй и изображеній императорскихъ съ капищами боговъ по отношенію къ праву убѣжища (4). Убѣжище у святыни не освобождало впрочемъ обвиняемаго отъ суда, и обвиненнаго отъ наказанія, а только отсрочивало на время нахожденія тамъ начатіе судопроизводства и исполненія приговора (5). Фламинъ Юпитера и

цей вольноотпущенныхъ была богиня Феронія нимфа Кампаніи; въ ея храмѣ рабы послѣ остриженія головы получали шапку въ знакъ свободы. Въ Террацинѣ въ храмѣ той же богини была каменная скамья съ надписью: Benemeriti servi sedeant, surgent liberi. Serv. Aen VIII. 564.

(1) Tacit. Annal. III. 60—63. IV. 14.

(2) Dio XLVII. 19.

(3) Tacit. Annal. IV. 67. Suet. Tiber. 53. 58.

(4) Gai Instit. I. 53. Fr. 28 § 7 D. de poenis (48, 19).

(5) Rein. Criminalrecht. 264. 265.

весталки представляли въ своемъ лицѣ т. с. ходячія убѣжища. Если преступникъ на пути на казнь встрѣчалъ фламина Юпитерова и припадалъ къ его ногамъ съ просьбой о пощадѣ, то его нельзя было наказывать въ этотъ день безъ нарушенія священныхъ уставовъ (1). А случайная встрѣча съ весталкой во время шествія на казнь освобождала виновнаго отъ самой смерти (2). Пользуясь уваженіемъ, подобающимъ лицамъ священнымъ, весталки съ теченіемъ времени стали вмѣшиваться въ дѣла гражданской жизни по собственному почину. Такъ весталка изъ рода Клавдіевъ, желая помочь брату (по Цицерону, отцу) совершить тріумфъ вопреки волѣ народа, сѣла вмѣстѣ съ нимъ на тріумфальную колесницу и сопровождала до Капитолія и своимъ присутствіемъ помѣшала народнымъ трибунамъ стащить тріумфатора съ колесницы (3). Въ концѣ республики и въ началѣ имперіи, во время борьбы партій и государственныхъ смутъ, весталки иногда являлись въ судъ съ ходатайствомъ за обвиняемыхъ (4), принимали на себя примирительную миссію между двумя воюющими лагерями или враждующими сторонами (5). Ходатайство весталокъ въ подобныхъ случаяхъ не имѣло обязательной силы для тѣхъ, къ кому оно обращалось; оно употреблялось только въ расчетѣ подѣйствовать на чувство послѣднихъ (6). Тѣмъ не менѣе заступничество фламина Юпитерова и весталокъ было въ ходу. Въ римскихъ школахъ, въ которыхъ приготовлялись къ адвокатской дѣятельности, составилось даже общее положе-

---

(1) Gell. X. 15.

(2) Plut. Numa. 10.

(3) Suet. Tiber. 2. Cic. p. Coel. 14.

(4) Cic. pro Fontejo 20.

(5) Suet Caes. 1. Vitell. 16. Tacit. Hist. III. 81.

(6) Cic. p. Fontejo. 20: Tendit ad vos (judices) Virgo Vestalis manus supplices, easdem. quas pro vobis diis immortalibus tendere consuevit. Tacit. Hist. III. 81.

ніе на этотъ счетъ, преувеличивавшее дѣйствительность: Sacerdos unius supplicio liberandi potestatem habeto, а изъ него выведена схоластическая контроверсія: an sacerdos in adulterio comprehensus ipse se liberare possit et sceleris impunitatem ex legis beneficio petere (1).—Народный трибунъ, по священной неприкосновенности своей личности, также былъ живымъ ходячимъ алтаремъ, съ которымъ соединялось право убѣжища для плебеевъ. Если напр. плебей подвергался обидѣ со стороны консула, который присуждалъ его къ заключенію въ тюрьмѣ, или со стороны заимодавца, который налагалъ на него руку, стоило явиться трибуну и стать между ними, чтобы удержать руку патриція (2)—Наконецъ были у Римлянъ праздники, ради которыхъ дѣлалось послабленіе въ отправленіи уголовнаго правосудія. Такъ въ праздникъ Сатурналій, праздникъ бога, посылающаго обиліе и благополучіе, заключенные въ темницѣ преступники были отпускаемы на свободу и обыкновенно приносили свои узы въ даръ богу, который ихъ освободилъ отъ нихъ (3). Тоже наблюдалось при совершеніи народныхъ молебствій — supplicationes et lectisternia (4). Такъ какъ съ теченіемъ времени число послѣдняго рода молебствій значительно увеличилось, то стали давать узникамъ свободу только въ нѣкоторые изъ этихъ дней по выбору, и наконецъ совсѣмъ прекратили это обыкновеніе. При императорахъ возобновился обычай давать помилованіе преступникамъ еще съ большею противъ прежняго силою; стали выпускать изъ темницъ во всѣ знаменательные дни, напр. при вступленіи императора въ отправленіе должности, въ

---

(1) Quinctit. Instit. V. 10. Gothofr. Comment. in l. 15. tit. 10. lib. 9. Cod. Theodos.

(2) Dionys. VI. 89. X. 32. 42. Gell. XIII. 12.

(3) Ihering. Geist des römischen Rechts. I. p. 289.

(4) Liv. V. 13. XXIX. 14.

день его рожденія, въ дни празднованія побѣдъ (1). Нужно замѣтить, что это освобожденіе узникомъ означало только прекращеніе начатаго судебнаго дѣла, а не прощеніе ихъ вины. По прошествіи праздничнаго времени освобожденный преступникъ могъ снова подвергнуться обвиненію по тому же самому преступленію со стороны тогоже или всякаго другаго обвинителя, впрочемъ со времени Траяна только въ теченіи 30 дней со дня окончанія праздника (2).

Наконецъ римская религія принимала подъ свое покровительство частныя обязательства и разбирала тяжбы о моемъ и твоемъ и иски объ обидахъ. Чтобы обезпечить себя при заключеніи договоровъ въ исполненіи обязательства, а въ случаѣ неустойки въ правѣ взысканія за нее, въ древнее время Римляне обыкновенно дѣлали свои обязательства въ присутствіи боговъ, призывали ихъ во свидѣтели и судьи, а на случай неисполненія договора каждая изъ договаривающихся сторонъ обрекала себя гнѣву боговъ со всѣми его тяжкими послѣдствіями (3). Подобная санкція

---

(1) Fr. 8. 9. 12. D. ad. senat. Turp. (48, 16).

(2) Fr. 10 § 2. Fr. 15. § 6 D. ad senatc. Turp. (48, 16). L. 1. 2. C. de gen. aboit. (9, 43). Pauli Sentent. V. 17, 2. Rein. Criminalrecht. 273 — 275.

(3) Polyb. III, 25: *Εὐορκοῦντι μέν ποιεῖν τἀγαθὰ. εἰ δ' ἄλλως διανοηθείην τι ἢ πράξαιμι, πάντων τῶν ἄλλων σωζομένων ἐν ταῖς ἰδίαις πατρίσιν, ἐν τοῖς ἰδίοις νόμοις, ἐπὶ τῶν ἰδίων βίων, ἱερῶν, τἀφων, ἐγὼ μόνος ἐκπέσοιμι οὕτως, ὡς ὅδε λίθος νυν. Καὶ ταῦτ' εἰπῶν, ῥίπτει τὸν λίθον ἐκ τῆς χειρὸς.* — Paul. Diac. p. 115. Lapidem silicem tenebant jurati per Jovem, haec verba dicentes: Si sciens fallo, tum me Dispiter salva jurbe arceque bonis ejiciat, uti ego hunc lapidem. — Liv. XXII. 33: Si sciens fallo, tum me, Jupiter optime maxime, domum, familiam remque meam pessimo leto afficias. — Plin. Paneg. 64: Quin etiam sedens (consul) praebuit jusjurandum, et ille (Trajanus) juravit, expressit explanavitque verba, quibus caput suum, domum suam, si sienter fefellisset, deorum irae consecraret. — Orellii 3. 65: Jusjurandum. Si seiens fallo fefellero ve, tum me liberosque meos Jupiter optimus maximus ac Divus Augustus ceterique omnes dii immortales exportem patria, incolumitate fortunisque omnibus faxint.

частныхъ сдѣлокъ, при уваженіи къ клятвѣ, очевидно была такъ же цѣлесообразна, какъ и покровительство со стороны государственной власти. Неисполненіе обязательства, подтвержденнаго клятвой, боги принимали на свой собственный счетъ и мстили за свое оскорбленіе. Правда, боги сами лично не вмѣшивались въ дѣло и не совершали мести непосредственно, но они давали потерпѣвшему ущербъ контрагенту право взыскивать съ неустоявшаго въ своемъ словѣ за свой ущербъ и, если нужно, расправиться съ нимъ по собственному усмотрѣнію (1), напр. обратить его себѣ въ рабы, или продать въ рабство другому (2). Неисполнившій обязательства обязанъ былъ безпрекословно отдаться во власть того, кому онъ обязывался, какъ бы приговоренный къ тому судомъ самихъ боговъ (3). Клятва, которую онъ далъ при заключеніи договора, и заклятія, которыя онъ наложилъ на себя при этомъ, лишали его права на покровительство боговъ и закона.

Древнѣвшей формой клятвы была клятва per Jovem lapidem, въ которой клянущійся держалъ въ рукѣ и въ заключеніе бросалъ булыжный камень (4). Потомъ клялись у ага maxima, посвященнаго Геркулесу, держась рукой за жертвенникъ (5). Царь Нума ввелъ клятву Вѣрностію (Fides). Эта клятва была общедоступной для всѣхъ гражданъ, тогда какъ первая была патриціанскаго характера. Она была удобна также и по своей формѣ. При ней не нужно было

---

(1) Liv. V. 11: Minime convenire quibus iratos quisque deos precatus sit, in. iis sua potestate quum liceat et oporteat, non uti. Numquam deos ipsos admovere nocentibus manus; satis esse, si occasione ulciscendi laesos arment.

(2) Gai Instit. IV. 21. Gell. XX. 1. Serv. Aen. X. 419.

(3) Gai Instit. IV. 21. Macr. Saturn. III. 3.

(4) Apuleius. De deo Socrat. 5. Gell. I. 21. Polyb. III. 25.

(5) Dionys. I. 40. Macr. Sat. III. 2. Virg. Aen. XII. 201. Isid. Orig. XV. 4, 13.

ходить въ Капитолій, потому что сѣдалищемъ богини Fides была правая рука каждаго человѣка. Не полагалось при ней и особой словесной формулы; вмѣсто нея служило простое пожатіе руки (1). Гражданскія послѣдствія этой клятвы были равносильны послѣдствіямъ древней клятвы; обязательство, утвержденное ею, покровительствовалось закономъ, который отдавалъ неисполнившаго обязательства во власть потерпѣвшей стороны (2). Но такъ какъ клятва Вѣрностію была безъ словесной формулы и не заключала въ себѣ заклятій, то она сама по себѣ и не предавала нарушителя клятвеннаго обѣщанія на произволъ другой стороны, потому что по jus strictum только того можно требовать при исполненіи обязательства, что буквально выражено въ его формулѣ (quod dictum est, pro cauto habendum est). Чтобы получить удовлетвореніе по обязательству, скрѣпленному клятвой Вѣрностію, нужно было обратиться къ помощи государственной власти. Так. обр. здѣсь является предъ нами уже гарантія государственная. Нарушеніе договора, скрѣпленнаго этой клятвой, есть уже нарушеніе права (juris violatio), а не устава религіи (3). И послѣдствіемъ нарушенія этого обязательства стало не полное безправіе предъ потерпѣвшей стороной, а ограниченное условіями, предписанными закономъ государственнымъ (4).

Удобство и обширное употребленіе новой формы клятвы побудило приноровить къ ней и древнюю клятву у Геркулесова жертвенника. Вмѣсто прежней обстоятельной формулы съ заклятіями стали употреблять въ ней краткую: Mehercules, Mecastor (5). А

(1) Dionys. II. 75. Plut. Numa 16. Liv. I. 21. XXIII. 9. Cic. de leg. II. 11. Plin. H. N. XI. 103.

(2) Dionys. II. 75.

(3) Cic. de. leg. II. 9.

(4) Gai Instit. IV. 21. Rein. Privatrecht. p. 935—938. Danz. Der sacrale Schutz im romischen Rechtsverkehr. Jena. 1857. p. 227—233.

(5) Paub. Diac. p. 125.

вмѣстѣ съ измѣненіемъ формулы древняя клятва должна была испытать перемѣну и въ самомъ значеніи своемъ въ гражданскихъ сдѣлкахъ, и стать въ этомъ отношеніи на одну линію съ новой плебейской клятвой. Но упрощеніе формулъ въ гражданскихъ сдѣлкахъ на этомъ не остановилось; при дальнѣйшемъ движеніи въ этомъ направленіи перестали употреблять клятву самымъ дѣломъ, а только подразумѣвали ее при заключеніи сдѣлки. Когда при заключеніи сдѣлки употребляли формулу: spondesne? spondeo, то при этомъ подразумѣвали клятву при жертвенникѣ Геркулеса, а формула: promittis? promitto предполагала клятву Вѣрностію. Такъ какъ указанный порядокъ заключенія сдѣлокъ не требовалъ явки къ жертвеннику и произнесенія клятвы хотя бы въ самой краткой формѣ, то съ теченіемъ времени совсѣмъ забыли, что въ упомянутыхъ формулахъ spondeo,—promitto скрывается клятва. Да и самая клятва во время Цицерона потеряла свое обаяніе въ римскомъ обществѣ, которое перестало бояться гнѣва боговъ (1). Поэтому около этого времени частная клятва утратила свое юридическое значеніе для гражданскихъ сдѣлокъ; сила и юридическое значеніе послѣднихъ отселѣ стали зависѣть единственно отъ verborum obligatio. Конечно никому не воспрещалось присоединять къ своему словесному обязательству и клятвенное подтвержденіе, но клятвенное обѣщаніе теперь было только дѣломъ совѣсти и имѣло въ виду подѣйствовать на совѣсть (2).

Въ древнее время, когда Римлянинъ самъ, только подъ покровительствомъ боговъ, долженъ былъ защищать свое право и своими личными средствами добывать себѣ удовлетвореніе за нарушенное право и вознагражденіе за понесенный ущербъ, судебный про-

(1) Cic. de offic. III. 29. De divin. II 50.

(2) Cic. de offic. I. 7. III. 29. 31. De leg. II. 9. Danz. Sacrale Schutz. p. 236 — 244.

цессъ подѣламъ тяжебнымъ не могъ обойтись безъ содѣйствія религіи. И сообразно со всѣмъ юридическимъ строемъ того времени, онъ былъ не сложенъ. Вмѣсто всякаго судебнаго разбирательства рѣшала дѣло клятва. Если по требованію истца отвѣтчикъ отказывался подтверждать свое право на извѣстную вещь клятвой, то онъ долженъ былъ поступиться своимъ правомъ въ пользу истца. Если же онъ подтверждалъ свое право клятвой, то оставался при своемъ правѣ; возмездіе за ложную клятву предоставлялось суду божію (1). Когда римское государство взяло подъ свою защиту права частныхъ лицъ и приняло участіе въ обезпеченіи ихъ посредствомъ судебнаго процесса, оно тоже признало значеніе клятвы, какъ судебнаго доказательства, что видно въ древней формѣ искового процесса legis actio sacramento. Въ этой формѣ процессъ велся приблизительно слѣд. образомъ. Тяжущіеся являлись къ чиновнику вмѣстѣ съ вещію, о которой у нихъ шелъ споръ. Истецъ, послѣ предварительнаго объясненія дѣла, взявшись рукой за вещь, говорилъ, что она принадлежитъ ему. Если отвѣтчикъ не возражалъ, то вещь и оставалась во власти истца и тѣмъ дѣло кончалось. Но когда отвѣтчикъ тоже брался за вещь и заявлялъ, что онъ не уступитъ ее истцу, тогда возникалъ вопросъ о правѣ. Истецъ спрашивалъ, на какомъ основаніи отвѣтчикъ присвояетъ себѣ эту вещь, а отвѣтчикъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ на это законное право. Тогда прибѣгали къ высшему авторитету религіи. Истецъ требовалъ, чтобы отвѣтчикъ подтвердилъ свое право клятвой, обѣщаясь и самъ съ своей стороны тоже дать клятву въ законномъ притязаніи на вещь, о которой идетъ споръ (2). Если одна какая нибудь изъ тяжущихся сторонъ отказывалась дать клятву, дѣло

(1) Dionys. II. 75. Fest. p. 344.

(2) Gai Instit. IV. Dionys. II. 75. Fest. p. 344: Sacramento dicitur quod jurisjurandi sacratione interposita actum est. Unde sacramento di-

кончалось въ пользу другой стороны. Если же обѣ стороны давали клятву въ законномъ притязаніи на вещь, тогда вступался въ дѣло чиновникъ; какъ блюститель благосостоянія государства, онъ обязанъ былъ разслѣдовать, кто далъ ложную клятву, и принять мѣры къ заглажденію клятвопреступленія. Признанный виновнымъ въ произнесеніи ложной клятвы долженъ былъ, кромѣ потери процесса, принести очистительную жертву (1). Только намѣренно и сознательно утверждавшій клятвой ложь наказывался какъ клятвопреступникъ (2). Съ теченіемъ времени и здѣсь подобно тому, какъ это было при заключеніи гражданскихъ сдѣлокъ, перестали произносить самую клятву, а только упоминали объ ней, обращаясь къ тяжущейся сторонѣ съ слѣд. словами: sacramento te provoco (3), а вмѣсто очистительной жертвы за произнесеніе ложной клятвы стали взносить извѣстную сумму (высшій размѣръ 500, низшій 50 ассовъ), которая употреблялась на покрытіе расходовъ по содержанію государственныхъ боговъ (4). Впослѣдствіи совсѣмъ забыли о первоначальномъ значеніи sacramentum въ судебномъ процессѣ, и стали разумѣть его въ смыслѣ денежнаго штрафа, не могли даже правильно объяснить, почему такъ названъ этотъ штрафъ (5). Параллельно освобожденію legis actio sacramento отъ вліянія клятвы выходила изъ употреб-

---

citur interrogari, quia jusjurandum interponitur. Paul. Diac. p. 345: Sacramentum dicitur, quod jarisjurandi sacratione interposita geritur.

(1) Cic. de off. III. 29. Varro l. l. VI. 30. Cic. de leg. II. 15.

(2) Cic. de leg. I. 14. II. 9. 15. Danz. Sacrale Schutz. p. 151—170.

(3) Gai Instit IV. 15. Danz. 240.

(4) Gai Instit. IV. 15. Fest. p. 347.

(5) Fest. p. 346 — 7: Sacramentum aes significat, quod poenae nomine penditur, sivi eo quis interrogatur, sive contenditur. Id in aliis rebus quinquaginta assium est, in aliis rebus quingentarum inter eos, qui judicio inter se contenderent. Sacramenti autem nomine id aes dici coeptum est, quod et propter aerarii inopiam, et sacrorum publicorum multitudinem, consumebatur id in rebus divinis.

ленія и самая эта форма судебнаго процесса; во время имперіи она употреблялась только въ рѣдкихъ случаяхъ (1). Впрочемъ вліяніе клятвы на гражданскій судебный процессъ удержалось и послѣ исчезновенія legis actio sacramento; въ преторскомъ эдиктѣ клятва признана въ качествѣ процессуальной мировой сдѣлки въ гражданскихъ тяжбахъ и распространена на всѣ гражданскіе процессы (2). Могъ обратиться къ этому средству и самъ судья во время уже самаго разбирательства дѣла, когда онъ не вынесъ опредѣленнаго убѣжденія изъ представленныхъ сторонами доказательствъ (3), или при оцѣнкѣ суммы вознагражденія въ пользу потерпѣвшей стороны (4). Наконецъ слѣды исчезнувшаго sacramentum остались въ jusjurandum calumniae, клятвѣ, произносимой истцомъ и обвинителемъ по требованію отвѣтчика и обвиняемаго, въ томъ, что онъ начинаетъ искъ и вчиняетъ обвиненіе не съ преступною цѣлію оклеветать (5).

И. Вердниковъ.

---

(1) Huschke. Die Multa und das Sacramentum p. 495—502.

(2) Jul. Paul. Sent. V. 15. § 6. Fr. l. 2. 3. 7 et caet. D. de jurejur. (12, 2). Huschke 497.

(3) Fr. l. 31. D. de jurejur. (12, 2).

(4) Dig. 12, 3. Cod. 5, 53.

(5) Jul. Paul. Sent. II. 1. Gai Instit. IV. 172. 176. 179. Rein, Privatrecht. 930. Rein. Criminalrecht. 808. Huschke. Multa. 497.

ВОЗМУЩЕНІЕ СОЛОВЕЦКИХЪ МОНАХОВЪ-СТАРООБРЯДЦЕВЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

—

IV. Познакомимся теперь поближе съ тѣми личностями, которыя могли главнымъ образомъ раздуть въ соловецкомъ братствѣ давнее нерасположеніе къ Никону и породить въ монахахъ недовѣріе къ его церковной реформѣ. Эти личности суть: архимандритъ Илья и князь Львовъ, постоянно пребывавшіе среди братіи, протопопъ Нероновъ, архимандритъ Никаноръ и другіе, случайно бывшіе въ монастырѣ, прежде чѣмъ былъ полученъ новый служебникъ.

а) Соловецкій настоятель архимандритъ Илья въ 1657 году, когда былъ присланъ въ монастырь новый служебникъ, первый обнаружилъ предубѣжденіе противъ исправленія церковныхъ книгъ и непослушаніе къ духовнымъ властямъ, безъ согласія братіи скрывъ служебникъ въ кладовую, вмѣсто того, чтобы ввести его въ употребленіе. Слѣдовательно, ему принадлежитъ главная роль въ первоначальныхъ соловецкихъ смутахъ, и онъ съ этой стороны заслуживаетъ особеннаго вниманія. А изъ того обстоятельства, что онъ еще въ 1655 году любезно принималъ у себя бѣглеца протопопа Неронова и „добре“ бесѣдовалъ съ нимъ, мы можемъ заключать, что Илья былъ на сторонѣ враговъ Никона и его церковной реформы задолго до полученія въ монастырѣ новаго служебника. Какимъ

же образомъ онъ самъ убѣдился, что исправленіемъ церковныхъ книгъ и обрядовъ въ церкви вводится „латинская ересь“. какъ онъ отозвался предъ братіею 8 іюня 1658 г.? Этотъ вопросъ разрѣшится самъ собою, когда мы познакомимся съ характеромъ и жизнію Ильи.

До настоятельства архимандритъ Илья былъ соловецкимъ іеромонахомъ. Когда, гдѣ и отъ кого онъ родился, какъ воспитывался, что побудило его поступить въ соловецкое братство, долго ли жилъ онъ и какія проходилъ въ монастырѣ службы до выбора въ настоятели,—обо всемъ этомъ соловецкая исторія молчитъ. Настоятелемъ сдѣлался въ 1645 году, будучи, вѣроятно, по обычаю выбранъ самимъ братствомъ и утвержденъ царемъ; до 1651 года былъ въ санѣ игумена, а потомъ, до смерти, въ санѣ архимандрита (1).

О личныхъ качествахъ архимандрита Ильи дошли до насъ два замѣчательныхъ свидѣтельства: одно—митрополита Никона, а другое—старообрядческаго писателя Семена Денисова. Никонъ въ „настольной“ граматѣ отъ 2 марта 1651 года, данной Ильѣ при посвященіи въ санъ архимандрита, обращаясь къ соловецкой братіи, между прочимъ говоритъ: *„и вы бъ тоя честныя и великія обители и богоспасаемыя ограды сынове и сослужебники нашего смиренія священноиноки и діаконы и прочая братія чтили бы его архимандрита Илью и слушали и повиновалися ему добре,... понеже обрѣтохомъ его свидѣтельствована во всемъ благоговѣніи и чистотѣ, боголюбива же и человѣколюбива, и боящася Бога, и зѣло сокрушенна сердцемъ, и православіемъ сіяюща и разумомъ божественныхъ писаній довольно исполнена и приводяща себе во всяко благоисполнительно дѣло“* (2). Семенъ Денисовъ въ „Исторіи о отцѣхъ и страдаль-

(1) Истор. Опис. Соловецк. мон. ч. I. стр. 136, 144.

(2) Тамъ же, стр. 208, 209.

цахъ соловецкихъ" пишетъ: „Илья, святый игуменъ и первый архимандритъ, мужъ великаго воздержанія, иже толикое воздержаніе стяжа, яко единъ хлѣбъ съ водою ядяше, да не познанъ будетъ, не ядый варенія, воду теплую за трапезою ядяше" (1). Не отнимая у архимандрита Ильи совсѣмъ монашескихъ добродѣтелей, мы однако должны сказать, что и Никонъ и, особенно, Денисовъ очевидно хвалятъ его въ этомъ случаѣ чрезъ мѣру, имѣя къ тому свои особыя побужденія. Для Никона побужденіемъ къ излишней похвалѣ служило съ одной стороны то, чтобы оправдать посвященіе Ильи въ высшій священный санъ, съ другой—чтобы заставить братію чтить своего настоятеля въ новомъ санѣ по достоинству. Денисову же хотѣлось повѣдать своимъ читателямъ-старообрядцамъ, что вотъ-де-скать какіе святые столпы православія стояли въ Соловецкой обители за древнее благочестіе! Такимъ образомъ и у Никона и у Денисова Илья вышелъ окруженный ореоломъ монашескихъ и всякихъ добродѣтелей. Между тѣмъ въ 1653 году новгородскій митрополитъ Макарій по поводу присылки къ нему архимандритомъ Ильею собственной рыбы называетъ его „безчинникомъ, смущающимъ братію, и своимъ поведеніемъ наводящимъ безчестіе на святую обитель" (2). Самъ Никонъ впослѣдствіи, повидимому, слишкомъ разочаровался въ этомъ „православіемъ сіяющемъ и разумомъ божественныхъ писаній довольно исполненномъ" человѣкѣ, когда въ 1653 году призналъ его достойнымъ удаленія отъ настоятельской должности, а въ 1655 году подвергъ запрещенію въ священнослуженіи. Въ настоящемъ случаѣ для насъ было бы въ высшей степени интересно знать, какимъ образомъ архимандритъ Илья въ 1653 году

---

(1) Истор. о отцѣхъ л. 5 об. и 6.

(2) Прав. Соб. 1879 г. Ноябрь. Ст. Солов. мон. предъ возмущеніемъ.

навлекъ было на себя опалу со стороны Никона и какъ выпутался изъ нея? Но по неимѣнію прямыхъ историческихъ указаній намъ остается удовольствоваться только нѣкоторыми предположеніями. Послѣ того, какъ митрополитъ Никонъ, побывавъ въ 1651 г. въ Соловецкомъ монастырѣ, увезъ съ собой въ Москву св. мощи Филиппа и сдѣлался патріархомъ, отношенія его къ соловецкой братіи стали замѣтно сухи. Во все время патріаршества онъ ни разу не послалъ въ монастырь своей привѣтливой граматы, тогда какъ къ своимъ прежнимъ сподвижникамъ анзерцамъ посылалъ милостивыя граматы и гостинцы (1). Можетъ быть эта перемѣна у него произошла отъ того, что въ бытность свою въ монастырѣ онъ лично убѣдился въ тѣхъ безпорядкахъ, на которыя указывалъ въ граматѣ изъ Новгорода, и въ той привязанности монаховъ къ старымъ дѣдовскимъ порядкамъ и обычаямъ, безъ отмѣны коихъ невозможно было никакое улучшеніе церковной жизни. Въ свою очередь и монахи не питали къ нему расположенія, а можетъ быть и позволяли себѣ келейно отзываться о патріархѣ и его поступкахъ неодобрительно. Между тѣмъ Никонъ вызвалъ изъ монастыря въ Москву опальнаго ученаго грека Арсенія и сдѣлалъ его своимъ наперсникомъ и помощникомъ въ дѣлахъ, касающихся православнаго богослуженія. Арсеній, какъ извѣстно, не отличался ни строгостью убѣжденій и жизни, ни постоянствомъ въ обращеніи съ людьми. Для него представлялось возможнымъ, по нуждѣ, и вѣру мѣнять и льстить, угождая тѣмъ людямъ, отъ которыхъ можно было извлечь какую нибудь для себя пользу. Въ Соловецкій монастырь Арсеній попался въ 1649 году, будучи посланъ патріархомъ Іосифомъ для испытанія въ вѣрѣ и благочестіи. Чтобы поддѣлаться подъ вкусъ соловецкихъ монаховъ и заслужить со стороны ихъ

(1) Истор. опис. Сол. мон. 1836 г ч. II. стр. 353.

снисхожденіе въ своемъ испытаніи, онъ постоянно хвалилъ ихъ церковно-обрядовую строгость и монастырскіе обычаи, и, напротивъ, порицалъ съ этой стороны восточную церковь. „Воистинну, у насъ и половины вѣры нѣтъ“, говорилъ онъ; „все потеряно: нѣтъ ни постовъ, ни поклоновъ, ни молитвы келейной, а и соборы малые“. Самъ патріархъ Паисій константинопольскій, по словамъ Арсенія, ѣлъ куриць и только въ Россіи (въ бытность въ 1649 г.) сталъ ѣсть постное, изъ лицемѣрія, чтобы милостыни побольше выманить. Подтвержденіе этихъ неблагопріятныхъ отзывовъ о восточномъ православіи монахи видѣли въ образѣ жизни самого Арсенія. Онъ самъ монастырскому духовному священнику Мартирію открывался на духу, что „трижды ученія ради философскаго отъ Христа и православныя вѣры отрекался“ (1). Между тѣмъ прибылъ въ монастырь безъ креста на шеѣ, безъ монашескаго парамана, въ мірской рубашкѣ; въ монастырѣ лѣнился класть земные поклоны, не могъ терпѣть постной пищи, все охалъ да жаловался на строгость русскихъ уставовъ. Въ видахъ исправленія его въ вѣрѣ и благочестіи монахи простодушно заставляли его креститься двуперстнымъ сложеніемъ, произносить имя Спасителя *Ісусъ* вм. *Іисусъ* и хвалили предъ нимъ книги Іосифовскаго выхода, вѣроятно уже наслышавшись о намѣреніи Никона приступить къ исправленію ихъ (2). Арсеній во всемъ съ ними соглашался. Но весьма легко могло случиться, что онъ, вызванный въ Москву и сдѣлавшійся правой рукой Никона при исправленіи церковныхъ книгъ, передалъ Никону всю исторію своей жизни въ Соловецкомъ монастырѣ и сообщилъ о привязанности братіи и самого настоятеля къ старымъ по-

---

(1) Сказка солов. монаховъ 23 февраля 1668 г. — Мартирій живъ еще былъ въ 1668 году.

(2) Прав. Соб. 1869 г. Март. стр. 254.

рядкамъ и Іосифовскимъ книгамъ. Что же касается до архимандрита Ильи, то въ немъ Арсеній могъ указывать также нѣкоторые недостатки. Монастыремъ онъ правилъ слабо: въ его настоятельство не только не были искоренены господствующіе въ братствѣ пороки—пьянство и домашнія смуты, но еще получили большее развитіе, такъ что не разъ вызывали со стороны государя и митрополита новыя и новыя обличенія. Въ 1647 году напримѣръ царь писалъ Ильѣ съ братіею, чтобы „въ Соловецкомъ монастырѣ старцамъ по кельямъ пьянственнаго никакого питья держать не велѣли; а которые священники, и крылошане и братія впредь учнутъ у себя по кельямъ пьянственное питье держать, и вы бы у тѣхъ то пьяное питье велѣли выимать, и за безчинство и за пьянство ихъ смиряли монастырскимъ всякимъ смиреніемъ, смотря по винѣ — кто чево доведетца, чтобъ впредь того въ Соловецкомъ монастырѣ межъ братіей безчинства и мятежей не было“ (1). Однако въ 1651 году митрополиту Никону пришлось снова напоминать Ильѣ съ братіей, чтобы „въ монастырѣ дрожжениковъ и хмѣльнаго питья отнюдь не было“ (2). При всемъ томъ архимандритъ Илья былъ человѣкъ съ деспотическими наклонностями по отношенію къ меньшей, смиренной, забитой братіи. Онъ былъ окруженъ любимцами-совѣтниками и съ ними дѣлалъ всякія дѣла, не обращая вниманія на остальную безсильную братію. Въ 1658 году, напримѣръ, когда вздумалъ оградить себя въ опасномъ дѣлѣ непринятія служебника братскимъ приговоромъ, онъ властно потребовалъ отъ всей братіи подписи къ предварительно составленному имъ самимъ келейно приговору, угрожая непослушныхъ „не выпустить живыми изъ трапезы“. Въ умственномъ и религіозно-нравственномъ развитіи Илья не прости-

(1) Истор. опис. Сол. мон. ч. I. стр. 282.

(2) Тамъ же, ч. III. стр. 228.

рался дальше нѣкоторой духовной начитанности, приправляемой суевѣріями и не могшей возвышаться до пониманія истиннаго значенія Никоновой реформы. 8 іюня 1658 года, по поводу полученія служебника, Илья въ трапезѣ предъ всѣмъ братствомъ и прилучившимися богомольцами говорилъ и *плакалъ:* „видите, братія, послѣднее время, возстали новые учителіе, которые отъ вѣры православныя и отъ отеческаго преданія насъ отвращаютъ, велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ, по новымъ служебникамъ, невѣдомо откуда взято; помолитеся, братіе, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, якоже и отцы наши, и чтобъ латинской службы не принимать“ (1). Вдобавокъ въ послѣднее время своего игуменства архимандритъ Илья „сталъ пить“ (2). Такой настоятель, въ столь знаменитомъ и, притомъ, уважаемомъ отъ Никона монастырѣ не могъ, конечно, долго нравиться Никону, хотя послѣдній, сначала будучи митрополитомъ, и благосклонно относился къ нему. Никонъ теперь видѣлъ, что на Илью совсѣмъ нельзя полагаться ни въ возвышеніи нравственнаго уровня многочисленной братіи, ни въ дѣлѣ предполагаемой церковной реформы. И вотъ онъ вознамѣрился было удалить его отъ настоятельства. Но чье-то заступничество, можетъ быть самого царя, спасло Илью. Въ 1654 году мы видимъ его снова настоятелемъ. Въ свою очередь и архимандритъ Илья не могъ питать никакого расположенія къ Никону, хотя и былъ на первыхъ порахъ облагодѣтельствованъ имъ повышеніемъ въ духовномъ санѣ. Онъ никогда не могъ забыть, что до Никона управляемый имъ монастырь былъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ самого царя и лишился этого покровительства только потому, что Никону захотѣлось навязать ему свое, которое походило на надзоръ строгаго учителя за

(1) Матеріалы для ист. Раскола, т. III. стр. 9.

(2) Тамъ же, стр. 11.

малолѣтними дѣтьми. Далѣе, если архимандритъ Илья былъ человѣкомъ преданнымъ обычаямъ и, въ особенности, интересамъ своего монастыря, въ чемъ нельзя сомнѣваться, то онъ не могъ не смущаться, какъ и прочая братія, отмѣненіемъ напр. ржаныхъ просфоръ, рыбнаго стола въ постъ, отпискою къ Крестному монастырю соловецкихъ вотчинъ и т. п. Но если принять во вниманіе намѣреніе Никона устранить Илью отъ настоятельства и запрещеніе ему въ 1655 году священнослуженія, то можно будетъ съ увѣренностію сказать, что Илья въ послѣднее время глубоко ненавидѣлъ Никона. Не говоримъ уже о возможной со стороны Ильи зависти къ Никону, столь чудесно изъ анзерскаго пустынника превратившемуся въ патріарха. Эта ненависть къ патріарху, мы думаемъ, особенно мѣшала архимандриту Ильѣ стать на истинную точку зрѣнія по отношенію къ церковно-богослужебной реформѣ. Когда онъ не питалъ еще къ Никону болѣе или менѣе сильнаго нерасположенія, онъ былъ послушенъ ему, въ 1651 году принялъ безъ возраженій единогласное пѣніе (1), и даже предупредительно спрашивалъ Никона о другихъ перемѣнахъ въ чинѣ церковнаго богослуженія. Но вотъ, съ восшествіемъ Никона на патріаршій престолъ ненависть къ нему со стороны Ильи и монаховъ усиливается. Вмѣстѣ съ тѣмъ является и недовѣріе къ церковнымъ перемѣнамъ, вводимымъ новымъ патріархомъ. Словомъ, не примѣшайся къ религіозно-обрядовымъ воззрѣніямъ архимандрита Ильи ненависть къ патріарху и, притомъ, не явись примѣровъ противленія Никону въ реформѣ, онъ, не смотря на свою суевѣрную и глубокую преданность буквѣ церковныхъ книгъ, по слабости своего характера и нерѣшительности, никогда быть можетъ и не подумалъ бы выступить съ протестомъ противъ

(1) Послѣ монахи стали пѣть опять попрежнему. Матеріалы для истор. Раск. т. Ш, стр. 13.

нововведеній сильнаго и энергичнаго патріарха. Москва въ особенности направила его на этотъ путь.

Въ 1654 году архимандритъ Илья въ Москвѣ присутствовалъ въ числѣ членовъ на церковномъ соборѣ, опредѣлившемъ, по предложенію Никона, приступить къ исправленію русскихъ церковныхъ книгъ по древнимъ греческимъ; онъ даже собственноручно подписалъ приговоръ собора (1). Но это еще не доказываетъ, что Илья не имѣлъ въ душѣ ничего противъ рѣшенія собора. Въ противномъ случаѣ для насъ былъ бы непонятенъ его быстрый переходъ на сторону враговъ Никона, выразившійся въ принятіи въ 1655 году бѣглеца Неронова. Рукоприкладство Ильи подъ приговоромъ собора 1654 года можно объяснить тѣмъ, что онъ былъ не изъ смѣлыхъ и твердыхъ характеровъ, колебался и боялся подвергнуться участи, постигшей епископа Павла и другихъ противниковъ соборнаго рѣшенія. Другое дѣло порицать реформу за глазами Никона, на пустынныхъ соловецкихъ островахъ въ средѣ невѣжественной братіи. Здѣсь онъ былъ самъ себѣ патріархъ и могъ дѣлать, что хотѣлъ, не страшась никого. Избранный кружекъ братіи былъ всегда на его сторонѣ. Онъ могъ вполнѣ разсчитывать на этихъ своихъ любимцевъ и совѣтниковъ, что они не выдадутъ его, что „если каковъ гнѣвъ будетъ на него отъ патріарха, или отъ митрополита, они за него—отца своего готовы стоять вседушно голова въ голову“. Остальная часть братіи была безмолвна и безсильна противъ его самоуправства, потому что онъ „былъ обнадеженъ царскою и патріаршею милостію смирять ихъ“, и смирялъ, придираясь иногда „не по дѣлу, а за свои прихоти; мучилъ въ тюрьмахъ скованныхъ недѣли по двѣ, по три и больше, морилъ голодомъ и билъ плетьми“. Жалобы въ Москву на него были немыслимы; „мѣста дальныя,

---

(1) Скрижаль 7164 (1656) г. Дѣянія собора 1654 г. л. 1—4.

а путь скорбный", писали въ 1658 году къ патріарху Никону недовольные архимандритомъ Ильею монахи, „побить челомъ тебѣ великому государю невозможно, да и не кѣмъ" (1). Но если паче чаянія и доходили до Москвы жалобы на архимандрита Илью, то имъ пока не вѣрили и челобитчиковъ примѣрно наказывали. Такъ, когда старецъ Герасимъ съ нѣкоторыми другими „плутами, бѣгаючи изъ монастыря, подали святѣйшему Никону патріарху доводное челобитье на архимандрита Илью, ихъ за это затѣйное челобитье на патріаршемъ дворѣ смиряли—били плетьми нещадно и за тѣмъ сослали подъ началъ въ Никольской корельской монастырь" (2).—Не удивительно послѣ этого, что въ Москвѣ никто изъ представителей гражданской и духовной власти почти до 1666 г. не зналъ о томъ старообрядческомъ оппозиціонномъ настроеніи соловецкой братіи, въ каковомъ она находилась можетъ быть съ 1654 года.

Пребываніе въ Москвѣ и присутствованіе на соборѣ 1654 года для архимандрита Ильи не могло пройти безслѣдно.—Какъ членъ собора онъ могъ достаточно познакомиться съ начинающейся церковной реформой, узналъ планы и намѣренія патріарха Никона, лично видѣлъ, какъ настойчиво и сильно дѣйствуетъ патріархъ, какъ раболѣпно нѣкоторые изъ членовъ собора подчиняются волѣ его, хотя, быть можетъ, въ душѣ и не сочувствуютъ его планамъ, какъ, напротивъ, немногіе ревнители старины, хотя и не безъ робости, возвышаютъ свой голосъ противъ Никоновыхъ „затѣй" и за это немедленно подвергаются наказанію, лишаются священнаго сана и ссылаются въ дальніе концы Россіи. Съ другой стороны архимандритъ Илья, какъ настоятель знаменитаго монастыря, имѣющій доступъ и къ царскому двору и ко

(1) Матеріалы для исторіи Раск. т. III. стр. 11.

(2) Тамъ же, стр. 87.

всѣмъ знатнымъ особамъ свѣтскаго и духовнаго міра, могъ наслышаться всевозможныхъ отзывовъ относительно Никоновой реформы, могъ лично видѣть цѣлый сонмъ тайныхъ и явныхъ враговъ Никона и первыхъ проповѣдниковъ стараго благочестія: Павла Коломенскаго, Аввакума, Ивана Неронова, Стефана Вонифатьева и другихъ; можетъ быть со многими успѣлъ лично познакомиться и побесѣдовать „о многомятежномъ“ и страшномъ патріархѣ и его дѣлахъ. Подъ вліяніемъ личныхъ неудовольствій къ Никону, простому и суевѣрному архимандриту Ильѣ было легче всего склониться на сторону противниковъ Никона, пріятнѣе послушать неодобрительныхъ отзывовъ о его дѣлахъ. И онъ сталъ въ ряды враговъ Никона, можетъ быть на первыхъ порахъ не сознавая хорошенько и того, поступаетъ ли Никонъ законно или незаконно. Между тѣмъ въ Москвѣ отъ Аввакума, Ивана Неронова и многихъ другихъ открыто уже раздавались голоса, что Никонъ поддается наущенію зараженныхъ латинскою ересью кіевлянъ, каковъ Епифаній Славеницкій, пользуется услугами льстивыхъ и богоотступныхъ грековъ, каковъ ученый Арсеній, три раза мѣнявшій свою вѣру; что онъ хочетъ при помощи этихъ людей портить книги и вводить на Руси православной латинство и даже ввелъ уже *непоклонническую* ересь (1) и т. д. Для архимандрита Ильи на первый разъ было этого весьма достаточно, чтобы утвердиться въ мнѣніи, что Никонъ затѣваетъ дѣло не доброе, еретическое. Съ этими убѣжденіями и большимъ запасомъ московскихъ новостей архимандритъ Илья выбрался изъ Москвы, не подавъ никакого повода къ подозрѣнію, и возвратился въ монастырь. Въ монастырѣ, вдали отъ московскаго шума и отъ грознаго Никона, окончательно укрѣпившись въ духѣ реакціи, архимандритъ Илья охот-

(1) Исторія Россіи въ жизнеоп. Костомарова, выпускъ 4, стр. 171.

но, конечно, дѣлился московскими новостями съ приближенной къ нему братіей, придавая бесѣдѣ тонъ неодобренія и подозрѣнія къ Никону. Тонъ порицаній его усиливался по мѣрѣ новыхъ оскорбленій со стороны Никона. Архимандритъ Илья напр. не былъ приглашенъ Никономъ на засѣданія новыхъ московскихъ соборовъ, бывшихъ въ 1655 и 1656 гг. и это для него было большою обидою, потому что онъ могъ по праву разсчитывать на приглашеніе, какъ настоятель одного изъ знаменитыхъ монастырей. Неприглашеніе поэтому было для него новымъ поводомъ къ неодобрительнымъ отзывамъ предъ братіей о дѣлахъ Никона. Приближенными и, слѣдовательно, первыми слушателями бесѣдъ архимандрита Ильи о московскихъ церковныхъ новостяхъ были прежде всего, конечно, такъ называемые соборные старцы. Изъ нихъ извѣстны намъ, какъ члены монастырскаго собора слѣдующіе: келарь Никита, казначей Лаврентій, просто соборные: Савва, Исаія-любимецъ, Сергій, Прокопій, Евдокимъ, Діонисій, Іосифъ и Исаія 2-ой. О личныхъ качествахъ этихъ старцевъ, по неимѣнію достаточныхъ свѣдѣній, почти ничего нельзя сказать. Только изъ подписи къ одному братскому приговору 1654 года видно, что Прокопій, Евдокимъ и Діонисій были безграмотны и предоставляли подписываться за себя къ бумагамъ своимъ духовнымъ отцамъ (1). Но безграмотность имъ нисколько не мѣшала принимать къ сердцу разсказы своего настоятеля. Въ простотѣ сердца они вѣрили ему и въ свою очередь передавали новости прочей братіи. Такимъ образомъ пропаганда старообрядчества отъ архимандрита Ильи чрезъ старшую братію шла въ среду остальнаго братства, послушниковъ, богомольцевъ и работниковъ.

---

(1) Подлинный братскій приговоръ о посылкѣ въ казну заимообразно 13 т. р. въ Соловецкой ризницѣ. О немъ упоминается въ Историч. опис. Солов. мон. ч. I. стр. 141.

Начавшаяся въ монастырѣ отъ архимандрита Ильи пропаганда, безъ сомнѣнія, нашла скоро сильную поддержку въ опальномъ князѣ Львовѣ и случайныхъ посѣтителяхъ монастыря — протопопѣ Нероновѣ, саввинскомъ архимаидритѣ Никанорѣ и др.

б) Стольникъ князь Михаилъ Ивановичъ Львовъ при патріархѣ Іосифѣ былъ начальникомъ печатнаго двора, гдѣ до Никона неутомимо трудились книжные справщики — протопопы Аввакумъ, Иванъ Нероновъ, священники Лазарь и Никита и діаконъ Ѳеодоръ, каждый годъ выпуская въ свѣтъ новыя богослужебныя книги, съ новыми прибавками въ духѣ старыхъ односторонніхъ обрядовыхъ убѣжденій. Насколько Львовъ принималъ участія въ исправленіи выходившихъ изъ подвѣдомственной ему патріаршей типографіи церковныхъ книгъ,—объ этомъ съ достовѣрностію нельзя ничего сказать. Очень немудрено, что онъ по временамъ просматривалъ назначенную къ печати книгу и поправлялъ по своему разумѣнію, такъ какъ не считалъ себя въ познаніяхъ подобнаго рода ниже настоящихъ справщиковъ; но легко могло быть и то, что онъ, какъ человѣкъ свѣтскій, на обязанности коего лежало главнымъ образомъ управленіе печатнымъ дворомъ, дѣло исправленія книгъ не считалъ своею обязанностію и печаталъ то, что подносили ему прямые справщики Нероновъ, Аввакумъ и другіе. Во всякомъ случаѣ Львовъ былъ въ сообществѣ, а можетъ быть и въ дружбѣ съ прежними справщиками, вознегодовавшими противъ Никона за отставку ихъ отъ печатнаго дѣла. Это давало Никону прямой поводъ къ тому, чтобы и Львова считать въ ряду своихъ враговъ, не сочувствующихъ церковной реформѣ. И вотъ, когда Никонъ началъ расправу съ своими противниками, отправляя ихъ изъ Москвы въ дальнія ссылки, той же участи подвергся и Львовъ. Мѣстомъ ссылки для него назначенъ былъ Соловецкій монастырь. Изъ этого можно заключить, что Никонъ еще не сомнѣвался въ сочувствіи къ его реформѣ со сто-

роны соловецкаго братства, или по крайней мѣрѣ не считалъ соловецкихъ монаховъ опасными съ этой стороны. Между тѣмъ ссылка сюда Львова была, такъ сказать, подливаніемъ масла въ начинающійся пожаръ. Львовъ присланъ на Соловки въ 1655 году „по соборному опредѣленію“ (1). Къ сожалѣнію, не сохранился указъ, при которомъ Львовъ присланъ въ монастырь и поэтому неизвѣстно, какъ предписано было содержать его въ опалѣ. Впрочемъ въ настоятельство архимандрита Ильи было вообще послабленіе ссыльнымъ; они содержались „не крѣпко, не противъ царскаго указу“ и могли въ монастырѣ производить всякія безчинства и мятежи (2). Львовъ, повидимому, пользовался отъ монастырскаго начальства особеннымъ снисхожденіемъ и даже расположеніемъ. И это естественно: съ одной стороны онъ былъ лице знатное, царскій стольникъ, котораго безъ особаго царскаго указа монастырское начальство не имѣло права „смирять“, если бы даже онъ началъ вести житье „зазорное“ (3); съ другой—страдалецъ „за старое благочестіе“, къ каковымъ соловецкая братія относилась уже съ большимъ благоговѣніемъ. Кромѣ того Львовъ и самъ былъ не изъ такихъ опальныхъ, которые смиренно подчиняются всѣмъ условіямъ опалы. Онъ жилъ въ особой кельѣ подъ присмотромъ приставленныхъ служекъ; но это не мѣшало ему принимать къ себѣ братію и проводить съ соловецкими друзьями цѣлыя ночи. Въ случаѣ какихъ-либо стѣсненій его свободы со стороны приставниковъ, онъ грозилъ имъ убійствомъ, говоря: „хотя-де я васъ и двѣнадцать человѣкъ зарѣжу и за то-де отъ великаго государя въ опалѣ и смиреніи я не буду“ (4). Съ та-

(1) Исторія Р. стр. 198. Исторія русской церкви преосв. Филарета вып. IV, стр. 145, 155.

(2) Грам. Никона въ Сол. м. Ист. оп. Сол. мон. ч. Ш. стр. 228.

(3) Матер. для истор. Раск. стр. 105.

(4) Тамъ же.

кимъ опаснымъ ссыльнымъ монастырскому начальству поневолѣ приходилось обходиться осторожно, снисходительно, если бы даже къ тому не было другихъ побужденій. Но у соловецкаго начальства были и другіе разсчеты не стѣснять Львова: кто знаетъ, этотъ знатный царскій вельможа, сегодня опальный, завтра можетъ быть объявится попрежнему свободнымъ отъ опалы, сильнымъ при дворѣ, царскимъ любимцемъ? Поступи съ нимъ теперь по всей строгости установленныхъ для ссыльныхъ правилъ, онъ, помилованный, припомнитъ все и можетъ горько отомстить монахамъ. Напротивъ—будь любезенъ и снисходителенъ,—въ этомъ случаѣ чрезъ него легко можно будетъ пріобрѣсти новое особое царское благоволеніе. Въ этихъ разсчетахъ соловецкое начальство относилось къ Львову снисходительно: ничѣмъ не стѣсняло его, удовлетворяло всѣ его прихоти,—продавало ему золото, сукно, платье, воскъ и т. п. (1). А монастырская братія въ свою очередь носила въ келью Львова „вино и заморскія питья“ (2). Своимъ снисхожденіемъ соловецкое начальство и теперь уже заслужило со стороны Львова благодарность, выражавшуюся въ довольно значительныхъ по тогдашнему времени пожертвованіяхъ въ пользу монастыря. Такъ однажды онъ сдѣлалъ вкладъ въ монастырскую казну въ 200 р., въ другой разъ уступилъ двухъ лошадей, стоющихъ 40 руб. (3). Впереди, конечно, благодарность его къ соловецкой братіи могла бы выразиться въ большихъ размѣрахъ, лишь бы только была снята съ него опала, и онъ возвратился бы въ Москву къ прежнимъ должностямъ.

---

(1) 22 октября 1655 года по соборному приговору продано Львову 10 золотыхъ за 11 р., 10 ефимковъ за 5 р., воску $2^1/_2$ пуда за 20 р. Въ 1666 г. 15 декабря продано сукна темнозеленаго гамбурскаго 4 арш., серебрянныя пуговицы и т. д. всего на 5 р. 22 алт. «Отводная книжка казначея Варсонофія» Сол. арх. № 14.

(2) Матеріалы для истор. Раск. л. 105.

(3) Вкладная солов. книга XVII вѣка въ Сол. арх. л. 11.

Пользуясь снисхожденіемъ монастырскаго начальства, князь Львовъ въ стѣнахъ монастыря проводилъ „житье зазорное и во всякомъ мятежѣ и безчиніи“ (1). Онъ сблизился съ соловецкими старцами, особенно съ тѣми, которые любятъ провести время за бутылкой вина и покричать на черномъ соборѣ. Съ ними онъ проводилъ дни и ночи въ кутежахъ и „затѣйливыхъ бесѣдахъ“; съ ними сходился на монастырѣ и совѣтовался безпрестанно; съ ними составлялъ разныя челобитья; съ ними, наконецъ, хотѣлъ бѣжать изъ Соловецкаго монастыря. А старцы эти были отъявленными врагами Никоновой церковной реформы. Таковъ Герасимъ Фирсовъ, одинъ изъ первыхъ совѣтниковъ архимандрита Ильи, который еще до 1657 г., т. е. до полученія въ монастырѣ новаго служебника, „тетрадки на крестъ изложилъ“. Таковы товарищи и единомышленники Герасима: „старый ябедникъ и составщикъ“ Ефремъ каргополецъ, Геннадій, Іона тулянинъ, попъ Пафнутій и многіе другіе. О нравственныхъ ихъ качествахъ можно судить по слѣдующимъ случаямъ изъ ихъ монастырской жизни въ сообществѣ съ княземъ Львовымъ: „Головщикъ Іона Брызгало“, писалъ въ 1666 году архимандритъ Варѳоломей царю, „въ 171 (1663) г. декабря въ 30-й день, зазвалъ въ гости въ заутреню къ себѣ въ келью совѣтника своего Герасима Фирсова да чернаго попа Никона, да дьякона Филарета и *пили* они *квасъ медвенной* и *табакъ* и по сыску въ этомъ не заперлись“. „Въ 172 (1664) г.“, по словамъ того же архимандрита Варѳоломея, „старецъ Ефремъ къ ссыльному человѣку ко князу Михаилу Васильеву, сыну Львову, будучи въ Соловецкомъ монастырѣ, по многія ночи въ вечерѣ и утрамъ приходилъ и приносилъ къ нему *сосудами* и *погребцами вино и водку, и пьючи съ ними*, умысля воровски, ево князь Михаило научилъ кри-

(1) Матеріалы для исторіи раскола л. 105.

чать декабря къ 27-му числу, въ ночи, изъ палаты въ окно на монастырь всякія затѣйныя небыличныя воровскія доводныя статьи" (1). Партія Львова постоянно увеличивалась и въ послѣднее время была столь сильна въ монастырѣ, что съ отъѣздомъ въ Москву въ 1666 г. архимандрита Варѳоломея остальные монахи „отъ нихъ жили", по словамъ келаря Савватія Абрютина, „что за приставомъ" (2).

Больше десяти лѣтъ проживалъ въ Соловецкомъ монастырѣ князь Львовъ, пользуясь свободою и дружбою монаховъ. Не легко, конечно, было для него переносить эту продолжительную опалу на пустынныхъ островахъ, среди чернецовъ, хотя бы и любезныхъ до него. Не даромъ-же онъ покушался бѣжать изъ монастыря и скрыться въ Каргополѣ у дѣтей друга своего соловецкаго старца Ефрема (3). Не отъ радости и предавался кутежамъ въ сообществѣ съ монахами. Между тѣмъ главнымъ виновникомъ его ссылки былъ Никонъ. Отсюда невольно являлась у него злость противъ Никона, а подъ вліяніемъ злобы на Никона онъ не могъ въ своихъ задушевныхъ бесѣдахъ съ братіей отзываться сколько нибудь одобрительно и о самомъ Никонѣ и о его церковныхъ дѣлахъ. Для него было естественно въ горькой опалѣ услаждать себя воспоминаніемъ о славномъ прошедшемъ Іосифовскомъ времени и проклинать жестокое Никоновское патріаршество. Мы впрочемъ не имѣемъ твердыхъ основаній подозрѣвать Львова въ пропагандѣ чисто религіознаго характера, потому что ни изъ прошлой, ни изъ настоящей, ни изъ послѣдующей его жизни не видно, чтобы онъ былъ когда-либо ревностнымъ проповѣдникомъ старообрядчества и не обви-

---

(1) Матер. для истор. Раск. стр. 10, 72; 73, 91, 95, 96, 100, 103 и 105.

(2) Тамъ же, стр. 73.

(3) Тамъ же, стр. 95.

нялся въ этомъ, даже не былъ съ прочими пропагандистами призванъ на судъ собора 1666—1667 года. Притомъ соловецкіе монахи едвали бы стали охотно слушать проповѣдь отъ человѣка свѣтскаго, нетрезваго, проведшаго всю свою жизнь въ удовольствіяхъ міра, не имѣя понятія о строго-подвижнической жизни. Они преклонялись больше предъ авторитетами духовными, каковы — архимандриты Илья, Никаноръ и протопопъ Нероновъ, которыхъ они видѣли стоящими выше себя и въ жизни духовной и въ мудрости книжной. Но тѣмъ не менѣе пребываніе въ монастырѣ Львова было большимъ подспорьемъ въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія въ монахахъ предубѣжденій противъ Никона и его реформы. Одно уже то, что такой знатный вельможа попался въ ссылку за приверженность къ старымъ „благочестивымъ“ порядкамъ, постоянно напоминало монахамъ о наступившемъ жестокомъ Никоновскомъ времени.—Но задушевныя бесѣды „невинно обиженнаго“ князя Львова, совпадая съ привезенными изъ Москвы архимандритомъ Ильей новостями, незамѣтно подталкивали братію впередъ на пути недовѣрія и несочувствія къ вводимымъ отъ Никона новымъ церковнымъ порядкамъ. Между тѣмъ прибылъ въ монастырь протопопъ Нероновъ—„новый страдалецъ“ за вѣру, преслѣдуемый тѣмъ же Никономъ.

в) Протопопъ Казанскаго собора въ Москвѣ Иванъ Нероновъ при патріархѣ Іосифѣ стоялъ во главѣ книжныхъ справщиковъ, удаленныхъ отъ книжнаго дѣла патріархомъ Никономъ (1). Поэтому онъ считалъ себя больше другихъ оскорбленнымъ Никономъ и раньше другихъ началъ кричать о немъ, какъ о врагѣ церкви—нововводителѣ. Въ 1654 году, когда соборъ русскихъ іерарховъ опредѣлилъ приступить къ исправленію церковныхъ книгъ, Иванъ Нероновъ съ епископомъ коло-

(1) Исторія Раск. Макарія стр. 153.

менскимъ Павломъ первые возстали противъ Никона и московскаго собора. Они столь дерзко и упорно защищали прежнія русскія книги со вкравшимися въ нихъ ошибками и нелѣпыми добавленіями и, напротивъ, такъ непочтительно и грубо отзывались о книгахъ греческихъ, по которымъ было предположено исправить славянскія книги, что патріархъ Никонъ вынужденъ былъ жаловаться на нихъ константинопольскому патріарху Паисію. Паисій, обсудивъ поступки Неронова и Павла коломенскаго на константинопольскомъ соборѣ, въ отвѣтъ Никону написалъ: „если таковые не исправятся и не примутъ всего, что содержитъ православная восточная церковь, — отсѣчь ихъ отъ церкви и извергнуть“. Но епископъ Павелъ и протопопъ Нероновъ съ приставшими къ нимъ другими отставными справщиками Аввакумомъ, Даніиломъ, Логиномъ и др. и не думали смиряться. Они съ новымъ неистовствомъ начали поносить „многомятежнаго“ патріарха предъ царемъ и предъ всей Москвой, обвиняя его въ томъ, что будто бы онъ измѣняетъ древній церковный чинъ, установленный самимъ Господомъ, преданный апостолами и подтвержденный вселенскими соборами и св. отцами—учителями церкви. Въ частности, они ставили Никону въ вину то, что онъ приказалъ въ св. четыредесятницу при молитвѣ „*Господи и Владыко живота моего*“ творить вмѣсто 16-ти земныхъ поклоновъ только 4, а остальные двѣнадцать—поясными; въ крестномъ знаменіи вмѣсто двухперстнаго сложенія употреблять трехперстное; просфоры печатать вмѣсто восмиконечнаго четвероконечнымъ крестомъ, а при богослуженіи пѣть вмѣсто сугубой аллилуіи трекратную. Нероновъ нарочно ходилъ каждый день въ соборный храмъ и не позволялъ тамъ никому троить аллилуіа, а иногда являлся къ самому патріарху съ обличеніемъ (1). Ни-

(1) Исторія Раск. стр. 161.

конъ наконецъ не вытерпѣлъ и началъ воздавать дерзкимъ противникамъ и порицателямъ его намѣреній по ихъ заслугамъ. Между прочимъ Нероновъ липенъ былъ скуфьи и заключенъ въ московскій Симоновъ монастырь; потомъ сосланъ въ Спасо-каменный вологодскій монастырь, а оттуда на крайній сѣверъ, въ Кандалакшскій монастырь, кольскаго уѣзда, архангельской губерніи (1).

На пути въ дальнюю ссылку и въ самомъ заключеніи протопопъ Нероновъ, подобно другу своему протопопу Аввакуму, не переставалъ жаловаться на Никона и порицать его „нововведенія“ со всѣмъ жаромъ фанатика. Будучи, напр., въ 1655 году проѣздомъ въ Вологдѣ, онъ въ соборномъ храмѣ въ присутствіи духовенства и собравшагося къ литургіи народа произнесъ слѣдующую рѣчь: „священницы и церковная чада! (нынѣ) завели новыя ереси: мучатъ православныхъ христіанъ, которые покланяются (въ четыредесятницу) по отеческому преданію; такожде и слогъ перстовъ (двуперстіе) по своему умыслу развращеніе сказуютъ, да за то рабовъ Божіихъ (вѣроятно разумѣются Павелъ коломенскій, Аввакумъ, самъ Нероновъ и другіе, подвергшіеся ссылкамъ) мучатъ и казнятъ и въ дальнія заточенія посылаютъ“ (2). Въ Спасо-каменномъ монастырѣ своею старообрядческою проповѣдью предъ братіей и вмѣшательствомъ въ церковно-богослужебные порядки Нероновъ чуть было не произвелъ возстаніе монаховъ на защиту стараго благочестія; только удаленіе его на сѣверъ успокоило братію (3). Независимо отъ устной проповѣди Нероновъ не забывалъ поджигать противъ Никона своихъ московскихъ друзей письмами. Впрочемъ ссылка для него была крайне непріятна; онъ готовъ былъ сдѣлать уступки въ дѣлѣ защиты старыхъ по-

(1) Исторія Раск. стр. 165.

(2) Собр. сочин. Неронова каз. ак. № 1986 стр. 73.

(3) Собр. соч. Неронова каз. ак. № 1986 стр. 74.

рядковъ, лишь бы возвратиться въ Москву; только гордость не позволяла ему смириться; ему хотѣлось, чтобы Никонъ самъ смирился передъ нимъ. Въ этомъ тонѣ онъ писалъ одно за другимъ письма къ своему другу, царскому духовнику, протоіерею Благовѣщенскаго собора Стефану Вонифатьеву, въ надеждѣ, что тотъ чрезъ царицу упроситъ царя помиловать его и возвратить въ Москву. Вотъ что разъ онъ писалъ Вонифатьеву: „патріархъ мучитель терзаетъ свою братію членовъ церкви, творитъ надъ ними поруганіе, однихъ разстригаетъ, другихъ проклинаетъ. Беззаконное дѣло будетъ быть у него въ послушаніи безъ прекословія. *Онъ хочетъ, чтобы мы просили у него прощенія; пусть онъ у насъ проситъ!* Государь всю свою душу и всю Русь положилъ на патріархову душу; не хорошо такъ мудрствовать государю“ (1). И вообще можно сказать, что Нероновъ былъ плохой борецъ за старообрядчество: едва придумалъ за Никономъ непоклонническую ересь; въ остальномъ—какъ-то: въ двуперстіи, сугубой аллилуіи и т. п. постоянно колебался и подъ конецъ даже призналъ въ этомъ случаѣ правоту на сторонѣ Никона. Вся цѣль его шумныхъ порицаній заключалась въ томъ, чтобы смирить „многомятежнаго“ патріарха, заставить уважать и принимать въ совѣтъ старыхъ, опытныхъ и добродѣтельныхъ людей, каковъ онъ самъ, Нероновъ, и его друзья—Аввакумъ, Лазарь, Никита и другіе. Во всякомъ случаѣ, когда Нероновъ былъ удаленъ въ Кандалакшскій монастырь, онъ подъ вліяніемъ сильнаго гнѣва на Никона всѣми силами старался чернить его церковныя дѣла, чтобы чрезъ это всюду породить противъ него враговъ. Не долго, какихъ нибудь нѣсколько мѣсяцевъ (съ весны до половины августа) онъ пробылъ въ Кандалакшскомъ монастырѣ и притомъ подъ крѣпкимъ карауломъ; однако и въ

(1) Тамъ же нач. съ стр. 74. Истор. Россіи въ жизнеопис. Костомарова, вып. IV, стр. 171.

это короткое время успѣлъ привлечь на свою сторону нѣсколько человѣкъ изъ братіи, при помощи которыхъ и убѣжалъ изъ монастыря; трое изъ бѣльцовъ — Алексѣй, Сила и Василискъ, сдѣлавшись его духовными дѣтьми, рѣшились даже слѣдовать за нимъ въ Москву. Брошенныя Нероновымъ въ Кандалакшской ссылкѣ сѣмена старообрядчества приносили плоды еще въ концѣ XVII вѣка. Такъ, напр., кандалакшской волости, церкви Іоанна Предтечи попъ Стефанъ до 1681 г. таилъ у себя старопечатный служебникъ и совершалъ по нему службу, не смотря на то, что за это была давно уже объявлена пеня въ 10 р. (1).

Ссылка въ столь отдаленное, совершенно глухое и убійственное по климатическимъ условіямъ мѣсто (2), наконецъ, вывела изъ терпѣнія Неронова. Не видя помилованія, онъ рѣшился возвратиться въ Москву самовольно, разсчитывая можетъ быть, что многіе рады будутъ его возвращенію и по ходатайству ихъ царь съ патріархомъ снимутъ съ него опалу. Въ началѣ августа 1655 года, воспользовавшись сномъ караульныхъ, онъ съ вышеупомянутыми духовными дѣтьми скрылся изъ монастыря, сѣлъ въ маленькую лодку и моремъ пробрался до Кемской губы. Здѣсь въ это время стояло соловецкое судно, на которое бѣглецы были приняты и около 15 августа доставлены въ Соловецкій монастырь. Лишь только узналъ соловецкій архимандритъ Илья о томъ, что на приставшемъ къ берегу суднѣ прибылъ Нероновъ, онъ совсѣмъ растерялся, не зная, съ какимъ бы лучше почетомъ встрѣтить знаменитаго страдальца. Онъ не-

---

(1) Историч. опис. Солов. м. ч. III. изд. 1836 г. стр. 236.

(2) Кандалакшскій монастырь (теперь упраздненный) принадлежалъ Соловецкому монастырю и былъ расположенъ на берегу Кандалакшской губы Бѣлаго моря; кругомъ лѣса и болота, гдѣ кочуютъ только одни лопари. Зимой и лѣтомъ сюда почти не существуетъ никакихъ дорогъ, кромѣ морскаго пути. Истор. опис. Солов. монаст. ч. II, стр. 415, 1836 г.

медленно послалъ на судно къ Неронову старца Савватія „съ мольбой“, чтобы тотъ пріостановился слѣдовать въ самую обитель, потому что онъ, архимандритъ, желаетъ „встрѣтеніе ему сотворить“. Нероновъ въ свою очередь „молилъ“ архимандрита, чтобы позволилъ ему „тихо и безмятежно помолиться чудотворцамъ“. Обоюдныя мольбы кончились однако тѣмъ, что архимандритъ Илья ограничился посылкою навстрѣчу Неронову только соборнаго старца, который и „пріяша того честнѣ“. Въ монастырѣ Нероновъ отстоялъ литургію, поклонился чудотворцамъ и затѣмъ „взятъ его архимандритъ къ себѣ въ келью и добре угостиша“. Послѣ трапезы знаменитый страдалецъ и бѣглецъ разсказалъ Ильѣ о томъ, какъ онъ ухитрился бѣжать изъ заточенья, какъ пробрался до Соловецкой обители и т. дал. Набесѣдовавшись съ гостемъ „добре“, архимандритъ Илья снарядилъ подъ него особое богомольческое судно, снабдилъ потребнымъ въ дорогу „довольно“ и проводилъ, привѣтствуя словами: „страдальче, біемъ одолѣвай, храбрый воине, подвизайся“! Нероновъ, недоѣзжая до Холмогоръ, слѣзъ на берегъ и отправился въ Москву, гдѣ скрывался въ домѣ Вонифатьева и жилъ, не будучи знаемъ отъ Никона, долгое время, затѣмъ постригся въ монахи.

Изъ этого краткаго разсказа, написаннаго авторомъ „лѣтописи“ жизни и похожденій Неронова, мы не видимъ однако, о чемъ „добре“ бесѣдовалъ онъ съ архимандритомъ Ильей, кромѣ своего бѣгства изъ заточенія. Но нельзя сомнѣваться, что главнымъ предметомъ бесѣды ихъ было то, о чемъ въ это время особенно болѣло сердце Неронова. Болѣло же оно о томъ, что „погибе благоговѣйный отъ земли и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть“... „ревнителіе благочестія, Павелъ епископъ и братія, Даніилъ и Аввакумъ, изгнани ради проповѣди закона, и ради ученія и за еже понуждати имъ человѣкъ“ (письма изъ Вологды къ Вонифатьеву и къ царицѣ). Содержаніе

бесѣды не могло остаться тайною и для братіи. Архимандритъ Илья не имѣлъ никакой нужды скрывать ее, самъ будучи настроенъ въ духѣ Неронова. Но на братію самый видъ почтеннаго страдальца могъ подѣйствовать не хуже краснорѣчивой бесѣды и дать новый поводъ жаловаться на жестокость Никона и подозрѣвать его въ недобрыхъ намѣреніяхъ по отношенію къ церкви православно-русской,

г) Саввинскому архимандриту Никанору принадлежитъ послѣдній сильный толчекъ, данный соловецкой братіи на пути предубѣжденій противъ исправленія церковныхъ книгъ. Архимандритъ Никаноръ—соловецкій постриженникъ. Въ первый разъ имя его въ исторіи Соловецкаго монастыря мы встрѣчаемъ въ началѣ 1653 года, когда онъ былъ строителемъ соловецкаго подворья въ г. Вологдѣ. Постъ строителя въ Вологдѣ былъ весьма важный: здѣсь главнымъ образомъ производилась распродажа монастырской соли (до 130 т. пудовъ въ годъ), здѣсь постоянно закупался для монастыря годовой запасъ хлѣба и всѣхъ другихъ потребностей жизни; здѣсь было двѣ монастырскихъ церкви, большія жилыя зданія, складочныя анбары и лавки; здѣсь наконецъ по торговымъ монастырскимъ дѣламъ постоянно проживало нѣсколько человѣкъ соловецкой братіи (1). Управлять такимъ подворьемъ и всѣми монастырскими торговыми дѣлами могъ только человѣкъ, обладавшій большими способностями. Кромѣ того отъ строителей такихъ подворій, какъ московское, вологодское и т. п., для поддержанія чести и матеріальныхъ выгодъ монастыря, требовались: примѣрная монашеская жизнь, глубокая преданность монастырю и большое умѣнье ладить съ мірскими, особенно высококопоставленными людьми, отъ которыхъ зависитъ благополучіе и свобода монаховъ въ дѣлахъ мірскихъ. Такимъ дѣйствительно и

(1) Истор. опис. Солов. монаст. изд. 1836 г. ч. II. стр. 426.

былъ чернецъ Никаноръ. „Отъ юности своей“, писали объ немъ соловецкіе монахи въ 1666 г. къ царю, „и до смерти житіе иноческое опасно проводилъ“ (1). Даяьнѣйшая судьба Никанора показываетъ въ немъ человѣка съ большимъ умомъ, необыкновенной энергіею и рѣшительнымъ характеромъ. Притомъ Никаноръ былъ человѣкъ книжный. Въ 1676 году воевода Мещериновъ послѣ казни Никанора въ кельѣ его нашелъ 260 томовъ различныхъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій (2).

Въ началѣ 1653 года вологодскій архіепископъ Маркеллъ (3) частнымъ письмомъ извѣстилъ соловецкихъ монаховъ, что въ Москвѣ опредѣлено на мѣсто архимандрита Ильи соловецкимъ настоятелемъ поставить строителя вологодскаго подворья старца Никанора и просилъ отпустить его въ Москву съ честію (4). Архимандритъ Илья былъ уже устраненъ отъ управленія монастыремъ, что видно изъ братскаго приговора объ отпускѣ Никанора въ Москву, который начинается безъ обычной фразы: „по благословенію отца нашего архимандрита“ и подписанъ только келаремъ, казначеемъ и соборными старцами. 16 іюня 1653 года „чернецъ Никаноръ, нареченный архимандритъ“, выѣхалъ изъ монастыря въ Москву. Въ братскомъ приговорѣ положительно говорится, что онъ поѣхалъ въ Москву „въ Соловецкій монастырь въ архимандриты ставиться“. Въ Москвѣ представился патріарху Никону и самому царю и по обычаю поднесъ

---

(1) Матер. для ист. Р. т. III. стр. 66.

(2) Дѣло Мещеринова въ Соловецкой ризницѣ.

(3) Кстати: архіеп. Маркеллъ, самъ изъ солов. монаховъ, а потому былъ съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, искренно желалъ умереть въ Солов. обители и предъ своею смертію завѣщалъ, чтобы тѣло его было перенесено изъ Вологды въ обитель; оно перевезено и погребено въ 1663 г. въ особой часовнѣ преп. Германа. Истор. опис. Сол. мон. ч. I. стр. 139.

(4) Подлин. письмо Маркелла въ Сол. ризницѣ № 491.

отъ обители „въ почесть“ Никону—рыжиковъ на 1 р., а царю образъ чудотворцевъ, украшенный серебряною ризою съ басменнымъ золотомъ въ 15 р. 2 алт. и 2 деньги. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало посвященіе его въ санъ архимандрита. Между тѣмъ намѣренія царя и патріарха относительно Никанора какимъ-то образомъ вдругъ перемѣнились. Вмѣсто Соловецкаго Никанору дали въ управленіе Саввинскій монастырь, что въ городѣ Звенигородѣ, лѣтней резиденціи царя Алексѣя Михаиловича (1), а соловецкимъ настоятелемъ по прежнему остался архимандритъ Илья.

Саввинскій монастырь былъ любимымъ царскимъ монастыремъ, куда Алексѣй Михайловичъ часто ѣздилъ, чтобы провести нѣкоторое время въ богомоліи и душеспасительныхъ бесѣдахъ съ братіею, имѣя въ монастырѣ для себя и для царицы особыя кельи, устроенныя на манеръ монашескихъ. Въ 1654 и 1655 гг. онъ употребилъ всевозможныя старанія и большія издержки на то, чтобы сдѣлать свой монастырь не хуже Троицкой лавры и почти достигъ своей цѣли. Въ 1656 г., показывая благолѣпіе и богатство монастыря антіохійскому патріарху Макарію, онъ хвалился, что все это вызвано имъ изъ ничтожества въ теченіи двухъ лѣтъ, что и братіи съ годъ назадъ было здѣсь до 300 человѣкъ, а теперь 170 только потому, что многіе померли отъ холеры (2). Царь-ктиторъ былъ въ тоже время какъ бы игуменомъ монастыря, а настоятель былъ чѣмъ-то въ родѣ намѣстника, который чуть ли не каждый день долженъ былъ являться къ царю-игумену съ докладомъ о благополучномъ состояніи монастыря и о состояніи здоровья любимой братіи. Саввинскій архимандритъ по-

---

(1) Всѣ свѣдѣнія о Никанорѣ взяты изъ дорожной денежной книжки его, данной ему изъ монаст. собора при снабженіи въ дорогу 200 р. Въ книжкѣ помѣщенъ и братскій приговоръ объ отпускѣ его. Книжка въ Сол. арх. № 14.

(2) Домашн. Бесѣда 1861 г. № 19, стр. 387.

этому во всякое время дня и ночи свободно пропускался чрезъ заставы въ столицу и въ самый дворецъ, чего не позволялось многимъ знатнымъ духовнымъ и свѣтскимъ особамъ (1). Такова роль выпала на долю архимандрита Никанора. Сразу сдѣлавшись самымъ близкимъ человѣкомъ къ царю, онъ конечно, на первыхъ порахъ имѣлъ важное значеніе при дворѣ и, вѣроятно, не жалѣлъ о томъ, что сдѣлался не соловецкимъ, а саввинскимъ настоятелемъ (2).

Но современемъ архимандритъ Никаноръ, повидимому, сталъ дѣлаться не доволенъ этимъ завиднымъ для другихъ положеніемъ. Для его живой, энергичной и честолюбивой натуры было недостаточно роли монастырскаго настоятеля и царскаго любимца, когда на его глазахъ въ Москвѣ въ сферѣ церковной жизни происходило самое оживленное движеніе, рѣшались важные церковные вопросы, дѣлались перемѣны въ церковной практикѣ. Никаноръ жаждалъ участія въ этихъ дѣлахъ и какъ настоятель близкаго къ Москвѣ и любимаго царемъ монастыря считалъ себя въ правѣ на это участіе. Но любимецъ царскій не былъ почему-то любимцемъ патріарха Никона. Никанора не видно ни на одномъ изъ московскихъ соборовъ, бывшихъ съ 1654 года чуть не каждый годъ. Не видно его и между сотрудниками Никона по церковнымъ дѣламъ, хотя Никонъ и слишкомъ нуждался

---

(1) Дѣло Никона стр. 93.

(2) У историковъ принято называть Никанора царскимъ духовникомъ (Ист. р. церкви Филарета IV, стр. 169; Истор. разск. Макарія стр. 199; Ист. о страдальцахъ солов. Денисова стр. 32). Но Никаноръ никогда не былъ духовникомъ, по крайней мѣрѣ оффиціальнымъ. Съ начала царствованія Алексѣя Михайловича до 1668 г. былъ у него духовникомъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, а затѣмъ протопопъ Андрей Постниковъ до самой смерти царя (Чтенія въ Имп. общ. исторіи и древностей Россіи 1876 г. кн. I, стр. 218). Можетъ быть Никанору удалось нѣсколько разъ исповѣдать царя въ бытность его въ Саввинскомъ монастырѣ и это дало поводъ самому Никанору и другимъ его приверженцамъ называть его царскимъ духовникомъ (Ист. Солов. мон. стр. 32).

въ это время въ хорошихъ помощникахъ. Никонъ, конечно, не могъ въ этомъ надѣяться на него, какъ на человѣка, воспитаннаго въ духѣ старыхъ церковно-обрядовыхъ понятій. Но не руководился ли онъ въ этомъ случаѣ и тѣмъ, что Никаноръ когда-то принадлежалъ къ числу соловецкой братіи, хорошо извѣстной Никону съ умственной и религіозно-нравственной стороны?... Все можетъ быть. Забытый и оскорбленный невниманіемъ со стороны Никона, Никаноръ естественно долженъ былъ стать въ ряду враговъ Никона и его церковной реформы. По крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ былъ въ дружбѣ съ игуменомъ Ѳеоктистомъ— авторомъ сочиненія „объ антихристѣ“ и протопопомъ Аввакумомъ, съ которыми впослѣдствіи изъ Соловецкаго монастыря и переписывался по дѣламъ стоянія за старое благочестіе (1); былъ знакомъ и пользовался уваженіемъ въ семействѣ и въ кругу родныхъ боярина Бориса Ивановича Морозова, въ домѣ котораго воспиталась духовная дочь Аввакума Ѳеодосья Морозова (2); конечно былъ знакомъ и со многими другими врагами Никона, какъ вхожій ко двору, гдѣ враговъ Никона можно было считать сотнями. Сближеніе съ противниками Никона указывало ему на новое болѣе обширное поле дѣятельности, къ чему Никаноръ считалъ себя способнымъ и призваннымъ. Онъ видѣлъ, что противоположная партія имѣетъ настоятельную нужду въ помощи противодѣйствовать Никону и рѣшился стать въ ряды уже выступившихъ на поле брани съ Никономъ немногихъ личностей, какова прежніе справщики. Не мудрено, что на это поприще Никанора вызывали и его собственные взгляды и убѣжденія относительно реформы. Въ исторіи соловецкаго возмущенія Никаноръ является до фанатизма преданнымъ старинѣ, непоколебавшимся даже

(1) Братское слово 1876 года.

(2) Исторія Раскола, стр. 167, 168.

подъ сѣкирою палача. Нѣтъ сомнѣнія, что Никаноръ рано и не безъ успѣха началъ пропагандировать въ пользу старообрядчества между своими многочисленными знакомыми и между братіей Саввинскаго монастыря. По крайней мѣрѣ извѣстно, что патріархъ Никонъ распорядился нѣсколькихъ саввинскихъ старцевъ сослать въ Соловецкій монастырь на смиреніе (1). Но открыто возставать противъ Никона Никаноръ не торопился. Какъ человѣкъ хитрый, осторожный, онъ не хотѣлъ подобно Неронову, Павлу, Аввакуму и другимъ неумѣстною дерзостію налагать на себя кандалы и отправляться въ ссылку, а выжидалъ болѣе благопріятнаго времени къ открытой борьбѣ. Но это благопріятное время долго не наступало. Между тѣмъ онъ хорошо зналъ, что можно съ большимъ удобствомъ и успѣхомъ испробовать осуществленіе своихъ намѣреній въ родномъ ему Соловецкомъ монастырѣ, населенномъ недовольными Никономъ и недалекими въ книжной мудрости монахами.

Съ Соловецкими монахами Никаноръ, какъ соловецкій постриженникъ, никогда не прерывалъ своихъ связей. Онъ чтилъ Соловецкую обитель и до глубины души любилъ соловецкую братію. Эта преданность къ мѣсту своего духовнаго возрожденія и любовь къ братіи — прежнимъ своимъ сподвижникамъ постоянно тянула его изъ Москвы обратно на старое пепелище. Онъ достигъ этого, но только подъ конецъ своей жизни. Теперь же пока поддерживалъ свою связь посылкою въ монастырь большихъ пожертвованій. Въ разное время, начиная съ 1654 до 1660 года, когда Никаноръ совсѣмъ перебрался на житье въ Соловки, имъ переслано въ монастырь денежныхъ пожертвованій 600 р.; кромѣ того: двѣ митры, стоющія 1210 р., образъ Божіей Матери окладной съ Богородичными праздниками; 12 миней листовыхъ мѣсячныхъ; изоб-

(1) Матеріалы для ист. Раск. т. III, стр. 101.

раженія праздниковъ и святыхъ за весь годъ, писанныя красками съ золотомъ, наконецъ—рипиды серебрянныя въ 135 руб. (1). Посылка этихъ многочисленныхъ пожертвованій необходимо предполагаетъ и письменное сообщеніе Никанора съ братіей. Тѣмъ болѣе въ этомъ можно быть увѣреннымъ, что у Никанора въ Соловецкомъ монастырѣ были духовныя его братія и дѣти. Таковъ инокъ Боголѣпъ, за котораго онъ въ 1657 г. прислалъ въ монастырь 200 р. (2),—таковы саввинскіе старцы, сосланные въ смиреніе. Письменное общеніе въ свою очередь даетъ право думать, что Никаноръ дѣлился съ соловецкими монахами московскими новостями, которыми были такъ заинтересованы онъ самъ и соловецкіе монахи. Но важнѣе всего для насъ въ этомъ случаѣ личныя свиданія Никанора съ солов. братіей въ 1657 г.

Въ старинной вкладной книгѣ Соловецкаго монастыря имѣется слѣдующая статья: „10 іюля 7165 (1657) года былъ въ монастырѣ *на богомолье* архимандритъ Никаноръ Саввы сторожевскаго монастыря и привезъ отъ боярина Бориса Иванова Морозова серебрянныхъ ефимковъ на 1000 р. (3 п. 24¼ ф.)“ (3). Въ этой статьѣ намъ особенно бросается въ глаза выраженіе: „на богомольѣ.“ Неужели въ самомъ дѣлѣ Никаноръ имѣлъ исключительною цѣлью посѣщенія соловецкой обители только богомолье? Не скорѣе ли это былъ предлогъ, за которымъ скрывалось желаніе Никанора обмѣняться съ соловецкой братіею мыслями о происходившихъ въ Москвѣ церковныхъ дѣлахъ? Но допустимъ, что онъ былъ только для богомолья. И въ этомъ случаѣ посѣщеніе его не осталось безъ сильнаго вліянія на соловецкую братію въ

(1) Вкладная солов. книга XVII в. л. 11.

(2) Тамъ же.

(3) Вкладная л. 11. Изъ ефимковъ Морозова съ добавкою серебра еще на 1000 р., присланнаго имъ же въ 1658 г., сдѣланы раки чудотворцамъ Зосимѣ и Савватію.

смыслѣ окончательнаго ихъ убѣжденія въ порчѣ Никономъ церковныхъ книгъ. Нужно замѣтить, что въ это время еще не былъ полученъ въ Соловецкомъ монастырѣ исправленный и изданный въ 1656 году служебникъ,—онъ полученъ лишь въ сентябрѣ 1657 года (1). Можетъ быть соловецкая братія была уже архимандритомъ Ильей, Львовымъ и Нероновымъ настолько настроена противъ служебника, что готова была не принять его, но подтвержденіе ихъ мнимой правоты со стороны столь авторитетнаго лица, каковъ Никаноръ, все таки было для нихъ не лишне. Монахи готовились сдѣлать смѣлый и опасный шагъ...

Архимандриту Никанору было чѣмъ подѣлиться съ соловецкими монахами. Съ 1653 года постоянно пребывая близъ Москвы и въ самой Москвѣ и будучи близокъ къ царскому двору и знакомъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ съ половиною населенія Москвы, Никаноръ, конечно, зналъ все, что происходило въ Москвѣ въ сферѣ духовной и свѣтской жизни,—зналъ, на сколько далеко патріархъ Никонъ ушелъ по пути „нововведеній“ церковныхъ; могъ перечислить главныхъ враговъ Никона и его реформы; видѣлъ колебаніе подъ Никономъ патріаршаго престола. Въ частности Никаноръ былъ очевидцемъ такихъ событій, какъ церковные соборы 1655 и 1656 годовъ, состоявшіе изъ греческихъ и русскихъ святителей, которые лично просматривали и поправляли и окончательно одобрили новый служебникъ и скрижаль, могъ передать, что новые справщики ненавистные старообрядцамъ греки и кіевляне: Арсеній, Епифаній и др. продолжаютъ день и ночь сидѣть надъ исправленіемъ „по своему плотскому мудрованію“ другихъ святыхъ русскихъ книгъ, тогда какъ прежніе „истинно—православные и богомудрые справщики и ревнители истиннаго благочестія Иванъ Нероновъ, Аввакумъ, Да-

(1) Матер. для ист: раск. т. III стр. 3.

нiилъ, и многіе другіе томятся въ узахъ, будучи разосланы въ самые отдаленные, глухіе концы Россіи, а нѣкоторые изъ нихъ успѣли уже принять мученическую кончину, какъ напр. Павелъ, епископъ коломенскій. Все это было извѣстно архимандриту Никанору и все, конечно, въ той или другой мѣрѣ и въ духѣ собственнаго настроенія передано имъ соловецкимъ монахамъ, уже достаточно подготовленнымъ къ воспринятію такихъ новостей. Такимъ образомъ Никаноръ могъ завершить начатое архимандритомъ Ильей и подкрѣпленное княземъ Львовымъ и протопопомъ Нероновымъ возбужденіе соловецкой братіи противъ Никоновой реформы. Но если бы и этого было недостаточно, въ такомъ случаѣ у соловецкой братіи было не мало и другихъ источниковъ, изъ которыхъ они могли почерпать свѣдѣнія о московскихъ церковныхъ дѣлахъ, съ оттѣнкомъ оппозиціи противъ Никона. Соловецкій монастырь какъ нарочно къ этому времени былъ переполненъ опальными людьми изъ разныхъ мѣстъ и изъ разныхъ сословій. Изъ челобитной соловецкаго келаря Савватія къ царю, поданной въ 1666 году, видно, что кромѣ князя Львова въ монастырѣ находилось сосланныхъ *въ разные годы и мѣсяцы* до 40 человѣкъ, по преимуществу поповъ и чернцевъ (1). Не мудрено, что многіе изъ нихъ были присланы туда раньше полученія въ монастырѣ новаго служебника, какъ и князь Львовъ. Нельзя въ этихъ опальныхъ попахъ и монахахъ не подозрѣвать большею частію старообрядцевъ. Патріархъ и царь не знали, что дѣлается въ удаленномъ отъ міра Соловецкомъ монастырѣ и не боялись сюда посылать раскольниковъ, что мы видимъ въ ссылкѣ князя Львова; по крайней мѣрѣ ссыльные въ 1666 году были въ самой тѣсной дружбѣ съ княземъ Львовымъ и соловецкими ярыми старообрядцами, каковы: Александръ Стука-

(1) Матер. для ист. раск. т. III стр. 101.

ловъ, Геннадій и Ефремъ, съ которыми они „жили за одно и мятежи чинили и воровскія письма составляли и умышляли Соловецкому монастырю пакость учинить“ (1). Кромѣ того—Соловецкій монастырь былъ постоянно мѣстомъ стеченія многочисленныхъ богомольцевъ и странниковъ. При тогдашнемъ броженіи умовъ въ Россіи по поводу нововведеній церковныхъ не могло не быть въ числѣ поклонниковъ такихъ посѣтителей, которые были пропитаны несочувствіемъ къ самому Никону и церковнымъ перемѣнамъ. Слухъ о томъ, что съ выходомъ въ 1656 г. новаго служебника остается почти только одна во всей Россіи Соловецкая обитель при старыхъ церковныхъ порядкахъ, особенно тянулъ сюда людей преданныхъ старинѣ. Отъ подобныхъ пришельцевъ, какъ и отъ опальныхъ, пропитанныхъ духомъ стараго благочестія, конечно, нельзя было ожидать пощады Никону и одобренія его церковныхъ дѣлъ. За тѣмъ соловецкіе монахи знакомились съ московскими дѣлами чрезъ письменное сообщеніе съ братіей, проживавшей въ Москвѣ, Вологдѣ, Новгородѣ и др. мѣстахъ, гдѣ были монастырскія подворья. Всѣ соловецкіе монахи, проживавшіе въ столицѣ и по городамъ, одинаково были настроены противъ Никона и новыхъ порядковъ и сочувственно относились къ ревности по старинѣ своей братіи, проживавшей въ монастырѣ. Соловецкій уставщикъ іеромонахъ Геронтій еще въ 1663 году оправдывался предъ московскимъ строителемъ Іосифомъ въ клеветѣ, взведенной на него соловецкой братіей, что будто бы онъ отслужилъ литургію по новому служебнику. „И самому тебѣ, государю вѣдомо,“ писалъ онъ Іосифу, „что у насъ ни у кого служебниковъ новыхъ нѣтъ—всѣ въ денежной казнѣ: по чему намъ по новому служить“? (2). А въ 1667 году соловецкіе келарь Азарій

(1) Матер. для ист. раск. т. III стр. 101.

(2) Тамъ же стр. 37.

и казначей Геронтій поручали строителю соловецкаго подворья въ Вологдѣ старцу Марку съ товарищами Паисеемъ и Христофоромъ провѣдывать о всякихъ московскихъ отзывахъ про Соловецкій монастырь и тотчасъ сообщать о томъ въ Соловецкій монастырь съ нарочнымъ, „чтобы про все имъ было вѣдомо“ (1). Но кромѣ своей братіи у соловецкихъ монаховъ были въ разныхъ городахъ родные и знакомые, которые также могли сообщать въ монастырь разные новости въ духѣ стараго благочестія. У Геронтія—составителя знаменитой соловецкой челобитной, напр., въ Москвѣ былъ какой-то Ѳеодоръ Анофріевъ, которому онъ въ 1663 году посылалъ чрезъ московскаго строителя Іосифа грамотку и просилъ Іосифа дать „рыбки, какова сойдется;“ въ Чебоксарахъ—родной отецъ (2). У старца Александра Стукалова въ Москвѣ постоянно проживалъ родной братъ Иванъ Ивановичъ Стукаловъ, котораго въ 1667 году келарь Азарій и казначей Геронтій просили заступиться за соловецкихъ старцевъ и слугъ, посланныхъ въ Москву бить челомъ Государю, чтобы не велѣлъ измѣнять преданія преподобныхъ (3). Наконецъ многіе изъ соловецкихъ монаховъ сами бывали на время въ Москвѣ и въ разныхъ городахъ, по разнымъ нуждамъ, напр. въ свитѣ архимандрита Ильи, ѣздившаго въ 1654 году въ Москву на соборъ. Въ этомъ случаѣ они были очевидцами многихъ церковныхъ событій, много слышали разныхъ отзывовъ про Никона и про его исправленіе книгъ, отзывовъ, большею частію неодобрительныхъ, потому что въ это время много было недовольныхъ, какъ лично самимъ Никономъ, такъ и его реформами. Возвратившись въ монастырь, они собранными свѣдѣніями дѣлились съ прочею братіею. Всѣ устныя и письмен-

---

(1) Матеріалы для ист. раск. т. III. стр. 180.

(2) Тамъ же стр. 39.

(3) Тамъ же стр. 181.

ныя извѣстія съ разныхъ сторонъ отъ разныхъ лицъ монахи—ревнители стараго церковнаго порядка принимали къ сердцу, мало—по малу настраивались противъ церковной реформы и такимъ образомъ приближались къ рѣшительному шагу. Въ монастырѣ началось сильное смущеніе, пошли всевозможные толки о самомъ Никонѣ и о его нововведеніяхъ.

Къ этому времени слѣдуетъ отнести появленіе до сихъ поръ ходячей въ раскольничьемъ мірѣ легенды о бывшемъ преподобному Елеазару Анзерскому видѣніи, гдѣ Никонъ изображается страшнымъ врагомъ церкви, первымъ слугой сатаны. Вотъ что будто бы преподобный Елеазаръ повѣдалъ объ этомъ своимъ сподвижникамъ—скитской братіи: „бывшу мнѣ въ церкви и совершающу божественную службу Никону, иже послѣди бысть патріархъ Россіи, внезапу бысть дыханіе бурно и въ углѣ алтаря Господня явися юноша въ одеждѣ бѣлѣ, аки солнце сіяющъ, и той показываше мнѣ писаніе веліе. Въ сицевомъ писаніи написано не писаломъ человѣческимъ, а свыше: какъ сей Никонъ, другъ діавола и предтеча антихристовъ, православные догматы и преданія святыхъ отецъ имать обезобразити новыми, незнаемыми христіаномъ писаніи, испровержетъ вся пребогатая, красная вся, радостная вся, спасительная вся, аще догматы староправославные, аще законы церковные, аще преданія предобрая, аще чины и обряды христіанолѣпные, отъ всеблагодатнаго востока древле свѣтло просіянна, вся тьмою нововведенія загустивъ омрачитъ. И ангелъ сей невидимъ бысть. Потомъ явися ефіоплянинъ,—черноты, скаредности его не можетъ описать никакое писало человѣческое,—и той муринъ держаше въ когтѣхъ своихъ змія велика и испускаше на выю Никона, совершающа божественную службу; отъ того змія, яко омофоромъ архіерейскимъ украсися выя Никона; змій той, лобзая Никона, испущаше огнь. Аки человѣкъ (Елеазаръ говоритъ будто бы о себѣ) ужаснухся видѣнію тому и начахъ молити Господа, да

мимо идетъ погибель сія, и гласъ бысть отъ святаго жертвенника сицевый: „Елеазаре, Елеазаре! не ужасайся видѣнію сему: имать бо сія быти, понеже Никонъ смутитъ предѣлы Россіи, и церковь Христову и, будучи неизвѣстнаго рода человѣкъ, содѣлается великимъ архіереемъ и будетъ именоваться святѣйшимъ господиномъ и отцомъ царя, помогающу ему діаволу исконному врагу спасенія христіанъ“ (1). — Въ числѣ соловецкой братіи къ этому времени нашлись уже люди, которые стали готовить письменныя опроверженія Никоновыхъ новинъ. Таковъ Герасимъ Фирсовъ написавшій слово въ защиту двухперстнаго сложенія въ крестномъ знаменіи (2).

Между тѣмъ былъ выпущенъ и разосланъ по Россіи новый служебникъ. Вышла и скрижаль. Готовились къ выходу и другія книги. Но прошелъ годъ, а въ Соловецкой обители нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. До монаховъ доходятъ слухи: то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ новый служебникъ возбуждаетъ сомнѣніе; въ Ниловой пустыни монахи подрались изъ за него съ попомъ и полиціей; Макарій—митрополитъ новгородскій непосредственный начальникъ соловецкихъ монаховъ, Маркеллъ архіепископъ вологодскій, соловецкій постриженникъ, колеблются и не торопятся разсылать служебникъ по епархіямъ; Александръ епископъ вятскій, по слухамъ, совсѣмъ отложилъ его въ сторону, самъ служитъ и попамъ велитъ служить по старому (3). Далѣе: то въ томъ приходѣ, то въ другомъ попы, не смотря ни на какіе указы патріарха и своихъ преосвященныхъ, ни за что не хотятъ служить по новому служебнику (4). Это монаховъ приводило

---

(1) См. соч. Аввак. Библ. каз. Акад. №1989.

(2) Матеріалы для ист. раск. стр. 10.

(3) О Макаріѣ, Маркеллѣ и Александрѣ въ «Виноградѣ Россійскомъ» Денисова. Рукоп. Каз. Академіи № 1998 стр. 9 об.

(4) Акты экспед. т. IV. № 184, 188. Акты Истор. т. IV. № 203

къ мысли, что можетъ быть есть не мало на Руси и другихъ не явныхъ ревнителей, что можетъ быть и всѣ члены московскихъ соборовъ, подобно соловецкому архимандриту Ильѣ, выполняли только волю Никона, страшась опалы отъ него и нисколько не сочувствовали его преобразовательнымъ планамъ и намѣреніямъ; наконецъ они могли думать, что и самъ царь былъ нерасположенъ къ нововведеніямъ и только не зналъ, какъ воспрепятствовать въ этомъ случаѣ всесильному патріарху; а о царицѣ ходили достовѣрные слухи, что она весьма сочувственно относится къ противникамъ новыхъ порядковъ церковныхъ, каковы Нероновъ, Аввакумъ и др. Обо всемъ этомъ соловецкіе монахи думали и соображали и размышленія приводили ихъ къ положительному заключенію, что въ новомъ служебникѣ что нибудь да есть не ладное, не православное. Не даромъ же столько благочестивыхъ людей подозрительно на него смотрятъ и не служатъ по нему. И въ самомъ дѣлѣ, книги переводятся съ греческихъ книгъ, а у грековъ, какъ пишетъ Арсеній Сухановъ въ свое Проскинитаріи, вѣра пошатнулась и книги значитъ испорчены; переводятся книги на Руси притомъ людьми подозрительными и по чистотѣ православія и по образу жизни, каковъ бывшій соловецкій узникъ Арсеній Грекъ, три раза отрекавшійся отъ православія ради философскаго ученія и кіевляне, пропитанные духомъ латинской ереси. „Слѣдовательно, заключали монахи, не безъ основанія благочестивые люди смотрятъ на исправленный служебникъ подозрительно. Не было никакой нужды исправлять его; по нему служили отцы и дѣды и ни отъ кого не были въ зазорѣ, — напротивъ недавно патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ хвалилъ русскую вѣру больше греческой. Но эти благочестивые любители стараго служебника, при всей ихъ ревности и желаніи воспротивиться Никону, все таки робки и безсильны, боятся Никона и легко побѣждаются отъ него, потому что разъединены между

собой.“ „Погибе благоговѣйный отъ земли и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть. Ревнители благочестія изгнани ради проповѣди закона, и ради ученія и за еже понуждати имъ человѣкъ“ (восклицанія Неронова). „Но не должно такъ оставаться,“ продолжали размышлять монахи, „нужно кому нибудь рѣшиться на борьбу съ врагомъ Божіимъ и обидчикомъ православныхъ Никономъ, надо положить конецъ его еретическимъ вымысламъ.“ И монахи рѣшились взять на себя этотъ подвигъ, разсчитывая на полное сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ приверженцевъ старины, какіе только обрѣтаются въ Россіи. И, вотъ, когда въ августѣ 1657 года былъ присланъ въ Соловецкій монастырь исправленный служебникъ, они не хотѣли и смотрѣть на него и снесли въ монастырскую кладовую. Такимъ образомъ соловецкіе монахи сдѣлали первый шагъ къ возмущенію.

И. Сырцовъ.

ПИСЬМА

О НѢМЕЦКОМЪ БОГОСЛОВІИ.

—

Письмо 2.

Шлейермахеръ (1768—1834).

Послѣ общаго знакомства съ направленіемъ религіозно-научныхъ идей въ Германіи XVIII в., намѣченнымъ въ предшествующемъ моемъ письмѣ [1] къ вамъ, я желалъ бы теперь ввести васъ въ частное знакомство съ выдающимися типами нѣмецкихъ богословъ нашего вѣка. Предъ нами цѣлая галлерея портретовъ, оригиналы которыхъ были носителями оригинальныхъ идей, проповѣдниками своеобразныхъ мыслей, строителями затѣйливыхъ богословскихъ системъ. Обстоятельное описаніе ихъ учено-богословскихъ твореній повело бы насъ очень далеко. Нашею задачею будетъ — указаніе главныхъ идей того или другаго богослова, его мѣста и значенія въ нѣмецкомъ протестанскомъ богословіи и вліянія на современный ходъ этого богословія.

Обращаемся къ первому типу, которымъ начинается нѣмецкое богословіе нашего вѣка. Перенеситесь мысленно къ началу нашего вѣка въ столицу

---

[1] См. Правосл. Собесѣдн. 1879 г. Сентябрь.

протестанства — Берлинъ и тамошній университетъ. Въ одной изъ его обширныхъ аудиторій масса студентовъ жадно внимаетъ лекціямъ профессора, какъ видно, любимаго молодежью; этимъ профессоромъ былъ Гегель, который дѣйствительно былъ кумиромъ и сдѣлалъ философію — свой предметъ — любимѣйшею наукою. Притягательная сила его лекцій была не въ частныхъ мысляхъ, не въ частномъ анализѣ, а въ этой превыспренности самой сферы философствованія, въ какомъ-то захватывающемъ духъ полетѣ его идей. Если нѣмецкій поэтъ Гёте былъ поэтъ-философъ, то Гегель былъ философъ-поэтъ; его философію понимали очень немногіе, но всѣ любили или лучше любовались самымъ философствованіемъ. И когда авторитетъ философа возвысился до апогея, въ это самое время въ другой аудиторіи тогоже университета открылъ лекціи свои профессоръ, только что приглашенный на каѳедру богословія; онъ же, какъ уже посвященный въ званіе проповѣдника, сталъ появляться съ своими проповѣдями въ церкви. И лекціи и проповѣди скоро обратили вниманіе университетскаго кружка, и каѳедра и аналой стали также привлекать къ себѣ массу слушателей. Ему-то суждено было открыть собою новую эру въ исторіи нѣмецкаго богословія; имя его цитуется въ каждой нѣмецкой богословской книжкѣ; нѣмцы называютъ его вторымъ Лютеромъ; его считаютъ началовождемъ нѣмецкаго богословія нашего вѣка. Это—Фридрихъ Шлейермахеръ, о которомъ и поведу съ вами бесѣду въ настоящемъ письмѣ.

Изъ его біографіи нужно отмѣтить то обстоятельство, что первоначальное свое воспитаніе онъ получилъ въ училищѣ Гернгутерской общины, строгая мораль которой, проводимая и въ школѣ, воспитала въ ученикѣ особаго рода набожность и благочестивость, положившія печать и на мышленіе будущаго богослова: въ вопросахъ о религіи онъ никогда не забывалъ ея священности и жизненности въ человѣкѣ. Онъ былъ по складу нравственнаго своего ха-

рактера піетистъ въ лучшемъ смыслѣ этого понятія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ безконечно подвижной рефлексіи, любилъ философію, изучалъ особенно Платона и Спинозу, и сочиненія перваго онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ, а сочиненія втораго были у него настольною книгою. Такое сочетаніе различныхъ качествъ сдѣлало изъ Шлейермахера странную, какую-то загадочную фигуру: его нельзя назвать ни только богословомъ, ни только философомъ, ни только вѣрующимъ, ни только свободнымъ мыслителемъ: онъ—то и другое вмѣстѣ, и этою двойственностію своего духовнаго образа напоминаетъ древняго миѳическаго Януса.

Какъ богословъ, Шлейермахеръ стоитъ во главѣ школы, которая имѣла свой характеръ и направленіе и которая называется школою „посредствующаго богословія“, потому что она хотѣла въ свое время примирить религію и философію, вѣру и раціонализмъ. Какими же путями пошелъ къ этой цѣли глава этой школы — Шлейермахеръ? По своему душевному настроенію, это былъ—какъ мы сказали—піетистъ, человѣкъ сердца, чувства; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ глубокимъ знатокомъ философіи. Онъ понималъ очень хорошо духъ своего времени, который враждебно и разрушительно относился къ вѣрѣ въ ея простотѣ и искренности; богословъ хотѣлъ выступить апологетомъ ея съ оружіемъ своихъ противниковъ, т. е. съ научными доспѣхами. Онъ вышелъ изъ того положенія, что раціоналистическая философія понимала религію односторонне, т. е. какъ извѣстную сумму идей и представленій; такое пониманіе религіи не соотвѣтствуетъ ея внутреннему, существенному содержанію, которое совершенно другаго характера. Что же такое религія? какая ея сущность? гдѣ ея психологическая основа? Вотъ вопросы, которые и сдѣлались исходною точкою всего богословствованія Шлейермахера.

Рѣшенію этого вопроса и посвящаетъ онъ первый трудъ свой „*Рѣчи о религіи*“ (1-е изд. 1800 г.). Всѣхъ рѣчей пять. Въ самомъ заглавіи этого сочиненія намѣчается апологетическій его характеръ; оно назначено „для тѣхъ образованныхъ людей, которые презираютъ религію“. Авторъ прежде всего ставитъ вопросъ, гдѣ источникъ этого „презрѣнія“ къ религіи? По его мнѣнію, главный грѣхъ ученыхъ людей его времени (т. е. раціоналистовъ) состоитъ въ неправильномъ методѣ изслѣдованія религіи; ихъ обычный методъ историческій, тогда какъ нуженъ—психологическій; ученые имѣютъ дѣло съ религіями, какъ системами, какъ исторически сложившимися культами, составленными и защищаемыми богословами; тогда какъ нужно обратиться къ самой идеѣ религіи, живущей въ духѣ человѣческомъ, въ глубинѣ его существа. Нужно различать, говоритъ онъ, религію отъ догматики; религіозныя откровенія всегда были врагами системъ и догматизированіе религіи есть зло, хотя и неизбѣжное (?); полнота религіознаго содержанія не можетъ быть втиснута въ рядъ отвлеченныхъ истинъ, каковы всѣ догматическія положенія. Вообще, продолжаетъ Шлейермахеръ, религію мыслятъ болѣе съ точки зрѣнія ея пользы, орудіемъ или средствомъ, напр. смотрятъ на нее какъ полезную узду въ общежитейскихъ отношеніяхъ, то какъ на собраніе моральныхъ правилъ, и т. д. Но истинная сила религіи въ ней самой, а не въ томъ, чему она служитъ,—въ ея сущности, а не частныхъ формахъ. Таково содержаніе первой рѣчи.

Указаніе самой сущности религіи, какъ понимаетъ ее Шлейермахеръ, находится во второй рѣчи. Богословъ продолжаетъ отрицанія: религію нельзя разсматривать съ точки зрѣнія теоретической, какъ опредѣленный образъ мышленія и вѣрованія,—ни съ точки зрѣнія практической, какъ извѣстное правило для дѣйствованія; поэтому образованные люди, нападая на извѣстныя положенія или дѣйствія quasi-рели-

гіозныя, въ сущности сражались съ тѣнью или призракомъ. Религія не зависитъ отъ мышленія, она не изслѣдуетъ отношенія конечныхъ предметовъ къ другимъ такимъ же предметамъ, не доискивается высшей причины въ ея отношеніи къ другимъ причинамъ; она есть непосредственное и живое сознаніе конечнымъ существомъ бытія безконечнаго и вѣчнаго, откровеніе безконечнаго въ конечномъ. Религія не зависитъ отъ морали, потому что не думаетъ искать отношенія различныхъ дѣйствій между собою, ни къ другимъ дѣйствіямъ, — она есть непосредственная дѣятельность Бога, т. е. безконечнаго и вѣчнаго, въ человѣкѣ. Искать и находить это откровеніе Божества, подмѣчать въ преходящемъ и конечномъ вѣчное и безконечное—значитъ быть религіознымъ. Міръ (универсъ) находится въ безпрестанной дѣятельности и каждая частная форма дѣйствуетъ предъ человѣкомъ; открывать въ этихъ частныхъ формахъ общій законъ, въ разнообразіи—единство, въ противоположностяхъ—гармонію,—значитъ созерцать отраженіе безконечнаго; ощущать все это въ душѣ своей — значитъ жить религіозно. Религія внутрь насъ, въ нѣдрахъ нашего духа, въ чувствѣ нашемъ, въ ощущеніи безконечнаго. Перевѣсъ міра объективнаго надъ нашимъ я образуетъ то, что называется познаніемъ, созерцаніемъ; перевѣсъ нашего я надъ міромъ объективнымъ образуетъ то, что называется дѣйствіемъ. Факторомъ, который общъ тому и другому, связующимъ то и другое элементомъ, служитъ чувствованіе; оно-то, какъ центръ бытія, точка встрѣчи индивидуума и универса, и служитъ у человѣка религіозною сферою. И такъ какъ чувство у каждаго индивидуально, то и религія всегда условливается этою индивидуальностью: ошибочно говорятъ о религіи всеобщей, какъ единственно истинной, исключающей другія религіи; въ религіозной области нельзя точно провести грань между истиною и ложью. Такъ какъ всякое чувствованіе, раждающееся отъ взаимнаго проникновенія нашего я, ис-

тинно, то истинно и всякое религіозное чувствованіе; каждый обнимаетъ только извѣстную часть безконечнаго и полнота содержанія послѣдняго неисчерпаема. Отсюда—необходимость терпимости въ религіи. — Но что же такое этотъ „универсъ“, живая встрѣча съ которымъ человѣка образуетъ въ немъ чувство, составляющее сущность религіи? Не есть ли просто природа? Казалось бы, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Шлейермахеръ, что она есть источникъ религіи; но въ дѣйствительности она только преддверіе ея. Софисты говорили, что primos deos timor fecit; неправда; никогда грозныя явленія природы не дѣлали человѣка религіознымъ; религіозность раждается не изъ страха предъ природою, а изъ любви къ ней; люди обожали въ природѣ охранительную ея силу, когда видѣли въ ней любящую мать. Не тупое удивленіе, возбуждаемое въ насъ ариѳметическимъ величіемъ явленій природы, не логическое созерцаніе бозконечнаго въ идеяхъ пространства и времени, раждаетъ религіозное движеніе, а вѣчная неизмѣнность законовъ природы, гдѣ царитъ вѣчная гармонія и божественное единство; быть религіознымъ значитъ искать жизни всеобщей въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, находить ее въ тѣхъ таинственныхъ предчувствіяхъ, которыя возбуждаютъ въ насъ благочестивое содроганіе; быть религіознымъ значитъ покланяться полнотѣ жизни, разлитой повсюду, любить и самомалѣйшую частичку въ твореніяхъ, чувствовать себя едино съ природою, вкорениться въ нее и во всѣхъ явленіяхъ ея измѣнчивой жизни радостно ждать исполненія ея вѣчныхъ законовъ. — Истинный очагъ религіи не природа, а міръ нравственный—человѣчество; оно есть истинный универсъ; открыть геній человѣчества въ каждомъ изъ его членовъ, опредѣлить мѣсто, занимаемое каждымъ и получить возможность созерцать высокій образъ человѣчества, представляемый исторіею, значитъ чувствовать себя религіозно; каждое историческое явленіе есть произведеніе безконечной (?)

работы человѣчества и изученіе исторіи образуетъ въ насъ сознаніе о внутреннемъ единствѣ всѣхъ членовъ человѣчества и гармоническомъ отношеніи личности къ цѣлому организму. Достиженіе такого сознанія есть уже моментъ религіозный.—Съ своей точки зрѣнія на чувство, какъ сущность религіи, Шлейрмахеръ своеобразно объясняетъ и понятія объ откровеніи, чудесахъ и пророчествахъ, существующихъ въ религіи: откровеніе—это всякое оригинальное сообщеніе, дѣлаемое человѣку универсомъ; это же дѣйствіе универса можетъ быть названо и чудомъ, — чудо вездѣ, такъ какъ все конечное есть знаменіе безконечнаго, слѣд. спорить о томъ, нужно ли то или другое происшествіе считать чудомъ, безполезно; пророчество—аргіогі-стическое построеніе второй половины религіознаго событія, когда первая уже осуществилась.—Но гдѣ же наконецъ главные объекты религіи—Богъ, безсмертіе человѣка? По Шлейермахеру, они подразумѣваются сами собою въ его опредѣленіи сущности религіи. Безконечное, чувствуемое человѣкомъ, и есть Богъ; мыслить Его, какъ понятіе съ извѣстными признаками, говорить о свойствахъ Божіихъ, это дѣло системы; въ религіи, какъ религіи, Божество чувствуется, а не мыслится. Тутъ же выступаетъ и идея безсмертія: быть едино съ универсомъ значитъ участвовать въ безконечномъ; идея смертности и преходимости есть иррелигіозная идея, религіозность въ томъ и состоитъ, чтобы отъ конечнаго возвышаться до вѣчнаго, слѣд. достигать безсмертія.

Дальнѣйшая глава (3-я) не представляетъ собою особаго интереса въ богословскомъ отношеніи и имѣетъ интересъ педагогическій: содержаніемъ ея служитъ вопросъ о религіозномъ воспитаніи. Сообразно своему понятію о существѣ религіи, Шлейрмахеръ не допускаетъ религіознаго обученія, ибо научить можно понятіямъ и мнѣніямъ, а религіозность рождается въ чувствѣ, возникающемъ свободно; прочитавшій много благочестивыхъ книжекъ и изучившій ихъ еще не есть религіозный человѣкъ.

Важнѣе по своему содержанію четвертая рѣчь, гдѣ указывается соціальный элементъ въ религіи и дается понятіе о церкви и іерархіи. Религія по природѣ своей общительна, ей несвойственны одиночество и сектантство; чувство всегда ищетъ сближенія, полно потребностью высказаться; чрезъ это образуется религіозное общество, церковь. Лучшею формою выраженія чувства служитъ живая рѣчь и въ церкви только говорятъ и слушаютъ; право учительства на сторонѣ того, у кого большее проявленіе внутренняго возбужденія; въ религіозномъ обществѣ нѣтъ мѣста различію должностей, а есть только различіе состояній. Когда въ религіозномъ обществѣ на мѣсто чувства ставится мысль, то падаетъ и религіозность; въ этомъ случаѣ имѣются въ виду не живыя возбужденія, не созерцанія безконечнаго, а выдвигаются на первый планъ извѣстныя системы вѣроученія, преслѣдуются еретическія мнѣнія, какъ несогласныя съ принятою нормою пониманія религіи. Особенно много вредитъ религіозному обществу государство; оно устанавливаетъ гражданскія отношенія въ церкви, выдѣляетъ однихъ членовъ, оттѣсняетъ другихъ, и чрезъ это живой союзъ благочестивыхъ душъ принимаетъ какую-то внѣшнюю, окаменѣлую форму. Церковь тѣмъ и отличается отъ государства, что состоитъ изъ сплошной массы, безъ всякой твердой организаціи.

Послѣдняя (5-я) рѣчь объясняетъ происхожденіе разныхъ религій. Множество религій, извѣстныхъ въ исторіи, объясняется Шлейермахеромъ различіемъ самаго чувства, которое, какъ конечное, всегда будетъ выражать только часть безконечнаго. Во времена Шлейермахера положительныя религіи потеряли всякое значеніе въ глазахъ ученыхъ, допускавшихъ только такъ наз. естественную религію. Противъ нея-то и возстаетъ богословъ; по его мнѣнію, естественная религія покоится на философскихъ или нравственныхъ основахъ, т. е. менѣе всего соотвѣтствуетъ истинному содержанію и мотиву религіи—чувству; чуж-

дая этого послѣдняго, она носитъ характеръ отвлеченности, сухости и неопредѣленности, тогда какъ въ положительныхъ религіяхъ выражается опредѣленный характеръ. Когда человѣкъ относится къ универсу, какъ совокупности неопредѣленнаго, разрозненнаго бытія, то образуется фетишизмъ и пантеизмъ,—когда универсъ мыслится подъ формою множества отдѣльныхъ частей, образуется политеизмъ,—если созерцается онъ какъ цѣлое, происходитъ монотеизмъ. Истинно религіозный характеръ выступаетъ въ двухъ положительныхъ религіяхъ — іудействѣ и христіанствѣ. Въ первомъ выпукло представляется сознаніе непосредственнаго отношенія безконечнаго къ конечному; Божество управляетъ всецѣло человѣкомъ, награждаетъ и милуетъ, караетъ и наказываетъ прямо; чувство надмірнаго существа вдохновляло ветхозавѣтныхъ мужей и Библія вѣетъ истинно религіознымъ духомъ. Но полнота проникновенія конечнаго безконечнымъ сказалась въ христіанствѣ, цѣль котораго — полное освященіе человѣка, т. е. постоянное влеченіе его къ совершенству. Основный характеръ христіанства полемическій: оно объявило вражду всему случайному, преходящему, грѣховному; оно вращается около двухъ пунктовъ — вражды и примиренія, грѣха и искупленія; христіанство внушаетъ человѣку быть постояннымъ борцомъ противъ всего нечистаго, грѣховнаго, задерживающаго его на пути къ святости; тонъ христіанства—элегическій, тонъ скорби и печали. Христосъ—Богъ, потому что Онъ слишкомъ ясно сознавалъ и раскрылъ ту великую идею, что все конечное нуждается въ освященіи безконечнымъ, чтобы пріобщиться его божественности; Онъ видѣлъ универсъ какъ бы лицемъ къ лицу и эта верховность Его благочестія составляетъ истинный мессіанскій Его характеръ. Не лице Его даетъ значеніе Его идеѣ, но самая идея, одушевлявшая Его, даетъ значеніе Его лицу. Христіанство долго будетъ жить въ исторіи, пока самъ человѣкъ не придетъ къ сознанію непо-

средственнаго единенія съ универсомъ и не достигнетъ самъ лично полной религіозности.—Этою пятою рѣчью оканчивается первое сочиненіе Шлейермахера.

Въ свое время сочиненіе это надѣлало столько шума, что сдѣлалось предметомъ общаго вниманія. Литература, образовавшаяся по поводу этого сочиненія, громадная; изъ нея видно, что „Рѣчи“ образовали два лагеря — защитниковъ и оппозиторовъ Шлейермахеру; до сихъ поръ идетъ этотъ разладъ въ оцѣнкѣ Шлейермахера и спору едвали можно предвидѣть конецъ, потому что сама оцѣниваемая личность дѣйствительно какая-то странная, загадочная; духовный образъ ея сплоченъ изъ странной смѣси разнородныхъ элементовъ, весьма рѣдко и трудно сочетающихся. Явились восторженные чтители „Рѣчей“ и говорили, что это сочиненіе съ великою умственною свободою соединяетъ глубокую религіозность и заключаетъ цѣлый міръ новыхъ идей; провозглашая, что Богъ непосредственно сказывается нашему сознанію, что сокровище религіи обитаетъ въ нѣдрахъ нашего чувства, что религія независима ни отъ какихъ метафизическихъ идей, — указывая въ религіозномъ чувствѣ первенство надъ всѣми другими способностями, Шлейермахеръ—говорятъ—открылъ этимъ новую эру въ пониманіи той психологической почвы, на которой коренится религія; новымъ объясненіемъ сущности религіи онъ убилъ схоластическіе, argior-ные пріемы старой апологетики и апологетическія доказательства сводитъ къ свидѣтельству внутренняго сознанія и торжество надъ иррелигіозностію указываетъ въ неотразимомъ фактѣ убѣжденія собственной нашей индивидуальности. Другіе въ „Рѣчахъ“ видѣли блестящее исповѣданіе невѣрія, продолженіе тогоже субъективизма, которымъ страдалъ раціонализмъ; говорили, что для достиженія своей цѣли — уяснить сущность религіи—Шлейермахеръ не остановился ни на какомъ препятствіи, что его сочиненіе полно парадоксовъ; самое опредѣленіе имъ религіи обще, неопре-

дѣленно и односторонне: что такое это чувство, раждающееся отъ проникновенія универсомъ? какое различіе этого чувства отъ эстетическаго и въ чемъ различіе религіознаго настроенія отъ поэтическаго восторга? что такое самый универсъ, — личный ли Богъ или просто все существующее? не дышетъ ли благоговѣніе предъ этимъ универсомъ пантеизмомъ и не повторяется ли здѣсь пантеизмъ особенно Спинозы? Шлейермахеръ въ виду этихъ замѣчаній сдѣлалъ дополненія къ „Рѣчамъ“, „примѣчанія“, гдѣ плохо защищается отъ нападенія своихъ противниковъ. Когда сочиненіе выдержало шесть изданій, то въ предисловіи къ 7-му изданію авторъ замѣтилъ, что ему нужно было бы перемѣнить заглавіе, что вмѣсто стараго адреса—„къ презирающимъ религію“, теперь ему можно сказать: „къ образованнымъ и благочестивымъ людямъ“.. Но корифеи тогдашняго образованнаго общества отнеслись къ „Рѣчамъ“ очень подозрительно; Гёте похвалилъ выдержанный умъ автора, но религію, рекомендуемую авторомъ, нашелъ мало христіанскою; Шеллингъ отказывался произнести свое сужденіе о книгѣ, замѣчая, что отложилъ ея изученіе до болѣе благопріятнаго времени; Фихте держался такой же осторожности и выжиданія; Новалисъ находилъ сочиненіе воодушевленнымъ; Ж. П. Рихтеръ находилъ, что авторомъ сообщенъ религіи новый поэтическій смыслъ и только; но самымъ рѣзкимъ оппонентомъ противъ автора „Рѣчей“ выступилъ старый другъ его Саккъ, читавшій ихъ еще въ рукописи: онъ укорялъ Шлейермахера за отдѣленіе религіи и морали, за пренебреженіе къ идеямъ о Богѣ и безсмертіи души, называлъ „Рѣчи“ апологіею пантеизма и спинозизма и поставлялъ на видъ своему другу, что подобныя творенія никогда не обратятъ къ христіанству. Эти замѣчанія современниковъ Шлейермахера достойны вниманія: они угадывали больную сторону его сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ религія здѣсь начинается въ субъективной дѣятельности человѣка, а христіанство учитъ

насъ наоборотъ: личный Богъ возвѣщаетъ себя человѣку, объемлетъ его своею благодатію и спасаетъ его своею милостію; это дѣло Божіе, существенная сторона въ истинной религіи, ступевывается у нѣмецкаго богослова. Далѣе. Религія проявляется въ чувствѣ... Такъ ли? Развѣ не говоритъ намъ практика, какъ иногда глубокое благочестіе скрывается подъ холодною разсудительностію? Женщина живетъ болѣе чувствомъ, неужели она религіознѣе мужчины? Можно ли подводить подъ это узкое мѣрило религіозности христіанство? Какъ религія, христіанство есть идея, вызывающая въ человѣкѣ не одно только безпредметное чувство, но весь духъ человѣка съ цѣлостнымъ его содержаніемъ; даже такіе моменты христ. жизни, гдѣ повидимому вызывается преимущественно чувство, въ смыслѣ истинно христіанскомъ требуютъ участія всѣхъ способностей человѣка; таковы напр. христ. любовь, христ. молитва; первая не есть просто лирическое состояніе сердца, а совокупная дѣятельность его ума и окрѣпшей воли; поэтому она выступаетъ въ христіанствѣ какъ предметъ заповѣди, что̀ немыслимо по отношенію къ чувству; точно также и христ. молитва не есть просто состояніе религіознаго одушевленія, а дѣятельный процессъ живаго отношенія къ живому Богу. О Спинозѣ разсказывается, что молитву для него замѣняла прогулка по горамъ, когда была тамъ буря, сверкала молнія и раскатывалось эхо грома,—онъ видѣлъ въ эти чудныя и великія минуты природы присутствіе Верховнаго Существа и бесѣдовалъ съ нимъ... Не довольствуется ли и Шлейермахеръ этими моментами, чтобы видѣть въ нихъ искомое имъ религіозное чувство?

Если желаете вы обстоятельнаго анализа Шлейермахерова понятія о религіи, то обратитесь къ монографіи проф. Кудрявцева: „Религія и ея сущность“, гдѣ (стр. 14?—174) изслѣдуются подробно всѣ пункты. Наша задача — выставить идеи нѣмецкаго богослова, которыя далеко не исчерпываются этимъ пер-

вымъ его произведеніемъ. Переходимъ къ обозрѣнію другихъ сочиненій, которыхъ еще очень не мало.

Обыкновенно богословы, имѣющіе дѣло съ Шлейермахеромъ, послѣ „Рѣчей“ переходятъ прямо къ позднѣйшему его творенію, къ „Вѣроученію“ или Догматикѣ. Но догматика явилась чрезъ 20 лѣтъ послѣ „Рѣчей“; въ этотъ промежутокъ времени изъ подъ его пера выходили сочиненія, обозрѣніе которыхъ объяснитъ намъ многое въ послѣдующемъ движеніи религіозныхъ идей въ нѣдрахъ нѣмецкаго богословія. Будемъ по возможности въ изложеніи этихъ сочиненій кратки.

Въ годъ появленія „Рѣчей“ появились „Монологи“ Шлейермахера. Самое названіе показываетъ, что содержаніемъ ихъ служатъ разные предметы; это—рядъ думъ, замѣтокъ, писанныхъ случайно, подъ вліяніемъ минуты. Но „Монологи“ составляютъ какъ бы дополненіе къ „Рѣчамъ“, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь разсматривается человѣкъ самъ по себѣ, внѣ отношенія его къ универсу, излагается апоѳеоза его личности, индивидуальности. „Монологи“—гимнъ свободѣ человѣка, его самостоятельности; они показываютъ въ Шлейермахерѣ не богослова, а антрополога, моралиста, который не хотѣлъ довольствоваться господствовавшимъ до него кантовскимъ началомъ долга, превращавшимъ человѣка въ пассивное существо. Въ 1803 году Шлейермахеръ написалъ особое сочиненіе „Критическій очеркъ доселѣшняго нравоученія“, гдѣ является уже прямо противникомъ Канта, построявшаго нравственную систему въ формѣ ученія о добродѣтели и обязанностяхъ; Шлейермахеръ замѣчаетъ, что такое построеніе лишаетъ систему права на науку, которая должна быть анализомъ идеи высшаго блага, такъ какъ благо есть объективное осуществленіе нравственнаго; только въ этомъ смыслѣ возможенъ прогрессъ иѳики, какъ науки.

Въ 1806 г. Шлейермахеръ напечаталъ небольшую брошюрку: „Праздникъ Рождества“; ея содержаніе излагается въ формѣ разговора между тремя ли-

цами, которые разсуждаютъ о значеніи христіанскаго праздника Рождества Христова. Прежде всего выступаетъ Леонардъ—раціоналистъ. Это—человѣкъ холодной рефлексіи, діалектикъ, недопускающій ничего мистическаго. Авторъ очерчиваетъ эту фигуру съ особою тщательностію, потому что въ ней хотѣлъ изобразить господствующее настроеніе своей эпохи. Леонардъ признаетъ религію только внутреннюю; ея внѣшнее выраженіе порождаетъ постоянно распри, вражду къ другой формѣ; въ Библіи онъ видитъ много дѣтскаго, суевѣрнаго; онъ признаетъ за христіанствомъ великую нравственную силу, но эта сила не зависитъ отъ лица Основателя христіанства; ничего сверхъестественнаго въ земной жизни Христа онъ не допускаетъ: рожденіе Христа, Его воскресеніе и вознесеніе — плодъ фантазіи евангелистовъ; праздникъ Рождества имѣетъ только символическое значеніе, онъ проповѣдуетъ намъ святость домашняго очага и напоминаетъ радости нашего дѣтства.—Второе разговаривающее лице—Эдуардъ, представитель спекулятивнаго богословія; онъ придерживается только четвертаго евангелія и мыслитъ о Христѣ только по указаніямъ этого евангелія; Христосъ—Слово, бывшее у Бога и ставшее плотію, т. е. божественная и вѣчная мысль появилась въ земномъ и конечномъ мірѣ; въ праздникѣ Рождества славится самъ человѣкъ, т. е. божественное начало въ человѣчествѣ; во Христѣ только въ первый разъ проявилось тожество божественнаго и человѣческаго; спасеніе состоитъ въ сознаніи этого тожества; Христосъ — идеальный типъ человѣчества, въ рождествѣ Христовомъ каждый долженъ видѣть образъ своего духовнаго рожденія.—Третьимъ лицемъ въ разговорѣ выступаетъ Ернестъ—представитель точки зрѣнія самого автора-богослова, котораго разсужденіе таково: основаніе праздника Рождества составляетъ появленіе въ мірѣ Спасителя, явившагося для истиннаго возрожденія человѣчества; рожденіе и дѣтство Его относится къ человѣческой

природѣ; своею божественною природою, соединившеюся съ человѣческою, Христосъ—какъ Богъ—вноситъ въ міръ новую силу жизни, начало твердаго религіознаго сознанія. Достаточны или недостаточны историческія доказательства относительно его жизни отъ яслей до Голгоѳы, это вопросъ второстепенный; праздникъ Рождества есть праздникъ религіозный, это—праздникъ той христіанской души, которая чувствуетъ потребность своего общенія со Христомъ, безъ котораго для нея нѣтъ спасенія.

Этотъ маленькій діалогъ Шлейермахера имѣетъ значеніе потому, что въ немъ богословъ въ первый разъ выступаетъ христологомъ и экзегетомъ. Бросается въ глаза нерѣшительность, когда онъ говоритъ о Христѣ,—онъ прилагаетъ къ Нему всѣ возможные хвалебные эпитеты, но пропускаетъ весьма важную черту—Христа историческаго, Іисуса Назарянина, о которомъ говорятъ евангелія. Какъ онъ смотритъ на этого историческаго Христа, признаетъ ли онъ дѣйствительными частныя событія Его жизни? По крайней мѣрѣ изъ діалога его этого пока не видно. Для него Христосъ—идеалъ и съ высоты этой идеализаціи онъ пренебрежительно относится къ частнымъ фактамъ Его земной жизни; онъ не доказываетъ достовѣрности фактовъ — явленія рождшемуся Христу ангеловъ, появленія звѣзды и проч., словомъ чудесъ. Отсюда — произволъ въ понятіи объ историческихъ евангельскихъ фактахъ, отсюда же — произволъ въ воззрѣніи на новозавѣтныя книги. Такъ чрезъ годъ послѣ діалога Шлейермахеръ опубликовалъ комментарій на „1-е посланіе къ Тимоѳею“ (1807). Здѣсь онъ высказываетъ, будто божественность христіанства не зависитъ отъ вопроса о подлинности той или другой книги свящ. канона и безцеремонно поступаетъ вслѣдствіе этого съ названнымъ посланіемъ ап. Павла. Онъ открываетъ много лингвистическихъ особенностей посланія, отсутствіе всякаго слѣда близкихъ сношеній между авторомъ посланія и Тимоѳеемъ и

заключаетъ къ неподлинности посланія. Позднѣйшая критика открыла, что экзегетическій дебютъ Шлейермахера былъ крайне неудаченъ: его лингвистическія изслѣдованія поверхностны и фальшивы и заключеніе слишкомъ опрометчиво.—Но на этомъ первомъ опытѣ богословъ не остановился. Чрезъ 14 лѣтъ онъ написалъ „Критическій опытъ о сочиненіяхъ св. Луки“ (1821),—сочиненіе недоконченное, ибо второй половины—о книгѣ Дѣяній нѣтъ въ изданіи этого сочиненія, сдѣланномъ Де-Веттe. Здѣсь Шлейермахеръ возстаетъ противъ единства состава третьяго евангелія; авторъ сего евангелія—по его мнѣнію—только съумѣлъ будто бы соединить серію отрывочныхъ записей, существовавшихъ уже прежде; рядъ разсказовъ, заимствованныхъ изъ одного источника, кончается извѣстною общею мыслію,—заимствованныхъ изъ инаго источника—иною; далѣе экзегетъ полагаетъ, что синоптическія евангелія не суть литературныя произведенія въ новомъ смыслѣ слова, но ихъ содержаніе заимствовано изъ преданія; третье евангеліе есть трудъ, составленный изъ разныхъ источниковъ. — Но болѣе интереснымъ въ экзегетическомъ отношеніи сочиненіе Шлейермахера, изданное послѣ его смерти, „Жизнь Іисуса“; это—лекціи его, читанныя въ берлинскомъ университетѣ въ 1819—32 гг., которыя пріѣзжалъ слушать изъ Тюбингена Штраусъ, чрезъ два года издавшій свою пресловутую „Жизнь Іисуса“. Богословъ задается здѣсь не столько строго историческою цѣлію, сколько догматическою; ему хочется подмѣтить ходъ внутренняго сознанія въ самомъ Іисусѣ, начертать идеальный образъ Христа, Его личную дѣятельность, не обращая вниманія на внѣшнія обстоятельства, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Такая задача повела Шлейермахера къ нарушенію исторической вѣрности и дѣйствительности представленія жизни Спасителя: у него Іисусъ является не тотъ, о которомъ разсказываютъ св. евангелисты, а сочиненный, какимъ желалъ изобразить

его нѣмецкій богословъ; изъ фактовъ онъ выжимаетъ своеобразную идею, жалуется на ихъ бѣдность для полной характеристики Іисуса, переиначиваетъ ихъ, ослабляетъ и урѣзываетъ ихъ дѣйствительный смыслъ; всѣ чудесныя событія, сопровождавшія земную жизнь Господа, пропали и превратились въ простое символическое значеніе; ни чуднаго рожденія, ни преображенія, ни воскресенія, ни вознесенія на небо не допускаетъ Шлейермахеръ; онъ старается объяснить ихъ естественно, напр. воскресеніе Христово онъ объясняетъ пробужденіемъ отъ летаргическаго сна. Изложеніе рѣчей Іисуса слишкомъ далеко отъ подлинника; вмѣсто ясности, простоты и священности тутъ явился какой-то философизмъ и школьность; особенно неудачно изображеніе послѣднихъ дней земной жизни Спасителя, гдѣ великая и единственная высокая драма превратилась въ какой-то пошлый судебный процессъ.

Можете заключить изъ этихъ экзегетическихъ опытовъ Шлейермахера, насколько успѣшно было его желаніе примирить супранатурализмъ церкви съ натурализмомъ школы. Всѣ примирительныя попытки были скорѣе pium desiderium, нежели достигали чего нибудь опредѣленнаго. Съ одной стороны глубокое уваженіе къ религіи, какъ центру духовной жизни, съ другой—эта какая-то безпредѣльность религіозной сущности, произвольность въ объясненіи ея важнѣйшихъ моментовъ были причиною, что въ исторіи экзегесиса Шлейермахеръ не основалъ школы. Онъ имѣлъ вліяніе на дальнѣйшихъ экзегетовъ протестантскаго богословія, но косвенное, даже отдаленное. Штраусъ въ его ученіи находилъ много сходнаго съ своими воззрѣніями, но нельзя сказать, чтобы дѣло Штрауса было дѣломъ Шлейермахера; но нужно сказать, что Штраусъ выразилъ въ крайности то, въ чемъ Шлейермахеръ держался середины. Подъ вліяніемъ Шлейермахера стоялъ и Бауръ и первое его сочиненіе написано подъ этимъ вліяніемъ, только онъ

пошелъ далѣе. Разрывъ, сдѣланный Шлейермахеромъ, между новымъ и ветхимъ завѣтомъ и низведеніе послѣдняго на низшій моментъ религіознаго сознанія повліялъ на Де-Ветте. Потока раціонализма не остановилъ Шлейермахеръ своимъ піэтистическимъ пафосомъ и религіознымъ романтизмомъ. Глава раціонализма Гегель былъ богаче и сильнѣе своими учениками; его философія привела къ пантеизму Фейрбаха, къ миѳамъ Штрауса. Послѣдователи Шлейермахера раздѣлились врозь,—одни пристали къ крайней Гегельянской сторонѣ, другіе—крайней протестантской, третьи остались въ состояніи колебательности. Но объ этихъ ученикахъ Шлейермахера рѣчь впереди. Теперь обратимся къ главному, классическому произведенію Шлейермахера—его догматикѣ.

Догматика (D. christliche Glaube) появилась въ 1821 г., когда автору было уже 53 года, слѣд. это произведеніе можно разсматривать какъ плодъ его богословской зрѣлости. По сочетанію въ немъ религіознаго энтузіазма и діалектической мочи его сравниваютъ съ Institutio religionis christianae Кальвина. Историкъ Бауръ историческое значеніе этой „Догматики“ полагаетъ въ томъ, что „она есть первая попытка представить содержаніе христ. вѣры какъ неотъемлемую собственность человѣческаго духа, показать, что это содержаніе не есть что-либо отвнѣ въ него привзошедшее, но вытекаетъ изъ внутренней потребности самаго духа“. Дѣйствительно догматика построена была богословомъ на томъ же началѣ, какъ и Рѣчи о религіи, только догматика составлена болѣе научнымъ образомъ, чѣмъ Рѣчи, гдѣ общія мѣста часто прикрываютъ неопредѣленность воззрѣнія. Обратимся къ анализу содержанія этого во всякомъ случаѣ важнаго явленія въ нѣмецкомъ богословіи.

Какъ бы чувствуя неопредѣленность прежняго своего опредѣленія сущности религіи, Шлейермахеръ устанавливаетъ здѣсь опредѣленіе болѣе точное. „Благочестіе, говоритъ онъ, есть такое состояніе нашего

чувства или непосредственнаго самосознанія, въ которомъ мы ощущаемъ себя безусловно зависимыми, или иначе — сознаемъ свое отношеніе къ Богу". Это сознаніе присуще всѣмъ монотеистическимъ религіямъ. Христіанство отличается отъ другихъ монотеистическихъ религій тѣмъ, что въ немъ господствуетъ идея искупленія, совершеннаго Іисусомъ Христомъ, чрезъ вѣру въ котораго достигаетъ полнаго совершенства сознаніе нашего отношенія къ Богу. Трудную антиномію между раціонализмомъ и супранатурализмомъ Шлейермахеръ обходитъ довольно искусно. Христіанство естественно, потому что Христосъ былъ и человѣкъ, слѣд. въ человѣческой природѣ заключалась возможность принять въ себя божественное существо и чудо соединенія божества и человѣчества не есть произволъ Бога, а результатъ раскрытія духовныхъ силъ, положенныхъ въ человѣческой природѣ. Христіанство сверхъестественно, потому что мы не можемъ понять, *какъ* соединилось божество и человѣчество въ Искупителѣ и *какимъ образомъ* христіанинъ получаетъ благодатную силу отъ Христа; христіанинъ только вѣруетъ, т. е. внутренній свой опытъ религіознаго возбужденія относитъ ко Христу какъ причинѣ; вся сущность первой христіанской проповѣди состояла именно въ благочестивомъ самосознаніи искупительной силы Христовой и въ попыткѣ возбудить подобное чувство въ другихъ; вѣра во Христа не вызывается какими нибудь логическими доказательствами, а возбуждается внутреннимъ опытомъ, независимо отъ чудесъ, пророчествъ и откровеній; вѣра прежде всякаго чуда и Христосъ неоднократно запрещалъ разглашать о чудѣ, ограничивая его только непосредственными очевидцами. Пророчества имѣютъ значеніе только уже для вѣрующаго, въ комъ уже есть потребность спасенія и апостолы апологетическое значеніе пророчествамъ придавали въ томъ смыслѣ, что указывали жажду искупленія и спасенія въ прежнихъ дохристіанскихъ мужахъ; пророчества

самого Христа были отвѣтомъ на запросы его учениковъ, которые, переживая новыя формы духовной жизни, естественно устремляли свои взоры впередъ на конецъ и завершеніе развитія этой жизни. Догматика должна описать не доктрины или факты, открытые сверхъестественнымъ образомъ, а тѣ внутреннія состоянія, которыя переживаются благочестивою душею, стоящею въ сношеніяхъ съ Іисусомъ Спасителемъ; догматика до тѣхъ поръ не будетъ на твердой почвѣ, пока не будутъ совершенно отдѣлены положенія спекулятивныя отъ догматическихъ; она должна исходить изъ факта христ. благочестія и имѣть дѣло съ разными обнаруженіями этого факта и отношеніемъ его къ другимъ фактамъ сознанія. Цѣлое содержаніе догматики Шлейермахеръ раздѣляетъ на три части, вытекающія изъ существа религіи. Первая описываетъ область грѣха, вторая—благодати искупленія; той и другой предшествуетъ общая часть, описывающая, какія видоизмѣненія принимаетъ чувство религіозное безотносительно къ грѣху и благодати.

а) Предметами, которыя обнимаются нашимъ самосознаніемъ, служитъ міръ, Богъ и человѣкъ. Ученіе о сихъ предметахъ и составляетъ содержаніе 1-й части догматики Шлейермахера.

Догматическое ученіе о твореніи міра и промышленіи Божіемъ о мірѣ есть ученіе о тожественныхъ фактахъ. Писаніе не рѣшаетъ вопроса о способѣ творенія Богомъ міра; это—дѣло наукъ естественныхъ и прошло теперь время, когда въ Библіи хотѣли видѣть критерій истинности изслѣдованій натуралистовъ. Вопросъ о твореніи міра не есть догматъ въ строгомъ смыслѣ, ибо для христіанскаго чувства безразличны всѣ формы происхожденія міра и оно довольствуется общимъ опредѣленіемъ: міръ отъ Бога. Буквальнаго пониманія повѣствованія Моисея о шестидневномъ твореніи не допускаетъ догматистъ и склоняется болѣе къ Филоновой теоріи. Въ религіозномъ сознаніи онъ не находитъ точнаго показанія о мірѣ

духовномъ; посему бытіе этого міра также не есть догматъ; въ св. писаніи нѣтъ яснаго ученія (?) объ ангелахъ и демонахъ и ученіе о духахъ должно имѣть только гипотетическій характеръ; евангельскихъ мѣстъ, гдѣ упоминаются ангелы, немного, но и въ нихъ Христосъ употребляетъ только народную терминологію; ученіе о злыхъ духахъ также не можетъ быть предметомъ догмата,—искупленіе остается однимъ и тѣмъ же, существуютъ или нѣтъ демоны и вопросъ о злыхъ духахъ стоитъ вообще внѣ богословскаго интереса и скорѣе относится къ космогоніи, нежели къ догматикѣ. Въ частности въ вопросѣ о бож. промышленіи догматика Шлейермахера бытіе конечное совершенно подчиняетъ безконечному, т. е. все относитъ къ Богу, отъ котораго все безусловно зависитъ; посему богословъ не указываетъ точнаго различія между свободою и необходимостію, добромъ и зломъ, естественнымъ и чудеснымъ; божеств. содѣйствіе онъ признаетъ вездѣ и всегда; зло само по себѣ не существуетъ, оно есть только условіе добра и въ этомъ смыслѣ установлено Богомъ; чудо—вездѣ и нигдѣ, чудо нужно допустить вообще, а не въ частныхъ какихъ нибудь случаяхъ; и естественное теченіе природы и чудесныя событія—одинаково отъ Бога;—раздѣленіе промысла Божія на общій и частный богословъ считаетъ схоластическимъ, безразличнымъ для религіознаго чувства.

Догматическое ученіе о Богѣ излагаетъ ученіе о свойствахъ Божіихъ; оно—по Шлейермахеру—также чуждо религіознаго интереса; религіозное чувство по отношенію къ Богу довольствуется опредѣленіемъ его—какъ первичнаго бытія и верховнаго блага, да и эти представленія не считаетъ вполнѣ соотвѣтствующими предмету, а составленными по аналогіи съ бытіемъ конечнымъ. Богъ есть бытіе собственно простое, различныя свойства Божія суть представленія только человѣческаго сознанія, а не что либо реальное, посему не выражаютъ божеств. существа. Богословъ изъ свойствъ Божіихъ допускаетъ только тѣ,

которыя выражаютъ зависимость конечнаго отъ безконечнаго: безконечное—Богъ опредѣляется какъ вѣчное, вездѣприсущее, всемогущее и всевѣдущее существо.

Какъ орудіе, чрезъ которое возбуждается религіозное чувство, міръ совершенъ; точно также совершенъ и человѣкъ. Ученіе Шлейермахеровой догматики о человѣкѣ оптимистично: праотцы до грѣхопаденія и ихъ грѣховные потомки не различаются богословомъ; Моусеево сказаніе о грѣхопаденіи онъ считаетъ поэмою; грѣхъ и смерть предназначены Богомъ и для первыхъ людей; развитіе первыхъ людей совершалось такъ же, какъ развивается каждый человѣкъ и первоначальной праведности можетъ достигнуть каждый при позднѣйшихъ общественныхъ отношеніяхъ. — Но если не было грѣхопаденія первыхъ людей, то откуда же зло въ мірѣ и что оно такое? Но этотъ вопросъ отвѣчаетъ у Шлейермахера вторая часть его догматики.

б) Она занимается ученіемъ о грѣхѣ. Сущность грѣха здѣсь опредѣляется какъ столкновеніе нашего богосознанія и чувственности, въ которомъ перевѣсъ бываетъ на сторонѣ послѣдней; этотъ перевѣсъ плоти и ея давленіе на духъ есть нѣчто присущее самой нашей природѣ и въ этомъ смыслѣ оно должно быть названо peccatum originale. Грѣхопаденіе прародителей, какъ разсказываетъ Библія, есть не дѣйствительная исторія, а поэма, рисующая паденіе каждаго изъ насъ; грѣхъ наслѣдственный гораздо менѣе сравнительно съ тѣмъ, что совершаетъ каждый человѣкъ, достигающій часто виртуозности во грѣхѣ чрезъ свою свободную волю: здѣсь начало грѣха дѣйствительнаго (p. actuale). Человѣкъ виновенъ только въ послѣднемъ; вины человѣка въ грѣхѣ первородномъ не признаетъ богословъ; ибо, по его мнѣнію, въ такомъ случаѣ самая потребность въ искупленіи была бы не вполнѣ чиста и пробуждалась бы только страхомъ наказанія. Разрушительныхъ для человѣка и природы

слѣдствій отъ грѣха первороднаго также не допускаетъ богословъ; человѣкъ и при дѣйствіи грѣха способенъ возвышаться до богосознанія и природа служитъ для него культурнымъ орудіемъ его личнаго совершенствованія. Грѣхъ даже раціоналенъ, ибо безъ него человѣчество вѣчно оставалось бы на низшей ступени развитія и не двигалось бы впередъ; если бы сохранилось невинное состояніе людей, то жизнь человѣчества была бы дѣтская безъ содержанія и опредѣленныхъ очертаній; полнота жизни обнаруживается теперь, когда при дѣйствіи грѣха живущій человѣкъ вызывается на борьбу и напряженіе, слѣд. на истинную дѣятельность. Откуда же зло въ мірѣ? Господство зла въ мірѣ предопредѣлено Богомъ, съ цѣлію возбудить въ человѣкѣ потребность искупленія, такъ что Богъ не столько виновникъ зла, сколько искупленія и благодати. Сознаніе грѣха томительно дѣйствуетъ на нашу душу, которая ищетъ мира и спокойствія. Это душевное стремленіе находитъ осуществленіе въ Іисусѣ Назарянинѣ, искупителѣ человѣчества. — Отсюда переходъ къ ученію о лицѣ Іисуса Христа.

Въ началѣ своего догматическаго ученія о лицѣ Іисуса Христа богословъ замѣчаетъ, что церковные христологическіе догматы не всѣ точны и требуютъ критической оцѣнки. Съ такою точкою зрѣнія онъ дѣйствительно переиначилъ многое въ церковной христологіи. Къ представленію о лицѣ Іисуса Христа мы можетъ идти путемъ наблюденій: религіозное сознаніе говоритъ намъ, что въ христіанствѣ потоку грѣха противостоитъ потокъ новой божеств. жизни,— христіанинъ чувствуетъ, что въ немъ беретъ перевѣсъ богосознаніе надъ сознаніемъ чувственнымъ. Сила, совершающая такую побѣду надъ грѣхомъ, идетъ отъ духовнаго общенія со Христомъ, который и есть нашъ Искупитель. Шлейермахеръ даетъ мѣсто въ своей догматикѣ ученію о тройственномъ служеніи Іисуса Христа и изъ описанія дѣйствій, проявившихся

въ этомъ служеніи дастъ возможность сдѣлать умозаключеніе о природѣ самого лица Іисуса Христа. Онъ допускаетъ въ Іисусѣ соединеніе двухъ природъ человѣческой и божественной; если, говоритъ онъ, чрезъ Іисуса мы пріемлемъ укрѣпленіе въ себѣ идеи богосознанія, то въ Немъ нужно предположить (?) въ высшей степени развитое богосознаніе, дѣйствовавшее во всѣхъ проявленіяхъ его духовной жизни; если Его силою мы побѣждаемъ грѣхъ, т. е. давленіе чувственности, то въ Его природѣ должны допустить совершенную безгрѣшность и святость. То и другое качество суть божественныя. Появленіе въ мірѣ Богочеловѣка Іисуса не нарушало законовъ историческаго развитія; какъ человѣкъ, Іисусъ развивался постепенно, но природа божественная была выше и внѣ этихъ законовъ. Такимъ образомъ все ученіе о лицѣ Іисуса Христа сводится собственно къ ученію о Немъ — какъ Искупителѣ; толчокъ, данный всей человѣческой жизни, котораго нельзя объяснить обычными историческими обстоятельствами и который есть очевидное чудо, служитъ для богослова единственнымъ критеріемъ опредѣленія природы Богочеловѣка. Поэтому цѣлая область историческихъ фактовъ земной жизни Богочеловѣка, Его чудесное рожденіе отъ Дѣвы, чудеса, воскресеніе и вознесеніе, осталась внѣ этого критерія и поэтому признана богословомъ неимѣющею догматическаго значенія. Этою непростительною уступкою раціоналистамъ Шлейермахеръ конечно хотѣлъ отдѣлаться отъ нападокъ науки, которая не хотѣла признавать ничего сверхъестественнаго. Божественность Іисуса богословъ допускаетъ въ какомъ-то условномъ смыслѣ; онъ чрезъ умозаключеніе идеализируетъ лице Искупителя, а не излагаетъ положительный историческій фактъ божественности, на который указываетъ св. писаніе и церковное ученіе. Шлейермахеръ не колеблется придать Христу эпитетъ — божественный; но эту божественность понимаетъ какъ только обитаніе Бога въ Іисусѣ, какъ древнемъ Логосѣ, а

ипостаснаго единенія двухъ естествъ не признаетъ; вмѣсто церковнаго догмата о семъ единеніи у него является Христосъ какъ идеальный первообразъ и какъ историческій. Признавая Христа человѣкомъ, онъ не допускаетъ церковнаго ученія о томъ, что Сынъ Божій принялъ человѣческую природу въ единство своего лица. Словомъ, нѣмецкій богословъ не знаетъ Христа, какъ втораго лица св. Троицы и всю христологію строитъ внѣ догмата о св. Троицѣ, котораго изложеніе отнесено имъ къ концу догматики въ видѣ приложенія. Вмѣсто догмата о сверхъестественномъ зачатіи и рожденіи отъ Дѣвы богословъ представляетъ свое объясненіе, что Христосъ чудесно одаренъ былъ необыкновенно развитымъ богосознаніемъ, удерживавшимъ его отъ грѣха; при этомъ пускается въ физіологію, чтобы подорвать церковный догматъ о рожденіи Христа отъ Дѣвы, что особенно непріятно поражаетъ читателя,

Въ главѣ объ искупительной дѣятельности Христа богословъ описываетъ слѣдствія, проистекающія на вѣрующихъ отъ Искупителя. Спаситель сообщаетъ вѣрующему силу собственнаго богосознанія и чрезъ это свою святость, совершенство и блаженство; не стало той тяжкой борьбы, которая существовала между богосознаніемъ и чувственно-плотскимъ сознаніемъ; скорби и бѣдствія потеряли свою остроту и горечь и уже не проникаютъ внутреннюю жизнь человѣка; соединенные со Христомъ, одушевленные имъ, мы становимся существенною частію его образа и Богъ умилостивляется надъ нами. Христіанинъ есть новое твореніе о Христѣ; его прежняя личность уничтожается, умираетъ грѣху и начинаетъ жизнь о Богѣ. Въ этомъ состоитъ и оправданіе человѣка предъ Богомъ и его обращеніе; элементами послѣдняго служатъ покаяніе и вѣра.

Общеніе возрожденныхъ съ цѣлію взаимно содѣйствовать въ дѣлѣ духовнаго совершенствованія образуетъ церковь Христову. Сообщаясь нравственно меж-

ду собою, вѣрующіе проникаются единымъ, благодатнымъ духомъ, или иначе — святымъ духомъ. Подъ этимъ послѣднимъ Шлейермахеръ разумѣетъ не третье лице св. Троицы, а простое внутреннее начало, соединяющее вѣрующихъ и одушевляющее ихъ къ благочестивой жизни; причастіе такого рода св. духа совершается не столько въ личномъ самосознаніи вѣрующаго, сколько въ самосознаніи общемъ, въ сознаніи присутствія сего св. духа въ цѣломъ христ. обществѣ. Нужно различать въ церкви существенное отъ случайнаго: существенное въ ней самое общеніе со Христомъ, совершающееся посредствомъ божеств. установленій, таинствъ—крещенія и евхаристіи: случайное въ церкви—тѣ формы, которыя переживаетъ церковь какъ историческая сила. Церковь невидима и не можетъ быть учрежденіемъ, похожимъ на гражданское общество, или учрежденіемъ теологическимъ и клерикальнымъ; существенный элементъ церкви духовность и чувствованіе, а если въ христ. обществѣ вмѣсто ихъ преобладаютъ идеи, воззрѣнія, учрежденія, словомъ всѣ плоды господства теологіи и іерархіи, тамъ вмѣсто благочестія развивается только вѣроисповѣдная раздѣленность.—Въ христ. церкви вѣра является не слѣдствіемъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, выбираемыхъ богословами изъ св. писанія, но она предшествуетъ указанію св. писанія, такъ что уваженіе къ писанію и признаніе за нимъ руководительнаго значенія являются какъ слѣдствіе господства духовнаго возбужденія и одушевленія, которымъ дышетъ христ. общество. Нормативный характеръ книгъ св. писанія Новаго Завѣта состоитъ только въ томъ, что онѣ написаны въ эпоху, когда духъ христ. общины былъ особенно силенъ. Въ этомъ ограниченномъ смыслѣ богословъ понимаетъ ученіе о богодухновенности свящ. писанія: богодухновенность не въ чудесномъ откровеніи св. Духа, а въ полнотѣ ихъ религіозности; книги св. писанія—первые опыты изложенія христіанской вѣры, слѣдовательно про-

изведенія, подлежащія нашему анализу и задача критики прослѣдить постепенный генезисъ этихъ писаній, не свободныхъ отъ случайныхъ недостатковъ и даже противорѣчій. Богодухновенности (даже условной) книгъ Ветхаго Завѣта не допускаетъ богословъ и даетъ имъ значеніе въ христ. церкви только культовое, такъ какъ христіанское богослуженіе имѣетъ историческую связь съ іудейскимъ.

Заключительная глава догматики—эсхатологическая въ частностяхъ не представляетъ собою чего либо особеннаго. Богословъ, избѣгая всего чудеснаго, ослабляетъ христ. догматъ о послѣднихъ вещахъ. Онъ заявляетъ, что въ христ. эсхаталогіи многое носитъ на себѣ печать христ. фантазіи, которая строитъ образы, побуждаемая нашею способностію предчувствія и желаніемъ заглянуть въ будущее; въ этомъ случаѣ нужно довольствоваться указаніями св. писанія. Безсмертіе души для христіанина несомнѣнно, и притомъ безсмертіе личное.

На концѣ, въ видѣ приложенія, богословъ далъ въ своей догматикѣ мѣсто нѣсколькимъ словамъ о важнѣйшемъ догматѣ христіанскомъ—о святой Троицѣ. Такое мѣсто въ догматикѣ богословъ отводитъ ему потому, что, по его мнѣнію, ученіе о троичности не есть непосредственное показаніе христ. сознанія, слѣд. ему недостаетъ внутренней сущности самостоятельнаго догмата. Въ самомъ изложеніи догмата онъ повторяетъ утонченное саввеліанство, когда церковное ученіе о трипостасномъ Богѣ называетъ недогматическою философемою; онъ находитъ противоположность между аѳанасіевскими и савелліанскими представленіями о троичности и послѣ изслѣдованія объ унитарныхъ мнѣніяхъ древней церкви старается оправдать савелліанское воззрѣніе, называя церковное ученіе спекулятивнымъ и метафизическимъ.

Таково содержаніе Шлейермахерова „Вѣроученія.“ Всѣ нѣмецкіе историки единогласно отзываются о немъ, какъ величайшимъ произведеніи, положившемъ

начало новой эры въ исторіи догматическаго богословія. Двѣ главнымъ образомъ заслуги видятъ они въ этомъ трудѣ: уничтоженіе схоластицизма, царствовавшаго въ лютеранствѣ до конца 18 в. и примиреніе раціонализма и т. н. супранатурализма въ единствѣ научной системы. — Вышедшій изъ школы піетизма, Шлейермахеръ дѣйствительно раздѣлялъ вмѣстѣ со всею своею школою враждебность къ догматизму, отвлеченному преслѣдованію вѣрности положеніямъ первыхъ реформаторовъ, которое порождало между богословами духъ партизантства, полемики и очень часто мелочныхъ препирательствъ; отдѣлившись отъ католичества, отвергнувши церковь и преданіе, протестантство думало установить какія либо точныя формы своихъ вѣрованій, имѣя подъ собою очень шаткія основы, въ родѣ Меланхтона или самаго Аугсбургскаго исповѣданія; отсюда неизбѣжное разногласіе, раздѣленность и полемика; такъ какъ богословы этой эпохи тяготѣли къ ученію первыхъ реформаторовъ, которые смотрѣли на христіанство, какъ сверхъестественное явленіе, то это богословское направленіе и названо ортодоксальнымъ; сухость и отвлеченность интересовъ, преслѣдуемыхъ этимъ направленіемъ, невліятельность его на практическую религіозную жизнь вызвали появленіе т. н. піетизма, который менѣе всего интересовался точностію и строгостію догматическихъ положеній. Шлейермахеръ, ученикъ піетистической школы, желавшей въ религіи видѣть болѣе жизненный стимулъ, чѣмъ только простую норму для теоретическихъ воззрѣній, является первымъ богословомъ, который измѣняетъ прежнее отношеніе между религіею и догматикою; не изъ догматическихъ понятій выводитъ онъ содержаніе религіи, не въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ догматахъ видитъ онъ религіозную истину, а самую догматику ставитъ въ зависимость отъ общаго понятія о цѣломъ жизненномъ процессѣ религіозномъ, который долженъ быть anle логическихъ представленій. Когда, въ силу самаго по-

нятія о сущности религіи, элементъ мышленія и представленія и соединеннаго съ нимъ вѣрованія явился на отдаленномъ планѣ въ этотъ процессѣ, когда вслѣдствіе того же понятія теоретическое выраженіе внутренняго содержанія и жизни религіи богословомъ признано было какъ только слабое выраженіе этого живненнаго содержанія, не поддающагося вполнѣ логическимъ формамъ, тогда старое воззрѣніе, которое можно назвать общецерковнымъ и пожалуй ортодоксальнымъ — воззрѣніе на догматъ, какъ точное и полное выраженіе истины, исповѣдуемой религіею, составляемою голосомъ всѣхъ исповѣдниковъ религіи, обязательное для дальнѣйшихъ поколѣній, священное и неприкосновенное въ своемъ духѣ и буквѣ, потеряло теперь свое прежнее значеніе. Догматика, по мнѣнію Шлейермахера, должна быть не сборникомъ неприкосновенныхъ, вѣчно неизмѣнныхъ истинъ, долженствующихъ быть нормою вѣрованія, а произведеніемъ художественнаго творчества, гдѣ бы выливалась религіозная жизнь въ своемъ постоянномъ текучемъ содержаніи. Ортодоксія (правовѣріе), преслѣдующая прежде всего вѣрность символическимъ положеніямъ, съ этой точки зрѣнія явилась просто схоластикою, противорѣчащею самой основной идеѣ религіи.

Этотъ антидогматизмъ Шлейермахера нельзя считать новымъ фактомъ, принадлежащимъ личному воззрѣнію только этого богослова. Это—основная мысль всего протестантства, завѣтная дума евангельской церкви. Приравнять себя къ первенствующей церкви, видѣть въ нѣдрахъ своихъ біеніе такого же жизненнаго пульса, какой былъ въ эпоху благодатныхъ даровъ апостольской церкви, видѣть въ каждомъ членѣ своего общества пророка и псалмопѣвца, это составляетъ внутреннюю мечту, которою дышетъ протестантство и которая составляетъ существенную подкладку его реформаторскихъ стремленій къ отличію отъ оффиціозной и свѣтски казенной жизни католической церкви. Но протестантство забываетъ вѣковую исторію христ.

церкви и реальность историческаго наслѣдства въ церкви Христа, который одинъ и тотъ же днесь, вчера и во вѣки. Въ мистическихъ мечтаніяхъ о возвращеніи простоты и безъискуственности религіозной жизни первичной эпохи христіанства, когда было дѣйствительно сильно религіозное одушевленіе и велика была *вѣра*, протестантство стремится въ сущности дать просторъ субъективному *мышленію* и рефлексіи, которая начинаетъ производить путаницу въ религіозныхъ идеяхъ своею діалектикою и безпощаднымъ анализомъ. Гдѣ вѣетъ духъ Господень, тамъ дѣйствительно благодать и свобода...; но гдѣ вѣетъ духъ человѣческой пытливости, гдѣ вмѣсто уваженія къ изначальному отцепреданному ученію является право каждой личности перестроивать сложившееся вѣками зданіе, тамъ на мѣсто свободы выдвигается произволъ и своеволіе. Шлейермахеръ только санкціонируетъ эту общую идею протестантства, какъ бы выбиваетъ изъ него послѣдніе остатки церковности, которые еще сильны были въ первыя два столѣтія жизни протестантства, т. е. попытку учителей установить хотя какую нибудь крѣпкую норму въ церкви, хотя бы вѣрность первымъ реформаторамъ, въ родѣ напр. Лютера и Меланхтона. Со стороны ортодоксаловъ эта попытка была не совсѣмъ логична; какой могъ быть авторитетъ этихъ первоучителей, когда источникомъ ученія провозглашена была только библія? Шлейермахеръ разбиваетъ эту послѣднюю плотину, сдерживавшую потокъ протестантства; онъ разрушаетъ въ принципѣ самую возможность какой либо нормы; каждый догматистъ является теперь апостоломъ своего времени, каждый мыслитель пророкомъ, даже библія, какъ мы видѣли въ изложеніи Шлейермахеровой догматики, потеряла свой откровенный характеръ, изъ нея много вычеркнуто, какъ временно-историческое или національно-іудейское, многое въ ней заподозрѣно, ослаблена вся ея священность, какъ особаго сверхъестественнаго и исключительнаго глагола Божія. Да, послѣ

этой догматики не могло быть мѣсто и тѣни ортодоксіи; теперь догматика приняла форму не обще-протестантскаго вѣроученія, а своеобразной научной системы, показывающей credo только самого автора. Мы послѣ увидимъ, что послѣ Шлейермахера появились замѣчательные по своей оригинальности опыты построенія разныхъ догматикъ; таковы системы Дорнера, Лянге, Шенкеля, Штрауса, Нитча и т. д.

Для вѣрующаго гораздо интереснѣе другая сторона заслуги Шлейермахера, на которую указываютъ нѣмецкіе богословы въ дѣлѣ оцѣнки его „Вѣроученія". Указываютъ, что она составляетъ блестящій опытъ примиренія супранатурализма и раціонализма, возбужденія религіозности среди невѣрующихъ чрезъ возвышеніе христіанства, считавшагося тогда достояніемъ только простодушныхъ людей, до высшаго, подобающаго ему значенія величаваго явленія среди человѣчества, согласнаго съ человѣческимъ разумомъ и требуемаго чувствомъ. „Все, что сдѣлала наука въ области философіи и богословія, говоритъ историкъ Бауръ, положено авторомъ Вѣроученія въ основу новаго особеннаго образа пониманія христіанства, чтобы образовать строго логическую систему. Какъ въ конституціонномъ государствѣ примиряются и уравновѣшиваются два противоположныхъ начала—демократическое и монархическое, такъ и въ этомъ сочиненіи проводится какъ бы конституціонный договоръ между демократіею разума и монархіею христіанства." — Раціонализмъ, противникомъ котораго выступилъ Шлейермахеръ, былъ совершенно другаго направленія, чѣмъ ортодоксія; послѣдняя въ исторіи нѣмецкаго богословія носила названіе супранатурализма, такъ какъ признавала за христіанствомъ чудесное происхожденіе, исповѣдывала Христа какъ воплотившагося Сына Божія, вѣровала въ богодухновенность св. писанія, въ чудеса, таинства и пр. Раціонализмъ не допускалъ въ религіи ничего сверхъестественнаго; что не согласно съ разумомъ, недоступ-

но ему, то не существуетъ (quidquid rationi contrarium, illud non est credendum): такъ говорилъ нидерландскій раціонализмъ, начавшійся съ средины 17 в. (Боэцій, Спангеймъ, Дюкеръ, Беккеръ, Мейеръ). Собственно нѣмецкій раціонализмъ ведетъ свое начало съ 17 в., когда подъ вліяніемъ англійскаго деизма и потомъ французскаго матеріализма образовался періодъ т. н. „просвѣщеннаго разума.“ На мѣсто вѣры въ религіи поставили указанія „здраваго смысла“ и его хотѣли эмансипировать изъ подъ „оковъ“ церковнаго ученія. Это—эра первичнаго, грубаго раціонализма, противъ котораго возставало богословіе. Въ началѣ 18 в. начала господствовать Вольфіанская философія, которая хотѣла начертать теологію, всѣ положенія которой были бы согласны съ разумомъ и математически имъ доказывались; неопытные теологи обрадовались этому примирительному методу и ввели его въ богословскія системы и каждый трактатъ христ. догматики сопровождался т. н. доказательствомъ отъ разума. Скоро этотъ методъ оказалъ плоды по роду своему; если разумомъ можно доказывать положенія религіи, то во имя того же разума можно и опровергать ихъ или отрицать: послѣднимъ пріемомъ и стали пользоваться богословы т. н. исторической критики, безпощадность которой внесена была въ экзегизисъ, въ церк. исторію и догматику; представителями этого направленія были Землеръ, Грюнеръ, Эрнести, Михаэлисъ, Гризбахъ, Эйхгорнъ, Генке, и проч. Къ концу 18 в., какъ вы читали въ предшествующемъ письмѣ, образовывается раціонализмъ самой философіи: движеніе философскихъ идей отъ Канта до Гегеля въ исторіяхъ философіи называютъ идеализмомъ, иногда трансцендентальнымъ; но терминъ „идеализмъ,“ происходящій отъ „идей“ Платона, предполагаетъ болѣе реальное содержаніе, котораго не было въ субъективизмѣ нѣмецкой философіи означеннаго времени, которая стала отрицать все реальное, дѣйствительно существующее и превратило его въ понятія; бытіе

стало мыслію и кромѣ мышленія не существуетъ ничего; Богъ, природа и человѣкъ существуютъ, но только потолику, поколику они мыслятся, или какъ только мыслимое; божество есть только совокупность отвлеченныхъ понятій. А такъ какъ мышленіе есть процессъ, совершающій развитіе, то и эти понятія не суть дѣйствительныя, они только *бываютъ*, т. е. являются и исчезаютъ, какъ произведенія мышленія. Для раціоналистической философіи Богъ не есть реальный объектъ, а только продуктъ движенія мышленія; религія—не дѣйствительная связь Бога съ человѣкомъ, а форма представленія человѣкомъ высшихъ понятій; въ религіи интересна только историческая сторона, это перехожденіе однихъ понятій въ другія, но ея содержаніе какъ конкретъ есть бытіе неистинное, феноменальное; въ это круговращеніе понятій втиснуты были и религіи откровенныя—іудейство и христіанство; они превратились только въ моменты движенія мышленія.

Къ началу нашего вѣка, т. е. ко времени дѣятельности Шлейермахера, раціонализмъ перешелъ цѣликомъ въ богословскую область и образовалъ собою опредѣленное направленіе, отличное отъ церковнаго, которое названо было супранатурализмомъ. Главными представителями раціонализма XIX в. были Рёръ и Вегшейдеръ, по которымъ можно воспроизвести главные пункты его ученія. Раціонализмъ училъ:—христіанство по своему происхожденію есть нѣчто естественное; чудеса въ немъ—это только извѣстная точка зрѣнія библейскихъ повѣствованій, думавшихъ видѣть вездѣ дѣйствіе Бога; Іисусъ—человѣкъ; однако христіанство есть великій фактъ міровой исторіи, чистѣйшая религія разума и Іисусъ, ея основатель, образецъ мудрости и добродѣтели; таково содержаніе „Писемъ“ Рёра. Вегшейдеръ составилъ раціоналистическую догматику (Institutiones Theol. christ. dogmaticae), которая сдѣлалась учебною книжкою; годъ ея появленія падалъ на 200-лѣтній юбилей реформа-

ціи и она была посвящена тѣни (den Manen) М. Лютера; по ея образцу составлялись всѣ системы догматики, гдѣ религія мыслилась не какъ особая область вѣры въ положительное откровеніе, а какъ спекулятивная система представленій о Богѣ, основанныхъ на человѣческомъ разумѣ. Непосредственнаго откровенія Бога человѣку не допускалъ раціонализмъ; по его ученію, Богъ далъ намъ въ отличіе отъ животныхъ разумъ и его указаній достаточно, чтобы знать Бога и отношеніе его къ міру и человѣку.

Это направленіе стало рядомъ съ супранатурализмомъ и между ними завязался жаркій споръ, который шелъ въ продолженіе первой четверти нашего вѣка. Шлейермахеръ образовался въ средѣ этого столкновенія между супранатурализмомъ и раціонализмомъ. Но если, какъ мы видѣли, онъ не сочувствовалъ первому, то не раздѣлялъ симпатій и ко второму. Его „Вѣроученіе“ есть какъ бы діагональная линія того параллелограмма двухъ силъ, который образовывался отъ дѣйствія супранатурализма и раціонализма. Оно прежде всего заявляетъ, что не хочетъ раціонализировать христіанство, что религія не имѣетъ ничего общаго съ разумомъ и философіею, что христіанство въ міровой исторіи выступаетъ съ характеромъ чудесности, сверхъестественности, что искупленіе, совершенное Іисусомъ Христомъ производитъ въ христіанинѣ то, что не можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія обычнаго порядка дѣлъ; богословъ строитъ цѣлую христологію, гдѣ Христосъ есть не „идеальный типъ“ человѣчества, какъ говорилъ раціонализмъ, а историческое Лице, воплотившееся Божество; онъ требуетъ признанія Христовой церкви, гдѣ дѣйствуетъ Св. Духъ, онъ признаетъ необходимость таинствъ, будущую жизнь... Въ этихъ положеніяхъ снова воскресало старо-церковное ученіе, покинутое раціональнымъ богословіемъ и богословіе снова дѣлалось системою, описывающею домостроительство Божіе въ дѣлѣ спасенія человѣка.

Но было бы величайшею ошибкою видѣть въ догматикѣ Шлейермахера симптомъ возвращенія протест. богословія къ древне-церковному ученію христіанства. Тутъ повидимому все старые термины, такъ знакомые богослову; но понятія, соединяемыя съ этими догматическими терминами, совершенно другія. И прежде всего общее отношеніе между Богомъ и человѣкомъ здѣсь не строго теистичное, но пантеистично; Богъ и міръ хотя не сливаются окончательно, но относятся между собою какъ Спинозовская natura naturans къ natura naturata; дѣйствіе Божества совершается въ сферѣ натуры, все божественное—натурально; дѣйствія Божества выше и дальше натуральнаго, прямаго проявленія личнаго Бога, какъ чудеснаго въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ въ описываемой догматикѣ. Чудо здѣсь понимается въ условномъ видѣ и ограниченномъ. Явленіе Искупителя называется чудомъ, но въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ понимаются и всякія другія великія явленія природы. Отсюда ослабленіе чудесности въ евангельскомъ разсказѣ о такихъ событіяхъ въ жизни Богочеловѣка, какъ Его рожденіе, воскресеніе и вознесеніе, которыя по строго-церковному ученію составляютъ существенные моменты Его божественной личности. Вообще идея чудесности въ религіи и христіанствѣ въ частности допускается, но богословъ напрягаетъ всю свою софистическую діалектику, чтобы чудо было натуральнѣе, и наоборотъ — натуральное чудеснѣе; чудесность у него не въ фактахъ, а въ значеніи этихъ фактовъ, слѣд. не въ дѣйствительности, а въ идеѣ; строгости и прямоты точки зрѣнія на Христа самаго Евангелія не раздѣляетъ богословъ; онъ вкладываетъ въ Евангеліе свои воззрѣнія, аллегоризируетъ факты, какъ бы тяготится искренностію и простотою евангельскаго разсказа и спѣшитъ къ дальнѣйшимъ результатамъ. — Самое понятіе искупленія у Шлейермахера страдаетъ отвлеченностію и идеалистичностію: мы сознаемъ въ себѣ давленіе чувствен-

ности (грѣха) надъ богосознаніемъ; избавленіе отъ этого грѣха идетъ не отъ реальной силы искупленія, понимаемаго самостоятельно, а отъ лица Искупителя, особенность котораго состоитъ въ томъ, что Онъ въ своемъ лицѣ представляетъ абсолютную крѣпость богосознанія; слѣд. не дѣйствительные потоки благодати льются отъ акта искупленія, совершеннаго Сыномъ Божіимъ, а самъ человѣкъ путемъ представленія объ Искупителѣ достигаетъ благодатнаго на себя воздѣйствія; гдѣ же то живое и цѣльное отношеніе между вѣрующимъ и Христомъ, о которомъ говоритъ церковная догматика? — Христологія Шлейермахера отличается отъ раціоналистической тѣмъ, что думала имѣть дѣло со Христомъ историческимъ, а не идеальнымъ или умственнымъ прототипомъ, какъ учили о Христѣ раціоналисты. Но Христосъ въ догматикѣ Шлейермахера и Христосъ въ Евангеліи—различные образы. Послѣдній, хотя явился въ условіяхъ исторіи, но стоитъ безконечно выше исторіи во всѣхъ отношеніяхъ и всею своею божественно-человѣческою природою; между тѣмъ богословъ совершенство Искупителя видитъ только въ ограниченной части Его существа — въ сравнительно большей и высшей степени проявленія въ Немъ богосознанія, сдѣлавшагося импульсомъ всѣхъ моментовъ Его жизни; помимо этой идеи богосознанія лице Искупителя, по Шлейермахеру, подвержено было несовершенству обычнаго конечнаго существа; старая схоластическая христологія говорила о Христѣ, что онъ не только potuit non peccare, но и non potuit peccare: Шлейермахеръ послѣдняго допустить не можетъ: онъ не знаетъ Христа, какъ воплотившагося 2-го лица св. Троицы, въ которомъ ипостасно соединены были божественная и человѣческая природа; его Христосъ, какъ мѣтко замѣтилъ одинъ критикъ, „какой-то космически-метафизическій богочеловѣкъ“; понятно, почему чудеснымъ фактамъ земной жизни Господа—рожденію отъ Дѣвы, воскресенію, вознесенію, богословъ не придаетъ дог-

матическаго значенія; „дѣло“ Христа у него есть слѣдствіе какого-то моральнаго (религіознаго) субъективнаго процесса, а не исполненіе божественнаго плана о спасеніи человѣка, гдѣ Христосъ явился божественнымъ посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ.—Ученіе о церкви и таинствахъ въ догматикѣ Шлейермахера чисто протестантское, только доведенное до большей крайности; таково же ученіе объ ангелахъ, поклоненія которымъ не знаетъ и церковная догматика первыхъ реформаторовъ. Наконецъ главнѣйшій христ. догматъ—о св. Троицѣ, долженствующій предшествовать всему строю догматическихъ истинъ, явился у Шлейермахера извращеннымъ, урѣзаннымъ и своеобразнымъ.

Таковы главнѣйшія слабыя стороны догматики, которыя конечно не могутъ быть предметомъ сочувствія православнаго богослова и которыя получили справедливое осужденіе въ нашей русской богословской литературѣ. Такъ авторъ извѣстной прекрасной книги „О евангеліяхъ и евангельской исторіи“ далеко несочувственно отзывается о Шлейермахерѣ (стр. 30 и дал.) и осуждаетъ его главнымъ образомъ за взглядъ его на евангельскія чудеса, которыхъ силу и сверхъестественность, какъ мы видѣли, уничтожалъ нѣмецкій богословъ, измысливъ свое собственное понятіе о чудѣ. Всѣ ошибки и извращенія въ догматикѣ Шлейермахера являются плодомъ его односторонняго пониманія идеи самой религіи, сущность которой богословъ хотѣлъ ограничить областію чувства. Нельзя отказать ему въ религіозности, которая била въ немъ сильнымъ ключемъ; она-то и была въ немъ силою, давшею ему важное значеніе въ исторіи современнаго ему богословія. Но его односторонность пониманія религіи, его лирическая точка зрѣнія заслонила въ самой религіи такія стороны, которыя стоятъ выше и дальше простаго чувства. Объективно-теологическая сторона религіи, въ частности христіанства, осталась внѣ симпатіи богослова и не была понята

имъ. Догматика Шлейермахера есть логическое слѣдствіе односторонняго исходнаго начала, изъ котораго вышелъ богословъ и наглядное доказательство того, до чего можетъ довести односторонняя точка зрѣнія. Вотъ почему дальнѣйшіе представители нѣмецкаго богословія спѣшили исправить эту ошибку Шлейермахера и найти другія исходныя начала пониманія христіанства, нежели какія были положены въ основу богословствованія этого романтика въ богословіи, какимъ былъ Шлейермахеръ.

г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ИЗВѢСТІЯ“

ПЕТРОВСКОЙ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ И ЛѢСНОЙ АКАДЕМІИ,

выходятъ ежегодно тремя выпусками въ объемѣ не менѣе 30 листовъ въ годъ.

Они состоятъ изъ трехъ отдѣловъ: оффиціальнаго, неоффиціальнаго и объявленій. Въ составъ перваго входятъ: а) Журналы засѣданій Совѣта, вполнѣ или въ извлеченіи, и нѣкоторые изъ журналовъ засѣданій Хозяйственнаго Комитета, имѣющіе особенное значеніе для учебной или ученой дѣятельности членовъ Совѣта; б) Годичный отчетъ о состояніи Академіи; в) Труды коммиссій, назначаемыхъ Совѣтомъ для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ; г) Отчеты по командировкамъ членовъ Совѣта и другихъ лицъ, служащихъ въ Академіи; д) Отчеты о занятіяхъ стипендіатовъ высшаго оклада; е) Отчеты объ экскурсіяхъ, ежегодно совершаемыхъ со студентами профессорами и преподавателями Академіи; ж) Каталоги библіотеки и кабинетовъ и описанія различныхъ учрежденій, состоящихъ при Академіи; з) Годичный хозяйственный планъ Академической Фермы; и) Программы, по которымъ читаются различные предметы въ Академіи; і) Списки студентовъ. Неоффиціальный отдѣлъ состоитъ изъ а) Трудовъ профессоровъ, преподавателей и студентовъ Академіи, а также и другихъ лицъ, передаваемыхъ въ редакцію съ рекомендаціей профессора или преподавателя; б) Диссертацій, удостоенныхъ награды медалями, или признанныхъ удовлетворительными для полученія степени кандидата по одному изъ отдѣловъ Петровской Академіи и представляющихъ научный интересъ, и в) Результатовъ работъ, выполненныхъ профессорами, преподавателями и студентами Академіи въ Химической Лабораторіи, на Опытномъ Полѣ, въ Лѣсной дачѣ, Огородѣ, Питомникахъ и т. п., а также при различныхъ кабинетахъ.

Цѣна въ годъ за три книжки «Извѣстій Петровской Академіи» *четыре* рубля съ пересылкою; но для членовъ Лѣснаго Общества она уменьшена на 25%, т. е. назначена *три* рубля и для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній—*два* рубля.

Подписка на текущій 1880 годъ принимается въ Канцеляріи Петровской Академіи, въ типографіи М. П. Лаврова и К° и въ книжныхъ магазинахъ въ Москвѣ, А. А. Васильева (Страстной бульваръ д. графа Мусина Пушкина) и П. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Тамъ же можно получать I (1878) и II (1879) томы «Извѣстій» по 4 р. каждый.

силъ св. Синодъ, нельзя ли набрать въ академію учениковъ изъ какой нибудь другой семинаріи за малолюдствомъ невской: „студенты, которые слушаютъ богословіе, въ богословскихъ лекціяхъ далеко произошли и лѣтами уже не молоды; человѣкъ 17 мальчиковъ, которые обучаются грамматикѣ, почти токмо еще на опробаціи содержатся и къ выбору негодятся; и такъ только тѣ, которые въ піитикѣ и риторикѣ (ибо сего года философія въ александроневской семинаріи не преподается, потому что не доспѣли еще ученики какъ лѣтами, такъ и ученіемъ къ слушанію оныя) находятся, человѣкъ съ однимъ тридцать къ выбору могли бы быть представлены, да и они нужны для епархіи". Св. Синодъ распорядился было по этому представленію выбрать изъ невской семинаріи только пять воспитанниковъ, а остальныхъ 5 вызвать изъ семинаріи смоленской; но Разумовскій настаивалъ на своемъ и не безъ колкости писалъ Синоду, что онъ могъ бы и всѣхъ 30 человѣкъ взять изъ одной невской семинаріи, но пожалѣвъ ее, распорядился сдѣлать вызовъ изъ трехъ школъ, чтобы ее не отягчить, а въ заключеніе пригрозилъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства и оттяжки дѣла доведетъ обо всемъ до свѣденія ея величества. Въ томъ же тонѣ онъ послалъ письмо и къ архіепископу Ѳеодосію, внушая ему, что вызовъ учениковъ произведенъ по высочайшему именному указу и что въ государевыхъ дѣлахъ отстрочки дѣлать не годится. Уступая необходимости, св. Синодъ предписалъ исполнить требованіе академіи, но разрѣшая выбрать 10 человѣкъ изъ невскихъ семинаристовъ, все-таки поспѣшилъ при этомъ по возможности смягчить эту потерю нужныхъ людей тѣмъ, что велѣлъ произвести выборъ по крайней мѣрѣ изъ семинаристовъ, не посвященныхъ въ стихарь, потому что посвященныхъ, „яко уже на степень священнаго церковнаго причта молитвами, съ призываніемъ Духа святаго, въ церкви при народномъ собраніи возведенныхъ, отъ церкви св. отрѣшать и въ помянутый уни-

верситетъ, яко къ свѣтскому дѣлу требуемыхъ, отдавать не подобаетъ“ (1). — Съ 1755 г. изъ дух. школъ начались вызовы въ новый московскій университетъ, который тоже преимущественно сталъ наполняться учениками обѣихъ академій и семинаристами.

Между тѣмъ въ томъ же 1755 г. духовная администрація снова была обезпокоена вопросомъ объ уходѣ духовныхъ воспитанниковъ въ медицинскую науку и службу. Мы видѣли, что въ 1735 г. св. Синодъ рѣшилъ этотъ вопросъ распоряженіемъ посылать въ эту науку учениковъ изъ разночинцевъ. Распоряженіе это было подтверждено еще разъ въ 1754 г. по случаю вызова студентовъ въ медико-хирургическую академію. Но дух. школы, развиваясь въ своемъ сословномъ духѣ, съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе принимали къ себѣ дѣтей недуховнаго происхожденія. Разночинцы исчезли даже изъ московской академіи и еще въ 1748 г. докторъ Блюментростъ, какъ мы видѣли, задавалъ вопросъ, откуда же ему брать учениковъ въ госпиталь, такъ какъ дѣтей духовенства вызывать для этого изъ академіи не дозволялось. Тотъ же вопросъ задала теперь и медико-хирургическая академія и просила св. Синодъ дозволить поступать въ медицинское ученіе не однимъ разночинцамъ, но и дѣтямъ духовенства. Синодъ отвѣчалъ ей на это рѣшительнымъ отказомъ „для нѣкоторыхъ, какъ онъ объяснялъ, указныхъ и настоящихъ резоновъ“. Академія, крайне нуждаясь въ студентахъ, такой неопредѣленной отговоркой не урезонилась и стала настаивать на болѣе выгодномъ для себя рѣшеніи важнаго вопроса. Въ 1756 г. изъ канцеляріи ея послѣдовала въ Синодъ новая просьба, въ которой, указывая на настоятельную потребность умноженія медицинскихъ знаній въ Россіи, она просила выслать

---

(1) Ист. спб. акад. 56 — 57 и *Сухомлинова* Ист. росс. акад. I, 6—8.

по крайней мѣрѣ человѣкъ 50 семинаристовъ изъ разныхъ епархій. Въ св. Синодѣ наконецъ рѣшили: ради крайней потребности въ русскихъ медикахъ отпускъ семинаристовъ въ медицинскую науку дозволить, но отпускать все-таки не всѣхъ, а кои въ священствѣ и въ прочемъ церковномъ причтѣ быть не похотятъ и пожелаютъ сами обучаться медицинской и аптекарской наукѣ, откуда и сколько человѣкъ въ то пятидесятное число можно, по усмотрѣнію архіереевъ и ректоровъ (1). Желающихъ въ медицинскую и въ др. свѣтскія науки находилось всегда довольно, потому что съ развитіемъ замкнутости духовнаго сословія это былъ единственный честный и выгодный выходъ изъ него для всѣхъ, кто чувствовалъ себя нерасположеннымъ къ духовной службѣ.

Намъ остается сказать о случаяхъ самовольнаго выхода учениковъ изъ школы, выражавшихся въ формѣ бѣгства, противъ котораго семинарскія и епархіальныя начальства вооружались всѣми карами, какія находились въ ихъ распоряженіи. Не смотря на всѣ страхи, бѣгство отъ ученія доходило въ семинаріяхъ до какихъ-то повальныхъ размѣровъ, о которыхъ теперь даже трудно составить понятіе, такъ что удерживать учениковъ въ школѣ было едва ли еще не труднѣе, чѣмъ набирать ихъ вновь. Въ исторіяхъ разныхъ семинарій находимъ наприм. такія извѣстія. Въ псковской семинаріи въ 1741 год. изъ 253 учениковъ бѣглыхъ числилось 24, въ 1742 — 30 человѣкъ, въ 1744—60, которыхъ и отыскать не могли (2). Въ воронежской семинаріи по одной вѣдомости 1746 г. изъ 102 учениковъ бѣгали 41, нѣкоторые вторично и въ третій разъ; въ 1748 г. изъ 29 человѣкъ въ бѣгахъ значилось 7, а въ слѣдующемъ 1749 году, только лишь собрано было 35 учениковъ вновь, какъ вес-

(1) П. С. З. т. XIV, № 10521.

(2) Ист. пск. семин. 29, 36.

ной, во время Пасхи, бѣжало изъ нихъ 30 человѣкъ, вслѣдствіе чего пришлось остановить самое ученіе; въ послѣдующіе годы, благодаря строгимъ мѣрамъ, предпринятымъ противъ бѣглыхъ и ихъ отцевъ, бѣгство значительно уменьшилось, но все еще существовало въ очень почтенныхъ размѣрахъ; — такъ въ 1751 г. изъ 24 учениковъ въ бѣгахъ показано 6, да 5 человѣкъ отмѣчены часто отлучавшимися отъ школы, т. е. бѣгавшими, такъ сказать, по мелочамъ; объ одномъ изъ нихъ замѣчено, что онъ „отъ школы невѣдомо на какіе промыслы часто отлучался“ (1). Въ тверской семинаріи въ началѣ ея существованія былъ такой случай: въ маѣ 1732 г. нѣсколько учениковъ отпущено было на вакатъ, но вмѣстѣ съ ними разбѣжались по домамъ и остальные; прошло лѣто, прошла и осень, а въ семинарію ни изъ отпущенныхъ, ни изъ бѣжавшихъ никто не являлся, наконецъ уже 15 декабря учитель Евдокимовъ донесъ объ этомъ событіи архіерейскому приказу, при чемъ представилъ списокъ однихъ только отпущенныхъ, а о бѣжавшихъ показалъ, что онъ ихъ не знаетъ, кто были такіе, потому что во время отпуска, когда они бѣжали, такъ вѣроятно утащили у него съ собой и всѣ ученическіе списки (2). Въ вятской епархіи по смерти ревностнаго поборника просвѣщенія и основателя хлыновской школы Лаврентія ученики толпами побѣжали изъ нея по домамъ, такъ что въ 1737 — 1739 г. она оставалась почти совсѣмъ пустая (3).

Одной изъ важнѣйшихъ мѣръ къ отвращенію такого бѣгства служило загражденіе для бѣглецовъ доступа къ причетническимъ должностямъ, къ которымъ они обыкновенно стремились. Мы знаемъ что мѣра

---

(1) Воронежск. епарх. вѣд. 1867 г. № 6, стр. 203. № 14, стр. 467 и 1868 г. № 6, стр. 169, № 7, стр. 212.

(2) Странникъ 1878 г. сент. 399—400.

(3) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 4. стр. 59—60.

эта прилагалась и къ тѣмъ дѣтямъ духовенства, которыя вовсе уклонялись отъ школы, но знаемъ также, какъ она плохо исполнялась на дѣлѣ вслѣдствіе долгой почти полной независимости церковническихъ мѣстъ отъ епархіальной власти. Бѣглый ученикъ тоже могъ довольно легко сдѣлаться церковникомъ, особенно если имѣлъ возможность выждать время, когда объ его бѣгствѣ забывали при каѳедрѣ, — въ этомъ случаѣ онъ могъ даже надѣяться на полученіе указа и зачислиться въ дѣйствительно-служащіе дьячки. На указанную мѣру поэтому мало надѣялись духовныя начальства и старались обыкновенно накрывать бѣглецовъ какъ можно скорѣе, по свѣжимъ слѣдамъ. Когда счастливо удавалось ихъ услѣдить, тогда ихъ не спасало уже и дьяковство, на которое они иногда поступали. Въ 1744 г. въ Троицкой лаврѣ возникло дѣло о троихъ такихъ бѣглецахъ, успѣвшихъ уже заявиться въ духовную дикастерію для полученія указовъ на церковническія мѣста и для большаго успѣха заручившихся подложными увольнительными документами изъ троицкой канцеляріи. Приказный и повытчикъ канцеляріи показали, что эти ученики высланы въ дух. дикастерію по указу императрицы. Показаніе по справкамъ оказалось ложнымъ и надъ виновными разразилась гроза: съ приказнаго велѣно взять 100 руб. штрафу въ пользу семинаріи, повытчикъ опредѣленъ въ конюхи, а учениковъ уволили съ худыми рекомендаціями, которыя тогда вели за собою запись въ подушный окладъ или солдатство (1). Встрѣчаемъ извѣстія, что епархіальныя начальства отыскивали своихъ бѣглыхъ учениковъ даже по канцеляріямъ на свѣтской службѣ. Въ 1750 г. въ воронежской консисторіи допрошенъ былъ объ одномъ бѣгломъ школьникѣ отецъ его соборный дьячокъ и показалъ, что сынъ его успѣлъ уже опредѣлиться копіистомъ въ московскую

(1) Ист. троицк. сем. 177—178.

дворцовую контору. Архіерей воронежскій Ѳеофилактъ немедленно донесъ объ этомъ св. Синоду и просилъ, для удержанія отъ побѣгу прочихъ домовой его семинаріи студентовъ, помянутаго бѣглаго студента въ помянутой дворцовой конторѣ сыскать и въ семинарію возвратить, а отъ оной дворцовый конторы, по какому указу приняла она бѣглаго студента, взять правдивый отвѣтъ и рѣшеніе учинить по указамъ и государственнымъ правамъ. Удовлетворена ли была такая рѣшительная просьба, неизвѣстно (1).

Отвѣтственность за бѣглыхъ учениковъ. возлагаема была на всѣ епархіальныя власти, на духовные приказы или потомъ консисторіи, на дух. управителей и заказчиковъ, и на семейства самихъ бѣглецовъ. Въ 1742 г. псковскій архіерей Стефанъ въ своемъ указѣ консисторіи писалъ: „бѣглыхъ учениковъ консисторіи въ скоромъ времени отыскать и представить въ школы безъ всякихъ отговорокъ, иначе она будетъ оштрафована за потворство, по которому она, несмотря на неоднократныя подтвержденія его преосв-ва, допустила болѣе 30 человѣкъ жить въ бѣгахъ; значущихся въ вѣдомостяхъ больными призвать въ дух. консисторію и вмѣстѣ съ ректоромъ и префектомъ, приглася лекаря, освидѣтельствовать и о послѣдующемъ за рукоприкладствомъ свидѣтельствовавшихъ отрепортовать его преосв-ву; безъ вѣдома его преосвва ни этихъ учениковъ, ни имѣющихъ поступить, хотя бы и за болѣзнію, не отпускать подъ опасеніемъ штрафа“ (2). Когда въ 1749 г. воронежская семинарія совсѣмъ было опустѣла отъ бѣгства учениковъ, Ѳеофиликтъ воронежскій задалъ консисторіи сильный нагоняй. Узнавъ, писалъ онъ, что въ семинаріи не осталось ниодного человѣка, приказали мы нашей консисторіи прислать намъ правдивый отвѣтъ, чего

---

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 22, стр. 724—725.

(2) Ист. псковск. сем. 36.

ради въ домовой нашей семинаріи учениковъ не обрѣтается и кѣмъ распущены или же бѣжали, и о тѣхъ бѣжавшихъ отъ учителя Оранскаго въ подачѣ въ консисторіи репорты имѣются ли и по тѣмъ репортамъ онымъ ученикамъ каковой о томъ консисторіи сыскъ былъ и для чего до нынѣ та наша дух. консисторія о помянутой семинаріи къ намъ не репортовала и смотрѣнія своего о томъ о той семинаріи не имѣла, а пока помянутый отвѣтъ (будетъ присланъ), также и всѣ ученики въ семинарію будутъ собраны и въ дѣйствительное ученіе вступятъ, за слабое духовной консисторіи присутствующихъ смотрѣніе, тѣмъ присутствующимъ быть въ той консисторіи неисходно, правящаго же секретарскую должность канцеляриста, ключаря и канцеляриста, у котораво о той семинаріи дѣла имѣются, содержать въ той консисторіи подъ карауломъ скованныхъ безъ выпуску“ (1). Въ отысканіи бѣглыхъ консисторія участвовала или сама чрезъ нарочныхъ сыщиковъ изъ своихъ служителей, или чаще всего поручая это дѣло ближайшимъ окружнымъ властямъ, мѣстнымъ духовнымъ правленіямъ и закащикамъ.

Разыскиваніе бѣглыхъ составляло непремѣнную обязанность заказчиковъ, о которой постоянно писалось въ ихъ инструкціяхъ съ разными угрозами за неисправность, наприм.: „а ежели твоимъ небреженіемъ и несмотрѣніемъ, паче же понаровкою будутъ оные школьники жить въ домахъ своихъ подъ укрывательствомъ отцевъ ихъ и невысыланы въ школу и отъ того въ сыску ихъ, въ посланін указовъ и нарочно посланныхъ произойдетъ архіерейскому дух. приказу затрудненіе, и за то позванъ ты будешь къ отвѣту и жестоко наказанъ неотмѣнно“ (2). Наказаніемъ

---

(1) Ворон. епарх. вѣд. 1868 г. № 6, стр. 212—213.

(2) Иностр. 1739 г; заказчику вятск. епархіи: Пермск. епарх. вѣд. 1870 г. № 33. стр. 399.

за неисправность было для нихъ лишеніе должности и денежные штрафы, наприм. въ вятской епархіи до 3 рублей (1). Заказчики ловили бѣглыхъ во время своихъ объѣздовъ по заказамъ или же поручали это другимъ лицамъ. Такъ, въ петербургской епархіи, получивъ указъ изъ консисторіи о бѣгломъ ученикѣ своего заказа, заказчикъ подговаривалъ къ поимкѣ его какого нибудь мужика или солдата, давалъ ему инструкцію и отправлялъ въ то село, гдѣ проживалъ бѣглецъ; посланный являлся на мѣсто incognito, гдѣ нибудь выслѣживалъ ученика и, связавъ веревками или сковавъ, на ямскихъ подводахъ везъ его прямо въ консисторію (2). Кромѣ заказчиковъ, ловлей семинарскихъ бѣглецовъ обязаны были также монастырскія власти въ своихъ вотчинахъ. Вотъ одинъ указъ касательно этого предмета, посланный вятскимъ архіереемъ Лаврентіемъ въ 1735 г. властямъ Нискорскаго монастыря и заключающій въ себѣ между прочимъ любопытныя указанія на самый характеръ этой ловли бѣглыхъ учениковъ: „Какъ вы сей его преосв-ва указъ получите, и вамъ бы, ежели того монастыря и вотчинъ священно-и-церковнослужительскія дѣти, имѣющіяся въ домѣ его преосв-ва, изъ греко-латинской школы побѣгутъ и въ домы отцевъ своихъ пріидутъ, и ихъ тотчасъ имая за караулъ, стегати жестоко и высылати въ домъ его пр-ва такъ, какъ бѣглыхъ рекрутъ, скованныхъ въ колодкахъ, за карауломъ, при доношеніи своемъ, съ отцами ихъ въ самой скорости; а ежели отцы ихъ тѣхъ дѣтей своихъ, бѣжавшихъ изъ учительской школы, станутъ въ домъ къ себѣ принимать или подъ укрывательствомъ въ домѣхъ свойственниковъ или чужихъ будутъ держать, и за то оныхъ отцовъ ихъ отлучить,—поповъ и діаконовъ отъ священнодѣйствія, а церковныхъ причетниковъ и просвирницъ и сторожей отъ мѣстъ ихъ и доходу имъ никакого не давать, а дѣтей ихъ по тому же

(1) Вятск. еларх. вѣд. 1868 г. № 4. стр. 63—64.

(2) Странникъ: о Никодимѣ спбургскомъ. 1876 г. т. II, стр. 90

скованныхъ въ колодкахъ неотложно присылать" и проч. (1). Кромѣ нарочныхъ изъ консисторій, дух. правленій и отъ заказчиковъ, посылались за бѣглыми нарочные изъ самыхъ школъ. Встрѣчаемъ примѣры посылки за ними семинарскихъ учителей и даже учениковъ; въ упомянутой инструкціи отправлявшимся на вакатъ ученикамъ воронежской семинаріи о повѣркѣ по епархіи всего духовенства въ исправности несенія имъ школьныхъ повинностей между прочимъ есть пунктъ и о ловлѣ бѣглыхъ учениковъ. Наконецъ довольно живое участіе въ этой ловлѣ принимала и свѣтская полиція, потому что бѣглецы нерѣдко попадались въ противозаконномъ бродяжничествѣ и разныхъ безпорядкахъ (2). Разсылка нарочныхъ и всѣ издержки по доставкѣ учениковъ въ семинарію производились на счетъ отцевъ и вообще укрывателей бѣглецовъ, что составляло для нихъ весьма чувствительное наказаніе.

Кромѣ временнаго запрещенія отъ службы, лишенія доходовъ и издержекъ на отысканіе и доставку бѣглыхъ учениковъ, отцы ихъ или родственники за держаніе ихъ у себя подвергались штрафамъ рубля въ 2, 4, 5, 7, смотря по продолжительности укрывательства и по усмотрѣнію начальства. Нѣкоторые отцы въ своемъ потаковничествѣ дѣтямъ и въ своемъ нерасположеніи къ школѣ доходили до того, что не только содѣйствовали бѣглецамъ въ укрывательствѣ отъ заказчиковъ и разсыльщиковъ, но даже прямо ослушивались указовъ и не хотѣли выдавать своихъ дѣтей силою; тогда ихъ самихъ везли въ консисторію на расправу. Большею частію впрочемъ они и безъ подобнаго ослушанія забирались вмѣстѣ съ дѣтьми въ епархіальный городъ для того, чтобы отвѣчать при консисторскомъ слѣдствіи о бѣгахъ въ ка-

---

(1) Пермск. епарх. вѣд. 1870 г. № 31, стр. 619—620.

(2) См. наприм. Ист. моск. акад. 106—107.

чествѣ пристанодержателей (1). Дѣло рѣдко обходилось при этомъ и безъ тѣлеснаго наказанія, которымъ угрожали имъ архіерейскіе указы. Для такого наказанія виновныхъ. не только церковниковъ, но и священниковъ, въ консисторіи иногда нарочно собираемо было все духовенство епархіальнаго города и экзекуція производилась въ его полномъ присутствіи, чтобы всѣ возъимѣли должный страхъ и на такія же вины не отваживались (2). Едва ли не самымъ страшнымъ и чувствительнымъ наказаніемъ за дѣтей для отцевъ былъ арестъ при архіерейскомъ домѣ или при консисторіи, который продолжался большею частію не малое время, стоилъ имъ многихъ нравственныхъ страданій въ разлукѣ съ своими семьями, сопровождался разными униженіями и оскорбленіями, какимъ обыкновенно подвергались тогдашніе колодники, останавливалъ всѣ ихъ домашнія дѣла по хозяйству и доходы по должности, а между тѣмъ стоилъ немалыхъ издержекъ на проживаніе въ тюрьмѣ и ублаготвореніе разныхъ административныхъ лицъ, и потому иногда совсѣмъ ихъ раззорялъ. Въ указахъ писалось: взять такихъ-то священно-или-церковнослужителей за держаніе у себя бѣглыхъ ребятъ въ консисторію, а за наемныя подводы деньги доправить съ нихъ же и отдать подводчикамъ, а ежели кого изъ нихъ въ домѣхъ не найдутъ, то брать такимъ же порядкомъ въ консисторію, кто попадется, изъ домашнихъ или кто домомъ владѣетъ; по привозѣ въ консисторію отдать ихъ подъ караулъ недѣльнымъ сторожамъ съ повелѣніемъ изъ-подъ караула безъ указа никуда ихъ не выпускать до тѣхъ поръ, пока не заплатятъ всѣхъ издержекъ и положенныхъ штрафныхъ деиегъ, а если сами бѣглые ребята еще не отысканы, то до тѣхъ

---

(1) Іерарх. вятск. епарх. *Никитникова*, стр. 43. Воронежск. епарх. вѣд. 1867 г. № 14, стр. 467 — 468. 470, 1868 г. № 6. стр. 169.

(2) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 4, стр. 64.

поръ, пока оныхъ бѣглыхъ не представятъ. Нѣкоторые колодники—священники отпускались впрочемъ въ свои приходы на время, на праздники Рождества и Пасхи, подъ строгимъ письменнымъ обязательствомъ послѣ праздника снова явиться въ консисторію подъ караулъ (1). Послѣ неоднократнаго повторенія подобныхъ строгостей надъ духовенствомъ оно съ теченіемъ времени само начинало поскорѣе сбывать бѣглецовъ съ рукъ, чтобы съ ними не попасться въ бѣду, и даже иногда ловить ихъ, вязать и представлять въ консисторію (2).

Сами бѣглецы подвергались суровымъ тѣлеснымъ наказаніямъ и даже понѣскольку разъ за одну вину. Какъ мы видѣли изъ указа вятскаго архіерея пыскорскому монастырю, на ихъ проступокъ смотрѣли, какъ на уголовное преступленіе, а самихъ ихъ сравнивали съ военными дезертирами. Поэтому наказаніе ихъ не ограничивалось стѣнами школы и школьными карами, а производилось по присутственнымъ мѣстамъ. Иногда ихъ „стегали жестоко“, какъ сказано въ томъ же указѣ, еще низшія власти, поймавшія ихъ, гдѣ нибудь въ дух. правленіи или въ монастырѣ, прежде сдачи въ консисторію. Послѣ сдачи въ консисторію и разсмотрѣнія дѣла судебнымъ порядкомъ слѣдовала обыкновенно одна и таже резолюція: „наказать нещадно плетьми предъ дух. консисторіею и отослать въ школу съ роспискою,“ или съ видоизмѣненіемъ: вызвать въ консисторію всѣхъ учениковъ и учинить наказаніе въ ихъ присутствіи, чтобы другимъ такъ поступать было неповадно (3). Сами семинарскіе педагоги смотрѣли на бѣглецовъ съ той же уголовной точки зрѣнія, а потому пойманнымъ не легко доста-

(1) Воронежск. епарх. вѣд. 1868 г. № 6. стр. 171—173.

(2) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 4. стр. 65.

(3) Описан. смоленск. епарх. стр. 189, Воронежск. еп. вѣд. 1867 г. № 6, стр. 169.

валось расплачиваться за свою вину и въ томъ счастливомъ случаѣ, когда помимо консисторіи и дух. правленія, безъ особеннаго суда и слѣдствія, они доставляемы были прямо въ школу на ея собственную расправу.

Не смотря на всѣ ужасы этихъ экзекуцій, бѣгство учениковъ продолжалось почти неослабно во все описываемое время. „Бѣдственное школьническое житіе," надоскучивъ паче мѣры, заставляло ихъ забывать всѣ опасности житія въ бѣгахъ и предпринимать для своей свободы самыя рискованныя средства, на которыя, по замѣчанію автора Исторіи владимірской семинаріи, теперь можетъ рѣшиться развѣ рѣдкій острожный. Не обременяя вниманія читателя множествомъ фактовъ, относящихся къ этому предмету, изъ историческихъ очерковъ другихъ семинарій, ограничимся нѣсколькими извѣстіями изъ сейчасъ упомянутаго сочиненія о владимірской семинаріи. Не можемъ не замѣтить здѣсь кстати, что передъ всѣми другими сочиненіями этого рода оно отличается особеннымъ обиліемъ и рѣдкихъ мастерствомъ въ изображеніи живыхъ и типическихъ чертъ нашего стараго семинарскаго быта, между прочимъ и нашихъ семинарскихъ бѣгуновъ.

Весной 1761 г. бѣжалъ изъ семинаріи ученикъ грамматики Иванъ Тимоѳеевъ, мальчикъ лѣтъ 13, тихій и скромный сирота, сынъ одной вдовой владимірской дьяконицы. Онъ не выдержалъ, разлуки съ своей матерью, къ которой его не пустили даже въ свѣтлый Христовъ праздникъ; протосковавъ первые два дня Пасхи, на третій онъ вдругъ безъ спроса явился въ свой домъ. Зная, какъ строго поступаютъ съ бѣглыми, мать къ вечеру сама отвела его въ семинарію съ слезной просьбой пощадить ея мальчика. Суровые педагоги не обратили на эту просьбу никакого вниманія, мать прогнали съ ругательствами, которыхъ она вовсе не заслужила, а сына жестоко высѣкли, заковали въ желѣза и посадили въ семинар-

скую тюрьму. Здѣсь онъ просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ; на другой мѣсяцъ вздумали его облегчить тѣмъ, что сняли у него съ желѣзъ тяжелый замокъ и перевязали ихъ веревками, но конца мученіямъ все—таки не предвидѣлось и ученики стали поговаривать между собой, что съ Тимоѳеевымъ что-то неладное дѣлается. Вдругъ 12 мая арестантъ пропалъ, не извѣстно куда; искали его у матери и не нашли. Спустя нѣсколько времени открылось дѣло очень плачевнаго свойства. Въ консисторію подано было прошеніе городскаго попа Якова Ѳедорова, въ которомъ было прописано, что въ ночь на 12 число у него была украдена лошадь и что съ этой лошадью въ одной деревнѣ владимірскаго уѣзда былъ пойманъ бѣглый семинаристъ Иванъ Тимоѳеевъ, прежде неоднократно у него бывавшій по знакомству его попа съ его Ивановыми родителями. Бѣглеца снова заковали въ кандалы, посадили въ тюрьму уже консисторскую, въ которой онъ по обычаю долженъ былъ и содержаться на свой коштъ, т. е. на счетъ бѣдной вдовы матери, и подвергнули строгому формальному слѣдствію, какъ уголовнаго преступника. Замѣчательно, что учители семинаріи на запросъ консисторіи дали объ немъ очень хорошій отзывъ. Показанія самого Тимоѳеева были чисто дѣтскія и самымъ характеромъ своимъ устраняли юридическую точку зрѣнія, съ какой на его проступокъ упорно смотрѣли тогдашніе консисторскіе судьи. Онъ показалъ, что воспользовавшись снятіемъ у него съ кандаловъ замка, ночью бѣжалъ изъ семинарской тюрьмы на дворъ о. Якова, спрятался на сѣнницѣ и проспалъ тамъ цѣлый день, а ночью схватилъ у него на дворѣ лошадь, сѣлъ на нее и ускакалъ за р. Клязьму, чтобы поскорѣе удалиться отъ Владиміра; украсть эту лошадь намѣренія не имѣлъ, а хотѣлъ только доѣхать на ней до с. Палищъ къ священнику дядѣ, у котораго надѣялся пріютиться, и потомъ пустить оную лошадь къ о. Якову обратно, сама де дойдетъ до дому. Онъ разсказалъ также при

этомъ исторію своего путешествія, какъ для утоленія голода просилъ у крестьянъ милостыню, какъ ночевалъ двѣ ночи среди лѣса, не спускаясь со спины лошади, чтобы не съѣли волки, какъ боялся проѣзжать по деревнямъ, чтобы не схватили мужики; оставалось уже недалеко и до Палищъ, какъ отуманенный радостью скораго спасенія отъ всѣхъ тревогъ у дяди, онъ забылъ свою осторожность—поѣхалъ прямо черезъ деревню Гришинскую; тутъ его и схватили, принявъ за конокрада, связали и представили къ попу Якову, а Яковъ въ консисторію. Выслушавъ это показаніе, консисторія привела къ дѣлу справки изъ Регламента и указовъ о сдачѣ негодныхъ семинаристовъ въ солдаты или окладъ, этого мало, — по обвиненію его въ воровствѣ обратилась къ Уложенію Алексѣя Михайловича и подвела мальчика подъ 9 пунктъ 25 главы, гдѣ велѣно татя пытать и за первую татьбу, каковою признана покража Тимоѳеевымъ лошади, бить виновнаго кнутомъ, отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить въ тюрьму на два года въ кандалахъ, а затѣмъ сослать въ украйные города. Для исполненія этого приговора Тимоѳеевъ и былъ затѣмъ сданъ въ провинціальную канцелярію.

Приводимъ еще другой разсказъ, который выразительно показываетъ и то, какъ сильна была у учениковъ жажда свободы отъ семинарскаго житья, и то, какъ дорого стоило ихъ бѣгство какъ имъ самимъ, такъ и ихъ родителямъ, обязаннымъ за нихъ отвѣчать передъ начальствомъ. Въ концѣ января 1760 г. пропалъ изъ владимірской семинаріи ученикъ инфимы Дубровскій. Къ нему только лишь передъ этимъ пріѣзжалъ его отецъ, — священникъ изъ г. Арзамаса; во время свиданія распрашивалъ сына объ истязаніяхъ, какимъ онъ подвергался въ семинаріи, поплакалъ надъ нимъ, хотѣлъ было отпросить его у начальства къ себѣ домой отдохнуть, но, получивъ грубый отказъ, съ горестью покинулъ Владиміръ и отправился восвояси. Консисторія, получивъ донесеніе о побѣгѣ ин-

фимиста, тотчасъ же послала о поимкѣ его указы въ арзамасское дух. правленіе, къ отцу и родственникамъ бѣглеца, дала знать объ немъ съ описаніемъ его примѣтъ и въ провинціальную канцелярію. Прошелъ февраль, а объ немъ не было ни слуху, ни духу. Отецъ былъ, разумѣется, сильно встревоженъ полной неизвѣстностью объ его участи въ такое время, когда безъ средствъ и порядочной одежды мальчику легко было погибнуть отъ мороза и голода, а тутъ на него вдругъ еще опрокинулись бѣды отъ начальства, которое было увѣрено, что онъ держитъ сына тайно при себѣ, иначе бѣглецу негдѣ дѣваться такое долгое время. Стали посылаться къ нему грозные указы о высылкѣ сына, пріѣзжалъ на его счетъ нарочный приставъ, обшарилъ весь домъ и донесъ, что означеннаго школьника у отца дѣйствительно нѣтъ. Въ неизвѣстности о судьбѣ пропавшаго бѣглеца прошло за тѣмъ цѣлое лѣто. Къ осени несчастнаго священника вызвали во владимірскую консисторію и серьезно принялись допрашивать о сынѣ, потому что на него поданъ былъ его врагами доносъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ прячетъ сына у себя. Отрицательнымъ отвѣтамъ его, разумѣется, не повѣрили и посадили его въ тюрьму съ угрозой, если не выдастъ сына, лишить должности. Цѣлыхъ три съ половиной мѣсяца высидѣлъ онъ въ этой тюрьмѣ на своихъ харчахъ, въ полной неизвѣстности о сынѣ, въ страшномъ безпокойствѣ объ оставленной ссмьѣ и въ тревогѣ отъ предстоящаго лишенія мѣста; уже къ концу 1760 г. ему удалось вымолить себѣ отпускъ домой на праздникъ Рождества, послѣ чего его, кажется, уже не тревожили. Прошло еще 11 мѣсяцевъ, когда наконецъ въ послѣднихъ числахъ ноября 1761 г. отыскался бѣглецъ Дубровскій и самимъ отцемъ былъ представленъ въ арзамасское дух. правленіе, а отсюда подъ карауломъ препровожденъ въ консисторію. На допросѣ онъ разсказалъ самую плачевную исторію своего странствованія по разнымъ селамъ и деревнямъ, которыхъ по именамъ и

припомнить не могъ. Кормился онъ по всей дорогѣ Христовымъ именемъ, называя себя сиротою; ночи проводилъ, гдѣ Богъ привелъ,—если не пускали въ избу, такъ спалъ на гумнахъ. на которыхъ зимой по цѣлымъ ночамъ дрогъ, забившись въ солому; одѣвался въ отрепья своего изношеннаго тулупа, а обувался въ выпрошенныя Христа ради лапти и онучи. Такимъ образомъ плутая по разнымъ мѣстамъ много мѣсяцевъ, добрелъ онъ до тамбовской губерніи, гдѣ въ одномъ уѣздномъ городѣ жилъ у него дѣдъ, посадскій человѣкъ Сорокинъ. Дѣдъ этотъ пріютилъ его у себя и держалъ недѣль 10, пока какъ-то не провѣдалъ про его самовольное бѣгство изъ семинаріи. Страхъ передъ утайкой бѣглаго такъ былъ великъ, что сердобольный старикъ, какъ только узналъ, кого держитъ у себя, сейчасъ же повезъ внука къ отцу въ Арзамасъ, а отецъ, ни мало не медля, представилъ сына въ дух. правленіе. Такъ какъ по слѣдствію никакой уголовщины за этимъ бѣглецомъ не оказалось, то консисторія рѣшила наказать его сама и наказала едва ли не самымъ страшнымъ для него и для другихъ семинаристовъ готовыхъ бѣжать образомъ, не отдала его ни въ солдаты, ни въ окладъ, а примѣрно высѣкши оставила въ семинаріи.

Исключеніе для многихъ учениковъ было вовсе не наказаніемъ, а напротивъ особеннымъ счастіемъ, котораго они усиленно добивались; они и бѣгали изъ семинаріи именно отъ того, что не могли добиться законнаго изъ нея увольненія. Нѣкоторые махнули рукой даже и на будущее дьячковство и отчаянно рвались изъ семинаріи, куда бы ихъ ни вынесло, хоть бы даже и въ солдатство. Наприм. въ 1750-хъ гг, одинъ ученикъ той же всадимірской семинаріи, Мих. Гусевъ, юноша уже за 20 лѣтъ, нарочно учился и велъ себя, какъ только могъ, гаже, попадался въ уличныхъ дракахъ, въ пьянствѣ, въ воровствѣ у своихъ товарищей разныхъ вещей, все для того, чтобы его исключили, дважды подавалъ объ этомъ началь-

ству даже просьбы, въ которыхъ въ качествѣ основанія откровенно указывалъ на свою лѣность и дурное поведеніе, а во второй просьбѣ, прилагая къ себѣ извѣстный пунктъ Д. Регламента: „буде окажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый и до драки скорый“ и проч., даже прямо старался внушить, что его слѣдуетъ непремѣнно отдать въ солдаты и что „жить ему въ семинаріи стало всячески невозможно“. Но семинарское начальство не вняло ни той ни другой его просьбѣ и только настойчиво старалось объ его исправленіи посредствомъ жестокихъ наказаній. Наконецъ, истощивъ уже всѣ свои старанія къ полученію желанной свободы и потерявъ всякое терпѣніе, онъ прибѣгнулъ къ послѣднему отчаянному средству, сказалъ за собою страшное „слово и дѣло,“ послѣ чего отправленъ былъ въ тайную канцелярію. Здѣсь на допросѣ онъ показалъ, что никакого слова и дѣла ни за собой, ни за другими онъ вовсе не знаетъ, а объявилъ то слово и дѣло потому, что ему не въ терпежъ стало семинарское житье, отъ котораго онъ никакими другими способами избавиться не могъ, и что прежде имѣлъ и теперь имѣетъ неотъемлемое желаніе быть въ военной службѣ. Послѣ этого за ложное произношеніе страшныхъ словъ онъ подвергнутъ былъ жестокому наказанію плетьми, но и тутъ все-таки не вдругъ попалъ въ солдаты, а предварительно долженъ былъ просидѣть цѣлыхъ полгода въ консисторской тюрьмѣ, да послѣ тюрьмы года два прожилъ на порукахъ въ неопредѣленномъ положеніи, потому что дѣла тогда дѣлались нескоро и цѣлые годы таскались по канцеляріямъ, какъ бы ни были просты. Въ концѣ концовъ онъ все-таки достигъ своей цѣли. Другіе такимъ же образомъ добивались приписки въ крестьянство. Какъ ни страшна была тогда тайная канцелярія, но подобныхъ примѣровъ, когда ученики употребляли ее въ качествѣ мытарства для выхода изъ школъ чрезъ сказываніе „слова и дѣла“, встрѣчается не мало въ исторіи какъ владимірской, такъ и дру-

гихъ семинарій; о нецадномъ наказаніи плетьми за ложное произношеніе указанныхъ словъ разсуждали, что хотя оно и очень больно, но по крайней мѣрѣ заразъ можно оттерпѣться отъ частыхъ и несносныхъ мучительствъ семинарскихъ (1).

Сопоставляя это упорное бѣгство учениковъ изъ школъ съ другимъ явленіемъ въ исторіи нашего школьнаго образованія, о которомъ мы уже говорили, съ такимъ же упорнымъ уклоненіемъ отъ несенія школьныхъ повинностей и обязательнаго образованія въ школахъ своихъ дѣтей со стороны самого духовенства, нельзя не видѣть ихъ совершенной однородности и по характеру и по мотивамъ. Въ борьбѣ своей съ этими явленіями духовныя власти горячо жаловались на грубое невѣжество духовенства и закоснѣлую его вражду къ просвѣщенію; духовенство съ своей стороны оправдывалось своей бѣдностью, по которой будто бы оно не могло ни школъ содержать, ни дѣтей своихъ въ нихъ воспитывать, и предоставляло все школьное дѣло попеченіямъ самой власти, которая вздумала заводить школы. И то и другое объясненіе очевидно было преувеличенно, односторонне и потому вовсе несостоятельно. Дѣло было очевидно не въ этомъ совершенно противоестественномъ отвращеніи отъ просвѣщенія въ цѣломъ сословіи, даже и не въ бѣдности этого сословія, хотя она и дѣйствительно была велика, а главнымъ образомъ въ томъ, что школа навязывалась сословію не для одного просвѣщенія, а еще съ разными посторонними цѣлями, да и просвѣщеніе вводила такое, которое не отвѣчало тогдашнему спросу на него среди духовенства. Какъ мы видѣли, она съ самаго же начала своего существованія сдѣлалась орудіемъ какого-то прикрѣпленія человѣка къ сословной обязательной службѣ, уничтожавшимъ свободный выборъ профессіи для всего молода-

(1) Ист. владим. семинаріи стр. 64—83.

го поколѣнія духовенства, орудіемъ страшной для него дилеммы: „или выучись, чему указано, или ступай въ податное состояніе, а то и въ солдатство,“ орудіемъ страшнаго разбора. Образованіе, какое она давала своимъ воспитанникамъ, и теперь оставалось для духовенства почти такъ же непонятнымъ, какъ и при Петрѣ Великомъ; оно казалось совершенно чуждымъ интересовъ духовной службы, связаннымъ съ нею въ качествѣ необходимаго для нея условія совершенно произвольно, по одной непонятной прихоти черкасъ. Что для лучшаго священства можно обойтись и безъ латинскихъ школъ, въ этомъ убѣждены были не одни малообразованные священники и церковники, но и сами архіереи изъ великоруссовъ, считая эти школы пустыми черкасскими затѣями и, когда было можно, открывая вмѣсто нихъ другія школы съ привычнымъ славянскимъ курсомъ. При такихъ условіяхъ самая строгость, съ какою вводилась обязательность семинарской науки, должна была усиливать противодѣйствіе ей и ронять ея внутренній авторитетъ. Насиліе вездѣ вредитъ дѣлу, въ пользу котораго предпринимается, а здѣсь и самое дѣло было еще очень спорное въ средѣ духовенства.

Излагая правила школьнаго образованія, Д. Регламентъ въ дѣлѣ водворенія этого образованія всю надежду возлагалъ на само молодое поколѣніе духовенства, которое указалъ привлекать въ новыя школы; убѣдить въ пользѣ новаго образованія старое поколѣніе онъ не понадѣялся и вслѣдствіе этого проектировалъ закрытыя дух. школы, въ которыхъ бы можно было совершенно изолировать учениковъ отъ ихъ отцевъ и такимъ образомъ безпрепятственно воспитывать ихъ въ извѣстномъ направленіи, не выпуская ихъ никуда, доколѣ „не ощутятъ знатной пользы таковаго воспитанія.“ Составитель Регламента, будучи вполнѣ увѣренъ въ достоинствахъ проектированной имъ учебно—воспитательной системы, разсчитывалъ, что ученикъ долженъ войти во вкусъ семинар-

ской науки и жизни не болѣе, какъ въ три года, а въ другомъ мѣстѣ утверждалъ, что „кто обыкнетъ такъ жить хотя черезъ одинъ годъ, тому весьма сладко будетъ.“ Но практика показала, что разсчетъ этотъ былъ слишкомъ коротокъ, что для развитія въ духовенствѣ сознанія сладостей новой школы нужны были не три какихъ нибудь года, а довольно длинное время преемственной череды нѣсколькихъ духовныхъ поколѣній. Конечно въ семинаріяхъ всегда были талантливые юноши, которые скоро сознавали важность своего призванія и успѣвали извлекать сладость просвѣщенія изъ-подъ самыхъ иногда горькихъ его формъ, но заурядное большинство училось изъ-подъ палки и глядѣло изъ семинаріи вонъ, не находя въ ней никакой сладости ни во внѣшней обстановкѣ семинарской жизни, ни въ пріемахъ тамошней дисциплины, ни въ свойствахъ самой науки. Внѣшнюю обстановку „бѣдственнаго школьническаго житія“ мы уже видѣли и могли достаточно взвѣсить, какъ много нужно было или сознательной и самоотверженной любви къ новому просвѣщенію, или же внѣшнихъ принудительныхъ мѣръ для того, чтобы можно было эту обстановку вынести. Обратимся теперь къ изученію внутренней стороны школьной жизни, характера семинарской педагогіи и науки.

г) состояніе учебно-воспитательной части въ духовныхъ школахъ.

Закрытый характеръ дух. школъ поддерживался вездѣ, гдѣ было можно завести сколько нибудь обширныя ученическія общежитія, причемъ правило Регламента, запрещавшее отпускать новыхъ учениковъ на вакаты, примѣнялось къ дѣлу весьма строго. Естественная потребность свиданія съ родной семьей и свободнаго отдыха отъ стѣснительныхъ рамокъ школьной дисциплины, такъ настойчиво чувствуемая въ живомъ полудѣтскомъ возрастѣ, была поэтому одной изъ

самыхъ обыкновенныхъ причинъ умноженія числа семинарскихъ бѣглецовъ.

Отпуски учениковъ на вакатъ производились съ разборомъ и не иначе, какъ съ согласія самого епархіальнаго архіерея, потому что рѣдко оканчивались безъ того, чтобы множество учениковъ не пропустило срокъ, а нѣкоторые и вовсе не пропали. Въ новыхъ семинаріяхъ первый вакатъ оттягивался обыкновенно на нѣсколько лѣтъ. Наприм. въ воронежской семинаріи первый вакатъ по просьбѣ учителя Стасіевича назначенъ былъ уже на третій годъ послѣ ея основанія. Отпускъ былъ дозволенъ только на одинъ мѣсяцъ (августъ); отпущенныхъ учениковъ велѣно обязать подписками о непремѣнномъ возвращеніи къ сроку и всѣхъ снабдить паспортами, въ которыхъ прописать, „что долженъ онъ (ученикъ) у отца или сродниковъ его въ домѣ до означеннаго срочнаго числа трезвенно и благоговѣйно обходиться и на показанный срокъ съ тѣмъ пашепортомъ въ семинарію явиться, а ежели онъ съ тѣмъ пашепортомъ не на той дорогѣ или не въ томъ мѣстѣ, куда онъ отпущенъ, явится или и въ томъ мѣстѣ, но за срокомъ, то его за бѣглеца почитать и духовнымъ того мѣста управителямъ ловить и присылать въ дух. консисторію при доношеніяхъ, за что они студенты наказаны будутъ жестоко, а съ отцевъ ихъ и сродственниковъ возмется штрафъ по указу, чего ради описывать ихъ студентовъ въ тѣхъ пашепортахъ въ ростъ, въ лѣта и въ примѣты; и кто имяны студенты, прибавлялъ консисторскій указъ, и когда тобою учителемъ въ домы отцовъ ихъ отпущены будутъ, подать его преосвященству при репортѣ вѣдомость“ (1). Въ прошеніи Стасіевича объ отпускѣ учениковъ говорится, что такая оттяжка вакаціи была принадлежностью собственно новыхъ семинарій, а въ старыхъ, успѣвшихъ уже устро-

(1) Ворон. епарх вѣд. 1867 г. стр. 275—276.

иться, „вездѣ студентамъ отъ 15 іюля до сентября 1 дня, которые похощутъ въ домѣхъ отцовъ своихъ побывати, дается позволеніе,“ но всѣмъ ли, неизвѣстно. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, наприм. по приведенному изъ Исторіи владимірской семинаріи о мальчикѣ Тимоѳеевѣ, котораго не пустили на побывку къ матери, жившей въ самомъ Владимірѣ, даже въ свѣтлое Христово Воскресенье, можно думать, что въ отношеніи къ ученикамъ новичкамъ указанное постановленіе Регламента наблюдалось и не въ новыхъ семинаріяхъ. Первый вакатъ во владимірской семинаріи былъ оттянутъ еще дольше, чѣмъ въ воронежской, на цѣлыя 6 лѣтъ, да и въ это время (1756 г.) разрѣшенъ былъ уже вслѣдствіе только крайней необходимости распустить учениковъ, по случаю открывшейся между ними какой-то повальной болѣзни (1).

Епархіальныя и школьныя начальства очевидно смотрѣли на дух. школы съ той же точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ на нихъ авторъ Д. Регламента, какъ на заведенія воспитательныя, назначенныя къ созданію если не новой породы людей, потому что до времени Екатерины II русская педагогія еще не возвышалась до такого широкаго понятія о воспитаніи, то по крайней мѣрѣ новой породы священства, что было тогда согласнѣе съ профессіональными понятіями объ образованіи. Но на самомъ дѣлѣ воспитательная практика этихъ школъ стояла далеко ниже, хотя тоже не совсѣмъ ясныхъ, педагогическихъ идей Регламента, руководствуясь исключительно понятіями юридическими и служебными и ставя своей главной задачей не нравственное развитіе воспитанниковъ вообще, а ихъ выучку, спеціальное приготовленіе къ ихъ будущей службѣ. Самая школа, какъ мы уже замѣчали, становилась при этомъ только необходимымъ преддверіемъ службы, ея предварительною частію.

---

(1) Ист. влад. семин. стр. 45.

Ученикъ трактовался, какъ полный гражданинъ, человѣкъ уже служащій и присяжный. При поступленіи въ школу онъ наравнѣ съ своимъ учителемъ давалъ присягу на вѣрноподданство, что будетъ, какъ говорится въ инструкціи Питирима „дѣйствовать вся по силѣ указовъ ея имп. величества безлѣностно со всякимъ прилежаніемъ, пренебрегая всякія свои угодія и успокоенія и не притворяя себѣ никакого невѣжества и во всемъ поступать, какъ доброму слугѣ и подданному надлежитъ;“ во время розысковъ по духовенству о присягахъ въ 1730-хъ годахъ правительство очень серьезно изслѣдовало, всѣ ли школьники были у присягъ. За многіе проступки ученикъ судился не школьнымъ начальствомъ, а въ обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстахъ своего вѣдомства, въ дух. правленіяхъ и консисторіяхъ, а за сказываніе „слова и дѣла“ его, какъ политическаго преступника или свидѣтеля, привлекали въ губернскую или же въ саму тайную канцелярію. Его бѣгство изъ школы трактовалось, какъ дезертирство человѣка служилаго.

При такомъ сліяніи школьнаго образованія съ службою педагогическія начала въ школѣ естественно замѣнялись юридическими, которыя притомъ же были болѣе понятны тогдашнимъ начальствамъ, а воспитаніе обращалось въ одну дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Вотъ почему отъ первой половины XVIII вѣка до насъ дошло чрезвычайно мало памятниковъ старой семинарской педагогіи, но за то весьма достаточное количество извѣстій о дисциплинарныхъ порядкахъ и мѣрахъ, которыми спеціально занимались школьныя начальства. Въ указахъ епархіальныхъ начальствъ о надзорѣ за семинаристами‘ въ разныхъ семинарскихъ инструкціяхъ и дѣлахъ по проступкамъ учениковъ однообразно переписывались и приводились на справку одни и тѣже извѣстные намъ пункты Д. Регламента дисциплинарнаго харак-

тера. Правила морали, въ тѣсномъ смыслѣ педагогическія воззрѣнія, когда ихъ уже непремѣнно приходилось тутъ какъ нибудь высказать, тоже не далеко возвышаются надъ чисто дисциплинарными требованіями порядка и благопристойности, вслѣдствіе чего между прочимъ стараются внушить духовнымъ воспитанникамъ мораль не столько общечеловѣческую, сколько, такъ сказать, сословную, отвратить ихъ отъ поведенія именно „церковническому чину“ непристойнаго. Такъ инструкція Питирима нижегородскаго требовала: „безчиннаго и зазорнаго житія, пьянства, лакомства и всякой игры, брани, драки, татьбы, обманства и прочихъ тому подобныхъ, закону Божію и чину церковническому подозрительныхъ причинъ отнюдь бы никто не чинилъ.“ Въ указѣ 1740 г. объ учрежденіи новогородской семинаріи велѣно огородить семинарскія палаты „особымъ дворомъ, чтобъ ходъ былъ одинъ, дабы приставленнымъ удобнѣе было за ними (учениками) смотрѣть, чтобъ они не имѣли случая по своимъ волямъ по улицамъ таскаться и излишнимъ гуляньемъ и непристойными обхожденіями и забавами напрасно время не тратили, но во всемъ, какъ въ ученіи, такъ и въ прочемъ ихъ состояніи и поведеніи, надъ ними непрестанное имѣлось смотрѣніе.“ Далѣе говорится о „порядочномъ“ хожденіи „по сигналамъ учителей“ въ церковь, въ классы, за трапезу, къ спанью и требуется, чтобы семинаристы вездѣ „учтивыми обхожденіями себя показывали.“ „Равнымъ образомъ на ихъ нравы, обычаи и поступки надзиратели и учители должны имѣть радѣтельное смотрѣніе, дабы они во всѣхъ своихъ поведеніяхъ такъ, какъ добродѣяніе, учтивость, пристойная покорность и честь повелѣваетъ, всегда чинили, а лжи и невѣрности и прочіе духовнымъ чинамъ непристойные пороки заранѣе были у нихъ искоренены.“ Въ исторіи троицкой семинаріи передается извѣстіе, что въ самомъ началѣ ея существованія архимандритъ лавры Кириллъ Флоринскій написалъ для нея инструкцію о поведе-

ніи учениковъ, которую потомъ читали ученикамъ каждую субботу; изъ этой, не дошедшей до насъ, инструкціи сохранилось въ семинарскихъ дѣлахъ одно правило: „словъ мерзкихъ никогда ни внутрь, ни внѣ семинаріи, хотя бы съ своимъ ученикомъ или съ кѣмъ другимъ случилось разговаривать, не произносить“ (1).

Практика семинарской педагогіи доводила это преобладаніе юридическихъ и дисциплинарныхъ воззрѣній на воспитаніе еще до большихъ крайностей, сводя всю нравственность воспитанника на одно аккуратное исполненіе оффицій своего званія и дѣлая изъ школы какую-то неестественную копію корпораціи не учебно-воспитательной, а чисто служебной со всѣми обычными чертами послѣдней, строгой субординаціей на началахъ обычныхъ тогдашнихъ служебныхъ отношеній между командирами и подчиненными и въ добавокъ еще монашескаго принципа послушанія, съ обычными карательными мѣрами за нарушеніе оффицій и преступленія и даже съ обычными формами тогдашняго приказнаго дѣлопроизводства, характеръ котораго достаточно извѣстенъ. Тупая канцелярщина, господствовавшая у насъ съ самаго начала XVIII в. по всѣмъ вѣдомствамъ, въ царствованіе императрицъ Анны и Елизаветы доходила до какой-то совершенно отрѣшенной отъ жизни юридической схоластики, разсматривала всякое дѣло съ полною бюрократическою отвлеченностію и бездушностію, подводила къ нему свои форменныя справки по государеву уложенію и новымъ указамъ ихъ импер. величествъ и прописывала показанное тамъ количество плетей и кнутовъ, урѣзываніе носовъ и ушей и т. п. наказанія, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на личность попадавшагося подъ ея практику, ни на обстановку разсматриваемаго дѣла, кромѣ того, путаясь въ своихъ мелочныхъ и пустыхъ формахъ, каждое, самое пустое дѣло тащила цѣлые годы по длинному

(1) Ист. троицк. семин. примѣч. къ стр. 12.

ряду инстанцій, плодила его до нельзя своимъ крючкотворствомъ и растила изъ него цѣлую гору бумагъ. Опутавъ собою всѣ государственныя вѣдомства, она проникла затѣмъ и въ разныя частныя отношенія, гдѣ одинъ человѣкъ думалъ разыгрывать роль начальника для другихъ, въ отношенія хозяина къ рабочимъ, помѣщика къ крестьянамъ и лакеямъ, монастырскаго настоятеля къ братіи и служкамъ, священника къ причетникамъ и т. д. Въ кругу своихъ подчиненныхъ каждый старался пародировать эти почему-то соблазнительные тогда порядки канцелярій, ихъ указы, промеморіи, доношенія, входящія и исходящія бумаги, справки и самую манеру резолюцій и наказаній провинившимся. Въ старыхъ бумагахъ нашихъ монастырей и помѣщичьихъ усадьбъ можно найти множество этихъ образчиковъ подражанія канцелярскимъ порядкамъ, — какъ наприм. покупка какого нибудь предмета для монастырскаго или барскаго обихода принимала форму цѣлаго дѣла, которое нѣсколько дней шло по инстанціямъ нисшихъ властей, чрезъ контору, приказчиковъ, казначеевъ, старостъ, проходило по журналамъ, входящимъ и исходящимъ книгамъ, толстѣя день ото дня отъ пожираемыхъ имъ бумажныхъ справокъ, помѣтъ и пр., и оканчивалось исполнительнымъ доношеніемъ, которое тѣмъ же порядкомъ, но въ обратномъ видѣ шло съ низу до верху, до главнаго хозяина, или какъ возникало цѣлое дѣло по всѣмъ формамъ о наказаніи извѣстнымъ количествомъ плетей пьянаго кучера и т. п.

Таже система проникала и въ семинарскую жизнь, что было для нея тѣмъ легче, что первыми семинарскими начальствами, какъ мы видѣли, были органы общаго епархіальнаго управленія, члены консисторій, попреизлиху дѣловые люди, и что школьная администрація составляла только отрасль общей епархіальной администраціи, которая не могла и создать для школьной жизни какой нибудь иной организаціи, кромѣ организаціи по типу юридическому, канцеляр-

скому. „Отношенія учителей къ ученикамъ и учениковъ между собою, характеристично замѣчаетъ авторъ Исторіи владимірской семинаріи, были чрезвычайно ложныя и странныя. Собственно нравственныхъ отношеній ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было; самыя добрыя наклонности иного начальника или наставника уступали неумѣстной и нелѣпой оффиціозности. Учителя слишкомъ униженно держали себя предъ начальствомъ. Ученики смотрѣли на учителей, не какъ на добрыхъ наставниковъ, но какъ на слишкомъ строгую полицейскую власть; они умѣли только бояться, а не любить и уважать.“ Все это было совершенно понятно при замѣнѣ нормальныхъ педагогическихъ основъ школьной жизни основами юридическими, когда вмѣсто моральныхъ принциповъ педагогія держалась на одной оффиціи, авторитетъ наставника замѣняла для учениковъ авторитетомъ закона и дѣлала этого наставника только блюстителемъ закона, начальствомъ. Вотъ и другая черта школьныхъ отношеній, подмѣченная тѣмъ же авторомъ: „на проступокъ ученика смотрѣли, не какъ на проступокъ мальчика или юноши, а судили его, какъ взрослаго, даже какъ гражданина. Положимъ, подрались ученики между собою въ обыкновенный будничный день; это легко могло сойти съ рукъ, особенно, если никто изъ нихъ не жаловался, но если тоже самое происходило въ торжественный день, они судились въ консисторіи по всѣмъ формальностямъ, и не какъ ученики, а какъ взрослые, какъ и всѣ граждане, нарушившіе спокойствіе и тишину такого дня. Начальники и наставники какъ будто боялись стать въ отношенія къ ученикамъ неоффиціальныя; мало—мальски важное распоряженіе или приказаніе отдавались на бумагѣ, причемъ отъ учениковъ требовалась расписка въ ея чтеніи. Съ своей стороны ученики обязывались обращаться къ начальству преимущественно на бумагѣ. Украли наприм. у семинариста одежу, — онъ, подозрѣвая товарища, не прямо заявляетъ объ этомъ

начальству, но по всѣмъ правиламъ тогдашней казуистики подаетъ прошеніе о розысканіи украденнаго. Даже когда случались факты, прямо вызывающіе наставника обратиться къ ученику съ серьезными внушеніями и разсужденіями, то и въ такихъ случаяхъ учитель какъ бы не смѣлъ стать въ положеніе наставника."

Юридическій характеръ воззрѣній на проступки школьниковъ мы уже имѣли случай видѣть въ дѣлахъ о бѣглыхъ ученикахъ. За болѣе тяжкія вины ученики судились въ общихъ со всѣми присутственныхъ мѣстахъ своего епархіальнаго вѣдомства,—это прямо обозначало, что школьный судъ трактовался только, какъ низшая инстанція общаго епархіальнаго суда, которая имѣетъ право вершить дѣла извѣстнаго дисциплинарнаго суда между людьми ея вѣдомства, а болѣе важныя должна переносить дальше,—въ консисторію. По инструкціи Питирима нижегородскаго начальство дух. школы уполномочивалось судить школьника даже въ „легкихъ винахъ" только до пяти винъ, а о шестой обязывалось доносить уже духовному судіѣ, которому въ свою очередь повелѣвалось, „сыскавъ таковаго преступника и сковавъ въ ножныя желѣза," отсылать въ Нижній въ архіерейскую канцелярію на его ученическихъ подводахъ, совершенно такъ же, какъ производилась отсылка виновныхъ въ чемъ нибудь священно-церковнослужителей. За воровство и прочія тяжкія вины велѣно было прямо отсылать виновныхъ въ канцелярію, не судя школьнымъ судомъ. Къ довершенію всего инструкція присовокупляетъ къ этому правило, очевидно скопированное съ правилъ общаго законодательства: того, кто за кѣмъ свѣдавъ какую вину утаитъ, подвергать равномѣрному наказанію, чему и виноватый подлежитъ, — правило слишкомъ безнравственное для школы, хотя и постоянно практиковавшееся въ нашихъ духовныхъ школахъ, и въ самой общественной жизни XVIII в. служившее только поддержкой страшной язвы доносовъ и крюч-

кодѣйства. Замѣчательно то, что правило это распространяется и на учителей, которые такимъ образомъ становятся въ юридическую отвѣтственность за своихъ учениковъ передъ высшимъ своимъ начальствомъ не какъ педагоги за своихъ питомцевъ, а какъ одни граждане за другихъ: „ежели и вы, учители, сами виноватому въ чемъ учините послабленіе, воспріимете равномѣрное наказаніе, какъ и объ ученикахъ показано“ (1). Въ случаѣ обвиненія семинариста въ уголовномъ дѣлѣ, наприм. въ кражѣ, дѣло объ немъ, какъ мы это видѣли изъ дѣла о бѣгломъ 13-ти лѣтнемъ мальчикѣ, укравшемъ лошадь во Владимірѣ, не заканчивалось и въ консисторіи, а переносилось въ свѣтскій судъ, потому что консисторіи въ подобныхъ дѣлахъ принадлежалъ только первоначальный судъ надъ людьми своего вѣдомства, а для окончательнаго рѣшенія дѣла и исполненія приговора виновные отсылались въ провинціальную или губернскую канцелярію. Тѣмъ болѣе, разумѣется, такая отсылка школяровъ къ свѣтскому суду имѣла мѣсто въ дѣлахъ политическихъ.

На дѣла этого послѣдняго рода въ первой половинѣ XVIII в. былъ громадный запросъ у подозрительнаго правительства. Язва политическихъ доносовъ, заразившая вслѣдствіе этого все русское общество съ самыхъ верхнихъ слоевъ его до самыхъ нижнихъ, благодаря тому же юридическому взгляду на учениковъ, успѣла проникнуть и въ духовныя школы. Политическаго въ нихъ ровно ничего не было, но тайная канцелярія спеціально обязана была вѣрить всякому вздору доносовъ. Ученики, какъ и другіе подданные Россійской имперіи, тоже стали сказывать за собою „слово и дѣло,“ то желая избавиться отъ наказанія, то стремясь къ совершенному увольненію изъ семинаріи, то просто изъ дѣтской злобы на какого

(1) Ист. нижегор. семин. стр. 10. Инстр. Питирима въ Времен. т. XVII.

нибудь суроваго педагога, изъ злораднаго желанія насладиться видомъ его безсильной злобы и его тревоги вслѣдствіе опасенія самому попасть въ безтолковую и жестокую власть тайной канцеляріи, изъ которой рѣдкіе уходили цѣлыми. Послѣ произнесенія магическихъ словъ, на всѣхъ наводившихъ тогда ужасъ, ученикъ сейчасъ же выходилъ изъ подъ власти своихъ педагоговъ,—и кто зналъ, что онъ могъ насказать на нихъ на допросахъ? Въ тайной канцеляріи рѣдко кому удавалось очиститься даже отъ явной клеветы и то послѣ неизбѣжныхъ пытокъ, но легко можно было оказаться и на самомъ дѣлѣ виноватымъ, послѣ чего впереди предстояли страшныя муки, а можетъ быть, даже ссылка куда нибудь въ Нерчинскъ или Охотскъ, смотря потому, какой оборотъ приметъ дѣло; для этого наприм. достаточно было, чтобы учитель или префектъ ударилъ ученика въ высокоторжественный день.

Во владимірской семинаріи (въ 1759 г.) былъ такой случай. Въ праздникъ Рождества ученикъ Снегиревъ въ пьяномъ видѣ прибилъ товарища. За обиженнаго вступился учитель Вороновъ и собирался, какъ слѣдуетъ, высѣчь обидчика и посадить на цѣпь. Снегиревъ еще раньше этого вытерпѣлъ жестокую экзекуцію отъ Воронова, былъ золъ на него и теперь въ пьяномъ видѣ рѣшился сорвать на немъ свое сердце, оттолкнулъ его отъ себя, сказавъ за собою „слово и дѣло,“ и съ торжествомъ вышелъ изъ учительской комнаты, оставивъ его крайне озадаченнымъ. Поднялась суматоха въ семинаріи, а затѣмъ въ консисторіи, которой немедленно дано было знать о происшествіи и которая въ тотъ же день собралась на экстренное засѣданіе. На консисторскомъ допросѣ Снегиревъ отперся отъ сказанныхъ имъ словъ и показалъ, что только оттолкнулъ отъ себя учителя, сказавши, что наказывать себя не дастъ, а „слова и дѣла“ не говаривалъ. Но на этомъ показаніи въ такомъ важномъ тогда дѣлѣ остановиться было невозможно;

консисторія дала ученику и учителю очную ставку, на которой оба они остались при прежнихъ показаніяхъ, послѣ чего постановлено было ученика отослать въ провинціальную канцелярію, а учителя Воронова держать до окончанія дѣла въ консисторской тюрьмѣ на его иждивеніи. Дѣло могло протянуться очень долго и Воронову, Богъ знаетъ, когда пришлось бы освободиться отъ тюрьмы, если бы къ счастію его Снегиревъ не сознался въ провинціальной канцеляріи, что дѣйствительно сказалъ слово и дѣло, но отъ пьянства, желая избыть наказанія и не зная ни за кѣмъ ничего тайнаго. Провинціальная канцелярія послѣ этого отослала его въ Москву, гдѣ порѣшили бить его плетьми и отослать обратно въ консисторію для исключенія изъ духовнаго званія въ подушный окладъ. Пока это дѣло шло, бѣдному учителю все-таки пришлось просидѣть въ консисторской тюрьмѣ цѣлыхъ три мѣсяца на своемъ содержаніи и въ страшной тревогѣ за свое будущее (1).

Педагогическія мѣры въ отношеніи къ ученикамъ въ стѣнахъ самой школы исключительно состояли въ наказаніяхъ, которыя, притомъ же, какъ и слѣдовало ожидать, имѣли не нравственно-исправительный и воспитательный характеръ, а именно карательный, совершенно согласный съ общимъ юридическимъ взглядомъ на школьную жизнь и учениковъ, и были весьма суровы. Наказанія эти иногда регламентировались и въ этомъ случаѣ пересчитывались и прилагались къ разнымъ винамъ совершенно въ той же формѣ, какъ наказанія уголовныя, наприм. въ инструкціи Питирима за легкую вину, кромѣ татьбы и другихъ тяжкихъ винъ, до двухъ разъ велѣно наказывать ученика словеснымъ выговоромъ, въ третій разъ въ собраніи учениковъ смирять шелепами, въ 4-й и 5-й наказывать плетьми и недѣльнымъ заключеніемъ въ тюрьму, въ

(1) Ист. владим. семин. 81—83.

6-й разъ доноситъ о виновномъ духовному судіѣ. Пріемы наказанія не ограничивались только указанными въ этомъ скудномъ ихъ перечнѣ, были очень разнообразны и большею частію вполнѣ зависѣли отъ изобрѣтательности школьныхъ начальствъ и учителей; тутъ были и колѣнопреклоненія на горохѣ и безъ гороха, болѣе или менѣе продолжительныя, и заимствованные изъ южныхъ школъ удары палями по рукамъ, и сажаніе на цѣпь, и нещадное сѣченіе въ одну и въ двѣ лозы, даже на воздусѣхъ, иногда біеніе батогами, даже кошками и тому подобныя „мучительства семинарскія,“ отъ которыхъ, какъ жаловались ученики, „жить въ семинаріи становилось всячески не возможно“ и отъ которыхъ они иногда готовы были спасаться даже въ солдатствѣ.

Въ исторіи псковской семинаріи встрѣчаемъ указъ преосв. Симона Тодорскаго (отъ 1745 г.), которымъ опредѣлялись педагогическія полномочія ректора и префекта семинаріи; послѣдній уполномочивался наказывать по своему личному усмотрѣнію всѣхъ учениковъ до философскаго класса, а философовъ могъ штрафовать только съ согласія ректора (1). Но подобныя ограниченія едва ли были распространены по семинаріямъ; и префектъ и всѣ учители въ кругу своихъ учениковъ постоянно были полными хозяевами и могли по Регламенту наказывать виновныхъ „всякими по разсужденію наказаніями.“ Еще менѣе можемъ ожидать отъ описываемаго времени распоряженій, которыя бы ограничивали самую суровость школьныхъ наказаній: въ качествѣ необыкновеннаго и едва ли не единственнаго въ этомъ родѣ факта указываемъ на распоряженіе переяславльской консисторіи отъ 1758 г., т. е. отъ самаго конца описываемаго времени, предписывавшее прямо не наказывать учениковъ переяславльской семинаріи жестокими наказаніями (2).

(1) Ист. псковск. сем. стр. 33.
(2) Владим. епарх. вѣдом. 1866 г. № 23, стр. 1300.

Система суроваго каранія виновныхъ развита была тогда по всѣмъ вѣдомствамъ и, можно сказать, во всѣхъ сферахъ жизни, а въ школахъ считалась до того необходимой, что даже самые добрые и любимые учениками наставники ставили себѣ непремѣннымъ долгомъ держаться ея, какъ можно крѣпче (1). Высшія начальства сами требовали, чтобы воспитатели не давали потачки воспитанникамъ, и одобрительно принимали ихъ оффиціальныя донесенія о варварскихъ истязаніяхъ послѣднихъ, какъ о доказательствахъ ихъ служебнаго усердія и ревности къ своему дѣлу. Вотъ какъ однажды доносилъ невскому монастырскому собору объ исправленіи учениковъ учитель петербургской невской семинаріи, знаменитый Адамъ Селлій, даже не русскій ученый, а пріѣхавшій къ намъ съ болѣе насъ образованнаго запада. Ученикъ Брызгаловъ, писалъ онъ, три недѣли притворялся по лѣности больнымъ, „но я его служительскимъ хлѣбомъ и розгами въ прежнее здоровье привелъ," послѣ этого „онъ публично людемъ, въ здѣшней слободѣ живущимъ, доношеніе на меня показалъ, что я его невѣрно училъ, что онъ у меня позабылъ больше, нежели научился, что я его братскимъ хлѣбомъ не кормилъ и проч. Того ради укрѣпляю я ему получше ученыя вещи плетьми, дабы онъ ихъ не позабылъ." (2). Среди этой грубой системы семинарскихъ экзекуцій и вырабатывались эти долго господствовавшіе въ нашихъ бурсахъ, доживавшіе и до нашей памяти, типы старыхъ бурсаковъ — кремней, притерпѣвшихся къ плетямъ и физической боли экзекуцій до такой степени, что, по пословицѣ, уже ни за какимъ лишнимъ тычкомъ не гнались, способны были выдержать какія угодно истязанія отъ начальства, не уступивъ ему ни на волосъ, могли хоть сейчасъ же отправиться

(1) Ист. владим. семин. стр. 56—57.

(2) Истор. спб. академіи стр. 19—20.

подъ шпицрутены солдатской службы или подъ муки тайной канцеляріи, — выработывался тотъ и доселѣ извѣстный по преданіямъ бурсацкій закалъ, во имя котораго всякая чувствительность, нѣжность нравственнаго чувства, особенно совѣстливость предъ педагогическими внушеніями преслѣдовались въ средѣ учениковъ, какъ черты бабьи, недостойныя порядочнаго бурсака, закалъ, который обязывалъ человѣка и дѣлалъ для него возможнымъ не поморщиться подъ самыми жгучими ударами и этою геройскою, презрительною безчувственностію къ наказанію уколоть и посрамить бѣсившагося педагога. Педагоги страшно мучились съ подобными „дѣтинами непобѣдимой злобы“ и обращались иногда къ архіереямъ съ просьбами въ родѣ наприм. такой, какую въ 1761 г. подали вяземскіе учители Парѳенію смоленскому, докладывая ему, что многіе ученики совсѣмъ отбиваются у нихъ отъ рукъ, и прося позволенія выгнать такихъ изъ училища: „хотя де таковымъ обыкновенное по регуламъ наказаніе и бываетъ, но они, не пріемля то за страхъ, ласкаются тѣмъ, что школьное наказаніе имъ на тѣлѣ сносно, чего ради не только не можно таковыхъ привесть къ указному учрежденнаго ученія окончанію, но и не надежно ожидать отъ нихъ успѣха“ (1). Выйдя потомъ изъ школы на службу, эти закаленные люди, презиравшіе и свои и чужія страданія, сами дѣлались тиранами своихъ подчиненныхъ или по крайнѣй мѣрѣ своихъ женъ и дѣтей и вѣрными продолжателями той же системы каръ и жестокостей. Не знаемъ, много ли было тогда людей, которые способны были возмущаться господствомъ этой системы, но знаемъ, что съ теченіемъ времени число ихъ и въ школахъ и на дух. службѣ все увеличивалось и подъ конецъ описываемаго времени въ средѣ ихъ созрѣла сильная и плодотворная реакція господствовавшему

(1) Описан. смоленск епархіи стр. 164.

доселѣ порядку вещей, реакція, принесшая плоды уже въ царствованіе Екатерины II.

Вслѣдствіе такого преобладанія въ школьномъ воспитаніи юридическихъ началъ надъ нравственными собственно педагогическія отношенія учителей и начальниковъ къ ученикамъ были, разумѣется, крайне слабо развиты. Во всемъ строѣ тогдашней школьной корпораціи видимъ не дѣтей и отцевъ, какъ бы слѣдовало ожидать, а исключительно подчиненныхъ и начальниковъ или, какъ ихъ тогда выразительно называли, командировъ. Командирство это охватывало собою всѣ школьныя отношенія сверху до низу. Ректоръ былъ командиръ префекта и учителей, префектъ и учители командиры учениковъ и служителей. Между самими учениками одни были командирами другихъ и обязывались чисто начальственнымъ надзоромъ за послѣдними и служебными доносами о ихъ проступкахъ подъ угрозой законнаго наказанія за не донесеніе. Выше всѣхъ стояли лучшіе ученики высшихъ классовъ, сами занимавшіе должности учителей для учениковъ низшихъ классовъ. За ними слѣдовали классные и комнатные сеніоры или старшіе, наблюдавшіе за всей дисциплиною въ классѣ или въ комнатахъ, и авдиторы или нотаторы, изъ которыхъ каждый приставлялся къ 5—10 человѣкамъ изъ своихъ товарищей для ежедневнаго прослушиванія ихъ въ знаніи заданныхъ имъ уроковъ и надлежащей о томъ отмѣтки въ особой нотатѣ или эрратѣ. Всѣ эти ученическіе чины были перенесены въ семинаріи цѣликомъ изъ кіевской академіи. Для насъ особенно любопытно то, что прежде, чѣмъ они были усвоены въ нѣкоторыхъ школахъ, заведенныхъ и управлявшихся архіереями великоруссами, наприм. въ нижегородскихъ школахъ преосв. Питирима, распредѣленіе учениковъ по рангамъ, съ цѣлію надзора однихъ за другими, прямо было снято съ порядковъ обычнаго древне-русскаго строя низшей администраціи: ученики раздѣлялись на станицы и поставлялись подъ надзоръ избран-

ныхъ между ними же десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ и старосты, людей добросовѣстныхъ; о замѣченныхъ за рядовыми учениками проступкахъ десятники доносили пятидесятникамъ, эти сотникамъ, а сотники старостѣ (1). Кромѣ этихъ оффиціальныхъ командирскихъ чиновъ, было много командирствъ неоффиціальныхъ, признававшихся семинарскою средою только практическимъ образомъ, de facto; такими командирами были всѣ ученики высшихъ классовъ въ отношеніи къ ученикамъ низшихъ, разные ученики, назначавшіеся для наблюденія за пріемомъ сборнаго хлѣба и другихъ припасовъ и за выдачей ихъ на расходъ, ученики, служившіе келейниками у ректоровъ, префектовъ, учителей и т. п. люди.

Всѣ эти крупные и мелкіе командиры держались въ отношеніяхъ къ своимъ подкомандным одной и тойже системы грубой строгости, величанія своимъ начальствомъ и внушенія передъ собою страха посредствомъ разнаго рода истязаній. Грубыя права командира были необходимою, общепризнанною принадлежностію его командирства. На него и жаловаться было не безопасно, потому что жалоба была бы принята, какъ явный знакъ возстанія со стороны жалобщика противъ субординаціи, которая наблюдалась больше всего. Даже въ случаяхъ крайнихъ злоупотребленій командира, когда подкомандный человѣкъ окончательно терялъ терпѣніе, жалоба съ его стороны сопряжена была съ большими затрудненіями: нужно было подавать челобитную на бумагѣ, начинать формальное дѣло съ разными справками, допросомъ свидѣтелей и т. п., и при этомъ подвергаться не малому риску, потому что начальство считало непремѣннымъ своимъ долгомъ поддерживать командира во имя дисциплины и порядка. При возникновеніи подобныхъ жалобъ первымъ дѣломъ начальства была справка,

(1) См. инстр. Питирима и Ист. нижегор. семин. стр. 10.

дѣйствительно ли челобитчикъ находится подъ командой отвѣтчика, потому что это обстоятельство играло первую роль и въ движеніи всего дѣла и въ опредѣленіи окончательнаго по нему рѣшенія. Дѣйствительный командиръ рѣдко получалъ сколько нибудь серьезное внушеніе за свою жестокость. Начальство проявляло свою строгость преимущественно только надъ командирами самозванцами, отчасти также надъ превышавшими свою власть. Фальшивыхъ командировъ было тогда тоже не мало, особенно между разными келейниками и лакеями семинарскихъ начальниковъ и учителей, которые не упускали случаевъ пользоваться своею близостію къ этимъ настоящимъ источникамъ власти и сильно зазнавались передъ всѣми учениками и служителями школы. Приведемъ образчики дѣлъ по жалобамъ на дѣйствительныхъ и недѣйствительныхъ командировъ изъ исторій владимірской и воронежской семинарій.

Въ 1752 г. весной изъ архіерейскаго дома во Владимірѣ поступила въ тамошнюю семинарію жалоба на командира надъ пѣвчими Аѳанасьева. Архіерея въ городѣ тогда не было за отѣздомъ въ Петербургъ и старшій его хора, этотъ самый Аѳанасьевъ, сильно загулялъ. Послѣ одного, особенно удачнаго, хожденія съ пасхальными концертами по купцамъ онъ воротился вечеромъ домой съ сильною потребностію показать свое командирское значеніе, явился въ этомъ состояніи въ пѣвчевскую столовую и привязался ни за что ни про что къ пѣвчему Трофимову: „я де тебя высѣку, понеже я твой командиръ.“ — Хотя де ты и командиръ, отвѣчалъ тотъ, а бить тебѣ меня не за что. — Аѳанасьевъ принялъ это за грубость, разсвирѣпѣлъ, ударилъ Трофимова въ лице, этотъ выскочилъ изъ палаты съ крикомъ: „караулъ,“ Аѳанасьевъ за нимъ и принялся таскать его по архіерейскому двору. На допросѣ командиръ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ только пожурить Трофимова и звалъ его для этого къ себѣ въ келью, но онъ ослушался, за что

и былъ наказанъ. Не смотря на то, что по другимъ справкамъ онъ оказался вполнѣ виноватымъ какъ въ безпорядкѣ, который былъ произведенъ имъ въ домѣ его преосвященства, такъ и въ пьянствѣ, начальство оставило его все таки безъ наказанія, вѣроятно чтобы не уронить его командирскаго авторитета, и такимъ образомъ благословило его и на дальнѣйшую командирскую практику подобнаго рода.

Вотъ другое дѣло о недѣйствительномъ командирѣ. Въ той же семинаріи у учителя іеромонаха Палладія былъ келейникомъ ученикъ Гусевъ, дѣтина нахальный и къ тому же пьяный, отъ котораго много доставалось и товарищамъ и семинарскимъ служителямъ. Долго онъ командирствовалъ, не зная удержу, колотилъ и сѣкъ, кого попало, и никто не смѣлъ жаловаться на такое важное лице, хотя оффиціальной команды онъ и не имѣлъ. Наконецъ въ 1752 г. открылся подходящій случай разоблачить его командирское самозванство. У повара Алексѣева собака стащила изъ кухни рыбу, которую онъ готовилъ къ столу учителя Палладія. Явился на кухню Гусевъ за кушаньемъ и, узнавъ о несчастіи, вышелъ изъ себя, началъ бить повара по щекамъ, потомъ не урезонившись этимъ, „велѣлъ другому служителю принести еще розогъ: и оными розгами, показывалъ поваръ, меня именованнаго онъ Гусевъ велѣлъ бить немилосердно, и ругался всячески, и похвалялся еще больше бить.“ Сошло бы ему и это съ рукъ, если бы на его бѣду вся эта экзекуція не пришлась на 24 ноября, какъ разъ въ тезоименитство супруги наслѣдника, в. княгини Екатерины Алексѣевны. Кто-то надоумилъ объ этомъ Алексѣева и вотъ въ семинарскую контору явилась отъ него просьба на имя преосвященнаго, что де такъ и такъ, наказанъ въ такой великій день, прошу его Гусева допросить и учинить съ нимъ, какъ по ея имп. величества законамъ надлежитъ. На формальномъ слѣдствіи по этому дѣлу обвиненный показалъ, что повара билъ за дѣло, а о высокоторжественности дня

въ сердцахъ запамятовалъ. Послѣднее оправданіе принято было во вниманіе и контора на этомъ обвинительномъ пунктѣ больше не настаивала; не обратила она за тѣмъ никакого вниманія и на нравственное безобразіе этой расправы зазнавшагося бурсака съ пожилымъ служителемъ, и привязалась только къ тому, что онъ не имѣлъ права бить повара, потому что не былъ поставленъ надъ нимъ командиромъ. Вотъ самая резолюція, всего лучше обрисовывающая понятія тогдашнихъ педагоговъ о правахъ командировъ: „семинарская контора, разсудивъ, что оный студентъ Гусевъ, надъ онымъ поваромъ Алексѣевымъ никакой каманды не имѣющій, такъ дерзостно бить отважился,—ибо если бы поименованнаго повара Алексѣева въ чемъ была погрѣшность, то ему Гусеву, не имѣя команды, ни почему бить не слѣдовало, а должно о томъ кому слѣдуетъ представить, а собою, сверху всякаго права, дерзостно такъ устремляти, что не точію по щекамъ, но и розгою положа наказывалъ, какъ командующій,—постановила наказать его Гусева при собраніи всѣхъ студентовъ, учинивъ нещадное розгами наказаніе, дабы и другимъ, на сіе смотря, такъ безстрашно дѣлать было неповадно.“ Т. е. если бы тоже безобразіе учинилъ другой, дѣйствительный командиръ, нечего было бы и толковать объ этомъ, да и самая жалоба едва ли была бы подана, какъ не правая (1).

Мы уже упоминали, что въ число семинарской прислуги входили иногда разные штрафованныя духовныя лица. Не смотря на то, что это были люди уже вполнѣ самостоятельные, бывшіе на церковныхъ должностяхъ, семинарскому командирству со всѣми его послѣдствіями должны были подчиняться и они на ряду со всѣми служителями. Нужно замѣтить при этомъ, что въ семинаріяхъ и между учителями и меж-

(1) Ист. владим. семин. стр. 58 – 63.

ду учениками непомѣрно развивался духъ ученой кичливости, по которому они считали себя какими-то высшими существами и ни во что не ставили какого нибудь попавшаго въ ихъ среду дьяка, не знавшаго ни единаго латинскаго слова. Очень плохо приходилось среди такой высокоученой братіи не только церковникамъ, проходившимъ въ семинаріяхъ служительскія должности за разныя провинности, но и такимъ, которые прикомандировывались сюда епархіальною властію къ разнымъ дѣламъ. Вотъ наприм. какое прошеніе одинъ такой церковникъ подалъ въ 1746 г. преосв. Ѳеофилакту воронежскому на учителя воронежской семинаріи Стасіевича. „Имѣюся я нижепоименованный (Михаилъ Поповъ) въ томъ домѣ его преосв-ва при семинаріи у приходу и расходу денежной казны, и сего декабря 21 дня показанный учитель призвалъ меня именованнаго предъ себя и учалъ мнѣ говорить, что у тебя школьникомъ рыбы нѣтъ, и я ему на то отвѣтствовалъ, что мнѣ какъ отъ его преосвященства, такъ изъ воронежской дух. консисторіи отъ присутствующихъ приказу никакого о покупкѣ той рыбы не было; и оной учитель, взявъ меня именованнаго за волоса, повалял на земь, и приказалъ школьникамъ держать и билъ въ три раза, заворотя рубашку, изъ своихъ рукъ превеликою калмыцкою плетью и мучительски безвинно; и дабы указомъ повелѣно было: на мнѣ нижайшемъ бои осмотря описать, а показаннаго учителя въ воронежской дух. консисторіи сыскать и въ безвинномъ мучительствѣ такомъ меня именованнаго въ боѣ допросить, а по допросѣ учинить съ нимъ, какъ указы повелѣваютъ.“ Челобитная сильно напираетъ именно на безвинность боевъ, давая знать, что если бы челобитчика за вину отстегали калмыцкою плетью, то ему бы и челомъ бить было нечего. По резолюціи преосв-го консисторія на другой день въ своемъ засѣданіи осмотрѣла бои, „а по осмотрѣ на немъ Поповѣ явилось, какъ гласилъ протоколъ, сѣдалище все избито и имѣются великіе синевые зна-

ки, и какъ латинской школы учитель Стасіевичъ его Михайлу калмыцкой плетью билъ, — и приговаривалъ ему Михайлу: „для чего ты моего пива не варишь и на поварнѣ не работаешь.“ Чѣмъ кончилось это дѣло и наказали ли чѣмъ нибудь Стасіевича, не извѣстно (1).

Основныя черты семинарской дисциплины вполнѣ прилагались начальствами даже не къ однимъ ученикамъ, но и къ самимъ учителямъ. Ректоръ, а тѣмъ болѣе архіерей обращались съ ними совершенно такъ же, какъ они сами обращались съ учениками. Старинная грубая система управленія, вся основанная лишь на „смиреніи“ подчиненныхъ, имѣла тогда самое широкое примѣненіе въ практикѣ. Отъ дѣйствія ея въ епархіальномъ управленіи, къ которому причислялось и школьное, не были изъяты и самые почтенные духовные сановники, протопопы и архимандриты, нерѣдко подвергавшіеся въ консисторіяхъ унизительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, тѣмъ менѣе могли считать себя застрахованными отъ подобныхъ мѣръ тогдашней административной практики учители дух. школъ, положеніе которыхъ въ ряду епархіальныхъ чиновъ было очень не высоко. Извѣстная намъ инструкція Питирима, опредѣливъ наказанія за школьныя вины учениковъ, кандалы, шелепы, плети, вслѣдъ за этимъ прямо говоритъ, что и учители за свое послабленіе подлежатъ „равномѣрному наказанію, какъ и объ ученикахъ показано.“ Что слова эти не были только пустой угрозой, которая впрочемъ и сама по себѣ выразительна, на это имѣемъ фактическія указанія, относящіяся притомъ же къ самому уже концу описываемаго времени. Такъ, по преданію извѣстно, что указанныя мѣры смиренія въ 1750 г. заставили бѣжать изъ казанской семинаріи одного изъ лучшихъ ея преподавателей изъ ея же воспитанниковъ, знаме-

(1) Воронежск. епарх. вѣд. 1867 г, № 6, стр. 204—205.

нитаго потомъ витію Гедеона Криновскаго, бывшаго тогда уже монахомъ и назначеннаго даже въ префекты; бѣглеца пріютила въ своихъ стѣнахъ московская академія. Подобный же случай извѣстенъ изъ біографіи м. Платона Левшина московскаго. Во время своего учительства въ московской академіи, будучи еще свѣтскимъ преподавателемъ піитики, онъ проходилъ должность академическаго катихизатора и своимъ необыкновеннымъ ораторскимъ талантомъ привлекалъ на свои катихизическія бесѣды такую массу слушателей, что академическая аудиторія не могла ихъ вмѣщать. На бѣду молодаго оратора этой ранней славѣ его, стяжавшей ему почетное прозваніе московскаго апостола, позавидовалъ присутствовавшій въ московской синодальной конторѣ переяславльскій архіерей Амвросій, потребовалъ тетради его поученій къ себѣ, къ чему-то въ нихъ придрался и порѣшилъ высѣчь учителя Левшина передъ собраніемъ академіи и выгнать изъ службы. Наказаніе это не было исполнено, благодаря только заступничеству ректора Геннадія Драницына, который производилъ слѣдствіе по этому дѣлу и не нашелъ въ бесѣдахъ катихизатора ничего предосудительнаго. Такимъ образомъ, грозный для своихъ учениковъ, какъ полный ихъ командиръ, учитель самъ долженъ былъ постоянно трепетать предъ своими собственными командирами, въ отношеніи къ которымъ былъ крайне маленькимъ и безправнымъ человѣкомъ.

Такая низменная постановка учительскаго званія, составляющая весьма характерное явленіе при изученіи учебно—воспитательной части тогдашнихъ школъ, была необходимымъ результатомъ того же исключительно служебнаго взгляда на науку и школу, который уже достаточно нами обрисованъ. Образованіе имѣло значеніе только практическое, для извѣстнаго рода службы, къ которой приготовляло человѣка, а не само по себѣ. Равнымъ образомъ и ученый человѣкъ оцѣнивался не по своему личному ученому до-

стоинству и ученой профессіи, а по своему служебному рангу, который одинъ давалъ права и авторитетъ. Если и теперь для возвышенія достоинства ученаго человѣка, профессора, учителя, государство находитъ еще нужнымъ возводить его въ извѣстный рангъ и опредѣляетъ достоинство ученыхъ степеней и званій посредствомъ приложенія къ нимъ извѣстныхъ канцелярскихъ чиновъ, то въ прежнее время, время еще крайне не зрѣлой цивилизаціи безъ этого положительно нельзя было обойтись. Ученый безъ ранга и служебнаго положенія не внушалъ къ себѣ уваженія, былъ совершенно безправенъ предъ человѣкомъ служилымъ и въ высокомъ рангѣ, часто былъ настоящимъ его холопомъ, по крайней мѣрѣ постоянно нуждался въ его покровительствѣ, а для этого долженъ былъ принижаться передъ нимъ, льстить ему, какъ меценату. Это меценатство ранга надъ наукой и литературой охватывало собою всю сферу образовательныхъ учрежденій отъ академіи наукъ до школы грамотности и всѣхъ лицъ, служившихъ дѣлу образованія, отъ Ломоносова, у котораго былъ меценатъ Шуваловъ, до пономаря, учившаго ребятъ читать по часослову. Встрѣчаемъ и такія явленія, что могъ сдѣлать человѣкъ ранга, не взлюбившій человѣка ученаго: Волынскій хлещетъ по щекамъ Тредьяковскаго. Въ самой академіи наукъ люди науки, профессоры, вызванные изъ за границы, должны были лакействичать предъ чиновникомъ Шумахеромъ или уѣзжать, откуда пріѣхали.

Въ духовномъ вѣдомствѣ наука была болѣе знакома властямъ и цѣнилась ими высоко, но тоже не столько сама по себѣ, сколько по отношенію къ интересамъ духовной службы, которымъ вполнѣ подчинялась. Званіе ученаго, должность учителя и здѣсь не могли еще быть самостоятельной спеціальностію, давать человѣку положеніе и права въ предѣлахъ его вѣдомства сами по себѣ. Оставаясь только при нихъ однихъ, онъ только и могъ существовать подъ мече-

натствомъ представителя духовной службы,—архіерея, оставался чѣмъ-то въ родѣ безмѣстнаго, безправнаго наемщика, служащаго на частной службѣ по найму, и самъ смотрѣлъ на свое учительство, какъ на состояніе лишь переходное, какъ на средство заслужить вниманіе епархіальнаго начальства и потомъ получить чрезъ него настоящее служебное положеніе въ священствѣ или монашествѣ. Когда учительство соединялось съ другою, — епархіальною должностію, то положеніе учителя опредѣлялось именно этою послѣднею, а первое при ней считалось только побочнымъ послушаніемъ, которое какъ мы знаемъ, даже иногда не вознаграждалось и особымъ окладомъ. Остатки подобныхъ понятій, въ свое время господствовавшихъ, сохраняются, какъ извѣстно, и доселѣ у многихъ духовныхъ властей, все еще не привыкшихъ мыслить духовную науку безъ духовнаго ранга. Единственная возможность свѣтскому учителю дух. школы пріобрѣсти нѣкоторыя права открывалась только тогда, когда онъ дѣлался интендантомъ или префектомъ (ректоромъ могъ быть только монахъ), вообще какъ нибудь приставлялся къ школьной администраціи, т. е. самъ дѣлался чиновникомъ, органомъ епархіальнаго управленія надъ школою и слѣдовательно командиромъ.

При всей своей ревности къ развитію школьнаго образованія, архіереи держали своихъ учителей въ довольно черномъ тѣлѣ за исключеніемъ развѣ учителей высшихъ классовъ, но и то больше потому, что высшія науки преподавались лицами, имѣвшими болѣе или менѣе высокій духовный санъ. Матеріальная обстановка учительской должности намъ уже извѣстна. Не высоко было положеніе учителя, когда онъ ничѣмъ почти не отличался отъ служекъ архіерейскаго дома, часто вмѣстѣ съ ними имѣлъ и помѣщеніе и столъ, получалъ 20—30 руб. годоваго оклада, былъ поощряемъ въ своемъ усердіи къ дѣлу праздничными подачками платковъ и кушаковъ за поздравленіе начальства витіеватою рѣчью и состоялъ въ

полнѣйшей зависимости отъ воли своихъ командировъ, и епархіальныхъ и школьныхъ, которые по своему личному усмотрѣнію могли и лишить его мѣста и наказать какимъ нибудь школьническимъ наказаніемъ. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ учители подчинены были надзору ректоровъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ ученики, наприм. одинаково съ послѣдними не смѣли безъ дозволенія ректора выходить за стѣны семинаріи (1).

Правъ у учителя не было, кромѣ развѣ командирскихъ правъ надъ учениками, а между тѣмъ въ назначеніи ему количества тяжкихъ обязанностей и работы не скупились. Какъ бы ни велико было число учениковъ въ школѣ, въ опредѣленіи числа учителей епархіальныя начальства наблюдали обыкновенно крайнюю экономію. На цѣлый классъ полагался одинъ только учитель, такъ что сколько открывалось классовъ, столько же при школѣ было и учителей. Такимъ образомъ каждый учитель долженъ былъ всякій день заниматься съ учениками безсмѣнно въ теченіи всѣхъ учебныхъ часовъ, которыхъ было притомъ же не мало: ученики находились въ классахъ утромъ съ 7 до 10 и 11 часа, да послѣ обѣда отъ 1 часа до 4; ученики русскаго класса для большей практики въ чтеніи и письмѣ учились еще дольше, съ 6 часовъ утра, а послѣ обѣда отъ часа до 6 вечера (2). Кромѣ того учителю еженедѣльно приходилось читать и поправлять разныя ученическія версіи, экзерциціи и окупаціи; не говоримъ уже о приготовленіи разныхъ отчетовъ объ успѣхахъ учениковъ, которое возлагалось на него же. Притомъ же и такое въ обрѣзъ необходимое число учителей существовало еще далеко не во всѣхъ, а лишь только въ болѣе богатыхъ семина-

---

(1) Ист. владим. семин. 34.

(2) См. Р. Пед. Вѣстн. 1858 г. т. Ш: стат. Макарія о школахъ. Ист. переясл. семин. въ Влад. епарх. вѣд. 1866 г. стр. 300. Ворон. епарх. вѣд. 1867 г. стр. 231—234.

ріяхъ, какъ-то въ троицкой, новогородской, харьковскомъ, отчасти въ казанской. Въ большей части семинарій старались сократить и это число, соединяя въ однихъ рукахъ преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ иногда въ разныхъ классахъ, и облегчая въ такомъ случаѣ непомѣрные труды учителей только чрезъ допущеніе къ преподаванію нисшихъ предметовъ учениковъ старшихъ классовъ. Даже въ такой, довольно богато обставленной семинаріи, какъ переяславльская, нѣкоторое время существовалъ всего одинъ учитель, преподававшій риторику: въ 1753 г. архіерей Серапіонъ писалъ ректору семинаріи, что „больше учителей и не надобно для того, что риторики ученики есть свои и школы (классы) меньшія могутъ учить совершенно.“ Потомъ впрочемъ видимъ четверыхъ учителей (1). Заваленные работой, учители должны были просто выбиваться изъ силъ; и сами архіереи сознавались, что они находятся на своей учительской службѣ „въ невыносныхъ трудахъ“ (2). Въ нисшихъ русскихъ школахъ по епархіальнымъ округамъ постоянно полагалось по одному учителю; другой учитель опредѣлялся, когда въ такой школѣ вводилось преподаваніе начатковъ латинскаго языка.

Трудность преподавательской должности не мало должна была увеличиваться еще вслѣдствіе полнаго отсутствія спеціальности въ ея прохожденіи. За исключеніемъ малообразованныхъ учителей нисшихъ классовъ, которые только и могли учить элементарнымъ предметамъ, каждый учитель послѣдовательно преподавалъ одинъ за другимъ нѣсколько предметовъ семинарскаго курса, переходя изъ одного нисшаго класса въ высшій, иногда даже вмѣстѣ съ своими учениками; въ этой формѣ выражалось тогда служебное его повышеніе за усердіе къ своему дѣлу. Такимъ об-

---

(1) Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 23, стр. 1299.

(2) Ист. владим. семин. стр. 38—39.

разомъ образованный учитель могъ послѣдовательно пройти весь семинарскій курсъ отъ элементаря до философіи и префектовской должности включительно, а если за тѣмъ принималъ монашество, то могъ сдѣлаться учителемъ богословія и ректоромъ. Примѣры этого во множествѣ представляютъ біографіи нашихъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, архіереевъ, архимандритовъ изъ ученыхъ, которые почти всѣ начинали свою каррьеру со школьнаго учительства. Учительство въ извѣстномъ классѣ очевидно трактовалось, какъ извѣстная служебная степень или чинъ. Пройдя всѣ эти чины, человѣкъ попадалъ на вожделѣнный путь другаго рода чиновъ, начиналъ шествіе по лѣствицѣ высшихъ іерархическихъ должностей. Но большая часть учителей уходила съ тяжелой школьной службы раньше. Понятно, что тогда никому и въ голову не могло прійти избрать эту службу въ качествѣ постоянной, жизненной для себя спеціальности. Учители смѣнялись очень часто; прослуживъ много года 4—5, каждый изъ нихъ спѣшилъ поскорѣе пристроиться на какую нибудь другую, преимущественно епархіальную службу.

Въ новыхъ семинаріяхъ съ первоначальными нистими курсами по всей вѣроятности не возбуждалось и вопроса о возвышеніи положенія учителей. На учительскія мѣста опредѣлялись разные грамотники изъ мѣстнаго духовенства, дьяконы (рѣдко священники), дьячки, пономари, поповы дѣти, пѣвчіе и т. п. люди, съ которыми начальству нечего было особенно церемониться. Когда не находилось годныхъ людей изъ духовенства, архіереи приглашали къ преподаванію разныхъ грамотѣевъ изъ постороннихъ людей, но тоже не высокаго полета и мало претендательныхъ. При открытіи русской школы въ Иркутскѣ (въ 1728 г.) духовенству поручено было выбрать въ учители какого нибудь грамотника и добронравнаго дьячка, но такого между иркутскими дьячками не оказалось и въ учители былъ нанятъ послѣ этого одинъ посад-

скій, „человѣкъ добрый и не пьяница," какъ его рекомендовало духовенство, который и обязался за 20 р. въ годъ учить дѣтей всему добрымъ порядкомъ, чтобы было въ твердость (1). Въ тобольской епархіи учителемъ далматовской школы былъ (съ 1747 г.) одинъ разстриженный священникъ Кирило Павловъ (2). Труднѣе было найти учителя для преподаванія латыни, которой великорусское духовенство прежде не училось. Въ началѣ описываемаго времени латынщики такъ были еще рѣдки, что наприм. вологодскій архіерей Аѳанасій Кондоиди, открывъ у себя латинскую школу, нѣкоторое время самъ преподавалъ въ ней латинскій языкъ. Но съ теченіемъ времени и такіе учители, по крайней мѣрѣ годные для преподаванія элементаря, мало по малу переставали быть рѣдкостью. Архіереи малороссы, заводившіе латинскіе классы въ великорусскихъ школахъ, всегда пріѣзжали на епархіи въ сопровожденіи большой свиты изъ земляковъ, которыхъ забирали съ собою въ качествѣ своихъ будущихъ помощниковъ по управленію или же келейниковъ и служителей. Люди эти были большею частію недальняго образованія, но для обученія ребятъ элементарю годились. Въ самой Малороссіи такіе латынники, разумѣется, давно были не рѣдкость.

Всѣ эти импровизованные учители ничѣмъ не возвышались надъ старинными мастерами грамотности и современными имъ учителями частныхъ школъ, разными пономарями Брудастыми, и ни по своимъ знаніямъ, ни по своимъ нравственнымъ достоинствамъ не способны были внушить къ себѣ уваженіе и поднять себѣ цѣну. Большинство изъ нихъ можно было только терпѣть на первый разъ по безлюдью и по новости школьнаго дѣла; но попадались между ними и такіе, которыхъ и на безлюдьи терпѣть было нельзя, какъ

(1) Иркутск. епарх. вѣд. 1863 г. № 39, стр. 624—625.

(2) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 1, стр. 8.

ся изданіе, увѣдомить ее объ этомъ не позже 15 ноября. Молчаніе будетъ сочтено за отвѣтъ отрицательный".

Постановили: Возобновить подписку на журналъ „Критическое Обозрѣніе", о чемъ и сообщить редакціи сего журнала, присовокупивъ, что сумма, причитающаяся за журналъ на 1880 годъ, будетъ выслана правленіемъ академіи въ началѣ будущаго 1880 года. Сообщить о семъ и правленію академіи.

29 ноября 1879 года.

Въ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали: помощники ректора: И. Порфирьевъ, П. Знаменскій и Н. Бѣляевъ, инспекторъ экстраорд. проф. Н. Ивановскій, члены Совѣта: М. Красинъ, И. Бердниковъ, В. Миротворцевъ. Не присутствовали по болѣзни: В. Снегиревъ и А. Волковъ.

I. Слушали: а) Отношеніе канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода на имя высокопреосвященнаго Антонія архіепископа казанскаго съ препровожденіемъ списка профессоровъ казанской духовной академіи, произведенныхъ указомъ Правительствующаго Сената (по департаменту Герольдіи) отъ 8 октября за № 2907 въ слѣдующіе чины, за выслугу лѣтъ, съ узаконеннымъ старшинствомъ.

б) Списокъ профессоровъ казанской духовной академіи, произведенныхъ въ чины указомъ Правительствующаго Сената (по департаменту Герольдіи) отъ 8 октября 1879 года за № 2907, на имя оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода послѣдовавшимъ. Изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные совѣтники, ординарный профессоръ Иванъ Порфирьевъ, со старшинствомъ съ 5 ноября 1853 г. Изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: ординарные профессоры: Михаилъ Красинъ съ 19 августа 1861 г., Петръ Знаменскій съ 23 сентября 1863 г., экстраорд. профессоры: Александръ Гренковъ съ 30 октября 1865 г., Александръ Некрасовъ съ 15 ноября 1866 г.,

Илья Бердниковъ—съ 20 ноября 1867 г. и Николай Ивановскій съ 9 октября 1868 года.

в) Предложеніе ректора протоіерея А. Владимірскаго: „Секретарь Совѣта и правленія академіи Михаилъ Соловьевъ, указомъ Правительствующаго Сената (по департаменту Герольдіи) отъ 27 февраля 1878 года за № 27, утвержденъ по степени кандидата академіи въ чинѣ коллежскаго секретаря со старшинствомъ съ 12 октября 1876 г. Такъ какъ секретарь Соловьевъ имѣетъ выслугу лѣтъ на представленіе его къ слѣдующему чину, то не угодно ли будетъ Совѣту сдѣлать распоряженіе о представленіи его къ производству въ слѣдующій чинъ—титулярнаго совѣтника, со старшинствомъ съ 12 октября 1879 года. За тѣмъ, такъ какъ по ст. 80-й III т. Св. Законовъ уст. сл. прав. изд. 1876 г. студенты духовныхъ семинарій опредѣляются въ гражданскую службу, безъ различія состоянія, съ чиномъ четырнадцатаго класса, то не угодно-ли будетъ Совѣту представить помощника библіотекаря академіи Ѳедора Троицкаго къ производству въ чинъ XIV класса, т. е. коллежскаго регистратора, со старшинствомъ съ 21 августа 1878 года“.

Справка: 1) Порядокъ представленія къ чинамъ опредѣленъ въ §§ 14 и 15 Высочайше утвержденнаго въ 24-й день октября 1876 года положенія о правахъ и преимуществахъ лицъ служащихъ при академіи, именно, въ § 14 сказано: „Лица, служащія при духовно-учебныхъ заведеніяхъ не по учебной или воспитательной части, производятся въ чины на основаніи общихъ правилъ, для гражданской службы установленныхъ“, а въ § 15 сказано: „О производствѣ въ чины за выслугу лѣтъ, равно объ утвержденіи въ чинахъ по ученымъ степенямъ и званіямъ и по учебнымъ должностямъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ профессоровъ духовныхъ академій, епархіальные преосвященные относятся непосредственно въ департаментъ Герольдіи; о производствѣ же въ чины профессоровъ академіи... входятъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроровъ Святѣйшаго Синода“.

3) По ст. 341 III т. Св. Зак. изд. 1876 г. уст. о служ. по опред. прав. „Для производства въ чины изъ четырстдцатаго въ высшіе до пятаго класса включительно по-наавлены одинакіе для всѣхъ служащихъ сроки, а именно

для представленія къ производству за выслугу въ чины: изъ четырнадцатаго въ двѣнадцатый классъ три года; изъ двѣнадцатаго въ десятый классъ три года; изъ десятаго въ девятый классъ три года; изъ девятаго въ восьмой классъ три года; изъ восьмаго класса въ седьмой классъ четыре года; изъ седьмаго въ шестой четыре года и изъ шестаго въ пятый классъ четыре года". По приложенію къ ст. 263 того же тома и устава, чинъ V класса именуется чиномъ статскаго совѣтника, VI—коллежскаго совѣтника, VII—надворнаго совѣтника, VIII—коллежскаго ассесора, IX—титулярнаго совѣтника, X—коллежскаго секретаря, XII—губернскаго секретаря и XIV класса чиномъ коллежскаго регистратора".

8) По ст. 80 того же тома и устава: „Студенты духовныхъ семинарій опредѣляются въ гражданскую службу безъ различія состоянія съ чиномъ четырнадцатаго класса".

4) Такъ какъ поименованныя въ отношеніи канцеляріи г. оберъ прокурора Св. Синода и предложеніи о. ректора академіи лица имѣютъ старшинство и на слѣдующіе чины, то ихъ слѣдуетъ представить, на основаніи вышеприведенныхъ справокъ, къ слѣдующимъ чинамъ, именно: къ чину коллежскаго совѣтника заслуженнаго ординарнаго профессора надворнаго совѣтника Ивана Порфирьева со старшинствомъ съ 15 ноября 1857 года, къ чину надворнаго Совѣтника: ординарныхъ профессоровъ коллежскихъ ассесоровъ Михаила Красина со старшинствомъ съ 19 августа 1865 года и Петра Знаменскаго со старшинствомъ съ 23 сентября 1867 года и экстраординарныхъ профессоровъ: Александра Гренкова со старшинствомъ съ 30 октября 1869 года, Александра Некрасова съ 15 ноября 1871 года, Илью Бердникова съ 20 ноября 1871 года и Николая Ивановскаго съ 9 октября 1872 года; секретаря академіи Михаила Соловьева къ чину титулярнаго совѣтника со старшинствомъ съ 12 октября 1879 года и помощника библіотекаря Ѳедора Троицкаго къ чину коллежскаго регистратора по званію студента семинаріи со старшинствомъ съ 21 августа 1878 года.

5) По 5 п. 294 ст. III т. Св. Зак. сл. прав. „Всѣ представленія (къ чинамъ) дѣлаются въ установленные сроки; а въ министерства или главныя управленія представленія

отъ подвѣдомственныхъ мѣстъ или лицъ доставляются не позже, какъ за два мѣсяца до сроковъ, установленныхъ для каждаго министерства или главнаго управленія". Въ отношеніи духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ, отъ 14 декабря 1842 года № 16376, между прочимъ, сказано о срокахъ представленія къ чинамъ въ п. 6: „Представленія свои академическія правленія обязаны дѣлать сколь возможно благовременнѣе, дабы оныя могли быть получены въ управленіи не позже, какъ между 10 и 15 числами послѣднихъ мѣсяцевъ въ каждыя трети года, т. е. апрѣля, августа и декабря".

6) По п. 6 тойже 294 ст. „О лицахъ, представляемыхъ въ департаментъ Герольдіи къ производству въ слѣдующій чинъ за выслугу лѣтъ, составляется списокъ, въ которомъ выставляются изъ формуляра всѣ нужныя свѣдѣнія. Вся отвѣтственность за вѣрность сихъ свѣдѣній возлагается на вошедшее съ представленіемъ начальство, которое, въ случаяхъ сомнительныхъ, обязано дѣлать, чрезъ министерства и главныя управленія, отдѣльныя представленія".

7) По п. 9 тойже ст. „При представленіяхъ о производствѣ въ первый классный чинъ лицъ, поступившихъ въ службу безъ права на оный, прилагаются, кромѣ краткаго списка, полные формуляры и всѣ требуемые закономъ документы, за исключеніемъ лицъ, документы коихъ были разсмотрѣны Сенатомъ при первоначальномъ ихъ опредѣленіи на службу".

8) Отношеніемъ бывшаго духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ, отъ 14 декабря 1842 г. № 16376, между прочимъ, предписано было: „краткіе списки представлять высшему начальству въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ отсылается куда слѣдуетъ, а другой оставляется при дѣлахъ управленія". Примѣнительно къ этому краткіе списки о производствѣ въ чины профессоровъ академіи, какъ представляемые не непосредственно въ департаментъ Герольдіи, а къ г. оберъ-прокурору Св. Синода, должны быть приложены въ двухъ экземплярахъ.

9) О. ректоръ академіи протоіерей А. Владимірскій словесно заявилъ Совѣту, что онъ, на основаніи § 28 акад. уст. ходатайствовалъ предъ его преосвященствомъ Павломъ, епископомъ чебоксарскимъ, викаріемъ казанской епархіи,

о представленіи къ награжденію ординарныхъ профессоровъ Ивана Порфирьева, Петра Знаменскаго и Михаила Красина за продолжительную, отлично-усердную и полезную службу въ академіи чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Постановили: Объ утвержденіи въ чинахъ ординарныхъ профессоровъ: Ивана Порфирьева, Петра Знаменскаго и Михаила Красина, экстраординарныхъ: Александра Гренкова, Александра Некрасова, Ильи Бердникова и Николая Ивановскаго внести въ формулярные о службѣ ихъ списки, увѣдомивъ гг. профессоровъ о производствѣ ихъ въ чины. Просить его преосвященство представить по установленному порядку его сіятельству г. оберъ-прокурору Св. Синода о производствѣ за выслугу лѣтъ въ слѣдующіе чины: ординарнаго профессора надворнаго совѣтника Ивана Порфирьева въ чинъ коллежскаго совѣтника, со старшинствомъ съ 5 ноября 1857 года; въ чинъ надворнаго совѣтника ординарныхъ профессоровъ коллежскихъ ассессоровъ Петра Знаменскаго со старшинствомъ съ 23 сентября 1867 года, Михаила Красина со старшинствомъ съ 19 августа 1865 года, экстраординарныхъ профессоровъ Александра Гренкова со старшинствомъ съ 30 октября 1869 года, Александра Некрасова съ 15 ноября 1870 года, Илью Бердникова съ 20 ноября 1871 года и Николая Ивановскаго съ 9 октября 1872 года; при чемъ присовокупить, что ординарные профессоры Иванъ Порфирьевъ, Петръ Знаменскій и Михаилъ Красинъ представлены были за отличіе къ награжденію чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Просить также его преосвященство представить по установленному порядку въ департаментъ Герольдіи о производствѣ за выслугу лѣтъ въ чинъ титулярнаго совѣтника со старшинствомъ съ 12 октября 1879 года секретаря Михаила Соловьева, а помощника библіотекаря академіи Ѳедора Троицкаго представить къ чину коллежскаго регистратора по званію студента духовной семинаріи со старшинствомъ съ 21 августа 1878 года. При представленіи приложить требуемые закономъ краткіе формулярные списки представляемыхъ къ производству въ чины лицъ, профессоровъ въ двухъ экземплярахъ, а секретаря Соловьева и помощника библіотекаря Троицкаго въ одномъ экземпля-

рѣ; представить также полный формулярный списокъ и аттестатъ объ окончаніи курса въ семинаріи г. Троицкаго.

II. Слушали: Указъ Св. Синода отъ 19 декабря сего года № 3802 на имя покойнаго высокопреосвященнаго Антонія: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе исправляющаго должность синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 11 минувшаго сентября за № 8056, съ изъясненіемъ заключенія хозяйственнаго управленія, по представленію вашего преосвященства, относительно увеличенія казенно-коштныхъ студенческихъ вакансій въ казанской духовной академіи. И, по справкѣ, приказали: Имѣя въ виду, что для с.-петербургской и московской духовныхъ академій положенное по штату сихъ академій число казеннокоштныхъ студенческихъ вакансій (по 120) предположено увеличить на 60 вакансій для каждой, Св. Синодъ, согласно съ заключеніемъ хозяйственнаго управленія, признаетъ возможнымъ и для казанской академіи положенное по штату число казеннокоштныхъ вакансій (100) увеличить также на 60 вакансій, съ окладомъ по 190 р. на каждую вакансію; самое же увеличеніе произвести въ теченіи 4 лѣтъ, начавъ съ настоящаго учебнаго $18^{79}/_{80}$ года, но съ тѣмъ, чтобы, впредь до приспособленія академическихъ зданій, вновь открываемыя вакансіи замѣщались такимъ числомъ студентовъ, какое окажется возможнымъ помѣстить въ академическихъ зданіяхъ, съ отнесеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода на счетъ духовно-учебнаго капитала, на что и испросить, установленнымъ порядкомъ, Высочайшее соизволеніе. Расходъ же этотъ въ нынѣшнемъ году, по разсчету, произвести изъ экстраординарнаго кредита по духовно-учебной части (§ 9 отд. 1 смѣты спеціальныхъ средствъ Св. Синода на 1879 г.); о чемъ и дать знать вашему преосвященству указомъ, а въ хозяйственное управленіе передать выписку изъ настоящаго опредѣленія“. Резолюція на семъ указѣ его преосвященства Павла, епископа чебоксарскаго, викарія казанской епархіи, послѣдовала такая: „15 ноября 1879 года. Въ Совѣтъ академіи“.

Справка: Настоящій первый курсъ состоитъ изъ 33 воспитанниковъ; въ томъ числѣ 26 казеннокоштныхъ, два

своекоштныхъ полупансіонера Алфіоновъ и Петропавловскій, четыре своекоштныхъ, проживающихъ въ частныхъ квартирахъ: Алякритскій, Флоринскій, Богородицкій и Кудѣевскій, одинъ стипендіатъ Воскресенскій; изъ своекоштныхъ студентовъ, проживающихъ на квартирѣ, Алякритскій, какъ заявилъ г. инспекторъ, отъ поступленія на казенное содержаніе отказался.

Постановили: Такъ какъ первый курсъ студентовъ казанской академіи въ настоящемъ 1879—80 учебномъ году уже образовался, и въ немъ состоитъ своекоштныхъ воспитанниковъ только пять человѣкъ, то просить его преосвященство представить Св. Синоду, что Совѣтъ академіи находитъ возможнымъ увеличить въ настоящемъ учебномъ году изъ открываемыхъ казеннокоштныхъ вакансій на первомъ курсѣ только пять вакансій. При этомъ просить его преосвященство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ ассигнованіи на содержаніе означенныхъ пяти казеннокоштныхъ вакансій по 190 р. на каждую съ начала будущаго 1880 года. И, по разрѣшеніи Св. Синода, зачислить на казенное содержаніе, по предварительномъ выполненіи всѣхъ, относящихся къ сему зачисленію постановленій, студентовъ перваго курса: Алфіонова, Петропавловскаго Флоринскаго, Богородицкаго и Кудѣевскаго.

III. Слушали: Отношеніе оберъ-прокурора Св. Синода отъ 30 октября 1879 г. № 5026, на имя покойнаго преосвященнаго Антонія: „Высочайшимъ указомъ, даннымъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ въ 28 день мая сего года, Всемилостивѣйше пожалованы орденомъ св. Анны значащіяся на оборотѣ сего лица вѣдомства православнаго исповѣданія. Препровождая, къ вашему высокопреосвященству полученные изъ капитула орденовъ орденскіе знаки съ грамотами, для доставленія по принадлежности, покорнѣйше прошу о полученіи оныхъ меня увѣдомить и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать распоряженіе объ истребованіи отъ означенныхъ лицъ слѣдующихъ по сему пожалованію, на основаніи Св. Зак. т. 1, изд. 1876 г. учр. ордеп. ст. 572, единовременныхъ денегъ и объ отсылкѣ оныхъ по принадлежности, въ капитулъ орденовъ“. Всемилостивѣйше пожалованы орденомъ св. Анны 3 степе-

ни экстраординарные профессора казанской духовной академіи коллежскіе совѣтники: Веніаминъ Снегиревъ, Андрей Волковъ и Василій Миротворцевъ, титулярный совѣтникъ Александръ Некрасовъ, доценты той же академіи, надворные совѣтники: Яковъ Богородскій и Николай Бѣляевъ. Резолюція на семъ отношеніи его преосвященства, епископа чебоксарскаго викарія казанской епархіи, Павла послѣдовала слѣдующая: „16 ноября 1879 г. Орденскіе знаки съ грамотами препровождаются въ Совѣтъ академіи для доставленія по принадлежности, съ тѣмъ, чтобы съ означенныхъ на оборотѣ сего отношенія лицъ были истребованы слѣдующіе деньги и отосланы въ капитулъ орденовъ. О полученіи орденскихъ знаковъ съ грамотами и объ отсылкѣ денегъ заготовить отъ моего имени донесеніе г. оберъ-прокурору Св. Синода и представить къ подписанію".

Справка: Орденскіе знаки съ грамотами выданы по принадлежности подъ росписку.

Постановили: О Высочайшемъ пожалованіи орденами гг. Снегирева, Волкова, Миротворцева, Некрасова, Богородскаго и Бѣляева внести въ формулярные ихъ списки; поручить правленію истребовать съ нихъ причитающуюся сумму, которую и препроводить въ капитулъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, и заготовить требуемое его преосвященствомъ представленіе.

IV. Слушали: Докладъ секретаря Совѣта М. Соловьева. „Совѣтъ академіи отъ 18 ноября 1878 г., между прочимъ, постановилъ: „Представленныя отдѣленіями академіи на соисканіе премій преосвященнаго митрополита литовскаго Іосифа кандидатскія сочиненія воспитанниковъ академіи, окончившихъ курсъ въ 1877 году Николая Лебедева и въ 1878 г. Ивана Сырцова и Алексѣя Царевскаго разослать для прочтенія всѣмъ членамъ Совѣта и по прочтеніи баллотировать опыя. Въ настоящее время члены Совѣта заявили, что они прочитали означенныя сочиненія. О чемъ и имѣю честь доложить Совѣту".

Справка: 1) Богословскимъ отдѣленіемъ представлено было на соисканіе преміи покойнаго преосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго, сочиненіе окончившаго въ

1877 году курсъ кандидата богословія Николая Лебедева подъ заглавіемъ: „Критическое разсмотрѣніе основныхъ пунктовъ ученія деизма“. Церковно-историческимъ отдѣленіемъ представлено было сочиненіе окончившаго курсъ въ 1878 году кандидата Ивана Сырцова подъ заглавіемъ: „Возмущеніе старообрядцевъ въ соловецкомъ монастырѣ“ и церковно-практическимъ отдѣленіемъ—сочиненіе кандидата Алексѣя Царевскаго подъ заглавіемъ: „Характеръ и значеніе сочиненій Ивана Посошкова“.

2) Въ академической кассѣ хранятся двѣ преміи покойнаго преосвященнаго митрополита литовскаго Іосифа по 165 р. каждая, всего 330 руб., отпущенныя по смѣтѣ 1876 и 1878 г.

3) Указомъ Св. Синода отъ 28 декабря 1873 г. № 3779 относительно премій преосвященнаго митрополита литовскаго Іосифа, между прочимъ, сказано: „Преміи назначать, не раздробляя ихъ, въ каждой академіи за кандидатское сочиненіе по какому бы то ни было отдѣленію, признанное лучшимъ изъ представленныхъ студентами при переходѣ изъ третьяго курса въ четвертый, съ тѣмъ, чтобы, согласно волѣ жертвователя, выдача премій производилась не прежде, какъ по окончаніи воспитанниками полнаго академическаго курса“.

4) Въ Совѣтѣ академіи произведена была закрытая баллотировка сочиненій кандидатовъ Лебедева, Сырцова и Царевскаго, при чемъ оказалось, что большинствомъ голосовъ удостоены преміи сочиненія Сырцова и Царевскаго.

5) Окончившій курсъ воспитанникъ казанской академіи Николай Лебедевъ состоитъ на службѣ, насколько извѣстно канцеляріи академіи, преподавателемъ въ тамбовской духовной семинаріи, Иванъ Сырцовъ преподавателемъ въ тобольской духовной семинаріи, а Алексѣй Царевскій, какъ извѣстно Совѣту, командированъ для слушанія лекцій въ московскомъ университетѣ.

Постановили: Назначить преміи покойнаго преосвященнаго митрополита литовскаго Іосифа во сто шестьдесятъ пять рублей за каждое сочиненіе окончившимъ курсъ въ 1878 году воспитанникамъ казанской духовной академіи

Ивану Сырцову, преподавателю тобольской духовной семинаріи, и Алексѣю Царевскому, командированному въ настоящее время Совѣтомъ академіи для слушанія лекцій въ московскомъ университетѣ, о чемъ и представить на утвержденіе его преосвященству; по утвержденіи же сообщить о семъ правленію академіи для зависящихъ распоряженій съ его стороны объ отправленіи означенныхъ премій гг. Сырцову и Царевскому.

V. Слушали: Прошеніе преподавателя тульской духовной семинаріи Владиміра Сахарова, на имя о. ректора академіи: „Представляя въ прошломъ году въ Совѣтъ академіи сочиненіе свое на соисканіе степени магистра богословія, я не утруждалъ Совѣтъ просьбою о напечатаніи его на казенный счетъ, надѣясь собрать на этотъ предметъ собственныя средства. Теперь, когда я приступилъ къ печатанію его, для меня ясно стало, что собственныхъ средствъ на это у меня не хватитъ. Я рѣшаюсь обратиться къ вамъ, ваше высокопреподобіе, съ покорнѣйшею просьбою, не найдете ли вы возможнымъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ академіи о выдачѣ мнѣ вспомоществованія изъ академической суммы, назначенной на печатаніе магистерскихъ диссертацій. Утруждая васъ этою просьбою, я полагаю, что § 33 положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени въ нѣкоторой мѣрѣ простирается и на мое сочиненіе; такъ какъ я написалъ его еще въ четвертомъ курсѣ академіи и по окончаніи курса представилъ на разсмотрѣніе профессора Ивана Яковлевича Порфирьева. Потомъ, сознавая допущенныя мною погрѣшности, я взялъ его обратно, предполагая исправить его въ самое короткое время, но служебныя обязанности отвлекли меня отъ этого дѣла и не дали мнѣ возможности представить его въ Совѣтъ академіи въ скоромъ времени по окончаніи курса“.

Справка: 1) Совѣтъ казанской духовной академіи въ засѣданіяхъ своихъ отъ 15 іюня и 17 августа 1879 года, соглашаясь съ отзывомъ церковно-практическаго отдѣленія, призналъ сочиненіе преподавателя тульской духовной семинаріи Владиміра Сахарова „Эсхатологическія сочиненія въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на народные русскіе стихи“ удовлетворительнымъ для соисканія степени

магистра богословія и разрѣшилъ ему напечатать означенное сочиненіе; о допущеніи же г. Сахарова къ публичной защитѣ сего сочиненія постановилъ имѣть сужденіе по представленіи имъ, Сахаровымъ, печатнаго оттиска его сочиненія о. ректору академіи въ требуемомъ количествѣ (50) экземпляровъ. О чемъ и сообщено было г. Сахарову съ препровожденіемъ ему сочиненія, на которомъ сдѣлана была надпись о разрѣшеніи къ печатанію.

2) По § 33 положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени въ духовныхъ академіяхъ: „Студенты IV курса, если представятъ диссертацію при окончаніи этого курса, въ случаѣ одобренія ея, пользуются правомъ пособія на ея напечатаніе изъ штатной академической суммы, назначаемой на печатаніе магистерскихъ диссертацій". Г. Сахаровъ окончилъ курсъ въ казанской академіи въ 1877 году, а сочиненіе на степень магистра представилъ на разсмотрѣніе Совѣта академіи въ январѣ 1879 года.

3) Заслуженный ординарный профессоръ И. Порфирьевъ заявилъ Совѣту слѣдующее: „Г. Сахаровъ свое кандидатское сочиненіе: „Эсхатологическія сочиненія въ древнерусской письменности и вліяніе ихъ на народные русскіе стихи", по моему совѣту, передѣлывалъ для печати, дополнялъ и исправлялъ въ продолженіе всего академическаго курса, и по окончаніи курса представилъ мнѣ на разсмотрѣніе".

Постановили: Имѣя въ виду, что кандидатъ казанской академіи Владиміръ Сахаровъ, по заявленію профессора Порфирьева, дѣйствительно написалъ свое сочиненіе, представленное теперь на соисканіе степени магистра и уже одобренное Совѣтомъ, въ 4 курсѣ, и тогда же представлялъ оное профессору Порфирьеву, а также принимая во вниманіе и дѣйствительную скудость средствъ учителя семинаріи, особенно въ первое время его службы, Совѣтъ академіи находитъ просьбу г. Сахарова основательною, но съ другой стороны, имѣя прямыя распоряженія высшаго начальства, въ справкѣ обозначенныя, не считаетъ себя въ правѣ удовлетворить оную, а посему опредѣляетъ ходатайствовать чрезъ его преосвященство предъ Св. Синодомъ, о разрѣшеніи напечатать сочиненіе, представленное г. Сахаровымъ, на казенный счетъ изъ статьи, положенной на

печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій. При этомъ Совѣтъ академіи обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что окончательное удовлетворительное приготовленіе диссертаціи на степень магистра въ продолженіи одного года на IV курсѣ при другихъ обязательныхъ для студентовъ сего курса занятіяхъ, очень затруднительно, а по окончаніи курса и незначительный остатокъ работы можетъ замедляться вслѣдствіе служебныхъ обязанностей и недостатка ученыхъ пособій, въ провинціальныхъ семинаріяхъ. А между тѣмъ было бы желательно облегчать по возможности и поощрять молодыхъ даровитыхъ людей къ пріобрѣтенію ими магистерской степени, такъ серьезно обставленной новымъ академическимъ уставомъ. На основаніи этихъ соображеній Совѣтъ академіи считаетъ своимъ долгомъ, вмѣстѣ съ ходатайствомъ относительно Сахарова, ходатайствовать предъ Св. Синодомъ и о томъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ разрѣшить печатать на казенный счетъ магистерскія диссертаціи тѣхъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ, которые представятъ окончательно приготовленныя рукописи на соисканіе степени магистра не позже двухъ лѣтъ по окончаніи курса.

VI. Слушали: Отношеніе инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ оренбургскаго учебнаго округа, отъ 20 октября 1879 г. № 410: „Въ оренбургскій пожаръ 16 апрѣля сего 1879 года вмѣстѣ со всѣми бумагами и документами по инспекціи инородческихъ школъ оренбургскаго учебнаго округа, (объ истребленіи пожаромъ 16 апрѣля бумагъ и документовъ было опубликовано въ оренбургскихъ и уфимскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ), сгорѣлъ у меня и мой дипломъ объ окончаніи въ 1872 году курса въ казанской духовной академіи, выданный мнѣ правленіемъ чебоксарскаго духовнаго училища при переводѣ моемъ въ 1875 году на службу въ оренбургскій учебный округъ; между тѣмъ въ настоящее время означенный документъ мнѣ необходимъ для приложенія его къ представленію меня къ классному чину. Поэтому имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ академіи выслать мнѣ копію съ моего академическаго диплома, (адресъ—въ г. Стерлита-

макъ уфимской губерніи). При этомъ прилагаю двѣ 60-ти коп. марки".

Справка: Въ дѣлѣ 1872 года подъ № 62 хранится копія съ диплома бывшаго воспитанника казанской академіи, нынѣ инспектора татарскихъ и башкирскихъ школъ оренбургскаго учебнаго округа г. Катаринскаго.

Постановили: Снявъ копію съ диплома В. Катаринскаго и сдѣлавъ на ней надлежащую надпись, препроводить г. инспектору татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Катаринскому, съ просьбою о полученіи ея увѣдомить Совѣтъ академіи.

VII. Слушали: Записку преподавателя нѣмецкаго языка въ казанской духовной академіи В. Кубли: „Студенты казанской духовной академіи неоднократно заявляли мнѣ, что имъ необходимы въ пособіе къ изученію нѣмецкаго языка лексиконы: Нѣмецко-русскій Макарова и „Handbuch der Fremdwörter in der deutschen Schrift=und Umgangssprache" herausg. Dr. Friedrich Erdmann Petri, а потому покорнѣйше прошу членовъ правленія казанской духовной академіи выписать означенные словари: первый въ количествѣ 3-хъ, а второй въ количествѣ 2-хъ экземпляровъ".

Справка: 1) По § 87 лит. А. п. 9 акад. уст., выборъ книгъ для библіотеки принадлежитъ къ предметамъ занятій, предоставленнымъ утвержденію Совѣта. 2) По § 5 инструкціи для библіотекаря и его помощника: библіотекарь выписываетъ (по опредѣленію Совѣта) книги отъ книгопродавцевъ и ведетъ съ послѣдними счеты, представляя объ уплатѣ по этимъ счетамъ правленію академіи.

3) Суммы, ассигнованной на содержаніе академической библіотеки на 1879 годъ, въ настоящее время не имѣется.

Постановили: Поручить г. библіотекарю пріобрѣсти для академической библіотеки требуемые лекторомъ нѣмецкаго языка В. Кубли лексиконы: „Нѣмецко-русскій Макарова" въ 3-хъ экземплярахъ и „Handbuch der Fremdwörter in der deutschen Schrift—und Umgangssprache" въ 2-хъ экземплярахъ, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ въ свое время правленію академіи счетъ для уплаты по нему денегъ за пріобрѣтенныя книги; уплату поручить правленію произ-

вести изъ смѣтныхъ суммъ по ст. содерж. библіотеки будущаго 1880 года.

VIII. Слушали: Прошеніе студента перваго курса Николая Доброва: „Покорнѣйше прошу перечислить меня съ нѣмецкаго языка на французскій".

Справка: По § 1 правилъ о переходѣ студентовъ изъ одного отдѣленія въ другое „переходы студентовъ изъ одного отдѣленія въ другое дозволяются въ теченіи перваго полугодія перваго курса... Это правило простирается и на переходъ съ одного языка на другой".

Постановили: Студента I курса Николая Доброва перечислить съ нѣмецкаго языка на французскій, о чемъ сообщить церковно-практическому отдѣленію и студенту Доброву.

IX. Слушали: Отношеніе Совѣта санктпетербургской духовной академіи: „Препровождая при семъ 15 экземпляровъ объявленія конкурса на преміи покойнаго высокопреосвященнаго митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Григорія, Совѣтъ с.-петербургской духовной академіи честь имѣетъ покорнѣйше просить сообщить это объявленіе къ свѣдѣнію гг. преподавателей и студентовъ академіи".

Справка: Означенное объявленіе сообщено гг. преподавателямъ и студентамъ академіи.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Слушали: Отношеніе оренбургской казенной палаты: „Окончившій курсъ наукъ въ казанской духовной академіи и удостоенный званія дѣйствительнаго студента, сынъ священника уфимской епархіи, Митрофанъ Кремлевъ обратился въ оренбургскую казенную палату съ прошеніемъ объ опредѣленіи его въ штатъ чиновниковъ ея и при прошеніи представилъ копію аттестата, выданнаго ему симъ Совѣтомъ 30 іюня 1876 года объ окончаніи курса наукъ въ академіи, на которомъ сдѣлана надпись о томъ, что онъ, Митрофанъ Кремлевъ, „во время 3-хъ лѣтняго пребыванія своего въ казанской духовной академіи состоялъ на казенномъ содержаніи, посему онъ обязанъ, на осн. §§ 166 и 167 академическаго устава, прослужить въ духовно-учеб-

номъ вѣдомствѣ пять лѣтъ, или же, на осн. § 168 того же устава и указа Святѣйшаго Синода отъ 19 мая 1871 г. № 32, уплатить сполна и единовременно пять сотъ двадцать три рубля тридцать коп. (523 р. 30 к.), безъ чего онъ, Кремлевъ, не можетъ быть уволенъ изъ духовно-учебнаго вѣдомства безъ особаго разрѣшенія Святѣйшаго Синода".

Вслѣдствіе чего казенная палата имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ казанской духовной академіи увѣдомить ее, освобожденъ ли въ настоящее время означенный студентъ Кремлевъ отъ обязательной службы въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, и если не освобожденъ, то не можетъ ли онъ быть опредѣленъ на службу въ палату подъ условіемъ вычета изъ содержанія, какое ему будетъ назначено, узаконенной части на покрытіе означеннаго выше долга его духовно-учебному вѣдомству".

Справка: 1) Дѣйствительный студентъ казанской академіи Кремлевъ, какъ видно изъ отношенія оренбургскаго духовнаго училища отъ 22 апрѣля 1877 года № 103, согласно прошенію, опредѣленъ журналомъ правленія этого училища отъ $^{11}/_{14}$ апрѣля того же года помощникомъ смотрителя. Документы его отправлены Совѣтомъ академіи въ правленіе оренбургскаго духовнаго училища при отношеніи отъ 19 марта 1877 года № 210 для храненія при дѣлахъ. Освобожденъ ли г. Кремлевъ отъ обязательной службы въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, въ дѣлахъ Совѣта свѣдѣній нѣтъ.

2) По § 168 акад. устава, казеннокоштные студенты въ случаѣ выхода изъ духовно-учебнаго вѣдомства.... до истеченія установленнаго обязательнаго срока службы, должны возвратить сумму, употребленную на ихъ содержаніе въ академіи, по разсчету проведеннаго въ академіи, или недослуженнаго времени.

3) Указомъ изъ Святѣйшаго Синода, отъ 19 мая 1871 г. за № 32, п. 7 предписано: „Въ случаѣ нежеланія поступить въ духовную службу, казеннокоштные воспитанники академіи обязуются возвратить сполна и единовременно израсходованную сумму на содержаніе ихъ въ академіи и семинаріи, если они и въ послѣдней состояли на казенномъ содержаніи; никакія разсрочки во взносѣ таковой суммы не допускаются".

Постановили: Сообщить оренбургской казенной палатѣ, что документы г. Кремлева отправлены были въ правленіе оренбургскаго духовнаго училища, куда онъ опредѣленъ былъ помощникомъ смотрителя, что Совѣту академіи неизвѣстно, освобожденъ ли въ настоящее время г. Кремлевъ отъ обязательной службы въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, такъ какъ онъ состоялъ не въ вѣдѣніи академіи, а въ вѣдѣніи правленія оренбургскаго духовнаго училища, откуда казенная палата и можетъ получить требуемыя свѣдѣнія, и что, наконецъ, если г. Кремлевъ не освобожденъ отъ обязательной службы въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ особымъ распоряженіемъ Святѣйшаго Синода, то онъ не можетъ быть уволенъ отъ этой службы иначе, какъ внесши сполна и единовременно причитающуюся съ него по разсчету не дослуженнаго имъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ времени сумму; никакія разсрочки во взносѣ таковой суммы не допускаются.

XI. Слушали: Записку библіотекаря казанской академіи А. Заблоцкаго: „Въ 1876 году, согласно журнальному постановленію Совѣта академіи 14 іюня, препровождены были въ организаціонный комитетъ третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ: 1) миссіонерскій противумусульманскій сборникъ 1—4 и 6-10 выпуски; 2) монгольско-калмыцкая грамматика Бобровникова; 3) Сличеніе мухаммеданскаго ученія объ именахъ Божіихъ—Г. С. Саблукова; 4) Путевыя записки двухъ хаджіевъ; 5) Стѣнныя украшенія мухаммеданъ; 6) Бронзовое зеркало съ арабскою на немъ надписью; и 7) Обломокъ отъ бронзоваго зеркала съ уйгурскою или монгольскою надписью. Всѣ эти книги и вещи препровождены были въ указанный комитетъ для выставки и подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они, по минованіи въ нихъ надобности, были возвращены въ академію. Такъ какъ третій международный съѣздъ оріенталистовъ давно уже закрытъ, а между тѣмъ препровожденныя на имя бывшаго его предсѣдателя, тайнаго совѣтника В. В. Григорьева, книги и вещи обратно еще не поступали, то не благоугодно ли будетъ Совѣту академіи сдѣлать по сему свое распоряженіе“.

Справка: 1) Всѣ поименованныя въ запискѣ библіотекаря вещи были отправлены Совѣтомъ академіи при отношеніи отъ 3 августа 1876 года № 675 на имя предсѣдателя организаціоннаго комитета 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ, тайнаго совѣтника Вас. Вас. Григорьева, съ просьбой возвратить ихъ по миновапіи въ нихъ надобности по принадлежности.

2) Отношеніемъ отъ 9 декабря 1876 г. № 1167 на имя исполнительнаго комитета означеннаго съѣзда Совѣтъ академіи повторилъ свою просьбу о возвратѣ означенныхъ въ запискѣ вещей.

3) Въ объявленіи комитета, присланномъ въ академію, между прочимъ, сказано было: „по закрытіи съѣзда, всѣ доставленные на выставку предметы возвращены будутъ владѣльцамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ поступали".

Постановили: Просить его превосходительство господина ректора с.-петербургскаго университета посодѣйствовать съ своей стороны къ отысканію и возвращенію въ Совѣтъ академіи означенныхъ въ запискѣ библіотекаря книгъ и вещей, препровожденныхъ на имя предсѣдателя организаціоннаго комитета III международнаго съѣзда оріенталистовъ, тайнаго совѣтника Вас. Вас. Григорьева.

XII. Слушали: 1) Записку библіотекаря А. Заблоцкаго. „По библіотечнымъ академическимъ записямъ числятся въ настоящее время за бывшимъ библіотекаремъ нашей академіи, нынѣ настоятелемъ казанской воскресенской церкви, священникомъ В. Братолюбовымъ слѣдующія книги изъ фундаментальной библіотеки: 1) Монгольско-нѣмецко-россійскій словарь Шмидта (4° Спб. 1836 г.); 2) Опытъ историческаго обзора пчеловодства въ Россіи (8° Спб. 1843 г.); 3) Христіанское чтеніе за 1837 г. (ч. 3-я; 4) Литовская церковная унія, Кояловича, ч. 2-я (8° Спб.); 5) Н. М. Карамзинъ, какъ моралистъ и историкъ (рѣчь); 6) Прокоповичъ „О распряхъ Павла и Варнавы" (4°, Москва, 1784 г.) и 7) Исторія среднихъ вѣковъ періодъ 1-й, Стасюлевича (8° Спб. 1863 г.) Книги эти, при сдачѣ о. Братолюбовымъ библіотеки мнѣ, не оказались на лицо и были по этому записаны имъ на себя въ той надеждѣ, что онѣ или отыщутся въ библіотекѣ, или же онъ въ случаѣ утраты ихъ розыщетъ

ихъ у книгопродавцевъ и пополнитъ недочетъ чрезъ покупку. Въ настоящее время о. Братолюбовъ сообщилъ мнѣ письмомъ, что онъ потерялъ всякую надежду на розысканіе числящихся за нимъ книгъ и проситъ меня донести объ этомъ Совѣту академіи на его благоусмотрѣніе. Прилагая при семъ письмо ко мнѣ о. Братолюбова, имѣю честь донести, что и я съ своей стороны сносился уже съ нѣкоторыми столичными книжными магазинами о пріобрѣтеніи чрезъ ихъ посредство указанныхъ выше книгъ; но ни отъ одного изъ нихъ не получилъ удовлетворительнаго отвѣта".

2) Письмо священника Братолюбова библіотекарю Заблоцкому: „Адамъ Евѳимовичъ! Какъ вамъ извѣстно, мною до сихъ поръ не розысканы и не сданы вамъ еще семь названій книгъ, принадлежащихъ управляемой вами академической библіотекѣ. Нынѣ по прошествіи такого большаго промежутка времени со дня сдачи библіотеки, я потерялъ уже всякую надежду найти ихъ; я думалъ было, что эти книги по недосмотру моего бывшаго помощника выданы кому либо безъ записи и надѣялся на то, что кто либо возвратитъ ихъ, но надежда моя не оправдалась, а потому покорнѣйше прошу васъ донести объ этомъ Совѣту академіи съ просьбою дать этому дѣлу законный ходъ".

Постановили: Такъ какъ затерянныя книги при бывшемъ библіотекарѣ казанской академіи священникѣ Братолюбовѣ не составляютъ важнаго ущерба для библіотеки, а между тѣмъ старанія о. Братолюбова и г. библіотекаря Заблоцкаго относительно пріобрѣтенія этихъ книгъ не привели къ желаемому результату, то Совѣтъ академіи, принимая во вниманіе усердную и всегда исполнительную службу священника Братолюбова въ бытность его библіотекаремъ академіи, находитъ возможнымъ исключить означенныя книги, числящіяся за о. Братолюбовымъ, изъ библіотечныхъ каталоговъ; о чемъ и сообщить г. библіотекарю академіи Заблоцкому и священнику Братолюбову.

XIII. Слушали: Письмо Экзарха Болгарскаго Іосифа: „Посылая свое воззваніе къ редакціямъ духовныхъ журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи, мы были вполнѣ убѣждены, что оно не останется гласомъ вопіющаго въ пустыни, ибо нельзя было предположить, чтобы нація, не поску-

пившаяся принести такъ много жертвъ для нашего избавленія, отказалась поддержать православіе среди истерзаннаго болгарскаго народа. Дѣйствительно, немного спустя послѣ того какъ мы разослали упомянутое воззваніе, намъ были высланы изъ нѣсколькихъ редакцій извѣстія о томъ, что онѣ съ готовностію исполняютъ наше желаніе. Между прочими казанская духовная академія одна изъ первыхъ русскихъ учебныхъ заведеній поспѣшила заявить свою готовность услужить дѣлу возрожденія болгарской духовной литературы посылкою издаваемаго при ней журнала „Православный Собесѣдникъ“ и другими изданіями редакціи послѣдняго. Поэтому мы съ нашей стороны особенно горячо благодаримъ Совѣтъ казанской академіи за такую большую услугу болгарской церкви, тѣмъ болѣе, что журналъ „Православный Собесѣдникъ“ займетъ довольно видное мѣсто въ формирующейся въ настоящее время экзархійской библіотекѣ. Кромѣ того упомянутый журналъ будетъ служить большимъ пособіемъ при изданіи предполагаемаго болгарскаго духовнаго журнала, такъ какъ онъ помимо того, что изобилуетъ очень многими статьями касательно всего православія вообще, но въ немъ кромѣ того встрѣчаются статьи исключительно по Болгарской церковной исторіи, доселѣ столь скудно разработанной. Въ виду этого мы смѣемъ надѣяться, что цѣнный для насъ подарокъ казанской академіи будетъ имѣть большое значеніе въ дѣлѣ возрожденія и дальнѣйшаго развитія болгарской духовной письменности.

Поблагодаривъ академическій Совѣтъ еще разъ и призывая Божію благодать на всѣхъ членовъ онаго, остаюсь вашъ усердный во христѣ молитствователь Экзархъ Болгарскій Іосифъ“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію и сообщить о семъ общему собранію гг. преподавателей академіи.

XIV. Слушали: 1) Отношеніе директора учительской семинаріи туркестанскаго края: „Въ знакъ постоянной признательности къ казанской духовной академіи за полученное мною въ оной образованіе, имѣю честь и удовольствіе представить при семъ въ библіотеку академіи (въ даръ) собранный мною „буддійско-калмыцкій альбомъ“ на двѣнадцати листахъ съ фотографическими изображеніями пятиде-

сяти шести различныхъ буддійско-калмыцкихъ божествъ (бурхановъ). При этомъ считаю умѣстнымъ просить Совѣтъ академіи отблагодарить отъ своего имени г. военнаго губернатора семирѣчинской области, генералъ-лейтенанта Герасима Алексѣевича Колпаковскаго за доставленные имъ мнѣ шесть листовъ фотографическихъ изображеній разныхъ бурхановъ (листы эти помѣщены въ началѣ альбома подъ №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6), а меня почтить увѣдомленіемъ о полученіи посылаемаго альбома, при коемъ прилагаются также для библіотеки академіи: 1) Памятная книжка управленія учебными заведеніями туркестанскаго края на 187⁸/₉ учебный годъ; 2) Туркестанскій календарь на 1880 годъ; 3) брошюра: „Открытіе учительской семинаріи въ г. Ташкентѣ и 4) брошюра „Отчетъ о дѣятельности семирѣчинскаго православнаго братства за 1876, 1877 и 1878 годы. Буду очень радъ, если посылаемый мною альбомъ будетъ небезполезенъ при изученіи въ казанской духовной академіи буддійской религіи".

2) Отношеніе Совѣта с.-петербургскаго Императорскаго университета: „Совѣтъ с.-петербургскаго университета имѣетъ честь препроводить при семъ для библіотеки казанской духовной академіи экземпляры диссертацій на ученыя степени гг. А. Исаева, Никитскаго и Г. Левицкаго".

3) Отношеніе Совѣта Императорскаго казанскаго университета: Препровождая при семъ диссертаціи на степень доктора медицины: Мандельштама, Соковнина, Любимова по 2 экз., Дьяконова, Боголюбова по 3 экз., Котовщикова 1 экз. и магистра фармац. Тегартена 2 экз. имѣетъ честь покорнѣйше просить о полученіи увѣдомить".

Справка: Буддійско-калмыцкій альбомъ и книги, означенныя въ сихъ отношеніяхъ, сданы въ академическую библіотеку подъ росписку г. библіотекаря.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, благодарить жертвователей за принесенія въ даръ для казанской академической библіотеки.

11 декабря 1879 года.

Въ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали: Помощники ректора И. Порфирьевъ, П. Знаменскій и Н. Бѣляевъ, инспекторъ академіи Н. Ивановскій, члены: М. Красинъ, И. Бердниковъ, В. Миротворцевъ, В. Снегиревъ и А. Волковъ.

I. Слушали: Предложеніе о. ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго: „19 февраля будущаго 1880 г., какъ извѣстно Совѣту академіи, исполнится двадцатипятилѣтіе благополучнаго царствованія Государя Императора. Желательно было бы этотъ торжественный для русскаго народа день ознаменовать торжествомъ и въ казанской духовной академіи; не угодно ли будетъ Совѣту сдѣлать относительно этого предмета свое распоряженіе".

Постановили: Просить его преосвященство представить Святѣйшему Синоду на утвержденіе слѣдующую программу празднованія въ казанской духовной академіи въ 19 день февраля будущаго 1880 года—двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича. Въ этотъ день, въ церкви казанской духовной академіи имѣетъ быть совершена божественная литургія, а послѣ оной благодарственный Господу Богу молебенъ о здравіи и благоденствіи Его Величества Государя Императора Александра Николаевича и всего царствующаго дома; послѣ сего открыть публичное собраніе въ актовомъ залѣ, гдѣ будетъ прочитана однимъ изъ профессоровъ приличная случаю рѣчь. Собраніе закончится пѣніемъ народнаго гимна „Боже Царя храни"!....

21 декабря 1879 года.

Въ собраніи Совѣта казанской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго, присутствовали: помощники ректора П. Знаменскій и Н. Бѣляевъ, инспекторъ Н. Ивановскій, члены Совѣта: М. Красинъ, И. Бердниковъ, В. Миротворцевъ, В. Снегиревъ и А. Волковъ. Не присутствовалъ по болѣзни помощникъ ректора И. Порфирьевъ.

I. Слушали: Донесеніе инспектора академіи экстраординарнаго профессора Н. Ивановскаго: „Честь имѣю донести Совѣту, что за студентами академіи въ теченіе ноября мѣсяца предосудительныхъ поступковъ замѣчено не было".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Слушали: Предложеніе ректора академіи протоіерея А. Владимірскаго: „На основаніи п. VII Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ, имѣю честь предложить Совѣту, что въ истекшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1879 года изъ преподавателей академіи не читали лекцій по болѣзни: экстраординарные профессоры А. Некрасовъ и А. Волковъ по одной лекціи и доцентъ П. Милославскій 6 лекцій".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Слушали: Вѣдомость, представленную правленіемъ академіи, на основаніи § 109 академическаго устава, о наличныхъ суммахъ казанской духовной академіи за ноябрь мѣсяцъ 1879 года. По вѣдомости значится: въ остаткѣ къ 1 ноября состояло наличными деньгами 24439 р. 70¼ к., въ билетахъ кредитныхъ учрежденій 2686 р., итого 27125 р. 70¼ к., въ ноябрѣ на приходъ поступило наличными деньгами 809 руб., 32¼ к., израсходовано наличными деньгами 8655 руб. 95 к. и билетами кредитныхъ учрежденій 350 р., а всего 9005 руб. 95 к.; въ остаткѣ къ 1 декабря состоитъ наличными деньгами 16593 р. 7¾ к., билетами кредитныхъ учрежденій 2336 р., итого 18929 р. 7¾ к.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Слушали: Отношеніе канцеляріи г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 24 ноября 1879 года № 5480: „По утвержденному г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, 15 текущаго ноября, докладу учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидатъ казанской духовной академіи Александръ Агрономовъ опредѣленъ преподавателемъ рижской духовной семинаріи по греческому языку. Канцелярія оберъ-прокурора имѣетъ честь увѣдомить о семъ академическій Совѣтъ, присовокупляя, что объ ассигнованіи слѣдующихъ Агрономову, по положенію, денегъ сообщено хозяйственному управленію при Святѣйшемъ Синодѣ".

Справка: Кандидатъ Агрономовъ, согласно отношенію канцеляріи г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отъ 11 сентября 1879 года № 4003, обращенъ за неполученіемъ назначенія на службу по мѣсту родопроисхожденія въ рязанское епархіальное вѣдомство съ выдачею ему прогонныхъ денегъ до г. Рязани.

Отецъ ректоръ академіи увѣдомилъ его о назначеніи на мѣсто службы чрезъ правленіе рязанской духовной семинаріи отъ 12 декабря 1879 года № 1420, съ присовокупленіемъ, что деньги, причитающіеся г. Агрономову, по положенію, будутъ высланы немедленно по полученіи распоряженія о семъ изъ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ и съ просьбою сообщить правленію академіи, если распоряженіе это изъ хозяйственнаго управленія послѣдуетъ непосредственно въ правленіе семинаріи.

Постановили: Припявъ къ свѣдѣнію, поручить правленію академіи разсчитать г. Агрономова деньгами, по положенію, если распоряженіе о семъ послѣдуетъ изъ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ чрезъ правленіе академіи.

V. Слушали: Указъ Святѣйшаго Синода отъ 29 октября 1879 года № 3749 на имя покойнаго преосвященнаго Антонія, архіепископа казанскаго и свіяжскаго: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали рапортъ вашего преосвященства, отъ 26 августа 1879 года за № 934, въ коемъ объясняя, что трехлѣтній срокъ службы экстраординарнаго профессора академіи Андрея Волкова въ званіи члена казанскаго комитета духовной цензуры кончился 13 августа 1879 года, доносите, что Совѣтъ казанской духовной академіи въ за-

сѣданіи 17 августа 1879 года избралъ кандидатами на должность члена казанскаго духовно-цензурнаго комитета вышеназваннаго экстраординарнаго профессора академіи и ординарнаго профессора, состоящаго помощникомъ ректора по богословскому отдѣленію, Николая Бѣляева. И, по справкѣ, приказали: принимая во вниманіе, что экстраординарный профессоръ казанской духовной академіи А. Волковъ безмездно потрудился уже три года на должности члена казанскаго духовно-цензурнаго комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: уволить Волкова отъ означенной должности и на открывшуюся такимъ образомъ вакансію члена казанскаго духовно-цензурнаго комитета, согласно избранію Совѣта казанской духовной академіи, назначить ординарнаго профессора этой академіи Николая Бѣляева; о чемъ и увѣдомить ваше преосвященство указомъ".

Резолюція на семъ указѣ преосвященнаго Павла епископа чебоксарскаго такая: „30 ноября 1879 г. Въ Совѣтъ академіи къ свѣдѣнію и для зависящихъ распоряженій".

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, увѣдомить по содержанію сего указа профессоровъ Волкова и Бѣляева и внести о семъ въ формулярные ихъ списки.

VI. Слушали: Указъ Святѣйшаго Синода, отъ 7-15 ноября 1879 года за № 2337, относительно увольненія воспитанниковъ духовныхъ академій, состоящихъ на духовно-учебной службѣ, для поступленія на должности священниковъ или законоучителей, отъ обязательной духовно-учебной службы, напечатанный въ № 47 „Церковнаго Вѣстника": „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали дѣло объ увольненіи преподавателя одной изъ духовныхъ семинарій отъ обязательной духовно-учебной службы, для опредѣленія его на должность законоучителя въ гимназію. И по справкѣ приказали: во избѣжаніе на будущее время излишней по дѣламъ подобнаго рода переписки въ Святѣйшемъ Синодѣ, распространить установленный синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 11 іюля-8-го августа сего года (Церк. Вѣстн. № 31) порядокъ увольненія окончившихъ въ духовныхъ академіяхъ курсъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ отъ обязательной духовно-учебной службы для опредѣленія на должности

священниковъ или законоучителей въ учебныя заведенія и на тѣхъ изъ сихъ воспитанниковъ, которые, поступивъ уже на духовно-учебную службу, пожелали бы перейти на такія должности, ранѣе выслуги обязательнаго, за казенное содержаніе въ духовной академіи, срока службы по духовно-учебному вѣдомству; о чемъ, къ исполненію, и дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Слушали: 1) Записку библіотекаря А. Заблоцкаго: „Имѣю честь донести Совѣту академіи, что въ академическую библіотеку пожертвованы слѣдующія книги: 1) приватъ-доцентомъ нашей академіи А. Говоровымъ: Gotte: Das Delphische Orakel in seinem politischen, religiösen und sittlichen Einfluss aus die alte Welt (Leipzig, 1839); Hüllmann: Würdigung des Delphischen Orakels (Bonn, 1837); 2) Студентомъ IV курса М. Ремезовымъ: Rougemont: La Russie orthodoxe et protestante (Paris, 1863); Gesetz fur die evangelisch — lutherische Kirche in Russland Artikel 134—789... (Petersburg, 1861). Книги эти мною приняты и записаны въ хронологическій каталогъ".

2) Отношеніе Совѣта Императорскаго с.-петербургскаго университета отъ 17 октября 1879 года № 1204: „Совѣтъ с.-петербургскаго университета имѣетъ честь препроводить при семъ для библіотеки казанской духовной академіи экземпляры записокъ историко-филологическаго факультета часть I, II, III и IV".

Постановили: Благодарить жертвователей отъ лица Совѣта за пожертвованныя ими для академической библіотеки книги.

VIII: Слушали: 1) Отношеніе Совѣта Императорскаго казанскаго университета отъ 8 декабря 1879 года № 1475: „Совѣтъ Императорскаго казанскаго университета, препровождая при семъ 1 экземпляръ годичнаго акта 1879 года, имѣетъ честь покорнѣйше просить о полученіи увѣдомить".

2) Записку библіотекаря А. Заблоцкаго: „Имѣю честь донести Совѣту академіи, что заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ И. Я. Порфирьемъ представлено въ даръ для

академической библіотеки 10 экземпляровъ его „Исторіи русской словесности“ (изд. 3-е, т. 1, Древній періодъ); преподавателемъ полтавской духовной семинаріи Ив. Знаменскимъ его „Указатель по предмету св. писанія ветхаго и новаго завѣта“, ч. 1-я въ 2-хъ экземплярахъ и студентомъ IV курса нашей академіи П. Масловымъ его „Левиратный бракъ у древнихъ евреевъ“.

3) Докладъ секретаря Совѣта М. Соловьева, при которомъ онъ представляетъ отчетъ о дѣятельности Императорской публичной библіотеки за 1878 годъ, присланный директоромъ ея отъ 28 ноября 1879 года за № 952.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, благодарить жертвователей отъ лица Совѣта академіи.

IX. Слушали: Записку библіотекаря А. Заблоцкаго: „Въ академической библіотекѣ нѣтъ „Извѣстій Императорскаго географическаго общества“ за 1876 г. Донося объ этомъ на благоусмотрѣніе Совѣта академіи, имѣю честь покорнѣйше просить, не найдетъ ли онъ возможнымъ пополнить эти изданія или путемъ обыкновенной покупки или же чрезъ обмѣнъ на академическія изданія“.

Постановили: Просить редакцію „Извѣстій Императорскаго русскаго географическаго общества“, не найдетъ ли она возможнымъ удѣлить одинъ экземпляръ „Извѣстій“ за 1876 г. для пополненія въ академической библіотекѣ серіи этихъ изданій, или не найдетъ ли она возможнымъ выслать ихъ въ обмѣнъ на академическія изданія.

X. Слушали: Записку библіотекаря А. Заблоцкаго: „Заслуженный ординарный профессоръ И. Я. Порфирьевъ находитъ нужнымъ пріобрѣсти для академической библіотеки „Исторію московской академіи со времени ея преобразованія“, Смирнова (цѣна 3 р.), а экстраорд. профессоръ А. И. Гренковъ книгу „Наука и религія“ Чичерина (ц. 3 р. 50 к.) и Kritik d. Sittenlehre—„Stendel'я (ц. 3 р. 10 к.) Не благоугодно ли будетъ Совѣту академіи разрѣшить мнѣ пріобрѣсти эти книги“.

При этомъ ординарный профессоръ П. Знаменскій заявилъ, что нужно пріобрѣсти еще Исторію Забѣлина II томъ.

Справка: Суммы въ статьѣ содержанія библіотеки въ настоящее время нѣтъ подлежащей къ расходованію.

Постановили: Разрѣшить г. библіотекарю пріобрѣсти для академической библіотеки: 1) „Исторію московской академіи со времени ея преобразованія“ Смирнова. 2) Книгу „Наука и религія“ Чичерина, 3) Kritik d. Sittenlehre „Stendel'я и 4) Исторію Забѣлина II томъ, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ счетъ о пріобрѣтеніи сихъ книгъ и чтобы уплату произвести изъ суммъ будущаго года.

XI Слушали: Отношеніе хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 16 октября 1879 г. № 9062: „Хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ имѣетъ честь препроводить при семъ въ правленіе казанской духовной академіи, для библіотеки оной, два экземпляра V тома 1876 г. и VII тома 1878 г. издаваемаго въ Лондонѣ докторомъ богословія и философіи Овербекомъ журнала „Orthodox Catholic Rewiew“, покорнѣйше прося о полученіи сихъ экземпляровъ увѣдомить“.

Справка: Означенныя книги получены и сданы въ библіотеку подъ росписку г. библіотекаря и записаны по хронологическому каталогу подъ № 4338. При этомъ г. библіотекарь заявилъ, что и 6-й vol. означеннаго журнала поступила въ библіотеку чрезъ правленіе академіи, но безъ препроводительной бумаги хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ. Всѣ vol. этого журнала не полны, именно: 5-й vol. со стр. 217—288. 6-й съ 1-144; 7-й съ 97—192. Не найдетъ ли Совѣтъ академіи возможнымъ ходатайствовать предъ хозяйственнымъ управленіемъ, какъ о высылкѣ первыхъ томовъ именованнаго журнала, такъ и о пополненіи высланныхъ имъ книжекъ.

Постановили: Просить хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, не найдетъ ли оно возможнымъ выслать недостающіе экземпляры журнала „Orthodox Catholic Rewiew“ для пополненія имѣющихся въ академической библіотекѣ.

XII. Слушали: Отношеніе московскаго археологическаго общества отъ 23 ноября 1879 года № 174: „Съ Высо-

чайшаго соизволенія имѣетъ быть открытъ въ Москвѣ, при московскомъ археологическомъ обществѣ, въ январѣ 1880 года, предварительный комитетъ для выработки программы пятаго археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.—Первое засѣданіе комитета будетъ происходить 4-го января 1880 года. Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить духовную академію сдѣлать распоряженіе о выборѣ гг. депутатовъ, которые приглашаются на означенное засѣданіе въ домъ московскаго археологическаго общества".

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Слушали: Отношеніе с.-петербургскаго цензурнаго комитета отъ 7 декабря 1879 года за № 1633: „Въ с.-петербургскій цензурный комитетъ поступили на разсмотрѣніе три, напечатанныя за границею, брошюры на монгольскомъ языкѣ. Такъ какъ изъ доставленнаго комитету и. д. экстраординарнаго профессора с.-петербургскаго университета Голстунскимъ перечня содержанія брошюръ оказалось, что всѣ онѣ чисто духовнаго содержанія, то с.-петербургскій цензурный комитетъ и обратился въ с.-петербургскій комитетъ духовной цензуры, прося его сообщить заключеніе, могутъ-ли брошюры эти быть дозволены къ обращенію.—Послѣдній отношеніемъ отъ 30 ноября за № 765 поставилъ с.-петербургскій цензурный комитетъ въ извѣстность, что въ составѣ его нѣтъ лица, знающаго монгольскій языкъ, и что брошюры эти могутъ быть препровождены для разсмотрѣнія въ цензурномъ отношеніи въ казанскую духовную академію, при которой состоитъ преподаватель монгольскаго языка.—Вслѣдствіе такого отзыва с.-петербургскаго комитета духовной цензуры, препровождая означенныя три брошюры подъ №№ 486, 11401 и 11726, а равно и отзывъ профессора Голстунскаго, с.-петербургскій цензурный комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить академію не отказать въ разсмотрѣніи брошюръ и сообщить, съ возвращеніемъ приложеній, свое заключеніе, не встрѣчается-ли съ точки зрѣнія духовной цензуры препятствій къ дозволенію брошюръ къ обращенію въ народѣ".

Справка: Три означенныя брошюры на монгольскомъ языкѣ переданы экстраординарному профессору Миротворцему для разсмотрѣнія.

Постановили: Просить экстраординарнаго профессора В. Миротворцева по разсмотрѣніи означенныхъ брошюръ представить о нихъ Совѣту свой отзывъ.

XIV. Слушали: Прошеніе преподавателя донской духовной семинаріи Николая Кутепова: „Прилагая при семъ прошеніи свое сочиненіе, на тему „Исторія раскола донатистовъ", написанное мною для соисканія степени магистра богословія, я покорнѣйше прошу дать этому сочиненію надлежащій ходъ".

Справка: 1) Преподаватель донской духовной семинаріи Николай Кутеповъ окончилъ курсъ въ казанской духовной академіи въ 1877 году со степенью кандидата и съ правомъ при исканіи ученой степени магистра богословія не держать новаго устнаго испытанія.

2) По § 25 полож. объ исп. на уч. ст. въ дух. академіяхъ: „Диссертація на степень магистра пишется на избранную ищущимъ этой степени и одобренную подлежащимъ отдѣленіемъ тему по одному изъ предметовъ его спеціальныхъ занятій".

3) По §§ 26, 27 и 28 того же положенія: „Отъ магистерской диссертаціи требуется, чтобы она была богословскаго характера и заключала основательное научное изслѣдованіе предмета. Диссертацію на степень магистра можетъ замѣнить всякаго рода самостоятельное ученое сочиненіе по одной изъ богословскихъ наукъ, хотя бы написанное и не съ цѣлію полученія ученой степени. Диссертація сія, къ которой должны быть приложены главные ея тезисы, разсматривается по распоряженію помощника ректора въ отдѣленіи; письменный разборъ оной дѣлаетъ преподаватель той науки, по которой написано сочиненіе; отзывъ преподавателя обсуждается въ засѣданіи отдѣленія, которое и представляетъ оный Совѣту съ своимъ заключеніемъ чрезъ помощника ректора. На такое разсмотрѣніе и разборъ назначается не болѣе четырехъ мѣсяцевъ".

4) По § 31 того же положенія: „Сочиненіе, представленное на степень магистра и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано; но въ Совѣтъ академіи, для разсмотрѣнія, оно можетъ быть представлено и до напечатанія въ рукописи четкой и чистой".

Постановили: Сочиненіе преподавателя донской духовной семинаріи Николая Кутепова подъ заглавіемъ: „Исторія раскола донатистовъ", представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія, передать въ церковно-историческое отдѣленіе, поручивъ ему представить въ свое время Совѣту чрезъ помощника ректора вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ письменный отзывъ объ означенномъ сочиненіи того преподавателя, которому отдѣленіе поручитъ разборъ его.

XV. Слушали: Предложеніе ректора протоіерея А. Владимірскаго о выпискѣ журналовъ и газетъ на слѣдующій 1880 годъ для академической библіотеки.

Справка: По § 6 инструкціи для библіотекаря и его помощника „чрезъ библіотекаря академіи Совѣтъ академіи производитъ выписку всякаго рода періодическихъ изданій, для чего сообщаетъ ему списокъ назначенныхъ къ выпискѣ изданій".

Постановили: Выписать для академической библіотеки на слѣдующій 1880 годъ:

1) Московскія Вѣдомости 17 руб.
3) Вѣстникъ Европы 17 р.
3) Русскій Вѣстникъ 17 р.
4) Русскій Архивъ 8 р.
5) Русская Старина 8 р.
6) Древняя и Новая Россія 13 р. 50 к.
7) Филологическія Записки 6 р.
8) Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 9 р.
9) Критическое Обозрѣніе 7 р.
10) Историческій Вѣстникъ 10 руб.
11) Памятники древне-русской письменности, изданіе общества любителей русской словесности по 15 р. (за годъ) ц. 15 р.
12) Отечественныя записки 17 р.
13) Theologische Studien 7 р. 50 к.
14) Revue Archeologique 13 р.
15) Historische Zeitschrift 10 р. 50 к.
16) Revue philosophique 16 р. 80 к.
17) Mind a Quarterly Rewiew 8 р.

18) Theologische Jahrbücher.

19) Zeitschrift Kirchengeschichte. Herausgeg. von Brieger 8 p.

20) Theologische Quartalschrift 5 p.

21) Literaturzeitung Theologische 10 p.

22) Jahresberiecht über die Fortschritte der classichen Alterthumswissenschaft her. v. Conrad Bursian. Berlin. Verlag. v. T. Calvary 20 p.

23) Bevue de philologie, de littérature et de l' histoire anciennes. Nouvelle série dirigée par Tournier, L. Havet et Ch. Graux. Paris 15 p.

Списки этихъ журналовъ сообщить г. библіотекарю для надлежащаго распоряженія.

РАСПОЛОЖЕНІЕ И УБРАНСТВО ДРЕВНЕ-ХРИСТІАНСКИХЪ ХРАМОВЪ.

Средняя часть храма—*εὐκτήριον τῆ λαῆ* (1), *ναός*, navis ecclesiae, — назначалась для стоянія народа и для совершенія тѣхъ священныхъ дѣйствій, въ которыхъ народъ можетъ принимать болѣе дѣятельное участіе, чѣмъ то, какое для него возможно въ совершеніи возношенія тѣла и крови Господнихъ, таковы:— общія молитвы, пѣніе, чтеніе писаній. Поэтому здѣсь были мѣста не только для разныхъ классовъ вѣрующихъ, но и для клириковъ, заправлявшихъ пѣніемъ, чтеніемъ и общими молитвами.

Мѣсто для клириковъ, называвшееся иногда *хоромъ* (2), обыкновенно находилось въ верхней части

---

(1) *Τὸ εὐκτήριον τῆ λαῆ τὸ τετράγωνον* — такъ называется эта часть храма въ одномъ изъ посланій императоровъ Ѳеодосія и Валентиніана, помѣщенномъ въ актахъ третьяго вселенскаго собора. См. Hard. Act. concil. III, p. 1236. Впрочемъ особыми названіями эта часть храма обозначается весьма рѣдко; большею частію къ ней прилагаются общія названія, которыми обозначался также и храмъ вообще—*ἐκκλησία, εὐκτήριον, ναὸς*. См. Апост. пр. 9 и Григорія неокесар. пр. 12.

(2) *Χορὸς*, chorus (отъ *χορέω, χορεύω*) у древнихъ церковныхъ писателей употреблялось главнымъ образомъ въ значеніи собранія, наприм., у Златоуста: *ἀγγέλων χορὸς, ἀποστόλων χορὸς, ἀδελφῶν χορὸς* (См. Kreuser, Der christl. Kirchenbau I. 79, not.), а затѣмъ и въ значеніи самаго мѣста собранія. На западѣ съ очень ранняго времени словомъ: chorus стали обозначать главнымъ образомъ собраніе и мѣсто собранія пѣвцовъ, наприм., у Августина.—Enarr. in Psalm. CXLIX § 7:—chorus est consensio cantantium. Впослѣдствіи, особенно у средневѣковыхъ писателей

средняго нефа и имѣло особое устройство, соотвѣтствовавшее его назначенію, и особыя принаровленія для лучшаго отправленія указанныхъ священныхъ дѣйствій, особенно для чтенія. Впрочемъ полной опредѣленности и однообразія здѣсь не было. Бо́льшая или меньшая обширность хора, болѣе или менѣе явственное отдѣленіе его отъ остальнаго пространства, болѣе или менѣе богатое и удобное его убранство— все это естественно обусловливалось большею или меньшею обширностію и богатствомъ храма, такимъ или инымъ его устройствомъ и т. п. а иногда, можетъ быть, и мѣстными обычаями, или усмотрѣніемъ предстоятелей. Въ небольшихъ храмахъ, каковы напр. храмы катакомбъ, особаго хора вовсе не существовало, такъ какъ для устройства его не доставало мѣста. Но въ открытыхъ базиликахъ, особенно IV и послѣдующихъ вѣковъ хоръ составлялъ довольно обычное явленіе и имѣлъ иногда очень обширные размѣры. Онъ занималъ иногда весь транзептъ въ базиликахъ, или, если транзепта не было, значительную часть средняго нефа и, такъ же какъ алтарь, отдѣлялся отъ остальнаго пространства храма рѣшетками или невысокими стѣнками. Здѣсь внутри загородки устроялись особыя возвышенія для совершенія на нихъ различныхъ священныхъ дѣйствій, какъ то: солея или пріалтарное возвышеніе для преподанія отсюда евхаристіи вѣрующимъ и амвоны для чтенія евангелій, посланій апостольскихъ и богослужебныхъ книгъ. Въ примѣръ подобнаго устройства хора можно привести хоръ въ базиликѣ св. Климента въ Римѣ. Здѣсь невысокою мраморною стѣнкою отгорожена для хора почти вся верхняя половина средняго нефа. Полъ въ этомъ отгороженномъ пространствѣ возвышается на одну ступень и украшенъ половой мозаи-

---

названіе это часто прилагалось къ тому возвышенному пространству, гдѣ помѣщается алтарь и его служители.

кой, исполненной по александрійскому способу (opus alexandrinum); на южной сторонѣ налѣво отъ главнаго входа устроенъ амвонъ для чтенія Евангелія, а на сѣверной—другой съ двумя пюпитрами, изъ коихъ одинъ—повыше—обращенъ къ алтарю и назначенъ для чтенія посланій апостольскихъ, а другой—пониже — обращенъ къ народу и назначенъ для чтенія богослужебныхъ книгъ; солеи здѣсь нѣтъ, можетъ быть потому, что полъ хора и безъ того возвышенъ. Впрочемъ въ западныхъ храмахъ солея и вообще встрѣчается не часто. Западные археологи считаютъ этотъ хоръ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ и по древности и по значенію: на него указываютъ обыкновенно какъ на образецъ самаго обычнаго и распространеннаго устройства хора въ древнехристіанскихъ храмахъ. Однакожъ взглядъ этотъ страдаетъ по меньшей мѣрѣ преувеличеніемъ, хотя описанный хоръ и дѣйствительно имѣетъ довольно древнее происхожденіе. Самая базилика св. Климента (1), гдѣ онъ находится, получила свое начало правда уже только въ началѣ XII вѣка (при папѣ Пасхаліѣ II 1099—1118); но изъ разсмотрѣнія остатковъ древней базилики тогоже имени, которая существовала съ IV в. и почти до конца XI (1084 г.) и на мѣстѣ которой построена нынѣ существующая, оказывается, что новая базилика съ совершенною точностію воспроизводитъ устройство древней. Что касается хора, то онъ значительно древнѣе нынѣ существующаго храма и цѣликомъ перенесенъ сюда изъ древней базилики; при этомъ только въ расположеніи амвоновъ допущено, какъ думаютъ, по небрежности реставраторовъ, нѣкоторое отступленіе отъ древнихъ обычаевъ, имен-

(1) Объ этой базиликѣ см. Roller, Saint Clement de Rom, in Revue archeologique 1873 и отдѣльно. Рецензія Виноградскаго въ Вѣстникѣ общества древне-русскаго искусства 1874—1876 г. III 1—9 съ планомъ базилики. См. также Мордвинова, Путеводитель по Риму. Спб. 1875. стр. 267—270.

но амвонъ для Евангелія поставленъ тамъ, гдѣ бы долженъ быть амвонъ для посланій и наоборотъ. Самые амвоны по происхожденію своему, если не современны основанію древней базилики, то очень близки къ тому. Но мраморныя стѣнки, окружающія хоръ и составляющія главнѣйшую его особенность относятся сравнительно къ позднему времени, именно къ IX в., такъ какъ на нихъ вмѣстѣ съ другими орнаментами вырѣзаны монограммы папы Іоанна VIII (872 — 882). И хотя полагаютъ, что папа Іоаннъ устроилъ упомянутыя стѣнки вмѣсто другихъ древнѣйшихъ, но этого ничѣмъ прямо доказать нельзя. Поэтому остается сомнительнымъ, получилъ ли хоръ базилики св. Климента свой настоящій видъ въ IX в. или значительно ранѣе. Впрочемъ памятникъ этотъ не будетъ имѣть того значенія, какое ему приписываютъ, даже и въ томъ случаѣ, если считать вполнѣ доказаннымъ послѣднее, такъ какъ онъ есть памятникъ въ своемъ родѣ единственный; другихъ подобныхъ и столь же древнихъ не сохранилось, по крайней мѣрѣ они не извѣстны; письменныхъ свидѣтельствъ о такомъ именно устройствѣ хора въ древнихъ базиликахъ тоже не существуетъ. Поэтому вѣрнѣе будетъ думать, что хотя хоры описаннаго рода дѣствительно существовали въ древнихъ храмахъ, но далеко не были явленіемъ самымъ обычнымъ и распространеннымъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что при ближайшемъ разсмотрѣніи описанное устройство хора представляется не вполнѣ цѣлесообразнымъ: здѣсь для клириковъ отгораживается слишкомъ много мѣста, и народъ болѣе чѣмъ нужно удаляется отъ алтаря, доступъ къ которому становится возможнымъ только черезъ хоръ. Болѣе цѣлесообразными по своему устройству и потому вѣроятно болѣе распространенными были хоры меньшихъ размѣровъ. Указаніе на такой хоръ можно находить у Григорія турска-

го (1), который, описывая амвонъ одной древней базилики, говоритъ, что вокругъ этого амвона была ограда, состоящая изъ рѣшетокъ съ колоннами; внутри этой ограды могли помѣщаться только восемь человѣкъ. Впрочемъ такъ какъ за исключеніемъ Григорія турскаго, о рѣшеткахъ вокругъ амвона древніе писатели не упоминаютъ, то вѣроятно чаще всего такихъ рѣшетокъ вовсе не было; чтецы и пѣвцы стояли частію на самомъ амвонѣ, частію на возвышеніи вокругъ амвона. Но если, такимъ образомъ, хоръ въ смыслѣ огражденнаго рѣшетками мѣста предъ алтаремъ, не былъ необходимою принадлежностію древнихъ храмовъ, то тѣ возвышенія, которыя при существованіи ограды обыкновенно находились внутри ея, именно: солея и особенно амвоны, должны были въ томъ или иномъ видѣ непремѣнно существовать въ каждомъ храмѣ.

Впрочемъ, что касается перваго изъ нихъ, т. е. *солеи*, то о существованіи ея въ древнихъ храмахъ нѣтъ почти никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ, но это вѣроятно потому, что солея долгое время не считалась какимъ либо особымъ возвышеніемъ и не имѣла своего особаго имени. Возвышеніе это дѣйствительно не есть особенное, а есть тоже алтарное возвышеніе, или часть его, открытая для народа и остающаяся внѣ алтарной преграды. Гдѣ была алтарная преграда, тамъ почти всегда при постановкѣ ея оставалась отъ алтарнаго возвышенія часть, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшая нашей солеѣ, такъ какъ преграда эта вслѣдствіе однихъ уже простыхъ эстетическихъ соображеній никогда почти не ставилась на самой границѣ этого возвышенія, а всегда почти на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Исключенія можно встрѣчать только въ нѣкоторыхъ западныхъ храмахъ и именно въ тѣхъ, гдѣ прямо подъ престоломъ

---

(1) De gloria martyrum, c. 94. Migne, Patr. t. LXXI. c. 787. Текстъ см. ниже.

помѣщена конфессія. Въ этихъ случаяхъ солея могла бы закрывать конфессію. Поэтому назначеніе ея исполняли: или возвышенный полъ прилегающаго хора, или ступени боковыхъ входовъ въ алтарь. Но въ восточныхъ храмахъ солея постоянно существовала съ глубокой древности. Существованіе ея обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что евхаристія обыкновенно преподавалась народу съ возвышеннаго мѣста, а такъ какъ алтарь не былъ доступенъ для народа, то возвышеніе это должно было находиться внѣ алтаря. Вѣроятно это самое, находящееся внѣ алтаря и служащее для преподанія народу евхаристіи, мѣсто или солею разумѣетъ блаженный Іеронимъ, когда въ своемъ сочиненіи противъ Люциферіанъ говоритъ о епископахъ, что они преподаютъ народу евхаристію съ возвышеннаго мѣста (1). Мѣсто это было длинно, но довольно узко и потому въ большинствѣ случаевъ едвали могло имѣть какое-либо иное назначеніе, кромѣ указаннаго. Софроній уподобляетъ его огненной рѣкѣ, отдѣляющей грѣшниковъ отъ праведниковъ (2). Впрочемъ, по свидѣтельству Созомена (3), со временъ Амвросія медіоланскаго на этомъ именно мѣстѣ предъ рѣшетками святилища (*πρὸ τῶν δρυφάκτων τῆ ἱερατείᾳ*) въ нѣкоторыхъ храмахъ начали устроять мѣсто для императоровъ и высшихъ сановниковъ. Мѣсто это постоянно устроялось на сѣверной мужской сторонѣ, такъ какъ сторона эта всегда имѣла нѣкоторыя преимущества предъ южной, какъ правая по отношенію къ востоку. Вслѣдствіе этого пріалтарное возвышеніе должно было расшириться или все или только въ сѣверной своей части. Такъ какъ возвышеніямъ, на которыхъ ставились императорскіе тро-

(1) Dial. contra Luciferianos по изд. Migne t. XXIII, c. 157: Non est ipsum ad fratres genna provolvi, et de sublimi loco eucharistiam ministrare populo.

(2) Писанія отцевъ, относ. къ истолк. богослуженія, т. I. стр. 269.

(3) Церк. Ист. кн. VII, гл. 25.

ны и вообще устроялись мѣста для императоровъ и высшихъ сановниковъ, издавна еще у римлянъ усвоено было названіе: solium, то отсюда по всей вѣроятности и для пріалтарнаго возвышенія въ храмахъ мало-по-малу принято было названіе: *солея* (1).

Другое возвышеніе, называвшееся возвышеніемъ чтецовъ или *амвономъ*,—*βῆμα τῶν ἀναγνωστῶν* (2), *ἄμβων* (3)—составляло болѣе важную и болѣе неизбѣжную принадлежность средней части храмовъ, чѣмъ первое. Оно несомнѣнно существовало всегда въ храмахъ не только въ IV и въ послѣдующіе вѣка, но и ранѣе. Въ Постановленіяхъ апостольскихъ говорится, что чтецъ для чтенія книгъ св. писанія долженъ былъ восходить на возвышеніе (4). Св. Кипріанъ также представляетъ чтеца стоящимъ на возвышеніи въ виду всего народа (5). Съ IV в. въ нѣкоторыхъ хра-

---

(1) Ὁ *σωλέας*, *ἡ σωλία*, *ἡ σωλέα*, *τὸ σωλεῖον*, *ὁ σωλεύς*. При этомъ въ первомъ слогѣ употребляется то—*ω*, то—*ο*. Это уже разнообразіе правописанія показываетъ, что слово это у грековъ было заимствованное. Очевидно это—не что иное, какъ латинское: solium, часто употреблявшееся для обозначенія императорскаго мѣста. Въ такомъ же значеніи византійскіе писатели нерѣдко употребляютъ слово: *σωλέα*. Таковы наприм. извѣстія Кедрина и Кодина о солеяхъ, сдѣланныхъ изъ золота и оникса. См. Bingham Origin. t. III. lib. 8, cap. 5, not. 6, p. 204, 207. ed. Hallae 1727; Allatii, De solea veteris ecclesiae, in *Συμμικτα* p. 156; Suiceri, Thesaurus, voc. *σωλέας*. Въ западныхъ храмахъ мѣсто, назначенное для высшихъ сановниковъ, называлось: senatorium. Vid. Bingham loc. cit. not. *n*, p. 207.

(2) Созоменъ, Церк. Ист. кн. VIII, гл. 5.

(3) Созоменъ, кн. IX, гл. 2, Лаодик. соб. пр. 15. *Ἄμβων* отъ *ἀναβάινειν*—восходить. Отсюда же и латинское: Ambo. Нѣкоторые средневѣковые литуристы, наприм., Валафридъ Страбонъ и Дюрандъ производили послѣднее слово отъ ambio, но не основательно. См. Bingham. III. Lib. VIII. cap. V § 4. p. 192; Kreuser, Baukunst I. p. 156—157.

(4) Lib. II, c. 57: «*Μέσος δ' ὁ ἀναγνώστης ἐφ' ὑψηλοῦ ἑστὼς*.

(5) Ep. XXXIV. Migne, t. IV, col. 323. Quid aliud quam super pulpitum, id est, super tribunal ecclesiae oportebat imponi, ut loci altioris celsitate subnixus et plebi universae pro honoris sui caritate conspicuus, legat praecepta et evangelium Domini, quae fortiter ac fideliter sequitur.

махъ начали устроять даже по два амвона, какъ наприм., въ базиликахъ св. Климента и св. Лаврентія; но это случалось вѣроятно не часто. Большею частію въ каждомъ храмѣ существовалъ только одинъ амвонъ. Положеніе амвоновъ очевидно должно было обусловливаться ихъ назначеніемъ. Они назначены были для чтенія Евангелія, посланій апостольскихъ и богослужебныхъ книгъ, для возглашенія диптиховъ и т. п. Поэтому, чтобы голосъ діаконовъ и чтецовъ, восходившихъ на нихъ, былъ по возможности слышенъ всѣмъ присутствовавшимъ въ храмѣ, амвоны обыкновенно устроялись ближе къ народу совершенно отдѣльно отъ солеи, по сторонамъ средняго нефа, одинъ справа, другой слѣва, когда ихъ было два, или съ одной какой либо стороны, попреимуществу съ правой и даже въ самой срединѣ нефа, когда былъ только одинъ амвонъ. Такое положеніе амвоновъ дѣлало ихъ особенно удобными для произнесенія поученій и епископы иногда, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать съ своей епископской каѳедры, помѣщавшейся въ алтарѣ, выходили для этого на амвонъ, гдѣ для этого поставлялось вѣроятно особое сѣдалище. Такъ Златоустъ, по свидѣтельству Созомена, для произнесенія проповѣдей „входилъ въ средину толпы и садился на возвышеніи чтецовъ“ (1). По словамъ Сократа онъ, чтобы произнесть свое знаменитое слово на Евтропія, также „сѣлъ на амвонѣ, куда восходилъ и прежде для проповѣданія, чтобы лучше быть слышимымъ“ (2).

Въ отношеніи устройства и украшеній амвоны первоначально безъ сомнѣнія были очень просты. Вѣро-

---

Подобное въ письмѣ 33-мъ Migne, col 319. По русс. пер. пис. 30 и 31, т. I, стр. 112, 115.

(1) Lib. VIII, c. 5. *Μέσον ἑαυτὸν πᾶσι παρέχων ἐπὶ τῆ βήματος τῶν αναγνωστῶν καθεζόμενος ἐδίδασκεν.*

(2) Lib. VI, c. 5. *Καθεσθεὶς ἐπὶ τῆ ἄμβωνος, ὅθεν ἐιώθει καὶ πρότερον ὁμιλεῖν χάριν τῆ ἐξακούεσθαι.*

ятно они состояли изъ простаго болѣе или менѣе значительнаго возвышенія, или платформы, иногда огороженной рѣшеткою, гдѣ помѣщались каноническіе или посвященные чтецы и пѣвцы и ставился подвижной аналогій или пюпитръ для книгъ. Въ первые вѣка, равно какъ и впослѣдствіи въ бѣдныхъ церквахъ, все это дѣлалось изъ простыхъ матеріаловъ безъ особенныхъ украшеній. Но съ IV в., особенно въ храмахъ обширныхъ и богатыхъ устройство амвоновъ осложнилось. Ихъ начали дѣлать изъ дорогихъ матеріаловъ на подобіе массивныхъ каѳедръ съ приспособленіями для чтенія. Иногда они получали видъ какъ бы нѣкотораго рода зданій, высѣченныхъ изъ одного огромнаго куска мрамора, украшались скульптурами, мозаикой и т. п. вообще получали характеръ настоящихъ произведеній искусства, способныхъ вызвать удивленіе въ зрителяхъ. Объ одномъ изъ такихъ амвоновъ, сравнительно еще простаго устройства, находившемся въ одной древней базиликѣ, посвященной имени священномученика Кипріана, даетъ довольно ясное понятіе Григорій турскій. По его словамъ амвонъ этотъ, или какъ онъ самъ называетъ его аналогій, назначенный для чтенія и пѣнія, имѣлъ удивительное устройство: онъ высѣченъ былъ изъ одного цѣльнаго куска мрамора и состоялъ изъ возвышенія, на которое нужно было восходить четырмя ступенями и которое было огорожено рѣшеткою, утвержденною между колоннъ, и изъ пюпитра для книгъ. Григорій считаетъ амвонъ этотъ столь замѣчательнымъ, что при устройствѣ его предполагаетъ особенную помощь священномученика (1).

(1) De gloria martyrum cap. 94. Migne t. LXXI col. 787. In cujus (Cypriani) basilica analogius, in quo libro supra posito cantatur aut legitur, mirabiliter compositus esse refertur. Nam ex uno lapide marmoris totus sculptus asseritur: id est mensa desuper ad quam per quatuor gradus ascenditur; cancelli in circuitu, subter columnae, quia et pulpitum habet, sub quo octo personae recipi possunt. Qui nunquam ibi ullo ingenio potuit exhibere, nisi virtus martyris praestitisset.

Но еще болѣе ясное понятіе объ амвонахъ можно получить изъ разсмотрѣнія, хотя немногихъ, но очень важныхъ и замѣчательныхъ памятниковъ. Самымъ древнимъ и самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ по справедливости долженъ считаться амвонъ солунскій, который въ настоящее время существуетъ только въ остаткахъ. Остатки эти впрочемъ довольно значительны, такъ что на основаніи ихъ можно безъ особенныхъ затрудненій возстановить его подлинный и первоначальный видъ. Они состоятъ изъ двухъ большихъ кусковъ мрамора и хранятся нынѣ при двухъ разныхъ солунскихъ церквахъ: одинъ при церкви св. Георгія, а другой — при церкви св. Пантелеимона. Если сложить эти куски вмѣстѣ, то образуется почти цѣлый амвонъ, имѣющій видъ полукруглаго башнеобразнаго зданія. Верхняя часть его очень повреждена, но по соображеніи съ широтою и съ расположеніемъ оставшихся украшеній нужно полагать, что высота амвона была около 5½ метровъ. Закругленною стороною онъ былъ вѣроятно обращенъ къ народу, а заднею прямою—къ алтарю. Отсюда, съ задней стороны, во внутренность амвона вдается довольно обширная продолговатая площадка, служащая подножіемъ для двухъ лѣстницъ, которыя съ двухъ сторонъ, справа и слѣва, ведутъ на верхнюю платформу. Платформа эта имѣетъ размѣры небольшіе, но достаточные для помѣщенія на ней чтеца или проповѣдника. Каждая изъ лѣстницъ, ведущихъ на нее состоитъ изъ шести ступеней очень крупныхъ. Лицевыя стороны амвона въ изобиліи покрыты скульптурными украшеніями, расположенными въ нѣсколько рядовъ и имѣющими большую важность какъ въ иконографическомъ, такъ и въ художественномъ отношеніи. Самый важный и замѣчательный—нижній рядъ украшеній. Онъ занимаетъ около двухъ третей высоты нынѣ существующаго монумента и раздѣленъ девятью колоннами, соединенными вверху архивольтами, на восемь отдѣленій или аркадъ, которыя расположены вокругъ всего амвона: шесть по закруглен-

ной сторонѣ и два по задней прямой сторонѣ. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій помѣщены изваянныя человѣческія фигуры, одна или двѣ: въ одномъ изъ нихъ помѣщена св. Дѣва съ Младенцемъ, въ другихъ трехъ—волхвы; остальные фигуры трудно опредѣлить вслѣдствіе сильныхъ поврежденій; различаютъ впрочемъ между ними еще пастуха. Можно признать за достовѣрное—одно, что нижній главный поясъ украшеній содержитъ въ себѣ изображеніе поклоненія волхвовъ—сюжетъ, свойственный попреимуществу произведеніямъ древнѣйшаго христіанскаго искусства. Второй поясъ украшеній, обнимающій собой промежутки между архивольтами, соединяющими колонны нижняго пояса, состоитъ изъ изображеній птицъ, видъ которыхъ трудно опредѣлить; де-Росси полагаетъ, что это—орлы. Третій верхній поясъ, наполовину разрушенный, довольно широкъ и состоитъ изъ прямоугольной плоскости, покрытой изображеніями вѣтвей и гриффоновъ и окруженной довольно широкимъ двойнымъ бордюромъ изъ акантовыхъ листьевъ и другихъ орнаментовъ. Французскій ученый Байэ, подробно изслѣдовавшій этотъ монументъ (1), находитъ, что стиль всѣхъ его украшеній очень сходенъ съ стилемъ скульптуръ арки Константина великаго и другихъ памятниковъ той же эпохи. Отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе, что солунскій амвонъ былъ сдѣланъ въ ту эпоху, когда еще свѣжи были преданія артистовъ, украшавшихъ арку Константина, что онъ едвали могъ произойти позднѣе конца IV в., такъ какъ и стиль и содержаніе находящихся на немъ изображеній ясно указываютъ на это именно время, очевидно отъ насъ очень отдаленное. Но есть возможность отнести этотъ монументъ къ еще болѣе глубокой древности. По из-

(1) Bayet, Memoire sur un ambon, conserve a Solonique. Paris. 1876. Издано подъ общимъ заглавіемъ: Memoire sur une mission au mont Athos par l'abbe Duchesne, suivi d'un memoire sur un ambon etc. p. 249—300. Здѣсь же и фотографическіе снимки амвона.

вѣстію Тексье (1) греки называютъ описанный амвонъ каѳедрою св. ап. Павла и утверждаютъ, что съ высоты его Павелъ проповѣдывалъ евангеліе жителямъ Ѳессалоники. Западные ученые, имѣя въ виду главнымъ образомъ украшенія амвона, которыя дѣйствительно едвали могли явиться на немъ ранѣе IV в., не придаютъ этому преданію никакого значенія, но едвали справедливо, такъ какъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что упомянутыя украшенія явились значительное время спустя послѣ появленія самаго амвона и что амвонъ существовалъ долгое время въ несовершенно обдѣланномъ видѣ, безъ украшеній.

Болѣе поздняго происхожденія, но тоже очень важные, памятники церковной утвари этого рода сохранились въ нѣкоторыхъ древнихъ западныхъ базиликахъ. Какъ на особенно замѣчательные указываютъ на амвоны римскихъ базиликъ св. Климента, св. Лаврентія внѣ стѣнъ, св. Маріи in Cosmeddin, св. Панкратія, на амвоны въ нѣкоторыхъ равеннскихъ базиликахъ и другіе. Ленуаръ различаетъ между ними два рода (2). Одни состоятъ изъ возвышенной платформы съ пюпитромъ для книгъ, окруженной со всѣхъ сторонъ невысокою стѣнкою, или рѣшеткою, за исключеніемъ небольшаго промежутка для входа съ одной только стороны. Это—тѣ амвоны, которые попреимуществу назывались аналогіями и лекторіями (analogius, lectorium). Они сходны съ описаннымъ у Григорія турскаго и существовали попреимуществу въ такихъ храмахъ, гдѣ для чтенія Евангелія устроялся особый амвонъ. Такіе амвоны есть наприм., въ базиликахъ св. Климента и св. Лаврентія (3). Но безъ сомнѣнія такого устройства амвоны могли су-

---

(1) Texier, L'Architecture byzantinne. p. 147.

(2) Lenoire, Architecture monastique I. p. 189—192.

(3) Ibid. fig. 116, p. 190.

ществовать и тамъ, гдѣ для Евангелія не было особаго амвона, такъ какъ они равно удобны были для всякаго чтенія и отличались только сравнительною своею простотою. Другаго рода амвоны имѣютъ болѣе монументальный характеръ и назначены главнымъ образомъ для чтенія Евангелія. Они состоятъ изъ платформы болѣе возвышенной, чѣмъ въ амвонахъ перваго рода. Съ передней и съ задней стороны платформа эта обыкновенно бываетъ отгорожена довольно высокими стѣнками, къ верху большею частію съуженными, а снаружи украшенными разными изображеніями; боковыя же стороны ея всегда оставлялись открытыми и заняты были лѣстницами, ведущими на верхнюю площадку, гдѣ устроялся пюпитръ для книгъ, а иногда и сѣдалище. Одну изъ очень важныхъ повидимому принадлежностей амвоновъ этого рода составляли подсвѣчники въ видѣ витой колонны (1), которые ставились рядомъ съ ними и назначались для такъ называемой пасхальной свѣчи, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно замѣняли тѣ свѣчи, которыя по древнему обычаю должны были держать ипподіаконы или аколиты предъ діакономъ, когда онъ читалъ Евангеліе. Нѣкоторые изъ этихъ, назначенныхъ для Евангелія, амвоновъ имѣли еще болѣе сложное устройство. По внѣшнему виду своему они сходны были съ солунскимъ амвономъ и кромѣ того надъ ними устроялся еще балдахинъ на подобіе напрестольной сѣни или киворія. Таковъ наприм., амвонъ въ храмѣ св. Марка въ Венеціи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, тотъ самый, который увезенъ былъ латинянами изъ храма св. Софіи въ Константинополѣ (2). Вообще же амвоны этого рода походили большею частію на нынѣшнія каѳедры для чтенія, тогда какъ первые походили болѣе на наши клиросы. Въ числѣ сохранившихся отъ древ-

(1) Martigny, Dictionnaire, Art. Ambon, et Clerge pascal.

(2) Lenoire, Architecture monastique t. I, p. 339—340, fig. 236.

ности амвоновъ есть образцы и того и другаго рода. Нѣкоторые изъ нихъ по всей вѣроятности очень древни, какъ можно судить по нѣкоторымъ особенностямъ въ ихъ орнаментаціи. Такъ два амвона въ Равеннѣ имѣютъ на себѣ скульптурныя изображенія рыбы—признакъ большой древности (1); на амвонѣ въ базиликѣ св. Лаврентія въ Римѣ замѣтны остатки языческихъ изображеній—тоже признакъ глубокой древности (2).

Амвоны, если пространство предъ ними и между ними не было отгорожено для хора, какъ въ базиликѣ Климента, занимали сравнительно немного мѣста. Все остальное *пространство* какъ средняго, такъ и боковыхъ кораблей, назначено было *для народа*, который долженъ былъ размѣщаться здѣсь въ порядкѣ сообразно съ тѣмъ дѣленіемъ на классы, которое въ древней церкви усвоено было лицамъ, имѣвшимъ право присутствовать при богослуженіи, т. е. впереди должны были стоять вѣрные, находившіеся въ полномъ общеніи съ церковію; позади нихъ—такъ называемые купностоящіе (*συνιστάμενοι*, consistentes) или кающіеся четвертаго класса (3); затѣмъ оглашенные и кающіеся третьяго класса—припадающіе (*ὑποπίπτοντες*, substrati) (4); при этомъ мужчины должны были стоять особо, а женщины—особо. Отъ раздѣленія на классы въ устройствѣ средней части храма не происходило никакихъ осложненій, но отъ раздѣленія на полы являлись здѣсь нѣкоторыя особенности. Первоначально впрочемъ это послѣднее раздѣленіе не соблюдалось строго: во времена апостоловъ, по словамъ Златоуста, въ богослужебныхъ собраніяхъ „вмѣстѣ

---

(1) De Rossi, De monum. ἰχθῦν exhibentibus. Vid. Pitra, Spicileg. solesmense, t. III.

(2) Martigny, Dictionnaire, Art. Ambon.

(3) Василія вел. пр. 56 и 75. Григ. Неокес. пр. 12.

(4) Ibid.

находились мужчины и женщины", не отдѣляясь другъ отъ друга какими-либо преградами. Но вскорѣ это раздѣленіе начало входить въ общее употребленіе и затѣмъ сдѣлалось какъ бы правиломъ церковной дисциплины. Въ Постановленіяхъ апостольскихъ ясно упоминается не только объ особыхъ мѣстахъ для женщинъ, но и объ особыхъ входахъ. „Женщины—говорится тамъ — должны занимать мѣсто отдѣльно.... Привратники пусть стоятъ при входахъ въ отдѣленіе мужчинъ, охраняя входы, а діакониссы при входахъ женщинъ" (1). Въ IV в. обычай раздѣленія половъ при богослуженіи былъ повидимому уже всеобщимъ въ церкви. О немъ многократно упоминаютъ какъ восточные, такъ и западные отцы (2). Ему подчинялись всѣ вѣрующіе, начиная съ императорскаго семейства. По свидѣтельству Сократа (3) императрица Елена, наприм., „молилась стоя въ ряду женъ" (*καὶ συνεύχεσθαι ἓν τῶν γυνεκῶν τάγμασι*). Во времена Златоуста *женскія мѣста* отдѣлялись отъ мѣстъ мужскихъ даже чѣмъ то въ родѣ деревянныхъ перегородокъ. „Надлежало бы — говоритъ Златоустъ въ одномъ изъ своихъ поученій, обращаясь къ своимъ слушателямъ—имѣть вамъ внутреннюю стѣну, которая отдѣляла бы васъ отъ женщинъ. Но такъ какъ вы не хотите этого, то отцы за нужное почли отдѣлить васъ по крайней мѣрѣ этими деревянными досками. Но я слышалъ отъ старцевъ, что въ древнее время не было и такихъ стѣнъ; ибо во Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ или женскій, и во время апостоловъ вмѣстѣ находились мужчины и женщи-

---

(1) Lib. II. c. 57. *Αἱ γυνᾶικες κεχωρισμένως καὶ αὗται καθεζέσθωσαν.... Στηκέτωσαν δὲ οἱ πυλωροὶ εἰς τὰς εἰσόδους τῶν ἀνδρῶν, φιλάσσοντας αὐτὰς, αἱ δὲ διάκονοι εἰς τὰς τῶν γυναικῶν.*

(2) Златоустъ (см. ниже), Кириллъ іерусалимскій—Cath. Praef., Амвросій медіоланскій—De lapsu virginis c. VI, Августинъ—De civit. Dei l. XXII. c. 8.

(3) Кн. I, гл. 17.

ны“ (1). Каковы именно были эти стѣны или перегородки, отдѣлявшія мужчинъ отъ женщинъ, насколько онѣ скрывали одинъ полъ отъ другаго, неизвѣстно. Но едвали это были глухія и высокія стѣны; по всей вѣроятности они состояли изъ барьеровъ или рѣшетокъ, подобныхъ тѣмъ, какими отгораживались алтарь и хоръ, болѣе или менѣе высокихъ и плотныхъ, смотря по тому, въ какой части храма находились мѣста для женщинъ. Въ восточныхъ храмахъ, гдѣ надъ боковыми кораблями очень часто устроялись галлереи, женскія мѣста, или гинекониты, были на этихъ галлереяхъ. Отсюда, по словамъ Григорія Назіанзена, „женщины и дѣвы преклоняли свой благочинный слухъ“ (2). Въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ, по свидѣтельству Евагрія, здѣсь становилась „и царица, присутствуя во дни праздниковъ при совершеніи таинствъ“ (3). Здѣсь плотные и довольно высокіе барьеры были совершенно необходимы не только для закрытія и отдѣленія, но и еще болѣе для безопасности. Барьеры эти въ нѣкоторыхъ древнихъ восточныхъ базиликахъ сохранились и до сихъ поръ, наприм., въ базиликѣ св. Димитрія въ Солуни. Здѣсь они имѣютъ форму плотныхъ стѣнокъ изъ бѣлаго мрамора съ разными украшеніями (4). Иногда кромѣ этихъ барьеровъ галлереи закрывались вѣроятно еще завѣсами (5), такъ что стоя на нихъ можно было не

(1) Hom. 73 in Math. *Ἐχρῆν μὲν ἓν ἔνδον ἔχειν τὸ τείχος τὸ διείργον ὑμᾶς τῶν γυναικῶν· ἐπειδὴ δὲ ἐβλέσθε, ἀναγκαῖον ἐνόμισαν εἶναι οἱ πατέρες, κἂν τᾶς σανίσιν ὑμᾶς ταύταις διατειχίσαι, ὡς ἔγωγε ἀκούω τῶν πρεσβυτέρων, ὅτι τὸ παλαιὸν οὐδὲ ταῦτα ἦν τὰ τειχεῖα· ἐν γὰρ Χριστῷ Ἰησοῦ οὐκ ἔνι ἄρσεν ἢ θῆλυ. καὶ ἐπὶ τῶν ἀποστόλων δὲ ὁμοῦ καὶ ἄνδρες καὶ γυναῖκες ἦσαν.*

(2) Somn. de templ. Anast. Рус. пер. Твор. Григ. т. IV, стр. 300.

(3) Церк. Ист. кн. IV, гл. 31.

(4) Texier, L'architehture byzantinne p. 138. Pl. XVIII.

(5) Goar, *Ευχολογιον*, Lut. 1647, p. 20. Гоаръ приводитъ въ доказательство одно мѣсто изъ жизни Василія великаго, составленной Ам-

столько видѣть богослуженіе, сколько слышать. Поэтому на востокѣ мѣста для женщинъ — гинекониты (γυναικωνῖτοι) и назывались довольно часто еще катехуменами (κατηχούμενα) (1). На западѣ галлереи надъ боковыми кораблями базиликъ устроялись весьма рѣдко, и мѣста для женщинъ всегда почти были внизу, въ лѣвомъ боковомъ кораблѣ (2), такъ какъ правый занимали мужчины. Нѣкоторые думаютъ, что поэтому именно правый корабль въ западныхъ базиликахъ дѣлался иногда шире лѣваго (3). Что же касается перегородокъ, то, хотя по общему мнѣнію обычай отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ при богослуженіи на западѣ соблюдался менѣе строго, чѣмъ на востокѣ, однакожъ перегородки эти существовали и въ западныхъ храмахъ, вѣроятно между колоннами женскаго корабля. Амвросій медіоланскій ясно говоритъ о мѣстѣ для дѣвъ, отгороженномъ досками. „Не должна ли ты была вспомнить—говоритъ онъ, обращаясь къ падшей дѣвѣ—о томъ досками отгороженномъ мѣстѣ, на которомъ ты стояла въ церкви, куда благородныя и благочестивыя матроны поспѣшно стекались и просили твоего цѣлованія, хотя были гораздо лучше и святѣе тебя“ (4)? Это отгороженное для женщинъ

филохіемъ: *βῆλα παραχρῆμα ἐκέλευσε κρεμασθῆναι, ἐν τοῖς κατηχουμένοις, διαστειλάμενος τὰς γυναιξίν, ὡς εἴ τις ἔξω τῶν βήλων ὀφθῇ διακύπτουσα τῆς θείας λειτουργίας γινομένης ἐξωθεῖσθαι τῆς ἐκκλησίας καὶ ἀκοινώνητον μενεῖν.*

(1) Leo, Novell. 73. Du Fresn. Comment. in Paul. Silent. p. 550. Нѣкоторые древніе писатели, наприм., Софроній іерусалимскій, различаютъ впрочемъ катихумены отъ гинеконитъ. См. Пис. отц., отн. къ истолк. богосл. т. I, стр. 269.

(2) Bingham, Origin. Lib. VIII. c. 5. § 6. t. III. p. 199. Hal. 1727.

(3) Martigny, Dictionnaire, Art. Basiliques. Въ примѣръ можно привести базилики св. Сабины и св. Климента въ Римѣ, каѳедралъ въ Нарни и церковь св. Сикста въ Пизѣ.

(4) De lapsu virginis consecratae, c. VI. 24. Migne t. XVI, col. 374. Nonne vel illum locum tabulis separatum, in quo in ecclesia stabas, recordari debuisti? Ad quem religiosae matronae et nobiles certatim currebant tua oscula petentes, quae sanctiores et meliores te erant.

мѣсто называлось на западѣ: matroneum и существовало въ западныхъ храмахъ очень долгое время (1). Иногда оно занимало здѣсь положеніе даже совершенно отдѣльное, именно, позади абсида, но при этомъ и самое расположеніе храмовъ имѣло совершенно исключительный характеръ. Впрочемъ археологамъ извѣстно пока только два примѣра такого расположенія. Такъ въ маленькой церкви свв. Козмы и Даміана на форумѣ въ Римѣ позади абсида устроено было довольно большое помѣщеніе, откуда посредствомъ трехъ большихъ оконъ открывался видъ на алтарь и каѳедру епископа. Такое же помѣщеніе было въ базиликѣ Ливеріанской, или св. Маріи ad praesepe послѣ перестройки ея папою Сикстомъ III до новой перестройки при папѣ Пасхаліи въ IX в. По общему мнѣнію помѣщенія эти, устроенныя позади абсида, назначались для женщинъ (2).

Что касается церковной утвари, которая составляла бы, такъ сказать, спеціальную принадлежность какъ отдѣленія для женщинъ, такъ и отдѣленія для мужчинъ и вообще всего того пространства, въ которомъ долженъ былъ находиться молящійся народъ, то изъ всѣхъ многочисленныхъ родовъ ея, за исключеніемъ амвона, о которомъ мы уже говорили и который есть собственно принадлежность хора, можно указать только на разные виды лампъ и канделябровъ, которые были необходимы здѣсь для освѣщенія храма во время ночнаго богослуженія. Канделябры

---

(1) У Анастасія библіотекаря о matroneum упоминается въ жизнеописаніяхъ папъ Симмаха (498—514) и Григорія IV (827—844). Первый изъ нихъ въ базиликѣ св. Панкратія *fecit* matroneum. О второмъ говорится, что онъ въ церкви Каллиста и Корнелія «ex septentrionali plaga lapidibus circa septum matroneum apposuit. Здѣсь прямо, т. обр., указывается на рѣшетки, ограждавшія мѣста для женщинъ. См. Migne, Patrol. ser. lat. t. CXXVIII. col. 453 и 1287.

(2) Martigny, Dictionn. Art. Matroneum. Тамъ помѣщенъ и планъ базилики свв. Козмы и Даміана.

эти относились большею частію къ разряду многосвѣчниковъ, называемыхъ коронами и поликадилами, и частію подвѣшивались подъ потолкомъ или сводомъ храма, частію утверждались на подставкахъ. У Анастасія библіотекаря въ жизнеописаніяхъ разныхъ папъ перечисляется огромное количество очень драгоцѣнной утвари этого рода, пожертвованной ими въ разныя римскія и другія западныя церкви.

Кромѣ того въ нынѣшнихъ западныхъ храмахъ пространство, занимаемое народомъ, наполняютъ скамьи, которыя у многихъ западныхъ археологовъ (1) разсматриваются, какъ церковная утварь и необходимая храмовая мебель. Но въ древности мебель эта вовсе не имѣла такого значенія и даже вѣроятно существовала въ храмахъ далеко не часто. Правда обычай сидѣть въ церкви во время отправленія нѣкоторыхъ богослужебныхъ дѣйствій, а также въ ожиданіи богослуженія и по окончаніи его, существовалъ съ самой глубокой древности, но далеко не былъ всеобщимъ. Въ Постановленіяхъ апостольскихъ вѣрующіе предъ началомъ богослуженія представляются сидящими. „Въ другой части храма—говорится тамъ—пусть сидятъ (καθεζέσθωσαν) міряне... Младшіе пусть сидятъ (καθεζέσθωσαν) особо, если есть мѣсто; если же нѣтъ, пусть стоятъ (στηκέτωσαν) на ногахъ, а старшіе по лѣтамъ пусть сидятъ въ порядкѣ; дѣти должны быть стоя при своихъ отцахъ и матеряхъ... Наблюдать за мѣстами долженъ діаконъ, чтобы каждый изъ входящихъ шелъ на свое мѣсто, и не садился у входа“ (2). Тертулліанъ говоритъ объ обычаѣ садиться послѣ молитвы, но сильно не одобряетъ его, какъ и вообще обычай сидѣть въ храмѣ. „По окончаніи молитвы—говоритъ онъ — иные имѣютъ обыкновеніе садиться.

(1) Lenoire, Architecture monastique; Reuseus, Elements d'archeologie chretienne.

(2) Lib. II. cap. 57.

Не вижу никакого основанія.... Если такъ поступаютъ язычники, присаживаясь послѣ молитвы предъ своими статуетками, то намъ уже потому предосудительно это, что таковъ обрядъ въ служеніи идоламъ. Къ тому же въ этомъ видна и непочтительность, что должны бы были понять и сами язычники, если бы они о чемъ нибудь разсуждали. Если непочтительно сѣсть при томъ, или противъ того, кого мы особенно почитаемъ и уважаемъ; тѣмъ болѣе крайне противно благочестію такъ поступать предъ лицемъ Бога живаго, когда еще стоитъ ангелъ молитвы, какъ будто бы мы хотѣли сдѣлать Богу упрекъ, что молитва насъ утомила" (1). Что касается сидѣнія во время самаго богослуженія, то оно вѣроятно также дозволялось въ нѣкоторые моменты его, но трудно опредѣлить, въ какіе именно. Въ апостольскихъ Постановленіяхъ отмѣчаются только тѣ моменты, когда народъ долженъ непремѣнно стоять: это—чтеніе писанія, молитвы по выходѣ оглашенныхъ и возношеніе жертвы евхаристической. Въ православномъ богослуженіи сохранились нѣкоторые намеки на богослужебныя дѣйствія, при совершеніи коихъ можно было сидѣть, наприм., въ названіяхъ: каѳизма, сѣдаленъ; но происхожденіе этихъ названій относится уже сравнительно къ позднему времени, когда богослуженіе значительно осложнилось и, особенно въ монастыряхъ, приняло такіе размѣры, что сдѣлалось утомительнымъ для людей не слишкомъ крѣпкихъ. Вообще какъ ни ясны приведенныя древнія свидѣтельства о сидѣніи, изъ нихъ не видно, чтобы сидѣніе это было правиломъ христіанской дисциплины. Въ той же главѣ Постановленій апостольскихъ, гдѣ такъ ясно говорится о сидѣніи, говорится также вообще, что „въ церкви должно стоять со вниманіемъ, трезвенно и бодрственно".

(1) Tertullian, De oratione, c. XVI. Migne, t. I, col. 1172.

Во всякомъ случаѣ впрочемъ, если можно было сидѣть въ храмѣ, то должна была существовать тамъ и нужная для этого мебель. Она конечно и существовала, но о ней нигдѣ не упоминается, ни у древнихъ отцевъ, ни въ древнихъ перечняхъ церковной утвари; вещественныхъ остатковъ этой мебели также не сохранилось; а потому о самомъ существованіи ея мы можемъ догадываться только изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ. Это значитъ, что въ древности мебель эта не считалась церковною, что она имѣла случайный характеръ, обыкновенную, ничѣмъ незамѣчательную форму и не составляла необходимой принадлежности храмовъ,—вообще была такимъ предметомъ, на который при описаніи храмовъ и ихъ утвари не обращали никакого вниманія. Въ нѣкоторыхъ довольно древнихъ восточныхъ церквахъ, наприм., св. Димитрія въ Смирнѣ, въ каѳедральной церкви Патраса, въ одной изъ церквей Корфу и въ др. (1) сохранились и донынѣ расположенныя по стѣнамъ скамьи, раздѣленныя довольно высокими барьерами на особыя сидѣнія, но они очевидно относятся ко временамъ сравнительно позднимъ. Притомъ ихъ очень немного сравнительно съ тѣмъ количествомъ людей, которое могло помѣститься въ указанныхъ церквахъ, и очевидно онѣ назначены были только для немощныхъ. Такіе же скамьи сохранились въ нѣкоторыхъ западныхъ (2) и русскихъ монастырскихъ церквахъ.

Среднее отдѣленіе—*ναός*—въ древнѣйшихъ христіанскихъ храмахъ, особенно въ базиликахъ, довольно часто обнимало собою всю закрытую часть зданія и заканчивалось внѣшнею стѣною со входными *дверями*. Двери эти всегда считались очень важною принадлежностію зданія христіанскаго храма и потому дѣлались обыкновенно изъ прочныхъ, твердыхъ, иног-

(1) Lenoire, Archit. monastique I, p. 336—338.

(2) Reusens, Elements d'archeologie I, p. 395.

да дорогихъ матеріаловъ наприм., изъ металловъ и мрамора, украшались очень тщательно, иногда роскошно и часто имѣли истинно монументальный видъ. Онѣ устроялись обыкновенно по нѣскольку въ рядъ, по три, или по пяти, сообразно съ количествомъ кораблей, на которые дѣлилась базилика внутри. При этомъ средняя дверь всегда была шире и выше боковыхъ и болѣе другихъ украшалась. Такъ въ Тирской базиликѣ, описанной у Евсевія, было трое дверей. „Средняя изъ нихъ имѣла большій объемъ и въ высоту и въ широту и преимущественно предъ послѣдними была украшена мѣдными на желѣзномъ основаніи изваяніями и рѣзьбою; другія же двѣ присоединены были къ ней, какъ тѣлохранители къ царицѣ“ (1). Вѣроятно поэтому главнымъ образомъ средняя дверь въ храмъ и отличалась особыми названіями, указывающими на ея преимущества: она называлась напр., часто вратами царскими и красными (*βασιλικαὶ, ὡραίαι πύλαι*, portae spesiosae, regiae) (2). Въ нѣкоторыхъ западныхъ базиликахъ и до сихъ поръ сохранились двери отъ очень отдаленной древности. Таковы двери въ базиликахъ св. Лаврентія и Георгія in Velabro (3), украшенныя мраморной мозаикой и вѣроятно перенесенныя сюда изъ языческихъ зданій, а особенно двери базилики св. Сабины, вѣроятно V в., покрытыя очень замѣчательными и въ художественномъ и въ иконографическомъ отношеніи барельефами (4).

Кромѣ дверей при главномъ входѣ въ храмъ подвѣшивались очень часто еще *завѣсы*, служившія впро-

---

(1) Евсевій, Церк. Ист. кн. X, гл. 4. Трое дверей было также въ Нолянской базиликѣ, описанной Павломъ нолянскимъ. См. Ер. XXXII. 13. Migne, t. LXI. col. 337.

(2) Bingham, Origin. Lib. VIII, cap. V § 1.

(3) Lenoire, Architecture monastique I, p. 127—129.

(4) Объ этой двери см. монографію Кондакова въ Revue archeologique 1877. June, p. 361—372.

чемъ не столько для закрытія входа, сколько для его украшенія. Объ этихъ преддверныхъ завѣсахъ упоминаютъ многіе древніе церковные писатели, наприм., Епифаній, Іеронимъ, Павелъ ноланскій и др. (1). Кромѣ того, существованіе ихъ подтверждается также и вещественными памятниками. По свидѣтельству Павла ноланскаго завѣсы эти были или совершенно бѣлые, или же украшены были различными фигурами (2), въ числѣ коихъ были вѣроятно иногда и иконографическіе сюжеты. Епифаній упоминаетъ о завѣсѣ, видѣнной имъ въ дверяхъ одного храма, на которой представлено было изображеніе „какъ бы Христа, или какого-либо святаго“ (3). Какимъ образомъ подвѣшивались при входѣ въ храмъ завѣсы и какой видъ получалъ отъ этого входъ, довольно наглядно показываютъ нѣкоторыя сохранившіяся отъ древности изображенія. Таковы особенно барельефы на одномъ саркофагѣ IV в., представляющіе въ перспективѣ древне-христіанскую базилику и крещальню (4). Завѣсы эти состояли или изъ одного куска матеріи или изъ нѣсколькихъ, чаще всего изъ двухъ, и прикрѣплялись вверху посредствомъ колецъ. При входахъ въ нѣкоторыя древнія базилики Рима, наприм., св. Лаврентія, св. Маріи in Cosmeddin и св. Георгія

---

(1) *Epiphan.* Ep. ad. Joann. Hieros.; *Hieronim.* Ep. 3 ad Heliod. Paul. nolan. Poem. XVIII v. 31 sq.; *Anastas. biblioth.* in vita Leoni III.

(2) Poem. XIV v. 98. Aurea nunc niveis ornatur limina velis; Poem. XVIII. v. 30—32:

....qui pulchra tegendis
Vela ferant foribus, seu puro splendida lino,
Sive coloratis textum fucata figuris.

Были также и красныя завѣсы. Анастасій библіотекарь говоритъ о папѣ Львѣ III, что онъ для базилики св. Маріи сдѣлалъ velum rubeum, quod pendet ante regias majores.

(3) Quasi Christi vel sancti cujusdam. Cit. ap. Bingham Origin. Lib. VIII. c. VI. § 8.

(4) Саркофагъ этотъ хранится въ Латеранскомъ музеѣ. Рис. см. Martigny, Dictionnaire 2 ed. Art. Basilique, p. 91.

in Velabro, такія кольца, желѣзныя или бронзовыя, сохранились и до сихъ поръ (1). Когда нужно было, завѣсы эти поднимались или подбирались къ одному боку двери или къ обѣимъ, смотря по тому, изъ одного куска матеріи состояли, или изъ двухъ. Для поднятія завѣсъ въ древней западной церкви существовали даже особые приставники или церковные служители (2).

Н. Красносельцевъ.

---

(1) Ibid. Art. Voiles et portieres, p. 800.

(2) Concil. Narbon. (389 г.) can. 13.

ИМПЕРАТОРЪ ЮСТИНІАНЪ

И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ЦЕРКВИ.

—

Наружность и воспитаніе Юстиніана. Его сближеніе съ Θеодорой и женитьба на ней. Ихъ взаимоотношеніе, какъ политическихъ дѣятелей. Наставленія діакона Агапита. Характеръ Юстиніана и его церковно-государственной дѣятельности. Его совѣтники. Вліяніе епископовъ на дѣла гражданскаго управленія. Намѣреніе Юстиніана возвратить западныя области Римской имперіи и его политика относительно варваровъ. Бунтъ самарянъ. Св. Савва предъ лицемъ Юстиніана. Эдикты противъ іудеевъ, язычниковъ и еретиковъ. Бунтъ „Ника“. Состояніе православныхъ христіанъ въ областяхъ западной римской имперіи. Вѣра православныхъ въ свое освобожденіе отъ ига аріанъ. Разрушеніе вандальскаго государства и устройство африканской церкви. Возникшія недоразумѣнія между римлянами и готѳами, и сношенія Юстиніана съ папами по вопросу: Unus de Trinitate passus est carne; его эдикты по этому поводу. Завоеваніе Италіи и части Испаніи: подавленіе господства аріанъ на западѣ.

Наружность Юстиніана показывала умъ, благородство и энергію воли: онъ былъ не очень высокаго роста, но и не низкаго; обладалъ широкой грудью, круглымъ, открытымъ, красивымъ и цвѣтущимъ лицемъ, бѣловатыми вьющимися волосами, и быстрымъ

проницательнымъ взглядомъ (1). Время ранней его юности покрыто глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Можно сказать развѣ одно только объ этомъ времени: что онъ жилъ въ деревнѣ. Первоначальное его имя было Управда; но и здѣсь спорятъ, было ли то собственное имя, такъ что „Юстиніанъ“ представляетъ переводъ его на латинскій языкъ, или же оно есть нарицательное имя, прозваніе, и означаетъ: „правдивый“, „справедливый“. Болѣе или менѣе ясная исторія Юстиніана начинается съ того времени, какъ дядя его, Юстинъ, достигъ довольно значительныхъ государственныхъ почестей. Около 20, или 21-лѣтняго возраста (въ 509, или 510 г.) Юстиніанъ поступилъ въ военную службу (2). Первоначально онъ былъ также необразованъ, какъ и Юстинъ. Граматѣ онъ сталъ учиться лишь послѣ того, какъ достигъ уже 30-лѣтняго возраста (3). Алеманнъ думаетъ, что учителемъ его былъ игуменъ Θеофилъ, который впослѣдствіи составилъ его жизнеописаніе (4). Движеніе вѣка и наставленія учителя-аскета сообщили ему исключительно богословско-религіозное направленіе. Замѣчательна энергія, съ какою онъ принялся за изученіе науки. Не смотря на позднее время, когда онъ началъ учиться, онъ достигъ замѣчательно обширныхъ

---

(1) Malalas, p. 425: *ἦν δὲ τῇ ἰδέᾳ κονδοειδής, εὔστηθος, εὐρινος, λευκὸς, οὐλόθριξ, στρογγύλοψις, εὔμορφος, ἀναφάλας, ἀνθηροπρόσωπος, μιξοπόλιος τὴν κάραν καὶ τὸ γένειον, μεγαλόψυχος.* Chron. Paschal. p. 616: *ὁ μεγαλόψυχος εἰς ὑπερβολήν.* Cedrenus, 1. p. 642. Arcana c. 8. p. 54—55: *τὸ μὲν οὖν σῶμα οὔτε μακρὸς οὔτε κολοβὸς ἄγαν, ἀλλὰ μέτριος ἦν, οὐ μέντοι ἰσχνὸς, ἀλλὰ κατὰ βραχὺ εὔσαρκος, τὴν δὲ δὴ ὄψιν στρογγύλος τε καὶ οὐκ ἄμορφος· ἐπυῤῥία γὰρ καὶ δυοῖν ἡμέραιν ἀπόσιτος ὤν.* Далѣе, чтобы возбудить отвращеніе, Прокопій приравниваетъ Юстиніана къ Домиціану и дѣлаетъ по этому поводу длинное уклоненіе. Но оно отнюдь не выясняетъ приведенныхъ его словъ, а только затемняетъ ихъ и обнаруживаетъ его ненависть къ Юстиніану.

(2) Isambert, p. 238—241.

(3) Ibid. p. 240.

(4) Notae Alemanni, p. 438.

познаній въ области философіи, богословія, исторіи, права, даже—поэзіи, архитектуры и живописи. При этомъ вопросы христіанской вѣры составляли для него начало, конецъ и средоточіе всякаго рода знаній. За изученіемъ ихъ онъ проводилъ дни и ночи, и велъ объ нихъ оживленныя бесѣды съ епископами и другими духовными лицами, которыми онъ постоянно окружалъ себя*(1). Безспорно, эти устныя бе-

---

(1) Notae Alemanni, p. 438—440. Царскій свитокъ, посвященный греческому императору Іустиніану, Агапитомъ константинопольскія Софійскія церкви діакономъ, состоящій въ LXXII главахъ. Спб. 1771 года. Гл. 17: «въ наши дни показалось то благополучное жизни время, о которомъ нѣкто изъ древнихъ предвозвѣстилъ: когда или философы царствовать, или цари философствовать будутъ. Ибо философствуя достойно будутъ царствовать, и царствуя въ философіи упражняться станутъ, за тѣмъ, что философствовать не иное что есть, какъ любить премудрость, а премудрости начало есть страхъ Божій, который въ душѣ нашего величества твердо и неподвижно вкоренепъ, и тѣмъ паилучше доказывается истина мною сказанныхъ рѣчей». Въ одномъ изъ «Свидѣтельствъ», приложенныхъ переводчикомъ относительно этой книжки и ея сочинителя и заимствованныхъ изъ разныхъ писателей, сказано: «Поссевинъ въ концѣ *Пріуготовленій*, гдѣ приложилъ роспись рукописныхъ греческихъ книгъ, пишетъ, что книга сія найдена въ Константинополѣ, между книгами Константина Варона, гдѣ въ заглавіи написано, что Агапитъ былъ учителемъ у Юстиніана до воцаренія его. Изъ чего Норизій въ разсужденіи о 5-мъ соборѣ въ главѣ 2-ой утверждаетъ, что Іустиніанъ имѣлъ у себя учителя мужа ученѣйшаго». Но это предположеніе не принимается учеными.— Пресвитеръ Евстратій говоритъ въ жизни св. Евтихія, патріарха константинопольскаго (§. 33): «вы всѣ, которые помните прилежаніе благочестивѣйшаго императора Юстиніана къ (познанію) божественныхъ догматовъ, знаете, какъ онъ всегда, ночью и днемъ, прилагалъ къ нимъ старапіе больше всѣхъ другихъ предметовъ, чтобы только найдти и собрать доказательства противъ еретическихъ разсужденій, которыя онъ, какъ и многое другое, преподѣждалъ, опровергая ихъ какъ силлогистическими аргументами и доказательствами, такъ и свидѣтельствами писаній».—Прокопій влагаетъ въ уста Арсакія, одного изъ злоумышленниковъ на жизнь Юстиніана, такія слова (Gotth. l. III. c. 32, p. 409—410): «никто, въ комъ есть лишь капля разсудка, не долженъ, по лѣпости или изъ страха, уклоняться отъ убійства Юстиніана, который имѣетъ обыкновеніе безъ стражи проводить цѣлыя ночи съ престарѣлыми священниками въ одной изъ комнатъ, неутомимо переворачивая (*ἀνακυκλεῖν*) священныя книги христіанъ». Въ другомъ мѣстѣ Прокопій говоритъ (Gotth. l.

сѣды съ знаменитѣйшими духовными лицами своего времени, сопровождаемыя иногда спорами, имѣли гораздо болѣе развивающее значеніе, чѣмъ самостоятельныя книжныя изысканія, или лучше, — онѣ восполняли эти послѣднія, исправляли ихъ и предохраняли Юстиніана отъ неизбѣжной въ подобныхъ случаяхъ односторонности, тѣмъ болѣе, что, кромѣ православныхъ, онъ вступалъ въ нерѣдкія бесѣды и споры съ еретиками (1).

Величайшій пробѣлъ въ исторіи Юстиніана составляетъ его сближеніе съ Θеодорою. Здѣсь, на основаніи нѣкоторыхъ скудныхъ данныхъ, приходится дѣлать одни только догадки, которыя всегда получаютъ сильную окраску личныхъ склонностей того или дру-

---

III. c. 35. p. 429): «большую часть времени (Юстиніанъ) употреблялъ на христіанскіе догматы, всѣми силами стараясь и напрягаясь устранить (εὖ διαθέσθαι) спорныя мѣста въ нихъ». Со всѣмъ этимъ согласны и слова Агсапа (c. 18. p. 110): *ἀντὶ τε σπουδῆς τῆς περὶ ταῦτα περισκοπῶν μὲν τὰ μετέωρα, περιέργος δὲ ἀμφὶ τῇ τοῦ θεοῦ φύσει γινόμενος*. Далѣе, въ 14-ой главѣ, Прокопій говоритъ, что Юстиніанъ все дѣлалъ и писалъ самъ, такъ что государственнымъ чиновникамъ ничего не оставалось дѣлать. Поэтому никакого основанія не имѣетъ мнѣніе тѣхъ, которые слова Свиды: *ἀμάθητος γραμμάτων ἁπάντων καὶ τὸ δὴ λεγόμενον ἀναλφάβητος*, относятъ, вмѣсто Юстина, къ Юстиніану. Что эти слова должно относить къ Юстину, видно изъ показанія Прокопія, который относительно Юстина употребилъ тѣже самыя слова, что и Свида (Агсап. c. 6. p. 44). Въ ошибку ввелъ ученыхъ Дмитрій Халькондилъ, съ ошибками издавшій Свиду въ Миланѣ (Notae Alemanni, p. 364—365). Впалъ въ эту ошибку и Баронію, пользовавшійся, вѣроятно, Халькондиловымъ изданіемъ Свиды, — и онъ призналъ Юстиніана необразованнымъ, но, на основаніи соображеній, не абсолютно, не *ἀναλφάβητος*, а необразованнымъ настолько, какъ можетъ быть необразованъ человѣкъ, знающій только кое-какъ читать и писать (Baron. an. 528. n. III. IV). Его исправляетъ Пагій (Тамъ же). Новѣйшія изданія Свиды, конечно, исправляютъ ошибку Халькондила.—Сочиненія, написанныя Юстиніаномъ противъ еретиковъ, и законы, имъ изданные, говорятъ о глубокомъ его образованіи, особенно по тогдашнему времени. Θеофанъ Хронографъ приписываетъ ему составленіе пѣсни: Единородный Сыне и Слове Божій, безсмертенъ Сый (Theoph. p. 337).

(1) Harduin. II. p. 1159—1171.

таго писателя. Послѣ позорнаго путешествія своего по востоку, Ѳеодора возвратилась изъ Пафлагоніи въ Византію. Здѣсь она оставила свое прежнее безпутное житіе, поселилась въ одномъ бѣдномъ домѣ, въ которомъ поселялись кающіяся женщины, и, для поддержанія своего существованія, занялась пряжею шерсти. Вотъ въ этомъ то состояніи ея и познакомился съ нею Юстиніанъ. Какая судьба привела его въ бѣдное жилище, въ которомъ поселилась Ѳеодора,—рѣшительно сказать невозможно. Очень можетъ быть, исполняя долгъ благочестія, онъ, между другими благотворительными учрежденіями, посѣтилъ и скудное жилище кающихся грѣшницъ, въ которомъ была Ѳеодора; очень можетъ быть, что его привелъ сюда кто либо изъ духовныхъ, съ которыми онъ велъ постоянныя бесѣды; но очень можетъ быть и другой какой нибудь случай. Выдающееся лице Ѳеодоры, какъ по своимъ физическимъ, такъ и умственнымъ свойствамъ, не могло не обратить на себя вниманіе Юстиніана. Отбросивъ наглость поведенія публичной женщины, она тѣмъ съ большею яркостію должна была обнаруживать свои блестящія природныя дарованія. Въ искренности своего раскаянія убѣдить было не трудно: слѣдовало только уважать воздержность Юстиніана и не оказывать ни малѣйшей склонности къ незаконному соитію. Блестящій и проницательный умъ далъ ей возможность вполнѣ понять идеи и планы Юстиніана и проникнуться ими. Юстиніану было свыше 30-ти лѣтъ, когда онъ познакомился съ Ѳеодорою (1); слѣдовательно, безуміе юношескаго любовнаго пыла прошло уже и настало время, когда мужчина ищетъ болѣе внутреннихъ качествъ въ женщинѣ. Принятая цѣломудренность поведенія, умъ и пріобрѣтенная опытность подсказали Ѳеодорѣ, гдѣ ея

(1) Учитель Юстиніана, игуменъ Ѳеофилъ, утверждаетъ, что Юстиніану было 30-ть лѣтъ, когда онъ, въ концѣ царствованія Анастасія, пришелъ въ Византію. Notae Alemanni, p. 369.

сила, и она приковала къ себѣ все существо Юстиніана. Привязанность его росла къ Ѳеодорѣ по мѣрѣ знакомства съ нею; онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что возлюбленная его въ настоящемъ ея видѣ, по исправленіи, представляетъ такую же цѣльную нравственную натуру, какъ бы она никогда не предавалась непозволительнымъ любовнымъ излишествамъ, и онъ возъимѣлъ рѣшительное намѣреніе на ней жениться. Но древне-римскіе законы воспрещали лицамъ сенаторскаго званія вступать въ бракъ съ „сценическими“ женщинами. Къ тому же, браку Юстиніана съ Ѳеодорой всѣми силами воспротивилась супруга Юстина, императрица Евѳимія. Мать Юстиніана, Вигелиза, тоже была противъ этого брака; она даже по этому поводу обращалась къ одной старой знахаркѣ, которая дала ей уклончивый отвѣтъ. Пока жива была Евѳимія, Юстиніанъ не могъ добиться отмѣны старо-римскаго суроваго закона. Но лишь только Евѳимія померла, старый Юстинъ, по настоянію Юстиніана, издалъ эдиктъ, по которому онъ, „полагая, что особенность императорскаго благоволенія заключается въ томъ, чтобы во всякое время заботиться, какъ объ изысканіи полезнаго для подданныхъ, такъ и о томъ, чтобы исцѣлять ихъ погрѣшности“, постановилъ о падшихъ женщинахъ „для оказанія имъ помощи къ должному воздержанію: никакимъ образомъ не отнимать у нихъ надежды лучшаго условія (жизни), чтобы, взирая на него, онѣ тѣмъ легче оставляли непредвидѣнный и малочестный выборъ. Ибо мы думаемъ, гласитъ далѣе императорское узаконеніе, что въ этомъ будетъ состоять наше подражаніе, насколько это возможно для человѣческой природы, благоволенію и безмѣрному къ человѣческому роду милосердію Бога, который всегда снисходитъ къ ежедневнымъ грѣхамъ людей и принимаетъ наше покаяніе и возводитъ въ лучшее положеніе“. Исходя изъ этой точки зрѣнія, императоръ Юстинъ узаконяетъ на будущее время безпрепятственно вступать въ бракъ

падшимъ женщинамъ съ лицами всякаго, и сенаторскаго званія, но,—чтобы не покровительствовать блудодѣянію, — если только онѣ окажутъ несомнѣнные признаки искренняго раскаянія и исправленія своей прежней безчестной жизни. Юстиніанъ поспѣшилъ воспользоваться примѣненіемъ этого эдикта на практикѣ и женился на Θеодорѣ (1).

---

(1) Прокопій, съ особенною подробностію описавшій всѣ дѣйствительныя и мнимыя похожденія Θеодоры, между прочимъ, съ искусствомъ настоящаго пасквилянта, обходитъ то обстоятельство, какъ Юстиніанъ познакомился съ Θеодорой. Такъ, описавъ крайнія излишества Θеодоры въ Византіи и ея позорныя похожденія по востоку, онъ непосредственно же послѣ этого приступаетъ къ описанію любовной связи и брачнаго союза съ нею Юстиніана. *Οὕτω μὲν τετέχθαι τε τῇδε τῇ γυναικὶ καὶ τετρόφθαι ξυνέβη καὶ ὑπὲρ δημοσίους πολλὰς διαβοήτῳ γεγενῆσθαι ἐς πάντας ἀνθρώπους. ἐπεὶ δὲ ἀφίκετο ἐς Βυζάντιον αὖθις, ἠράσθη αὐτῆς Ἰουστινιανὸς ἔρωτα ἐξαίσιον οἷον, καὶ τὰ πρῶτα ἐπλησίαζεν ὡς ἐρωμένῃ, καίπερ αὐτὴν ἀναγαγὼν ἐς τὸ τῶν πατρικίων ἀξίωμα. δύναμιν τοίνυν ἐξαισίαν τινὰ καὶ χρήματα ἐπιεικῶς μεγάλα περιβαλέσθαι ἡ Θεοδώρα εὐθὺς ἴσχυσε. πάντων γὰρ ἥδιστον τῷ ἀνθρώπῳ ἐφαίνετο, ὃ δὴ ξυμβαίνειν τοῖς ἐκτόπως ἐρῶσι φιλεῖ, χάριτάς τε πάσας καὶ χρήματα πάντα τῇ ἐρωμένῃ χαρίζεσθαι. ἐγίνετό τε ἡ πολυτέλεια τοῦ ἔρωτος τοῦδε ὑπέκκαυμα. ξὺν αὐτῇ τοίνυν πολλῷ ἔτι μᾶλλον τὸν δῆμον διέφθειρεν οὐκ ἐνταῦθα μόνον ἀλλ' ἀνὰ πᾶσαν τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν* (c. 9 p. 63—64. Также: c. 10). Такимъ образомъ по Прокопію выходитъ, будто Юстиніанъ непосредственно познакомился съ публичной женщиной самаго низкаго свойства. — Анонимный авторъ de antiquitate urbis Constantinopolitanae говоритъ: «супруга великаго Юстиніана, Θеодора, послѣ возвращенія изъ Пафлагоніи жила въ емволѣ (ἐμβόλῳ), гдѣ она, по причинѣ бѣдности, пряла шерсть и этимъ ремесломъ поддерживала свою жизнь; когда же достигла царской короны, отстроила это бѣдное жилище въ храмъ св. Пантелеимона» (Notae Alem. p. 381; также въ Bandurii imperium Orient. t. I. p. 48). Теперь вопросъ въ томъ, что нужно разумѣть подъ «емволомъ»? Алеманнъ думаетъ, что это было мѣсто, гдѣ отверженнѣйшія женщины предавали тѣла свои на блудодѣяніе. In *embolo* Theodora commorabatur, ubi scilicet abjectissimae meretrices corpora prostituebant. Hinc apud Plinium *embolaria*, de qua tot criticorum eruditissimae nugae. ***ΕΜΒΟΛΟΙ*** (praeter alias ejus vocis acceptiones) sunt *porticus*. Hesychius Milesius in *πατρίοις* Constantinum muros Byzantii protulisse narrat usque ad *Τρωαδικοὺς ἐμβόλους*, *porticus Troadenses* vocat autor antiquissimus descriptionis urbis Constantinopolis. Quemadmodum ergo a porticuum fornicibus *fornicariae* mulieres dictae sunt;

Много можно спорить, искренно или притворно было раскаяніе Ѳеодоры; но то слѣдуетъ принять за несомнѣнный фактъ, что по бракосочетаніи съ Юсти-

---

sic a porticibus ipsis, hoc est, *embolis*, embolarias alii vocarunt. *Porticibusne tibi monstratur femina voto digna tuo?* Juvenalis Satyr. 6 (Notae, p. 381). Итакъ, по мнѣнію Алеманна, сказаніе Прокопія нужно принимать буквально,—что Юстиніанъ познакомился непосредственно съ публичной женщиной и притомъ въ домѣ терпимости. Въ другихъ мѣстахъ своихъ примѣчаній онъ говоритъ, что Юстиніанъ имѣлъ побочнаго сына: Theophanus Byzantius historicus apud Photium meminit *Theodori* cognomento *Ziri* Justiniani imperatoris filii, quem fortasse post Theodorae obitum habuit (Notae, p. 357. 418). Понятно, что человѣкъ, не отказавшійся отъ любовныхъ похожденій въ преклонныхъ лѣтахъ (на VI десяткѣ) по смерти супруги, могъ рѣшаться на все въ молодыхъ лѣтахъ. Но уже Людевигъ съ основательностію замѣтилъ, что Theodora niemals ein Bordell unsterblich gemacht haben würde. Да, именно это основаніе, что домъ терпимости никогда не обезсмертилъ бы Ѳеодору, должно лечь въ основу критики всѣхъ приведенныхъ доводовъ Алеманна. Гиббонъ вполнѣ соглашается съ приведеннымъ мнѣніемъ Людевига и относитъ его ко второму пребыванію Ѳеодоры въ Константинополѣ (Gibbon, col. 1341. not. d.). Въ Лексиконахъ ἔμβολος, ἔμβολον, ἐμβολεὺς, опредѣляется такимъ образомъ: a) земля клинообразная между двумя рѣками (Her. 4, 53). Особенно: b) мѣдный носъ у военнаго корабля (Her. 1, 166; Thuc. 7, 36). Отсюда ораторская каѳедра въ Римѣ, Rostra; c) боевой порядокъ расположенный клиномъ; d) запоръ, e) каменный столбъ; f) черенокъ, прививокъ. У позднѣйшихъ: колоннада, галлерея. Въ Византіи существовалъ обычай, что промышляющіе женщинами предлагали ихъ на блудодѣяніе открыто, на публичныхъ мѣстахъ города (de aedif. c. 9 p. 199; Malalas, p. 440), конечно и въ портикахъ, какъ мѣстахъ тоже публичныхъ. Отсюда: embolarias (feminas). Но чтобы всѣ галлереи города, и вообще все, что называлось ἐμβόλοι,—были блудодѣйственными домами,—этого никакъ нельзя сказать.—Папарригопулъ подъ ἔμβολος разумѣетъ бѣдный домъ, въ которомъ кающіяся женщины проводили свою жизнь: *ἐπέστρεψεν (Θεοδώρα) εἰς τὴν προτεύουσαν, καὶ μετέβαλεν αὐτόθι τρόπον ζωῆς. Ἀποχωρήσασα εἰς οἰκίαν πενιχράν, ἣν βραδύτερον μετεσκεύασεν εἰς πολυτελὲς καταγώγιον τῶν γυναικῶν ὅσαι ἀπετάσσοντο τῷ ἀσώτῳ βίῳ, ἐπορίζετο τὰ πρὸς διατροφὴν νήθουσα ἔρια καὶ περὶ ἄλλα γυναικεῖα ἔργα ἀσχολουμένη* (*Παπαρρ.* III. p. 101).—Ѳеофилъ въ жизни Юстиніана говоритъ о Ѳеодорѣ такимъ образомъ: «Юстиніанъ женился (duxit) на превосходной отроковицѣ Ѳеодорѣ, хотя мать его Вигленица (Biglenіza) и противилась (этому); потому что она очень страшилась качествъ (indolem) отроковицы, хотя весьма красивой и чрезвычайно умной, но очень неустойчивой (levioris) и надмѣнной, какъ бы *въ будущемъ* она *когда*

ніаномъ она сохранила вполнѣ цѣломудренную жизнь. Самъ Прокопій въ Arcana нашелся возможнымъ только сказать,—и то въ качествѣ слуха, откуда-то взя-

---

нибудь не повредила счастію и *благочестію* сына, въ особенности же потому, что нѣкоторая старуха, занимавшаяся предвѣщаніями, предрекла Вигленизѣ, спросившей чрезъ нее вѣщаніе судьбы, что Ѳеодора будетъ Демонодорой (Daemonodoram) для римской имперіи и что она сокрушитъ правоту Юстиніана (inflexuramque rectitudinem Justiniani) (Notae Alem. p. 415). Такимъ образомъ благочестіе (pietas) и правота (rectitudo) Юстиніана выставляются, какъ безспорно данныя; сомнѣніе выражается только относительно будущаго поведенія Ѳеодоры, но и то на основаніи не настоящей минуты, а вообще всего прошлаго ея поведенія (какъ-то плохо вѣрилось въ искренность ея раскаянія), и потому, что худо предрекла о ней вѣщунья старуха. — Не мѣшаетъ принять здѣсь во вниманіе и самый текстъ Юстинова эдикта о сценическихъ женщинахъ. «Полагая, гласитъ онъ, что особенность императорскаго благоволенія заключается въ томъ, чтобы во всякое время заботиться какъ объ изысканіи полезнаго для подданныхъ, такъ и объ томъ, чтобы исправлять ихъ, мы поставляемъ также и о падшихъ женщинахъ, избравшихъ недостойное чести сожительство вслѣдствіе слабости пола, съ цѣлію оказать имъ помощь къ должному воздержанію: никакимъ образомъ не отнимать у нихъ надежды лучшаго условія (жизни), чтобы, взирая на него, онѣ тѣмъ легче оставляли непредвидѣнный и малочестный выборъ. Ибо мы думаемъ, что въ этомъ будетъ заключаться наше подражаніе, насколько это возможно для человѣческой природы, благоволенію и безмѣрному къ человѣческому роду милосердію Бога, который всегда снисходитъ къ ежедневнымъ грѣхамъ людей и принимаетъ наше покаяніе и возводитъ въ лучшее положеніе. Почему намъ кажется, что мы не будемъ достойны никакой милости, если еще мы будемъ медлить примѣнять власть относительно нашихъ подданныхъ (въ указанномъ смыслѣ). Итакъ, было бы несправедливо, если рабы, именно получившіе свободу, возвращенные, по Божественному снисхожденію, къ ихъ родственникамъ, могутъ послѣ того такъ пользоваться первымъ (principale) благодѣяніемъ этого рода, какъ если бы они никогда не были въ рабствѣ, но были рождены свободными, — женщины же, которыя хотя прежде и принадлежали къ разряду непотребныхъ сценическихъ женщинъ, однакожъ послѣ, презрѣвъ дурной образъ жизни, перешли къ лучшему мнѣнію и бросили безчестный промыселъ, не имѣютъ никакой надежды на первое (principalis) благодѣяніе, которое снова привело бы ихъ въ то положеніе, въ которомъ онѣ могли прожить, если бы не вступили на путь безчестной жизни. Настоящимъ милостивѣйшимъ постановленіемъ мы даруемъ имъ въ семъ законѣ первое (principale) благодѣяніе, да будетъ дозволено имъ, — если онѣ, *оставивъ дурной и безчестный образъ жизни, стали вести*

таго,—что послѣ брака съ Юстиніаномъ Ѳеодора вступила въ связь съ демонами, которые прогоняли прежнихъ ея любовниковъ отъ ея дворца. Нужно думать,

---

жизнь приличную и хранить свою честь,— просить наше величество о томъ, чтобы безъ опасности воспользоваться божественными рескриптами, позволяющими вступать имъ въ законное супружество»..... Nam omni macula penitus direpta, et quasi suis natalibus hujusmodi mulieribus redditis, neque vocabulum inhonestum eis inhaerere de caetero volumus; neque differentiam aliquam eas habere cum iis, quae nihil simile peccaverunt... И въ концѣ выразительно замѣчаетъ: His vero etiam non intercedentibus, omnimodo firma sint sine aliqua distinctione personarum; si modo liberae sint et ingenuae mulieres, nullaque nefariarum, vel incestarum conjunctionum suberit suspicio: nam nefarios et incestos coïtus omnibus modis amputamus, sicut et illos qui praeteritarum legum sanctione specialiter vetiti sunt (Notae Alem. p. 387—389) Впослѣдствіи Юстиніанъ неоднократно подтверждалъ этотъ законъ въ своихъ новеллахъ (89-ой и 117-ой).—Гиббонъ рисуетъ такую картину бракосочетанія Юстиніана съ Ѳеодорой: «въ сознаніи своего приближающагося величія она возвратилась изъ Пафлагоніи въ Константинополь, тотчасъ же приняла приличную ловкой актрисѣ роль, помогала своей бѣдности похвальнымъ трудомъ пряденія шерсти и притворно повела (erkünstelte) въ небольшемъ дому, который послѣ она превратила въ великолѣпный храмъ, цѣломудренную и уединенную жизнь. Красота ея съ помощію искусства или случая привлекла патриція Юстиніана, который подъ именемъ своего дяди обладалъ уже неограниченною властію, приковала его, крѣпко держала его. Можетъ быть, она съумѣла возвысить достоинство дара, который она такъ часто примѣняла къ поддонкамъ человѣческаго рода; можетъ быть она возжгла вожделѣніе любовника, по природѣ или набожности долгое время предававшагося воздержанію и умѣренной пищи, прежде всего цѣломудреннымъ сопротивленіемъ и наконецъ чувственными приманками. Послѣ того какъ первый восторгъ былъ заложенъ, она сохраняла туже самую власть надъ его духомъ посредствомъ постоянной угодливости душевному расположенію и силою разума (Klugheit). Юстиніанъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы возвышать предметъ своей страсти и обогащать; сокровища дяди посыпались къ ея ногамъ, и племянникъ Юстина, можетъ быть по религіозному побужденію совѣсти, рѣшился дать своей наложницѣ освященный характеръ законной супруги. Но римскіе законы нарочито воспрещали бракъ сенатора съ женщиной, которая обезчещена рабскимъ происхожденіемъ или театральнымъ ремесломъ: императрица Евѳимія, варварскаго рода и грубыхъ нравовъ, но безпорочнаго поведенія, отказалась признать племянницей безчестную дѣвицу; даже сама Вигилянція (Vigilantia), суевѣрная мать Юстиніана, серьёзно страшилась, хотя и отдавала справедливость уму и красотѣ Ѳео-

что бурная жизнь блудницы оставила глубокое впечатлѣніе въ душѣ Ѳеодоры: то была жизнь исполненная скорбей и страданій, физическихъ и нравствен-

---

доры, чтобы легкомысліе и высокомѣріе этой хитрой любовницы не повредило благочестію и счастію ея сына. Всѣ эти препятствія были преподѣждены непреклонной настойчивостію Юстиніана. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ смерти императрицы; онъ презрѣлъ слезы своей матери, которая предалась тяжести своего горя, и», по изданіи эдикта о сценическихъ женщинахъ, «скоро послѣдовало торжественное сочетаніе Юстиніана и Ѳеодоры» (Gibbon, col. 1341—1342). Какъ видно, англійскій историкъ задался цѣлію создать нѣчто среднее изъ данныхъ исторіи о бракѣ Юстиніана съ Ѳеодорой, связать разсказъ Прокопія и соображенія Алеманна съ императорскимъ указомъ о сценическихъ женщинахъ, со свидѣтельствомъ анонимнаго автора «Древностей Константинополя» и съ показаніемъ о Ѳеодорѣ Ѳеофила, учителя Юстиніана, — соединить «благочестіе» и «правоту» съ безумной страстью удовлетворяющаго своимъ вожделѣніямъ любовника, раскаяніе и рѣшимость исправить свою жизнь съ коварнымъ и утонченнымъ сладострастіемъ, воздержность и трезвость съ невоздержаніемъ и сладострастнымъ упоеньемъ. Въ результатѣ получается картина механическаго сцѣпленія разнородныхъ частей, довольно туманная и полная противорѣчій, или же—крайняго лицемѣрія. Характеръ византійца вообще и Юстиніана въ частности, какъ онъ открывается изъ исторіи, исчезаетъ и скорѣе рисуется въ воображеніи типъ англичанина, который нынѣ, ради своихъ интересовъ, дѣлается туркомъ, а завтра съ спокойной совѣстію, какъ бы ничего не случилось, идетъ въ христіанскую церковь, какъ усерднѣйшій христіанинъ (Beschreibung des gegenwärt. Zustandes deren unter der Türk. Tyrann. seuffzend. Griech. und Armen. Kirchen durch Ricaut. p. 61 col. 2: Dahero mich offt nicht wenig schmertzet, wann ich sehe, wie manche elende Englische Renegaten, nachdem sie vorher in der Barbarey und in Türckeyen ihren Erlöser verlaugnet, endlichen aber der Mahometischen Manier, deren sie nicht gewohnet, überdrüssig worden, und etwa Gelegenheit gefunden, sich in Engeland zu flüchten, daselbsten mit solcher Treustigkeit in die Kirche gehen, und den heiligen Versammlungen beyohnen, nicht anders, als wann sie allzeit die Glaubigste und eyfrigste Christen gewesen wären), нынѣ предается упоенью сладострастія, какъ богатый баронъ, а завтра совершаетъ обряды христіанскаго благочестія.... Изамберъ не соглашается съ мнѣніемъ Гиббона, что Юстиніанъ былъ воздержанъ относительно женщинъ: Quant à la chasteté de Justinien, elle est démentie par ce fait, qu'il eut lui-même un fils naturel. Затѣмъ, приведя вышеуказанное свидѣтельство Ѳеофана византійца о нѣкоемъ Ѳеодорѣ Зирѣ, сынѣ Юстиніана, говоритъ далѣе: «или этотъ Юстиніанъ не есть предшественникъ Юстина II, или Зиръ былъ дитею его любодѣянія, и, какъ таковое, благочестивый и православный императоръ не осмѣливался представить

ныхъ; то была жизнь униженія и позора, насилія и какого-то скотскаго забытья въ оргіяхъ. Сдѣлавшись царицею, Ѳеодора поставила какъ бы своею священною обязанностію покровительствовать несчастнымъ жертвамъ увлеченія, случая или обмана. Въ Византіи существовала масса содержателей домовъ терпимости, которые, не довольствуясь тою прибылью, которую они получали въ домахъ терпимости отъ блудницъ, уже заматорѣлыхъ во злѣ, ходили еще по городамъ и деревнямъ и, заключивъ здѣсь условіе съ родителями за нѣсколько мелкихъ монетъ, брали у нихъ дочерей, приводили ихъ въ Византію и, нарядивъ въ одежду блудницъ, выставляли ихъ на публичныхъ площадяхъ для отдачи на поруганіе, хотя и противъ ихъ желанія, всякому встрѣчному бездѣльнику. Ѳеодора повелѣла схватить всѣхъ этихъ продавцевъ женской красоты и невинности и привести ихъ къ себѣ. Спрошенные о количествѣ денегъ, выданныхъ ими за каждую дѣвицу, они подъ клятвою сознались, что по пяти мелкихъ монетъ. Императрица повелѣла выдать имъ истраченную ими сумму денегъ и такимъ образомъ освободила дѣвицъ отъ гнуснѣйшаго рабства. На будущее время подобный промыселъ женской стыдливостію былъ воспрещенъ абсолютно. Освобожденныхъ дѣвицъ царица надѣлила

его двору даже послѣ смерти Ѳеодоры, а еще менѣе сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ». Далѣе Изамберъ отвергаетъ догадку Алеманна, что Юстиніанъ получилъ этого сына послѣ смерти Ѳеодоры (въ 548 г.), когда ему было не менѣе 59 лѣтъ и когда онъ всецѣло былъ поглощенъ заботами о дѣлахъ государства. «Напротивъ, разсуждаетъ онъ послѣ этого, болѣе вѣроятно то, что онъ получилъ онаго во время своего супружества (Il est plus vraisemblable, au contraire, qu'il l'eut pendant son mariage), но скрывалъ его при жизни Ѳеодоры, которая въ теченіе всей своей жизни имѣла рѣшительное на него вліяніе» (Isamb. p. 257—258). Эта догадка Изамбера намъ представляется еще менѣе вѣроятной. Если Юстиніанъ имѣлъ побочнаго сына, то получилъ его не иначе, какъ въ молодости, когда былъ простымъ солдатомъ или офицеромъ. Свидѣтельство Ѳеофана относится къ 572 году: не слишкомъ ли старъ Ѳеодоръ Зиръ для этого?....

одеждою, одарила деньгами и затѣмъ отпустила. А для исправленія публичныхъ женщинъ, по согласію съ Юстиніаномъ, превратила императорскій дворецъ, находящійся по ту сторону пролива въ Анаплѣ, въ женскій монастырь, назначенный для кающихся проститутокъ и потому названный монастыремъ „Покаянія“. „И царь и царица дали этому монастырю большіе доходы и, для доставленія въ будущемъ услады женщинамъ, построили множество отлично убранныхъ и украшенныхъ помѣщеній, чтобы какая нибудь нужда въ будущемъ не нарушила какимъ нибудь образомъ ихъ заботу о цѣломудренномъ воздержаніи“ (*σωφροσύνης*). Исправившихся грѣшницъ всемѣрно старались пристраивать выдачею ихъ въ замужество. Вообще, по оставленіи разгульной жизни, Ѳеодора предалась благочестію, принимала дѣятельное участіе въ постройкахъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, въ созданіи и украшеніи храмовъ, въ построеніи городовъ, во вспомоществованіи бѣднымъ и т. п. (1).

---

(1) Gotth. l. III. c. 31. p. 407: *ἡ βασιλὶς γὰρ ἐπεφύκει ἀεὶ δυστυχούσαις ξυναιξὶ βοηθεῖν*. De aedif. l. I. c. 9. p. 199—200; c. 11. p. 205—208. Malalas, p. 423: *ὁμοίως δὲ καὶ ἡ εὐσεβεστάτη Θεοδώρα καὶ αὐτὴ πολλὰ τῇ πόλει παρέσχεν. ἔκτισε δὲ καὶ οἶκον τοῦ ἀρχαγγέλου Μιχαὴλ εὐπρεπέστατον πάνυ· ἔκτισε δὲ καὶ τὴν λεγομένην Ἀνατολίου βασιλικήν, πέμψας τοὺς κίονας ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως. ἡ δὲ αὐτὴ Αὔγουστα Θεοδώρα, ποιήσασα σταυρὸν πολύτιμον διὰ μαργαριτῶν ἔπεμψεν ἐν Ἱεροσολύμοις*; p. 440: *ἡ εὐσεβὴς Θεοδώρα μετὰ καὶ τῶν ἄλλων αὐτῆς ἀγαθῶν ἐποίησε καὶ τοῦτο*, затѣмъ слѣдуетъ описаніе продажи дѣвицъ на поруганіе. p. 441: *ἐξώρμησεν ἡ αὐτὴ Αὔγουστα Θεοδώρα εἰς τὸ λεγόμενον Πύθιον.... καὶ πολλα χαρισαμένη ταῖς κατὰ τόπον ἐκκλησίαις ὑπέστρεψεν ἐν Κωνσταντινουπόλει*. Theoph. Chron. p. 286. Павелъ Силенціарій, въ описаніи св. Софіи, называетъ Ѳеодору «благочестивой помощницей» (*εὐσεβῆ συνεργάτιν*) императора (Migne, patrol. curs. compl. t. LXXXVI. ser. Gr. col. 2122).—Іоаннъ Лидянинъ называетъ Ѳеодору «женщиной, которая съ состраданіемъ бодрствуетъ надъ несправедливо обиженными» (*γυνή,... συμπαθείᾳ τῶν ἀδικουμένων ἀγρυπνοῦσα*. Joann. Lyd. de Magistratibus, ed. Bonn. l. III. c. 69. p. 263. Также: Novell. 14 de lenonibus.—Baron. an. 535. n. C.). Между тѣмъ Прокопій въ Arcana порицаетъ въ Ѳеодорѣ все, къ чему другіе пи-

Граціозная и все еще прекрасная собою, не смотря на излишества прежней жизни, Ѳеодора была одарена геніальнымъ умомъ, къ тому же просвѣщеннымъ изученіемъ литературы своего времени, и потому ставящимъ ее выше всѣхъ женщинъ своего времени. Она какъ будто рождена была для царской власти и какъ бы никогда не проходила суровую школу отверженной женщины. Изъ актрисы театра, соотвѣтствующаго нынѣшнему театру-буффъ, она съумѣла нравственно возвыситься до степени сознающаго свое достоинство природнаго государя: вліяніе ея на Юстиніана, и какъ на мужа, и какъ на государственнаго человѣка, постоянно усиливалось; она сдѣлалась всегдашней его совѣтницей во всѣхъ дѣлахъ государства; онъ сдѣлалъ ее участницею въ дѣйствительномъ управленіи имперіей и потребовалъ отъ подданныхъ присяги въ вѣрности ей наравнѣ съ собою. Дѣла Юстиніана суть въ тоже время и ея дѣла (1).

сатели относятся съ сочувствіемъ и что онъ самъ похвалилъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Учрежденіе монастыря «Покаянія» есть, по его мнѣнію, актъ насилія надъ блудницами: *ἀλλὰ καὶ ὑπὲρ ἁμαρτάδων τῶν ἐς τὸ σῶμα κολάσεις τῇ Θεοδώρᾳ ἐπινοεῖν ἐπιμελὲς ἦν. πόρνας ἀμέλει πλέον ἢ πεντακοσίας ἀγείρασα ἐν ἀγορᾷ μέσῃ ἐς τριώβολον, ὅσον ἀποξῆν μισθαρνούσας, ἐς τε τὴν ἀντιπέρας ἤπειρον στείλασα ἐν τῷ καλουμένῳ Μετανοίας μοναστηρίῳ καθεῖρξε τὸν βίον μεταμφιέσασθαι ἀναγκάξουσα. ὧν δή τινες ἐρρίπτουν αὐτὰς ἀφ' ὑψηλοῦ νύκτωρ, ταύτῃ τε τῆς ἀκουσίου μεταβολῆς ἀπηλλάσσοντο* (Arc. c. 17. p. 101). Далѣе онъ говоритъ, что вслѣдствіе покровительства императрицы проституткамъ развился развратъ: жены, надѣясь на императрицу и отбросивъ страхъ предъ мужьями, предались разврату; мужьямъ стало жить плохо. Доказательствъ на это Прокопій не приводитъ, а если и приводитъ какія доказательства, то они не идутъ къ дѣлу.

(1) De aedific. l. I. c. 11. p. 205. 206; Goth. l. III. c. 30. p. 401; Arc. c. 9. p. 60. Павелъ Силенціарій называетъ ее «превосходной, прекрасной и всемудрой царицей» (Migne, patr. curs. compl. t. LXXXVI. ser. Gr. col. 2122). Іоаннъ Лидянинъ говоритъ, что «она превосходила силою разума все, что когда-либо существовало» (De magistrat. c. 69. p. 263). Прекраснѣйшей характеристикой ея можетъ служить рѣчь, держанная ею

Безспорное согласіе и совѣтное дѣйствованіе Юстиніана и Ѳеодоры невольно заставляютъ думать изслѣдователя, что Ѳеодора точно также держалась православнаго ученія, какъ и самъ Юстиніанъ. Но

къ императору и его совѣтникамъ и полководцамъ во время возстанія «Ника» (въ 532 г.): «лишнимъ было бы теперь,—сказала она,—кажется, разсуждать о томъ, что женщинѣ неприлично быть отважною — между мужчинами, когда другіе находятся въ нерѣшимости, что имъ дѣлать или чего не дѣлать. При столь опасномъ положеніи, должно обращать вниманіе единственно на то, чтобы устроить предстоящія дѣла лучшимъ образомъ. По моему мнѣнію, бѣгство теперь, больше чѣмъ когда нибудь, невыгодно, хотя бы оно вело и къ спасенію. Тому, кто пришелъ на свѣтъ, нельзя не умереть; но тому, кто однажды царствовалъ, скитаться изгнанникомъ невыносимо! Не дай Богъ мнѣ лишиться этой багряницы и дожить до того дня, въ который встрѣчающіеся со мною не будутъ привѣтствовать меня царицей! Итакъ, государь! если хочешь спасти себя бѣгствомъ, это не трудно! У насъ много денегъ; вотъ море, вотъ суда, но смотри, чтобъ послѣ, когда ты будешь спасенъ, не пришлось тебѣ, когда нибудь, предпочитать смерть такому спасенію. Нравится мнѣ старинное слово, что царская власть прекрасный саванъ» (Pers. l. 1. c. 24). Nov. VIII. c. 3: Testor ego jurando omnipotentem Deum, et unigenitum Filium ejus Deum nostrum Jesum Christum, et Spiritum sanctum, necnon sanctam, ac gloriosam Dei genitricem, et perpetuo virginem Mariam, et quatuor Evangelia, quae hisce manibus teneo, et sanctos archangelos Michaelem et Gabrielem, quod sacratissimis et pientissimis dominis nostris Justiniano et Theodorae conjugi patentiae illius existenti, occasione concessi mihi ab illorum pietate officii, puram conscientiam et genuinum praestaturus sum servitium. Въ собраніи относящихся къ церкви новеллъ и законовъ Юстиніана, помѣщенныхъ у Мяня (t. LXXII. ser. Lat.), эта присяга помѣчена особою новеллой (IX); но изъ содержанія VIII новеллы, слѣдующаго за нею эдикта и этой присяги видно, что они суть не болѣе какъ три части одной и той же новеллы.—У Кассіодора помѣщена переписка Ѳеодоры, показывающая ея образованность (X, 10. 20. 21. 23; Isambert, p. 265). Ѳеофилъ въ жизни Юстиніана называетъ ее scitissima et eruditissima puella (Notae Alem. p. 415). Прокопій въ Arcana приводитъ два ея письма (сличч. выш. Прав. Соб. 1879. Авг. стр. 312). Въ 15 главѣ Тайной исторіи Прокопій описываетъ обыденную жизнь Ѳеодоры, какъ очень изнѣженной барыни, занятой ублаженіемъ своего собственнаго тѣла посредствомъ продолжительнаго сна, изысканно-роскошныхъ яствъ, баней, замѣчая, впрочемъ, при этомъ, что остающееся свободнымъ послѣ этого время она посвящала дѣламъ государства: *εἰς πᾶσάν τε οὕτως ἀκρασίας ἐκπεπτωκυῖα τρίβον ἐς τόσον ἡμέρας καιρὸν ἅπασαν διοικεῖσθαι ἠξίου τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν* (p. 92).

этому естественному и необходимому выводу изъ предыдущихъ посылокъ, какъ безспорно данныхъ, противорѣчитъ свидѣтельство нѣкоторыхъ современныхъ ей писателей, что она придерживалась монофизитскаго ученія и покровительствовала монофизитамъ. Изъ сличенія между собою и съ общимъ положеніемъ государства всѣхъ относящихся къ этому вопросу обстоятельствъ и дѣйствующихъ лицъ наиболѣе вѣроятнымъ представляется слѣдующее. Религіозное броженіе повсюду было сильно и раздѣляло всю имперію на группы. Естественно, каждая группа искала поддержки и праваго суда у трона, выставляя здѣсь себя православною и несправедливо гонимою. Очень понятно также и то, что, при обращеніи къ трону за правымъ судомъ и поддержкою, группы должны были раздѣляться, и—одна искать заступничества у одного изъ царствующихъ лицъ, а другая—у другаго. Задавшись цѣлію болѣе или менѣе объединить умы своихъ подданыхъ, императоръ и императрица не могли при этомъ исключительно положиться на одну только какую нибудь группу и безпощадно преслѣдовать всѣ прочія. Многое въ этихъ ссорахъ группъ происходило отъ недоразумѣній и многое отъ обмана простыхъ людей ихъ хитрыми вожаками. Высота положенія царствующихъ лицъ заставляла ихъ становиться выше мелкихъ дрязгъ борющихся партій. Притомъ же, рѣзко стать на сторону одной какой-либо партіи и оказывать явную несправедливость и жестокость по отношенію ко всѣмъ прочимъ значило подвергнуть крайней опасности самую царскую власть свою и обладаніе тономъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если, при равноправномъ и совѣтномъ управленіи государствомъ, выходило у Юстиніана съ Ѳеодорой кажущееся разногласіе въ ихъ отношеніяхъ къ подданнымъ. Оно естественно и, какъ нужно думать, даже нѣсколько преднамѣренно. Обстоятельства времени, какъ увидимъ, вызывали это видимое раздвоеніе. Оно было своего рода мудрой политикой, на-

правленной для лучшаго достиженія предначертанныхъ цѣлей. Замѣчательно, что наиболѣе рѣзко оно стало проявляться со времени возстанія „Ника“ (1).

---

(1) Либератъ изображаетъ Ѳеодору приверженною къ монофизитизму (с. 21. 22); равно также и Викторъ тунисскій (Chronic. an. 529. 540. 543). Кириллъ скиѳопольскій въ жизни св. Саввы повѣствуетъ, что, когда Савва, по нуждамъ іерусалимской церкви, пришелъ въ Константинополь, съ честію принятъ здѣсь императоромъ и императрицей, и когда Августа попросила его, чтобы онъ помолился Богу о дарованіи ей сына; то св. старецъ отвѣтилъ ей: «Господь славы да сохранитъ ваше царство въ благочестіи и побѣдѣ»; когда же окружавшіе старцы спросили его, почему онъ далъ такой уклончивый и печальный отвѣтъ царицѣ, — онъ отвѣтилъ имъ: «повѣрьте мнѣ, братіе, не изыдетъ плодъ отъ чрева ея, чтобы не набрался догматовъ Севера и не возмутилъ церковь хуже, чѣмъ Анастасій» (с. 71). Этотъ отвѣтъ св. Саввы даетъ право заключить, — хотя и не прямымъ образомъ, — что Ѳеодора была привержена къ ереси Севера. Евагрій, хотя и нерѣшительно, даетъ болѣе опредѣленную мысль о политикѣ Юстиніана и Ѳеодоры: «Юстиніанъ твердо стоялъ за отцевъ халкидонскаго собора и за ихъ постановленія; а его супруга, Ѳеодора, за исповѣдниковъ одного естества. Дѣйствительно ли это такъ было, — потому что въ дѣлѣ вѣры иногда отцы не соглашаются съ дѣтьми, дѣти съ родителями, жена съ своимъ мужемъ, мужъ съ своею женою, — *или они ради нѣкоего домостроительства* (*κατὰ τινα οἰκονομίαν* — ради мудрой политики. (См. выше, Прав. Соб. 1877 г. ч. III. стр. 248—249). Русскій переводъ здѣсь неправиленъ. Валезій переводитъ *οἰκονομίαν* словомъ: simulationem. Тоже не точно. Ближе подходитъ слово: dispensatio, которымъ обыкновенно латиняне переводятъ слово *οἰκονομία*, и Валезій несправедливо ратуетъ противъ него) *положили*, чтобы одинъ защищалъ исповѣдовавшихъ единеніе двухъ естествъ во Христѣ, Богѣ нашемъ, а другая — признававшихъ одно естество: какъ бы то ни было, но ни та, ни другая сторона не уступала. Юстиніанъ со всѣмъ усердіемъ защищалъ то, что было постановлено въ Халкидонѣ; а Ѳеодора, держась противнаго мнѣнія, всячески заботилась о тѣхъ, которые признавали одно естество, и, *показывая полную благосклонность къ нашимъ*, въ тоже время раздавала великіе дары и чужимъ: *καὶ τοὺς γε ἡμεδαποὺς περιέθαλπε, καὶ τοὺς ἀλλοδαποὺς μεγάλοις χρήμασιν ἐδεξιοῦτο* (l. IV. c. 10). Что бы ни разумѣли подъ *ἡμεδαποὺς*, православныхъ или каѳоликовъ, или же восточныхъ т. е. вообще акефаловъ (см. Annotat. Vales.), во всякомъ случаѣ это слово составляетъ противоположеніе *ἀλλοδαποὺς* — еретикамъ, или же западнымъ, т. е. православнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ, что Ѳеодора оказывала покровительство и благосклонность и тѣмъ и другимъ, монофизитамъ и православнымъ. Но какъ бы то ни было, на основаніи приведенныхъ данныхъ обыкновенно считаютъ Ѳеодо-

Упомянутый діаконъ великой константинопольской Софійской церкви, Агапитъ, приподнесъ Юстиніану „Царскій свитокъ“ (σχεδὴ βασιλική), заключающій

ру послѣдовательницей и покровительницей монофизитовъ. Папа Агапитъ, извѣщая синодальнымъ посланіемъ Петра, патр. іерусалимскаго, и прочихъ патріарховъ и епископовъ объ избраніи Мины на мѣсто Анѳима, говоритъ: «поруганіе же константинопольскаго престола мы исправили при Божіей помощи апостольскому авторитету и *при содѣйствіи благочестивѣйшихъ императоровъ* (et adjutorio fidelissimorum imperatorum. Hard. t. II. c. 1226), изъ чего прежде всего слѣдуетъ, что 1) и Ѳеодора содѣйствовала низложенію Анѳима, когда узнала, что онъ еретикъ (подробнѣе объ этомъ будетъ сказано ниже), и что 2) извѣстіе Виктора туниссказго, будто Агапитъ «лишилъ общенія августу Ѳеодору, какъ покровительницу Анѳима» (ап. 540), не имѣетъ никакого твердаго основанія, а потому должно быть принято за выдумку или слухъ, неизвѣстно кѣмъ и какъ пущенный и распространенный. Вслѣдствіе этого необходимо должно потерять значительную долю важности и все его повѣствованіе. Равно и разсказъ Либерата, какъ африканца одной партіи съ Викторомъ туниссказмъ и пользовавшагося тѣми же самыми слухами и источниками, какими и этотъ послѣдній, получаетъ невеликую цѣну, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ отношеніяхъ онъ не отличается особенною точностію. Какъ могли на западѣ распространяться невѣрные слухи относительно разбираемаго вопроса, лучше всего можно видѣть изъ LI письма папы Григорія Двоеслова (великаго), гдѣ онъ говоритъ: «послѣ того, какъ блаженной памяти папа Вигилій, въ бытность свою въ царствующемъ градѣ, произнесъ осужденіе противъ Ѳеодоры, тогда августы, или акефаловъ»... Осужденія противъ Ѳеодоры Вигилій не произносилъ никакого и въ этомъ отношеніи справедливо примѣчаніе издателей писемъ Григорія: Damnatum a Vigilio Theodorum Caesariensem episcopum legimus in epistola ejusdem Vigilii 15, cujus etiam damnationis fragmentum extat post decimam sextam Vigilii epistolam, tomo V Concil. p. 334 (по Harduin'y, t. III. col. 8—10). At nulla sententiae adversus Theodoram Augustam latae occurrit mentio (Migne, Patr. curs. compl. t. LXXVII. Ser. Lat. col. 594. not. f). Для объясненія приведеннаго мнѣнія Григорія Двоеслова нѣтъ другаго основанія, кромѣ того, что онъ по слухамъ смѣшивалъ Ѳеодору съ акефалами и отнесъ къ ней осужденіе папы Вигилія. Далѣе издатели замѣчаютъ: Damnata procul dubio dicitur, damnatis Acephalis, quorum partibus erat addicta (ibid.). Но вопросъ въ томъ именно и заключается, дѣйствительно ли она принадлежала къ партіи акефаловъ? и подлинно ли Вигилій имѣлъ ее въ виду, когда осудилъ Ѳеодора кесарійскаго и акефаловъ? Догадка издателей крайне произвольна, противорѣчитъ фактамъ (Theoph. Chron. p. 350) и можетъ только покоиться на ихъ, какъ католиковъ, желаніи показать, что Григорій великій, какъ папа, и въ дан-

въ себѣ правила, какъ православный государь долженъ управлять своими подданными. Кто былъ этотъ діаконъ Агапитъ, какую особенную должность онъ занималъ въ

номъ случаѣ не могъ ошибаться. — Прокопій говоритъ въ Arcana, что Юстиніанъ и Ѳеодора ничего не предпринимали безъ общаго согласія; ибо, хотя долгое время они и показывали всѣмъ, что они расходятся между собою во всѣхъ мнѣніяхъ и предпріятіяхъ, однакожъ позднѣе, наконецъ, познано было, что они умышленно принимали на себя такой видъ притворства, чтобы подданные, согласившись между собою, не возбудили противъ нихъ возстанія. Ибо прежде всего они раздѣлили своими притворными заботами, направленными въ разныя стороны, христіанъ уже и безъ того раздѣлившихся между собою, а потомъ и партіи цирка. Ѳеодора притворилась, что она въ высшей степени усердствуетъ венетамъ, давъ имъ позволеніе совершать всякія насилія и беззаконія относительно своихъ противниковъ. Юстиніанъ же показывалъ видъ, что онъ сильно негодуетъ на это, но не можетъ противодѣйствовать своей супругѣ или издать распоряженія, противныя ея волѣ. Нерѣдко, впрочемъ, и Юстиніанъ обнаруживалъ видъ власти, потому что онъ опредѣлялъ наказанія за злодѣянія. Ѳеодора же тогда притворялась, что сильно негодуетъ на это, но что по-неволѣ она должна уступать своему мужу. Этимъ родомъ хитрости,—тайно соглашаясь между собою, явно же притворясь разномыслящими,—они тѣмъ тверже закрѣпляли за собою тиранію (*χρόνον μὲν γὰρ πολὺν ἔδοξαν ἅπασι ταῖς γνώμαις ἀεὶ καὶ τοῖς ἐπιτηδεύμασι καταντικρὺ ἀλλήλοιν ἰέναι, ὕστερον μέντοι ἐξεπίτηδες αὐτοῖν ξυμπεπλάσθαι ἡ δόκησις αὕτη ἐγνώσθη, τοῦ μὴ ξυμφρονήσαντας τοὺς κατηκόους σφίσιν ἐπαναστῆναι, ἀλλὰ διεστάναι τὰς γνώμας ἐπ' αὐτοὺς ἅπασι. πρῶτα μὲν οὖν τοὺς χριστιανοὺς διαναστήσαντες καὶ τὴν ἐναντίαν ἔν γε τοῖς ἀντιλεγομένοις σκηπτομένῳ ἀλλήλοιν ἰέναι διεσπάσαντο οὕτως ἅπαντας, ὥσπερ μοι λελέξεται οὐ πολλῷ ὕστερον, ἔπειτα δὲ τοὺς στασιώτας διείλοντο..... τούτοις τε ἀεὶ τοῖς μηχανήμασιν ἐν σφίσι μὲν αὐτοῖς ξυμφρονοῦντες, ἐς δὲ τὸ ἐμφανὲς στασιάζειν ποιούμενοι, διαστήσασθαί τε τοὺς ὑπηκόους καὶ τὴν τυραννίδα βεβαιότατα κρατύνεσθαι ἔσχον.* с. 10. р. 69—71. Слич с. 17. р. 100—101). Что императоръ намѣренно производилъ раздѣленія между христіанами, это противорѣчитъ исторіи. Да и самъ Прокопій въ другомъ мѣстѣ Arcana говоритъ, что императоръ ревновалъ соединить всѣхъ своихъ подданныхъ въ одной вѣрѣ во Христа (с. 13. р. 84). Въ седмой главѣ Arcana (р. 47) Прокопій утверждаетъ, что Юстиніанъ прилагалъ особенную ревность къ партіи венетовъ, которую онъ избралъ издавна. О пристрастіи Юстиніана къ голубымъ или венетамъ говоритъ также и Евагрій: «замѣчалось въ Юстиніанѣ и другое кое-что, превосходившее всякую звѣрскость. Была ли въ немъ такая черта слѣдствіемъ естественнаго разстройства, или его трусливости и опасеній,—сказать не

многочисленномъ клирѣ великой Софійской церкви, и въ какихъ отношеніяхъ находился къ Юстиніану?— все это пока еще доселѣ остается вопросомъ и можетъ подлежать особому изысканію. То обстоятельство, что онъ, *діаконъ*, осмѣлился приподнести *государю* свитокъ, заключающій правила и наставленія, какъ долженъ царь управлять своими подданными, показываетъ, что 1) онъ находился въ очень близкихъ отношеніяхъ къ государю и что 2) близость этихъ отношеній простиралась до того, что онъ счелъ себя вправѣ дать письменныя наставленія государю и питалъ надежду, что государь послѣдуетъ его наставленіямъ. Когда написанъ и приподнесенъ этотъ „Свитокъ“, трудно опредѣлить точнымъ образомъ; на основаніи нѣкоторыхъ главъ его (1) нужно думать,

---

могу, только это началось съ народнаго возмущенія, прозваннаго «Ника». Онъ до того простиралъ свою благосклонность къ одной изъ партій, называвшейся партіей голубыхъ, что она среди бѣлаго дня и въ самомъ городѣ убивала принадлежавшихъ къ партіи противной, и убійцы не только не боялись наказаній, но еще получали награду, отъ чего явилось ихъ множество. Они могли и нападать на домы, и грабить находившіяся въ нихъ драгоцѣнности, и за извѣстную плату продавать людямъ ихъ спасеніе», и т. д. (с. 32), совершенно также, какъ и въ Тайной исторіи Прокопія, какъ будто Евагрій здѣсь списалъ его и только не выставилъ преднамѣреннаго, притворнаго разногласія государей.—Такимъ образомъ остается, что Юстиніанъ и Ѳеодора исповѣдовали одну вѣру; что точно также они и покровительствовали одной только цирковой партіи, и что разногласіе въ ихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ было лишь видимое, кажущееся, и притомъ преднамѣренное.—Самъ императоръ Юстиніанъ называетъ свою супругу «благочестивѣйшей» (pientissima) (nov. VIII). Когда онъ во второй разъ отстроилъ св. Софію (въ 559 г.), то повелѣлъ начертать вокругъ престола, составленнаго изъ золота, серебра и разныхъ драгоцѣнныхъ камней, такія слова: «Твоя отъ твоихъ мы приносимъ Тебѣ Твои, Христе, рабы Юстиніанъ и Ѳеодора; милостиво пріими сіе, Сыне и Слове Божій, за насъ Воплотившійся и Распятый, и сохрани насъ въ вѣрѣ Твоей православной (*καὶ ἡμᾶς ἐν τῇ ὀρθοδόξῳ πίστει σου διατήρησον*),—и государство (*πολιτείαν*), которое Ты намъ ввѣрилъ, умножи во свою славу, и сохрани предстательствомъ св. Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Cedrenus, I. p. 677.

(1) См. глав. 18. 33 и 34.

что уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ царствованія Юстиніана, по крайней мѣрѣ — послѣ завоеванія вандальскаго царства. Особенность его содержанія, какъ изложеннаго лицемъ духовнымъ, заключается въ томъ, что онъ нигдѣ, ни однимъ словомъ, не намекаетъ на особыя отношенія царя къ духовенству. Какъ граждане, духовные ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ гражданъ, и царь вообще выполнитъ идеалъ царя и заслужитъ любовь подданныхъ, если будетъ царствовать по Богѣ, по любви и по правдѣ. — „Будучи въ высочайшемъ достоинствѣ, о императоръ, выше всѣхъ почитай возведшаго тебя въ сіе достоинство Бога: ибо Онъ, на подобіе своего небеснаго царства, вручилъ тебѣ скипетръ земнаго владѣнія, дабы ты научилъ людей хранить правду и обуздывалъ произносящихъ на Него хулы: повинуясь какъ Его закону, такъ и подданными твоими управляя правосудно“.

„Божественный законъ повелѣваетъ намъ во-первыхъ стараться знать самихъ себя: ибо кто знаетъ самаго себя, тотъ познаетъ Бога, и кто познаетъ Бога, тотъ уподобится Богу; уподобится же Богу тотъ, кто сдѣлается Его достойнымъ. Наконецъ достойнымъ Бога бываетъ тотъ, кто ничего не дѣлаетъ противнаго Богу: и кто какъ думаетъ, что *все Его есть*, такъ то говоритъ, что̀ думаетъ, и то дѣлаетъ, что̀ говоритъ“.

„Человѣкъ ни чрезъ что̀ угоднѣе Богу не бываетъ, какъ дѣланіемъ возможнаго добра. И наисвойственнѣе человѣку есть онаго и хотѣть и дѣлать. А понеже дана тебѣ отъ Бога власть, которой доброе хотѣніе твое для насъ требовало, всего убо желай и дѣлай то, что̀ угодно Тому, отъ кого ты оную получилъ“.

„Неприступнымъ кажешься ты быть людямъ, въ разсужденіи величества имперіи, которою ты здѣсь владѣешь; но дозволяй свободный входъ всѣмъ, требующимъ твоей милости: и уважая Всевышняго власть,

имѣй отверстыя уши просьбамъ утѣсняемыхъ бѣдностію, да обрящешь и къ себѣ отверстый слухъ Божій. Ибо какъ поступаемъ мы съ нашими рабами, такъ и съ нами поступитъ Господь".

„Лучше всѣхъ государственныхъ вещей вѣнецъ благочестія государя украшаетъ; понеже богатство обращается въ ничто, слава проходитъ, а истинная похвала Богомъ хранимаго царства продолжается въ безсмертные вѣки, и владѣтели онаго внѣ забвенія полагаются".

„Государь по существу своего тѣла равенъ каждому человѣку, но властію, съ достоинствомъ его соединенною, подобенъ есть всѣхъ начальнику Богу. Ибо онъ не имѣетъ никого выше себя на землѣ. Итакъ ему, какъ Богу, не должно быть злобну и гнѣвливу, и какъ смертному не гордиться и не тщеславиться, для того, что въ разсужденіи безсмертія души, имѣетъ онъ въ себѣ образъ Божій, а въ разсужденіи тѣла, подверженъ смерти и сотлѣнію, дабы научался чрезъ то, наблюдать ко всѣмъ равномѣрность".

„Преступать законы и не наказывать преступниковъ, равномѣрнымъ почитается зломъ; ибо хотя бы кто служилъ праведно и честно; но другихъ, въ его вѣдомствѣ состоящихъ людей, видя ихъ худые поступки, не исправляетъ, тотъ сообщникомъ злыхъ и соучастникомъ пороковъ почитается отъ Бога. Но естьли обѣихъ по справедливости удовлетворить желаешь, награждай добродѣтельныхъ и наказывай порочныхъ".

„Хотя государь надъ всѣми есть господинъ, однако онъ такъ, какъ и всѣ, есть Божій рабъ. Но тогда наиболѣе достоинъ онъ господиномъ называться, когда самъ собою повелѣваетъ, не предаваясь во власть страстей, будетъ слѣдовать предводительству разума, непобѣдимо господствующаго надъ безразсудными

страстями, и все укрощающую вредоносную любовь оружіемъ цѣломудрія побѣдитъ“ (1).

Юстиніанъ отъ природы обладалъ духомъ чрезвычайно подвижнымъ и воспламеняющимся какъ порохъ (2). Но постоянная работа надъ самимъ собою научила его воздерживаться отъ обнаруженія чувствъ

---

(1) Царскій свитокъ. гл. 1. 3. 6. 8. 15. 18. 21. 28. 68.—Всѣхъ главъ 72. Въ совокупности своей онѣ представляютъ акростихъ, или изложеніе увѣщательныхъ правилъ (ἔκθεσις κεφαλαίων παραινετικῶν), начинающихся и расположенныхъ въ порядкѣ литтеръ: τῷ θειοτάτῳ καὶ εὐσεβεστάτῳ βασιλεῖ ἡμῶν Ἰουστινιανῷ Ἀγαπητὸς ὁ ἐλάχιστος διάκονος. Понятно, что, при такомъ ихъ расположеніи, строгой системы въ изложеніи мыслей быть не можетъ; это просто собраніе весьма мудрыхъ правилъ, совершенно необходимыя для каждаго государя; потому-то онѣ многократно были издаваемы и переведены на всѣ европейскіе языки (см. объ этомъ: Migne, patr. curs. comp. t. LXXXVI. ser. Gr. col. 1155—1162). Въ числѣ этихъ переводовъ есть одинъ и русскій, совершенный въ концѣ прошлаго вѣка и снабженный очень любопытными примѣчаніями. Рекомендуя читателю самому ознакомиться со всѣмъ содержаніемъ «Свитка» и съ примѣчаніями къ нему, здѣсь мы сочли нужнымъ привести только нѣкоторыя главы, которыя намъ кажутся наиболѣе характерными для царствованія Юстиніана. Кромѣ приведенныхъ въ текстѣ, здѣсь можно указать, какъ на болѣе любопытныя, еще на слѣдующія гл. 35: «тогда почитай себя безопасно государствующимъ, когда увидишь, что ты усердствующимъ тебѣ народомъ повелѣваешь. Ибо покореніе, противъ желанія сердецъ бываемое, скорому, при обрѣтеніи случая, подвергается испроверженію; но гдѣ союзомъ любви управляется народъ, тамо и постоянное послушаніе оказывается государю». Гл. 40: «государство есть всего дражайшее на свѣтѣ сокровище, и тогда наипаче оно таковымъ есть, когда имѣющій надъ нимъ власть, не по упорному самолюбію, ниже по безразсудному гнѣву правленіе свое ведетъ, но равенство вещей наблюдаетъ. Жестокости какъ приличной звѣрямъ страсти убѣгая, и богоподобную добродѣтель милосердія изливаетъ на подданныхъ своихъ». Гл. 46: «какъ око врожденное есть тѣлу, такъ государь предлагается народу Провидѣніемъ Божіимъ, для управленія подданныхъ. Почему должно ему, какъ собственные члены свои, всѣхъ людей просвѣщать, наставляя въ добродѣтели, и отвращать отъ злодѣяній». Въ заключеніе Агапитъ (въ 72 гл.) обѣщаетъ Юстиніану и его «любезнѣйшей супругѣ» царство небесное, если они будутъ шествовать по стезямъ добродѣтели, восходя, какъ бы по лѣстницѣ, отъ совершенства къ совершенству.

(2) Arcana, c. 13. p. 84: ὁ μὲν γὰρ κονιορτοῦ τὰ ἐς τὴν γνώμην κουφότερος ἦν.

и не показывать своего гнѣва, даже когда бы говорили ему самыя непріятныя вещи. Когда онъ говорилъ съ своими чиновниками и желалъ отъ нихъ узнать что-либо, то предлагалъ имъ при этомъ рядъ такихъ вопросовъ и высказывалъ такія сужденія, что они рѣшительно недоумѣвали, выпытываетъ ли только онъ ихъ, или же и дѣйствительно произноситъ свои сужденія. Умъ его былъ очень быстрый и проницательный, такъ что онъ какъ бы налету схватывалъ явленія, скоро рѣшалъ представляющіеся вопросы и за рѣшеніемъ тотчасъ же слѣдовало выполненіе (1). Доступъ къ нему былъ открытъ всѣмъ, отъ самыхъ знатныхъ лицъ до самыхъ низкихъ; всѣхъ онъ терпѣливо выслушивалъ, не обнаруживая при этомъ ни малѣйшаго гнѣва, даже если бы говорили ему и грубости (2). Чиновниковъ исполнительныхъ онъ щедро награждалъ, но за то строго наказывалъ тѣхъ

---

(1) Ibid. p. 87: *ἦν γὰρ, ὅπερ εἴρηται, διαφερόντως ὀξὺς ἐπινοῆσαί τε καὶ ταχὺς ἀποτελέσαι ἀνόσια ἔργα.* Vandal. l. I. c. 9. p. 353: *ἦν γὰρ ἐπινοῆσαί τε ὀξὺς καὶ ἄοκνος τὰ βεβουλευμένα ἐπιτελέσαι.*— Этимъ увѣреніямъ Прокопія, очевидно, противорѣчатъ другія его увѣренія, гдѣ онъ высказываетъ, что Юстиніанъ былъ безмѣрно глупъ, совершенно походилъ на осла и составлялъ игрушку въ рукахъ другихъ, которые дѣлали изъ него, что хотѣли, и направляли его дѣятельность по своему произволу: *ἠλίθιός τε γὰρ ὑπερφυῶς ἦν καὶ νωθεῖ ὄνῳ ἐμφερὴς μάλιστα καὶ οἷος τῷ τὸν χαλινὸν ἕλκοντι ἕπεσθαι, συχνά οἱ σειομένων τῶν ὤτων* (Arc. c. 8. p. 53). *ὑποκείμενος τοῖς ἀεὶ παράγειν ὅποι ποτ' ἐθέλει βουλομένοις αὐτὸν* (ibid. c. 13. p. 84). Ибо, если онъ былъ такъ глупъ, какъ оселъ, и былъ лишь игрушкою въ рукахъ другихъ людей, которые дѣлали изъ него, что хотѣли, то явно, что самъ онъ не могъ ни быстро рѣшать что-либо, ни выполнять свои рѣшенія; что демонъ—губитель римской имперіи—не онъ,—онъ не вмѣняемъ,—а эти другіе, которые имъ заправляли, и что, слѣдовательно, вся Тайная исторія направлена не туда, куда слѣдуетъ. Злоба ослѣпила Прокопія и вовлекла его въ противорѣчія, которыми полна его Тайная исторія.— Менандръ называетъ Юстиніана «человѣкомъ высокаго государственнаго ума». (Осирсивока 15, перев. Дестуниса, стр. 361). Слич. Agathios. l. V c. 24. p. 331—332; c. 25. p. 335.

(2) Arcan. c. 13. p. 83; c. 15. p. 92. Слич. Harduin. t. II. col. 1172.

чиновниковъ, которые не радѣли о его приказаніяхъ или неточно исполняли ихъ (1). Науку онъ вообще любилъ и оказывалъ покровительство ученымъ людямъ (2). Въ выборѣ чиновниковъ главнымъ образомъ руководствовался ихъ способностію и знаніемъ ими того дѣла, къ которому они назначаются. Мы не имѣемъ основанія не вѣрить заявленію Юстиніана, что онъ желаетъ всякаго блага своимъ подданнымъ, заботится о нихъ день и ночь и постоянно думаетъ о томъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы имъ жилось хорошо. Но тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что государство въ теченіе его царствованія несло такія тяготы, какія рѣдко когда-либо. Самъ онъ отличался щедростію, иногда близкою къ расточительности, — благотворительностію къ ближнимъ и устройствомъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій. Но естественныя бѣдствія (чума, землетрясенія, засухи, градобитія и т. п.), которыхъ никогда столько не бывало, какъ въ его царствованіе, и которые одни только способны были опустошить имперію; постоянныя войны, требующія усиленнаго взиманія податей; грабительство чиновниковъ; волненія и безпорядки, какъ религіозные, такъ и гражданскіе, вызывающіе строгія мѣры, сопровождаемыя конфискаціей имущества виновныхъ,—всѣ эти бѣдствія и нестроенія легли тяжелымъ бременемъ на имперію и усилили обѣдненіе страны (3). Происходя самъ изъ низкаго, крестьян-

(1) Arcan. c. 13. p. 86.

(2) Lydus, de magistrat. l. III. c. 29. 30.

(3) Щедрость свою, не въ примѣръ всѣмъ прежнимъ правителямъ восточно-римской имперіи, Юстиніанъ явилъ уже при первомъ своемъ назначеніи въ консулы, въ 521 году. Онъ устроилъ по этому поводу праздникъ и роздалъ народу 288,000 солидовъ, и кромѣ того повелѣлъ выдать на зрѣлища, для потѣхи народа, 20 львовъ, 30 леопардовъ и нѣкоторыхъ другихъ звѣрей. Возницамъ, уже получившимъ подарки, повелѣлъ выдать еще множество украшенныхъ попонами цирковыхъ лошадей (Marcellini com. chron. an. 521. См. Migne, Patr. curs. compl. ser. Lat. t. LI. col. 940). Устройствомъ такого праздника Юстиніанъ, оче-

скаго рода; имѣя жену, вышедшую изъ разряда женщинъ, презираемыхъ обществомъ и доселѣ отвергаемыхъ закономъ; не связанный никакими аристократи-

---

видно, хотѣлъ показать, что его царствованіе, когда оно настанетъ, будетъ блестящее. Ѳеофанъ относитъ такую же щедрую раздачу денегъ народу къ первому году царствованія Юстиніана, когда онъ, по смерти Юстина, остался единодержавнымъ владыкою (Theoph. Chronogr. p. 267). Кириллъ скиѳопольскій въ жизни св. Саввы повѣствуетъ (въ гл. 54), что палестинскіе жители, при прежнихъ царствованіяхъ, были обременены несправедливой податью такого рода: когда сборщики податей являлись безсильными принудить бѣдныхъ и ничего неимущихъ жителей къ уплатѣ причитающейся съ нихъ подати, то они образовавшуюся такимъ образомъ недоимку, на сумму во сто литровъ (фунтовъ) золота, разлагали между болѣе состоятельными податными силами и принуждали ихъ къ уплатѣ этой подати за совершенно безсильныхъ бѣдняковъ. Уже императоръ Анастасій, по просьбѣ св. Саввы, въ бытность его въ Константинополѣ, согласился было отмѣнить ее (Cyrill. Scythopol. c. 50—52. 56); но министръ его, извѣстный Маринъ, воспротивился этому. Послѣ того часть взиманія этой подати была прощена, по ходатайству того же св. Саввы вкупѣ съ прочими игуменами, въ царствованіе императора Юстина. Полная же отмѣна этой подати учинена лишь императоромъ Юстиніаномъ, при посредствѣ папы Евсевія. (Кто этотъ папа Евсевій? будетъ сказано ниже). Въ другомъ мѣстѣ жизни св. Саввы (c. 72. 73) тотъ же Кириллъ скиѳопольскій говоритъ, что императоръ Юстиніанъ еще по личной просьбѣ самого св. Саввы простилъ палестинскимъ жителямъ, пострадавшимъ отъ возмущенія самаританъ, 13 центинаріевъ (1300 ф.) золота причитающихся съ нихъ податей, и, кромѣ того, исправилъ на государственный счетъ разрушенныя самаританами церкви и устроилъ въ Іерусалимѣ больницу на 200 кроватей съ причисленіемъ къ ней постояннаго дохода. О множествѣ другихъ общественныхъ и благотворительныхъ учрежденій говоритъ Прокопій въ Постройкахъ (см. между прочимъ, l. I. c. 2. p. 183; c. 11. p. 208; l. III. c. 6. p. 257; l. V. c. 3. p. 315, и пр. Malalas, p. 452).—Нѣкто Евлалій, начальникъ доместиковъ, сдѣлалъ завѣщаніе, въ которомъ назначилъ наслѣдникомъ своего имущества императора. Въ завѣщаніи между прочимъ сказано: «желаю, чтобы благочестивѣйшій Юстиніанъ ежедневно выдавалъ каждой изъ моихъ дочерей по 15 фоллъ (фоллъ=74 сант.); когда же придутъ въ надлежащій возрастъ и сдѣлаются способными къ замужеству, то (желаю), чтобы каждая изъ нихъ получила по 10 литровъ (фунт.) золота. Сверхъ того еще желаю, чтобы наслѣдникъ мой уплатилъ всѣ мои долги кредиторамъ». У Евлалія было три дочери. Пожаръ, случившійся въ его домѣ, сдѣлалъ его совершеннымъ бѣднякомъ. Итакъ, когда умеръ Евлалій,—кураторъ (*κουράτωρ*) принесъ завѣщаніе къ императору, и импера-

ческими преданіями и проникнутый одною лишь идеей, осуществленія которой онъ всемѣрно желалъ, онъ и въ выборѣ чиновниковъ не стѣснялся знатностію

торъ повелѣлъ ему идти принять наслѣдство. Оказалось, что вся цѣнность его простиралась только до 564 мелкихъ монетъ (*νομισμάτων*). Куроторъ Македоній только донесъ объ этомъ императору. Юстиніанъ повелѣлъ идти и принять наслѣдство. Македоній возразилъ, что все имущество умершаго гораздо меньше, чѣмъ что̀ слѣдуетъ уплатить по завѣщанію. Тогда императоръ отвѣтилъ: «для чего ты препятствуешь мнѣ вступить въ наслѣдство и совершить сіе благое дѣло наслѣдника? Иди же, уплати всѣмъ его кредиторамъ и исполни все, что̀ имъ завѣщано. А трехъ дочерей его повелѣваю привести къ августѣ Ѳеодорѣ для воспитанія ихъ въ императорскомъ дворцѣ. Приказываю еще, чтобы выдано было имъ въ приданое 20 литровъ золота и, кромѣ того, все то имущество, которое, умирая, завѣщалъ имъ ихъ отецъ» (Malalas, p. 439—440).— Мы выше. Прав. Соб. 1879. ч. 3. стр. 61—62) замѣтили, что обвиненіе Юстиніана Тайною исторіею въ ограбленіи своихъ подданныхъ и въ подборѣ самыхъ худыхъ и злыхъ чиновниковъ нельзя принять безусловно и что взяточничество чиновниковъ развилось до Юстиніана и продолжало существовать и послѣ него до паденія имперіи. Теперь мы представимъ нѣсколько данныхъ къ исторіи этого вопроса собственно при Юстиніанѣ.—Самое сильное свидѣтельство въ пользу справедливости Агсапа находится у Евагрія, который прямо обвиняетъ Юстиніана въ ограбленіи своихъ подданныхъ. «Юстиніанъ, — говоритъ онъ, — относительно денегъ, былъ человѣкъ ненасытный и такой охотникъ до чужаго, что все подвластное себѣ царство отдалъ на откупъ частію правителямъ, частію сборщикамъ податей, частію тѣмъ людямъ, которые безъ всякой причины любятъ строить козни другимъ. У несчетнаго числа людей богатыхъ, подъ ничтожными предлогами, отнято имъ все имущество. Только бы какая нибудь распутная женщина, попавшись ему на глаза, сказала, что съ такимъ-то она имѣла сношеніе или преступную связь, — тотчасъ исчезали всѣ постановленія законовъ; только бы постыдною корыстію могла она привлечь на свою сторону Юстиніана,—все богатство человѣка оклеветаннаго переходило въ ея домъ. Впрочемъ Юстиніанъ не берегъ денегъ: онъ выстроилъ много священныхъ зданій, повсюду воздвигалъ великолѣпные храмы и другія богоугодныя заведенія для пріюта мужчинъ и женщинъ, старыхъ и малыхъ и разнаго рода недужныхъ, и на этотъ предметъ отдѣлилъ не мало доходовъ. Много совершилъ и другихъ благочестивыхъ и угодныхъ Богу дѣлъ, — если бы только подобные дѣятели совершали ихъ изъ своихъ собственныхъ имуществъ и посвящали Богу свои дѣйствія въ чистотѣ» (l. IV. c. 30). Іоаннъ Лидянинъ говоритъ о внутреннемъ управленіи государствомъ въ первые годы царствованія Юстиніана такимъ образомъ: «управленіе государствомъ (*ἐπαρχότης*—

или незнатностію ихъ рода: никогда, можетъ быть, прежде не появлялось въ римской имперіи столько высокихъ сановниковъ изъ неаристократическихъ фа-

---

praefectura) было возмущаемо роковыми бурями: подданные, по причинѣ бѣдности, отказывались отъ недвижимыхъ имуществъ и сборщики податей не могли доставлять государямъ подати, потому что не было плательщиковъ. Однакожъ префектъ (ὕπαρχος—министръ) вынуждался удовлетворять толикимъ и столь необходимымъ издержкамъ того времени. Такимъ образомъ очень естественно, смѣняя одинъ другаго, непрерывно слѣдуя (другъ за другомъ) и, по необходимости, тягостные, они разрушили управленіе (ἀρχήν): порядка не стало ни по сущности, ни по формѣ; онъ совершенно исчезъ; ибо когда погибаетъ окружающее, естественно разрушается также и правительственный центръ». Затѣмъ Іоаннъ Лидянинъ, какъ бы въ подтвержденіе приведенныхъ, высказанныхъ имъ, словъ разсказываетъ исторію Іоанна каппадокійца и его крайне гибельное для римской имперіи исправленіе должности префекта. Императоръ, какъ милостивый и добрый, не рѣшался ввѣрять начальство лукавымъ правителямъ (*οὐδὲ γὰρ ὑ... ὑπέμενεν ὁ βασιλεὺς, καλὸς καὶ ἐπιεικὴς τυγχάνων, πονηροῖς ἄρχουσι καταπιστεῦσαι τὴν ἀρχὴν*); онъ зналъ также, что, по пословицѣ, *Καππαδόκαι φαῦλοι μὲν ἀεὶ, ζώντες δὲ τυχόντες φαυλότεροι, κέρδους δ' εἵνεκα φαυλότατοι· ἢν δ' ἄρα δὶς καὶ τρὶς μεγάλης δράξωνται ἀπήνης, δὴ ῥα τότ' εἰς ὥρας φαυλεπιφαυλότεροι* (каппадокійцы и всегда злы, облеченные же властію (становятся) злѣе, ради же прибыли—злѣйшими, а когда дважды или трижды коснутся великой колесницы, съ того времени дѣлаются наипрезлѣйшими). Но императоръ былъ обманутъ коварствомъ этого человѣка; онъ клятвенно обѣщался императору сдѣлать все лучшее для государства, вслѣдствіе этого сдѣлался близкимъ къ нему человѣкомъ, сначала принятъ въ число логофетовъ, а потомъ быстро пошелъ по государственной лѣстницѣ и достигъ званія префекта. Онъ какъ бы гналъ предъ собою злой духъ (*δαιμόνιον*), который все губилъ и истреблялъ. Онъ уготовалъ римлянамъ ковы, цѣпи, узы, веревки, пытки; внутри преторіанскаго дворца онъ устроилъ особую тюрьму, въ которой подвергалъ страшнымъ пыткамъ всѣхъ, попадавшихся въ его руки; одного лишь подозрѣнія въ обладаніи какимъ нибудь количествомъ золота достаточно было, чтобы подвергнуть страшнымъ пыткамъ. Іоаннъ Лидянинъ приводитъ и примѣры этихъ пытокъ. Каковъ Іоаннъ каппадокіецъ былъ самъ, таковыхъ же назначалъ въ провинціи и чиновниковъ, которые мучили, грабили и подвергали конечному раззоренію всѣхъ жителей. Крестьяне или умирали съ голоду, или же, бросивъ хозяйство, бѣжали въ столицу, увеличивая здѣсь составъ преступниковъ и бунтовщиковъ. Далѣе каппадокіецъ уничтожилъ почту, отмѣнилъ прежнее судопроизводство, разрушилъ управленіе и, вообще, по описанію І. Лидянина, совершилъ всѣ тѣ преступленія, какія

милій, какъ въ его царствованіе. Такъ обыкновенно бываетъ въ вѣкъ переворота идей, когда лица аристократическихъ фамилій, всегда болѣе или менѣе свя-

---

въ Arcana усвояются Прокопіемъ Юстиніану. Повсюду онъ выставлялъ своихъ креатуръ, которые бы, вполнѣ завися отъ него, служили вмѣстѣ съ тѣмъ его поддержкою. Награбивъ «море» золота, онъ предался обжорству, пьянству и сладострастію. Но, описывая злодѣянія каппадокійца и конечное разрушеніе имъ всей римской имперіи, Іоаннъ Лидянинъ неоднократно замѣчаетъ, что императоръ не зналъ всего этого, потому что Іоаннъ каппадокіянинъ умѣлъ отстранять всѣ жалобы, а окружающіе императора чиновники не смѣли говорить всего этого, потому что боялись каппадокійца (*ὁ δὲ ὕπαρχος ἀγνοούσης τῆς βασιλείας (πῶς γὰρ ἐνεδίδου τοῖς κοινοῖς ἀτυχήμασι;) καὶ ταύτην τὴν ὄψιν τῆς πολιτείας ἠφάνισεν* (р. 255). *τοῦ γὰρ ἠπιωτάτου βασιλέως μηδὲν τούτων ἐπισταμένου, πάντων δὲ διὰ τὴν ἄκρατον δυναστείαν, καίπερ ἀδικουμένων, συνηγορούντων τῷ πονηρῷ Καππαδόκῃ καὶ τοῖς πάντων ἐξοχωτάτοις ἐπαίνοις ἐπ' αὐτῷ παρὰ βασιλεῖ χρωμένων (τίς γὰρ ἂν ἐτόλμησε καὶ μόνης ἐπαίνων χωρὶς μνησθῆναι τῆς αὐτοῦ προσηγορίας;)* (р. 263). Онъ, однимъ словомъ, обманывалъ Юстиніана. (Съ этимъ показаніемъ Іоанна Лидянина, очевидно, согласуются слова Прокопія: *φενακισμοῖς μὲν τὸν Ἰουστινιανὸν καὶ παραγωγαῖς τισιν ἐξηπάτων, τοῖς ταῦτα ἐπιτηδεύουσιν ὑποκείμενον φύσει. ἔξω δὲ αἰτίκα γενόμενοι καὶ τῶν σφίσιν ὁμιληκότων τοὺς ἀντιδίκους καθελξάντες χρήματα οὐδενὸς ἀμυνομένου ἀνεξελέγκτως ἐπράσσοντο ὅσα ἂν αὐτοῖς διαρκῆ εἴη.* Arc. c. 15. p. 89—90. Слич. Lydus. III. 65. p. 259 и др.). Въ это время, когда все трепетало предъ Каппадокійцемъ, «одна только сопряженная (съ императоромъ) женщина, превосходящая силою разума все, что когда либо существовало, и съ состраданіемъ бодрствующая надъ несправедливо обиженными, будучи не въ состояніи долѣе пренебрегать клонящимся къ упадку общественнымъ дѣломъ, вооруженная не ничтожными основаніями, приступаетъ къ императору и излагаетъ ему все, что доселѣ было скрыто,—не только то, что подданные находятся въ опасности погибнуть отъ бѣдствій, но и сама имперія близка къ разрушенію». Но императоръ, «какъ добрый и медленный въ отмщеніи зла (*καλὸς ὢν καὶ πρὸς ἄμυναν τῶν κακῶν βραδύς*), находился въ крайне затруднительномъ положеніи и не находилъ средствъ, какимъ бы образомъ удалить разрушителя государственнаго порядка; онъ, какъ беззаконный, такъ перепуталъ дѣла, и такою покрылъ доходы трудностію и невообразимою путаницею, перемѣшавъ другъ съ другомъ такъ называемые индиктіоны (*ἐπινεμήσεις*), что какъ бы никогда не должно было наступить конца его управленію и никто изъ членовъ сената, или кому вполнѣ была

занныхъ преданіями старыхъ идей, уже отживающихъ свой вѣкъ, или почему либо противоположныхъ новымъ идеямъ, являются тормазомъ для этихъ по-

---

близка къ сердцу правда, не дерзалъ принять управленіе. Однакожъ императоръ, насколько было въ силахъ человѣческихъ, помогаетъ подданнымъ» (de magistratibus. l. III. c. 56—76. p. 249—272). Каппадокіецъ былъ смѣненъ вслѣдствіе бунта «Ника», но скоро потомъ опять назначенъ префектомъ. Іоаннъ Лидянинъ принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ лицъ своего времени; начавъ при Анастасіѣ, онъ служилъ затѣмъ во все царствованіе Юстиніана (40 лѣтъ въ военной службѣ и потомъ, въ 552 г., приписанъ ко двору) и хорошо познакомился съ состояніемъ управленія, о которомъ написалъ особую книгу. Его описаніе Іоанна каппадокійца, выражающее, впрочемъ, весьма часто горечь личнаго недовольства обиженнаго чиновника и потому не могущее быть названо вполнѣ объективнымъ, совершенно согласно съ описаніемъ его у Прокопія (Pers. l. I. c. 24. 25), съ тою только разностію, что у Прокопія, наряду съ нравственными безобразіями Каппадокійца, выставлена одна черта, которая даетъ понять, почему Юстиніанъ ввѣрился ему: «силою ума, говоритъ Прокопій, онъ (Каппадокіецъ) превышалъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей; отлично понималъ, что̀ нужно дѣлать, и умѣлъ разрѣшать труднѣйшія обстоятельства» (ibid. c. 24. p. 121—122). Равнымъ образомъ, Прокопій отдаетъ невольную справедливость уму, ловкости и исполнительности также и другихъ чиновниковъ Юстиніана, которые, по его мнѣнію, были въ такой же мѣрѣ, какъ и Каппадокіецъ, бичемъ имперіи (Arcan. c. 22). Затѣмъ, что касается изображенія отношеній Каппадокійца къ императору и императрицѣ, то здѣсь Іоаннъ Лидянинъ радикально противоположенъ Прокопію, такъ что примиреніе невозможно. По нашему мнѣнію, внутренняя правда болѣе на сторонѣ Лидійца, чѣмъ Кесарійца: невозможно, чтобы Юстиніанъ, строго преслѣдующій безнравственность, допускалъ ту любодѣйную гнусность, какую совершалъ Каппадокіецъ. Приведенное свидѣтельство Евагрія о сребролюбіи Юстиніана,— что онъ конфисковалъ имущества подданныхъ по доносу за преступленія, хотя точно и неразслѣдованныя,—болѣе согласуется въ этомъ отношеніи съ описаніемъ Іоанна Лидянина, чѣмъ Прокопія. Наконецъ, изъ самаго повѣствованія Прокопія можно видѣть, что оно основано на слухахъ и сплетняхъ (*φασὶ δὲ βασιλέα τῶν ποιουμένων αἰσθόμενον τῶν τινα Ἰωάννῃ ἐπιτηδείων παρ' αὐτὸν πέμψαι*. P. I. 25. p. 134. Arc. c. 2. p. 21; c. 17. p. 105). Въ уже нѣсколько разъ упоминаемой нами новеллѣ VIII отъ 535 года Юстиніанъ говоритъ: Invenimus namque plurimum in rempublicam iniquitatis irrepsisse, quae non initio sed paucis abhinc annis intrusa, subditos nostros ad paupertatem adigat, ut periculum sit, ne ad summam omnium rerum inopiam delabantur, et secundum descriptionem publicam, ne consueta quidem et solita, vereque pia tributa

слѣднихъ, и когда потому лица неродовитыя, несвязанныя никакими преданіями съ прошлымъ, которое не представляетъ для нихъ ничего особенно привле-

---

publica sine gravi dispendio et necessitate queant persolvere..... Neque in pecuniariis tantum hoc causis agunt, sed etiam in criminibus publicis, ubi de vita periculum versatur. Hinc ex provinciis fugae existunt, hinc ex omnibus passim locis gementes huc confluunt sacerdotes, decuriones, cohortales, patres familiarum plebeii, rustici, optimo jure judicum nostrorum rapinis et injuriis succensentes. Neque ea sane sola fiunt, sed etiam in civitatibus seditiones et populares motus pecuniae (ut plurimum) causa et excitantur et reprimuntur. In summa haec est omnium malorum causa et pecunias ex officiis conquirere omnium flagitiorum principium et finis. Et profecto, quod sacra docent eloquia, admiratione dignum simul et verissimum est, nempe avaritiam omnium malorum matrem exstere, et maxime, cum in animis non privatorum, sed magistratuum innascatur. Quis enim absque matu periculi non furetur, quis non secure latrocinetur, conversis ad magistratum oculis vidensque illum omnia auro habere venalia, confidens fore, ut nihil tam turpe admittat, quod non data pecunia possit redimere? Inde homicidia, adulteria, latronum aggressurae, vulnera, raptus virginum, nundinarum et publicorum conventuum confusio, contemptus legum et magistratuum, omnibus tanquam vile aliquod mancipium venum eas proponi existimantibus..... Императоръ совершенно воспрещаетъ покупать должности и совершать вымогательства надъ управляемыми, угрожая, что non solum quod acceperunt, ejus quadruplum restituent, verum etiam gravem indignationem sustinebunt, et ne de potentatu periclitentur, solliciti erunt... Sciant enim, qui ad hoc institui post hanc nostram legem praesumpserint, quoniam capti a nostris judicibus provinciarum, et in vincula redigentur, et causa ad nos nunciata summum a nobis periculum sustinebunt; et qui hujusmodi eis praecepta tradiderint, triginta librarum auri poenam sustinebunt, et majorem insuper, ac vehementiorem nostram indignationem experientur. Oportet igitur provinciarum praesides tanta a nobis potestate dignatos, ita se in agendis rebus gerere, ut (quoad tamen justitia, et leges permittunt) ab omnibus formidentur: scientes quod si male et praeter dignitatem a nobis commissae eis potestatis tradita administratione utantur, antedictis subjacebunt suppliciis: sustinentes scilicet ea dum adhuc in officio sunt, majoribus etiam tentandi periculis eo deposito. Однакожъ законные налоги подданные обязываются уплачивать исправно: Siquidem et vobis notum est, o subditi nostri, quod militares expensae, et persecutiones hostium tum magna indigent assiduitate, tum sine pecuniis omnino confici nequeunt cum neque ullam ea res dilationem recipiat, neque nos aequis oculis Romanorum ditionem deminutam aspicere sustineamus, sed potius universa jam Libya recuperata, et in servitutem redactis Vandalis, multo quotidie his majora nos a Deo percepturos et peracturos speremus,

кательнаго, бываютъ наиболѣе способными проводниками новыхъ идей, по крайней мѣрѣ обыкновенно вы-

ad quae conveniens est tributa publica sine ditremento, et cum alacritate, et deputatis exigi temporibus.—Объ этой новеллѣ упоминаетъ и Прокопій въ своей Тайной исторіи (c. 21. p. 120—121), но замѣчаетъ при этомъ, что едва прошелъ годъ послѣ изданія ея, какъ она уже была забыта, и продажа должностей и всякаго рода вымогательства стали совершаться съ прежнею силою.—Въ огражденіе подданныхъ отъ взяточничества чиновниковъ Юстиніанъ постановилъ, чтобы никто изъ префектовъ не строилъ дома, или не пріобрѣталъ поля въ предѣлахъ своей префектуры, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда пріобрѣтеніе состоится отъ близкихъ родственниковъ. Равнымъ образомъ воспретилъ префектамъ принуждать кого-либо силою своей начальнической власти дѣлать въ свою пользу завѣщанія (Malalas, p. 437. Слич. Theoph. Chron. p. 272. Muralt, p. 146. n. 25). — Агаѳія говоритъ: «по причинѣ нерадѣнія правящихъ (*κρατούντων*), войска были низведены почти до ничтожной цифры (вмѣсто 645,000, какъ бы слѣдовало, до 150,000). Ибо императоръ, послѣ того какъ предварительно подчинилъ своей власти всю Италію и Африку, совершилъ величайшія войны и, такъ сказать, первый изъ царствующихъ въ Византіи явилъ себя императоромъ римлянъ не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ,—послѣ того какъ, говорю, совершилъ это и сему подобное въ юношескомъ и крѣпкомъ возрастѣ,—на краю своей жизни (ибо уже состарѣлся) онъ, казалось, удалился и отказался отъ трудовъ, и ему нѣкоторымъ образомъ болѣе нравилось стравливать (*ξυγκρούειν*) между собою враговъ и, ежели гдѣ нужно было, улещать дарами, и лучше этимъ способомъ, нѣкоторымъ образомъ, прогонять ихъ, чѣмъ полагаться на себя и воевовать безпрестанно. Поэтому онъ легко допустилъ уменьшить и ослабить легіоны, какъ если бы на будущее время не предстояло ему въ нихъ никакой нужды. Такимъ образомъ нерадѣніе это овладѣло и занимающими второстепенныя должности въ управленіи имперіей (*καὶ τοίνυν ταύτης ἐπιλαβόμενοι τῆς ῥᾳθυμίας οἱ τὴν δευτέραν ἀρχὴν τῶν σκήπτρων διέποντες*), на которыхъ возложена была обязанность взиманія съ подданныхъ податей и распредѣленія затѣмъ необходимаго войскамъ; они частію открыто обманывали воиновъ, частію же раздавали имъ жалованье гораздо позднѣе, чѣмъ должно» (l. V. c. 13. 14. p. 305—307). Ни изъ этихъ, ни изъ дальнѣйшихъ словъ Агаѳіи не видно, чтобы императоръ участвовалъ во взяточничествѣ чиновниковъ (ibid.).—Исторія и законы Юстиніана представляютъ множество примѣровъ наказанія преступниковъ, еретиковъ и язычниковъ конфискаціей у нихъ имущества или наложеніемъ на нихъ денежной пени (Pers. l. I. c. 24. p. 129; c. 25. p. 135; Theoph. Chr. p. 276. 287; Malal. p 449 и др.); но эта кара введена задолго до него прежде и составляла одно изъ принятыхъ наказаній (Дѣян. всел. соб. Казань, 1875. т. V. стр. 142).

плываютъ на верхъ (1). Преступленія противъ законовъ Юстиніанъ вообще наказывалъ строго (2); но умѣлъ являть себя великодушнымъ относительно такихъ преступленій, которыя касались лично только его самаго. Частые заговоры противъ государственной власти, столь обычные въ византійской имперіи, заставляли его вообще быть подозрительнымъ къ окружающимъ его вельможамъ (3); частые заговоры, составляемые противъ него самого (4), конечно, могли только усилить его подозрѣніе и возбудить раздраженіе. Но императоръ милостиво снисходилъ къ пре-

---

Разность можетъ быть только въ степени практикованія этой кары.— Какъ развито было взяточничество въ средѣ византійскаго чиновничества, можно видѣть изъ того, что, наприм., Петръ магистръ, человѣкъ, по свидѣтельству всѣхъ своихъ современниковъ, очень умный, ученый и *добрый*, «любилъ, по завѣренію Агсапа (с. 24), красть больше всѣхъ людей и былъ окупъ до безстыдства».—Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ вывести заключеніе: 1) Юстиніанъ не былъ жаденъ до денегъ и не терзалъ *напрасно* и безвинно своихъ подданныхъ, — напротивъ онъ заботился объ ихъ пользѣ; 2) грабительство чиновниковъ исторически укоренилось въ Византіи и было совершаемо безъ его вѣдѣнія и вопреки его воли; 3) настоятельныя нужды государства заставляли его строго относиться къ взиманію податей, хотя по временамъ онъ и прощалъ недоимки; 4) многочисленныя неурядицы подавали ему случай къ многочисленнымъ конфискаціямъ имуществъ у частныхъ лицъ въ видѣ принятаго наказанія или кары. Юстиніаномъ ли впервые введена система откуповъ, о которой упоминаетъ Евагрій, или существовала и прежде него?—точно сказать не можемъ.

(1) Goth. l. III. c. 32. p. 411: Арсакій, склоняя Юстина, сына Германа, племянника Юстиніанова отъ брата, къ убійству Юстиніана, въ числѣ обвиненій возводитъ между прочимъ и такое: *ταῦτά τε ὁμωμοκότι τῷ ἀνδρὶ ὠνείδιζεν εἰ βασιλεῖ ξυγγενὴς πλησιαίτατα ὢν ἀγοραίους μὲν καὶ ἀγελαίους ἀνθρώπους τινὰς, ἔχοντας οὐδὲν αὐτοῖς προσῆκον δρᾶν τὰς τῆς πολιτείας ἀρχὰς, αὐτὸς δὲ τηλίκος ὢν ἀνέχοιτο πρὸς ἰδιωτῶν διοικεῖσθαι τὰ πράγματα.*

(2) Theoph. Chron. p. 272.

(3) Persic. l. I. c. 24. p. 123.

(4) Ibid. c. 25. p. 133; снес. Lydus, l. III. c. 62. p. 256. Malalas, p. 493—495. Theoph. Chron. p. 367—369. Goth. l. III. c. 31. 32.

ступникамъ и—или прощалъ ихъ совершенно, или же подвергалъ относительно невеликимъ наказаніямъ (1).

Изумительна воздержность и трезвость Юстиніана, но еще болѣе изумительна его дѣятельность.—Онъ никогда не употреблялъ мяса и вина. Пищею для него служили грубые овощи и плоды, намоченные въ уксусѣ съ солью, но и тѣ онъ употреблялъ въ самомъ умѣренномъ количествѣ: едва дотрогивался до поданнаго ему блюда, какъ тотчасъ же повелѣвалъ брать его назадъ. Питьемъ его была исключительно одна только вода. Во время страстной седмицы онъ по два дня не принималъ никакой пищи; да и весь великій постъ былъ для него истинно великимъ, строго суровымъ постомъ. Вслѣдствіе такой воздержности и отъ частыхъ молитвенныхъ колѣнопреклоненій у него образовалась на голѣни злокачественная рана, которая не поддавалась никакимъ медицинскимъ пособіямъ и исцѣлена лишь чудеснымъ образомъ вслѣдствіе прикосновенія къ останкамъ св. 40 мученниковъ. При такомъ воздержаніи, при такомъ изнуреніи и ослабленіи своего тѣла посредствомъ поста и молитвы. Юс-

---

(1) Юстиніану сдѣланъ былъ доносъ на родственника умершаго императора Анастасія, патриція Прова, что онъ оскорбилъ (λοιδορήσας) его величество. Дѣло отдано было на разсмотрѣніе синклита, который, естественно обвинилъ Прова. Но императоръ, когда врученъ былъ ему обвинительный вердиктъ, разорвалъ его, обративъ къ Прову такую рѣчь: «я, Провъ, прощаю тебѣ прегрѣшеніе, которое ты содѣлалъ противъ меня; итакъ, моли Бога, чтобы и Онъ простилъ тебя» (Malalas, p. 438—439). Далѣе, описавъ заговоръ Авлавія, Маркелла и Сергія, въ которомъ былъ замѣшанъ и Велизарій, Малала ничего не говоритъ о наказаніяхъ, которымъ подвергнуты заговорщики, кромѣ того, что Юстиніанъ разсердился на Велизарія за его участіе въ заговорѣ (Ibid. p. 493—495. Слич. Theoph. Chronogr. p. 367—369). Заговоръ Артавана кончился тѣмъ, что императоръ лишилъ его достоинствъ, которыми онъ былъ облеченъ; «но ни относительно его самаго, ни относительно прочихъ (участниковъ заговора) ничего не постановилъ очень жестокаго, кромѣ того, что подвергъ ихъ почетному заключенію, именно во дворцѣ, а не въ общественной тюрьмѣ» (Gotth. l. III. c. 32. p. 416. Слич. Paul. Silenc. descript. Soph., Migne, patr. curs. compl. t. LXXXVI. Ser. Gr. col. 2120—2121).

тиніанъ не зналъ утомленія: онъ трудился круглыя сутки и сну предавался не болѣе одного часа; едва онъ ложился на свое неприхотливое ложе, едва только забывался, какъ тотчасъ же, какъ бы ужаленный чѣмъ либо, снова пробуждался и принимался за обычную дѣятельность. Прокопій говоритъ, что „Юстиніану легко было все дѣлать, не только потому, что онъ обладалъ быстрымъ соображеніемъ, но и потому еще, что онъ не имѣлъ нужды во снѣ и былъ доступенъ для всѣхъ.“ О немъ по справедливости можно сказать, что онъ трудился и день и ночь и, по словамъ Іоанна Лидянина, „считалъ потерею своей жизни, если не всѣ также бодрствовали и ратовали за государственное дѣло, какъ онъ самъ.“ Онъ какъ бы стѣснялся установившимися канцелярскими формами, большинство бумагъ составлялъ самъ и требовалъ немедленнаго выполненія. Замѣчательная черта въ его дѣятельности есть глубокое благочестіе: онъ приступалъ къ дѣлу, вознеся предварительно молитву къ Богу; на Него онъ возлагалъ успѣхъ предпринимаемаго дѣла, въ Немъ же видѣлъ надежду спасенія и отъ естественныхъ бѣдствій (1). Но, при этихъ похвальныхъ качествахъ, онъ нечуждъ былъ слабости къ воспрія-

(1) О строгомъ постѣ и воздержаніи, и почти сверхестественномъ бодрствованіи Юстиніана Прокопій совершенно одинаково говоритъ какъ въ Постройкахъ (1 I. c. 7. p. 195—196, такъ и въ Тайной исторіи (c. 13. p. 86—87: *ἦν τε ἄϋπνός τε καὶ ἄσιτος ἐπιπλεῖστον εἰπεῖν καὶ σιτίοις μέν ἢ ποτῷ κατακορὴς οὐδαμῇ γέγονεν, ἀλλὰ σχεδόν τι ἄκρῳ δακτύλῳ ἀπογευσάμενος ἀπηλλάσετο.... ὥραν τε, ἂν οὕτω τύχοι, καταδαρθὼν μίαν.* C. 14. p. 87—88; c. 15. p. 92: *τῷ μὲν Ἰουστινιανῷ ἅπαντα πράσσειν ῥᾴδιον ἦν, οὐχ ὅσον τῷ τῆς διανοίας εὐκόλῳ. ἀλλ' ὅτι καὶ ἄϋπνος ἐπιπλεῖστον ὅσπερ εἴρηται, καὶ εὐπρόσοδος πάντων μάλιστα.* Слич. nov. VIII. praef). Іоаннъ Лидянинъ, въ началѣ своего описанія царствованія Юстиніана, говоритъ такимъ образомъ: «Когда государство было потрясено такими волнами и бурями золъ (въ предшествованія царствованія), судьба (*τύχη*) противопоставила равное прежней лѣпости прилежаніе Юстиніана, поставивъ начальникомъ дѣлъ бдительнѣйшаго изъ всѣхъ императоровъ, который считалъ потерею своей жизни, если не всѣ также бодрствовали и ратовали за государственное дѣло, какъ онъ самъ, чтобы овладѣть не только тѣмъ, что нѣкогда было под-

тію лести; по крайней мѣрѣ чиновники льстили ему до невѣроятности. Такъ, Трибоніанъ не разъ ему говаривалъ,—съ видомъ полнаго убѣжденія въ вѣроятности своей догадки, — что очень можетъ быть, въ одинъ прекрасный день Юстиніанъ живымъ будетъ взятъ за свое благочестіе на небо (1).

Исходнымъ пунктомъ, изъ котораго развивалась вся государственно-церковная дѣятельность Юстиніана и который даетъ характерную окраску его царствованію, было „правое исповѣданіе истинной и пренепорочной вѣры христіанской, составляющей первое и высшее благо для всѣхъ людей," основаніе ихъ спасенія. Юстиніанъ былъ убѣжденъ, что никто не увѣнчается, если не будетъ законно подвизаться (2 Тим. 2, 5), т. е. по требованію истинной и пренепорочной христіанской вѣры. „Болѣть, говоритъ онъ, есть общее свойство человѣческой природы и слабости, чему подвержены всѣ, даже самые могущественнѣйшіе духомъ; лѣчить же, познавать правую вѣру и любить единство и миръ церкви есть свойство разума и люб-

---

чинено Римлянамъ, а потомъ, по лѣности предшественниковъ, было потеряно. но еще подчинить имъ и то, что было у враговъ» (de magistr. l. III. c. 55. p. 248. Слич. Agathias, l. V. c. 14. p. 306) Павелъ Силенціарій приписываетъ успѣхъ всѣхъ предпріятій Юстиніана его упованію на Бога и глубокой вѣрѣ во всегдашнюю помощь Христа Спасителя (Migne. patr. curs. compl. t. LXXXVI. col. 2119—2121: *ὅθεν συνεργὸν αὐτὰν* (*Χριστὸν*) *ἐν ταῖς πράξεσιν ἔχεις παρόντα* (vers 6); *πεπίστευκας μόνῳ τῷ σου προασπίζοντι. τὸν Θεὸν λέγω, ᾧ πάντα νικᾷς*) (vers. 31—32). Эти завѣренія вполнѣ согласуются съ собственными мыслями и дѣйствіями Юстиніана: Imperator.... coepit dicere ad nos, praesente venerabili senatu: Quia postqam locuti estis cum Orientalibus episcopis per duos dies, tertio die convocatis tam vobis quam illis, antequam susciperemus vos, ingressus sum in oratorium gloriosi Michäelis archangeli, quod est in Cochlio; et rogavi Dominum dicens: Quia si in veritate uniri habent nobis, magis autem sancte tuae ecclesiae: compunge eos velociter consentire nobis: sin autem nolunt, praepedi eos, ut ex ipsis magis culpa nascatur, et non ex nobis (Hard. t. II. col. 1173—1174. Слич. Theoph. Chronogr. p. 358—359; Lib. I. Tit. 27. Lex. 2; nov. 30).

(1) Arc. c. 13. p. 84; Снес, Жизн. Итал. отц. Гр. Двосел. стр. 31. гл. 4. кн. I.

ви. Ибо Богъ есть и называется Богомъ мира, такъ что тѣ, которые являются любящими благо вѣры и мира, суть Божіи и почти божественны.“ Соблюденіе истинной вѣры Христовой не только доставляетъ людямъ вѣчное спасеніе, дѣлая ихъ богоподобными,—но вмѣстѣ служитъ основою благоденствія и крѣпости государства, такъ что отвергающіе исповѣданіе истинной вѣры Христовой суть вмѣстѣ съ тѣмъ и враги государства, разрушители его основъ. Еретиковъ онъ называетъ „врагами истины и религіи, которые губятъ души невинныхъ,“ ученіе ихъ — „хуленіемъ,“ „подобнымъ ученію язычниковъ.“ Согласно съ этимъ взглядомъ на значеніе христіанской вѣры, какъ абсолютной истины, въ дѣлѣ спасенія каждаго человѣка, укрѣпленія и процвѣтанія государства, онъ „въ основаніе и начало своего правленія положилъ соединить раздѣлившихся священниковъ святыхъ Божіихъ церквей отъ Востока до Запада.“ Задаваясь такою цѣлію, онъ не вводилъ что либо новое въ принятый образъ правленія; здѣсь онъ вполнѣ слѣдуетъ примѣру своихъ предшественниковъ: Константина великаго, Θеодосія старшаго, Θеодосія младшаго, Марціона, Льва. Онъ, какъ и его предшественники, принимаетъ вѣру Христову въ неизмѣнномъ ея видѣ, какъ она опредѣлена соборами и свято соблюдается отцами и учителями церкви, и авторитетъ своей государственной власти, предназначенный лѣчить, исправлять и заботиться о благѣ своихъ подданныхъ, намѣренъ употребить лишь на то, чтобы оказать содѣйствіе, ради своего собственнаго спасенія и вѣчнаго и временнаго блага своихъ подданныхъ, введенію и утвержденію между ними истины Христовой въ неизмѣнномъ ея видѣ: этого въ сущности желаютъ всѣ епископы и священники, этого желаетъ весь монашескій чинъ, этого же желаетъ и народъ, наконецъ—этого требуетъ и самое

государственное благо, которое можетъ проистекать только изъ признанія истины (1).

Юстиніанъ издалъ множество эдиктовъ къ охраненію и утвержденію православной вѣры. Въ первый же годъ своего царствованія, какъ самодержавнаго владыки, онъ поспѣшилъ издать эдиктъ о святой Троицѣ, заключающій въ себѣ изложеніе православнаго ученія вмѣстѣ съ спеціальнымъ осужденіемъ ереси Несторія, Евтихія и Аполинарія, и съ прибавленіемъ, что держащимся противнаго мнѣнія не будетъ оказано никакого снисхожденія и что они, какъ явные еритики, будутъ подвергнуты должному наказанію (2). Въ тоже самое время онъ повелѣлъ, чтобы халкидонскій соборъ былъ воспоминаемъ въ церквахъ наряду съ прочими вселенскими соборами, какъ во всемъ согласный съ ними и излагающій ту же самую

(1) Nov. 131. 132; L. I. Tit. III. Lex. 42. 43; Tit. IV. Lex. 34. и др. Iüst. imp. tractatus contra Monophys. Migne, patr. curs. compl. t. LXXXVI. col. 1104. 1124. 1141. 1145. и др. Constit. Iüst. contra Authim. Sever. Petr. Soar ibid. col. 1094). Эта конституція помѣщается также въ числѣ новеллъ Юстиніана (42). Дѣян. всел. соб. т. V. стр. 27. 31. 505. 509. 553 560; Arc. c. 13. p. 83 — 84; Hard. t. II. cons. sub Mena.

(2) Baron. an. 527. n. XXXVIII: Cum recta et inculpata religio, quam profitetur et praedicat sancta Dei catholica et apostolica ecclesia, nullo modo innovationem admittat: nos doctrinam sanctorum Apostolorum, et eorum qui post illos in sanctis Dei ecclesiis verstati sunt, seqventes, aequum esse existimavimus notam et testatam omnibus spem quae in nobis est relinquere, traditione et confessinoi sanctae Dei et catholicae ecclesiae adhaerentes. За тѣмъ слѣдуетъ самое изложеніе вѣры и осужденіе ересей Несторія, Евтихія и Аполинарія. Заключеніе едикта таково (n. XXXIX): Quod si post hanc nostram constitutionem.... reperti fuerint contrariam opinionem sectantes; ne expectent, ut digni venia judicentur. Jbemus enim, ut homines hujusmodi tamquam convicti et aperti haeretici justae et idoneae animadversioni subjiciantur. Далѣе Бароній замѣчаетъ: Hactemus constitutio sine die et consule; sed his ipsius imperii primordiis datam esse, quae dicturi sumus, indicare possunt. — Въ Пасхальной хроникѣ подъ 533 годомъ (Chron. Pascl. p. 630—633) помѣщенъ эдиктъ Юстиніана, подобный приведенному по содержанію, но отличный отъ него по буквѣ. Обнародовавъ въ Константинополѣ, императоръ послалъ за тѣмъ этотъ эдиктъ въ Римъ, Іерусалимъ, Антіохію, Александрію, Оессалонику и Ефесъ. О поводѣ къ его написанію и изданію, и о самомъ содержаніи его будетъ сказано ни-

вѣру, что и эти послѣдніе (1). Вслѣдъ за этимъ онъ отнялъ у еретиковъ всѣ церкви и отдалъ ихъ православнымъ, за исключеніемъ только тѣхъ церквей, которыя принадлежали Аріанамъ Ексокіонитамъ (2).

Пользуясь правомъ свѣтской власти давать силу государственнаго авторитета тому, что признано церковію, какъ Богооткровеное ученіе, Юстиніанъ, на основаніи опредѣленій вѣры и церковныхъ каноновъ, проявилъ столь широкую законодательную дѣятельность въ сферѣ церковныхъ порядковъ, какъ никто изъ его предшественниковъ. Не дѣло исторіи обозрѣвать эту чисто юридическую область. Достаточно замѣтить, что законодательство Юстиніана коснулось и опредѣленія іерархическаго порядка патріарховъ, и правилъ избранія, поведенія и взаимоотношенія епископовъ, клириковъ и монаховъ, и церковныхъ имуществъ, и разныхъ благотворительныхъ учрежденій, относящихся къ церкви; словомъ, кажется, не осталось ни одного вѣроисповѣднаго или каноническаго опредѣленія, которому онъ не постарался бы дать силу государственнаго авторитета. Обыкновенно упрекаютъ Юстиніана въ томъ, что онъ стремился быть законодателемъ *въ Церкви*. Правильнѣе нужно сказать, что онъ *государство* старался подчинить законамъ церкви, или иначе—церковное законоположеніе, какъ уже данное, ввести въ законоположеніе гражданское, сдѣ-

---

же. — Подъ тѣмъ же самымъ годомъ упоминаетъ о немъ въ своей хроникѣ Іоаннъ Малала, обозначивъ, впрочемъ, только его названіе: Edictum de orthodoxa fide, adversus impia haereticorum dogmata. Малала говоритъ, что этотъ эдиктъ обнародованъ былъ въ церквахъ всѣхъ городовъ имперіи (p. 478). — Новелла 132 (544 г.), носящая названія: Edictum de fide, не заключаетъ въ себѣ изложенія вѣры, но только приглашаетъ къ исповѣданію православной вѣры и воспрещаетъ собранія еретиковъ.

(1) Дѣян. Соб. т. V. стр. 31.

(2) Theopl. Chron. p. 271; Malalas. p. 428; Cedrenus, 1. p. 643.— Подъ Ексокіонитами (ἐξωκιονῖται) разумѣютъ Аріанъ, живущихъ внѣ черты города Константинополя. Если къ этому показанію хронистовъ отнести законъ Юстиніана: Lib. I. Tit. V. Lex. 12, то подъ Ексокіонитами слѣдуетъ разумѣть Аріанъ готоовъ, находившихся на службѣ констан-

лать его обязательнымъ для всѣхъ членовъ государства путемъ законодательнымъ.

На основаніи показаній Прокопія (1), можно думать, что совѣтниками Юстиніана, не только по дѣламъ церкви, но и въ важныхъ случаяхъ, касающихся одного государства, были епископы и священники. Таковыми совѣтниками, по свидѣтельству исторіи, являются: Ипатій епископъ ефесскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, — Димитрій епископъ Кесаріи Филипповой въ Палестинѣ, папа Евсевій, (2), епископъ кесарійскій Ѳеодоръ Аскида, діа-

тинопольскаго правительства и имѣвшихъ свои церкви внѣ городской черты: Excipiuntur Gothi, qui fiunt foederati, et aliter, prout visum imperatori fuerit, honorantur. Но здѣсь не говорится объ отнятіи у еретиковъ церквей, а только объ исключеніи ихъ отъ всякихъ государственныхъ должностей.

(1) Goth. l. III. c. 32. p. 409—410; c. 35. p. 429.

(2) Кто такой папа Евсевій? — трудно рѣшить. Патріархъ Мина въ посланіи къ Петру іерусалимскому упоминаетъ о пресвитерѣ Евсевіѣ, котораго онъ называетъ «общимъ братомъ» и даже «общимъ благодѣтелемъ». (Hard. V. col. 1412). Иннокентій, епископъ Маронійской (Maroniae), въ описаніи спора Евтихіанъ съ православными (533 г.), между другими лицами, такъ или иначе участвовавшими въ диспутѣ, говоритъ еще о пресвитерѣ и кимиліархѣ Великой церкви Евсевіѣ (Hardoin. t. II. col. 1160). Объ этомъ же самомъ пресвитерѣ и кимиліархѣ упоминаетъ и самъ Юстиніанъ въ своей 40-й новеллѣ, адресованной къ тому же Петру, патр. іерусалимскому. На этомъ основаніи нѣкоторые полагаютъ, что папою Евсевіемъ и былъ именно этотъ пресвитеръ и кимиліархъ Великой церкви Евсевій. Но Котелерій, въ примѣчаніи на 70, 83, 85 и 86 главы жизнеописанія св. Саввы, опровергаетъ это мнѣніе тѣмъ обстоятельствомъ, что Кириллъ скиѳопольскій помѣстилъ этого папу Евсевія въ одинъ рядъ съ Епифаніемъ патр. константинопольскимъ, Ипатіемъ ефескимъ, и повсюду, гдѣ только говоритъ о немъ, ставитъ его въ разрядъ болѣе высшаго достоинства, чѣмъ что свойственно пресвитеру. На этомъ основаніи онъ полагаетъ, что *папою* Евсевіемъ былъ Евсевій, митрополитъ кизическій, присутствовавшій на константинопольскомъ соборѣ при патріархѣ Минѣ и подписавшійся подъ его актами (Hard. II. col. 1264. 1100). Объ этомъ послѣднемъ Евсевіѣ дѣлаетъ упоминаніе Прокопій. «Въ Кизикѣ былъ епископъ, говоритъ онъ, по имени Евсевій, человѣкъ не менѣе Іоанна (Каппадокійца) непріятный для тѣхъ, кто былъ съ нимъ въ сношеніи. Жители Кизика принесли на него жалобу царю и просили, чтобъ надъ нимъ былъ произведенъ судъ; но они не имѣли въ этомъ успѣха, пото-

конъ римской церкви Пелагій, исправлявшій должность апокрисіарія папы, а впослѣдствіи и самъ папа. Кромѣ обнаруженія ловкости и ума, главнымъ условіемъ для того, чтобы войдти въ благосклонность государя и сдѣлаться близкимъ къ нему человѣкомъ, его совѣтникомъ и другомъ, служила горячая ревность къ халкидонскимъ опредѣленіямъ, какъ раскрывающимъ тоже, что̀ было раскрыто на первыхъ трехъ вселенскихъ соборахъ, какъ нераздѣльной части одного цѣлаго—православія. Само собою понятно, что знакомство новыхъ лицъ происходило по рекомендаціи уже близкихъ къ государю іерарховъ; такъ, знакомство Аскиды, какъ увидимъ, произошло чрезъ папу Евсевія, знакомство Евтихія, впослѣдствіи патріарха константинопольскаго, чрезъ патріарха Мину. Такимъ образомъ при Юстиніанѣ постоянно находился родъ духовнаго Совѣта, который такъ или иначе вліялъ на его дѣла. Патріархъ въ этомъ Совѣтѣ, уже по самому положенію, конечно, имѣлъ свое значеніе, но нельзя сказать, чтобы — всегда рѣшающее (1).

Цѣлый рядъ изданныхъ Юстиніаномъ законовъ показываетъ, что онъ предоставилъ епископамъ непосредственное вліяніе на дѣла провинціальнаго управ-

---

му что онъ былъ гораздо сильнѣе ихъ. Послѣ того нѣсколько молодыхъ людей сговорились между собою и убили Евсевія, на площади города Кизика» (Pers. l. I. c. 25). На основаніи имѣющихся данныхъ о папѣ Евсевіѣ мы не рѣшаемся сказать, былъ ли онъ епископъ или пресвитеръ. Правда, онъ выставляется въ положеніяхъ высокаго достоинства; но Пелагій былъ діаконъ и тоже выставляется въ положеніяхъ высокаго достоинства. За тѣмъ, описанная Прокопіемъ ненависть Кизикцевъ къ своему епископу показываетъ, что онъ большею частію долженъ былъ пребывать во своей епархіи; между тѣмъ папа Евсевій большею частію пребывалъ въ Константинополѣ или разъѣзжалъ по порученіямъ. Наконецъ, Кириллъ Скиѳопольскій говоритъ о естественной смерти папы Евсевія (*ταῦ πάπα ζυσερίου κοσμητέντος*. c. 86), но не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на его убійство. Одно только достовѣрно, что онъ пользовался вліяніемъ при Дворѣ.

(1) Vita Sabae, c. 83. 85. 86; Liberat. c. 23. 24; Vita Eutichii, c. III. § 19; Gotth. III. c. 16. p. 340.

ленія. Новеллою 86-ю онъ даровалъ имъ право высшаго надзора надъ судопроизводствомъ префектовъ провинцій: въ случаѣ, если истецъ потерпитъ несправедливость отъ судіи или заподозритъ его въ пристрастіи, онъ обязанъ былъ обращаться къ епископу и этотъ разбираетъ его дѣло вмѣстѣ съ провинціальнымъ судьею. Если же кто либо потерпитъ оскорбленіе или какую нибудь обиду отъ судіи, то дѣло ихъ разбираетъ епископъ уже одинъ. Префектъ обязанъ былъ принимать во вниманіе совѣты епископа и слѣдовать имъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Въ случаѣ же неисполненія этого требованія, законъ грозилъ ему жестокими наказаніями. По другимъ узаконеніямъ епископамъ предоставлялось право высшаго надзора за общественными работами и вообще за точностію выполненія законовъ провинціальными властями. Издавая эти законы, Юстиніанъ какъ бы мало вѣрилъ въ добросовѣстность и нравственность свѣтскихъ чиновниковъ; онъ, очевидно, хотѣлъ внести духъ христіанской справедливости въ среду своихъ подданныхъ лучше всего чрезъ епископовъ, какъ служителей абсолютной истины. Они, по идеѣ, какъ избранные въ народѣ и его свыше поставленные учители, какъ вполнѣ отрекшіеся отъ старыхъ языческихъ преданій, являлись болѣе, чѣмъ кто либо, способными быть хранителями правды и воспитателями народа въ духѣ новыхъ христіанскихъ идей (1). Разсматриваемое же

(1) Начало 86-й новеллы гласитъ: ex quo nos Deus Romanorum praeposuit imperio, omne habemus studium, universa agere ad utilitatem subjectorum commissae nobis a Deo reipublicae. — Законовъ относительно епископовъ множество: Lib. I. Tit. IV. L. 21—34. Здѣсь же между прочимъ узаконены и правила ихъ поведенія.—Сколь высоко Юстиніанъ поставилъ епископовъ въ государственной іерархіи, столь же строго онъ и относился къ ихъ преступленіямъ. Во второй годъ его царствованія (528 г.) епископы: Исаія кодоскій и Александръ діоскопольскій во Ѳракіи были изобличены въ педерастіи. Императоръ указомъ повелѣлъ привести ихъ въ Константинополь и здѣсь, по разслѣдованіи дѣла, они лишены были сана. Послѣ того императоръ повелѣлъ съ безславіемъ провести ихъ по городу при воскли

съ точки зрѣнія потребностей времени, гражданское расширеніе правъ епископовъ является глубоко обдуманнымъ средствомъ къ достиженію предначертанной цѣли—объединенію умовъ подданныхъ имперіи на основаніи выработанныхъ доселѣ церковію вѣроисповѣдныхъ опредѣленій.

Планъ объединенія, предначертанный Юстиніаномъ, коснулся не одной только чисто церковной области—подавленія ересей и дарованія свободы православію въ предѣлахъ принятаго имъ государства, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ охватилъ и чисто политическую область—возвращеніе римской державѣ всѣхъ, когда либо входившихъ въ нее, областей, подавленіе и въ нихъ распространившихся ересей, и возвращеніе господства православію. Планъ безспорно, громадный, міровой, указывающій на рѣшительный моментъ въ исторіи борьбы христіанства съ ересями и различнаго рода расколами, и едва выполнимый при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Но Юстиніанъ все упованіе свое возложилъ на Бога и старался умилостивить его бдѣніемъ, постомъ и молитвами (1). Расширеніе одно-

---

ціи глашатая: «епископы! не марайте честнаго достоинства» (Theoph. Chron. p. 271—272). Малала нѣсколько разнится отъ Ѳеофана: онъ говоритъ, что Исаія, бывъ предварительно жестоко наказанъ, посланъ въ ссылку, а Александръ выставленъ на показъ черни (p. 436). Послѣ того императоръ издалъ строжайшіе законы противъ мужеложниковъ и педерастовъ, и далъ этимъ законамъ, по свидѣтельству Прокопія, обратное дѣйствіе. Многіе оказались повинными въ этомъ грѣхѣ: и граждане и сенаторы, и архіереи. Розыски были производимы строжайшимъ образомъ. Если вѣрить Прокопію, достаточно было одного показанія какого нибудь мальчика или раба на своего господина, чтобы тотчасъ же послѣдовало и наказаніе. Здѣсь же Прокопій говоритъ, что у виновныхъ въ педерастіи были отнимаемы и имущества, и что поэтому состоятельныя лица по преимуществу подверглись преслѣдованію. Но это его idée fixe. Величайшій страхъ напалъ на мужеложниковъ; прочіе же, по словамъ Кедрина, отъ этого уцѣломудрились. Cedrenus, 1. p. 645—646; Theoph. Chron. p. 271—272; Malalas, p. 436; Arcana, c. 11. p. 76; nov. 77.

(1) См. выше, стр. 273 Въ концѣ 30 новеллы онъ выражаетъ планъ

го свѣтскаго авторитета во всѣхъ областяхъ тогдашняго христіанскаго міра давало крѣпость и силу разбросаннымъ и угнетаемымъ исповѣдникамъ православія; но взаимно и эти разсѣянные исповѣдники православія оказали могущественное содѣйствіе возстановленію власти римскаго императора въ издревле принадлежащихъ ему областяхъ. Съ описываемой точки зрѣнія плановъ и дѣйствій Юстиніана, и его политика относительно варваровъ является вполнѣ раціональною, именно такою, каковою она и должна быть при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Чтобы быть обезопасеннымъ со стороны варваровъ и такимъ образомъ имѣть возможность всецѣло обратить силы государства на пріобрѣтеніе утраченныхъ западно-римскихъ областей, Юстиніанъ старался держать варваровъ въ союзѣ съ имперіей и въ страхѣ предъ нею: 1) посредствомъ обращенія ихъ къ православной вѣрѣ христіанской; 2) раздачею имъ подарковъ за службу имперіи, за охрану ея границъ отъ набѣговъ другихъ варваровъ, и когда эти мѣры оказывались недѣйствительными, 3) натравливаніемъ однихъ изъ варваровъ на другихъ. Огульно осуждать всѣ эти мѣры Юстиніана относительно варваровъ и объявлять ихъ совершенно безплодными было бы крайне несправедливо и несогласно съ дѣйствительностію (1).

и надежду свою на возстановленіе потерянныхъ Римскихъ областей такимъ образомъ: Sed et bonam spem habemus (quod Deus nobis annuat) ut et caeteras gentes, quas socordia sua Romani amiserunt, cum utriusque Oceani terminos tenerent, iterum, iterum ditioni nostrae adjungamus: quas nos divino freti auxilio ad meliorem statum redigere properamus: neque quicquam detrectamus eorum, quae vel ad extremam pertinguut difficultatem, vigillis simul et inediis caeterisque laboribus jugiter pro subditis nostris, ultra quam naturae modus patitur, utentes, etc.

(1) Персидскій посолъ Андиганъ, желая склонить римскаго посла Захарія къ уступкамъ, которыхъ требовали Персы, сообщилъ ему въ видѣ всѣмъ народамъ извѣстнаго факта, который «потому и они (Персы) знаютъ: что римская держава должна вести многія войны и дѣйствовать оружіемъ во многихъ мѣстахъ вселенной; что ея силы раздѣлены почти противъ всякаго варварскаго народа... И такъ какъ вы воюете со мно-

гими народами, а мы съ одними вами, то сообразно съ тѣмъ долженъ быть заключенъ и договоръ». (Менандръ Виз. Отрыв. 62. къ 580 г. стр. 452 — 453). Усмиреніе варваровъ, какъ показываетъ вѣковой опытъ и современная практика великихъ державъ — Россіи и Англіи, возможно только посредствомъ полнаго подчиненія ихъ и культированія по идеямъ господствующаго племени. Что не возможно было подчинить всѣхъ варваровъ, окружавшихъ римскую имперію,—это выше всякаго сомнѣнія; отъ нихъ можно было только вѣчно отбиваться и все-таки никогда не предохранить пограничныхъ мѣстностей отъ ихъ опустошеній. Юстиніанъ, для совершенія великихъ, предначертанныхъ имъ дѣлъ, послѣдовалъ уже выработанной практикою политикѣ по отношенію къ варварамъ и вносилъ въ нее только нѣкоторое видоизмѣненіе сообразно условіямъ своего времени и обстоятельствъ. Варвары проникли въ сущность его политики только тогда, когда половина великихъ дѣлъ была уже сдѣлана. Послы готѳскаго короля Витигеса, представленные Хозрою, сказали ему слѣдующую рѣчь: «Другіе народы, государь, по большой части отправляютъ посольства для собственныхъ выгодъ своихъ; мы посланы Уиттигесомъ, царемъ готѳовъ и италійцевъ, чтобы говорить съ тобою о дѣлахъ касающихся собственной твоей державы. Вообрази себѣ, что Уиттигесъ самъ предстоитъ лично предъ тобою и говоритъ тебѣ такія слова: Если кто скажетъ, что ты, о царь! предаешь свое царство и весь родъ человѣческій Юстиніану, тотъ скажетъ совершенную правду. Юстиніанъ, какъ человѣкъ отъ природы безпокойный, и жаждущій того, что никакимъ образомъ ему не принадлежитъ, не можетъ остаться на томъ, что было принято (имъ); но употребляетъ всѣ средства, чтобы покорить себѣ всѣ царства, и хочетъ захватить всю вселенную. Не бывъ въ состояніи напасть на персовъ съ одними своими силами, ни обратиться на другихъ въ такое время, когда персы ему противятся, онъ принялъ намѣреніе обманывать тебя подъ завѣсою мира, а между тѣмъ, порабощая другіе народы насильственно, онъ умножаетъ свои силы противъ твоей державы. Уничтоживъ уже царство вандаловъ, покоривъ маврусіевъ, послѣ того какъ подъ предлогомъ дружбы готѳы устранены имъ отъ участія въ войнѣ, онъ собралъ множество денегъ и многочисленное войско, и обратился на насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если ему удастся совершенно сокрушить силу готѳовъ, то онъ вмѣстѣ съ ними и другими порабощенными народами обратитъ оружіе на персовъ, ибо онъ ни во что не ставитъ имя дружбы, и не стыдится нарушенія клятвы. Итакъ, пока у тебя есть надежда на спасеніе, не дѣлай намъ зла своимъ бездѣйствіемъ, дабы ты самъ не претерпѣлъ того же. Въ нашихъ бѣдствіяхъ предусматривай тѣ, которыя вскорѣ постигнутъ Персію. Помни, что римляне никогда не будутъ доброжелателями твоей державы; что они, усилившись, не замедлятъ обнаружить ненависть свою къ персамъ. Употребляй во время силу свою, чтобы не искать, когда ея не станетъ. Когда благопріятное время минетъ, оно болѣе уже не возвратится. Лучше, предупредивъ зло, оградить себя, нежели, упустивъ время, подвергнуть себя позорному игу непріятеля» (Pers. II. c. 2. p. 136—158. См. пер. Дестун. стр. 154—

156). Вскорѣ потомъ явились къ Хозрою армянскіе послы и стали ему раскрывать тѣже замыслы Юстиніана, что и послы готескіе, съ тѣмъ только отличіемъ, что изобразили Юстиніана еще болѣе мрачными красками, какъ самаго вѣроломнѣйшаго изъ смертныхъ (Pers. II. c. 3). — Вотъ этими-то именно рѣчами враговъ Юстиніана, которыхъ разсѣяно въ «Войнахъ» великое множество (слич., напр., рѣчь Арсакія въ описаніи заговора Артавана, Goth. I. III. c. 31. 32), защитники Arcana и стараются доказать ея полную правдивость и тожество съ Исторіею войнъ. См. напр., Dahn., p. 313. 316. 317 и др. Гиббонъ обращаетъ особенное вниманіе на эту политику Юстиніана и дѣлаетъ по этому поводу какъ бы нѣкоторую нотацію варварамъ: Die Erfahrund vergangener Fehler, die zuweilen das reife Alter des Individuums bessert, nützt selten den aufeinander folgenden Menschengeschlechtern. Die um ihre gegenseitige Sicherheit unbekümmerten Nationen des Alterthumes wurden von den Römern einzeln besiegt und in Sclavenbande geschlagen. Diese furchtbare Lehre hätte die Barbaren des Westens bewegen sollen sich zur rechten Zeit mit einem gemeinsamen Plane und verbündeten Waffen dem unbegrenzten Ehrgeize Justinians zu widersetzen (c. 41. col. 1410); рѣчи готескихъ и армянскихъ пословъ называетъ gervichtig und wirksam (c. 42. col. 1465). — Всегда замѣчалось и замѣчается явленіе, которое потому принимаетъ характеръ неоспоримой истины,—что ничто такъ не связываетъ народы, какъ религія. Юстиніанъ, и ради служенія Богу, и въ видахъ политическихъ, старался ласками и дарами привлечь варваровъ къ союзу съ имперіей и къ принятію христіанства. Въ первый же годъ его царствованія пришелъ въ Константинополь король Геруловъ (*Ἑλούρων*), по имени Гретъ (*Γρέτης, Γραῖτις*), вмѣстѣ съ своимъ народомъ и вельможами. Онъ выразилъ императору желаніе принять христіанство и просилъ крещенія. Желаніе это было исполнено и Гретъ крестился вмѣстѣ съ вельможами и своими домочадцами. Возвращаясь въ страну свою, онъ обѣщалъ римлянамъ помогать (*συμμαχεῖν*) во всякомъ дѣлѣ, въ какомъ бы они его ни попросили (Cedrenus, I, p. 643; Theoph. Chron. p. 268). Прокопій говоритъ, что Герулы (*ἔρουλοι*) сдѣлались союзниками римлянъ и приняли христіанскую вѣру по требованію императора Юстиніана, который одарилъ ихъ землею и деньгами. Далѣе онъ замѣчаетъ, что, по принятіи христіанства, они часто ходили съ римлянами на войну. Однакожъ впослѣдствіи оказались и невѣрными, нападали на сосѣдей и безъ всякаго стыда совершали злодѣянія. Послѣ того немногіе остались въ союзѣ съ римлянами; остальные же всѣ отступили отъ нихъ и жалкимъ образомъ погибли (Goth. c. 14. p. 204). — Въ тоже самое время вступила въ союзъ съ римлянами одна вдова, по имени Воа (по Ѳеофану—*Βοαρῆξ*, по Кедрину—*Βαρῆς*), королева гунновъ савировъ, наслѣдовавшая по смерти мужа своего Влаха (по Ѳеофану—*Βαλάχ*, по Кедрину—*Μαλάχ*) стотысячное войско. Юстиніанъ пріобрѣлъ ее въ союзницы щедрыми, чисто царскими, подарками, разнообразными серебряными сосудами и уплатою огромнаго количества золота. Когда послѣ этого персидскій царь Кодъ (по Ѳеофану и Кедрину — Кавадъ) натравилъ на римлянъ

двухъ другихъ гуннскихъ князей, Тиранкса и Глома (по Θеофану — *Στύραξ καὶ Γλώνης*, по Кедрину — *Στύρακα καὶ Γλώνην*), то Воа напала на нихъ и истребила все ихъ 20,000 войско; одинъ изъ нихъ, Гломъ, былъ убитъ въ сраженіи, а другой, Тиранксъ, взятый въ плѣнъ живымъ отосланъ къ Юстиніану. «Такимъ обр. она водворила миръ и явила себя союзницею Юстиніана» (Malalas, p. 430 — 431; Theoph. Chron. p. 269; Cedrenus, I. p. 644). — Другой царь гунскій, по имени Гродъ (по Θеофану и Кедрину — *Γορδᾶς*), подданные котораго обитали близъ Босфора Киммирійскаго (что̀ около нынѣшней Керчи), пришелъ въ Константинополь и потребовалъ здѣсь у Юстиніана крещенія, которое ему и даровано было. Затѣмъ, щедро одаренный императоромъ, онъ возвратился въ свою страну, обѣщаясь охранять тамъ Босфоръ и дѣла римлянъ, и вообще быть ихъ союзникомъ противъ всѣхъ ихъ враговъ. Гродъ возвѣстилъ о щедрости и любви императора своему брату, Мугелу (по Θеофану — *Μουαγέρην*, по Кедрину — *Μοαγέραν*), и народу, и сталъ вводить христіанство. Римляне Босфора вошли въ частыя общенія съ гуннами. Но ревность, съ какою Гродъ сталъ истреблять языческія капища и идоловъ, возбудила фанатизмъ жрецовъ, которые возмутили противъ Грода народъ и умертвили его, а на мѣсто его провозгласили царемъ Мугела. Вмѣстѣ съ тѣмъ истребленъ былъ и римскій гарнизонъ Босфора. Юстиніанъ, услышавъ объ этомъ, послалъ сильное войско для отмщенія. Но гунны, услышавъ о походѣ на нихъ римлянъ, разсѣялись (*ἔφυγον ἀφανεῖς γενόμενοι*) (Malalas. p. 431 — 432; Theopl. Chron. p. 269 — 271; Cedrenus, I. p. 644 — 645). — Объ этихъ гуннахъ упоминаетъ Прокопій, но ничего не говоритъ о принятіи ими христіанства (Pers. I. c. 12. p. 57 — 58. Goth. IV. c. p. 480). Въ сосѣдствѣ съ Армянами, по верхнему теченію Воаса (Чороха), жили цаны или саны, народъ — дикій, грубый и идолопоклонническій. «Они грабили сосѣдственныхъ римлянъ, вели жизнь самую суровую и занимались разбоемъ. Римскій царь ежегодно, для удержанія ихъ отъ грабежа, посылалъ имъ опредѣленное количество золота, — и они хотя клялись, по своему закону, не грабить римлянъ, однако, забывая клятвы, неожиданно нападали на армянскія и смежныя области и раззоряли ихъ до самаго моря». Такъ продолжалось дѣло, пока они не были побѣждены римскимъ полководцемъ Ситтою, сверстникомъ Велизарія, женатымъ на сестрѣ Θеодоры, Комитѣ. Тогда они приняли христіанство и стали жить по римскому обычаю. Юстиніанъ построилъ въ ихъ странѣ церкви и усердно вводилъ христіанскіе обряды. А чтобы еще болѣе привязать ихъ къ имперіи, онъ проложилъ въ ихъ странѣ, доселѣ, по причинѣ крутыхъ горъ, обваловъ, пропастей и первобытныхъ лѣсовъ, совершенно дикой и непроходимой, хорошіе пути сообщенія. Слѣдствіемъ всего этого было то, что цаны бросили разбой, стали записываться въ римскіе полки и съ того времени служили въ римскомъ войскѣ и участвовали въ походахъ противъ его враговъ (Pers. I. c. 15. p. 77 — 78; Aedif. I. III. c. 6. p. 257). — По сѣверовосточному берегу Чернаго моря, въ странѣ лазовъ, жили авасги. Эти варвары, до времени Юстиніана, поклонялись рощамъ и лѣсамъ, и считали деревья за бо-

говъ. Ими управляли два царя, которые причиняли имъ вредъ тѣмъ, что отнимали у родителей лучшихъ ихъ дѣтей мужскаго пола, оскопляли ихъ и продавали римлянамъ, а родителей ихъ, чтобы не имѣть у себя лицъ недовольныхъ, убивали. «Въ царствованіе Юстиніана, замѣчаетъ Прокопій, у авасговъ все перемѣнилось на лучшее». Ибо они приняли христіанскую вѣру: императоръ построилъ имъ храмъ Богородицы, назначилъ священниковъ, повелѣлъ имъ обучать авасговъ всѣмъ обычаямъ христіанскимъ и строго воспретилъ оскоплять дѣтей (Gotth. IV. c. 3. p. 471 — 473; Evagr. l. IV. c. 22). При устьѣ Кубани жили готеы тетракситы, небольшое племя исповѣдовавшее христіанскую вѣру (Sprunner помѣщаетъ это племя при устьѣ Кубани, между тѣмъ какъ Изамберъ, въ приложенной имъ къ своему сочиненію картѣ имперіи Юстиніана, — по сѣверпымъ берегамъ Азовскаго моря даже до устья Днѣпра. Догадка Изамбера неправильна; ибо Прокопій говоритъ: *παρὰ δὲ τὸν χῶρον αὐτὸν, ὅθεν ἡ τῆς λίμνης ἐκβολὴ ἄρχεται, Γότθοι οἱ Τετραξῖται καλούμενοι ᾤκηνται, οὐ πολλοὶ ὄντες...*), съ чѣмъ болѣе согласуется карта Шпруннера). Прокопій не рѣшается сказать, исповѣдовали ли они когда либо аріанство, подобно прочимъ готеамъ. Услышавъ, что авасги получили отъ Юстиніана епископа, и они отправили къ нему четырехъ пословъ съ просьбою прислать имъ епископа, такъ какъ ихъ епископъ незадолго предъ этимъ умеръ. Юстиніанъ весьма охотно исполнилъ ихъ просьбу. Далѣе Прокопій прибавляетъ: *οἱ δὲ πρέσβεις αὖτοι δέει Οὔννων τῶν Οὐτουργούρων ἐς μὲν τὸ ἐμφανὲς, αὐτηκόων πολλῶν ὄντων, ἀποστοματίζοντες ὅτου δὴ ἕνεκα ἥκοιεν, ἄλλο οὐδὲν ὅτι μὴ τὰ ἐμφὶ τῷ ἱερεῖ βασιλεῖ ἤγγειλαν, ὡς λαθραιότατά τε ξυγγενόμενοι ἅπαντα φράζουσιν, ὅσα ξυνοίσειν τῇ Ῥωμαίων ἀρχῇ ἔμελλε, ξυγκρουομένων ἐς ἀλλήλους ἀεὶ τῶν σφίσι προσοίκων βαρβάρων* (Gotth. l. IV. c. 4. p. 474 — 475. Evagr. l. IV. c. 23). — Хронисты очень разнорѣчиво передаютъ объ отношеніи Юстиніана къ омиритамъ (въ Аравіи) и авксумитамъ (въ Абиссиніи противъ омиритовъ). Прокопій говоритъ, что царь авксумитовъ, Эллисееай, былъ весьма ревностнымъ христіаниномъ еще до времени сношеній съ Юстиніаномъ. Напротивъ, Малала и Кедринъ увѣряютъ, что онъ (*Ἄνδας* по Малалѣ, *Ἀδὰδ* по Кедрину) и самъ крестился во времена Юстиніана, и епископа съ клириками принялъ отъ Юстиніана. Какъ бы то ни было, только Юстиніанъ вступилъ съ обоими этими народами въ союзъ, который впрочемъ, оказался совершенно безплоденъ для цѣлей политики, такъ какъ и тотъ и другой народъ были отдаленны отъ римскихъ владѣній и отдѣлены отъ нихъ трудно проходимыми песками и моремъ (Pers. I. c. 19 — 20; Malalas, p. 433 — 434; Cedrenus, I, p. 659). — На границѣ Триполитанской области жили Мавры, народъ варварскій, финикійскаго происхожденія, имѣющій городъ Кидаму. Эти Мавры, по словамъ Прокопія, уже издавна находились въ союзѣ съ римлянами. По побужденію императора Юстиніана, всѣ они «добровольно» приняли христіанскую вѣру. Такъ какъ они съ самаго начала никогда не разрывали союза съ римлянами, вслѣдствіе того они по преимуществу названы «мирными» (*Πάκατοι*) отъ слова миръ (рах). Кромѣ этихъ «мирныхъ» мавровъ, Юстиніанъ обратилъ къ

христіанству еще другихъ, сосѣдственныхъ Триполи, варваровъ, называемыхъ гадавитанами (Γαδαβιτανοὶ, западнѣе «мирныхъ» мавровъ), «преданныхъ въ то время такъ называемому еллинскому безбожію» (Aedific. l. VI. c. 3. p. 335; c. 4. p. 337) — Юстиніанъ платилъ деньги варварамъ, въ видѣ подарковъ, съ единственною цѣлію, чтобы они жили въ мирѣ съ римлянами и не только сами не нападали бы на ихъ предѣлы, но даже оберегали бы ихъ отъ нападеній другихъ варваровъ, не состоящихъ на жалованьѣ (Менандръ отрыв. 5. стр. 323 и др.). Здѣсь въ сущности мы усматриваемъ одну и ту же систему: природные греки, по изнѣженности, сдѣлались неспособными къ военной службѣ (Arc. c. 24. p. 133 — 134; Goth. l. I. c. 18 p. 93; l. IV. c. 23. p. 581); войска составлялись по преимуществу изъ варваровъ. Естественно, что варварамъ же поручалось и охранять предѣлы имперіи. Безспорно, обращеніе къ христіанству и плата только нѣкоторымъ варварамъ разъединяли ихъ и ослабляли ихъ силу. Но не смотря на это, происходили частыя вторженія ихъ и опустошенія предѣловъ имперіи. Особенно опасны въ этомъ отношеніи были на востокѣ сарацинскія племена, а на сѣверѣ — гуннскія, населявшія подъ разными названіями весь югъ нынѣшней Россіи, отъ предгорій Кавказа до устьевъ Дуная. Тогда Юстиніанъ старался натравливать ихъ другъ на друга и иногда съ великимъ успѣхомъ (Agathias, l. V. c. 24. 25; Менандръ, отрывокъ 3. страница 320 — 321). При томъ же сарацинскія племена постоянно были раздѣлены между собою и одни изъ нихъ находились въ союзѣ съ римлянами, а другія — съ персами. Чтобы отдѣлить и эти послѣднія племена отъ персовъ, Юстиніанъ давалъ начальнику ихъ, Аламундару, подарки, которые, однакожъ, не всегда достигали своей цѣли: Аламундаръ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ, но вмѣстѣ и вѣроломнѣйшихъ варварскихъ предводителей, не стѣснявшійся никакими договорами (Pers. l. I. c. 17 — 18. p. 86 — 91; l. II. c. 1; Менандръ стр. 351. 361, и др.). Самыми вѣрными и полезными союзниками римлянъ изъ сарацинъ, даже въ войскѣ самаго Аламундара, были опять — таки тѣ, которые приняли христіанство (Pers. l. II. c. 20. p. 239 — 240). Но число этихъ, принявшихъ христіанство, сарацинъ было весьма незначительно.

НЕКРОЛОГЪ.

—

Гордій Семеновичъ Саблуковъ былъ ординарнымъ профессоромъ казанской духовной академіи по предмету миссіонерскихъ наукъ противъ мухаммеданства.

Родина его Аскинскій или Архангельскій заводъ (въ 80 верстахъ отъ г. Уфы, по рѣкѣ Бѣлой), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Кругомъ этого завода живутъ башкиры, которые являются на заводъ на базаръ, продаютъ хмѣль, калину, рыбу и др. вещи. Башкирокъ русскіе нанимаютъ иногда стричь овецъ. „Изъ дѣтства своего я помню, говорилъ мнѣ однажды Гордій Семеновичъ, то, что русскіе пугали иногда дѣтей башкиромъ *Халидомъ*, у котораго кожа на головѣ до того была удобоподвижна, что онъ, безъ посредства рукъ, двигалъ ею взадъ и впередъ и пугалъ дѣтей. Меня, впрочемъ, этотъ Халидъ никогда не пугалъ, быть можетъ потому, что онъ приходилъ къ намъ въ домъ и былъ знакомъ съ моимъ родителемъ. Однажды этотъ Халидъ сказалъ мнѣ, когда я стоялъ одинъ на крыльцѣ: „Богъ то у насъ и у васъ *одинъ*, только *вѣра не одна*“. Я былъ малъ, но эти слова какъ то помнилъ постоянно, и всячески желалъ узнать, какая вѣра у татаръ. Въ семинаріи я мало узналъ объ этомъ. Родитель и мать моя знали только нѣкоторыя татарскія слова и я, подъ ихъ диктовку, бывало, записывалъ слова извѣстныя имъ“.

Высшее образованіе Гордій Семеновичъ получилъ въ московской духовной академіи, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата богословскихъ наукъ въ 1830 году.

По окончаніи курса въ московской духовной академіи Гордій Семеновичъ отправился съ товарищемъ своимъ г. Кандалинцевымъ на родину. „Дорогой мы заѣхали, передавалъ Гордій Семеновичъ, къ жившему на покоѣ въ ростовскомъ Варницкомъ монастырѣ преосвященному Августину, бывшему епископу оренбургскому, который велъ аскетическую жизнь и не слишкомъ то хорошо вообще отзывался объ ученыхъ. Названій „баккалавръ, профессоръ“ преосвященный Августинъ терпѣть не могъ. Онъ принялъ насъ и угостилъ краснымъ киселемъ. Онъ сказалъ мнѣ: ну, ты, я думаю, будешь теперь дьякономъ? Отвѣчать на эти слова я ничего не нашелся, говорилъ Гордій Семеновичъ, да и что отвѣтилъ бы я такому человѣку, какимъ я представлялъ Августина... Я молчалъ и только думалъ въ душѣ своей: да, я хочу быть *діакономъ*, т. е. слугою для церкви и ближнихъ моихъ“.

Въ проѣздъ черезъ Казань онъ купилъ себѣ татарскую грамматику Троянскаго у преподавателя татарскаго языка при казанской духовной семинаріи Алексѣя Онисифорова, и началъ послѣ того присматриваться къ языку татарскому. Въ тоже время Гордій Семеновичъ Саблуковъ записывалъ нѣкоторые отрывочные стихи, которые ему передавали неграмотные башкиры и татары. Въ числѣ такихъ записанныхъ имъ стиховъ оказались выдержки изъ извѣстной у мухаммеданъ книги „Мухамедійэ“.

По окончаніи академическаго курса Гордій Семеновичъ назначенъ былъ на должность наставника по гражданской исторіи въ саратовскую духовную семинарію. Татарскую грамматику Троянскаго Гордій Семеновичъ Саблуковъ взялъ съ собой, кромѣ того онъ взялъ съ собой же подаренную ему въ академіи

баккалавромъ еврейскаго языка Богоявленскимъ (1) грамматику арабскаго языка Болдырева (2).

Въ Саратовѣ въ то время былъ преосвященнѣйшій Іаковъ, извѣстный ревнитель противъ раскола. Въ то время при семинаріяхъ вводилось преподаваніе мѣстныхъ инородческихъ языковъ, какъ вполнѣ необходимыхъ для семинаристовъ—будущихъ пастырей. Преосвященный Іаковъ отъ кого-то узналъ, что Гордій Семеновичъ Саблуковъ знаетъ татарскій языкъ, призвалъ его къ себѣ и велѣлъ ему принести и татарскія книги. Не имѣя никого въ виду, преосвященный Іаковъ уговорилъ Гордія Семеновича взять на себя обязанность преподавателя татарскаго языка въ саратовской духовной семинаріи, и, между тѣмъ какъ представленіе объ этомъ опредѣленіи ходитъ къ высшему начальству на утвержденіе, преосвященный Іаковъ рекомендовалъ ему еще прилежнѣе заняться изученіемъ татарскаго языка. Гордій Семеновичъ Саблуковъ принялся за татарскій языкъ со всѣмъ усердіемъ; познакомился съ татарскимъ муллой Насыромъ. Но мулла оказался мало свѣдущимъ и безъ всякаго педагогическаго такта: что ему ни прочитаетъ потатарски, что ни переведетъ съ татарскаго языка на русскій Гордій Семеновичъ, мулла все говорилъ: такъ, такъ! „Вотъ какъ я началъ изученіе татарскаго и арабскаго языка“, говорилъ Гордій Семеновичъ. Начинается всегда съ незамѣтныхъ какихъ-то обстоятельствъ...

---

(1) Однажды Гордій Семеновичъ передавалъ мнѣ, что онъ съ любовію занимался въ московской духовной академіи еврейскимъ языкомъ, и помимо многихъ мѣстъ изъ разныхъ священныхъ книгъ, переводимыхъ и объясняемыхъ наставникомъ въ классѣ, самостоятельно, т. е. внѣ классныхъ занятій, по этому предмету прочиталъ въ цѣломъ составѣ книги: пророка Исаіи, Амоса, Аггея, Захаріи и др.

(2) Краткая арабская грамматика въ таблицахъ, изд. Алексѣемъ Болдыревымъ, проф. вост. яз. при Им. моск. ун. Москва, 1827 г.

„Три года, говорилъ Гордій Семеновичъ, я дѣйствовалъ какъ-то не такъ, а потомъ, слава Богу, я направился. Многіе изъ учениковъ моихъ говорили мнѣ спасибо, это утѣшаетъ меня и доселѣ, я спокоенъ, что моя дѣятельность приносила пользу. А въ своей дѣятельности я всегда старался быть безупречнымъ предъ своею совѣстію. Въ своей дѣятельности я всегда старался быть полезнымъ своимъ ближнимъ и прославить Бога. Эту мысль я и старался держать въ умѣ своемъ и въ сердцѣ, жить ею, выносить ее въ своемъ характерѣ. Я глубоко вѣрую, что слова Евангелія справедливы: *претерпѣвый же до конца спасется* (Матѳ. зач. 36). Что это значитъ? Не только то, что спасется тотъ, кто терпитъ мученія за вѣру, или вообще бѣдствія, но и то, чтобы *вытерпѣть*, прожить или осуществить въ жизни какую либо добрую мысль, словомъ это указываетъ на *устойчивость* христіанскаго характера".

Вопросъ о томъ, чтобы остаться въ свѣтскомъ званіи и не быть священникомъ Гордій Семеновичъ рѣшилъ давно. „Не обстоятельства и не духовно-училищная служба довела меня до старости въ свѣтскомъ званіи, говорилъ онъ, нѣтъ,—я давно объ этомъ рѣшилъ вопросъ. Когда онъ у меня стоялъ въ свое время на очереди, я подумалъ: едвали я при своемъ слабомъ здоровьи могу вынести труды пастырскаго служенія! Богослуженіе, назиданіе, требоисправленія, особенная жизнь, какая требуется и ожидается отъ каждаго пастыря, — все это меня сильно затрудняло. Я рѣшилъ: лучше останусь на духовно-училищной службѣ въ званіи мірянина, быть можетъ лучше буду полезенъ, и—остался таковымъ до сихъ поръ. Думаю, что и для меня такая жизнь была полезнѣе".

Въ то время редакторомъ Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостей былъ извѣстный теперь историкъ Н. Костомаровъ. Онъ обратился въ духовную семинарію съ предложеніемъ, не желаетъ ли кто-либо изъ наставниковъ духовной семинаріи доставлять ему свои

статьи для помѣщенія въ губернскихъ Саратовскихъ вѣдомостяхъ: Гордій Семеновичъ доставилъ нѣсколько статей г. Костомарову, который помѣстилъ ихъ съ интересными отзывами отъ редакціи.

Въ Саратовѣ Гордій Семеновичъ занялся изученіемъ края и составилъ весьма основательную статью: „Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства“ (см. Сарат. губ. вѣдом. 1845 г.). Ученые назвали этотъ очеркъ *прекраснымъ* (см. О мѣстоположеніи столицы Золотой Орды Сарая В. В. Григорьева, Спб. 1845 г. стр. 40, 86, 87). Тогда же Гордій Семеновичъ составилъ статью: „Состояніе православной россійской церкви въ царствѣ Кипчакской или Золотой Орды“. Статья эта черезъ преосвященнѣйшаго саратовскаго была доставлена въ редакцію Ученыхъ Записокъ казанскаго университета, гдѣ и была напечатана (1842 г. стр. 38—55). Въ тѣхъ же запискахъ Гордій Семеновичъ напечаталъ „Изслѣдованіе о мѣстѣ Сарая столицы Кипчакской орды“ (ibid. стр. 5—76). Послѣднее сочиненіе обратило тогда на себя вниманіе ученыхъ русскихъ оріенталистовъ, которые отнеслись къ этому труду Гордія Семеновича съ одобреніемъ. Они высказали, что Гордій Семеновичъ Саблуковъ даже при весьма незначительныхъ пособіяхъ, какія были у него подъ руками, пришелъ въ своемъ изслѣдованіи къ весьма важнымъ и правильнымъ результатамъ.

Въ мѣстныхъ Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ Гордій Семеновичъ напечаталъ нѣкоторыя замѣтки по части обрядовъ у мусульманъ, а также по части описанія разныхъ русскихъ обычаевъ.

Въ 1849 году онъ былъ вызванъ въ казанскую духовную академію. Наставники саратовской духовной семинаріи радовались такому движенію по службѣ своего товарища и, цѣня труды и другія качества Гордія Семеновича Саблукова, выразили ему свои чувства рѣдкимъ въ то время образомъ. Они поднесли ему серебряный (84 пробы) вызолоченный кубокъ (родъ высокаго большаго бокала) съ обозначеніемъ

1849 года. На верху этого кубка вырѣзаны скорописью слѣдующія слова:

„Гордію Семеновичу
Саблукову
сотрудники и учившіеся“.

Потомъ на томъ же кубкѣ на особыхъ серебряныхъ накладкахъ чернью изображены слѣдующія слова на разныхъ языкахъ: يواشليق (потатарски — ювашлыкъ, т. е. смиреніе), صبر (поарабски — сабрунъ, т. е. терпѣніе), עמל (поеврейски амаль, т. е. трудъ), آشنايى (поперсидски—друзья его, или дружба) и XIX, (т. е. 19 лѣтъ службы Гордія Семеновича Саблукова въ саратовской духовной семинаріи). Такимъ образомъ бывшіе сослуживцы Гордія Семеновича Саблукова весьма характерно изобразили и свойства души Гордія Семеновича Саблукова, и предметъ его занятій, т. е. особенную любовь его къ оріентальнымъ изслѣдованіямъ.

Случай, по которому Гордій Семеновичъ Саблуковъ былъ вызванъ въ Казань, былъ слѣдующій.

Въ Казани былъ въ то время высокопреосвященнѣйшій Григорій, впослѣдствіи митрополитъ санктпетербургскій. Онъ обратилъ свое вниманіе на крещеныхъ татаръ казанской епархіи и приблизилъ къ себѣ Николая Ивановича г. Ильминскаго, бывшаго тогда баккалавромъ математики и татарскаго языка въ казанской духовной академіи. По порученію преосвященнѣйшаго Григорія Н. И. Ильминскій сдѣлалъ нѣкоторыя поѣздки по татарокрещенскимъ селеніямъ казанской епархіи и доставилъ преосвященному свѣдѣнія о религіозномъ положеніи крещеныхъ татаръ. Тогда же Ильминскій высказалъ преосвященному Григорію о Высочайше данномъ казанской духовной академіи порученіи о переводѣ литургіи на татарскій языкъ, и о томъ, что это порученіе главнымъ образомъ падаетъ на него одного, какъ преподавателя татарскаго языка въ казанской академіи. Преосвя-

щеннѣйшій Григорій пригласилъ къ себѣ ректора академіи архимандрита Григорія (теперь архіепископъ калужскій) и распросилъ его объ этомъ дѣлѣ. Оказалось, что при академіи существуетъ съ 2 іюня 1847 г. по Высочайшему повелѣнію комитетъ для провѣрки перевода на татарскій языкъ Новаго Завѣта и для перевода богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ. Въ комитетѣ этомъ были членами: ректоръ академіи, вышеупомянутый архимандритъ Григорій, профессоръ казанскаго университета Мирза Александръ Касимовичъ Казембекъ и баккалавръ казанской академіи Н. И. Ильминскій. Для успѣха дѣятельности этого переводческаго комитета академическое начальство поручило сдѣлать опыты переводовъ богослужебныхъ книгъ нѣкоторымъ изъ наставниковъ духовныхъ семинарій, гдѣ преподавался татарскій языкъ. Такое порученіе было сдѣлано именно преподавателямъ татарскаго языка въ казанской семинаріи—священнику Аполлону Александрову, саратовской—Гордію Семеновичу Саблукову и наставнику татарскаго языка астраханской семинаріи. Послѣдній представилъ переводъ неудовлетворительный, а первый ничего не представилъ, и даже отозвался, что переводить не можетъ. Гордій Семеновичъ Саблуковъ представилъ въ академію переводъ на татарскій языкъ утрени съ объяснительною запискою о своемъ переводѣ. Н. И. Ильминскій, разсматривавшій переводъ Гордія Семеновича Саблукова, нашелъ его очень удовлетворительнымъ и подалъ ректору академіи, архимандриту Григорію, мысль вызвать Саблукова въ Казань. Гордія Семеновича особенно всегда одобрялъ и хвалилъ въ кругу академическомъ Андрей Игн. Беневоленскій, профессоръ общей церковной исторіи въ академіи, бывшій профессоръ оренбургской духовной семинаріи. При немъ учился въ семинаріи Гордій Семеновичъ.

Въ 1849 году Гордій Семеновичъ Саблуковъ былъ вызванъ въ казанскую духовную академію и опредѣленъ баккалавромъ греческаго языка, и въ тоже вре-

мя преподавателемъ татарскаго языка въ казанской духовной семинаріи вмѣсто уволившагося о. Аполлона Александрова.

Поступивши въ Казанскую Духовную Академію, Гордій Семеновичъ Саблуковъ поступилъ и въ члены упомянутаго Высочайше утвержденнаго комитета для перевода на татарскій языкъ богослужебныхъ книгъ. Прибытіе его въ Казань было дорого для этого комитета еще и потому, что членъ его, профессоръ Мирза А. Казембекъ перешелъ изъ Казани на службу въ Петербургскій университетъ, почему и дѣятельность его въ переводческомъ комитетѣ должна была получить иное направленіе. Гордій Семеновичъ съ горячимъ усердіемъ принялся за пересмотръ перевода Новаго Завѣта на татарскій языкъ, сдѣланнаго профессоромъ Казембекомъ, а равно и за составленіе своихъ переводовъ вечерни, каноновъ, часослова и т. п. Комитетомъ изданы: Чинъ Божественной Литургіи св. Іоанна Златоустаго, Часословъ и Евангеліе на татарскомъ языкѣ (1) Гордій Семеновичъ слѣдилъ за правильностію печатанія первыхъ двухъ изъ поименованныхъ книгъ и держалъ корректуру, за что и получилъ, по опредѣленію Святѣйшаго Сунода, вознагражденіе около 50 р. сер.

До 1858 года Гордій Семеновичъ Саблуковъ преподавалъ греческій языкъ, татарскимъ же и арабскимъ языкомъ онъ занимался собственно какъ членъ переводческаго комитета. Но съ 1858 г. на него было возложено преподаваніе миссіонерскихъ наукъ противъ мухаммеданства, равно и арабскій языкъ съ татарскимъ, потому что Н. И. Ильминскій въ то время вышелъ изъ казанской академіи и перемѣщенъ былъ на

(1) Нѣкоторыя подробности объ этомъ комитетѣ см. въ исторической запискѣ: «Двадцатипятилѣтіе Казанской духовной академіи» И. П. Гвоздева,—отдѣльн. оттискъ изъ Прав. Собесѣдника 1868 г. стр. 87—90 и въ Запискахъ Мисс. Общества, состоящаго подъ Всемилостивѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, Вып. III, Спб. 1867 г. стр. 86-106.

службу въ Оренбургскую пограничную коммиссію (1).

Съ построеніемъ и формами татарскаго языка Гордій Семеновичъ Саблуковъ знакомилъ студентовъ академіи по грамматической системѣ турецко—татарскаго языка проф. Казембека. Элементарныя свѣдѣнія по арабскому языку онъ передавалъ по краткой грамматикѣ проф. Болдырева. Болѣе полныя свѣдѣнія о глагольныхъ формахъ и синтаксисѣ арабскаго языка Гордій Семеновичъ Саблуковъ преподавалъ по составленнымъ имъ самимъ запискамъ. Для практическихъ упражненій въ татарскомъ языкѣ переводилъ онъ со студентами статьи изъ книги „Рисаляи—газизя," а въ арабскомъ языкѣ—нѣкоторыя главы изъ Алкорана. Впрочемъ такъ какъ времени или классовъ для изученія этихъ языковъ давалось чрезвычайно мало, въ недѣлю одинъ классъ, такъ что въ одну недѣлю былъ классъ татарскаго языка, а въ другую — классъ арабскаго языка, то Гордій Семеновичъ видѣлъ, что студенты, его слушатели, не могутъ далеко подвинуться въ успѣхахъ по изученію этихъ языковъ. И самъ онъ поэтому обратилъ все свое вниманіе на опроверженіе или полемику противъ ислама.

Предметъ этотъ до него былъ въ академіи. можно сказать, совершенно неизвѣстнымъ. Н. И. Ильминскій преподавалъ главнымъ образомъ языки татарскій и арабскій и знакомилъ студентовъ преимущественно съ источниками мухаммеданскаго вѣроученія (2). Гор-

(1) См. 25-лѣтіе Каз. духовной Академіи. Историческая Записка. И. П. Гвоздева, 1867 г. стр. 78.

(2) Какъ пособія для основательнаго изученія языковъ — арабскаго и татарскаго и для точнаго уразумѣнія мохаммеданства, Н. И. Ильминскій издалъ: а) въ 1855 г. сочиненіе. на арабскомъ языкѣ, *Мохаммеда Бирки*, содержащее въ себѣ довольно подробное, послѣдовательное и отчетливое изложеніе основныхъ понятій мусульманскаго вѣроученія и нравоученія; б) въ 1857 г. — *Баберъ—намэ*, или записки султана Бабера, въ подлинномъ текстѣ, съ цѣлію—дать пособіе къ изученію джагатайскаго нарѣчія и вообще тюркскаго языка; и в) въ 1859 г. *Рабгузы*—исторію пророковъ. См. «Двадцатипятилѣтіе Каз. дух. академіи,» стр. 89.

дій Семеновичъ первый положилъ начало этой наукѣ на академической каѳедрѣ миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія.

Изъ трудовъ его въ это время появились въ печати: „Родословная тюркскаго племени, соч. Абуль-Гази, ч. 1-я“ (Казань, 1854 г.). Переводъ этой родословной докончень уже впослѣдствіи времени. Онъ снова пересмотрѣлъ весь свой переводъ сочиненія Абуль-Гази Багудуръ—хана и, по просьбѣ секретаря С. петербургскаго археологическаго общества В. Тизенгаузена, вручилъ ему свою рукопись для напечатанія (¹).

Что же касается до трудовъ его противъ мухаммеданства, то они касаются собственно вѣроученія мухаммеданскаго. Время 1858—1862 годовъ особенно было употреблено имъ на изслѣдованіе мухаммеданства. Трудамъ своимъ онъ, по своей всегдашней скромности, далъ названіе „Сборника свѣдѣній о мохаммеданскомъ вѣроученіи, пригодныхъ для бесѣды христіанина съ мохаммеданиномъ объ истинахъ вѣры.“ „Мохаммедане смѣло проповѣдуютъ, писалъ онъ, что ихъ религія есть послѣднее, заключительное откровеніе Божіе; что ихъ религія, какъ высшее и совершеннѣйшее Откровеніе Божіе, одна нынѣ на землѣ учитъ истинному Богопознанію и богоугодной дѣятельности; потому, отмѣняя собою предшествовавшія ей откровенныя ученія—Законъ Моисея и Евангеліе Іисуса Христа,— одна должна быть всемірною вѣрою. Эта проповѣдь мохаммеданъ, которую приводилось мнѣ много разъ слышать въ разговорахъ съ ними и читать въ ихъ книгахъ, возбудила во мнѣ желаніе основательно изучить вѣроученіе ихъ какъ въ источникахъ его — Коранѣ и мохаммеданскомъ преданіи, такъ и въ система-

(¹) См. протоколы засѣданій совѣта Каз. Дух. Академіи, 1873 г стр. 324.

тическихъ изложеніяхъ этого вѣроученія, для того, чтобы имѣть твердое основаніе судить о качествѣ доказательствъ, на какія опираются мнѣнія мохаммеданъ о своей религіи. Изучая законоположительные источники мохаммеданскаго вѣроученія, я искалъ въ нихъ отвѣта на вопросъ: Коранъ и мохаммеданское преданіе даютъ ли основаніе вѣрованію мохаммеданъ, что ученіе, въ нихъ заключающееся, есть откровенное ученіе Бога? Разсмотрѣніемъ источниковъ съ этой стороны опредѣлилось истинное мѣсто мохаммеданскому вѣроученію въ средѣ другихъ религій. Разсматривая мохаммеданское вѣроученіе въ систематическомъ изложеніи его, я поставилъ себѣ задачей сличать его догматическія вѣроположенія, богослужебные уставы и нравоучительныя правила съ ученіемъ христіанскимъ, чтобы ясно видѣть несостоятельность похвалъ, воздаваемыхъ мохаммеданами своему вѣроученію. Въ связи съ этими главными задачами разсматривались и всѣ другія второстепенныя вѣроположенія мохаммеданской религіи. Такъ составлялся мной обзоръ мохаммеданской религіи подъ названіемъ „Сборникъ“... (1)

(1) Въ этомъ сборникѣ разсматриваются Гордіемъ Семеновичемъ Саблуковымъ слѣдующія предметы: причины, по которымъ обличеніе мохаммеданскихъ заблужденій преподается въ казанской духовной академіи отдѣльно отъ обличительнаго Богословія. Систематическая форма, въ какой мухаммедане изложили свое вѣроученіе. Учебники въ казанскихъ мохаммеданскихъ школахъ: а) для арабскаго языка, б) для риторики, в) для мусульманскаго богословія, г) по правовѣдѣнію, д) толкованіе Корана, е) преданіе, ж) учебники для философскихъ наукъ.

Полемическія сочиненія мохаммеданской вѣры. Обзоръ сочиненій, написанныхъ христіанами въ опроверженіе мохаммеданской вѣры. О Коранѣ. Внѣшнія качества его и внутреннее достоинство. Первоначальная редакція Корана. Мнѣніе суннитовъ и шіитовъ о достоинствѣ первоначальныхъ редакцій Корана. Языкъ, на которомъ написанъ Коранъ. Употребленіе Корана у мухаммеданъ. Переводы Корана съ арабскаго на другіе языки.

А) Коранъ не представилъ доказательствъ исторической дѣйствительности своего происхожденія отъ Бога, въ разсказахъ: а) О первона-

„Въ составляемомъ мною „сборникѣ“ свѣдѣній, излагая мой судъ и приговоръ о какомъ-либо вѣроположеніи мухаммеданской религіи, я приводилъ, говоритъ Гордій Семеновичъ, значительные отрывки изъ мухаммеданскихъ вѣроучительныхъ книгъ, какъ

чальномъ откровеніи Мохаммеду, б) о повременныхъ явленіяхъ ему Ангела, в) о восхожденіи Мохаммеда на небо. Частные вопросы, входящіе сюда, слѣдующіе: 1) разсмотрѣніе образовъ откровеній, коими по ученію мохаммеданъ переданъ Богомъ Коранъ Мохамеду. Основанія увѣренности въ дѣйствительности откровенія. 1) Первоначальное откровеніе Мохаммеду въ горѣ Хара или призваніе Мохаммеда къ пророческой должности. Сужденіе о первомъ откровеніи перваго призванія Мохаммеда къ пророчеству. 2) Повременныя явленія ангела съ откровеніями Мохаммеду, видъ въ какомъ являлся ему ангелъ. Состоянія Мохаммеда во время принятія откровенія. Способъ передачи откровеній ангеломъ и принятія ихъ Мохаммедомъ. Сужденіе о различныхъ явленіяхъ ангела для передачи откровеній Божіихъ Мохаммеду. 3) Восхожденіе Мохаммеда на небо. Уставы, данные Богомъ Мохаммеду во время его восхожденія на небо. Мнѣнія Мохаммеданъ о времени восхожденія Мохаммеда на небеса, о быстротѣ хожденія его и о состояніи самого Мохаммеда въ минуты его восхожденія. Доказательства дѣйствительности восхожденія Мохаммеда на небо. Догматическая важность восхожденія Мохаммеда на небо въ вѣроученіи суннитовъ. Сужденіе о восхожденіи Мохаммедовомъ на небо. Пророческія видѣнія Мохаммеда во время Мираджа (восхожденія на небо).

Б) Въ языкѣ и художественной формѣ изложенія Корана не заключается признаковъ происхожденія его отъ Бога. Этихъ признаковъ нельзя выводить: 1) изъ качествъ языка, 2) изъ риторическихъ формъ изложенія, 3) изъ поэтическихъ достоинствъ нѣкоторыхъ частей его (соотвѣтственно требованіямъ а) ума, b) чувства и с) воображенія).

Въ этомъ отдѣлѣ частные вопросы таковы:

Разсмотрѣніе мохаммеданскаго мнѣнія, что Коранъ въ формѣ своего изложенія и въ содержаніи ученія заключаетъ признаки, что онъ откровеніе Бога.

Богатство арабскаго языка. Предметность этого языка. Метафорическій характеръ языка.

В) Коранъ не доказалъ своего происхожденія отъ Бога увѣреніемъ, что ученіе его есть истина. Его ученіе не есть истина, потому что 1) не согласно съ ученіемъ откровенія: а) въ исторіи, б) въ догматическомъ ученіи, в) въ нравственномъ, г) въ указаніи пророчествъ о Мохаммедѣ. 2) Не удовлетворяетъ многими положеніями: а) уму и нравственному чувству, б) противорѣчіями себѣ самому.

Г) Коранъ не доказалъ своего происхожденія отъ Бога свидѣтельствомъ Бога: а) чудесами, б) пророчествами.

основанія для сужденія о качествѣ вѣроположенія: этимъ я хотѣлъ доставить читателю Сборника, особенно тому, кому потребно основательно знать мухаммеданское вѣроученіе, матеріалъ для познанія его и проч.“ (1).

Въ указанномъ (въ примѣчаніи) подробномъ перечнѣ предметовъ „Сборника“ выражена, можно сказать, программа академическихъ лекцій Гордія Семеновича. Эту программу онъ выполнилъ, конечно, не всю съ одинаковой полнотою. „Нѣкоторые отдѣлы моего сборника, говоритъ самъ Гордій Семеновичъ, довольно полны, а иные только очерчены въ главныхъ вопросахъ, какіе должны рѣшиться въ нихъ и требуютъ съ моей стороны обработки“ (2). Но гораздо большая часть этой программы выполнена какъ слѣдуетъ и надобно желать, чтобы коммиссія по изданію миссіонерскаго противомусульманскаго сборника поскорѣе издала эти труды Гордія Семеновича.

Въ 1862 г. Гордій Семеновичъ, по прошенію, уволенъ отъ духовно-училищной свыше 32-лѣтней службы съ полною пенсіею. Но это не значитъ, что Гордій Семеновичъ по выходѣ въ отставку, оставилъ свои занятія. Нѣтъ, онъ еще болѣе предался имъ на свободѣ. Въ самый годъ увольненія изъ академіи Гордій Семеновичъ издалъ *Путевыя записки двухъ хаджіевъ*,—хаджи Измаила, изъ Каргалы, оренбургской губерніи, отправившагося въ Мекку въ 1751 году черезъ Бухарію, Афганистанъ и Индію; и хаджи Мохаммедъ-Амина изъ Янгакипитъ, казанской губерніи, отправившагося въ Мекку въ 1783 г. черезъ Кавказъ, Константинополь и Египетъ (3): ايكى حاجىنڭ رحلت نامەلارى برى حاجى اسماعيل بيڭ محمد اوغلندين وينه برى حاجى محمد امين اوغلندين روايت اولنغان *

(1) См. Сличеніе мух. ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ. Сост. Г. Саблуковъ, Казань, 1872 г. Предисловіе.

(2) Тамъ же.

(3) Казань. 1862 г.

Далѣе, — не говоря о значительныхъ пополненіяхъ, которыя Гордій Семеновичъ дѣлалъ въ своихъ, читанныхъ имъ въ академіи, лекціяхъ, онъ многое составилъ вновь и отчасти издалъ. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести его „Сличеніе мохаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ“. Казань, 1873 г. „Сличеніе“ издано на деньги, испрошенныя у св. Синода г. Оберъ-Прокуроромъ, графомъ Д. А. Толстымъ, по ходатайству г. Попечителя П. Д. Шестакова. Потомъ: „Коранъ, законодательная книга мохаммеданскаго вѣроученія, переводъ съ арабскаго языка Гордія Саблукова, изданіе коммиссіи миссіонерскаго противомусульманскаго сборника при казанской духовной академіи. Казань 1878 г.“; наконецъ—„Приложенія къ переводу Корана, Гордія Саблукова. выпускъ I (приложеніе 1). Изданіе также коммиссіи Миссіонерскаго противомусульманскаго сборника при казанской духовной академіи“ (Казань, 1879 г.).

„Сличеніе“ Гордія Семеновича Саблукова весьма важно особенно въ миссіонерскомъ отношеніи. На него очень скоро обратили вниманіе и сами мухаммедане. Казанскіе мухаммедане прислали Гордію Семеновичу Саблукову анонимное письмо съ возраженіями на его книгу. Въ далекомъ отъ Казани Константинополѣ была, по поводу этой книги, корреспонденція, въ которой было упомянуто, что на эту книгу Г. Саблукова готовитъ опроверженіе одинъ важный человѣкъ въ Константинополѣ (въ 1873 г.). Въ этой корреспонденціи о Гордіѣ Семеновичѣ Саблуковѣ ошибочно сказано, будто онъ обучался въ спб. университетѣ, будто онъ подъ видомъ странника мухаммеданина путешествовалъ по востоку, изучилъ бытъ мухаммеданъ и, возвратившись, скинулъ татарскую чалму, надѣлъ русскую шапку и сталъ дѣйствовать противъ мухаммеданъ (1).

(1) Срав. Сынъ Отечества 1874 г. №№ 1 и іюня. отъ 5

Вслѣдъ за напечатаніемъ своего сочиненія „Сличеніе“, Гордій Семеновичъ думалъ было издать сочиненіе „о Кыблѣ“. Начало этого сочиненія было уже представляемо въ цензуру, но Гордій Семеновичъ пріостановился изданіемъ его въ виду необходимой потребности изданія для миссіонеровъ точнаго перевода Корана *съ арабскаго текста* на русскій языкъ, что̀ Гордій Семеновичъ и исполнилъ. Начало изслѣдованія о Кыблѣ, бывшее уже въ цензурномъ разсмотрѣніи, обнимаетъ слѣдующіе предметы: 1) Что такое Кыбла? 2) Кыбла мохаммеданъ—Кааба. 3) Предписаніе Корана о Кыблѣ. 4) Значеніе Кыблы въ обрядахъ мохаммеданскихъ молитвъ. 5) Слова Корана о построеніи Каабы. 6) Мохаммеданское преданіе о построеніи Каабы. 7) Разсказы мохаммеданъ о христіанской Кыблѣ. 8) Свѣдѣнія, которыми условливается правильное сужденіе исповѣдника одной религіи о качествѣ другой. Къ этому отдѣлу или началу, имѣются три приложенія, изъ коихъ первое особенно замѣчательно. Оно разъясняетъ, что такое мохаммеданскій хаджъ, и что такое русскій праздникъ.

Но у Гордія Семеновича была еще дѣятельность такъ сказать практическая. Кабинетъ его былъ аудиторіей для казанскихъ миссіонеровъ, которые выслушивали отъ Гордія Семеновича уроки—результаты его научныхъ изслѣдованій. Впрочемъ Гордій Семеновичъ готовъ былъ руководить всякаго въ св. дѣлѣ миссіи. Въ 1876 г. прибылъ въ Казань изъ г. Костромы Стефановской церкви священникъ Іоаннъ Алексѣевичъ о. Метелкинъ. По благословенію преосвященнѣйшаго Платона архіепископа костромскаго, онъ былъ командированъ костромскимъ миссіонер. комитетомъ въ Казань для ознакомленія съ ученіемъ мухаммеданъ и съ способами обращенія ихъ въ христіанство (1). 10 сентября мы отправились съ о. Ме-

(1) Отчеты Костромскаго епарх. комитета Православн. миссіонерскаго общества за 1875—1876 г. стр. 6—7 и за 1877—1878 г. стран. 6.

телкинымъ къ Гордію Семеновичу, который передалъ о. Метелкину, какъ онъ отвѣчаетъ мухаммеданамъ на одно возраженіе. Мухаммедане, не признавая божества Іисуса Христа, думаютъ, между прочимъ, доказывать свое положеніе словами самого же Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ: *не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему: иди же ко братіи Моей. и рцы имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17). Самый оборотъ рѣчи показываетъ, говорятъ мухаммедане, что Іисусъ Христосъ не считалъ себя Богомъ. Но Гордій Семеновичъ, напротивъ, выяснилъ, что именно оборотъ рѣчи-то и показываетъ особенное отношеніе Іисуса Христа къ Богу Отцу. Если бы Іисусъ Христосъ не считалъ себя Богомъ, а признавалъ себя простымъ человѣкомъ, подобнымъ Маріи Магдалинѣ и апостоламъ, то не сталъ бы говорить: иду къ Богу *вашему*, *Отцу вашему*, а сказалъ бы: иду къ Отцу *нашему*,—Богу *нашему*. Такимъ образомъ Гордій Семеновичъ доказываетъ мухаммеданамъ, что вышеприведенными словами Іисусъ Христосъ „не объединяетъ Себя съ человѣками, а различаетъ Себя отъ нихъ; говоритъ, что Богъ есть Богъ Его не такъ, какъ Онъ есть Богъ человѣковъ; что Богъ есть Богъ Іисусу Христу по единосущности божественнаго естества; Онъ Отецъ Ему потому, что Іисусъ Христосъ есть единородный Сынъ Его. А въ отношеніи къ человѣкамъ Богъ есть Богъ, какъ творецъ ихъ; есть Отецъ имъ, потому что они сыны Ему по благодати. Различая это, Іисусъ Христосъ и говоритъ: „Богъ Мой и Богъ вашъ; Отецъ Мой и Отецъ вашъ“. Ефес. 1, 3—5. Гал. 4, 4. 5.“ и проч. (1). Кабинетъ Гордія Семеновича былъ школой, гдѣ мухаммеданскіе ученики-шакирды выслушивали объясненія многихъ мѣстъ своего Корана и узнавали христіанскія истины и

(1) Приложенія къ переводу Корана Гордія Саблукова. Вып. I. Казань. 1879 г. стр. 104.

русскій языкъ. Наконецъ кабинетъ Гордія Семеновича былъ элементарною школою для маленькихъ русскихъ дѣтей. У Гордія Семеновича часто можно было встрѣтить дѣтей, коихъ онъ обучалъ грамотѣ и особенно молитвамъ. Гордій Семеновичъ старался внушить дѣтямъ самое главное: какой они вѣры, кто-такой Іисусъ Христосъ Спаситель, сколько надъ каждымъ изъ мальчиковъ совершено таинствъ, что такое таинство, что такое крестъ и крестное знаменіе и проч. Дѣти много времени отнимали у Гордія Семеновича, но онъ говорилъ: „отказывать мнѣ не хочется дѣтямъ, родители коихъ просятъ меня обучать ихъ. Быть можетъ, я сдѣлаю имъ какое-либо добро; въ дѣтскихъ сердцахъ, быть можетъ, укрѣпится то, что я постараюсь внушить имъ о христіанствѣ“.

Воспитанникамъ мухаммеданскихъ школъ Гордій Семеновичъ часто объяснялъ смыслъ и значеніе православныхъ христіанскихъ празднествъ. Съ терпѣливостію онъ вразумлялъ ихъ, когда они высказывали свои несправедливыя сужденія. Представимъ для образца то, что мнѣ приходилось узнать объ этомъ. Такъ мухаммеданскіе шакирды однажды съ усмѣшкою говорили о русскомъ праздникѣ—масляницѣ (въ 1867 г.). Гордій Семеновичъ разъяснилъ имъ значеніе сырной недѣли, причемъ прочиталъ Евангеліе, читаемое въ недѣлю сыропустную (Еван. Матѳ. зач. 17; гл. 6, 14—21 ст.). Читая Евангеліе это по арабской библіи, магометане не хорошо относились къ встрѣтившемуся выраженію *„Отецъ вашъ небесный“* (ابوكم السماوى). Гордій Семеновичъ сказалъ, что этотъ эпитетъ всего лучше идетъ къ Высочайшему существу—Богу, коего мы всѣ дѣти. Но это, конечно, не имѣло бы для мухаммеданъ убѣдительности, если бы Гордій Семеновичъ не указалъ имъ мѣсто въ Коранѣ, гдѣ Богъ также называется такимъ существомъ, ко-

торый *на небеси:* أَأَمِنتُم مَّن فِي ٱلسَّمَآءِ أَن يَخْسِفَ بِكُمُ ٱلْأَرْضَ فَإِذَا
هِيَ تَمُورُ أَمْ أَمِنتُم مَّن فِي ٱلسَّمَآءِ أَن يُرْسِلَ عَلَيْكُمْ حَاصِبًا فَسَتَعْلَمُونَ كَيْفَ نَذِيرِ

Т. е. ужели не опасаетесь, что *Тотъ, кто на небѣ*, можетъ велѣть землѣ поглотить васъ, тогда какъ она уже колеблется? Ужели не опасаетесь, что *Тотъ, кто на небѣ*, можетъ послать на васъ бурный вѣтръ, тогда какъ знаете, сколь грозное мое обличеніе? (Коранъ, глав. 67, 16. 17). Это особенно стѣснило шакирдовъ, такъ что они читали послѣ этого въ Евангеліи слова: „Отецъ небесный“ безъ всякихъ замѣчаній.

Но вразумляя мухаммеданъ у себя въ кабинетѣ, Гордій Семеновичъ вразумлялъ ихъ и въ собственныхъ мѣстахъ ихъ жительства. Онъ неоднократно посѣщалъ мухаммеданскія казанскія школы, гдѣ имѣлъ случай не только наблюдать порядокъ мухаммеданскаго образованія юношества, но и говорить съ учениками о разныхъ предметахъ; посѣщалъ Гордій Семеновичъ не разъ и крещеныхъ и некрещеныхъ татаръ въ деревняхъ. Однажды онъ узналъ, что въ Казань пріѣхалъ мухаммеданинъ—ишанъ изъ буинскаго уѣзда. Этого ишана Гордій Семеновичъ черезъ другаго знакомаго мухаммеданина просилъ доставить нѣкоторыя мухаммеданскія свѣдѣнія объ именахъ Божіихъ. Два раза Гордій Семеновичъ ходилъ въ квартиру, гдѣ остановился ишанъ, но его не заставалъ. Наконецъ онъ просилъ знакомаго шакирда сходить еще въ квартиру къ ишану и спросить, имѣетъ ли онъ при себѣ свѣдѣнія для Гордія Семеновича.? Но ишанъ сказалъ шакирду: „не дамъ я *русскимъ* ничего, съ ними очень грѣшно даже говорить, не только что заводить связи. И ты (шакирдъ) напрасно съ ними знаешься. Ступай! Ничего у меня нѣтъ для русскихъ“!

Шакирды удивлялись Гордію Семеновичу. Такъ одинъ изъ нихъ (въ 1871 г.) спросилъ его, почему онъ не женился (послѣ вдовства своего въ другой разъ)? Гордій Семеновичъ показалъ шакирду этому полный сундукъ и шкафъ книгъ и при этомъ сказалъ: „вотъ, Хасанъ, если бы я женился, то мнѣ нужно было бы заниматься съ женой, ходить съ нею къ знакомымъ, къ себѣ принимать знакомыхъ, а книгами заниматься было бы мало времени". „Удивляемся мы, говорилъ Хасанъ мнѣ, какъ „*Гордій бабай*" (1) постоянно занимается книгами, онъ просто „*мучтагидъ*" (2). При этомъ Хасанъ передалъ о мучтагидѣ имамѣ—Азамѣ и др., у коихъ было много учениковъ и кои постоянно занимались наукой. Съ ними-то и сравнивалъ Хасанъ Гордія Семеновича. Называя его мучтагидомъ, Хасанъ прибавлялъ, что онъ „таза", т. е. чистый, праведный человѣкъ. „Изъ нашихъ никто сравниться съ нимъ не можетъ, и ты не можешь, Ефимъ Александровичъ, такъ заниматься, какъ онъ; ты не сердись", прибавлялъ Хасанъ. Я только подтверждалъ слова этого шакирда и радовался, что и невѣрные магометане чувствуютъ неотразимое вліяніе на себѣ христіанской жизни и трудовъ Гордія Семеновича. Впрочемъ въ послѣднее время, когда между казанскими мухаммеданами стали распространяться изъ печатныхъ трудовъ Гордія Семеновича свѣдѣнія, ясно обличающія неправоту мухаммеданства, шакирды, вѣроятно подъ вліяніемъ своихъ руководителей, стали уменьшать авторитетъ Гордія Семеновича. Прежде они говорили о немъ съ уваженіемъ и удивленіемъ, называли его, какъ мы видѣли, почти

---

(1) Бабай — дѣдушка. Такъ называли его обыкновенно мухаммедане—шакирды.

(2) Мучтагидъ (مجتهد) усиливающійся, борющійся за вѣру противъ невѣрныхъ; законовѣдецъ, стремящійся растолковать трудные вопросы религіи. Мохаммедане считаютъ мучтагидами патріарховъ и пророковъ, учениковъ Мухаммеда и имамовъ трехъ первыхъ вѣковъ мохаммеданства.

святымъ, имѣющимъ въ себѣ „нуръ“—свѣтъ, а теперь стали говорить, что онъ состарѣлся и сердится, принуждаетъ ихъ, шакирдовъ, говорить порусски, и въ свою пользу (т. е. въ пользу христіанства) нѣкоторыя мѣста Корана перевелъ не такъ.

Въ 1867 году Гордій Семеновичъ былъ въ деревнѣ Мастѣевой уфимской губерніи, мензелинскаго уѣзда. Возвратившись изъ этой деревни Гордій Семеновичъ передавалъ, что въ сосѣдствѣ съ этой деревней находятся крещеные татары въ деревнѣ Мушуги, что эти крещеные татары очень хорошо понимаютъ содержаніе переводовъ книгъ Премудрости Іисуса, сына Сирахова, и Евангелія отъ Матѳея на татарскомъ языкѣ, что крещеные татары желали бы обучать своихъ дѣтей, и что наконецъ среди тамошнихъ крещеныхъ и некрещеныхъ татаръ живетъ довольно много язычествующихъ черемисъ, которые знаютъ татарскій языкъ. „Хорошо было бы, говорилъ Гордій Семеновичъ, отправиться вамъ туда, или Василію Тимоѳеевичу (1), чтобы тамъ устроить крещено-татарскую школу и захватить хотя нѣкоторыхъ дѣтей язычествующихъ черемисъ въ эту школу, пока еще мухаммеданство не проникло къ нимъ“.

Въ 1871 г. въ іюлѣ Гордій Семеновичъ посѣтилъ вмѣстѣ съ о. Василіемъ Тимоѳеевичемъ въ лаишевскомъ уѣздѣ нѣкоторыя крещено-татарскія селенія напр. Альведино, Серду, Казыли и др. Возвратившись, онъ передавалъ мнѣ, что 18 іюля въ деревнѣ Альвединой о. Василій служилъ утреню на татарскомъ языкѣ и потомъ говорилъ поученіе въ воспоминаніе посѣщенія въ это число (18-го іюля 1869 г.) казанской крещено-татарской школы Высочайшими посѣтителями Государемъ Наслѣдникомъ Александромъ Александровичемъ съ супругою Маріею Ѳеодо-

(1) Василій Тимоѳеевъ, изъ татаръ, священникъ и законоучитель крещено-татарской школы въ Казани.

ровною и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. О. Василій говорилъ, что на крещеныхъ татаръ теперь обращено вниманіе, что объ нихъ заботятся, что и самимъ крещенымъ татарамъ необходимо теперь оставлять прежнія заблужденія. Служилъ еще утреню о. Василій въ деревнѣ *Кибечь*. Это было въ Ильинъ день. Послѣ ходили на колодезь для освященія воды. Народу было много. Гордій Семеновичъ высказывалъ, что все это напоминало ему русскія селенія и русскихъ православныхъ жителей, которые посѣщаютъ усердно храмы и совершаютъ крестные ходы на воду, или на поля свои. Здѣсь, въ Кибечахъ, Василій Тимоѳеевичъ и Гордій Семеновичъ встрѣтили одного крещонина, который довольно хорошо зналъ нѣкоторыя событія изъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, но познанія эти у него не были освѣщены одною православно-христіанскою мыслію—спасеніемъ во Христѣ Іисусѣ. Онъ говорилъ о. Василію Тимоѳеевичу: вотъ, о. Василій, я знаю, что Іисусъ Христосъ умеръ, воскресъ.... что Онъ сходилъ во адъ и спасъ изъ ада всѣхъ праотцевъ... *Насъ-то кто спасетъ изъ ада?* Послѣднія слова крещонинъ говорилъ съ силой и съ чувствомъ безнадежности. Ему Василій Тимоѳеевичъ и Гордій Семеновичъ разсказали, что Іисусъ Христосъ—Спаситель всего міра, что Его заслуги простираются на всѣ времена грядущія и т. п.; вообще передали ему о силѣ искупленія и успокоили его. Изъ этого Гордій Семеновичъ заключалъ о необходимости миссіонеровъ для крещеныхъ татаръ.

Что же касается до самой Казани, то Гордій Семеновичъ старался всегда явиться туда, гдѣ начинались обнаруживаться успѣхи миссіонерскаго дѣла. Такъ онъ присутствовалъ во время молебна при началѣ постройки казанскимъ купцомъ Степаномъ А. Арефьевымъ зданія для крещено-татарской школы (29 апрѣля 1869 г.), при освященіи церкви въ казанской учительской семинаріи. При просвѣщеніи св.

крещеніемъ черемисъ, мухаммеданъ въ церквахъ кладбищенской, Богоявленской и крещено-татарской Гордій Семеновичъ присутствовалъ почти всегда. Для одной магометанки, изъявившей желаніе креститься съ 3-мя дѣтьми своими, знающей татарскую грамоту, Гордій Семеновичъ написалъ татарскимъ шрифтомъ на татарскомъ языкѣ Символъ вѣры (въ 1872 г.), который татарка выучила и прочитала мнѣ наизусть.

Гордій Семеновичъ всегда радовался, если въ казанской академіи къ развитію миссіонерской науки противъ мухаммеданъ представлялся случай; напротивъ онъ печалился, если узнавалъ, что этой новой и необходимой у насъ въ Россіи наукѣ угрожала опасность ослабленія.

Вообще онъ всегда радовался, если миссіонерству въ Казани подавалась надежда на существованіе. Когда Православное Миссіонерское Общество, по ходатайству Высокопреосвященнѣйшаго Антонія и при вниманіи Высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго Иннокентія, постановило давать средства на учрежденный въ Казани частный миссіонерскій пріютъ, Гордій Семеновичъ радовался этому вниманію Православнаго Миссіонерскаго Общества къ миссіонерскимъ нуждамъ казанскаго края и постоянно слѣдилъ за дѣятельностію пріюта. По отношенію къ воспитанникамъ пріюта онъ оставилъ, такъ сказать, завѣщаніе, что „готовящійся для миссіонерскаго дѣла между мохаммеданами долженъ узнать мохаммеданскую грамоту (читать потатарски, поарабски), знать оба эти языка, а разговорный татарскій вполнѣ знать. Воспитывающійся для миссіонерства долженъ знать уставъ церковный, богослуженіе, а въ созерцательномъ догматическомъ ученіи долженъ дѣлать сопоставленіе ложныхъ ученій съ христіанскимъ. По указанію руководителей, воспитывающійся для миссіонерства долженъ дѣлать переводы съ русскаго языка на инородческій—изучаемый, и съ инородческаго на русскій. Воспитанники пріюта должны старательно

пріучать себя соблюдать уставы христіанской жизни. Молитвы домашнія, утреннія и вечернія читать должны то на церковномъ (славянскомъ) языкѣ, то на языкѣ того народа, къ которому приготовляются воспитанники для миссіонерства. Въ отношеніи поста они должны строго руководствоваться уставами церкви. Гордій Семеновичъ запрещалъ даже готовящимся къ миссіонерству куреніе и нюханіе табаку (ноября 26 дня, 1875 г.). Онъ желалъ, чтобы при пріютѣ была библіотека, достаточная книгами по каждому отдѣлу спеціальнаго миссіонерскаго обученія.

Когда въ Казани образовалась коммиссія для переводовъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки, со средствами на изданіе этихъ переводовъ тогоже Православнаго Миссіонерскаго Общества, Гордій Семеновичъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ этой коммиссіи и особенно потрудился при разсмотрѣніи и провѣркѣ перевода „Служебника на церковнославянскомъ и татарскомъ языкахъ". Переводъ этотъ уже отпечатанъ въ 1878 году. Но сказать надобно, что Гордій Семеновичъ и до учрежденія этой коммиссіи всегда принималъ участіе въ провѣркѣ сдѣланныхъ переводовъ на крещено-татарскомъ языкѣ.

Наконецъ когда Преосвященнѣйшій Антоній хлопоталъ о возстановленіи должности особыхъ миссіонеровъ при казанской каѳедрѣ съ цѣлію изслѣдованія духовныхъ нуждъ въ инородческихъ приходахъ казанской епархіи и наблюденія за удовлетвореніемъ этихъ нуждъ, Православное Миссіонерское Общество опять съ полнѣйшею готовностію отвѣчало и въ этомъ случаѣ обѣщаніемъ своей матеріальной помощи. Гордій Семеновичъ съ особенною радостію ожидалъ осуществленія этой мѣры. Нѣкоторые совершенно отвергаютъ необходимость этой мѣры: „надобно, говорятъ они, приготовить миссіонеровъ, а потомъ уже избирать, иначе не начинать этого дѣла; чтобы дождаться отъ миссіонеровъ какихъ-либо результатовъ, на-

добно ждать по крайней мѣрѣ, лѣтъ 10, а въ 10 лѣтъ нынѣшней жизни, постоянно реформирующей мѣропріятія, многое можетъ погибнуть. Черезъ 10 лѣтъ опять придется бросать эту мѣру и приниматься за что-нибудь другое".

Гордій Семеновичъ, напротивъ, сожалѣя о томъ, что наши миссіонерскія мѣропріятія не имѣютъ устойчивости, не соглашался съ подобнымъ, крайне одностороннимъ взглядомъ на миссіонеровъ. Онъ признавалъ, что миссіонеры рѣшительно необходимы. „Вотъ, говорилъ онъ однажды, если бы кто отправился къ о. Кузьмѣ Прокофьеву въ село Елышево, то такое посѣщеніе приходскаго священника миссіонеромъ было бы весьма полезно: крещеные татары-отступники увидѣли бы, что о. Кузьма не оставленъ на произволъ судьбы, но что его поддерживаютъ другіе. Самые отступники могли бы уменьшить свою дерзость, зная, что объ ихъ дерзости могутъ узнать въ Казани. О. Кузьма въ бесѣдѣ съ миссіонеромъ могъ бы найти для себя по крайней мѣрѣ нравственное утѣшеніе". „Всѣмъ занимающимся миссіонерствомъ, замѣтилъ Гордій Семеновичъ однажды, имѣя въ виду крещеныхъ татаръ, не приходится игнорировать мухаммеданство. Мухаммедане усиливаются; духъ ихъ совершенно враждебенъ христіанству и направленіе ихъ дурное. Все это не слѣдуетъ намъ оставлять безъ вниманія: необходимо дѣйствовать на самое мухаммеданство. Не узнавши мухаммеданства, миссіонеръ не можетъ дѣйствовать съ рѣшительностію; онъ можетъ предполагать, что у магометанъ въ богословской наукѣ все, какъ слѣдуетъ, доказано въ томъ или другомъ трактатѣ, а когда миссіонеръ узналъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ мухаммеданскаго ученія одна пустота, то онъ смѣло уже можетъ говорить объ этомъ крещенымъ и некрещенымъ. Первые узнаютъ, что не все у магометанъ такъ прекрасно, послѣдніе узнаютъ, что не всѣ русскіе и крещеные татары невѣжи, словомъ миссіонеръ, надлежащимъ образомъ пригото-

вившійся, можетъ оказать различную помощь". Одного только опасался Гордій Семеновичъ, чтобы миссіонеры и начальство не увлеклись оффиціальной перепиской, какой богата противомусульманская миссія второй четверти настоящаго вѣка (1). Гордій Семеновичъ желалъ, чтобы миссіонеры дѣйствовали свободнѣе, чтобы миссіонерскія мѣропріятія были устойчивѣе, чтобы оффиціальная отчетность всего менѣе стѣсняла дѣятельность миссіонеровъ, но при этомъ онъ желалъ, чтобы миссіонеры спеціально были подготовлены, чтобы составлены были основательныя изслѣдованія по разнымъ вопросамъ мухаммеданскаго вѣроученія, чему самъ показалъ и надежный примѣръ составленіемъ „Сборника свѣдѣній о мохаммеданскомъ вѣроученіи, пригодныхъ для бесѣды христіанина съ мохаммеданиномъ объ истинахъ вѣры". Онъ жалѣлъ, что апостольская ревность Преосвященнѣйшаго Антонія о миссіонерствѣ не встрѣчаетъ поддержки отъ кого слѣдуетъ, что его архипастырскія заботы о введеніи миссіонерскихъ наукъ въ кругъ предметовъ семинарскаго курса и о приготовленіи въ казанской духовной семинаріи достойныхъ пастырей для многочисленныхъ инородческихъ приходовъ казанской епархіи постоянно парализовались разными препятствіями. Тяжело было Гордію Семеновичу все это переносить, когда онъ и его сотрудники видѣли, что все это происходитъ въ то время, когда мухаммеданство неимовѣрно усиливается въ Казанскомъ краѣ, когда крещеные татары отпадаютъ въ магометанство тысячами.

Гордій Семеновичъ радовался пробужденію въ православномъ обществѣ сочувствія къ миссіонерскому дѣлу, и особенно радовался учрежденію въ Москвѣ Православнаго Миссіонерскаго Общества, которое

---

(1) См. Приходы старокрещеныхъ и новокрещеныхъ татаръ въ каз. епархіи, соч. Евс. Малова. Православное Обозрѣніе 1866 г.

вполнѣ убѣдилось въ важности миссіонерскаго центра въ Казани и вступило съ частными казанскими дѣятелями на поприщѣ миссіонерскомъ въ самыя близкія отношенія, подавая постоянно руку помощи. Онъ радовался, что Миссіонерское Общество стало было уже имѣть свой органъ, газету „Миссіонеръ," и очень сожалѣлъ, что эта газета скоро прекратилась. Радовался онъ и образовавшемуся въ самой Казани изданію „Миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника" (1), и желалъ ему всякаго преуспѣянія. Словомъ Гордій Семеновичъ съ чувствомъ истиннаго христіанскаго удовольствія относился ко всему, что клонилось къ упроченію вѣры Христовой среди инородцевъ, и горько печалился, если видѣлъ, когда ослаблялась миссіонерская дѣятельность такъ, или иначе.

Но жаль, необыкновенно жаль, что Гордія Семеновича не стало.... Это былъ человѣкъ, привлекавшій къ себѣ сердца, возбуждавшій въ другихъ энергію къ трудамъ своею христіанскою любовію и неутомимою дѣятельностію въ пользу ближнихъ. Еще въ 1872 г. Гордій Семеновичъ, показывая мнѣ отпечатанные листы изъ сочиненія „Сличеніе," говорилъ, что онъ слабо чувствуетъ себя, а между тѣмъ много оставалось еще ненапечатаннаго текста и разныхъ приложеній. Потомъ показалъ онъ мнѣ списокъ лицъ, коимъ онъ желалъ бы поднести свое сочиненіе по отпечатаніи. Въ этомъ спискѣ главнымъ образомъ были указаны тѣ лица которыя трудятся на миссіонерскомъ поприщѣ. Я вамъ показываю этотъ списокъ потому, чтобы вы знали это, если я не доживу до окончанія печатанія своего сочиненія, сказалъ Гордій Семеновичъ. Я отвѣчалъ, что принимаю это къ свѣдѣнію, но отъ души желаю, чтобы Гордій Семеновичъ

(1) Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ (труды студентовъ миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія при каз. дух. академіи) издается съ 1873 г. По наст. вр. издано уже 14 выпусковъ этаго сборника.

пожилъ еще, докончилъ печатаніемъ какъ этотъ трудъ свой („Сличеніе"), такъ равно и другіе необходимые и весьма полезные для миссіи труды свои. Въ другое время, сообщивши мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ „Приложеній" къ своему переводу Корана, Гордій Семеновичъ съ какою то грустію сказалъ мнѣ, что не мѣшало бы ему пересмотрѣть и привести въ какой нибудь порядокъ все. что написано имъ по предмету миссіонерской полемики противъ мохаммеданства. Я старъ и слабъ: послѣ меня трудно будетъ постороннему человѣку разобрать бумаги и привести ихъ въ порядокъ. Изъ родныхъ моихъ никто не можетъ заняться этимъ дѣломъ; они не знаютъ восточныхъ языковъ. Николаю Ивановичу Ильминскому нѣтъ времени (1), развѣ вотъ вы бы.... И Гордій Семеновичъ остановился. Я пожелалъ ему добраго здравія и сказалъ, что въ его бумагахъ, сколько мнѣ извѣстно, все почти въ порядкѣ, тѣмъ не менѣе я постараюсь выполнить это его порученіе. Когда печаталось 1-е приложеніе къ Корану, въ прошломъ 1879 г., особенно осенью, Гордій Семеновичъ сталъ уже высказывать, что ему не долго жить. Къ старости и трудамъ его приложилась еще болѣзнь. Она была предсмертна. Въ концѣ января текущаго 1880 г. зять Гордія Семеновича, профессоръ Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ передалъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть „дѣдушка" Гордій Семеновичъ. Сердце у меня болѣло; Иванъ Яковлевичъ сообщилъ, что Гордій Семеновичъ уже не встаетъ съ постели. Вечеромъ 21 января я взошелъ въ кабинетъ Гордія Семеновича, помолился предъ св. иконами и вижу, что Гордій Семеновичъ стоитъ около своей постели. Я подошелъ къ нему поздороваться, онъ просилъ по всегдашнему своему обыкновенію, благословить его. Когда я благословилъ его, онъ про-

(1) Послѣ смерти Гордія Семеновича Н. И. Ильминскій изъявилъ полнѣйшую свою готовность участвовать въ изданіи трудовъ Гордія Семеновича.

силъ меня сѣсть, а самъ досталъ изъ сундучка деньги (105 руб.), накопившіеся у него отъ продажи „Сличенія," и, передавая ихъ мнѣ, сказалъ: употребите эти деньги на изданіе остальныхъ приложеній моихъ къ Корану. Я говорилъ ему, что издать эти приложенія можно будетъ и безъ этихъ денегъ, но онъ настоялъ, чтобы я деньги взялъ и передалъ въ коммиссію по изданію Миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника. При этомъ онъ также передалъ въ комиссію всѣ непроданные экземпляры „Сличенія". Потомъ онъ снова говорилъ, чтобы я занялся изданіемъ его приложеній къ Корану. Высказавши, все это, онъ *просилъ позволенія лечь.* Такъ былъ онъ деликатенъ всегда. Когда онъ легъ на постель, я одѣлъ его и, благословивши его, простился съ нимъ точно въ послѣдній разъ... Да, онъ уже дѣйствительно не вставалъ съ этого смертнаго одра. 26 января онъ пожелалъ пособороваться, сподобившись наканунѣ причаститься св. Христовыхъ Таинъ. Таинство елеопомазанія было совершено надъ нимъ его духовнымъ отцемъ, настоятелемъ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, о. протоіереемъ Стефаномъ Ивановичемъ Адоратскимъ, приходскимъ протоіереемъ Варваринской церкви Никаноромъ Ив. Муратовскимъ, при участіи моемъ и о. Василія Тимоѳеевича, а 29-го января, вечеромъ въ 6 часу, нашъ почтеннѣйшій Гордій Семеновичъ мирно почилъ о Господѣ. Вѣчная тебѣ память, благій и вѣрный рабъ Божій!

Послѣ кончины Гордія Семеновича, надъ нимъ совершались неоднократно паннихиды, изъ коихъ нѣкоторыя были отслужены Его Высокопреподобіемъ, о. ректоромъ академіи протоіереемъ А. П. Владимірскимъ. О. Василій Тимоѳеевичъ совершалъ надъ нимъ паннихиду на татарскомъ языкѣ, при которой молилась о упокоеніи раба Божія Гордія вся школа — мальчики и дѣвочки крещеныхъ татаръ. Воспитанники академіи, изучающіе миссіонерскіе предметы противъ мохаммеданства, также пѣли надъ Гордіемъ Се-

меновичемъ паннихиду. О. ректоръ и наставники академіи пожелали, чтобы отпѣваніе Гордія Семеновича было совершено въ Академической церкви. Оно происходило 1-го февраля, послѣ литургіи и было весьма торжественно. Безъ всякаго приглашенія, по единственному глубокому почтенію къ усопшему смиренному труженнику и искреннему христіанину на погребеніе его собралось до двѣнадцати священниковъ. Гордій Семеновичъ былъ человѣкъ свѣтскій, но его заслуги для успѣховъ христіанства были столь велики, что церковь въ лицѣ священнослужителей воздала ему достойную честь, вознесши при гробѣ его молитвы о немъ Всевышнему отъ лица цѣлаго сонма священнослужителей. Много было при погребеніи и мірянъ — почитателей покойнаго. Кромѣ наставниковъ и студентовъ академіи, кромѣ воспитанниковъ и воспитанницъ казанской крещено—татарской школы отдать послѣдній долгъ почившему явились и многіе изъ гражданъ, знавшихъ Гордія Семеновича.

Во время заупокойной литургіи было произнесено надъ усопшимъ слово, а во время самаго отпѣванія нѣсколько рѣчей, которыя здѣсь же помѣщаются.

СЛОВО (1).

Святый Тайнозритель Іоаннъ Богословъ говорилъ нѣкогда: „и услышалъ я голосъ съ неба, говорящій мнѣ: напиши: *блажени мертвіи умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними*“—(Апокал. XIV, 13).

Вотъ, бл. слушатели, утѣшеніе, оставленное намъ возлюбленнымъ ученикомъ Господа нашего Іисуса Христа, на

---

(1) Произнесено 1-го февр. 1880 г. въ церкви Казан. Дух. Академіи священникомъ Евѳ. Маловымъ за литургіею. А всѣ помѣщаемыя ниже рѣчи произнесены при обрядѣ погребенія.

случай смерти христіанъ. Хотя смерть есть общій удѣлъ для каждаго изъ насъ, но не одинакова участь каждаго послѣ смерти его. *Отнынѣ*, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ, *блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ!*

Почившій рабъ Божій Гордій, по истинѣ, почилъ о Господѣ. Почувствовавъ приближеніе своей смерти, онъ прекратилъ свои занятія, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, а потомъ сподобившись спасительныхъ таинствъ св. православной церкви — исповѣди, причащенія, елеопомазанія, — вскорѣ послѣ того почилъ о Господѣ. Его смерть была безропотна, исполнена мира. Но, братіе, такая кончина, какъ извѣстно, есть печать вѣры и жизни по вѣрѣ христіанской.

Воспоминая, на сколько извѣстно мнѣ, жизнь усопшаго, я думаю сказать вамъ о нѣкоторыхъ особенныхъ качествахъ почившаго, чтобы въ нихъ показать вамъ отпечатокъ его глубокой христіанской вѣры, и въ этомъ представить вамъ полезный урокъ назиданія. Почившій, почтеннѣйшій нашъ старецъ, трудился на поприщѣ духовной науки. Но изъ этой великой области Господу угодно было предоставить почившему для изслѣдованій область всего менѣе у насъ извѣстную, и всего менѣе обработанную. Труды и помышленія почившаго были сосредоточены на распространеніи христіанской вѣры среди татаръ-мухаммеданъ. Какое св. дѣло! И почившій былъ издавна преданъ этому великому дѣлу и съ неутомимою ревностію совершалъ его. Вызванный, по распоряженію духовнаго начальства, изъ Саратова въ Казань, какъ средоточіе мухаммеданства и татарства, онъ душевно предался своимъ занятіямъ. Въ этихъ трудахъ онъ проводилъ жизнь свою. Почившій высказывался, что онъ все, что ни дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, дѣлаетъ единственно ради славы Божіей и ради пользы ближнихъ, ради спасенія невѣдущихъ христіанства мухаммеданъ. Другой цѣли онъ не высказывалъ, и даже подмѣтить нельзя было другой цѣли. Вотъ, братіе, черта истинно-христіанскаго характера и, нелишне замѣтить, черта рѣдкая между нами, слабыми людьми. Почившій никогда не смущался громадностью работы, или трудностію задачи, онъ работалъ нелѣностно, съ спокойною совѣстію, что работаетъ на пользу ближнихъ и только утѣшался тою мыслію, что постоянный трудъ во славу Божію

и на пользу ближнихъ, есть христіанскій, очистительный для человѣка, подвигъ.

При постоянныхъ трудахъ, почившій имѣлъ удивительное терпѣніе. Никогда не жаловался онъ на недостатки въ средствахъ жизни, хотя эти средства и были у него не значительны. Всегда онъ былъ доволенъ тѣмъ, что имѣлъ. Онъ былъ преданъ волѣ Божіей. Онъ повторялъ иногда слова Христовы: *„претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ“* (Марк. XIII, 13) и пояснялъ эти слова такъ, что они имѣютъ отношеніе не въ частности только къ подвигу мученичества, но и вообще къ трудамъ и терпѣнію въ христіанской жизни. И здѣсь, братіе, почившій оставилъ намъ урокъ для подражанія. Не чаще ли всего мы высказываемъ недовольство своимъ положеніемъ, своимъ состояніемъ. Словомъ, зависть съ разными оттѣнками снѣдаетъ насъ почти постоянно. Но блаженъ, въ этомъ отношеніи, почившій! Онъ съ христіанскимъ смиреніемъ жилъ, трудился и довольствовался немногимъ.

Къ общему назиданію, не обинуясь, укажу еще на одну черту почившаго. Строгій постоянно къ себѣ, онъ былъ всегда снисходителенъ къ другимъ. Этимъ объясняется то, что онъ никогда не дозволялъ себѣ осуждать ближняго. Если при немъ когда либо была рѣчь осужденія, онъ никогда не принималъ участія въ подобной бесѣдѣ, и своимъ молчаніемъ давалъ замѣтить свое несочувствіе къ подобнымъ сужденіямъ. Всего скорѣе отъ него можно было услышать осужденіе собственнымъ его дѣйствіямъ.

Эти немногія свойства почившаго свидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ въ себѣ глубокую христіанскую вѣру. Согласно съ этою вѣрою онъ трудился въ жизни и относился къ ближнимъ. Воспитанный съ дѣтства въ строгихъ правилахъ христіанской жизни, онъ до старости, и даже до смерти твердо соблюдалъ правила св. церкви. Глубокій богословъ по своему образованію, онъ былъ строгій ревнитель церковныхъ уставовъ въ своей жизни. Шесть дней онъ неутомимо работалъ, а въ седьмой—былъ непремѣнно въ церкви Божіей на молитвѣ. Посты онъ всѣ соблюдалъ строго. Къ пастырямъ церкви относился всегда съ удивительнымъ уваженіемъ: принять благословеніе отъ священника онъ считалъ, и самъ по себѣ и по наставленію своего родителя, непремѣнною своею обязанностію. Поэтому

самое даже это принятіе имъ пастырскаго благословенія всегда было глубоко благоговѣйное, радостное и поучительное для самого, благословляющаго его, священника.

Но, довольно. Я заключу свое назиданіе тѣмъ, что Господь Богъ, за глубокую христіанскую вѣру и христіанскую труженическую жизнь, благословилъ почившаго мирною, блаженною кончиною.

Не будемъ же, сл. благоч., печалиться, какъ не имущіе упованія; будемъ надѣяться и вѣровать, что смерть переселила почившаго отъ трудовъ къ блаженному покою и утѣшенію (Лук. XVI, 25), что смерть соединила его со Христомъ, что благодать св. Духа омыла и освятила его для пребыванія во царствіи Бога Отца, во славу коего почившій всю жизнь трудился. Да, *блажени мертвіи умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними.* Аминь.

РѢЧЬ

Э. о. профессора Казанской Духовной Академіи А. А. Некрасова.

Въ послѣдній разъ собрались мы около тебя, Гордій Семеновичъ, въ храмѣ вѣры и домѣ науки,—собрались какъ для того, чтобы молитвенно напутствовать тебя въ мѣсто вѣчнаго покоя, такъ и для того, чтобы въ послѣдній разъ лицомъ къ лицу насладиться твоею благолѣпною красотою,—красотою твоей вѣры, твоего нрава, дѣлъ твоихъ,—и, припомнивъ образъ твоей жизни и характеръ твоей дѣятельности, научиться отъ тебя и самимъ стяжать подобную же духовную красоту.

Что же касается нашихъ послѣдующихъ отношеній къ тебѣ,—такъ я увѣренъ, что всякое воспоминаніе о тебѣ, кромѣ молитвенныхъ слезъ умиленія, будетъ вызывать въ нашей памяти ту или другую сторону твоей жизни, которая вся была и будетъ назиданіемъ для насъ; такъ какъ

ты былъ и навсегда останешься для насъ явленіемъ исключительнымъ и въ высшей степени поучительнымъ.

Подъ семьдесятъ, а тѣмъ болѣе подъ восемьдесятъ лѣтъ человѣкъ нерѣдко перестаетъ интересоваться наукою; въ эти годы онъ большею частію не въ состояніи уже бываетъ слѣдить за дальнѣйшими успѣхами науки. Умъ старика, какъ умъ человѣка, воспитывавшагося полустолѣтіемъ ранѣе самыхъ послѣднихъ дѣятелей на научномъ поприщѣ, теряетъ часто способность воспринимать новыя теоріи, новые взгляды и отрицаетъ ихъ. Твой умъ былъ не таковъ. Ты сохранилъ полную свѣжесть его до самыхъ послѣднихъ дней своихъ. Въ той области науки (1), которой посвятилъ жизнь свою, ты, почти до самой кончины своей, не только въ состояніи былъ слѣдить за всѣми современными научными движеніями, но и—что особенно удивительно было въ такомъ старцѣ—въ своихъ изысканіяхъ шелъ иногда далѣе самыхъ послѣднихъ научныхъ результатовъ. Въ этой чисто научной области, ты, при всей своей поразительной точности, обстоятельности и аккуратности, не хотѣлъ стѣснять ни своей свободы, ни свободы другихъ и легко примирялся съ ошибками науки: „будемъ дѣлать", говаривалъ ты; „ошибемся, — поправятъ другіе; всѣмъ опасаться ошибокъ значитъ всѣмъ отказываться отъ дѣла".

Поражая насъ ясностію своего старческаго взгляда на дѣло науки, ты не менѣе удивлялъ насъ и широтою, объемистостію своихъ знаній. Евреи и арабы, еллины и римляне, персы и татары для тебя были свои люди.

Но что особенно поражало насъ въ тебѣ, такъ это соединеніе самой глубокой учености съ самою глубокою религіозностію, самыхъ высокихъ идей науки съ самыми высокими идеалами нравственности; это далѣе—та прозорливая осмотрительность и осторожность, съ какими относился ты къ тѣмъ областямъ знанія, которыя глубже самаго глубокаго и шире самаго широкаго единичнаго ума; таковы область вѣры и область общественныхъ отношеній. Да это и понятно.—Чѣмъ проницательнѣе и глубже умъ, тѣмъ способнѣе онъ видѣть, какъ необъятно и непостижимо для человѣка Верховное Существо и большая часть дѣлъ

(1) Восточная и классическая филологія.

руку Его; и чѣмъ шире умъ, тѣмъ способнѣе онъ понять, какъ неизмѣримо сложны и разнообразны и потому самому трудно-уразумимы людскія отношенія. Поэтому-то въ этихъ двухъ областяхъ знанія ты опасался ошибокъ и былъ здѣсь очень остороженъ въ своихъ заключеніяхъ.

Какъ же воспиталась въ тебѣ такая гармонія между вѣрою и знаніемъ, такое соотвѣтствіе стремленій съ ихъ достижимостію?

Кромѣ свѣточа вѣры и науки, въ этомъ помогло, кажется, тебѣ одно весьма мудрое правило, которое постоянно руководило тобою, характеризовало твою дѣятельность и не разъ высказывалось тобою. Оно и теперь такъ вотъ и слышится изъ твоего послѣдняго жилища: „дѣлай свое дѣло; все же остальное, что существенно необходимо человѣку, придетъ само собою". И ты дѣйствительно дѣлалъ свое дѣло,—дѣлалъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалъ его. Это-то постоянное занятіе своимъ дѣломъ и ограждало тебя отъ множества тѣхъ недуговъ, которые вносятъ въ природу человѣка дисгармонію.

Прощаясь съ тобою, быть можетъ, очень на долго, мы просимъ тебя не оставлять насъ своими наставленіями и съ того свѣта.

Да почіетъ духъ твой въ мирѣ, свято—дорогой старецъ!

РѢЧЬ

Профессора Богословія при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, протоіерея М. М. Зефирова.

Провожаемъ на вѣчный покой высокопочтеннаго старца Гордія Семеновича. Отходитъ онъ отъ насъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, уже истощивъ въ неустанномъ трудѣ весь запасъ жизненныхъ силъ, какія были даны ему Богомъ: а все-таки крайне грустно разставаться съ нимъ. Покойный старецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, съ которыми хотѣлось бы вѣчно жить, никогда не раз-

ставаться. Лично для него смерть, безъ всякаго сомнѣнія, есть *пріобрѣтеніе*: но для людей знавшихъ его, близко стоявшихъ къ нему она есть истинная потеря. Сохранимъ по крайней мѣрѣ и глубже напечатлѣемъ въ душѣ нравственный обликъ этой почтенной личности.

Это былъ замѣчательный человѣкъ, и прежде всего замѣчательный ученый труженикъ; смѣю сказать, это былъ типъ истаго, добросовѣстнаго труженика науки.

Обыкновенно въ нашемъ быту дѣло бываетъ такъ: оканчиваетъ человѣкъ курсъ въ Академіи, получаетъ соотвѣтственную полученному образованію должность, и затѣмъ живетъ себѣ, исполняя съ большимъ или меньшимъ усердіемъ лежащія на немъ прямыя обязанности, и не помышляя ни о чемъ болѣе. Такова обыкновенная исторія. Покойный Гордій Семеновичъ составлялъ исключеніе изъ этой обыкновенной исторіи. Узкими показались ему рамки служебной дѣятельности въ Саратовской семинаріи, гдѣ онъ прежде состоялъ на службѣ. Онъ беретъ на себя, такъ сказать, сверхъдолжное дѣло. По собственной иниціативѣ, безъ всякаго возбужденія отвнѣ, онъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, принимаетъ на себѣ нелегкій трудъ изученія арабскаго и турецко-татарскаго языковъ, овладѣваетъ ими въ совершенствѣ, получаетъ извѣстность въ качествѣ оріенталиста, и, благодаря этому обстоятельству, переводится въ здѣшнюю Академію. Здѣсь онъ всею душею отдается задачамъ, какія были поставлены миссіонерскому противомусульманскому отдѣленію. Онъ неустанно трудится на дому, посѣщаетъ мусульманскія школы, принимаетъ у себя въ квартирѣ ученыхъ татаръ, отъ которыхъ въ иную пору, просто, не было отбоя, толкуетъ съ ними сподрядъ понѣскольку часовъ, удивляя ихъ обстоятельнымъ и отчетливымъ знаніемъ ихъ религіи. Нѣкоторые изъ татаръ, не шутя, считали его тайнымъ мусульманиномъ. Нельзя, разсуждали они, такъ хорошо знать нашъ законъ и не быть мусульманиномъ. Благодаря помянутымъ обстоятельствамъ, *Городый - бабай*, какъ называли его здѣшніе татары, скоро сталъ извѣстенъ не только въ городѣ, но и далеко въ окрестностяхъ, куда онъ, даже въ послѣдніе старческіе годы, въ лѣтнюю пору, пѣшкомъ предпринималъ иногда путешествія, чтобы потолковать объ интересовавшемъ его предметѣ съ какимъ нибудь муллою. Назадъ тому года два даже въ одной изъ

константинопольскихъ газетъ было напечатано о нашемъ покойникѣ, что онъ оставивъ магометанство, которое прежде исповѣдывалъ, сдѣлался ярымъ его противникомъ.

Въ средѣ здѣшнихъ почтенныхъ дѣятелей по части миссіонерской покойный Гордій Семеновичъ занималъ почетнѣйшее мѣсто и въ то время, когда состоялъ на службѣ, и тогда, когда былъ уже въ отставкѣ. Слово его было для нихъ авторитетомъ, безъ его совѣта и санкціи ничего не дѣлалось. Онъ составлялъ, такъ сказать, высшую инстанцію при рѣшеніи разныхъ вопросовъ, особенно по переводу священныхъ и богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ. Случится какое нибудь недоразумѣніе—какъ быть? Да надо обратиться къ дѣдушкѣ Гордію Семеновичу, рѣшаютъ всѣ. Всякій былъ увѣренъ, что осторожный консервативный дѣдушка не увлечется, а многоопытность его напередъ ручалась за правильное рѣшеніе вопроса. И какъ бывало скажетъ дѣдушка, такъ тому и быть.

Хотя главнымъ предметомъ изученія для покойнаго Гордія Семен. было магометанство въ его догматахъ, обрядахъ, законодательствѣ, исторіи, однакожъ онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ, такъ чтобы не хотѣть знать ничего, что лежитъ внѣ сферы его занятій. Онъ былъ замѣчательно многостороненъ. Основательно изучивъ еврейскій языкъ и оба классическіе, онъ отлично зналъ свящ. писаніе, богословіе, исторію, археологію, даже нумизматику. Случалось иногда, — заходила рѣчь о предметѣ, повидимому, очень далекомъ отъ его спеціальности, оказывалось однакожъ, что и этотъ предметъ ему не безъизвѣстенъ, что онъ давнымъ давно объ немъ думалъ. Онъ ничего не пропускалъ помимо вниманія, во все вдумывался, все старался выяснить и рѣшить. Онъ былъ истый ученый.

Непрерывная работа мысли, научное трудолюбіе его тѣмъ болѣе замѣчательны, что жизнь его прошла не безъ тяжелыхъ испытаній. Только послѣдніе старческіе годы онъ провелъ спокойно въ тепломъ пріютѣ родной, почтенной семьи, гдѣ за нимъ ухаживали, какъ только можно ухаживать за такимъ добрымъ старцемъ. А до того много горя испыталъ Гордій Семеновичъ. Неговоря уже о матеріальной скудости—обычной спутницѣ людей нашего сословія, ранняя кончина супруги, оставившей на его плечахъ трехъ малолѣтокъ, преждевременная смерть дочери, затѣмъ

еще болѣе преждевременная смерть сына, подававшаго большія надежды, и наконецъ смерть зятя,—все это такіе удары судьбы, которые могли бы надломить и парализовать силы и дѣятельность нестоль твердой натуры. Нашъ старецъ благодушно перенесъ эти удары, благодаря своимъ крѣпкимъ христіанскимъ убѣжденіямъ.

Онъ былъ православный христіанинъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Съ крайнею осторожностію, даже мнительностію въ вопросахъ науки, онъ соединялъ дѣтскую простоту вѣры. Въ дѣлахъ вѣры онъ не позволялъ себѣ мудрствовать; всѣ уставы Церкви были для него безусловно обязательными. Подъ воздѣйствіемъ вѣры и уставовъ Церкви онъ выработалъ въ себѣ устойчивый, несокрушимый твердый характеръ; подъ ихъ вліяніемъ сложились у него строго христіанскія, почти аскетическія правила, которымъ онъ неуклонно слѣдовалъ во всю жизнь. Въ нынѣшнее время не считается предосудительнымъ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, дозволять себѣ по временамъ такъ называемыя невинныя развлеченія: за нимъ и этого грѣха не водилось. Строгій къ себѣ, онъ былъ снисходителенъ къ другимъ. Ему была совершенно чужда обычная слабость людей—судить и рядить другихъ; онъ не могъ этого терпѣть и въ другихъ. Кротость и благость сердечная проникала все его нравственное существо. Скромность его простиралась до застѣнчивости. Въ его обычномъ смиреніи чуялась рѣдкая высота души. Но душевныя его качества легче было чувствовать, нежели изобразить ихъ словомъ. Душу ни свою, ни тѣмъ болѣе чужую, нельзя разсказать. Скажу одно: отъ всего его существа вѣяло благоуханіемъ непорочной совѣсти, чистоты и ясности сердечной. Бывало нерѣдко,—слушая его, смотря на его доброе лицо, припоминая его прошлое и при этомъ постигая мыслію весь строй его душевный, чувствуешь невольное желаніе броситься къ нему, обнять его, поклониться ему. — Да, судя по человѣчески, онъ былъ праведникъ, потому что праведно и благочестно жилъ въ настоящемъ вѣкѣ. И вѣрю, что онъ явится непостыднымъ и предъ судомъ правды Божіей, что Господь скажетъ ему словами притчи евангельской: *хорошо, вѣрный и добрый рабъ*; *ты былъ вѣренъ* въ земномъ служеніи твоемъ,—*внеди въ радость Господа твоего.*

Прости, добрый, незабвенный старецъ. Прими отъ меня задушевный поклонъ за все доброе, чему я научился отъ

тебя, слушая тебя и особенно назидаясь твоею безукоризненною жизнію въ теченіе тридцати лѣтъ, начиная отъ студенческой скамьи до послѣдняго свиданія съ тобою въ день твоего Ангела.

РѢЧЬ

Э. о. профессора Казанской Духовной Академіи И. С. Бердникова.

Сего дня еще разъ академія видитъ тебя, почтенный учитель, среди себя, еще разъ собралась она нынѣ послушать твоихъ поучительныхъ уроковъ уже не у твоей каѳедры, а у твоего гроба, не въ твоей устной бесѣдѣ, а въ дѣлахъ твоихъ.

Сравнительно рано оставилъ ты поприще оффиціальнаго преподаванія науки. Свѣточъ твоего знанія скрылся подъ спудомъ частной кабинетной жизни тогда, когда онъ еще горѣлъ яркимъ пламенемъ и когда ему слѣдовало бы свѣтить на свѣщницѣ преподавательской каѳедры и еще гдѣ нибудь повыше. Впрочемъ освободившись отъ оффиціальныхъ обязанностей, ты еще съ большимъ рвеніемъ предался научнымъ занятіямъ, уже не по обязанности службы, а по искренней беззавѣтной преданности къ наукѣ. Служеніе дѣлу науки было постояннымъ интересомъ твоей жизни.

Свѣточъ твоего научнаго знанія не могъ укрыться и подъ спудомъ кабинетнаго уединенія; къ нему прибѣгали тѣ, кому онъ былъ нуженъ въ ихъ спеціальныхъ занятіяхъ. Твое просвѣтительное вліяніе простиралось далеко за предѣлы скромнаго кабинетнаго уединенія. Около тебя группировался значительный кружокъ почтенныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей на пользу миссіонерской науки и просвѣщенія инородцевъ. На твоихъ глазахъ и подъ твоимъ вліяніемъ воспиталось нѣсколько поколѣній миссіонерскихъ дѣятелей. Всѣ эти дѣти, внуки и правнуки твои по миссіонерской школѣ считали тебя своимъ учителемъ и руко-

водителемъ въ своей дѣятельности и на жизненномъ поприщѣ; они не иначе называли тебя какъ „нашъ дѣдушка". Нѣкоторые изъ нихъ горѣли желаніемъ пріѣхать въ Казань изъ отдаленныхъ краевъ нашего обширнаго отечества, чтобы только повидѣться съ тобой и соусладиться твоей бесѣдой, и теперь конечно горько будутъ жалѣть о томъ, что не удалось имъ исполнить своего желанія.

Не одна неослабная ревность къ дѣлу науки, не одна научная опытность твоя въ своей спеціальности привлекала къ тебѣ умы и сердца твоихъ учениковъ и сотрудниковъ въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ, а также твоя неподкупная честность и безпристрастіе въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ. Правда, чистая,—святая правда, служила основнымъ правиломъ въ твоихъ занятіяхъ наукой. Во имя этой правды ты не прежде рѣшался что нибудь утверждать или отрицать, какъ по тщательномъ и основательномъ изслѣдованіи дѣла. Малѣйшее сомнѣніе и недоумѣніе насчетъ какаго нибудь факта или научнаго положенія не давало тебѣ покою, и заставляло тебя пускаться въ длинный рядъ справокъ и изысканій. Когда ты излагалъ свои мысли на бумагѣ, ты соблюдалъ крайнюю осторожность и разборчивость въ выраженіяхъ, чтобы въ нихъ не было ничего лишняго, не соотвѣтствующаго дѣйствительности. Особенно ты заботился о томъ, чтобы кого нибудь не задѣть и не оскорбить своимъ словомъ. Сами инородцы и иновѣрцы, которымъ приводилось узнать тебя и познакомиться съ твоими сочиненіями—а такихъ знакомыхъ у тебя было очень довольно—и тѣ отдавали тебѣ дань уваженія за твое безпристрастіе и деликатность въ разсужденіяхъ о спорныхъ и щекотливыхъ религіозныхъ вопросахъ.

Впрочемъ научно просвѣтительная дѣятельность твоя далеко не исчерпываетъ содержанія твоей духовной личности. Ты возбуждалъ уваженіе къ себѣ не въ однихъ спеціалистахъ миссіонерскаго дѣла, но во всѣхъ, кто имѣлъ случай хоть сколько нибудь познакомиться съ тобой. Никто изъ встрѣчавшихся съ тобой, а тѣмъ болѣе знавшихъ тебя не говорилъ о тебѣ ничего кромѣ хорошаго. Въ этомъ случаѣ ты составлялъ рѣдкостное исключеніе среди людей. А это объясняется очень легко твоимъ возвышеннымъ характеромъ. Въ тебѣ не было ничего мелочнаго, низменнаго, земнаго. Ты смотрѣлъ на жизнь строго и серьезно,

и выдерживалъ этотъ тонъ всегда и вездѣ. Въ то же время ты держалъ себя необыкновенно кротко, добродушно. Ты ничѣмъ не выставлялъ себя предъ другими, напротивъ всячески укрывался отъ вниманія, которое естественно обращалось на тебя въ кругу твоихъ знакомыхъ. Если ты иногда принималъ участіе въ общихъ разсужденіяхъ, то высказывалъ свои мнѣнія скромно и безобидно. Самая аккуратность, какою ты отличался въ жизни, не была стѣснительна для другихъ, потому что она не была у тебя сухимъ, нетерпимымъ педантизмомъ. Ты былъ строгъ только къ себѣ, къ другимъ же относился съ снисходительностію и деликатностію, едва понятною для насъ. Я не касаюсь внутренняго міра твоей высокой души, твоихъ искренно православныхъ религіозныхъ убѣжденій, твоихъ строго христіанскихъ правилъ жизни, твоихъ нѣжныхъ и теплыхъ отношеній къ своимъ роднымъ. Я чувствую себя не въ силахъ подняться своею мыслію до того уровня, на которомъ стояла твоя высокая нравственно-духовная личность. Мое слабое слово не въ состояніи изобразить тотъ обликъ, въ которомъ рисуется предо мной твое духовное существо. А съ другой стороны я оскорбилъ бы твою скромность, если бы попытался раскрыть предъ всѣми внутреннюю сокровищницу твоего духа, которую ты тщательно скрывалъ отъ посторонняго взгляда. Намъ достаточно запомнить и усвоить себѣ тѣ уроки, какія ты преподалъ намъ своею учено-просвѣтительною дѣятельностію. И желалось бы надѣяться, что они будутъ такъ же плодотворны для насъ, какъ была дѣйственна и плодотворна твоя устная бесѣда.

РѢЧЬ

Законоучителя центральной крещено-татарской школы въ Казани В. Т. Тимоѳеева.

„По слову апостола Павла, ученики твои и знаеміи твои, тебя, наставника своего, поминаютъ добрымъ словомъ,

Гордѣй Семеновичъ! Позволь и мнѣ помянуть тебя, по возможности, добрымъ словомъ, тебя, глаголавшаго мнѣ Слово Божіе. Правда, что мое слово нескладно, я не умѣю точно выражать свои мысли по-русски; но ты, при жизни ласково принимая отъ насъ—татаръ, всякое лепетаніе, надѣюсь, и теперь снизойдешь ко мнѣ".

Потомъ, обратившись къ учащимъ и учащимся въ центральной крещено-татарской школѣ, говорилъ на татарскомъ языкѣ слѣдующее:

„Дѣти! На кого мы теперь смотримъ? Кто это лежитъ предъ нами во гробѣ?... Это нашъ почтеннѣйшій Гордѣй бабай. Этотъ Гордѣй бабай, помните—принималъ насъ, обутыхъ въ старые лапти, одѣтыхъ въ изорванные, грубые кафтаны, отъ которыхъ и пахнетъ-то весьма непріятно,—въ свою горницу, куда принималъ онъ высокихъ господъ. Онъ, наслаждавшій своими бесѣдами ученыхъ людей, не лишалъ и насъ, темныхъ и не образованныхъ дѣтей, своихъ бесѣдъ. Мы чрезъ его уста и письмена стали разумѣть и видѣть ложь и вредъ магометанской вѣры и закона. Въ великіе праздники онъ радовалъ насъ: всѣ мы получали отъ него гостинцы; но получая подарки, въ тоже время мы слышали изъ устъ его сладкія слова,—объясненія праздничныхъ предметовъ. Искренно любилъ насъ дѣдъ,—его то мы и лишились! Что мы будемъ теперь дѣлать, дѣти! Уже его нѣтъ и не будетъ онъ насъ ласкать. Мы тупы, это зналъ дѣдъ, и потому, указывая пальцемъ на страницу Новаго Завѣта, толковалъ намъ, какъ должно понимать извѣстное изреченіе. Добрый, заботливый Гордѣй бабай присутствовалъ при богослуженіи нашемъ, особенно на святой недѣлѣ Пасхи. Своимъ благоговѣйнымъ и внимательнымъ присутствіемъ въ нашей церкви, онъ показывалъ намъ высокій примѣръ христіанскаго благочестія. Если замѣчалъ какія недостатки въ служеніи, снисходительно исправлялъ ихъ. Благоговѣйное чтеніе и пѣніе въ церкви было любимымъ предметомъ его разговора съ нами.

Гордѣй бабай! Ты вѣдь зналъ, что мы въ вѣрѣ и въ дѣлѣ слабы, не окрѣпли,—что же ты оставилъ насъ?.. Да, дѣти, Гордѣй бабай не намъ только живущимъ въ школѣ показывалъ примѣръ христіанскаго житія; онъ ѣздилъ въ деревни крещеныхъ татаръ вмѣстѣ съ моимъ семействомъ,

гдѣ мы находились съ нимъ около мѣсяца; тамъ онъ проповѣдывалъ христіанскую вѣру и служилъ для насъ примѣромъ во всѣхъ поступкахъ. Слова его и теперь помнятъ жители тѣхъ деревень, гдѣ мы жили. И такъ онъ былъ наставникомъ не только намъ, дѣтямъ крещеныхъ татаръ, но и отцамъ и дѣдамъ нашимъ. Помолимся же о немъ, дѣти, да вселитъ его Богъ въ рай. О, какъ ему хотѣлось, дѣти, еще побывать въ нашей церкви, еще послушать какъ славятъ Бога черезъ тѣ переводы, въ которыхъ участвовалъ онъ самъ, потому дѣдъ обѣщалъ пріѣхать въ школу".

Потомъ говорилъ по русски:

„Ты что Гордѣй Семеновичъ не исполнилъ свое слово? Какъ случилось, что ты не въ нашу церковь пріѣхалъ, какъ обѣщалъ, а съ полдороги повернулъ въ академическую церковь? Или они достойнѣе твоего посѣщенія? Или же съ присными своими пріятнѣе тебѣ быть и слушать отъ нихъ пріятныя рѣчи, какъ отъ родныхъ дѣтей твоихъ? Дѣдушка, не охладѣлъ-ли уже ты къ намъ, крещенымъ татарамъ? что-бы это значило?! Нѣтъ, я думаю, что ты не охладѣлъ къ намъ, столько (50 лѣтъ) потрудившись, дабы просвѣтить насъ, татаръ, свѣтомъ Евангелія, но напротивъ, что ты, какъ опытный старецъ, съ намѣреніемъ прибылъ сюда и привелъ насъ татаръ (учителей, учительницъ, учениковъ, ученицъ) какъ бы показывая и говоря: Академія! вотъ этихъ младенцевъ въ вѣрѣ я поддерживалъ при жизни, а теперь отхожу къ отцамъ, такъ послѣ меня вы, дѣти мои, сихъ малыхъ поддерживайте; вручаю я вамъ ихъ въ церкви Божіей. Да, Гордѣй Семеновичъ, мы начали существовать радѣніемъ преемниковъ твоей каѳедры въ академіи, сія-же академія насъ выростила и впредь надѣемся, что она не покинетъ насъ. Такъ, Гордѣй Семеновичъ, ты и въ часъ разлуки являешь заботу объ насъ; въ этомъ мы убѣждены. За все это мы, крещеные татары, поклонившись при гробѣ твоемъ, благодаримъ тебя!

Дай, Господи, тебѣ царствіе небесное"!

РѢЧЬ

Студента Академіи В. Рудинскаго.

Въ настоящее время мы видимъ тебя, Гордій Семеновичъ, въ нашей средѣ въ послѣдній разъ. Собравшись теперь около твоего гроба, мы принуждены будемъ вскорѣ разстаться съ тобой навсегда,—разстаться, чтобы болѣе не видѣться.

Да не будетъ же для тебя оскорбительнымъ, если я подъ живымъ впечатлѣніемъ послѣдняго твоего присутствія въ нашей средѣ на нѣсколько минутъ отдалю эту скорбную и тяжелую разлуку съ тобой воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ представленій, которыя соединяются съ твоей личностью у меня и у всѣхъ вообще студентовъ—миссіонеровъ, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ тебѣ. Но настоящій случай—таковъ, что невольно побуждаетъ насъ остановиться на этихъ представленіяхъ, раскрыть ихъ и для себя, и для всѣхъ тѣхъ, которые привлечены теперь къ твоему послѣднему земному поприщу.

Дѣятельность почившаго Гордія Семеновича, какъ извѣстно всѣмъ присутствующимъ, принадлежала миссіонерскому дѣлу и тѣсно связана была съ нашей Академіей. Она прежде всего выражалась въ академическомъ преподаваніи почившаго, въ его академическихъ чтеніяхъ по миссіонерскимъ предметамъ. Профессорское слово покойнаго относится къ давнему прошлому. Его слушали наши отцы по школѣ и даже дѣды. Промежутокъ времени раздѣляющій насъ и профессорство Гордія Семеновича, настолько продолжителенъ,—что способенъ былъ изгладить въ Академіи всякія воспоминанія о профессорствованіи покойнаго, могъ стереть всякіе слѣды его вліянія. Но профессорская дѣятельность его была не такова, чтобы поддаться дѣйствію всеуничтожающаго времени. До насъ сохранились не только свѣжія преданія о высокихъ качествахъ академическихъ чтеній покойнаго, но и живые плоды этихъ чтеній. Этими плодами профессорства Гордія Семеновича были для насъ наши наставники—миссіонеры, получившіе свое миссіонерское образованіе главнымъ образомъ подъ его руководствомъ. Своей энергіей, своими об-

ширными и глубокими познаніями своихъ предметовъ, они какъ бы свидѣтельствовали намъ, что основная сила, давшая первоначальный толчокъ и дальнѣйшую поддержку ихъ направленію и образу дѣятельности, могла быть во всякомъ случаѣ силой незаурядной, недюжинной....

Послѣ того какъ Гордій Семеновичъ оставилъ чтеніе миссіонерскихъ предметовъ съ академической каѳедры, онъ не прекратилъ изученія ихъ и въ своемъ уединеніи, продолжая быть однимъ изъ главныхъ руководителей въ дѣлѣ противомусульманской миссіи, какъ непосредственною своею просвѣтительною дѣятельстію, такъ и учеными трудами. И литературные труды покойнаго, и общественная просвѣтительная дѣятельность его были настолько обширны и плодотворны, что способны были возбуждать и возбуждали въ насъ чувства самаго глубокаго уваженія и почтенія къ нему. Всѣ опытные миссіонеры указывали намъ на почившаго, какъ на образцоваго миссіонера. Всѣ наши наставники миссіонерскихъ предметовъ говорили намъ о Гордіѣ Семеновичѣ, какъ о замѣчательномъ ученомъ, указывали на его заключенія, какъ на послѣднее слово науки и черпали свои свѣдѣнія изъ его неисчерпаемаго ума, какъ изъ основнаго первоисточника науки. Не зная лично покойнаго, мы составляли объ немъ наше понятіе на основаніи его трудовъ и этихъ отзывовъ нашихъ наставниковъ и это понятіе было самое высокое и самое лестное для почившаго. Образъ Гордія Семеновича, дорисованный нашимъ воображеніемъ и частными разсказами о немъ нашихъ профессоровъ и вообще людей знавшихъ его лично, дѣлался для насъ совершенствомъ человѣческаго существа, его жизнь—совершенствомъ въ ряду всѣхъ человѣческихъ жизней.

Въ насъ естественнымъ образомъ послѣ всего этого открывалось стремленіе узнать Гордія Семеновича лично, услышать его наставительное слово отъ него самого. И къ чести Гордія Семеносича слѣдуетъ отнести: онъ не только не избѣгалъ подобныхъ собесѣдованій съ молодыми людьми, но, наоборотъ, самъ вызывался на нихъ и, способствуя ихъ составленію, отдавался имъ всей своей душой, всѣмъ существомъ своимъ.

Безъ сомнѣнія изъ здѣсь присутствующихъ студентовъ многимъ приходилось пользоваться этими собесѣдованіями съ почившимъ. Всякій изъ нихъ, разумѣется знаетъ, какъ

Гордій Семеновичъ, какъ истинный поборникъ своего высокаго дѣла, отдавался въ это время своимъ собесѣдникамъ. Всѣ опыты своихъ многолѣтнихъ трудовъ и усилій онъ старался передать своему собесѣднику какъ можно скорѣе, по возможности сообщить въ одинъ короткій срокъ бесѣды съ нимъ. Всѣ заключенія Гордія Семеновича носили въ этихъ случаяхъ печать обдуманности и самобытности. Говоря о чемъ бы то ни было, покойный говорилъ намъ какъ бы отъ себя, какъ бы о своихъ личныхъ опытахъ.

Всѣ, кому приходилось имѣть эти бесѣды, конечно, знаютъ, какъ была обаятельна и увлекательна при этомъ самая внѣшность почившаго. На всемъ лицѣ его, на каждой отдѣльной чертѣ его лица свѣтилось самое искреннее отношеніе къ дѣлу, самое воодушевленное напряженіе его ума и всѣхъ душевныхъ силъ его. Глаза Гордія Семеновича раскрывались въ это время больше обыкновеннаго, въ нихъ свѣтился зажигающій фосфорическій свѣтъ. На щекахъ игралъ яркій румянецъ воодушевленія. Въ голосѣ звучали лихорадочные порывы страстности. Гордій Семеновичъ, однимъ словомъ, отдавался своему собесѣднику всѣмъ своимъ существомъ. Онъ превращался изъ старца въ юношу, чтобы такимъ путемъ юношу—собесѣдника сдѣлать опытнымъ старцемъ въ наукѣ.

Съ чѣмъ же знакомилъ насъ въ своихъ собесѣдованіяхъ Гордій Семеновичъ? Онъ говорилъ намъ о востокѣ и его обитателяхъ, передавалъ свои заключенія объ исламѣ и его вліяніи на жизнь народовъ, знакомилъ насъ съ языкомъ восточныхъ жителей, съ ихъ общественнымъ и гражданскимъ бытомъ и т. п. Переносясь своей мыслію отъ востока на наше отечество и отъ ислама на наше родное православіе, онъ съ увлеченіемъ говорилъ о первомъ и превозносилъ второе. Онъ способенъ былъ дать и давалъ своимъ собесѣдникамъ самые мѣткіе и здравые отвѣты на всѣ вопросы, чуждые празднаго любопытства. И здѣсь—въ школѣ Гордія Семеновича мы привыкли цѣнить нашъ родной русскій народъ и любить и благоговѣть предъ роднымъ нашимъ русскимъ православіемъ.

Самое уваженіе къ почившему подъ вліяніемъ бесѣдъ съ нимъ, понятно, возрастало въ насъ до послѣдней степени. Его свѣтлый умственно-нравственный образъ являлся предъ нами еще выше, съ болѣе свѣтящимся ореоломъ славы

и великолѣпія. Если бы на Руси, думали мы, оставляя бесѣды почившаго, было побольше такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ Гордій Семеновичъ, то наша жизнь не представляла бы такихъ рѣзкихъ контрастовъ и противорѣчій, какія она представляетъ въ настоящее время. Если бы наука наша имѣла побольше такихъ энергичныхъ и талантливыхъ поборниковъ за себя, то она не ступала бы такъ медленно, какъ ступаетъ при настоящихъ условіяхъ. Если бы въ прежнее время на Руси, думалось намъ, было бы побольше такихъ ревностныхъ и просвѣщенныхъ сотрудниковъ миссіонерскому дѣлу, то не только бы наши русскіе инородцы не находились въ томъ жалкомъ непросвѣщенномъ положеніи, въ какомъ они находятся теперь, но и въ самомъ Стамбулѣ полумѣсяцъ давно бы замѣнился крестомъ Христовымъ.

Въ настоящій разъ, Гордій Семеновичъ, мы должны разстаться съ тобой на всегда, на всегда лишиться въ тебѣ своего мудраго руководителя и наставника. Но да послужитъ намъ это твое послѣднее посѣщеніе, которымъ ты осчастливилъ насъ въ этотъ торжественный моментъ твоего земнаго поприща, да послужитъ оно намъ залогомъ того, что твой свѣтлый образъ не угаснетъ у насъ, а останется надолго жить въ нашей памяти, что твои завѣтныя наставленія не пропадутъ даромъ, а принесутъ должные плоды въ твоихъ слушателяхъ и ученикахъ.

А теперь прими отъ учениковъ твоихъ искреннѣйшія пожеланія тебѣ вѣчныхъ загробныхъ благъ, къ которымъ ты стремился въ теченіи всей своей жизни. Да будетъ тебѣ вѣчная память, которую ты съ такой честью заслужилъ на землѣ нашъ незабвенный Гордій Семеновичъ!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

1-го МАРТА вышла и разослана подписчикамъ III-я, МАРТОВСКАЯ; книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Содержаніе книги: I. *Записки профессора Д. И. Ростиславова* (продолженіе). II. *Записки сельскаго священника*: Очерки быта помѣщиковъ въ эпоху освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и объявленіе манифеста 19-го февраля 1861 г. (окончаніе). — III. *Герасимъ Петровичъ Павскій*, историко-біографическій очеркъ профессора *Н. И. Барсова*, (продолж.).—IV. Записки принца *Евгенія Виртембергскаго* о войнѣ Россіи съ Турціей въ 1828 г.—V. Подлинная переписка Императора Николая Павловича съ гр. Дибичемъ въ 1828 г.—VI. *Воспоминанія артистки А. Я. Петровой-Воробьевой* о первой постановкѣ «Жизни за Царя» и о М. И. Глинкѣ.—VII. *Поэтъ Тарасъ Шевченко*: 1) Очеркъ его жизни и 2) Воспоминанія о немъ *Н. И. Костомарова*.—VIII. *Къ исторіи отмѣны винныхъ откуповъ въ Россіи*, 1858—1862 гг. Изъ Записокъ *А. Д. Крылова*. — IX. *Русская исторія* въ 1855—1880 гг. Обозрѣніе, состав. профессоръ *В. С. Иконниковъ* (окончаніе). — X. *Разсказы и анекдоты* изъ Записокъ Е. Н. Львовой († 1864 г.). — XI. *Петръ Андреевичъ Каратыгинъ*: его стихотворенія, пѣсни, посланія, эпиграммы, шутки.—XII. *Замѣтки*: П. А. Ефремова, А. П. Пятковскаго, Н. В. Берга и др.—XIII. *Библіографическій листокъ*, состав. профес. *В. С. Иконниковъ*.

Къ этой книгѣ приложенъ: *Портретъ поэта Тараса Шевченко* — гравюра, исполненная академикомъ *Л. А. Сѣряковымъ*, въ Ниццѣ, въ 1879 г., по рисунку *К. О. Брожа* съ подлиннаго живописнаго портрета, написаннаго самимъ съ себя Шевченкой въ 1840 г.

Подписка на «Русскую Старину» 1880-го года [одиннадцатый годъ изданія] продолжается. Цѣна за 12 книгъ въ годъ—ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у *Мамонтова*, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у *Мамонтова*, Кузнецкій мость, д. Фирсанова, и у *Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1880 г. *непремѣнно* при каждой книгѣ) ВОСЕМЬ руб. съ пересылкой.

Можно получить—«Русскую Старину», съ портретами, 1870 г. (3-е изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ портретами), 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами, и 1879 года съ гравированными при каждой книгѣ портретами. Цѣна за каждый годъ ВОСЕМЬ руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» *М. И. Семевскій*.

наприм. извѣстный намъ учитель сначала вятской, потомъ владимірской семинаріи Ѳ. Радикорскій, пропивавшій у учениковъ шапки, или наприм. самъ ректоръ владимірской семинаріи архим. Павелъ, который во главѣ учителей, учениковъ и служителей своей семинаріи выходилъ на драку съ городскими купцами и мѣщанами, довелъ ихъ до того, что они мимо семинаріи и ходить боялись, а когда подали на него въ консисторію жалобу, такъ противъ нихъ же заявилъ претензію, что въ дракѣ ему спину расшибли (1). Въ спискахъ учителей разныхъ семинарій можно встрѣчать отмѣтки: „уволенъ за нерадѣніе," или „за недобропорядочную, небережливую жизнь, за пьянство." Въ 1746 г. въ воронежской семинаріи встрѣчаемъ жалобу одного ученика на преподаваніе учителей. Учители пѣнія, регентъ Степановъ да попъ Семенъ Григорьевъ, донесли на него, „якобы онъ нотному пѣнію непонятенъ и обучить его тому пѣнію не можно; а я именованный, жаловался онъ, нотному пѣнію обучаться всеусердно желаю и понять могу, точію они за ихъ праздностію и лѣностію меня не обучаютъ и въ школы мало приходятъ, а меня тѣми ихъ доношеніями обносятъ напрасно; и дабы указомъ повелѣно было меня именованнаго въ помянутой пѣвческой музыкѣ обучать той музыки пѣвчимъ В. Бахмутскому да В. Старику, понеже они при той школѣ почитай всегда имѣются безотлучно, а отъ упомянутыхъ учителей меня освободить." Консисторія навела по этой жалобѣ справки и нашла на учителяхъ еще другую вину: оказалось, что они доселѣ не подавали ни одного мѣсячнаго репорта о своихъ занятіяхъ. Въ отвѣтахъ своихъ по этому поводу они объяснили, что въ школѣ бываютъ по 4 часа утромъ и по 3 часа послѣ обѣда каждый день, показуя ученикамъ самое существо, чему и сами обучены, что же касается до репортовъ,

(1) Истор. владим. семин. 36.

то попъ Семенъ показалъ, что не подавалъ ихъ за неимѣніемъ въ школѣ писцовъ и за дѣлами, а регентъ Степановъ прямо признался, что ему съ такимъ дѣломъ не справиться, что у него для того ни чернилъ, ни бумаги не имѣется, а купить не на что (1).

Съ расширеніемъ курсовъ потребовались болѣе образованные учители, которыхъ приходилось искать, зазывать на учительскія должности назначеніемъ высшихъ окладовъ и приманкой лучшей обстановки. Главными, наиболѣе желательными кандидатами этого рода были студенты кіевской академіи, — этой almae matris всѣхъ архіереевъ малороссовъ, смотрѣвшихъ на нее, какъ на высшій образецъ для своихъ епархіальныхъ школъ. Въ 1739 г. Гедеонъ Вишневскій, вызывая изъ Кіева студентовъ для своей смоленской семинаріи, писалъ кіевскому митрополиту Рафаилу: „изобиловала всегда учеными людьми академія кіевская, и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила.“ „Не проходило года, замѣчаетъ по поводу этого письма историкъ кіевской академіи, въ который бы многіе изъ питомцевъ кіевскихъ по безпрестаннымъ приглашеніямъ не поступали въ разныхъ семинаріяхъ на учительскія должности; не проходило года, въ который бы другіе не отправлялись сами на тѣже должности, бывшія для нихъ выгоднѣйшимъ родомъ службы,—и это продолжалось постоянно до самаго конца древней академіи“ (2). Съ учителями, вызванными такимъ образомъ изъ Кіева, архіереи, какъ мы видѣли, должны были заключать контракты, въ которыхъ обозначались какъ обязанности учителей, такъ съ другой стороны и обя-

(1) Воронеж. епарх. вѣд. 1867 г. № 7, стр. 231—234.

(2) Ист. Кіевск. акад. 191. Здѣсь же (стр. 184—190) можно видѣть самыя имена многихъ лицъ, отправлявшихся изъ академіи въ учителя по епархіямъ.

зательства самой епархіальной власти относительно ихъ содержанія, а иногда опредѣлялся самый срокъ обязательной службы учителя, послѣ котораго онъ по желанію могъ уйти съ своего мѣста на другое. Все это, кажется, не могло бы не повліять на улучшеніе быта и положенія учителей самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но на самомъ дѣлѣ улучшеніе это все—таки шло весьма медленно. Въ болѣе ясныхъ чертахъ оно обнаруживалось только въ тѣхъ немногихъ семинаріяхъ, гдѣ были открыты классы философскій и богословскій, требовавшіе для учительства не кое-какихъ кіевлянъ, а кончившихъ полный академическій курсъ, даже монаховъ. По пріѣздѣ на должность, эти учители получали высшіе оклады, назначались въ ректоры и префекты, опредѣлялись въ члены консисторій и въ настоятели монастырей и такимъ образомъ занимали видное положеніе не только въ школьной, но и въ епархіальной службѣ. Но такихъ привиллегированныхъ учителей было тогда не много во всей Россіи. Остальные кіевляне, разные риторы, философы, даже нарочно вызывавшіеся въ епархіи по контрактамъ, имѣли участь немного лучшую той, какая выпадала на долю разнымъ импровизованнымъ учителямъ,—ихъ предшественникамъ.

Отчасти по экономическимъ разсчетамъ архіереевъ, искавшихъ въ свои школы учителей по средствамъ, такъ сказать попроще, отчасти потому, что академія дорожила студентами богословія, проча ихъ на свои собственныя учительскія мѣста и на разныя духовныя должности въ Малороссіи, изъ Кіева въ епархіи ѣхали почти одни недоучившіеся студенты, хотя и изъ успѣшныхъ въ наукахъ. Очутившись на чужбинѣ прямо съ академической бурсы, гдѣ съ дѣтства были воспитаны въ страхѣ предъ начальствомъ, бѣдные догола, безпомощные, по пріѣздѣ на мѣсто службы они вполнѣ предавали себя и свою судьбу въ волю приглашавшихъ ихъ архіереевъ патроновъ. Хорошо ли, худо ли имъ за тѣмъ жилось, выходу изъ

службы никуда не было, кромѣ какого нибудь епархіальнаго мѣста, находившагося въ распоряженіи того же архіерея патрона; уѣхать въ другую епархію было нельзя, потому что не на что; бѣдняки не имѣли за душой ничего и не въ состояніи были прожить самаго короткаго срока до пріисканія новаго мѣста. Понятно, что въ такихъ обстоятельствахъ не имѣли значенія никакіе контракты. Кромѣ того, съ теченіемъ времени цѣна такихъ кіевлянъ не только не возрастала, но даже замѣтно опускалась съ одной стороны вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливавшагося ихъ наплыва въ епархіи, гдѣ заводились школы, а съ другой вслѣдствіе быстро развивавшейся конкурренціи съ ними студентовъ другихъ дух. школъ, особенно студентовъ великоруссовъ.

Открывая свои школы и по необходимости воздерживаясь отъ слишкомъ большихъ расходовъ на нихъ, епархіальныя начальства вездѣ старались по возможности оттянуть вызовы учителей—кіевлянъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чаще всего до открытія высшихъ классовъ, начиная съ риторики, а до этого, въ случаѣ неизбѣжной нужды въ латынникахъ, привлекали къ дѣлу учительства малороссовъ, случайно находившихся у нихъ въ епархіяхъ, или же разныхъ недоучившихся академистовъ, которые сами пріѣзжали къ нимъ искать учительскихъ мѣстъ и являлись, разумѣется, кандидатами самыми скромными, готовыми на всякій условія. И тѣхъ и другихъ кандидатовъ было довольно почти повсюду, особенно съ царствованія имп. Анны, такъ благопріятнаго для усиленія партіи малороссовъ въ іерархіи и развитія латинскаго образованія по семинаріямъ. Даже наприм. въ отдаленной иркутской епархіи, гдѣ при святителѣ Иннокентіи едва могли найти даже русскаго учителя для архіерейской школы и откуда еще въ началѣ царствованія Анны другой архіерей Иннокентій Нерунович нарочно посылалъ для приготовленія въ учители двухъ служителей своего дома въ московскую

академію, подъ конецъ того же царствованія семинарія имѣла возможность обильно воспользоваться преподавательскими услугами ученыхъ малороссовъ, на этотъ разъ впрочемъ ссыльныхъ, между которыми встрѣчаемъ даже такого ученаго, какъ архимандритъ Платонъ Малиновскій, бывшій префектъ московской академіи, затѣмъ ректоръ харьковскаго коллегіума (по возвращеніи изъ ссылки архіепископъ московскій) (1). Студенты, которые выходили изъ академіи раньше конца курса и старались прежде размѣщаться больше у себя на родинѣ, заслышавъ о множествѣ учительскихъ вакансій въ новыхъ семинаріяхъ, тоже стали чаще являться въ великорусскихъ епархіяхъ, такъ что отысканіе подходящаго по условіямъ учителя для преподаванія не только какой нибудь синтаксимы, но и піитики съ риторикой уже едва ли гдѣ могло представлять серьезныя затрудненія. Если при этомъ примемъ во вниманіе то, какъ епархіальные архіереи старались воздерживаться отъ увеличенія числа учительскихъ каѳедръ, до послѣдней возможности обходясь съ помощію одного или двоихъ преподавателей высшихъ классовъ, то мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что предложеніе учительскихъ услугъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, должно было увеличиться быстрѣе самаго спроса на нихъ, что не могло не отзываться на пониженіе самой ихъ цѣнности.

Далѣе, пользуясь молодостію новыхъ школъ и небольшой величиной требованій отъ кандидатовъ на учительскія въ нихъ должности, съ кіевлянами счастливо стали конкуррировать воспитанники другихъ западно-русскихъ школъ, наприм. харьковскаго коллегіума. Въ исторіи воронежской семинаріи находимъ нѣсколько фактовъ, которые довольно выразительно рисуютъ положеніе этого рода кандидатовъ на учи-

(1) *Чистовичъ* Ѳ. Прокоповичъ, 676. Ирк. епарх. вѣд. 1870 г. стр. 587—589.

тельство. Черезъ два года по учрежденіи семинаріи (въ 1747 г.) начальство нашло нужнымъ облегчить труды ея единственнаго за все это время преподавателя Стасіевича и стало искать въ помощь ему другихъ учителей. Изъ харьковскаго коллегіума разомъ явилось три кандидата: одинъ риторъ Гаврило Винецкій, запасшійся на всякій случай рекомендательнымъ письмомъ знакомаго архіерею подполковника острогожскаго полка Тевяшева, у котораго жилъ при какихъ-то дѣлахъ 4 года, да два философа, Ѳ. Оранскій и К. Черняховскій, подавшіе витіеватое прошеніе прямо отъ себя, въ которомъ откровенно писали, что „весьма не имѣютъ мѣста, гдѣ бы жить,“ и „смиренно молили имъ, нынѣ всякимъ несчастіемъ объятымъ, архипастырскую явити милость.“ Осенью всѣ трое явились въ Воронежъ. Винецкій, обнадеженный протекціей подполковника и въ самомъ дѣлѣ зачисленный въ учители еще съ сентября, только безъ жалованья, пріѣхалъ даже съ братомъ, такимъ же бѣднякомъ, какъ самъ. Но архіерей не торопился окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла и только въ декабрѣ надумалъ сначала еще справиться о способностяхъ кандидатовъ у ректора коллегіума. Бѣдные студенты, въ ожиданіи „высокомилостиваго призрительнаго пожалованія, безъ всякихъ обстоятельствъ живучи,“ въ концѣ проживались въ Воронежѣ и неустанно осаждали архіерея униженными просьбами о рѣшеніи своей участи. Винецкій по крайней мѣрѣ имѣлъ хоть какую нибудь увѣренность въ своемъ успѣхѣ, кромѣ того успѣлъ выхлопотать брату священническое мѣсто; товарищи же его теряли всякую надежду, одинъ уже собирался уѣхать, другой, Черняховскій, дошелъ почти до прошенія милостыни. „Хочай и многажды, писалъ онъ въ одной изъ своихъ просьбъ, стужали вашему преосв-ву и уже какъ много весьма опечалились, но не иное насъ, какъ крайняя нужда, зоветъ.... Меня бѣднаго весьма видимое несчастіе мое облѣнило, и какъ разсуждаю, это мнѣ бѣдному и не безъ урону

и крайняго убытку стало, яко остатніе вещи спродалъ и ямщику 3 руб. уплатилъ, и донеже жадной (ни одной) надежды и жаднаго опредѣленія не имѣю и отыскивать усумнѣваюсь, того ради всесмиренно прошу ваше пр-во мене бѣднаго, чѣмъ ни на есть, отъ всещедрой своей десницы пожаловать.“ Рѣшеніе послѣдовало уже въ началѣ 1748 г.; учителемъ опредѣленъ былъ Оранскій, признанный вѣроятно лучшимъ. Винецкій же такъ и остался съ одной прикомандировкой къ семинаріи безъ жалованья и прожилъ въ этомъ положеніи въ Воронежѣ цѣлыхъ 1½ года, пока не былъ опредѣленъ въ дѣйствительные учители уже по смерти Оранскаго (¹).

Около конца 1720-хъ гг. по семинаріямъ стали являться новые кандидаты на учительство, сдѣлавшіеся еще болѣе опасными соперниками кіевлянъ, студенты московской академіи. По своему образованію они не многимъ уступали кіевлянамъ и то развѣ только въ началѣ описываемаго времени, а между тѣмъ для великорусскихъ семинарій были, такъ сказать, больше подъ рукой и по всей вѣроятности менѣе претендательны, чѣмъ привиллегированные студенты кіевляне. Вслѣдствіе этого въ московскую академію за учителями нерѣдко стали обращаться даже такіе архіереи, которые болѣе другихъ отличались любовью къ кіевскимъ студентамъ, наприм. Гедеонъ Вишневскій смоленскій, вызвавшій къ себѣ въ учителя ученика московской академіи Бестужева еще въ 1728 г. Семинаріи коломенская и крутицкая имѣли у себя учителей почти всегда изъ московскихъ студентовъ. Вызывали ихъ также въ Астрахань, Псковъ, въ Нижній, Владиміръ, Устюгъ, Вологду, Вятку, Архангельскъ, въ семинарію троицкую и въ обѣ сибирскія.

(¹) Воронежск. еп. вѣд. 1867 г. № 8, 9, 11, 14; 1868 г. № 7. Въ петербургской семинаріи видимъ учителей изъ воспитанниковъ Черниговскихъ. Ист. Спб. акад. стр. 38.

Нѣкоторые архіереи, особенно изъ великоруссовъ, нарочно посылали своихъ учениковъ въ Москву, чтобы приготовить ихъ къ учительству (1). Кромѣ московской академіи, къ концу описываемаго времени учителей стали поставлять еще нѣкоторыя болѣе благоустроенныя семинаріи, троицкая, новогородская, казанская (2). Наконецъ почти во всѣхъ семинаріяхъ на нисшихъ учительскихъ должностяхъ встрѣчаемъ ихъ собственныхъ воспитанниковъ (3), а въ нѣкоторыхъ, наприм. въ новогородской, троицкой, петербургской, собственные воспитанники допускались къ учительству уже и въ высшихъ классахъ. Пріобрѣтеніе учителя изъ своихъ собственныхъ воспитанниковъ было самымъ большимъ торжествомъ семинаріи, лучшимъ свидѣтельствомъ ея высшаго развитія и вѣрнымъ залогомъ ея будущихъ успѣховъ. Въ костромской епархіи сохранилось преданіе, какъ при опредѣленіи на должность перваго учителя изъ воспитанниковъ тамошней семинаріи, И. Красовскаго, архіерей Дамаскинъ, самъ вводя его въ классъ, плакалъ отъ умиленія и возсылалъ Господу Богу благодареніе за то, что сподобилъ семинарію дожить до своихъ доморощенныхъ учителей (4).

Извѣстная борьба великоруссовъ съ малороссами, господствовавшая въ средѣ іерархіи за все описываемое время, имѣла самое большое вліяніе на умноженіе числа учителей изъ студентовъ московской

---

(1) Имена вызывавшихся въ учители студентовъ см. въ Исторіи моск. академіи.

(2) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 12, стр. 201. Въ троицкую семинарію посылали изъ епархій учениковъ для приготовленія къ учительству точно такъ же, какъ въ московскую академію. Ист. троицк. сем. 33. 105.

(3) Для посылки на учительство въ школы, находящіяся не въ семинарскомъ городѣ, такихъ учениковъ иногда нарочно исключали изъ семинаріи раньше окончанія курса. Напр. см. Курск. еп. вѣд. 1873 г. стр. 673—674.

(4) Р. Педаг. Вѣстн. 1858 г. т. V, отд. 3. стр. 23.

академіи. Въ то время, какъ архіереи малороссы старались выдвигать на учительскія мѣста кіевлянъ и считали главнымъ источникомъ всякаго просвѣщенія свою знаменитую кіевскую академію, архіереи великоруссы обращали свои надежды къ родной московской академіи, въ которой видѣли въ будущемъ близкое уже спасеніе отъ тяжкой работы черкасамъ для всѣхъ великорусскихъ школъ и для всего великорусскаго духовенства. Мы видѣли примѣры, какъ плохо приходилось учителямъ — малороссамъ, когда послѣ призвавшаго ихъ и водворившаго въ семинаріи архіерея земляка случайно являлся въ епархіи архіерей великоруссъ, враждебно относившійся къ черкасскимъ затѣямъ. Были случаи, что школы, заведенныя черкасами, совсѣмъ распускались; но большею частію гоненіе на черкасъ ограничивалось только перемѣною учителей. Такъ наприм. въ вологодской семинаріи при архіереѣ Амвросіѣ Юшкевичѣ видимъ учителей малороссовъ: при преемникѣ его великоруссѣ Пименѣ Савеловѣ (1740—1752) всѣ учители были тоже великоруссы. При своемъ вступленіи на вологодскую каѳедру онъ нарочно послалъ въ московскую академію троихъ учениковъ своей семинаріи, чтобы они усовершенствовались тамъ въ наукахъ и могли приготовиться къ учительству, и все время ихъ академическаго курса содержалъ ихъ на счетъ арх. дома; въ 1751 г. въ расходной книгѣ архіер. дома значится даже расходъ въ 5 руб., сдѣланный архіерейскимъ канцеляристомъ въ Москвѣ „въ почтеніе за учениковъ,“ т. е. на подарки за ихъ обученіе академическимъ властямъ. По возвращеніи на родину всѣ они сдѣланы были учителями, и одинъ изъ нихъ, Ключаревъ, читалъ уже философію. По смерти преосвященнаго при его преемникѣ Серапіонѣ Лятушевичѣ (изъ малороссовъ) положеніе этихъ учителей, должно быть, было не совсѣмъ хорошо; извѣстно по крайней мѣрѣ, что самый видный изъ нихъ Ключаревъ получалъ всего 20 рублей жалованья,—окладъ въ тогдашнее время крайне обид-

ный для учителя философіи (1). Мы видѣли также, какъ сурово отнесся къ черкасскимъ затѣямъ и учителямъ черкасамъ холмогорскій архіерей Варсонофій. Въ началѣ его архіерейства заведенная черкасами холмогорская семинарія совсѣмъ было рушилась, но дальнѣйшія его дѣйствія показали, что онъ вовсе не былъ врагомъ духовнаго образованія вообще, и даже латинскаго въ частности, а именно хотѣлъ только вытѣснить непріятныхъ ему малороссовъ. Въ 1743 г. онъ снова возобновилъ семинарію, вытребовавъ въ нее для преподаванія студента московскй академіи Заостровскаго; въ 1747 г. учитель этотъ выбылъ и замѣненъ другимъ тоже изъ Москвы, Либеровскимъ, который довелъ семинарскій курсъ до риторики; въ 1758 г. видимъ третьяго учителя, Бѣлокриницкаго, опять изъ московскихъ студентовъ (2). Очень можетъ быть, что нѣкоторые архіереи не прочь были бы и отъ того, чтобы ослабить въ школахъ и самое господство латыни, но это было уже не возможно, потому что господство это было уже вполнѣ упрочено и кромѣ того крѣпко поддерживалось высшею духовною властію, которая смотрѣла на упадокъ въ школѣ латыни, какъ на упадокъ самой школы. Въ 1741 г. тобольскій архіерей Арсеній Мацѣевичъ вошелъ было въ св. Синодъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ латинскаго ученія въ тобольской семинаріи вслѣдствіе крайней скудости ея средствъ, но получилъ такой отвѣтъ, который прямо показывалъ, что объ этомъ предметѣ не слѣдуетъ заводить и рѣчи (3). Въ концѣ описываемаго времени встрѣчаемъ примѣръ дѣйствительнаго прекращенія латинскаго ученія въ воронежской семинаріи при архіереѣ Іоанникіѣ Павлуцкомъ, который по пріѣздѣ въ епархію совсѣмъ распустилъ учениковъ

(1) Вологод. епарх. вѣд. 1865 г. № 9.

(2) Странн. 1878 г. ноябрь, стр. 144.

(3) Пермск. епарх. вѣд. 1868 г. № 1, стр. 7.

высшихъ классовъ и оставилъ при школѣ одно славянское ученіе, но и этотъ примѣръ едвали можно объяснить однимъ только отвращеніемъ новаго архіерея отъ черкасскихъ затѣй, хотя онъ дѣйствительно былъ изъ людей не получившихъ школьнаго образованія,—дѣло естественнѣе объясняется тѣмъ, что предшественникъ его Кириллъ при переходѣ своемъ изъ Воронежа въ Черниговъ взялъ съ собой самаго лучшаго изъ тогдашнихъ троихъ учителей семинаріи, учителя риторики и префекта Іероѳея Малицкаго, а другой учитель (синтаксимы) іеромонахъ Смарагдъ Расчисловскій вскорѣ, еще до пріѣзда Іоанникія, померъ, и въ семинаріи остался только одинъ учитель низшаго класса, Тимоѳей Далматовъ: новыхъ учителей Іоанникій вѣроятно не успѣлъ отыскать, потому что и самъ прожилъ въ Воронежѣ всего только 9 мѣсяцевъ (1).

Къ концу Елизаветинскаго царствованія число ученыхъ людей великорусскаго происхожденія успѣло возрасти до того, что они почувствовали себя въ состояніи поддержать дѣло учительства въ мѣстныхъ семинаріяхъ одни, безъ особенной нужды въ помощи малороссовъ. Малороссы тѣмъ не менѣе повсюду продолжали сохранять преобладающее значеніе въ школьномъ мірѣ, занимая въ семинаріяхъ всѣ начальственныя должности и пользуясь кромѣ того сильной поддержкой со стороны своихъ земляковъ — архіереевъ, тоже продолжавшихъ удерживать за собой преобладающее значеніе въ іерархіи. Сквозь ихъ крѣпко сплоченные ряды трудно было пробиться впередъ, на болѣе видное мѣсто, человѣку не ихъ партіи и приходилось волей неволей вѣчно оставаться позади, въ досадномъ, но неизбѣжномъ у нихъ подчиненіи. Тяжесть этого подчиненія въ началѣ XVIII вѣка казалась по крайней мѣрѣ зломъ необходимымъ, потому что наѣз-

(1) Странникъ 1868 г. сент., стр. 107: Объ Іоанникіѣ. Также см. въ житіи св. Тихона воронежскаго при 1 т. его сочиненій.

жіе ученые были пока единственными учителями, которые могли преподавать въ новыхъ латинскихъ школахъ; по той же причинѣ можно было терпѣть пока и непріятное поведеніе этихъ довольно нахально державшихся гостей, смотрѣвшихъ на хозяевъ гордо и заносчиво, какъ на невѣждъ и людей ни къ чему не способныхъ. Но съ теченіемъ времени они все менѣе дѣлались необходимыми; просвѣтительная миссія ихъ оказалась болѣе успѣшною, чѣмъ они сами того ожидали, и очевидно приходила къ концу. Подъ ихъ суровой ферулой успѣло воспитаться уже не одно поколѣніе молодыхъ великорусскихъ ученыхъ, изъ которыхъ многіе ничѣмъ не уступали своимъ учителямъ, если еще не превосходили ихъ своимъ болѣе свѣжимъ и близкимъ къ родной жизни направленіемъ, и которые сами порывались теперь къ самостоятельной дѣятельности. Старая монополія черкасъ на первенство и власть очевидно переставала быть необходимою и удерживать ее въ своихъ рукахъ стало крайне для нихъ невыгодно и опасно, значило только усиливать противъ себя раздраженіе и вести дѣло къ такому же концу, какъ въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія, когда москали позорно прогнали ихъ отъ себя во свояси. Черкасы, разумѣется, этого не понимали и подобно всѣмъ старымъ учителямъ не захотѣли уступать ученикамъ ни своихъ мѣстъ, ни своего авторитета, стали дѣлать къ нимъ разныя придирки съ явнымъ желаніемъ принижать мѣстные таланты, держать ихъ въ черномъ тѣлѣ и не давать имъ слишкомъ бойкаго хода впередъ. Мы уже указывали случаи подобнаго рода изъ жизни Гедеона Криновскаго и Платона Левшина. Въ царствованіе имп. Елизаветы общій ропотъ великорусскаго духовенства противъ черкасъ усилился до того, что дошелъ до ушей самой императрицы и, не смотря на то, что она сама очень благоволила къ малороссамъ, что и духовникъ и фаворитъ ея были оба малороссы, побудилъ ее къ изданію извѣстнаго указа 1754 г., которымъ дозволено было на важ-

ные духовные посты возводить не однихъ кіевлянъ, но и изъ великороссійскихъ людей. Стало быть, доступъ къ этимъ важнымъ постамъ до сихъ поръ былъ до такой степени стѣсненъ для великороссійскихъ людей, что оказался нужнымъ даже особый указъ для его облегченія.

Усиленію малороссовъ едва ли не болѣе всего помогли приведенные нами указы о постриженіи въ монашество, составлявшее всегда необходимую ступень къ высшимъ постамъ. Малороссы, какъ мы видѣли, успѣли очень рано освободить свои югозападныя школы и кіевскую академію отъ всѣхъ почти стѣсненій, какими эти указы окружили постриженіе студентовъ, а при имп. Елизаветѣ по указу 1749 г. добились такой свободы для поступленія ихъ въ монашество, которая уже явно противорѣчила всему законодательству относительно этого предмета съ самаго начала XVIII в. и близко напоминала еще старое до петровское время, тогда какъ великоруссы должны были подчиняться всей строгости новыхъ постановленій о монашествѣ. По указу 1738 г., который дѣйствовалъ въ отношеніи къ великоруссамъ и при Елизаветѣ, въ случаѣ намѣренія семинарскаго или академическаго начальства удостоить кого нибудь изъ великорусскихъ учениковъ постриженія въ монахи, на этотъ предметъ каждый разъ испрашивалось особое высочайшее дозволеніе (1). Добиться этого дозволенія безъ особаго ходатайства начальства было вѣроятно не легко; по крайней мѣрѣ въ знакомой намъ жалобѣ кончившихъ курсъ петербургскихъ семинаристовъ 1747 г. на то, что имъ некуда дѣваться вслѣдствіе строгихъ указовъ о законныхъ лѣтахъ для посвященія, прямо говорится, что постриженія въ монахи для нихъ тогда не было. Даже указъ 1749 г., такъ благопріятный для мало-

(1) Ист. спб. акад. 69: о постриженіи шести учениковъ въ 1748 г. Здѣсь впрочемъ невѣрно сказано, что они пострижены по указу 1741, а не 1738 г.

россовъ, въ отношеніи къ великорусамъ былъ кѣмъ-то истолкованъ въ смыслѣ полнаго запрещенія постригать ихъ и толкованіе это имѣло практическую силу до сентября 1761 г., т. е. до самаго почти конца царствованія Елизаветы. Между тѣмъ безъ поступленія въ монашество съ теченіемъ времени все труднѣе и труднѣе становилось занять сколько нибудь видное положеніе, не говоримъ о высшихъ духовныхъ постахъ, даже и на учительской службѣ, потому что и учительскія мѣста стали постоянно связываться тоже съ монашескимъ саномъ.

Кіевскіе учители, усвоивъ себѣ духъ иночества въ древней столицѣ православія, старались и въ великороссіи утвердить господство въ области науки за монашествомъ. Сначала это имъ долго не удавалось, потому что при существованіи въ семинаріяхъ только низшихъ курсовъ преподаваніе поручалось всякаго рода людямъ и большею частію не имѣвшимъ не только монашескаго, но и священнослужительскаго сана. Въ 1733 г., по случаю возбужденія вопроса о постриженіи студентовъ московской академіи, самъ св. синодъ высказался въ своемъ указѣ, что монашество вовсе не необходимо для учительства, и подтверждая правило Дух. Регламента объ обязательности для желающихъ постриженія трехлѣтняго искуса, прямо требовалъ, чтобы учители тоже не были отъ него освобождаемы, и служили эти три года искуса въ свѣтскихъ чинахъ. Но потомъ мысль о монашествѣ учителей стала все болѣе и болѣе усвоиваться и въ 1741 г. тотъ же св. Синодъ, ходатайствуя передъ правительствомъ о сокращеніи этого трехлѣтняго срока для кандидатовъ на учительство въ шестимѣсячный, утверждалъ уже другую мысль, что не только въ академіи, но и въ епархіальныхъ училищахъ „пристойнѣе и весьма полезнѣе быть учителямъ изъ монашествующихъ,“ съ чѣмъ тогда согласилось съ нимъ и правительство (1).

(1) П. С. З. XI, № 8382.

При имп. Елизаветѣ монаховъ учителей встрѣчаемъ почти во всѣхъ семинаріяхъ, и въ нѣкоторыхъ, наприм. въ псковской, число ихъ даже превышало число свѣтскихъ и не только въ высшихъ, но и въ нисшихъ классахъ. Нечего и говорить, что значительное большинство такихъ учителей боло изъ малороссовъ. Въ московской академіи съ начала 1740-хъ гг,. по свидѣтельству ея историка, монашество до того успѣло вкорениться, что „было много курсовъ, когда между наставниками не было ни одного свѣтскаго лица. Любопытный случай представляется въ 1744 г.; въ этомъ году всѣ наставники были монашествующіе, кромѣ одного учителя нисшаго класса Г. Кондакова. которому, вѣроятно послѣ непринятыхъ имъ убѣжденій вступить въ монашество, послѣдовало на представленіи ректора такое опредѣленіе св. Синода: „Г. Кондакова изъ учителей. понеже онъ монашескаго чина понынѣ не пріемлетъ. исключивъ, ни къ какимъ школамъ не опредѣлять.“ Въ 1753 г.. избравъ въ учители бѣльцовъ, Аоанасія Пельскаго и Григорія Дранцына. академія писала Синоду въ объясненіе: „сіи учители хотя бѣльцы, однакожъ люди весьма надежные.“ Дранцынъ дѣйствительно оказался надежнымъ, принялъ монашество съ именемъ Геннадія, но о другомъ ректоръ Варлаамъ въ слѣдующемъ году подалъ такое доношеніе въ Синодъ: „риторикѣ обучалъ А. Пельскій исправно, но понеже онъ монашества пріяти не желаетъ, а затѣмъ, что не всѣ учители монахи, бываетъ въ предикахъ остановка. того ради не повелитъ ли св. Синодъ, откуду пристойно, взять на его мѣсто монаха?“ Св. Синодъ согласился и уволилъ ненадежнаго учителя (1).

Понятно, что, подвергнувшись всей строгости указовъ о монашествѣ. великорусскіе ученые съ трудомъ могли пробиваться на высшіе посты въ училищной,

(1) Ист. московск акад. 84—85.

а потомъ и на іерархической службѣ. Въ московской академіи первымъ префектомъ (съ 1755 г.), потомъ ректоромъ (съ 1757 г.) изъ великоруссовъ видимъ Геннадія Драницына уже въ послѣднее пятилѣтіе царствованія Елизаветы. Въ троицкой семинаріи первымъ великорусскимъ ректоромъ былъ Гавріилъ Петровъ уже въ 1758 г.; онъ же былъ вторымъ ректоромъ академіи. Въ другихъ семинаріяхъ такихъ ректоровъ встрѣчаемъ раньше, но большею частію одиночно и по случайнымъ причинамъ; таковы напр.: въ петербургской семинаріи Сильвестръ Старогородскій (съ 1756 г.), сынъ придворнаго священника и крестникъ имп. Елизаветы, въ казанской — Димитрій Сѣченовъ (съ 1740 г.), бывшій въ Казани главою новокрещенской конторы и завѣдывавшій дѣломъ образованія новокрещенныхъ инородцевъ, въ новгородской (съ 1746 г.) Дамаскинъ Аскаронскій, назначенный въ ректоры, кажется, временно, безъ преподавательской должности, въ качествѣ только администратора. На поприщѣ іерархической службы первымъ изъ великоруссовъ возвысился Димитрій Сѣченовъ, сдѣлавшійся съ 1757 г. архіепископомъ новгородскимъ, главнымъ членомъ св. Синода и сильнымъ человѣкомъ при дворѣ. Нѣсколько раньше его (въ 1755 г.) въ Синодъ былъ посаженъ другой великоруссъ, придворный проповѣдникъ, архимандритъ Гедеонъ Криновскій, но до назначенія въ Новгородъ Димитрія не имѣлъ особенной силы, состоя въ невысокомъ сравнительно съ другими членами санѣ. Соединившись вмѣстѣ, они потомъ были постоянными покровителями затертыхъ до селѣ великоруссовъ, съ 1758 г. внимательно отыскивали между ними людей наиболѣе талантливыхъ, склоняли ихъ къ принятію монашества, и затѣмъ употребляли все свое вліяніе, чтобы дать имъ больше ходу къ высшимъ мѣстамъ. Сдѣлавшись съ 1758 г. архимандритомъ Троицкой лавры, Гедеонъ обратилъ особенное вниманіе на троицкую семинарію, стараясь сдѣлать ее главнымъ средоточіемъ и разсадникомъ мѣстныхъ талан-

товъ. Такъ, замѣтивъ въ Москвѣ воспитанника академіи Гавріила Петрова, который уже нѣсколько разъ упорно отказывался отъ монашества, не пошелъ даже изъ за этого отказа на учительскую службу академіи и занялъ скромную должность типографскаго корректора, Гедеонъ насильно вытянулъ его изъ этой должности въ учители риторики при своей семинаріи, затѣмъ также почти насильно заставилъ постричься и послѣ этого при содѣйствіи Димитрія быстро провелъ по всей лѣствицѣ монашескихъ и училищныхъ чиновъ до архимандритства и ректуры сначала въ троицкой семинаріи, потомъ въ академіи; впослѣдствіи это былъ знаменитый іерархъ Екатерининскаго царствованія, митрополитъ петербургскій. Вслѣдъ за Гавріиломъ онъ точно также обратилъ вниманіе на другую будущую знаменитость — Платона Левшина, который какъ мы упоминали, подвергся въ московской академіи такимъ же непріятностямъ отъ черкасъ, какъ самъ Гедеонъ нѣкогда въ казанской семинаріи, и былъ едва выученъ изъ бѣды тогдашнимъ ректоромъ академіи, великоруссомъ Геннадіемъ; точно такъ же, какъ и Гавріилъ, Платонъ былъ привлеченъ сначала въ троицкую семинарію, затѣмъ постриженъ въ монахи и послѣ перевода Гавріила въ академію сдѣланъ ректоромъ;—это былъ впослѣдствіи знаменитый Платонъ митрополитъ московскій. Въ тоже время сильные великоруссы замѣтили еще третьяго талантливаго человѣка, который послѣ примкнулъ къ блестящей плеядѣ свѣтилъ Екатерининскаго вѣка, префекта московской академіи Иннокентія Нечаева. Димитрій отъ лица Синода назначалъ было его въ ректоры своей новогородской семинаріи (въ 1761 г.), но Гедеонъ перетянулъ его въ Троицкую лавру, гдѣ и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ. Въ новгородской семинаріи въ управленіе Димитрія приняли монашество и потомъ быстро стали возвышаться два учителя, Симонъ Лаговъ, сдѣланный въ 1759 г. архимандритомъ Антоніева монастыря и ректоромъ семинаріи (при Екатеринѣ епи-

скопъ костромскій, потомъ архіепископъ рязанскій), и Тихонъ Соколовъ, назначенный въ томъ же 1759 г. префектомъ. Вскорѣ онъ былъ переведенъ изъ Новгорода въ ректоры тверской семинаріи, но Димитрій Сѣченовъ, весьма его уважавшій, черезъ два года (въ 1761 г.) снова воротилъ его въ Новгородъ и сдѣлалъ своимъ викаріемъ (при Екатеринѣ онъ получилъ самостоятельную каѳедру въ Воронежѣ). Такъ, благодаря поддержкѣ Сѣченова и Криновскаго, въ послѣднее время успѣла сформироваться цѣлая дружина молодыхъ монаховъ великоруссовъ, которые въ свою очередь усердно поддерживали другъ друга и сами, каждый въ предѣлахъ доставшагося въ его власть вѣдомства, старались всѣми силами поддерживать и привлекать къ монашеству болѣе талантливыхъ учениковъ или молодыхъ учителей, все болѣе и болѣе усиливая свою партію, готовившуюся вытѣснить монополію черкасъ и занять ихъ мѣста самой. Цѣль эта была достигнута великорусской партіей уже въ царствованіе Екатерины II.

Раздраженіе, которое накопилось надъ головою черкасъ, не ограничивалось только служебной сферой; въ школьной жизни оно было одинаково сильно; великоруссъ воспитывался въ немъ еще со школьной скамьи какой нибудь фары или инфимы. Нельзя сказать, чтобы школьная система малоруссовъ была особенно сурова и груба сравнительно съ той, какая испоконъ вѣка господствовала у мѣстныхъ великорусскихъ мастеровъ грамотности; основные пріемы педагогіи были одни и тѣже и у тѣхъ и у другихъ, съ той развѣ разницей, что малороссійскія школы ихъ подробнѣе выработали и развили. Точно также едва ли грубѣе великорусской была и система администраціи, какой держались черкасы, завладѣвъ высокими духовными постами. Но, какъ всегда водится, когда власть дѣлается монополіей одного класса людей, всѣ ошибки, тяжести и другіе недостатки администраціи приписывались обыкновенно не общему ея

строю или духу времени, а именно этому классу монополистовъ власти, причемъ недовольные менѣе всего думали о томъ, не точно ли бы также при томъ же административномъ строѣ стали поступать на мѣстѣ черкасъ и самые коренные великоруссы; въ школьной жизни было тоже самое,—все непріятное, тяжелое, невыносимое, что только здѣсь встрѣчалось, приписывалось тоже черкасамъ, потому что и ректоръ и префектъ и почти всѣ учители были черкасы. Нужно при этомъ взять во вниманіе то, что всѣ эти приставники школы были для учениковъ люди въ собственномъ смыслѣ чужіе, наѣзжіе изъ какой-то чужой земли, какой тогда представлялась Малороссія, съ своеобразными привычками, понятіями и самою наукою, съ своею малопонятною, странною для великорусскаго уха рѣчью, притомъ же не только не хотѣли приноровиться къ просвѣщаемому ими юношеству и призвавшей ихъ странѣ, но даже явно презирали великоруссовъ, какъ дикарей, надъ всѣмъ смѣялись и все порицали, что было непохоже на ихъ малороссійское, а все свое выставляли и навязывали, какъ единственно хорошее. Сдѣлавшись преподавателями въ великорусскихъ школахъ, они не оставили даже своего провинціальнаго нарѣчія, вслѣдствіе чего, по замѣчанію одного изъ изслѣдователей по исторіи нашихъ семинарій, часто „ни учители учениковъ, ни ученики учителей не понимали. Преданность ихъ къ своему нарѣчію доходила до такое степени, что они даже въ классѣ осмѣивали формы великороссійскаго нарѣчія и принуждали учениковъ объясняться такъ, какъ они сами говорили, наприм. запрещали говорить въ Кіевѣ, а—о у Кіеви. Оттого ученики иногда подвергались отъ учителей незаслуженному наказанію палею, т. е. дубовою круглою палкою по правой ладони и стояніемъ голыми колѣнами на песку или на разсыпанномъ горохѣ“ (1). Понятно, какія чувства въ отношеніи къ

(1) Р. Педаг. Вѣстн. 1858 г. т. V. Замѣтки, стр. 22.

нимъ воспитывалъ въ себѣ каждый ученикъ и затѣмъ выносилъ изъ школы на всю свою жизнь, потому что на школьныя впечатлѣнія человѣкъ бываетъ очень злопамятенъ.

Самая наука, которую принесли съ собою учители малороссы, стоила многихъ мученій великорусскому юношеству и долго возбуждала въ немъ непреодолимое отвращеніе, пока кое какъ не привилась на новой непривычной къ ней почвѣ. Противодѣйствіе ей, которое мы видѣли на первыхъ порахъ ея введенія въ дух. школы при Петрѣ, продолжалось, очень медленно ослабѣвая въ своей силѣ, во все описываемое время. Изъ всѣхъ ревнителей новаго образованія, архіереевъ черкасъ, едва ли не одинъ Ѳеодосій Яновскій сдѣлалъ въ свое время попытку примѣнить его къ мѣстнымъ великорусскимъ преданіямъ; другіе ревнители дѣйствовали прямо въ подрывъ этимъ преданіямъ. Семинарскіе курсы повсюду дѣлались точною копіею курса кіевской академіи, который сформировался подъ вліяніемъ своеобразныхъ историческихъ условій югозападной Россіи и образцовъ латинско-католическихъ коллегіумовъ, условій и образцовъ далеко чуждыхъ и непонятныхъ въ Великороссіи, испоконъ вѣка тянувшей не къ западу, не къ Риму, а къ востоку,—къ Греціи. Если что и напоминало въ этомъ курсѣ старину, такъ это только преподаваніе въ низшемъ классѣ словено-россійскаго ученія и церковнаго пѣнія, но и этотъ низшій классъ съ теченіемъ времени совсѣмъ выдѣлился изъ состава семинарскаго курса, сдѣлался классомъ только приготовительнымъ къ нему, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и вовсе былъ упраздненъ, какъ такой, предметы котораго относятся не къ школьному, а къ частному и домашнему обученію. Затѣмъ слѣдовали все новые, чисто уже черкасскіе латинскіе классы или, какъ ихъ называли тогда, школы, не извѣстныя въ Великороссіи до самаго нашествія новыхъ учителей: фара или

аналогія, инфима, грамматика, ситаксима, піитика, риторика, философія и богословія.

Прямо послѣ славяно-россійскаго класса ученики должны были вплотную присаживаться за изученіе латинскаго языка, считавшагося фундаментомъ всѣхъ знаній. Въ фарѣ или аналогіи учили только читать и писать полатыни по элементарю, отъ чего и сами фаристы или анологисты назывались еще элементарниками. Несмотря на всю нехитрость элементаря, дикія и совершенно невоздѣланныя головы тогдашнихъ ребятъ часто по нѣскольку лѣтъ не могли осилить его премудрости, причемъ, разумѣется, не безъ вины былъ и самый методъ тогдашняго преподаванія. Между аналогистами встрѣчаемъ ребятъ лѣтъ 26; въ русской школѣ были ученики еще старше, но при этомъ нужно взять во вниманіе то, что здѣсь нерѣдко учились уже давно бывшіе на мѣстахъ церковники, уличенные архіереями въ безграмотности (1).

За аналогіей слѣдовала другая еще болѣе трудная школа,—инфима, гдѣ начиналось грамматическое ученіе, продолжавшееся затѣмъ въ школахъ грамматики и синтаксимы. Здѣсь ученики должны были въ первый разъ погрузиться въ мудрость великаго Альвара, какъ называлась толстая латинская грамматика Эммануила Альвара, напечатанная для польскихъ школъ, потомъ перешедшая изъ нихъ въ русскія, чрезвычайно трудная для пониманія не только начинающихъ учиться латинскому языку, но даже и для достаточно съ нимъ знакомыхъ. Не смотря на то, что ученики съ огромнымъ трудомъ осиливали этотъ темный учебникъ, онъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ въ семинаріяхъ и восхвалялся до небесъ. На первомъ листѣ книги грамматика эта изображалась въ видѣ плодовитаго дерева съ тремя отдѣлами сучьевъ и пояснительными надписями сбоку: infima clas-

(1) Опис. Смоленск. епарх. 181.

sis, media classis, suprema classis. Въ предисловіяхъ, сочинявшихся преподавателями, это древо Альварово сравнивалось съ древомъ въ видѣніи пророка Даніила, досягающимъ до неба и укрывающимъ своими вѣтвями и звѣрей земныхъ и птицъ небесныхъ. „Высоко это древо и досягаетъ до неба, ибо Творецъ неба, самъ сый премудрость, любитъ ищущихъ полезной мудрости. Весь міръ осѣняетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви. Витаютъ звѣри подъ этимъ древомъ, ибо мудрость заграждаетъ уста невѣрныхъ и еретиковъ. На вѣтвяхъ этого древа укрываются птицы небесныя, т. е. ангелы, любители мудрости. Пріиди и виждь это древо, восходи по нему умомъ и духомъ, вкушай плоды его, пребудь подъ его тѣнью и, усладившись, воскликнешь съ поэтомъ: exigit ad coelum radiis felicibus arbor.... Высоко это древо, но вотъ три класса, какъ бы лѣствица о трехъ ступеняхъ, нисшій, средній и высшій: восходи по нимъ и рви плоды грамматики“ (1). Не смотря на подобныя краснорѣчивыя восхваленія великаго Альвара, семинаристы далеко несклонны были восторгаться его тремя томами—квадрантами и самихъ учителей малороссовъ ругательно прозвали альварями (2).

Въ нистемъ классѣ (infima) преподавались первоначальныя этимологическія правила Альваровой грамматики, причемъ ученики пріучались къ грамматическому разбору и начинали писать небольшія переводныя экзерциіи. Въ слѣдующемъ классѣ, называвшемся грамматикою, проходились почти всѣ грамматическія правила, не исключая и главныхъ синтаксическихъ, имѣющихъ болѣе частое приложеніе въ практикѣ переводовъ; занятія переводными экзерци-

(1) Яросл. епарх. вѣдом. 1863 г. № 27, стр. 264.

(2) Педагогич. Вѣстн. 1858 г. т. V. Замѣтки, стр. 23.

ціями и оккупаціями усиливались и ученики серьезно вооружались Кнапіушемъ, какъ назывался латинскій лексиконъ Кнапія (Cnapius), изданный первоначально для польскихъ школъ и на польскомъ языкѣ. Здѣсь же начинались упражненія въ латинскихъ разговорахъ подъ руководствомъ разговоровъ Лангіевыхъ и Діалоговъ Себастіана Кастеллія и въ первый разъ пускали въ ходъ извѣстный намъ calculus. Въ высшемъ грамматическомъ классѣ, синтаксимѣ, совсѣмъ заканчивали грамматику съ синтаксисомъ, чтобы, какъ сказано въ одной инструкціи кіевской академіи, „уже ничего въ Альварѣ не разумѣемаго не оставалось и даже рѣдкаго употребленія регулъ.“ Большая часть времени посвящалась переводамъ съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій языкъ. Переводы эти писались или въ классѣ (экзерциіи), или давались на домъ (оккупаціи). Упражненія въ латинскомъ разговорѣ считались обязательными и въ классѣ и дома. Вслѣдствіе огромнаго значенія латинскаго языка въ тогдашней семинарской наукѣ учители грамматики и синтаксимы имѣли у себя въ день до 5 учебныхъ часовъ каждый, въ теченіи которыхъ они то экспликовали Альваровы регулы, то упражняли учениковъ въ переводахъ, то занимались караніемъ лѣнивыхъ и малоспособныхъ, получавшихъ отъ своихъ нотаторовъ и авдиторовъ неудовлетворительныя отмѣтки: ns (nihil scit), nt (non totum), nr (non recitavit), err (erranter). Для поощренія прилежныхъ и способныхъ употреблялось повышеніе ихъ по спискамъ или по мѣстамъ сидѣнія въ классѣ. По примѣру кіевской академіи въ семинаріяхъ принято было писать спорныя оккупаціи и экзерциіи изъ соревнованія съ выше сидѣвшимъ товарищемъ; такое упражненіе подавалось учителю съ надписью: certo cum NN de erratis, или de calligraphia, de dilegentia или прямо de loco. Бѣдные ученики могли писать на богатыхъ, но лѣнивыхъ товарищей на болѣе практическій призъ, надписывая на своихъ упражненіяхъ: cer-

to de pane, или de candella, de calceis и т. п. Но едва ли не болѣе всякихъ поощрительныхъ мѣръ для вперенія въ учениковъ всѣхъ таинствъ великаго Альвара употреблялись мѣры карательныя. Кромѣ помѣтъ въ нотатахъ и постояннаго спрашиванія уроковъ учителями, для контроля надъ успѣхами учениковъ имъ каждый годъ производились экзамены, ученикамъ нисшихъ классовъ, въ большей части школъ по синтаксиму включительно, три раза въ годъ, передъ каникулами рождественскими, пасхальными и лѣтними, а въ высшихъ классахъ дважды, по полугодіямъ.

Время ученія въ грамматическихъ классахъ было такъ же неопредѣленно, какъ и въ фарѣ, хотя оффиціально на курсъ каждаго класса и назначалось по году. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, какъ наприм. въ воронежской, инфимисты, грамматисты и синтаксисты, кажется, даже и учились вмѣстѣ, не отдѣляясь одни отъ другихъ. Неудовлетворительность тогдашнихъ методовъ преподаванія и непобѣдимыя для юношества трудности Альвара были причиною крайней медленности въ успѣхахъ учениковъ. Въ годичныхъ каталогахъ, гдѣ отмѣчались ихъ успѣхи и удостоеніе промоціи или перевода въ слѣдующую школу, встрѣчаемъ отмѣтки: non negligens, sed ipsissima negligentia est, или по русски: „великъ, но пустъ, тѣломъ силенъ, но умомъ немощенъ, — мало чего изучилъ“, на испытаніи отвѣчалъ злѣ и задачу написалъ злѣ, произведенія недостоинъ (1). Такихъ недостойныхъ произведенія въ нисшихъ классахъ оказывалось на половину; многіе малые учились лѣтъ по 6—8 въ одномъ классѣ и достигали до весьма почтеннаго возраста, лѣтъ 27—28, пока наконецъ не выбывали куда нибудь на мѣсто или по своей собственной просьбѣ, или будучи исключаемы за великовозрастіе.

(1) Прав. Собес. 1858 г. т. II, стр. 569 въ стат. о Лукѣ Конашевичѣ.

По одной вѣдомости смоленской семинаріи отъ 1741 года нѣкоторые инфимисты значутся поступившими въ семинарію еще въ 1729 году. Въ 1760 г. одинъ синтаксистъ московской академіи оказался сидѣвшимъ въ синтаксимѣ цѣлыхъ 10 лѣтъ; св. Синодъ, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ ректору выговоръ за излишнее снисхожденіе къ такому юношѣ (1).

Синтаксимой заканчивался рядъ низшихъ школъ. Обучившись латини, ученики переводимы были въ высшія школы, начинавшіяся съ піитики, и послѣ изученія разнообразныхъ регулъ и формъ языка принимались за изученіе регулъ и формъ піитической и риторской рѣчи. Но прежде, чѣмъ достигнуть до этой новой мудрости, составъ учениковъ, учившихся въ низшихъ школахъ, сокращался обыкновенно болѣе, чѣмъ на половину (2). Какъ ни старалось духовное начальство доводить семинаристовъ непремѣнно до конца курса, обстоятельства постоянно заставляли его допускать преждевременное увольненіе учениковъ изъ заведеній и притомъ въ огромныхъ размѣрахъ. На малочисленность учениковъ въ высшихъ классахъ жаловались даже академіи (3), въ которыхъ эти классы существовали уже давно и утвердились на болѣе крѣпкихъ основаніяхъ, чѣмъ по семинаріямъ.

Піитика, какъ ars oratione metrica rem quamlibet per imitationem effingens ad delectationem avdientium, или проще, какъ ars pangendi versus (искусство плести вирши), ставилась весьма высоко кіевлянами, имѣвшими, какъ извѣстно, общую слабость къ виршамъ, и удостоилась въ школахъ особаго класса наравнѣ съ реторикой, философіей и богословіемъ.

---

(1) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 14, стр. 242. Ист. моск. акад. 182. Опис. смоленск. епарх. 181.

(2) По вѣдомости смоленской семинаріи 1741 г. въ аналогіи учениковъ было 75, а въ піитикѣ всего 16. Въ московской академіи въ 1738 г. въ фарѣ училось 168 человѣкъ, а въ піитикѣ 31.

(3) Ист. моск. акад. 180.

Но понятіе объ ней было весьма узкое, именно только, какъ о наукѣ сплетать вирши. Чисто формальная наука духовныхъ школъ, можно сказать, нигдѣ не проявляла своей односторонности въ такой рѣзкой и уродливой степени, какъ въ системахъ піитики, которыхъ доселѣ еще довольно можно отыскать въ бумажномъ семинарскомъ хламѣ. Семинарскіе учебники, даже печатные, у насъ доселѣ еще не подвергались спеціальному библіографическому и критико-педагогическому разбору. Существуетъ только нѣсколько краткихъ характеристикъ произведеній этого рода въ исторіяхъ нашихъ семинарій, какъ-то троицкой, вятской, смоленской, которыми и приходится пока довольствоваться въ общихъ изслѣдованіяхъ о характерѣ нашего стараго семинарскаго образованія.

Учебники поэзіи всѣ составляютъ болѣе или менѣе близкія копіи піитикъ кіевской академіи. Хотя семинарская піитика и задавалась цѣлію учить сложенію стиховъ какъ латинскихъ, такъ и славянскихъ, въ южныхъ школахъ кромѣ того еще польскихъ, но на самомъ дѣлѣ преимущественно занималась стихосложеніемъ латинскимъ. Піитическое обученіе такъ и начиналось съ латинской просодіи и версификаціи; о славянскомъ стихосложеніи говорилось очень немного и притомъ только о стихосложеніи по силлабическому размѣру, дальше котораго семинарскіе піиты не простирались даже и послѣ того, какъ Тредьяковскій указалъ на непримѣнимость этого размѣра къ русскому языку, а Ломоносовъ написалъ свою знаменитую оду на взятіе Хотина новымъ тоническимъ размѣромъ и сдѣлался отцемъ новой русской поэзіи. Послѣ изложенія правилъ стихосложенія піитики обращали особенное вниманіе на украшенія піитическаго стиля, на разные тропы и фигуры, на амплификаціи, состоящія въ замѣнѣ одного простаго слова цѣлымъ рядомъ звучныхъ и красивыхъ словъ подобозначущихъ или какимъ нибудь фигуральнымъ оборотомъ, затѣмъ на источники и пособія поэтическаго вымысла (fictio),

главнымъ образомъ миѳологію, исторію и басню, и наконецъ на разные виды и подвиды стиховъ и стихотворныхъ произведеній. Въ этомъ подробномъ, до крайности мелочномъ и формальномъ изложеніи разныхъ рецептовъ, какъ писать стихи, учебники не пренебрегали ничѣмъ; когда наприм. у піиты не хватало или риѳмы или набора красивыхъ синонимическихъ словъ для амплификаціи, то совѣтовалось ему обратиться затѣмъ и другимъ къ лексикону Кнапія. Въ тѣхъ же интересахъ изученія формъ поэзіи учители піитики долго останавливались на правилахъ стихотворнаго размѣра и перечитывали роды стопосложенія примѣнительно къ тому или другому роду піитическихъ произведеній, указывая, гдѣ идетъ спондей, гдѣ анапестъ, гдѣ диррахій и т. д., и представляя образцы самыхъ затѣйливыхъ поэтическихъ прихотей въ этомъ родѣ, о которыхъ и не снилось нынѣшнимъ поэтамъ; тутъ были и стихи ретроградные, которые можно читать и спереди назадъ и сзади напередъ, и четырнадцатисложные стихи львиные съ двумя риѳмами въ серединѣ каждаго, кромѣ третьей главной на концѣ, и стихи змѣиные, и стихи перекрестные, и стихи звѣздой и многіе др. Образцы приводились частію изъ стихотворныхъ прегрѣшеній Яворскаго, Прокоповича, Іоанна Максимовича и Димитрія Ростовскаго, большею же частію изъ латинскихъ поэтовъ. Изъ классической исторіи и миѳологіи заимствовались также и такъ называемыя subsidia poëseos. Въ отдѣлѣ піитикъ объ этихъ субсидіяхъ, по словамъ историка вятской семинаріи, излагались „свѣдѣнія о всѣхъ богахъ и богиняхъ Олимпа, богахъ и богиняхъ рощъ, лѣсовъ, нимфахъ, наядахъ, сильфидахъ, герояхъ, героиняхъ и нѣкоторыхъ лицахъ историческихъ. Тутъ встрѣтите Сарданапала на ряду съ Еврисѳеемъ, Александра македонскаго рядомъ съ Ахиллесомъ, Аннибала съ Тезеемъ; за Прометеемъ слѣдуетъ Крезъ, послѣ Ираклa и Іуды искаріотскаго видите имя какой нибудь музы либо гарпіи и проч. и проч.“. Изъ

многочисленныхъ тогдашнихъ видовъ поэзіи, которыхъ учебники касаются большею частію лишь въ сухомъ перечнѣ и схоластическихъ дефиниціяхъ, всего подробнѣе изучались тѣ, которые имѣли въ тогдашнее время особенное практическое примѣненіе въ семинарской жизни, какъ-то: трагедія, комедія и интермедія, образцы которыхъ, или заимствованные у прежнихъ кіевскихъ піитовъ, или изрѣдка вновь являвшіеся въ свѣтъ изъ-подъ пера уже новыхъ семинарскихъ драмматурговъ, „целебровалися публичне“ едвали не во всѣхъ семинаріяхъ, гдѣ были учители и начальники кіевляне, затѣмъ эпиграммы, оды, акростихи и т. п. виды стихотвореній, весьма нужные тогда для поздравленія съ праздниками и восхваленія епархіальныхъ архіереевъ и др. школьныхъ патроновъ, а также и для приносившихъ доходъ бѣднымъ семинаристамъ спѣваній и гратуляцій по частнымъ домамъ семинарскаго города. Въ столичныхъ семинаріяхъ гратуляціонная поэзія имѣла случаи проявляться съ особеннымъ блескомъ во время посѣщенія семинарій высочайшими особами (1).

Надобно впрочемъ замѣтить, что кіевская піитика въ Великороссіи имѣла далеко не такіе успѣхи, какъ на своей родинѣ. Великорусскіе воспитанники не увлекались ей, какъ малороссійскіе, по крайней мѣрѣ не считали ее особенно необходимой въ семинарскомъ образованіи. Подъ конецъ описываемаго времени въ троицкой семинаріи встрѣчаемъ касательно ея преподаванія замѣчательное распоряженіе Гедеона Криновскаго. Въ первый же годъ своего архимандритства въ Троицкой лаврѣ (1758) этотъ извѣстный уже намъ представитель партіи великорусскихъ ученыхъ распорядился совсѣмъ уничтожить классъ піитики, поручивъ ея преподаваніе учителю риторики и назна-

(1) См. Ист. вятск. семин. въ Вятск. еп. вѣд. 1868 г. № 14; Ист. троицк. семин. 45—50. 90 и др.

чивъ для того всего только одинъ день въ недѣлѣ: „понеже, сказано въ опредѣленіи, піитика не столь нужна церкви, и для того особливо ее учить и время тѣмъ продолжать не разсуждается за благо, да и въ другихъ знатныхъ училищахъ особливаго учителя ей не имѣется". Такого же мнѣнія о піитикѣ держался потомъ и Платонъ Левшинъ, самъ преподававшій ее троицкимъ семинаристамъ во дни своей молодости (1).

Риторика, какъ мы видѣли, въ большей части семинарій до послѣдняго времени оставалась высшей наукой, которой завершалось все тогдашнее семинарское образованіе. Поэтому на нее смотрѣли весьма высоко, особенно гдѣ вовсе еще не было философскаго и богословскаго классовъ; риторамъ предоставлялись лучшія мѣста на духовной службѣ, и сами они смотрѣли на себя, какъ на превзошедшихъ всякую мудрость. Въ сущности риторское обученіе было продолженіемъ той же ludus litteralis, игры въ словесныя формы, какъ и обученіе піитическое.

Сохранилось нѣсколько рукописныхъ учебниковъ риторики, составленныхъ академическими и семинарскими учителями. Всѣ они на латинскомъ языкѣ, имѣютъ значительный объемъ и носятъ весьма пышныя заглавія, выражающія сознаніе ихъ важности и драгоцѣнности: Thesavrus praeciosissimo rerum et verborum pondere abundans, ad thesavrisandos oratorum animos comparatus; Arena Tullianae eloquentiae; Regia Tullianae eloquentiae (2) и т. п. Но всѣ эти сокровищницы, чертоги, арены представляютъ собою не болѣе, какъ наборъ однихъ чисто механическихъ рецептовъ, какъ писать періоды, хріи, письма и цѣлыя ораторскія рѣчи на всевозможные случаи жизни и преимущественно для проповѣднической практики. Какъ и въ піитикахъ, въ нихъ цѣлые отдѣлы посвя-

(1) Ист. троицк. семин. 50. 317—318.

(2) См. Ист. указанныхъ семинарій и Ист. моск. акад. 170—172.

ищены правиламъ амплификаціи, украшенія рѣчи тропами и фигурами и такъ называемаго изобрѣтенія мыслей. Обязательные авторы записокъ представляютъ своимъ ученикамъ для заучиванія цѣлые словари разныхъ словъ и выраженій, относящихся къ амплификаціи и украшенію рѣчи, nomina laudis et vituperii (похвалы и порицанія), правила, какъ восхвалить область, городъ, зданіе, поле, рѣку, гору, садъ и т. п., общіе шаблоны, съ какихъ сторонъ разсматривать тотъ или другой предметъ, большіе запасы самыхъ матеріаловъ для разныхъ рѣчей на болѣе ходячія темы, — supellex eruditionum (собраніе примѣровъ изъ исторіи), supellex sententiarum (разныхъ изреченій ученыхъ мужей), supellex symbolorum (символическихъ изображеній, надписей, гербовъ, девизовъ и т. д.), наконецъ образцы для указанія практическаго примѣненія общихъ правилъ (praxis), взятые или изъ латинскихъ авторовъ, или рѣже изъ отечественной литтературы на русскомъ языкѣ. Послѣ длиннаго отдѣла объ изобрѣтеніи мыслей слѣдуетъ такой же длинный и мелочной отдѣлъ о расположеніи мыслей и о частяхъ ораторскаго сочиненія. Все это предлагалось не въ видѣ серьезнаго научнаго анализа человѣческой рѣчи, а именно какъ сборъ регулъ, имѣющихъ практическое значеніе научить человѣка писать и выработать изъ него оратора. Поставленная такимъ образомъ, риторика представляла изъ себя цѣлый арсеналъ разныхъ готовыхъ механическихъ пріемовъ, высокопарныхъ фразъ, сравненій, подобій, сентенцій и примѣровъ изъ исторіи, съ помощію которыхъ риторъ могъ бы безъ дальняго затрудненія составить рѣчь на какую угодно заданную тему и насколько угодно высокопарнымъ языкомъ.

Лучшимъ украшеніемъ ораторскаго, какъ и піитическаго языка, подъ вліяніемъ тогдашняго псевдоклассицизма считались миѳологическіе термины, безъ которыхъ не обходилось ни одно сочиненіе и которыми обильно изпещрены самые образцы, приводимые

въ учебникахъ. Въ рѣчи напр. на новый годъ, говорится въ исторіи вятской семинаріи, „встрѣчаете повѣсть о Фаетонтѣ, о Паллядиномъ дождѣ, объ Еритрейскихъ маргаритахъ, Додонскихъ дубахъ, Марсовыхъ купрессахъ и т. д. Вы читаете рѣчь на празднество Крещенія Господня, и тутъ идутъ разсказы объ аквилонахъ, фавоніяхъ, Клеопатрѣ и Антоніи. Вамъ попадается какая-то рѣчь о греческомъ царѣ Периклѣ, о несчастномъ Велизаріѣ, о Діогенѣ и Александрѣ, о тиранѣ сиракузскомъ Діонисіѣ, о Дамонѣ и Питіасѣ; вы недоумѣваете, къ чему тутъ перебираются всѣ упомянутыя личности и, обращаясь къ заглавію, узнаете, что все это не что иное, какъ утѣшительная рѣчь юной вдовѣ, лишь только лишившейся супруга, похищеннаго злою фортуною". Можно судить, насколько полезна была развиваемая въ семинаріяхъ привычка къ подобнаго рода болтовнѣ для того служенія, къ которому спеціально приготовлялись семинарскіе риторы. Интересно было бы знать, какъ отнеслись къ кіевскимъ риторскимъ замашкамъ обладавшіе болѣе практическимъ смысломъ великорусскіе учители риторики въ троицкой семинаріи, но къ сожалѣнію лекціи ихъ не дошли до нашего времени. Судя по образчикамъ ученическихъ сочиненій этой семинаріи, изданныхъ въ ея исторіи, ложноклассическій хламъ имѣлъ здѣсь менѣе значенія въ риторской практикѣ, чѣмъ въ заведеніяхъ, гдѣ учителями были кіевляне.

Кромѣ обученія формамъ рѣчи, составлявшаго спеціальность риторическаго класса, въ этомъ классѣ начиналось обыкновенно первоначальное развитіе у учениковъ формальнаго мышленія и они подготовлялись такимъ образомъ къ курсу слѣдующаго философскаго класса. Риторика, близко граница съ одной стороны съ грамматикой, а съ другой — съ логикой, обыкновенно наполовину наполнялась правилами, относящимися либо къ той, либо къ другой изъ этихъ наукъ. Изъ логики риторы болѣе всего знакомились

съ силлогистикой, которой никакъ нельзя было имъ избѣжать, какъ только они начинали составлять свои простыя и превращенныя хріи, а тѣмъ болѣе когда изучали расположеніе частей ораторской рѣчи и формы доказательствъ. Въ кіевской академіи риторическому учителю нарочно предписывалось въ инструкціяхъ: „понеже nemo est rhetor nisi philosophus, dialecticam вкратцѣ предлагать“ (1). Въ семинаріяхъ, гдѣ философскій классъ не былъ еще открытъ или открывался поздно, такое краткое преподаваніе діалектики было, разумѣется, еще необходимѣе и дѣйствительно заведено было въ нѣсколькихъ семинаріяхъ. Такъ, при архіереѣ Дмитріѣ Сѣченовѣ оно заведено было въ нижегородской семинаріи, еще задолго до открытія особаго философскаго класса (2). Въ началѣ 1750-хъ годовъ въ вологодской семинаріи, точно также еще до открытія философскаго класса, преподавалась цѣлая философія; особый философскій классъ видимъ здѣсь уже въ 1778 году (3). Въ воронежской семинаріи нѣсколько времени (съ 1751 г.) читалъ философію ученикъ кіевской академіи Проклъ Бухартовскій и оставилъ даже послѣ себя записки (4). Въ вятской семинаріи въ риторикѣ читалась краткая діалектика, а о переяславской семинаріи извѣстно, что въ риторическомъ ея классѣ преподавались не только начатки философіи, но и самонужнѣйшіе трактаты изъ богословія (5). По всей вѣроятности съ богословіемъ знакомили риторовъ и въ другихъ семинаріяхъ, гдѣ не было высшихъ классовъ.

---

(1) Ист. кіевск. акад. 128.

(2) Ист. нижегор. іер. 121. 143.

(3) Волог. епарх. вѣдом. 1865 г. № 9 и 14, стр. 574.

(4) Ист. кіевск. акад. 185.

(5) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 14, стр. 248. Владим. епарх. вѣд. 1866 г. № 23.

ВОЗМУЩЕНІЕ СОЛОВЕЦКИХЪ МОНАХОВЪ-СТАРООБРЯДЦЕВЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развитіе и укрѣпленіе въ братствѣ старообрядчества и домашнія смуты.

I.

Новый служебникъ: полученіе и скрытіе его отъ братіи.—Безпокойство архимандрита Ильи при мысли о доносѣ на него начальству и мѣры предосторожности.—Приговоръ 8 іюня 1658 г. о непринятіи служебника въ употребленіе.—Челобитная къ патріарху Никону отъ несогласныхъ съ приговоромъ священниковъ Виталія и др. — Молчаніе со стороны Москвы и кончина соловецкаго архимандрита Ильи.

Московскій соборъ 1655 г., состоявшій изъ трехъ патріарховъ—московскаго Никона, антіохійскаго Макарія и сербскаго Михаила, и многочисленнаго сонма русскихъ святителей, игуменовъ и протоіереевъ, тщательно просмотрѣвъ русско-славянскій церковный служебникъ и „во всемъ справя и согласно сотворя древнимъ греческимъ и словенскимъ“, повелѣлъ немедленно издать его. Въ 1656 г. новоисправленный служебникъ вышелъ изъ печати, разосланъ по всѣмъ русскимъ епархіямъ и сталъ мало-по-малу вводиться въ употребленіе (1). Но до Соловецкаго монастыря онъ

(1) Служебн. выпуска 1656 г. въ библ. каз. дух. акад. № 1630.

достигъ лишь въ концѣ 1657 г. 30 августа 1657 г. прибылъ изъ Новгорода въ Холмогоры развозившій по новгородской митрополіи новыя книги Софійскаго дома боярскій сынъ Иванъ Мальгинъ. Между прочимъ, онъ „накинулъ на строителя Соловецкаго подворья старца Іосифа печатныхъ книгъ церковныхъ 3 книги (1) да служебниковъ 15 книгъ (2) и доправилъ за нихъ съ Іосифа денегъ 23 р. 8 алт. и двѣ деньги". При этомъ, вѣроятно, былъ Іосифомъ снятъ, какъ въ то время водилось, списокъ съ общаго митрополичья указа о введеніи въ употребленіе при богослуженіи присланныхъ новоисправленныхъ книгъ. Во всякомъ случаѣ книги изъ Холмогоръ были скоро отправлены по назначенію въ Соловецкій монастырь и здѣсь получены 10 октября. Но соловецкій архимандритъ Илья былъ уже настолько предубѣжденъ противъ Никонова исправленія церковныхъ книгъ, что рѣшился на противодѣйствіе патріарху и своему митрополиту. Онъ съ своими немногими „совѣтниками": келаремъ Сергіемъ, старцемъ Савватіемъ Абрютинымъ и др. (3) „веліими врагами и хульниками на чинъ восточныя церкви", принявъ присланныя книги тайно отъ прочей братіи, скрылъ ихъ въ казенной оружейной палатѣ (4), гдѣ онѣ и лежали до 1676 г., если только не были выброшены въ море.

---

(1) Неизвѣстно—какія эти 3 книги? Вѣроятно Скрижаль, которая вышла изъ печати въ 1656 г.

(2) Такое число экземпляровъ послано было съ тою цѣлію, чтобы монастырь снабдилъ новыми служебниками и свои вотчинные храмы въ поморьѣ.

(3) Кромѣ Сергія и Савватія соучастниками въ этомъ дѣлѣ были старцы: Евстратій, Макарій Бѣшеный, Герасимъ Ѳирсовъ, Тихонъ Будильникъ и др.

(4) Матеріалы для истор. раск. 1878 г. т. Ш. стр. 7 и слѣд., гдѣ «Соборный приговоръ о непринятіи Служебника» и «Челобитная попа Виталія къ Никону»; по этимъ двумъ документамъ излагается вся исторія непринятія Служебника.

Нужно сказать, что Соловецкій монастырь съ октября мѣсяца прекращаетъ всякое сообщеніе съ берегомъ, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ движущимися льдами. Монахи, запертые льдами въ своемъ монастырѣ, цѣлую зиму ни сами безъ крайней нужды не выѣзжаютъ на берегъ, ни посѣтителей къ себѣ не принимаютъ и совершенно не знаютъ, что творится на свѣтѣ Божіемъ (1). При такихъ условіяхъ соловецкой жизни архимандритъ Илья могъ спокойно, по крайней мѣрѣ зиму, оставаться при старомъ служебникѣ совершенно ни отъ кого изъ постороннихъ людей не замѣченнымъ. Но къ концу зимы онъ сталъ сильно безпокоиться. Съ наступленіемъ навигаціи, при постоянномъ сообщеніи монастыря съ берегомъ и при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ было крайне трудно уберечься, чтобы какъ-нибудь о такомъ поступкѣ Ильи не дошло до свѣдѣнія новгородскаго митрополита и, даже, самого патріарха,—кромѣ нихъ Илья, повидимому, никого не боялся, зная почти повсюдное, на первыхъ порахъ, предубѣжденіе русскихъ противъ новыхъ церковныхъ порядковъ и питая надежду на сочувствіе многихъ. Большая опасность въ этомъ случаѣ предвидѣлась со стороны самого соловецкаго братства. Дѣло въ томъ, что не смотря на всѣ принятыя со стороны архимандрита Ильи и его совѣтниковъ предосторожности скрыть отъ братіи полученный служебникъ, братіи „про тотъ служебникъ стало вѣдомо“. Братія стали говорить межъ собой: „для чего де тѣхъ служебниковъ намъ не покажутъ ни посмотрѣть“! Нѣкоторые изъ монастырскихъ іеромонаховъ начали даже предлагать архимандриту, „чтобы онъ самъ началъ по тѣмъ служебникамъ служить, и они съ нимъ будутъ; но онъ съ совѣтниками

(1) Мнѣ разсказывали соловецкіе старожилы, что они молились до маія 1813 года объ избавленіи Москвы отъ Наполеона, тогда какъ онъ еще въ октябрѣ 1812 г. удалился обратно во Францію. Авт.

про новые служебники и слышать не хотѣлъ"; другіе изъ священниковъ просили по крайней мѣрѣ показать имъ новыя книги, но и въ этомъ имъ было отказано; а черный попъ Германъ, вопреки волѣ архимандрита Ильи, гдѣ-то досталъ новый служебникъ и съ архидіакономъ Евоиміемъ, въ придѣлѣ, пропѣлъ по нему обѣдню, за что и былъ наказанъ плетьми дважды. Въ виду такого смущенія братіи Илья не безъ основанія могъ опасаться, чтобы кто-нибудь изъ недовольныхъ на него и несогласныхъ съ нимъ не донесъ на него въ Новгородъ, или въ Москву. И, вотъ, въ огражденіе себя отъ этой опасности онъ началъ придумывать и осуществлять различныя мѣры, которыя, какъ нельзя лучше, характеризуютъ архимандрита Илью съ умственной и религіозно-нравственной стороны. Напримѣръ, въ 1658 г. писалъ на него патріарху Никону попъ Виталій съ товарищами слѣдующее: „и какъ служитъ архимандритъ Илья соборомъ и раздаетъ тѣло Христово, и въ тѣ поры къ клятвѣ приводитъ и заклинаетъ (сослужащихъ) въ то самое тѣло Христово, чтобы намъ на него архимандрита вамъ государемъ (патріарху и вѣроятно царю) не извѣщати и не бить челомъ ни въ чемъ" (1)... Но и подобныхъ предосторожностей архимандриту Ильѣ казалось все-таки недостаточно. Недовольные могли пренебречь вынужденною клятвою и при удобномъ случаѣ съ кѣмъ-нибудь изъ посѣтителей отправить свой доносъ, что дѣйствительно и случилось, какъ увидимъ. Поэтому архимандритъ Илья счелъ за лучшее „сворогить" свою вину на братію—поповъ „будто и не его дѣло, будто онъ, архимандритъ, служебникъ монастырскимъ попамъ давалъ, а тѣ у него не приняли и служить не хотѣли". Съ этою цѣлію на шестой недѣлѣ великаго поста 1658 г. онъ съ своими совѣтниками келейно составилъ отъ имени монастыр-

(1) Матер. для ист. раск. т. III стр. 11.

скихъ поповъ приговоръ о непринятіи въ употребленіе служебника, созвалъ ихъ къ себѣ въ келью и сталъ „съ великими угрозами и прещеніемъ принуждать къ своему бездѣльному приговору прикладывать руки“. Попы убоялись угрозъ архимандрита и подписали приговоръ. Вина непринятія въ употребленіе служебника, такимъ образомъ, была сложена на поповъ и архимандритъ Илья на время успокоился (1). На остальную братію онъ пока не обращалъ вниманія, такъ какъ дѣло церковное ихъ не касается, и составленный приговоръ хранилъ въ тайнѣ отъ непосвященныхъ. Но спокойствіе Ильи продолжалось недолго.

Настало лѣто 1658 г. и по обычаю стали стекаться въ монастырь съ разныхъ сторонъ богомольцы. Нѣкоторые изъ посѣтителей на своей родинѣ уже привыкли къ церковной службѣ по новымъ служебникамъ и имъ показалось страннымъ, что въ Соловецкомъ монастырѣ „поютъ не нарѣчь и служатъ по прежнимъ служебникамъ“; они „почали зазирать“ соловецкую братію. Этимъ разбивались надежды архимандрита Ильи на сочувствіе къ его затѣямъ со стороны русскихъ людей и, вмѣстѣ, увеличивалась опасность подвергнуться наказанію. Онъ сталъ придумывать новыя, болѣе надежныя, средства къ огражденію себя. Такъ какъ мысль о могущемъ послѣдовать въ Новгородъ, или Москву, отъ недовольной братіи доносѣ и теперь не переставала съ новою силою безпокоить архимандрита Илью, то онъ прежде всего „сдѣлалъ великій, крѣпкій заказъ“ въ монастырѣ, чтобы никто изъ отъѣзжающихъ на берегъ „никакихъ писемъ отъ братіи не ималъ“. Недовольствуясь этимъ, онъ „призывалъ богомольцевъ тайно къ себѣ въ кельи, приводилъ ихъ къ образу и заклиналъ всячески чудотворцами: нѣтъ-ли отъ кого какова письма“ на него,

(1) Матеріалы для исторіи Раск. т. III. стр. 10. Челоб. Виталія.

архимандрита, къ митрополиту или патріарху. Дальше, архимандритъ Илья вздумалъ „своротить“ свою вину уже не на однихъ только священниковъ, но и на всю братію. Посовѣтовавшись съ своими приверженцами, онъ написалъ новый приговоръ отъ лица всего соловецкаго братства. Теперь дѣло дѣлалось уже не тайно отъ братіи. Всему братству было предварительно объявлено отъ архимандрита Ильи, что принимать новыхъ служебниковъ и служить по нимъ отнюдь не слѣдуетъ, хотя бы даже было новое повелѣніе о томъ отъ патріарха, или митрополита; а если которые попы станутъ служить по новому, братія не должны ни въ церковь ходить, ни божественной службы слушать, ни причащаться св. таинъ и никакой святыни отъ такой службы не принимать; въ случаѣ какого гнѣва со стороны патріарха или митрополита, братія должны „за отца своего архимандрита стоять вседушно голова въ голову и ни въ чемъ его не выдать“ (1). Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ новый приговоръ, помѣченный 8 іюня 1658 года. Большая часть братіи, составившей неправильное понятіе о книжномъ исправленіи еще раньше, по отзывалъ самого архимандрита Ильи, князя Львова и другихъ, и по слухамъ, доходившимъ изъ столицы въ монастырь разными путями, — приняли къ сердцу внушеніе архимандрита Ильи и изъявили готовность слѣдовать за нимъ. Но были и несогласные съ архимандритомъ Ильей. Этихъ послѣднихъ онъ подготовлялъ къ покорности его волѣ другимъ способомъ: „придирался къ нимъ не по дѣлу, за свои прихоти, мучилъ въ тюрьмахъ скованныхъ недѣли по двѣ, по три и больше, морилъ голодомъ и билъ плетьми“. Подготовивъ такимъ образомъ монаховъ, архимандритъ Илья рѣшился, наконецъ, предъявить вновь составленный приговоръ всему братству и заставить всѣхъ

(1) Матер. для истор. Раск. т. Ш. стр. 9. Челоб. Виталія.

подписать его. Съ этою цѣлію 8 іюня въ монастырскую трапезу было созвано на черный соборъ все братство, не исключая и больничныхъ старцевъ; былъ призванъ строитель Анзерскаго скита попъ Іоакимъ съ братіей; даже приглашены прилучившіеся богомольцы. Цѣль собранія всѣмъ была извѣстна и потому при самомъ началѣ въ собраніи начались „о нововводныхъ чинахъ“ споры, „учалъ быти шумъ великій“. Но, вотъ, выступаетъ на средину собранія самъ архимандритъ Илья и со слезами на глазахъ обращается къ присутствующимъ къ такою рѣчью: „видите, братія, послѣднее время: возстали новые учители и отъ вѣры православныя и отъ отеческаго преданія насъ отвращаютъ, велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ, невѣдомо откуда взято; помолитеся, братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, якоже и отцы наши, и чтобъ латынской службы не принимать“. Вслѣдъ за этимъ Илья прочелъ въ слухъ всего собранія „свое писаніе“, т. е. предварительно составленный приговоръ. Между тѣмъ совѣтники Ильи „наговаривали“ братіи о покорности своему настоятелю. Братія „люди простые и ни служебниковъ кто изъ нихъ видѣлъ“ въ отвѣтъ на увѣщанія Ильи всѣ „закричали великими гласы: „намъ латынской службы и еретическова чину не пріимать и причащаться отъ такой службы не хотимъ и тебя — отца нашего ни въ чемъ не выдадимъ, въ томъ руки приложимъ, вси за едино стоять готовы“ (1). Послѣ этого повидимому оставалось только предложить братіи подписать приговоръ и дѣло съ концомъ. Но тутъ-то архимандритъ Илья и долженъ былъ убѣдиться, что далеко не вся братія достаточно подготовлены къ воспринятію его плановъ и намѣреній. Пришлось еще не мало употребить новыхъ усилій, чтобы склонить всѣхъ на свою сторону.

---

(1) Матер. для истор. Раск. т. Ш. стр. 10. Челоб. Виталія.

Когда дѣло дошло до рукоприкладства подъ приговоромъ, то за рядовой братіей не могло быть остановки,—они готовы были подписаться безпрекословно, нѣкоторые, можетъ быть, даже охотно. Но прежде всѣхъ должны были подписаться священнослужителями, которыхъ ближе всего касалось дѣло служебника. Потому и въ приговорѣ имена ихъ поставлены были выше даже соборной братіи. Имъ, слѣдовательно, первымъ предстояло и отвѣчать предъ высшимъ правительствомъ. Многіе изъ священнослужителей это хорошо сознавали и потому брали перо въ руки съ большою неохотою, тѣмъ болѣе, что имъ приходилось подписываться вмѣстѣ и за своихъ безграмотныхъ дѣтей духовныхъ, значитъ, принимать на себя отвѣтственность и за другихъ. Въ виду этой нерѣшительности архимандритъ Илья и теперь почалъ „насилу нудить“ поповъ прикладывать руки. Большая часть священниковъ и на этотъ разъ „убоявся архимандрита“, подписались подъ приговоромъ „безъ всякаго отвѣта“. Но священники Виталій, Спиридонъ и Германъ стали-было рѣшительно отказываться отъ рукоприкладства. Архимандриту Ильѣ это показалось неслыханною дерзостью; онъ съ своими совѣтниками „закричалъ“ на непокорныхъ, „яко дивіи звѣри, и почалъ неподобныя слова износить и бранить ихъ: попенца де худые, страдники! или хотите латынскую еретическую службу служить! живыхъ де не выпустимъ изъ трапезы“! Убоялись наконецъ и эти послѣдніе противники архимандрита и приложили къ приговору свои руки. Такимъ образомъ приговоръ 8 іюня 1658 г. о непринятіи новаго служебника хотя и съ горемъ пополамъ былъ утвержденъ подписомъ всего братства. Замѣчательно, что самъ архимандритъ Илья къ нему не подписался „будто и не•ево дѣло“. Подписалось братство въ такомъ порядкѣ: сначала попы—11 человѣкъ, каждый за себя „и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ, которыя грамотѣ не умѣютъ“; за попами 4 человѣка дьяконовъ; потомъ келарь, казна-

чей и 2 соборныхъ старца, наконецъ 32 человѣка чернецовъ, въ числѣ коихъ больничный келарь—Кирикъ—за себя и за больничную братію 67 человѣкъ. Всего такимъ образомъ было собственноручно подписавшихся 51 человѣкъ (1). Слѣдовательно это число грамотныхъ только и было въ соловецкомъ братствѣ, принявшемъ на себя важную роль защиты „древлеотеческой вѣры“!

Окончивъ съ такимъ успѣхомъ столь важное дѣло, архимандритъ Илья теперь сталъ совершенно спокоенъ, дѣлалъ въ монастырѣ, что̀ хотѣлъ и не имѣлъ никакого опасенія подвергнуться наказанію отъ митрополита и патріарха (2); онъ теперь простеръ свою проповѣдь о старообрядчествѣ на все поморье „и по волостямъ и по усольямъ монастырскимъ заказывалъ, чтобъ отнюдь служебниковъ новыхъ не принимать, а крестились бы попрежнему, а кто крестился тремя перстами, тѣхъ проклиналъ“ (3).

Между тѣмъ недовольные имъ и насильно принужденные подписаться къ приговору 8 іюня попы Виталій, Спиридонъ и Германъ готовили на него доносъ въ Москву къ самому патріарху Никону. Архимандритъ подозрѣвалъ ихъ съ этой стороны и старался воспрепятствовать доносу. 18 іюля онъ призвалъ въ алтарь попа Виталія и повелъ предъ нимъ такую рѣчь: „Вы на меня возстаете и въ соединеніи съ нами быть не хочете, и на соборѣ сопротивляетесь, и за православную вѣру не стоите и за святый крестъ, и хвалите латынскіе крыжи? Уже васъ міряне *на дворцѣ* (т. е. въ Москвѣ, при царскомъ дворѣ) прокляли, да и мы васъ проклинаемъ“!

---

(1) Матер. для истор. Раск. Соб. приговор. стр. 3 и 4.

(2) Матер. для истор. Раск. т. III. стр. 10 и 11.

(3) Тамъ же, стр. 10.

— „Страшно намъ проклятіе святыя соборныя апостольскія церкви, и святѣйшаго патріарха и всего великаго собора“, отвѣчалъ Виталій, „а твое намъ проклятіе не страшитъ; аще бы на насъ какая и церковная вина была, и тебѣ такой власти ни отъ Бога, ни отъ святителя не дано, не токмо проклинать, но ни извергнуть“.

Архимандритъ погрозилъ Виталію съ товарищами „всякими вымыслы“ и тѣмъ покончилъ разговоръ (1).

Вскорѣ послѣ этого разговора іеромонахи Виталій, Спиридонъ и Германъ отправили на архимандрита Илью въ Москву къ патріарху Никону съ какимъ-то „добрымъ человѣкомъ“ челобитную. Въ челобитной они по долгу „священства и по иноческому обѣщанію“ подробно изложили всю исторію дѣйствій архимандрита Ильи съ его совѣтниками, направленныхъ къ удержанію въ монастырѣ и въ поморьѣ старыхъ церковныхъ порядковъ, и слезно умоляли патріарха, чтобъ онъ „смиловался, призрѣлъ на святую Соловецкую обитель, низпровергъ злое сонмище соловецкое и ихъ избавилъ бы отъ такого мучителя, каковъ архимандритъ Илья“ (2).

Не обошлись бы, конечно, продѣлки архимандрита Ильи и его совѣтниковъ даромъ, безъ наказанія, если бы не поблагопріятствовали къ тому обстоятельства. Челобитная соловецкихъ іеромонаховъ, которая должна была вызвать со стороны патріарха сильную кару на архимандрита Илью съ братіей, уже не застала Никона на патріаршемъ престолѣ,—8 іюля онъ удалился отъ царскаго гнѣва въ Воскресенскій монастырь. Патріаршая власть перешла въ руки недоброжелателя его Питирима Крутицкаго; церковныя дѣла стали подвигаться медленно и въ другомъ направленіи. Приверженцы старины, которыхъ Никонъ

---

(1) Матер. для истор. Раск. т. Ш. стр. 12. Челоб. Виталія.

(2) Тамъ же стр. 6—12. Челоб. Виталія.

преслѣдовалъ, торжествовали, самоувѣренно предполагая, что съ паденіемъ его падетъ само собой и начатое имъ печатное дѣло. Само правительство духовное давало старообрядцамъ поводъ обольщать себя подобнаго рода надеждами. Оно теперь совсѣмъ не преслѣдовало порицателей Никона и новопечатныхъ книгъ. Москва была полна такими порицателями. Мало того, съ разрѣшенія правительства стали возвращаться въ Москву высланные Никономъ въ отдаленныя мѣста Россіи главные противники церковной реформы и ревностные пропагандисты старообрядчества, каковы протопопъ Аввакумъ, дьяконъ Ѳеодоръ и др., и въ Москвѣ принялись съ новою ревностію за пропаганду, открыто и дерзко возвышая свой голосъ противъ „антихриста“ Никона. По всей Россіи читались ихъ посланія и сочиненія, написанныя въ обличеніе Никоновыхъ „новшествъ“. Не одна челобитная была подана отъ нихъ къ царю Алексѣю Михаиловичу „да Никона отъ патріаршества отставитъ и древнее благочестіе уставитъ“ (Аввакумъ), „да повелитъ Никонова отложити преданія, древнее же отеческое неизмѣнно держати благочестіе (1). Къ этому времени можно отнести раскольничій соборъ, бывшій въ Москвѣ въ домѣ какого-то „боголюбца, крыющагося гоненія ради“, подъ предсѣдательствомъ отца Спиридона (Потемкина), архимандрита Покровскаго монастыря, гдѣ главные представители старообрядчества общимъ голосомъ порѣшили: „нынѣшняго никоновскаго еретическаго крещенія, по новопечатнымъ книгамъ бывающаго не принимать“ (2). Эта перемѣна отношеній правительства гражданскаго и духовнаго къ старообрядцамъ, происшедшая вслѣдъ за выбы-

(1) Истор. Раск. Макарія стр. 168, 169. Сообщниками Аввакума и Ѳеодора и пропагандистами старообрядчества въ Москвѣ и по разнымъ концамъ Россіи были въ это время: архимандритъ Спиридонъ Потемкинъ, Игумены Ѳеоктистъ, Досиѳей и многіе др. Ibid.

(2) Истор. Раск. Макарія, стр. 169.

тіемъ изъ Москвы Никона, спасла и соловецкихъ монаховъ. Имъ совершенно никто не думалъ поставить въ вину непринятіе въ употребленіе новаго служебника; ни блюститель патріаршаго престола митрополитъ крутицкій Питиримъ, ни Макарій митрополитъ новгородскій — непосредственный ихъ начальникъ не проронили ни малѣйшаго слова укоризны монахамъ, не сдѣлали ни одного намека на то, чтобы они выполнили повелѣніе бывшаго патріарха о введеніи въ употребленіе новаго служебника. Самъ царь Алексѣй Михаиловичъ, долго заслоняемый отъ монаховъ Никономъ, сталъ снова близокъ къ нимъ и особенно милостивъ, отчасти, впрочемъ, потому, что въ 1654 году получилъ отъ нихъ на государственныя нужды заимообразно 13 т. рублей, и могъ не безъ основанія разсчитывать на помощь въ будущемъ. Страхъ наказанія для соловецкаго архимандрита Ильи съ братіей теперь смѣнился надеждою на полное торжество. Первый, самый опасный шагъ на пути противленія Никоновымъ „новшествамъ“ оказался самымъ счастливѣйшимъ, ободряющимъ и подстрекающимъ на дальнѣйшіе поступки въ этомъ родѣ. И дѣйствительно, соловецкіе монахи съ архимандритомъ Ильей во главѣ, пошли затѣмъ по избранному пути дальше и дальше, воодушевлялись больше и больше; они были вполнѣ увѣрены, что скоро одержатъ рѣшительную побѣду и надъ самимъ патріархомъ, отчасти уже побѣжденнымъ, хотя и не ими, и надъ его нововведеніями, и затѣмъ пожнутъ достойные своихъ подвиговъ плоды—славу и честь отъ всего православнаго міра. Архимандритъ Илья, столь немало потрудившійся, склоняя соловецкое братство къ сопротивленію, вѣроятно, мечталъ удостоиться, съ наступленіемъ полнаго торжества, сугубой чести. Но онъ въ 1659 г. скончался „въ старомъ благочестіи“ (1). Начатое имъ дѣло

(1) Истор. опис. Солов. мон. изд. 1836 г. ч. I. стр. 148. Истор. о отцѣхъ и страд. сол. Денисова л. 19 об.

стоянія за старую вѣру продолжалъ преемникъ его Варѳоломей до 1666 года, пока не былъ вызванъ въ Москву къ отвѣту.

II.

Перемѣны въ составѣ братства: новый настоятель архимандритъ Варѳоломей. — Выборъ его и посвященіе въ санъ архимандрита.—Отношенія его къ соловецкимъ старообрядцамъ.— Варѳоломеевская партія умѣренныхъ старообрядцевъ. — Старецъ Герасимъ Ѳирсовъ.—Его партія строгихъ старообрядцевъ.

Перемѣна настоятеля въ Соловецкомъ монастырѣ всегда имѣла весьма важное значеніе для всей соловецкой жизни и, въ частности, по отношенію къ составу братства. Соловецкій настоятель при неограниченной и безконтрольной власти всегда могъ, не стѣсняясь ничѣмъ, по своему усмотрѣнію, увеличивать и уменьшать число братства. — могъ принимать въ число братства только тѣхъ, которые по его соображеніямъ могутъ быть полезны монастырю, или — ему лично, и отказывать другимъ, которые хотя бы имѣли за собой всѣ задатки къ монашеской добродѣтельной жизни, но не соотвѣтствовали его видамъ. Отъ полнаго усмотрѣнія настоятеля зависѣло постриженіе новыхъ членовъ братства въ монашество и повышеніе ихъ въ священныхъ чинахъ. Настоятель главнымъ образомъ подбиралъ себѣ подходящихъ и покорныхъ помощниковъ по управленію монастыремъ и монастырскими богатыми владѣніями—членовъ монастырскаго собора, монастырскихъ старостъ, строителей подворій, вотчинныхъ приказныхъ старцевъ и т. д., которые были всегда послушными орудіями воли настоятеля. Отъ настоятеля, наконецъ, зависѣло самое направленіе и духъ жизни соловецкихъ монаховъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ настоятельство архимандрита Ильи; хотя и не безъ труда, поставившаго все братство на путь „древняго благочестія“. Словомъ, въ предѣлахъ своей области, въ XVII в. охватившей не только Соловецкіе остро-

ва, но и почти весь западный бѣломорскій край, пустившей свои нити по многимъ отдаленнымъ городамъ, до самой столицы,—соловецкій настоятель былъ полновластнымъ, ни отъ кого не зависимымъ и безконтрольнымъ господиномъ, отъ котораго зависѣло все: и люди, и складъ жизни, и порядокъ дѣлъ. Между тѣмъ личный характеръ разныхъ настоятелей едвали когда-либо могъ быть одинаковъ. Отсюда происходило то, что перемѣны настоятелей сопровождались иногда большими перемѣнами въ жизни монастырской. Самымъ обыкновеннымъ, напр., слѣдствіемъ перемѣны настоятеля было замѣщеніе видныхъ монастырскихъ служебныхъ мѣстъ приближенными любимцами новаго настоятеля, съ устраненіемъ любимцевъ стараго. Такимъ образомъ естественно было ожидать нѣкоторыхъ перемѣнъ въ соловецкой жизни и съ кончиною архимандрита Ильи, при преемникѣ его.

При новомъ настоятелѣ—преемникѣ Ильи, правда, существенныхъ перемѣнъ въ направленіи соловецкой жизни, данномъ Ильею, не произошло. Духъ старообрядчества, которымъ монахи пропитались въ настоятельство Ильи, при новомъ настоятелѣ не только не ослабѣлъ, напротивъ окрѣпъ и усилился. Но, по обыкновенію, не обошлось безъ перестановки монаховъ по служебнымъ степенямъ и безъ нѣкоторыхъ другихъ перемѣнъ въ составѣ братства. Эти перемѣны имѣли не малое значеніе въ исторіи развитія и укрѣпленія въ братствѣ старообрядчества и потому не могутъ быть нами обойдены. Но такъ какъ онѣ зависѣли отъ личнаго характера новаго настоятеля, да и самое старообрядчество держалось въ это время, благодаря лишь нерѣшительности его характера, то мы должны прежде всего познакомиться съ нимъ самимъ.

Новымъ настоятелемъ послѣ Ильи былъ архимандритъ Варѳоломей, тотъ самый, котораго мы въ статьѣ „Соловецкій монастырь предъ возмущеніемъ“ приводили въ примѣръ слабой жизни, господ-

ствовавшей въ самыхъ соловецкихъ настоятеляхъ. Тамъ мы, со словъ соловецкой братіи, жаловавшейся на Варѳоломея въ 1666 г. самому царю, между прочимъ указывали на то, какъ Варѳоломей, окруживъ себя толпою безнравственныхъ молодыхъ монаховъ, проводилъ съ ними время въ пьянствѣ, сопровождавшемся иногда покушеніями на смертоубійство, какъ жестоко обращался съ братіей, непослушной его волѣ и недававшей ему посуловъ и т. д. (1). Теперь намъ остается указать только на обстоятельства выбора его въ настоятеля и на отношенія его къ старообрядчеству.

Соловецкіе монахи сами выбрали Варѳоломея своимъ настоятелемъ. Онъ былъ соловецкій постриженикъ. До выбора жилъ въ монастырѣ больше десяти лѣтъ и трудился на клиросѣ, „жилъ незазорно и пьянаго питья не пилъ“. Въ послѣднее время былъ на службѣ въ г. Вологдѣ при монастырскомъ подворьѣ въ званіи приказнаго старца, имѣя священный санъ іеромонаха. На этой службѣ засталъ его выборъ. Имѣя въ виду прежній образъ его жизни и усердіе въ трудахъ на пользу Соловецкой обители, соловецкіе монахи возлагали на Варѳоломея большія надежды „чаяли, что и впредь онъ не измѣнитъ своего обычая и учнётъ жить по преданію великихъ чудотворцевъ, и во всемъ монастырское благочиніе учнетъ невредно сохранять, какъ и прежнія власти въ Соловецкомъ монастырѣ жили“ (2). Въ особенности разсчитывали на Варѳоломея монахи—строгіе старообрядцы, предполагая что онъ не измѣнитъ установившихся въ монастырѣ и закрѣпленныхъ братскимъ приговоромъ при архимандритѣ Ильѣ старыхъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ.

---

(1) См. Прав. Соб. 1879 г. Октябрь и ноябрь.

(2) Матеріалы для ист. Раск. т. III. стр. 47 и 48.

Съ этими надеждами въ октябрѣ 1659 года изъ Соловецкаго монастыря, „по соборному приговору келаря старца Сергія, казначея старца Гурія и всѣхъ соборныхъ старцевъ“, соборный чернецъ Боголѣпъ съ другими чернецами и слугами, имѣющими составить свиту новаго настоятеля, отправился въ Вологду къ іеромонаху Варѳоломею съ извѣстіемъ о состоявшемся выборѣ его въ настоятеля и съ предложеніемъ отправиться въ Москву за посвященіемъ въ санъ архимандрита. По правиламъ церковнымъ новый соловецкій настоятель могъ бы получить священный санъ архимандрита и въ Новгородѣ отъ своего митрополита. Но въ XVII вѣкѣ было принято, чтобы онъ предварительно представлялся къ царю и патріарху и потомъ уже отправлялся за посвященіемъ къ своему митрополиту въ Новгородъ, если его не прилучится въ Москвѣ. На этотъ разъ митрополитъ новгородскій Макарій почти постоянно находился въ Москвѣ, обсуждая съ блюстителемъ патріаршаго престола Питиримомъ Крутицкимъ и другими русскими іерархами разные церковные вопросы, особенно же вопросы, касающіеся патріарха Никона. Потому Варѳоломею было вдвойнѣ необходимо отправиться прямо въ Москву, и онъ въ декабрѣ отправился туда со своей свитой, прибывшей къ нему изъ Соловецкаго монастыря. Въ столицѣ Варѳоломей былъ принятъ съ большимъ почетомъ какъ со стороны царя, такъ и со стороны духовныхъ властей. Къ царю онъ предсталъ, по обычаю, съ образомъ соловецкихъ чудотворцевъ. Спустя нѣсколько дней отъ царя „съ верху“ на соловецкое подворье, гдѣ Варѳоломей остановился, явились два дьяка Петръ Мальгинъ и Гороховъ и сказали Варѳоломею „милостивое царское слово, что великій государь въ Соловецкій монастырь въ архимандритѣхъ ему быти указалъ“. Затѣмъ послѣдовало представленіе къ Питириму Крутицкому и Макарію новгородскому, съ поднесеніемъ послѣднему образа чудотворцевъ, украшеннаго ризою. Въ приготовленіи къ

посвященію и въ визитахъ прошла чуть не вся зима. Въ мартѣ 1660 года, въ вербное воскресеніе, наконецъ Варѳоломей былъ „поставленъ въ архимандрита“ преосвященнымъ Макаріемъ. Начались новые визиты съ „почестями“ и пріемъ гостей „съ подачами и за подачами“. Въ самый день посвященія, напр., новый архимандритъ долженъ былъ отдать визитъ митрополитамъ Питириму и Макарію и архіепископу вологодскому Маркеллу. Между тѣмъ на подворьѣ ожидали его съ поздравленіемъ и со святой водой, въ чаяніи получить какую-нибудь подачу, почти все московское низшее духовенство, вся придворная и митрополичья челядь, начиная съ боярскаго сына до послѣдняго конюха. Тутъ же былъ и посланный отъ царя съ приглашеніемъ къ царскому столу.

Между тѣмъ въ Москвѣ составился духовный соборъ изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ и почетнаго духовенства по вопросу о замѣнѣ Никона новымъ патріархомъ. Варѳоломей, какъ настоятель знаменитаго монастыря, по всей вѣроятности былъ приглашенъ на засѣданія собора и между членами занималъ не послѣднее мѣсто. Не что иное, какъ это, мы думаемъ, задержало Варѳоломея въ Москвѣ почти на все лѣто. Лишь въ августѣ мѣсяцѣ 1660 г. онъ могъ собраться изъ Москвы въ обратный путь и на прощаніи долженъ былъ на своемъ подворьѣ поставить свой обѣдъ, на которомъ изъ высокопоставленныхъ лицъ не присутствовалъ развѣ только царь (1).

Такъ любезно обошлись въ Москвѣ съ новымъ соловецкимъ настоятелемъ, не смотря на то, что онъ прибылъ изъ обители, гдѣ вопреки опредѣленію собора 1655 года оставались въ полномъ ходу старые церковные порядки. Интересно было бы знать—было

(1) Всѣ свѣдѣнія о поѣздкѣ Варѳоломея въ Москву взяты изъ дорожной книжки, веденной сопровождавшимъ его старцемъ Боголѣпомъ. Въ солов. арх. № 14. Связка «отводныхъ» книгъ XVII в.

ли хотя на словахъ отъ кого-нибудь изъ представителей духовной власти поручено Варѳоломею ввести въ монастырѣ въ употребленіе новый служебникъ? Къ сожалѣнію никакихъ извѣстій объ этомъ не сохранилось. Но формальнаго напоминанія сдѣлано не было, хотя случай къ тому представлялся самый удобный. Прибавимъ къ этому, что если въ Москвѣ совершалось богослуженіе по новому служебнику, то Варѳоломей, по всей вѣроятности, не разъ присутствовалъ при совершеніи этого богослуженія и былъ, конечно, самъ посвященъ въ архимандрита, а слѣдовательно и участвовалъ въ служеніи съ своимъ митрополитомъ съ этимъ служебникомъ въ рукахъ. И однако онъ отправляется въ обитель по крайней мѣрѣ безъ формальнаго напоминанія къ братіи о принятіи новаго служебника! Изъ этого нельзя не придти къ мысли, что нѣкоторые изъ нашихъ русскихъ іерарховъ въ это время были, быть можетъ, еще сами не тверды въ новыхъ церковныхъ порядкахъ. Не даромъ же у старообрядцевъ сложилось преданіе о Макаріѣ новгородскомъ, Маркеллѣ вологодскомъ и Александрѣ вятскомъ, какъ о ревнителяхъ древняго благочестія (1). Во всякомъ случаѣ Варѳоломей возвра-

(1) Денис. Виноград. Росс. по рук моск. акад. л. 48. *Церковная исторія* инока Павла Бѣлокриницкаго напеч. въ Черновцахъ стр. 49 и 67. Александръ вятскій въ 1667 г. на соборѣ самъ приносилъ раскаяніе въ приверженности къ старинѣ. (Дополн. къ Акт. истор. т. V, ст. 447). Что же касается Макарія и Маркелла, то объ ихъ преданности старинѣ нѣтъ твердыхъ историческихъ подтвержденій. Но нѣтъ и достаточно сильныхъ опроверженій старообрядческаго преданія. Напротивъ въ пользу старообрядческаго преданія могутъ служить слѣдующія обстоятельства: Макарій новгородскій, замѣтно, медлилъ разсылкою по своей епархіи новаго служебника: служебникъ былъ напечатанъ и разосланъ къ преосвященнымъ въ 1656 году, тогда какъ боярскій сынъ Иванъ Мальгинъ развозилъ его по новгородской митрополіи лишь въ половинѣ лѣта 1657 г. (Матер. для исторіи Раск. 1878 г. т. III. стр. 4). Раскольники именно въ томъ и видятъ преданность Макарія старинѣ, что онъ долго колебался — разсылать, или нѣтъ служебникъ по городамъ и селамъ? (См. Виногр. Росс.). Маркеллъ вологодскій въ 1663 году

тился въ Соловецкій монастырь безъ опредѣленныхъ намѣреній, тѣмъ болѣе, что самъ лично не былъ ни строгимъ старообрядцемъ, ни ревностнымъ послѣдователемъ Никона. Иначе: не имѣлъ въ этомъ случаѣ собственныхъ убѣжденій и руководился указаніями обстоятельствъ. Между тѣмъ обстоятельства во все время его управленія монастыремъ (съ 1660 до 1666 г.) слагались по большей части въ пользу старообрядчества; потому онъ до 1666 года и оставался старообрядцемъ, готовымъ при первомъ сильномъ толчкѣ поворотить на путь Никоновыхъ нововведеній.

На первыхъ порахъ впрочемъ, Варѳоломей былъ въ большомъ недоумѣніи: какъ относиться къ соловецкому старообрядчеству? Съ одной стороны въ монастырѣ оставался невыполненнымъ указъ новгородскаго митрополита 1657 г. о введеніи въ употребленіе новаго служебника, основанный на опредѣленіи собора 1655 года; съ другой — былъ въ полной силѣ и неприкосновенности братскій приговоръ 8 іюня 1658 года о непринятіи служебниковъ. Невыполненіе указа митрополита грозило опасностію рано или поздно подвергнуться строгому взысканію; отступленіе же отъ братскаго приговора могло послужить поводомъ къ укоризнамъ, а пожалуй и къ возмущенію противъ него со стороны зараженной старообрядчествомъ бра-

---

предъ своею смертію завѣщалъ предать свое тѣло землѣ въ стѣнахъ Соловецкой обители. Оно дѣйствительно было перенесено изъ Вологды въ Соловецкій монастырь; здѣсь торжественно на морской пристани встрѣчено всѣмъ братствомъ и погребено въ часовнѣ преподобнаго Германа. Варѳоломей съ своей братіей въ донесеніи объ этомъ къ царю докладывалъ, что не смотря на одиннадцать недѣль, прошедшихъ отъ смерти до погребенія, «тѣло Маркелла ничимъ же рушимо, и лице свѣтло; духъ же исходитъ отъ тѣла его добровоненъ». (Историч. опис. Солов. мон. 1836 г. ч. I. стр. 140). Соловецкіе монахи, уже презиравшіе въ это время приверженцевъ никоновыхъ «новинъ», «едвали бы встрѣтили прахъ Маркелла съ такимъ почетомъ и отозвались о немъ съ такимъ благоговѣніемъ, если бы не знали, что Маркелъ при своей жизни былъ болѣе благосклоненъ къ старообрядчеству, чѣмъ къ никоніанамъ?

тіи. Стараясь выпутаться изъ этого безвыходнаго положенія Варѳоломей дѣйствовалъ и поступалъ различно. На первыхъ порахъ, когда опасность подвергнуться взысканію отъ начальства въ немъ брала перевѣсъ надъ опасностью укоризнъ отъ братіи онъ рѣшился было сдѣлать нѣсколько попытокъ ввести въ монастырѣ нѣкоторыя новости; сталъ говорить братіи даже о введеніи новаго служебника (1). Но когда замѣтилъ, что отъ начальства большой опасности не предвидится, а между тѣмъ въ монастырѣ поднялся ропотъ по поводу его напоминаній о нововведеніяхъ, онъ рѣшился не дѣлать никакихъ нововведеній и свое рѣшеніе утвердилъ „излюбленнымъ“ братскимъ приговоромъ 16 февраля 1663 года (2). Впрочемъ Варѳоломей всегда держался въ сторонѣ отъ строгихъ старообрядцевъ. Онъ составилъ себѣ особую партію умѣренныхъ старообрядцевъ, которые такъ же, какъ и онъ, стояли, такъ сказать, на перепутьи, постоянно колебались, не зная которой стороны держаться, и готовы были склониться въ ту сторону, которую укажутъ обстоятельства, а можетъ быть и земные разсчеты. Партія Варѳоломея была хотя немногочисленна, но сильна, потому что состояла изъ монаховъ, занимавшихъ видные монастырскіе административные посты, каковы: члены монастырскаго собора, нѣкоторые священники, соборный уставщикъ, нѣкоторые изъ приказныхъ старцевъ и строителей монастырскихъ подворій и нѣкоторые изъ рядовой братіи (3). Не малая часть изъ нихъ держалась Варѳоломея вѣроятно больше потому, что была отъ него такъ или иначе облагодѣтельствована, напр. повышеніемъ въ монастырскихъ чинахъ. Соборъ мо-

---

(1) Матеріалы для истор. Раск. т. Ш. стр. 13.

(2) Тамъ же, стр. 33.

(3) См. Челоб. къ царю келаря Савватія съ прочей братіей на старца Александра и др. 1666 г. Матер. для ист. Раск. т. Ш. стр. 100.

настырскій при Варѳоломеѣ состоялъ почти весь изъ новыхъ личностей, достигшихъ почетнаго званія соборнаго старца, благодаря лишь благосклонности настоятеля (1). Изъ совѣтниковъ архимандрита Ильи въ соборѣ оставался теперь только одинъ Савватій Абрютинъ, сдѣлавшійся при Варѳоломеѣ изъ простаго соборнаго старца монастырскимъ келаремъ. Всѣ остальные должны были уступить свои мѣста новымъ счастливцамъ. Варѳоломей не стѣснялся ихъ устранять изъ собора иногда безъ особенной причины. Такъ, напримѣръ, отставленъ былъ отъ собора „безъ монастырскія вины“ единственно по какой-то „злобѣ“ Варѳоломея старецъ Іоасафъ и вдобавокъ „битъ плетьми“ (2). Напротивъ возводились въ соборные старцы иногда люди, совершенно не заслуживающіе этой чести по своей молодости и безнравственности, но умѣвшіе только заслужить личное благорасположеніе Варѳоломея. Таковъ былъ соборный старецъ Иринархъ Торбѣевъ, человѣкъ молодой, не бывавшій ни въ какой монастырской службѣ. Будучи еще монастырскимъ служкой Ивашкомъ Никифоровымъ, онъ понравился Варѳоломею и сдѣлался его „совѣтникомъ“ и споспѣшникомъ во всѣхъ дѣлахъ его. За эти услуги Варѳоломей скоро „пьянаго“ постригъ его въ монашество и „взялъ въ соборъ“ (3). Самыми выдающимися, замѣчательными въ исторіи соловецкаго возмущенія и первыми сторонниками Варѳоломея были: келарь старецъ Савватій Абрютинъ, казна-

---

(1) Сравн. челоб. попа Виталія къ Никону съ челобитной къ царю келаря Савватія. Матер. для ист. Р. Ш, 10, 100.

(2) Матер. для ист. Раск. т. Ш. стр. 60. Іоасафъ былъ ученикъ извѣстнаго Александра Булатникова, котораго въ 1649 г. соловецкіе монахи, вопреки волѣ государя, выжили не только изъ собора, но изъ монастыря, за его вмѣшательство въ монастырскія дѣла и за смѣлый голосъ на соборѣ. См. Пр. Соб. 1879 г. Ноябрь, ст. Сол. мон. предъ возмущеніемъ монаховъ.

(3) Матер. для ист. Раск. т. Ш, стр. 55.

чей старецъ Боголѣпъ (который сопровождалъ его въ Москву), уставщикъ черный попъ Геронтій — авторъ „Соловецкихъ челобитныхъ о вѣрѣ“ и строитель Соловецкаго подворья въ Москвѣ старецъ Іосифъ—впослѣдствіи архимандритъ соловецкій, не принятый братіею. Намъ придется еще не разъ встрѣчаться съ этими личностями, причемъ и роль ихъ въ исторіи возмущенія сама собой выяснится; поэтому теперь будетъ достаточно пока объ нихъ сказать только то, что они, для Варѳоломея во все время его шаткаго управленія монастыремъ были главною и прочною его опорою. Савватій и Боголѣпъ, какъ первые послѣ настоятеля начальствующія лица въ монастырѣ, помогали Варѳоломею держать въ покорности все братство; Геронтій, какъ соборный уставщикъ, наблюдалъ за церковнымъ чиномъ и священниками; а Іосифъ по званію строителя московскаго подворья строго слѣдилъ за дѣлами въ Москвѣ, сообщалъ обо всемъ Варѳоломею и въ опасныхъ случаяхъ защищалъ его предъ сильными міра (1).

Въ числѣ обиженныхъ Варѳоломеемъ и устраненныхъ изъ его кружка умѣренныхъ старообрядцевъ особенно выдающимся былъ старецъ Герасимъ Ѳирсовъ; онъ замѣчателенъ и какъ авторъ „Слова о крестѣ“, и какъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей до 1666 года въ пользу соловецкаго старообрядчества. Потому мы съ нимъ теперь же познакомимся поближе. Старецъ Герасимъ Ѳирсовъ, по словамъ архимандрита Варѳоломея, былъ въ монастырѣ „старый составщикъ и коварникъ; безъ него не бывала никакая смута и мятежъ (2). Бывшій варѳоломеевскій ризничій старецъ Веніаминъ въ 1666 г. писалъ Варѳоломею въ Москву: „и самъ ты, государь, Ярасима вѣдаешь, что лукавство-то его прежъ родилось“ (3). И

(1) Матер. для истор. Раск. т. III. стр. 35 и 36.

(2). Тамъ же, стр. 87.

(3) Тамъ же стр. 76.

дѣйствительно, Герасима мы видѣли еще въ числѣ тѣхъ „великихъ враговъ и хульниковъ на чинъ святыя восточныя церкви“, которые въ качествѣ совѣтниковъ архимандрита Ильи въ 1658 г. принимали живое участіе въ дѣлѣ непринятія въ употребленіе новаго служебника (1). Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и вся жизнь Герасима до 1666 года, когда онъ, вызванный въ Москву, принесъ предъ соборомъ во всемъ раскаяніе.

Изъ жизни Герасима до поступленія въ Соловецкій монастырь извѣстно только то, что онъ разъ въ Москвѣ битъ кнутомъ на козлѣ за то, что „изъ рядовъималъ обманомъ жемчугъ и соболи“ (2). Въ монастырь пришелъ вѣроятно въ концѣ сороковыхъ годовъ, потому что въ 1658 году былъ уже въ званіи соборнаго старца, которое давалось не иначе, какъ людямъ пожилымъ и прослужившимъ нѣсколько лѣтъ съ пользою для монастыря въ званіи менѣе почетныхъ должностей, наприм. въ званіи приказнаго старца въ монастырскихъ вотчинахъ. Въ настоятельство архимандрита Ильи (3) Герасимъ изъ Соловецкаго монастыря разъ выходилъ и „бѣгаючи“ по Россіи подалъ на Илью патріарху Никону „доводные челобитные“, за что былъ на патріаршемъ дворѣ битъ плетьми нещадно и сосланъ подъ началъ въ Никольскій корельскій монастырь (4). Возвратившись снова въ Соловки, онъ былъ нѣкоторое время на службѣ въ званіи приказнаго старца въ монастырскихъ береговыхъ усольяхъ: Варзужскомъ, Умскомъ и Яренскомъ. Въ послѣднемъ даже два раза (5). Затѣмъ сдѣланъ

---

(1) Матер. для истор. Раск. т. III. стр. 10.

(2) Тамъ же, стр. 87 и 88.

(3) Илья былъ настоятелемъ съ 1645 г. См. Пр. Соб. Октябрь и ноябрь 1879 г.

(4) Матер. для ист. раск. т. III, стр. 87.

(5) Тамъ же, стр. 85, 86.

былъ соборнымъ старцемъ и сталъ ближайшимъ совѣтникомъ архимандрита Ильи.

Съ новымъ настоятелемъ Варѳоломеемъ бывшій „совѣтникъ“ архимандрита Ильи почему-то не сошелся. Варѳоломей не включилъ его въ число своихъ любимцевъ и совѣтниковъ, которыми по примѣру своего предшественника былъ окруженъ. Онъ видимо не благоволилъ къ нему и старался устранить его отъ участія въ монастырскихъ дѣлахъ. Мы не видимъ, напр. имени Герасима Ѳирсова наряду съ соборными старцами въ двухъ замѣчательныхъ соборныхъ приговорахъ: „о нарѣчномъ пѣніи“ (22 октября 1661 г.) и „о поѣздкѣ архимандрита Варѳоломея въ Москву“ (1663 г.) (1). Тѣмъ не менѣе Герасимъ носилъ званіе соборнаго старца до 1665 года. Въ этомъ году Варѳоломей нашелъ довольно благовидный предлогъ къ удаленію его изъ собора. Именно: въ монастырѣ заболѣлъ казначей старецъ Боголѣпъ. На случай внезапной смерти его отъ настоятеля и собора было поручено соборнымъ старцамъ Васьяну, Діонисію, Иларіону, Ѳеодосію, Марку, Геннадію, Александру и Герасиму Ѳирсову произвести осмотръ монастырскихъ суммъ и имущества, бывшаго на рукахъ Боголѣпа. Герасимъ, по свидѣтельству Варѳоломея, былъ всегда не чистъ на руку. Въ бытность вотчиннымъ приказчикомъ въ Варзугѣ онъ разъ монастырскую рыбу продалъ и деньгами хотѣлъ завладѣть, но по сыску тѣ деньги на немъ были доправлены. Во время службы въ Умскомъ усольѣ безъ монастырскаго указа продавалъ рыбу и въ вырученныхъ деньгахъ заперся, за что отъ службы отставленъ и взятъ въ монастырь скованный. Въ Яренскомъ усольѣ истратилъ на свои прихоти больше пятидесяти рублей изъ церковныхъ, оброчныхъ и промысловыхъ доходовъ. Живучи въ монастырѣ, у своего старца Исаіи укралъ 120 р., у брата келейнаго стар-

(1) Матеріалы для истор. Раск. т. Ш. стр. 13 и 14.

ца Нектарія—70 р., у отца духовнаго чернаго попа Игнатія 20 р. Сверхъ того дважды обманывалъ больничнаго слѣпого старца Меркурія, покупая у него мёдъ на вырѣзанныя изъ бѣлаго желѣза кружечки, и разъ плотничному старостѣ Сергію далъ въ закладъ подъ взятую сумму 20 р. вмѣсто серебряныхъ ефимковъ вылуженныя красныя мѣдяшки. Всѣ эти продѣлки Герасима были извѣстны всему братству. Онъ не разъ, обличенный, былъ за нихъ на правежѣ и возвращалъ украденное; но почему-то терпѣлся въ числѣ соборныхъ членовъ до 1665 года. Только послѣднее, слишкомъ наглое воровство вывело окончательно изъ терпѣнія соборныхъ старцевъ, бывшихъ съ нимъ у казначея Боголѣпа. Дѣло въ томъ, что Герасимъ, обозрѣвая вмѣстѣ съ ними казначейскія палаты больнаго казначея Боголѣпа, какъ-то ухитрился подобрать и скрыть у себя принадлежащіе больному Боголѣпу часы. Вскорѣ однако былъ уличенъ въ воровствѣ и часы „отдалъ лицомъ“. Но соборные старцы, бывшіе съ нимъ у казначея, на этотъ разъ не хотѣли уже удовольствоваться раскаяніемъ Герасима и возвращеніемъ часовъ. Они подали настоятелю челобитную о томъ, что „имъ впредь съ Герасимомъ Ѳирсовымъ у монастырскихъ дѣлъ быть нельзя“. Къ челобитной приложена была роспись и прежнимъ кражамъ Герасима, которыя онъ дѣлалъ въ монастырѣ и въ монастырскихъ вотчинахъ. На основаніи этой жалобы и уликъ Герасимъ и былъ отставленъ отъ собора ([1]).

Герасимъ вообще не отличался высокою нравственностію. Онъ по временамъ любилъ съ друзьями и пріятелями пображничать, хотя иногда и дорого приходилось платиться за такую вольность. Въ 1663 г., напр., съ дьякономъ Филаретомъ онъ въ кельѣ у своего пріятеля головщика Іоны Брызгало въ самую

([1]) Матер. для истор. Раск. т. III. стр. 85.

заутреню пилъ квасъ медвеной и—табакъ. По сыску оба они не заперлись въ этомъ и были смиряемы плетьми и монастырскими трудами (1). Въ молодости въ подобныхъ пріятельскихъ пирушкахъ Герасимъ проявлялъ иногда такія буйства, которыя сопровождались смертоубійствомъ. Въ 1655 году, напр., разъ ночью онъ пришелъ въ келью къ своему келейному брату старцу Нектарію и здѣсь „покололъ ножемъ“ другаго келейнаго брата Аѳанасія (2). Но не смотря на страсть къ воровству, бражничанью и буйству Герасимъ былъ человѣкъ книжный и потому въ монастырѣ отъ многихъ пользовался большимъ уваженіемъ. Тетрадки его „о крестѣ“, написанныя еще до 1658 года вѣроятно для многихъ изъ безграмотной и предубѣжденной противъ новыхъ церковныхъ порядковъ братіи служили достаточнымъ основаніемъ смотрѣть на Герасима, какъ на человѣка не только книжнаго, но и ревнителя по древлему православію. Въ виду этихъ добродѣтелей Герасима братія мало обращали вниманія на его поступки, далеко неприличные монаху, точно такъ же, какъ прощали слабость жизни и несправедливости архимандриту Варѳоломею ради того, что онъ съ 1663 года пересталъ напоминать братіи о Никоновыхъ нововведеніяхъ и самъ сталъ держаться старыхъ обычаевъ.

Удаленіемъ старца Герасима изъ собора Варѳоломей нажилъ себѣ новаго самаго опаснаго врага. Герасимъ вѣроятно и не сокрушался много отставкою. Онъ видѣлъ массу братіи, подозрительно относящейся къ Варѳоломею и приверженцамъ его, къ которымъ до сихъ поръ онъ самъ могъ быть отъ братіи причисляемъ. Нерасположеніе Варѳоломея и отставка снимала съ Герасима всякое подозрѣніе. Вслѣдствіе этого, всѣ строгіе старообрядцы, всѣ недоволь-

(1) Матер. для истор. Раск. т. III. стр. 91.

(2) Тамъ же, стр. 87.

ные Варѳоломеемъ и обиженные имъ поспѣшили поставить Герасима, какъ человѣка умнаго, во главу своей партіи, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать съ нимъ противъ Варѳоломея, особенно когда тотъ снова вздумаетъ дѣлать попытки къ введенію новыхъ порядковъ. Такимъ образомъ въ монастырѣ явилась герасимовская партія. Впрочемъ, особенныхъ столкновеній съ Варѳоломеемъ у этой партіи, руководимой Герасимомъ, теперь не было, такъ какъ Варѳоломей до вызова его въ 1666 году въ Москву самъ неотступно держался старыхъ порядковъ. Борьба партій началась тогда, когда дошелъ до монастыря слухъ, что Варѳоломей въ Москвѣ измѣнилъ древнему благочестію (1).

Самъ лично Герасимъ Ѳирсовъ не былъ настолько твердъ въ старообрядчествѣ, чтобы устоять въ немъ до конца. Особенною ревностію по старомъ благочестіи онъ былъ одушевленъ только въ первый періодъ соловецкихъ возмущеній, при архимандритѣ Ильѣ, когда вышелъ въ свѣтъ и полученъ въ монастырѣ новый служебникъ. Подъ первыми впечатлѣніями распространившихся по всей Россіи предубѣжденій противъ книжнаго исправленія онъ и написалъ свои тетрадки въ защиту двухперстнаго сложенія, ходившія по рукамъ братіи уже въ 1658 году. Но Герасимъ не былъ человѣкомъ неразсудительнымъ, готовымъ фанатически отстаивать свои убѣжденія. Душа и сердце его были доступны для истины и чѣмъ болѣе занимался онъ пріисканіемъ опроверженій противъ нововведеній, тѣмъ болѣе терялъ силу первыхъ своихъ впечатлѣній и начиналъ склоняться на сторону церкви. Въ послѣднее время эти первыя впечатлѣнія у него стали такъ слабы, что съ своей стороны онъ готовъ былъ принять въ употребленіе въ монастырѣ новоисправленный служебникъ и не при-

(1) Матер. для истор. Раск. т. Ш. стр. 67.

нималъ только потому, что это не отъ него зависѣло. „По новоисправнымъ служебникамъ въ Соловецкомъ монастырѣ не служили для того“, говорилъ онъ 1 іюля 1666 г. на московскомъ соборѣ, „что указу великаго государя не было, а святый соборъ о томъ былъ ли, или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, а отъ архимандрита (Варѳоломея) о томъ, что (бы) служить по новоисправнымъ служебникамъ, повелѣнія не было-жъ“ (1). Притомъ Герасимъ былъ простой чернецъ „не попъ“; поэтому не могъ и частнымъ образомъ самъ лично служить по новому служебнику. Въ 1665 году, лѣтомъ, въ Исаковской пустынѣ (2) Герасимъ рѣшился даже предложить архимандриту Варѳоломею, „чтобы велѣлъ служить по новымъ служебникамъ“. Варѳоломей промолчалъ „ничего (на это) не сказалъ“; но келарь Савватій Абрютинъ и казначей Боголѣпъ возмутились этимъ предложеніемъ и начали на Герасима „шумѣть“, чтобы не говорилъ архимандриту про „новоисправные“ служебники (3). Герасиму послѣ этого въ дѣлѣ церковной обрядности ничего не оставалось больше, какъ молчать и подчиняться установившемуся въ монастырѣ порядку, тѣмъ болѣе, что онъ вслѣдъ за этимъ отставленъ былъ отъ собора и такимъ образомъ лишенъ былъ права на возвышеніе голоса среди старшей братіи. Изъ всего этого можно заключать, что къ партіи строгихъ старообрядцевъ и недовольной Варѳоломеемъ братіи Герасимъ присталъ больше изъ чувства мщенія Варѳоломею, оскорбившему его своимъ невниманіемъ и отставкою отъ со-

---

(1) Допросъ Герасима на соб. 1666 г. Тамъ же, стр. 108.

(2) Въ 10 верстахъ отъ монастыря при озерѣ, гдѣ устроенъ особый домъ для рыболововъ и часовня въ честь Исаакія Далматскаго, до сихъ поръ существующая.

(3) Варѳоломей, спрошенный на соборѣ объ этомъ предложеніи Герасима, не отвергалъ его, но сказалъ, что того не упомнитъ. Матеріалы для исторіи Раскола, т. III. стр. 111.

бора, нежели изъ глубокой привязанности къ старымъ порядкамъ.

Партія строгихъ старообрядцевъ, готовыхъ изъ-за „пелены“, не подосланной подъ Евангеліе во время чтенія, возстать поголовно (1), состояяла изъ цѣлой массы соловецкихъ монаховъ и стекшагося въ обитель съ разныхъ концовъ Россіи сброда людей, начиная съ соборныхъ и приказныхъ старцевъ, большею частію отставныхъ, и кончая послѣднимъ монастырскимъ слугою. Впереди всѣхъ стояли и бунтовали остальную массу такъ или иначе обиженные Варѳоломеемъ коренные соловецкіе монахи. Таковы, кромѣ Герасима Ѳирсова, бывшіе приказные старцы: Геннадій, въ свою бытность кемскимъ приказчикомъ, чинившій монастырскимъ „бобыльшикамъ“ такія утѣсненія, что многіе отъ его „побоевъ и умерли“; Александръ Стукаловъ, который „сатану называлъ своимъ отцемъ, а бѣсовъ—братьями“ и который въ Лямецкомъ усольѣ „жегъ мужика на огнѣ безвинно, для своей бездѣльной корысти“; Іона Брызгало, бѣглый тульскій дьяконъ, нѣсколько лѣтъ, сбросивъ дьяконство, бродившій по Россіи „въ коновалехъ съ рыгнемъ“ и потомъ въ Соловкахъ самъ на себя надѣвшій монашество и, наконецъ, дьяконъ Игнатій, который за растрату, въ бытность усольскимъ приказчикомъ, монастырскихъ суммъ, въ 1664 году „стоялъ на правежѣ“ съ своей братіей, такими же усольскими приказчиками, Ѳерапонтомъ, Василіемъ, Демьяномъ, Михаиломъ и Пименомъ (2). Всѣ эти старцы не разъ

---

(1) Объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

(2) См. статью: «Соловецкій монастырь предъ возмущеніемъ». Прав. Соб. 1879 г. Ноябрь. Изъ перечисленныхъ старцевъ дьяконъ Игнатій замѣчателенъ тѣмъ, что убѣжавъ изъ монастыря въ поморье сталъ проповѣдывать самосожигательство и потомъ въ 1687 г. въ Палеостровскомъ монастырѣ самъ себя сожегъ вмѣстѣ съ своими послѣдователями въ числѣ 2700 чел. Ист. раск. Макарія, стр. 253. Истор. о отцѣхъ солов. Денисова л. 105.

были при Варѳоломеѣ смиряемы жестокимъ монастырскимъ смиреніемъ — биты плетьми и посылались въ черные монастырскіе труды и потому питали непримиримую злобу противъ него. Нетвердость Варѳоломея въ древлемъ благочестіи и подозрѣнія противъ него братіи — строгихъ старообрядцевъ давали этимъ старцамъ вѣрное средство мстить Варѳоломею смутами въ монастырѣ, и они мстили, разжигая въ простой братіи старообрядческій фанатизмъ. Ихъ партія постепенно увеличивалась новыми членами изъ недовольной Варѳоломеемъ братіи. Таковы изъ новыхъ членовъ: старецъ Ефремъ каргополецъ „самозванный старый ябедникъ и составщикъ“, который за свою связь и пьянство съ опальнымъ княземъ Львовымъ въ 1664 году отставленъ отъ собора и былъ посланъ на время „въ мукосѣйну“ (1); дьяконъ Нилъ, который, въ 1663 г., „коварствомъ своимъ во многой братіи порокъ учинилъ, такъ что и нарѣчному пѣнію не слышну быть“ и который на Варѳоломея въ алтарѣ кричалъ, обзывая его еретикомъ (2); черный попъ Пафнутій, который научалъ Ефрема бѣжать изъ монастыря съ княземъ Львовымъ (3) и многіе другіе. Изъ пришельцевъ къ партіи строгихъ соловецкихъ старообрядцевъ примкнули: уже извѣстный намъ архимандритъ Никаноръ, перебравшійся сюда совсѣмъ на покой въ 1660 году (4) и многіе ученики Аввакум-

---

(1) Матеріалы для ист. Раск. т. III. стр. 95.

(2) Тамъ же, стр. 99.

(3) Тамъ же, стр. 96.

(4) Въ 1659 г. Никаноръ прислалъ изъ Москвы въ Соловецкій монастырь отъ себя въ жертву окладной образъ Божіей Матери и другіе цѣнные предметы. Солов. «вкладная» кн. л. 11. Между тѣмъ въ 1660 г. онъ уже лично вымѣнялъ въ Солов. библ. рукописную книгу «Іоанна Лѣствичника», которая была написана имъ самимъ въ 1640 г. въ бытность въ Солов. мон. и вѣроятно была пожертвована въ монастырскую казну. Опис. рукоп. Солов. библ. Прав. Соб. 1879 г. Февраль л. 344. № 220 (29).

ма и Лазаря. Изъ ссыльныхъ прежде всего — князь Львовъ, скучающій въ монастырѣ съ 1655 года, потомъ саввинскіе монахи и другіе чернецы и мірскіе люди. Вліяніе всѣхъ этихъ вожаковъ соловецкихъ старообрядцевъ и каждаго отдѣльно на массу простой, безграмотной братіи и слугъ, которыхъ Варѳоломей оставлялъ въ монастырѣ на зиму до 700 человѣкъ,— и роль ихъ въ исторіи соловецкихъ смутъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ впереди. Теперь, думаемъ, достаточно упомянуть, что самая главная роль въ соловецкой драмѣ—роль руководителя суевѣрной массы монаховъ и слугъ часто переходила изъ рукъ въ руки. Около 1663 г. напр. возмущали братію священникъ Леонтій, дьяконъ Нилъ и слуга Сидоръ Хломыга; съ 1665 до 1666 года старецъ Герасимъ Ѳирсовъ; послѣ вызова его въ 1666 году въ Москву, онъ былъ замѣненъ ненадолго старцемъ Александромъ Стукаловымъ; а заключеніе драмы выпало на долю архимандрита Никанора, который въ 1676 году не устрашился подклонить свою голову подъ мечъ воеводы Мещеринова. Второстепенныя роли принадлежали всѣмъ прочимъ помянутымъ старцамъ; каждый изъ нихъ въ свою очередь принесъ въ пользу развитія и укрѣпленія въ Соловецкомъ монастырѣ старообрядчества извѣстную долю труда и энергіи (1). Кромѣ этихъ перечисленныхъ главныхъ дѣятелей по временамъ выступали на сцену и другія весьма замѣчательныя и вліятельныя личности, каковъ напр. черный попъ Геронтій, келарь Азарій и др., но это было въ періодъ вооруженнаго стоянія за вѣру соловецкихъ монаховъ, о которомъ мы будемъ говорить особо; они трудились, притомъ, уже на обработанной

(1) Участіе въ смутахъ главныхъ и второстепенныхъ дѣятелей до 1/2 1666 г. можно видѣть въ Матер. для ист. раск. т. Ш. стр. 18—39 (дѣло о Геронтіѣ, Леонтіѣ и Хломыгѣ); 81—100 (челоб. Варооломея); 64—75 (отписки келар. Савватія и братіи въ Москву къ Варѳоломею) 100—105 (челоб. келаря на Ал. Стукалова).

и довольно удобренной почвѣ соловецкаго старообрядчества, а эта честь должна быть приписана, послѣ архимандрита Ильи, особенно старцу Герасиму Ѳирсову съ товарищами.

Но и Герасимъ Ѳирсовъ съ своею братіею—бывшими совѣтниками архимандрита Ильи, отставными соборными, приказными и рядовыми старцами трудился столь успѣшно, что подчинилъ старымъ правиламъ и обычаямъ даже самого Варѳоломея съ братіей—двусмысленными старообрядцами, благодаря лишь особаго рода благопріятнымъ обстоятельствамъ, на которыя мы теперь и должны обратить свое вниманіе.

И. Сырцовъ.

РАСПОЛОЖЕНІЕ И УБРАНСТВО ДРЕВНЕ-ХРИСТІАНСКИХЪ ХРАМОВЪ.

Третья часть храма—притворъ, *προναὸς* — составляла собственно уже какъ бы только дополненіе къ храму. Поэтому нѣкоторые древніе писатели, когда имѣютъ въ виду храмъ въ тѣсномъ смыслѣ, о притворѣ, какъ особой его части, даже вовсе не упоминаютъ (1). Отъ храма въ собственномъ смыслѣ притворъ отдѣлялся стѣною и дверями, однакожъ не всегда: иногда онъ начинался и внутри вратъ или дверей храма. Вообще устройство и расположеніе притвора древне-христіанскихъ храмовъ было довольно разнообразно. Онъ состоялъ иногда изъ одного только продолговатаго, закрытаго или открытаго портика, называвшагося *нарѳиксомъ* (νάρθηξ) (2), иногда

(1) Максимъ исповѣдникъ наприм., ничего не говоритъ о притворѣ; онъ дѣлитъ весь храмъ, обнимаемый стѣнами, только на двѣ части: алтарь и святилище для народа, и оправдываетъ это дѣленіе самой разнообразной символикой. См. Тайноводство Максима испов. въ Пис. отцевъ, отн. къ истолк. богосл. т. I. стр. 293 и слѣд. Германъ, объясняя символическое значеніе различныхъ частей и принадлежностей храма, о притворѣ также не упоминаетъ. См. тамъ же, стр. 357 и слѣд.

(2) Νάρθηξ—трость или длинная трубка съ полою внутренностію. У Гезіода и Есхила словомъ: νάρθηξ обозначается трость, посредствомъ коей Прометей похитилъ огонь съ неба (Hes. Ἔργ. 52. Aesch. Prom. 109). Въ древнемъ зодчествѣ этимъ словомъ обозначали всякую пристройку, имѣвшую форму узкаго и длиннаго прямоугольника и прилагали его почти безразлично ко внѣшнимъ и внутреннимъ, открытымъ и закрытымъ портикамъ церковнымъ. Отсюда впослѣдствіи произошли названія: ἐσωνάρθηξ и ἐξωνάρθηξ (см. Goar, *Ευχολογ.* p. 23, Bingham,

изъ двухъ или нѣсколькихъ такихъ нарѳиксовъ, иногда, кромѣ того, еще изъ двора (atrium, ἄυλη); но обыкновенно различаютъ въ немъ два главныя отдѣленія — притворъ внутренній и притворъ внѣшній— существованіе и положеніе которыхъ до извѣстной степени обусловливалось требованіями древней христіанской дисциплины.

Притворъ или нарѳиксъ внутренній (ἐσώνάρθηξ) назначенъ былъ для стоянія въ немъ втораго класса кающихся, такъ называемыхъ слушающихъ (audientes, ἀκροώμενοι) и другихъ лицъ, которымъ дозволено было присутствовать при богослуженіи для слушанія писаній и поученій (1). Этимъ его назначеніемъ естественно должно было условливаться его устройство и положеніе въ храмѣ. Онъ долженъ былъ находиться внутри дверей храма и отъ средней его части не долженъ былъ отдѣляться плотною стѣною съ запертыми дверями. Въ противномъ случаѣ здѣсь не были бы слышны ни чтеніе писанія, ни проповѣдь; между тѣмъ стоящіе здѣсь кающіеся имѣли право слышать и то и другое. Изъ древнихъ правилъ относительно публичнаго покаянія такое устройство внутренняго притвора вытекаетъ съ очевидною необходимостію. Въ 12 правилѣ св. Григорія чудотворца говорится: „слушаніе бываетъ внутри вратъ въ нарѳиксѣ (ἔνδοθι τῆς πύλης ἐν τῷ νάρθηκι), гдѣ грѣшникъ долженъ стоять до моленія объ оглашенныхъ и тогда исходити“. Въ правилахъ св. Василія великаго слушающимъ предписывается въ извѣстное время исходить изъ храма,

---

Origin. Lib. VIII. c. 4). Латинскіе писатели обозначаютъ тоже самое словомъ: ferula. Послявянски слово: νάρθηξ переводилось иногда словомъ: прутъ. Наприм., Сол. библ рук. XV или XVI в. № 685 л. 19: «женамъ повелѣваемъ исповѣдатися въ проустѣ (ἐν τῷ νάρθηκι) церковнѣмъ и отверсты имѣти двери внѣшняя» Греч. под. у Котельера Monum. graeca, t. I. p. 75.

(1) Наприм., оглашенные одной изъ низшихъ степеней, носившіе тоже названіе. Кромѣ того сюда допускались иногда іудеи, еретики и даже язычники. См. 4 карѳаг. соб. пр. 84. Bingham, Origin. Lib. VIII. c. IV. § 4.

но самое мѣсто стоянія ихъ не обозначается особымъ именемъ (1). Въ литургіи Постановленій апостольскихъ діаконъ обращается къ слушающимъ такъ же, какъ и къ оглашеннымъ, съ возгласомъ, означающимъ приглашеніе выходить изъ храма (2). Если бы внутренній притворъ или нарѳиксъ былъ отдѣленъ отъ средней части храма плотною стѣною съ запирающимися дверями, тогда это исхожденіе изъ храма слушающихъ наравнѣ съ припадающими, которые несомнѣнно стояли внутри храма, едвали могло бы имѣть мѣсто: достаточно было запереть двери. О плачущихъ, которые должны были стоять „внѣ вратъ молитвеннаго храма“ или внѣ дверей, т. е. во внѣшнемъ притворѣ и просить входящихъ вѣрующихъ молиться за нихъ, нигдѣ не говорится, что они должны выходить изъ занимаемаго ими мѣста, или отходить отъ дверей. Между тѣмъ, что касается этихъ дверей, то несомнѣнно: въ сторонѣ, противоположной алтарю, въ большинствѣ случаевъ было нѣсколько дверей, три или пять, но онѣ устроялись въ рядъ въ одной и той же стѣнѣ; другой стѣны съ дверями, параллельной первой, не было, такъ что нельзя было находиться въ одно и тоже время внутри дверей и внѣ храма (3). Не говоря уже о вещественныхъ памятникахъ, гдѣ такое расположеніе встрѣчается почти постоянно— это довольно ясно видно также и изъ древнихъ описаній храмовъ, наприм., изъ описанія Тирской базилики у Евсевія (4). Евсевій въ своемъ описаніи говоритъ объ этихъ дверяхъ довольно подробно, но изъ

---

(1) Прав. 56 и 75.

(2) Lib. VIII. c. 5. *Μή τις τῶν ἀκροωμένον. Μή τις τῶν ἀπίστων.*

(3) Храмы съ двойнымъ рядомъ дверей встрѣчаются весьма рѣдко и притомъ повидимому въ болѣе позднее время. Можно указать только на храмъ св. Софіи въ Константинополѣ, гдѣ при входѣ помѣщены два закрытые нарѳикса. Но справедливѣе, кажется, оба ихъ считать нарѳиксами внѣшними.

(4) Церк. истор. ук. м.

его описанія ясно, что другихъ дверей въ той же сторонѣ храма не было и слѣдовательно притворъ или нарѳиксъ, въ которомъ должны были стоять слушающіе, находился за этими дверями внутри стѣнъ храма и другими дверями отъ храма не отдѣлялся.

Такимъ образомъ внутренній нарѳиксъ, находясь внутри стѣнъ и дверей храма, составлялъ иногда какъ бы особое отдѣленіе его средней части, такъ какъ съ этою послѣднею находился въ большей связи, чѣмъ съ притворомъ внѣшнимъ. Такое расположеніе и доселѣ можно видѣть въ нѣкоторыхъ базиликахъ IV и V вв. въ Римѣ и другихъ мѣстахъ. Въ примѣръ можно указать (1) на базилики св. Агнесы, св. Лаврентія, св. Климента (въ ея первоначальномъ видѣ) въ Римѣ, св. Димитрія и Эски-Джума въ Ѳессаликѣ, Рождества въ Виѳлеемѣ. Правда въ нѣкоторыхъ изъ этихъ храмовъ между нарѳиксомъ и среднею частію нынѣ стоятъ уже плотные стѣны, наприм., въ остаткахъ древней базилики Климента въ Римѣ, въ базиликѣ Виѳлеемской, въ базиликѣ Эски-Джума въ Ѳессаликѣ; но эти стѣны возведены уже въ позднѣйшее время, когда дисциплина публичнаго покаянія значительно ослабѣла и притомъ отчасти по соображеніямъ техническимъ, или по необходимости для поддержанія верхнихъ стѣнъ средняго нефа. Позднѣйшее добавленіе здѣсь легко замѣтить и первоначальное расположеніе остается яснымъ. Расположеніе это имѣетъ нѣкоторыя особенности, вслѣдствіе которыхъ перечисленныя базилики, болѣе чѣмъ другія, представляются близкими къ классическимъ базиликамъ и именно къ тому роду ихъ, представительницею коего служитъ извѣстная базилика, открытая въ Помпеѣ. Здѣсь ряды колоннъ, раздѣляющіе внутренность на нефы, прекращаются на нѣкоторомъ разстояніи отъ внѣшней входной стѣны,

(1) Планы см. у Гюбша, Тексье и Вогюэ въ указ. соч.

такъ что между нефами и этою стѣною образуется нѣкоторое пространство продолговатой формы, находящееся къ главному нефу почти въ такомъ же отношеніи, какъ и нефы боковые. Это и есть внутренній притворъ, или нарѳиксъ — мѣсто слушающихъ. Нарѳиксъ этотъ былъ такой же высоты, какъ и боковые нефы и если надъ этими послѣдними были хоры или верхнія галлереи, то такія же галлереи были и надъ нимъ (1). Отъ средней части храма онъ отдѣлялся большею частію только колоннами, которыя ставились въ ближайшихъ ко входу отверстіяхъ нефовъ и служили сколько для заполненія этихъ отверстій, столько же для поддержанія потолка нарѳикса и верхней фасадной стѣны средняго нефа. Промежутки между колоннами за исключеніемъ нѣкоторыхъ, образовавшихъ входы, вѣроятно заполнялись иногда рѣшетками (2), но дверей въ собственномъ смыслѣ, которыя могли бы запираться, здѣсь не было. Нужно замѣтить впрочемъ, что гораздо чаще встрѣчаются притворы указаннаго устройства въ базиликахъ со сводчатымъ покрытіемъ и въ другихъ храмахъ болѣе тяжелой конструкціи (3), преимущественно восточныхъ, и особенно въ тѣхъ изъ нихъ, къ покрытію которыхъ приспособленъ куполъ. Здѣсь присутствіе болѣе строго образованнаго и притомъ имѣвшаго центрическую форму главнаго пространства необходимо вызывало образованіе побочныхъ сопровож-

(1) Какъ наприм., въ базиликѣ св. Лаврентія. См. Hubsch. Pl. XVII. 2. 3.

(2) Нѣкоторые въ доказательство ссылаются на одно мѣсто изъ второй бес. Василія великаго о постѣ: «постящагося пріемлетъ Господь внутрь священныхъ оградъ, но не допускаетъ упивающагося»; но оно очень темно. См. Allatii De narthece veter. eccles. p. 63. Тѣмъ не менѣе, если женскій корабль отдѣлялся рѣшетками, то и здѣсь существованіе ихъ очень вѣроятно.

(3) Наприм. въ храмѣ св. Ирины въ Константинополѣ (Hubsch V. 8. 9) и въ другихъ. Lenoire, Archit. monastique I fig. 155, 167, 170, 171.

дающихъ пространствъ не съ боковъ только, но со всѣхъ сторонъ, въ томъ числѣ и со входной стороны. Между среднею частію храма, накрытою куполомъ, и входною стѣною здѣсь всегда остается промежуточное пространство, имѣющее продолговатую форму и такое же устройство, какъ и боковые нефы. Съ этими послѣдними указанное продолговатое пространство или нарѳиксъ большею частію имѣетъ непосредственную связь и составляетъ вмѣстѣ съ ними какъ бы одинъ непрерывный обходъ вокругъ центра храма. Отъ центра же или средней части онъ отдѣляется, но такъ же мало, какъ и въ базиликахъ, хотя раздѣлительные члены здѣсь и тяжелѣе, чѣмъ тамъ. Въ позднѣйшихъ византійскихъ храмахъ это промежуточное пространство между центромъ храма и входомъ въ него начало иногда принимать болѣе обширные размѣры и утрачивать свою характеристическую форму и названіе (1).

Что касается простыхъ столповыхъ базиликъ, то такое расположеніе встрѣчается въ нихъ сравнительно очень рѣдко, такъ какъ конструкція этого рода зданій мало благопріятствовала образованію дополнительнаго пространства внутри нихъ, при входѣ. Въ большей части древнихъ базиликъ, наприм., римскихъ, мы внутри стѣнъ не видимъ никакого особаго мѣста для слушающихъ, или нарѳикса; ряды колоннъ, разчленяющихъ внутренность зданія на корабли, идутъ непрерывно до самой наружной передней стѣны, не оставляя никакого промежуточнаго продолговатаго пространства между кораблями и этой стѣною. На этомъ основаніи нѣкоторые западные археологи, какъ наприм., Мартиньи (2), полагаютъ, что внутренній нарѳиксъ былъ не внутри, а внѣ стѣнъ храма, что этимъ именемъ назывался открытый портикъ, примы-

(1) Въ нашихъ храмахъ этотъ притворъ часто называется трапезою.

(2) Martigny, Dictionnaire, Art. Narthex.

кающій къ передней стѣнѣ или дверямъ зданія, а именемъ внѣшняго нарѳикса обозначался пропилей, или портикъ, прислоненный къ фасаду двора и что такимъ образомъ внѣшній и внутренній нарѳиксы отдѣлялись другъ отъ друга дворомъ. Хотя дѣйствительно въ храмахъ, имѣющихъ дворъ, портикъ, примыкающій къ дверямъ, сравнительно съ пропилеемъ, можетъ быть названъ портикомъ или нарѳиксомъ внутреннимъ, но отъ этого онъ очевидно не пріобрѣтаетъ свойствъ и удобствъ настоящаго внутренняго нарѳикса, такъ какъ всетаки остается внѣ дверей храма: слушать отсюда писаніе и проповѣдь едвали возможно даже при отворенныхъ дверяхъ особенно въ такихъ огромныхъ базиликахъ, какова наприм., базилика св. Петра въ Римѣ. Что же касается храмовъ, не имѣвшихъ двора, то тамъ упомянутый портикъ даже условно не могъ носить названія: внутренній, равно какъ не могъ служить и мѣстомъ слушающихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ негдѣ было бы стоять плачущимъ. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, равно какъ вытекавшую изъ потребностей христіанской дисциплины необходимость тѣсной и непосредственной связи внутренняго нарѳикса съ среднею частію храма, гораздо основательнѣе будетъ допустить въ нѣкоторыхъ храмахъ совершенное отсутствіе этого нарѳикса, какъ особаго отгороженнаго мѣста, имѣющаго извѣстную форму, чѣмъ выносить его за стѣны храма. Говоря строго, въ такомъ особомъ отгороженномъ мѣстѣ для слушающихъ внутри храма и не представлялось настоятельной необходимости, такъ какъ они должны же были выходить изъ храма предъ началомъ литургіи вѣрныхъ; до этого же времени они могли стоять и въ храмѣ у дверей его. Вообще относительно внутренняго притвора въ древне-христіанскихъ храмахъ, его существованія и формы, можно принять за достовѣрное: 1) что онъ былъ мѣстомъ для слушающихъ и потому находился внутри дверей и стѣнъ храма, отдѣляясь отъ средней его части

только самыми легкими преградами, имѣлъ продолговатую форму и потому назывался иногда нарѳиксомъ и 2) что такіе притворы существовали не во всѣхъ храмахъ; иногда и даже довольно часто для слушающихъ внутри храма не было никакого особаго отгороженнаго мѣста; поэтому вѣроятно Василій великій, хотя полагаетъ мѣсто слушающихъ внутри храма, однако же не называетъ его нарѳиксомъ.

Но если внутренній притворъ въ древнихъ храмахъ иногда вовсе не существовалъ, то *притворъ внѣшній* существовалъ всегда въ болѣе или менѣе сложномъ видѣ. Иногда онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ портиковъ и обширнаго двора, иногда же имѣлъ очень простой видъ и очень скромные размѣры, а именно: иногда весь этотъ притворъ состоялъ изъ одного только продолговатаго портика, прислоненнаго ко входной стѣнѣ зданія и называемаго также нарѳиксомъ. Портикъ этотъ или нарѳиксъ большею частію былъ открытый, т. е. передняя сторона его состояла изъ ряда однихъ только колоннъ, поддерживавшихъ кровлю. Но были также нарѳиксы болѣе или менѣе закрытые: иногда промежутки между колоннами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, заполнялись невысокими барьерами или рѣшетками (2), иногда же вмѣсто колоннъ возводилась плотная стѣна, разчлененная только нѣсколькими аркообразными входами и кромѣ того еще окнами (3). Здѣсь должны были

(1) Внѣшній притворъ у насъ обозначается словомъ: *паперть*, которымъ переводятся различныя греческія слова, иногда и *νάρθηξ*. Слово это не есть искаженное иностранное (наприм., *парапетъ*, какъ довольно странно объясняется въ энцикл. слов. Березина), а старославянское. Оно встрѣчается въ разныхъ очень древнихъ рукописяхъ и въ разныхъ формахъ: *папъртъ*, *папротъ*, *папрата*, *папратъ* и др. (См. Востокова Матер. для церковно-слав. словаря, Миклошича словарь и др.). Гильфердингъ (О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ. Спб. 1853. стр. 102) указываетъ корень его въ санскритскомъ языкѣ. Слово это соотвѣтствуетъ греческому: *πρόθυρα*—преддверіе.

(2) Lenoire, Archit. monast. I, fig. 178.

(3) Ibid. fig. 173, 174.

стоять кающіеся перваго класса—плачущіе, здѣсь же стояли обыкновенно предъ началомъ и въ концѣ богослуженія для испрошенія милостыни нищіе, которыхъ поэтому Златоустъ называетъ псами, стрегущими царскіе чертоги, т. е. храмы (1). Впрочемъ непремѣнное существованіе этихъ нарѳиксовъ обусловливалось вѣроятно не одними только требованіями христіанской дисциплины, но отчасти также и техническими, архитектурно-художественными соображеніями: безъ нихъ зданіе храма и въ художественномъ отношеніи было бы не полно (2). Поэтому такъ какъ во всѣхъ почти храмахъ, кромѣ входовъ съ передней стороны, были еще входы съ боковъ, то и къ этимъ боковымъ входамъ также пристраивались портики продолговатой формы или нарѳиксы, равно какъ и ко входу во дворъ, если дворъ существовалъ. Такимъ образомъ при каждомъ храмѣ могло быть по нѣскольку внѣшнихъ нарѳиксовъ. Такъ въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ еще древніе писатели и сами строители насчитывали до четырехъ внѣшнихъ нарѳиксовъ (3), которыя Юстиніанъ сравнивалъ съ четырмя рѣками, вытекавшими изъ рая (4). Впрочемъ по преимуществу названіе нарѳикса усвоялось здѣсь всегда портику, прислоненному къ главной входной стѣнѣ зданія храма. Въ отличіе отъ нарѳикса внутренняго его называютъ опредѣленнѣе *нарѳиксомъ внѣшнимъ* (ἐξωνάρθηξ).

---

(1) Бесѣд. на посл. къ Ѳессалон. Бес. 11. 4. Migne, t. LXII, col. 466: ἐν ταῖς ἐκκλησίαις καὶ ἐν τοῖς μαρτυρίοις προκάθηνται τῶν προπυλαίων οἱ πενητες.... κυνες γαρ εἰσιν οὗτοι τίνες θαυμασταὶ τῶν αὐλῶν τῶν βασιλικῶν.... τὴν αὐλὴν φιλάττουσι τὴν βασιλικὴν.

(2) Внѣшняго портика при входѣ въ храмъ не было иногда только въ томъ случаѣ, когда былъ дворъ при храмѣ и нарѳиксъ внутренній. Въ примѣръ можно указать на базилику св. Агнессы въ Римѣ. Lenoire, I. fig. 69. Но это случалось весьма рѣдко.

(3) Anonimi Descript. templi s. Sophiae. Vid. Ducang. Comment. in Paul silent. въ Боннск. изд. виз. истор. т. VII, стр. 75.

(4) Ibid., Анонимъ эти четыре нарѳикса обозначаетъ словомъ: φίναξ. Отсюда можно заключить, что разумѣются здѣсь нарѳиксы внѣшніе.

Кромѣ этого портика или нарѳикса въ составъ внѣшняго притвора древне-христіанскихъ храмовъ входилъ еще *дворъ* (atrium, ἄυλη). Дворъ не составлялъ впрочемъ необходимой принадлежности всякаго храма и повидимому не имѣлъ особеннаго вполнѣ опредѣленнаго назначенія; большею частію онъ былъ только какъ бы дополненіемъ внѣшняго нарѳикса. По крайней мѣрѣ по назначенію своему онъ не отличался отъ этого послѣдняго: въ немъ могли стоять кающіеся послѣдняго класса—плачущіе (1), имѣвшіе право стоять и въ нарѳиксѣ; дворъ и нарѳиксъ могли такимъ образомъ замѣнять другъ друга. Вообще дворы устроялись при храмахъ вѣроятно не столько вслѣдствіе дѣйствительной потребности, вытекавшей изъ особенностей христіанскаго богослуженія, сколько по символическимъ и техническимъ соображеніямъ, чтобы придать, наприм., болѣе художественной законченности зданію, и всегда составляли нѣкотораго рода роскошь. Поэтому въ первые три вѣка, когда христіане заботились только о необходимомъ, дворы при ихъ храмахъ едвали могли существовать. При храмахъ, устроенныхъ въ частныхъ домахъ или экусахъ, было правда помѣщеніе почти совершенно сходное съ дворомъ и носившее тоже названіе—это atrium или перистиль, обыкновенно имѣвшій мѣсто предъ входомъ въ экусъ, но этотъ перистиль входилъ въ систему конструкціи самыхъ домовъ и не извѣстно, насколько необходимымъ и полезнымъ считали его христіане для своихъ богослужебныхъ собраній. Что же касается открытыхъ храмовъ, то до IV в. едвали могло быть здѣсь что-либо подобное (2). Зато въ IV и V вв. дворъ при ба-

(1) Евсевій, Церк. ист. кн. X, гл. 4, говоритъ, что дворъ былъ приличнымъ помѣщеніемъ для имѣющихъ нужду въ первоначальномъ наставленіи (*τοῖς τε τῶν πρώτων εἰσαγωγῶν ἔτι δεομένοις*). Полагаютъ обыкновенно, что Евсевій разумѣетъ здѣсь именно кающихся первой степени. Bingham, Origin. Lib. VIII. c. III § 5.

(2) Нѣкоторые (Bingham ibid.) указаніе на существованіе дворовъ въ храмахъ III в. видятъ въ словахъ Тертулліана—De pudicit, c. IV—

зиликахъ устроялся такъ часто, что трудно указать примѣръ, гдѣ бы его не было. Впослѣдствіи впрочемъ дворы эти почти вездѣ были уничтожены, такъ что въ настоящее время, наоборотъ, трудно указать храмъ, который бы сохранялъ при себѣ дворъ. Можно указать сравнительно на немногіе только примѣры. Таковы базилики св. Лаврентія и Климента въ Римѣ, Гервасія и Протасія въ Миланѣ, св. Димитрія въ Ѳессалоникѣ и нѣкоторые другіе, при которыхъ дворы существуютъ и до сихъ поръ. Нѣкоторые изъ этихъ дворовъ очень древняго происхожденія и хотя не разъ вѣроятно были реставрированы, но при этомъ едвали терпѣли какія либо существенныя измѣненія и потому могутъ служить наглядным и достовѣрнымъ объясненіемъ устройства этой части храмовъ въ древности. Впрочемъ устройство древнихъ церковныхъ дворовъ хорошо извѣстно и безъ того по древнимъ очень подробнымъ ихъ описаніямъ особенно у Евсевія и Павла ноланскаго. Дворы эти имѣли обыкновенно довольно обширные размѣры, четырехугольную, квадратную или продолговатую (1) форму и внутри со всѣхъ четырехъ сторонъ обносились портиками, изъ коихъ одинъ, соприкасающійся съ фасадомъ церкви былъ въ тоже время и нарѳиксомъ. По словамъ Евсевія епископъ Павлинъ, строитель Тирской базилики „между храмомъ и вратами ограды, оставивъ весьма большое мѣсто, украсилъ его со всѣхъ сторонъ вокругъ четырьмя портиками и далъ ему видъ четырехъугольника, поддерживаемаго вездѣ колоннами. Въ промежуткахъ же между колоннами устроилъ деревянныя приличной высоты рѣшетки, а

Reliques autem libidinum furias .. non modo limine, verum omni ecclesiae tecto submovemus, quia non sunt delicta sed monstra. Но очевидно, чтобы усмотрѣть здѣсь такое указаніе нужно прибѣгнуть къ большимъ натяжкамъ.

(1) Такъ продолговатую форму имѣетъ дворъ въ базиликахъ Гервасія и Протасія въ Миланѣ. Hubsch. Pl. III. 14.

пространство между портиками оставилъ открытымъ, чтобы видно было небо и проходилъ свѣжій, освѣщенный солнечными лучами воздухъ. Здѣсь противъ храма далъ онъ мѣсто символамъ очищенія, т. е. ископалъ источники, которые вступающимъ внутрь священной ограды доставляютъ въ изобиліи воду для омовенія" (1). Такой же дворъ съ портиками, рѣшетками и фонтаномъ былъ и въ базиликѣ св. Феликса, описанной Павломъ ноланскимъ. По словамъ этого писателя во дворѣ базилики св. Феликса „позволено было всѣмъ прохаживаться подъ портиками и въ случаѣ усталости опираться на рѣшетки, которыя простирались между колоннами, и смотрѣть на игру воды" (2) въ фонтанѣ, находившемся среди двора.

Фонтаны эти были почти необходимою принадлежностію всякаго двора и вообще внѣшняго притвора базиликъ: когда не было двора ихъ помѣщали въ нароиксахъ. О нихъ упоминаютъ очень многіе древніе писатели, называя ихъ различными именами, указывающими или на ихъ форму, или на украшенія и назначеніе — cantharus, *φιάλη*, *λεοντάπιον* и др. (3). Они дѣлались изъ разныхъ цѣнныхъ матеріаловъ, всего чаще изъ мрамора и украшались иногда самымъ великолѣпнымъ образомъ металлами, мозаикой и т. п. Форма ихъ была довольно разнообразна и иногда очень изящна. Фонтаны наиболѣе простой, древней и распространенной формы состояли изъ довольно высокаго мраморнаго столбика съ небольшимъ мраморнымъ же сосудомъ на верху — cantharus-омъ,

---

(1) Церк. ист. X. 4.

(2) Migne. Patrol. t. LXI. c. 664. Poem XXVIII. v. 44—49.

(3) Сократъ, кн. II, гл. 38 называетъ его *φρέαρ*; встрѣчаются также названія: *κρήνη*, nimpheum, *κολυμβεῖον*. Наиболѣе употребительное названіе cantharus указываетъ вѣроятно на сходство употреблявшейся здѣсь вазы съ однимъ родомъ древнихъ сосудовъ, или подвѣсныхъ лампадъ, носившихъ тоже названіе. Рис. см. у Martigny, Dictionn. Art. Cantharus. 2 ed.

изъ внутренности котораго била вода. Наглядное понятіе о фонтанахъ этой формы даетъ мозаика въ храмѣ св. Виталія въ Равеннѣ, гдѣ изображена императрица Ѳеодора, жена Юстиніана, входящею въ храмъ въ сопровожденіи придворныхъ и гдѣ видно также и изображеніе фонтана во дворѣ этого храма (1). Но иногда фонтаны эти имѣли болѣе сложное устройство и состояли изъ большихъ вазъ, украшенныхъ изваяніями разныхъ животныхъ, наприм., львовъ, которые должны были извергать воду. Иногда они окружаемы были рѣшетками и колоннами, которыя поддерживали кровлю и образовали вокругъ нихъ небольшой портикъ въ формѣ круглой бесѣдки или башни. По свидѣтельству Павла ноланскаго таковъ былъ фонтанъ, устроенный имъ во дворѣ базилики св. Фелицса въ Нолѣ (2) и фонтанъ во дворѣ базилики св. Петра въ Римѣ (3). Портикъ надъ этимъ послѣднимъ состоялъ изъ четырехъ колоннъ и круглой кровли; впослѣдствіи вмѣсто четырехъ поставлено было здѣсь восемь мраморныхъ богато украшенныхъ колоннъ, а кровля снабжена была мѣдною обшивкою (4). Такіе фонтаны съ колоннами и большею частію съ восемью сохранились и до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ одинъ изъ новыхъ французскихъ ученыхъ Мецьеръ, описывая одну очень древнюю церковь въ монастырѣ св. Димитрія на горѣ Осса въ древней Магнезіи, указываетъ во дворѣ ея и до сихъ поръ сохранившійся фонтанъ — cantharus, украшенный красивыми

(1) Рис. см. Lenoire, Architecture monastique, I, p. 100, fig. 60.

(2) Migne, Patrol. t. LXI. c. 663. Poem XXVIII, v. 31, 32:

Cujus in exposito praelucens cantharus extat,
Quem cancellato tegit aerea culmine turris.

(3) Ibid. col. 215. Ep. XIII: ubi cantharum ministra manibus et oribus nostris fluenta ructantem, fastigatus solido aere tholus ornat et inumbrat, non sine mystica specie quatuor columnis salientes aquas ambiens.

(4) Ibid. col. 851, not. 42.

колоннами (1). Въ базиликѣ св. Димитрія въ Θессалоникѣ также цѣлъ еще фонтанъ въ видѣ большой вазы изъ бѣлаго мрамора, окруженный восемью колоннами (2). Такіе же фонтаны, но позднѣйшаго происхожденія, имѣющіе форму круглыхъ зданій на колоннахъ существуютъ въ нѣкоторыхъ аѳонскихъ монастыряхъ (3). Иногда фонтаны эти имѣли довольно значительные размѣры такъ что могли бы служить и для крещенія, но едвали когда исполняли такое назначеніе.

Существованіе ихъ условливалось очень распространеннымъ у древнихъ христіанъ обычаемъ омывать лице и руки предъ входомъ въ храмъ. Обычай этотъ вошелъ у нихъ въ употребленіе съ очень ранняго времени и находился повидимому въ связи съ подобнымъ же обычаемъ окропленія или омовенія передъ молитвою, существовавшимъ въ до-христіанскихъ культахъ, въ классическихъ (4), восточныхъ, равно какъ и въ еврейскомъ. Во времена Тертулліана нѣкоторые христіане придавали соблюденію этого обычая даже слишкомъ большое значеніе, возводя его на степень какъ бы неизмѣннаго правила богослужебной дисциплины. Тертулліанъ сильно вооружается противъ этого и въ свою очередь впадаетъ въ крайность, отнимая у указаннаго обряда почти всякую символическую цѣнность и даже сближая его съ омо-

---

(1) Archiv des miss. scientifiques et litteraires t. III. p. 145, Martigny, Dictionnaire, 2 ed. Art. Cantharus, p. 120.

(2) Lenoire, Architecture monastique, t. I. p. 241.

(3) Ibid. p. 242, fig. 156, 157.

(4) Сенека (Ep. CXXI) упоминаетъ о священной водѣ, находившейся въ вестибулахъ храмовъ. Обычай окропленія этою священною водою существовалъ въ греко-римскомъ культѣ даже до позднѣйшаго времени. Созоменъ (Цер. ист. кн. VI, гл. 6) разсказываетъ, что когда однажды Юліанъ вмѣстѣ съ Валентиніаномъ входили въ храмъ для принесенія жертвы, то *θάλλος τίνας διαῤῥόχθος κατέχων ὁ ιερεὺς νόμῳ ἑλληνικῷ περιέῤῥαινε τοὺς εἰσιόντας.*

веніемъ рукъ Пилата. „Гдѣ тутъ смыслъ—говоритъ онъ—приступать къ молитвѣ съ руками умытыми, а съ душею грязною, когда и для чистоты самыхъ рукъ необходима духовная чистота, чтобы они были чисты отъ обмана, отъ убійства, отъ волхвованія, отъ идолопоклонства и другихъ пятенъ.... Я тщательно изслѣдовалъ—говоритъ онъ далѣе—и доискивался основанія этого обычая и нашелъ, что онъ напоминаетъ предательство Господа, но мы Господу служимъ, а не предаемъ его. Мы должны бы даже избѣгать подражанія предателю, *развѣ тогда только обмывать руки*, когда бы послѣ какихъ либо случаевъ соприкосновенія съ мірскимъ совѣсть находила ихъ замаранными. Всегда достаточно чисты руки, которыя разъ со всѣмъ тѣломъ, мы омыли во Христѣ“ (1). Впрочемъ такое строгое воззрѣніе встрѣчается только у Тертулліана. Въ IV в. многіе отцы и учители церкви весьма ясно говорятъ объ умовеніи рукъ, какъ объ обычаѣ общепринятомъ въ церкви и многознаменательномъ (2). Златоустъ наприм., упоминаетъ о немъ неоднократно, частію находя въ немъ символическое указаніе на обязанность каждаго христіанина очищать свою душу, частію считая его необходимымъ въ виду святости евхаристіи, къ которой нужно было прикасаться руками во время пріобщенія. „Скажи, дерзнулъ ли бы ты—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—съ неомытыми руками приступить къ жертвѣ? Не думаю. Напротивъ, ты скорѣе рѣшишься вовсе не приступать, чѣмъ приступать съ нечистыми руками“ (3).

---

(1) Migne. Patrol. curs. ser. lat. t. I, col. 1167—1169, De oratione c. XII, XIII.

(2) Кириллъ іерусалимскій въ 5-мъ тайноводственномъ поученіи говоритъ, что «омовеніе рукъ означаетъ чистоту сердца, которая должна быть всегда присуща христіанину при совершеніи священныхъ дѣйствій».

(3) Migne. Patrol. ser. gr. t. LXII col. 28. 29. Бес. на посл. къ Ефес. Ш. 4. См. также бес. 52 на Мѳ. и 52 на Іоан.

Вообще обычай этотъ въ древности держался главнымъ образомъ вѣроятно потому, что вѣрующіе въ то время должны были принимать евхаристическій хлѣбъ прямо въ руки. Когда же введена была для пріобщенія лжица, то обычай омовенія рукъ началъ менѣе строго соблюдаться и остался обязательнымъ только для священнослужителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и фонтаны во дворахъ храмовъ начали рѣже устрояться и мало-по-малу вовсе вышли изъ употребленія, вмѣстѣ съ дворами.

Такъ какъ дворы эти съ портиками и фонтанами съ давняго времени уже не употребляются, то на нихъ можно смотрѣть, какъ на нѣкотораго рода особенность въ устройствѣ храмовъ древне-христіанскихъ. Но эта особенность — не единственная. Одну изъ важнѣйшихъ составляютъ еще такъ называемые баптистеріи или крещальни.

Крещальни имѣли очень важное значеніе и занимали весьма видное мѣсто въ общемъ расположеніи древне-христіанскихъ храмовъ, хотя и не составляли неизбѣжной принадлежности каждаго изъ нихъ. Первоначально ихъ даже вовсе не было: крестили всюду, гдѣ находили къ тому возможность. Діаконъ Филиппъ крестилъ эвнуха царицы Кандакіи въ первомъ попавшемся источникѣ (Дѣян. VIII. 38). Ап. Павелъ также въ первомъ встрѣтившемся источникѣ крестилъ женщину, по имени Лидію, торговавшую пурпуромъ. Іустинъ мученикъ (1) и Тертулліанъ свидѣтельствуютъ, что и въ ихъ время крещеніе въ рѣкахъ и источникахъ было обычнымъ явленіемъ. Тертулліанъ говоритъ, что въ Римѣ крестили въ Тибрѣ и что крещеніе, полученное въ этой рѣкѣ ничѣмъ не отличается отъ того, которое получается въ Іорданѣ (2). Кромѣ рѣкъ и источниковъ служили для той же цѣли

(1) Apol. II.

(2) De baptismo, c. 1.

и другія удобныя къ тому мѣста. Такъ по древнему римскому преданію апостолы Петръ и Павелъ, находясь въ Мамертинской тюрьмѣ крестили своихъ стражей Процесса и Мартиніана въ колодцѣ, который тамъ и до сихъ поръ показываютъ (1). Въ послѣдующія времена случалось тоже самое, и христіанская дисциплина въ этомъ отношеніи никогда не предписывала никакихъ стѣснительныхъ правилъ. Однакожъ и въ то время должна была сознаваться нужда въ особыхъ помѣщеніяхъ для крещенія, такъ какъ неудобства отъ отсутствія такихъ помѣщеній очевидны сами собою и должны были давать себя чувствовать особенно во времена гоненій. Поэтому наряду съ крещеніемъ въ рѣкахъ и въ подобныхъ случайныхъ мѣстахъ съ глубокой древности существовало также крещеніе и въ особо устроенныхъ для того при церквахъ, или вообще вблизи мѣстъ, назначенныхъ для богослуженія, крещальняхъ. Такъ по очень древнему преданію, сохраненному въ Liber pontificalis, еще во второй половинѣ II в. папа Пій I (168—175), освятивъ по просьбѣ св. Пракседы церковь въ термахъ Новата (или въ домѣ Новата, находившемся на развалинахъ термъ), здѣсь же внутри устроилъ и крещальный источникъ, въ которомъ многихъ крестилъ (2). Затѣмъ, когда христіане начали совершать евхаристію на гробахъ мучениковъ въ катакомбахъ, тамъ же стали устроять и крещальни. Нѣкоторыя изъ этихъ крещаленъ сохранились и до сихъ поръ, напр., въ усыпальницахъ Ватиканской, Остріанской, Прискиллы, Каллиста, Александра, Понтіена. Самою замѣчательною считается крещальня въ усыпальницѣ

(1) Aringhi, Roma sotterr. t. I. p. 200. Martigny, Dictionnaire, 2 ed. Art. Baptisteres, p. 83.

(2) Migne, Patrol. t. CXXVI, col. 1215. Lib. pont. 12. Hic ex rogatu beati Praxedis dedicavit ecclesiam thermas Novati.... imo et fontem baptismi construi fecit, manu sua benedixit et consecravit, et multos venientes ad fidem baptizavit.

Понтіена. Здѣсь совершалъ крещеніе папа св. Стефанъ (257—260) во время гоненія Валеріанова (1). Крещальня эта украшена живописями, изъ которыхъ главная представляетъ крещеніе Спасителя въ Іорданѣ. Здѣсь же можно видѣть изображеніе креста, у котораго концы поперечной перекладины украшены сверху двумя зажженными канделябрами, а снизу буквами: α и ω, подвѣшенными на колечкахъ; подножіе этого креста погружено въ сосудъ съ водою для того конечно, чтобы показать, что вода получаетъ свойство очищать грѣхи силою креста. Живописи эти позднѣйшаго сравнительно происхожденія—и это показываетъ, что крещальня Понтіена исполняла свое назначеніе и позднѣе вѣка гоненій, какъ и нѣкоторые другіе крещальни катакомбъ. Наприм., въ крещальнѣ катакомбы Остріанской по римскому преданію папа Ливерій крестилъ въ разное время болѣе 4000 человѣкъ. Хотя при этомъ папѣ въ Римѣ были уже и открытыя крещальни, но такъ какъ совершеніе евхаристіи при гробахъ мучениковъ въ это время еще не прекратилось, то не прекратилось и совершеніе крещенія въ подземныхъ крещальняхъ.

При Константинѣ великомъ, когда начали во множествѣ строить новые и великолѣпные храмы и возстановлять въ лучшемъ видѣ старые, разрушенные во время предшествовавшаго гоненія, вмѣстѣ съ тѣмъ стали устроять при этихъ храмахъ и особыя мѣста для крещенія. Въ Тирской базиликѣ—сколько извѣстно первомъ изъ храмовъ построенныхъ при Константинѣ—были устроены особыя мѣста „для людей, имѣющихъ нужду въ очищеніи и омовеніи водою и Святымъ Духомъ“. Это были „весьма искусно устроенные притворы или просторныя комнаты“, находившіеся въ связи съ боковыми стѣнами храма и соединявшіеся входами съ среднею его частію (2). Если

(1) Baronii Annal. ad an 259. Martigny, ibid.

(2) Евсевій, Церк. ист. кн. X, гл. 4.

здѣсь идетъ рѣчь о крещальняхъ—что едвали можетъ подлежать сомнѣнію — и притомъ двухъ, вѣроятно мужской и женской, то крещальни эти очевидно находились въ самой базиликѣ, въ ея боковыхъ притворахъ, а можетъ быть и въ боковыхъ корабляхъ. По крайней мѣрѣ, устроять крещальни въ какомъ либо изъ боковыхъ кораблей базиликъ было въ обычаѣ на востокѣ и въ очень раннее время. Примѣромъ можетъ служить базилика Виѳлеемская, гдѣ крещальная кадь устроена въ одномъ изъ боковыхъ кораблей (1).

Но чаще всего съ IV в. помѣщенія для крещенія устроялись въ особыхъ зданіяхъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ храмовъ, большею частію противъ главнаго входа въ самой тѣсной связи съ внѣшнимъ притворомъ, такъ что для того, чтобы изъ храма попасть въ баптистерій, нужно было перейти только чрезъ небольшую открытую площадку или дворъ, или даже только чрезъ внѣшній портикъ. Этимъ давалось какъ бы понять, что крещеніе есть дверь, вводящая въ церковь Божію—мысль, которую древніе отцы и учители церкви развивали очень часто. Нѣсколько примѣровъ такого расположенія можно видѣть и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на западѣ и на востокѣ. Такъ при базиликѣ въ Торчелло баптистерій стоитъ прямо противъ дверей церковныхъ и отдѣляется отъ церкви только внѣшнимъ портикомъ (2). Иногда баптистеріи помѣщались и сбоку базиликъ, но также въ ближайшемъ разстояніи отъ нихъ (3). Поэтому впослѣдствіи многіе изъ этихъ зданій безъ труда присоединены были къ самымъ храмамъ и вошли даже въ составъ ихъ внутренности (4).

(1) Vogue, Les eglises de Terre sainte, Pl. II.

(2) Hubsch, Pl. XVII. 7.

(3) Lenoire, Architecture monastique, t. I, fig. 115.

(4) Наприм. баптистерій въ г. Э (Aix) нынѣ входитъ въ составъ внутренности каѳедральной церкви, хотя первоначально былъ отдѣльнымъ зданіемъ. Martigny, Dictionnaire 2 ed. p. 84. Art. Baptisteres.

Но большая часть древнихъ крещаленъ и до сихъ поръ существуютъ въ качествѣ отдѣльныхъ зданій, хотя уже утратили свое первоначальное назначеніе. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ еще въ древности начали ставить особые алтари большею частію съ реликвіями св. Іоанна Предтечи и исключительно посвященные его имени (1). Такіе крещальни поэтому и назывались чаще всего крещальными церквами (ecclesiae baptismales), церквами св. І. Крестителя или св. Іоанна на источникѣ (ecclesiae s. J. Baptistae. s. Joanni in fonte). Впослѣдствіи всѣ онѣ превращены были въ настоящія церкви, равно какъ и другія, которыя въ древности не имѣли алтарей. Въ настоящее время большая часть изъ нихъ также извѣстны подъ именемъ церквей св. Іоанна на источникѣ, но есть между ними и такіе, которыя посвящены другимъ святымъ. Самыми древними и замѣчательными считаются два баптистерія въ Римѣ, одинъ при Латеранской базиликѣ—S. Giovanni in fonte—единственный баптистерій, и до сихъ поръ сохранившій всѣ принаровленія для крещенія (2)—и другой при базиликѣ св. Агнесы—нынѣ церковь св. Констанціи.

Планъ древнихъ крещаленъ всегда былъ центрическій, круглый или многоугольный, всего чаще осмиугольный (3). Такъ, круглую форму имѣютъ крещальни въ Пизѣ и Пистойѣ, осмиугольную — крещальни Латеранская. Миланская, Флорентійская, Веронская и др. Встрѣчаются иногда крещальни шестиугольныя, наприм. въ Сьенѣ, Пармѣ, Аквилеѣ, въ Деиръ-Сетѣ (въ Сиріи). Крещальня въ Барѣ въ Пюильѣ, относящаяся къ IV в.—снаружи круглая, а внутри осмигранная.—Въ общемъ это всегда зданія башне-

(1) Martigny, Dictionnaire 2 ed. Art. Baptisteres VII, p. 84.

(2) Въ настоящее время этотъ баптистерій посредствомъ разныхъ пристроекъ соединенъ съ базиликой. См. Мордвинова Путевод. по Риму, стр. 19—23.

(3) Планы у Гюбша и Вогюэ.

образныя. Со внѣшней стороны относительно всей совокупности храма они должны были производить эффектъ, похожій на тотъ, который въ настоящее время производится башнями, назначенными для колоколовъ, или колокольнями. Каковъ былъ этотъ эффектъ, можно судить отчасти по указанному нами выше изображенію на одномъ древнемъ саркофагѣ Латеранскаго музея, гдѣ представлена базилика и около нея баптистерій въ формѣ круглой башни, на вершинѣ которой водруженъ labarum. Башнеобразная форма выступаетъ здѣсь совершенно явственно и производитъ своеобразное впечатлѣніе. Такъ какъ башни начали строить при церквахъ уже тогда, когда крещальни, какъ особыя зданія стали выходить изъ употребленія, то и представляется вѣроятнымъ, что онѣ явились какъ бы замѣною крещаленъ, и что эти послѣднія служили для нихъ какъ бы первообразомъ.

Иногда зданія крещаленъ были довольно обширны и назывались великими (1). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ могли происходить даже соборы. Указанія на это можно находить въ актахъ вселенскаго халкидонскаго собора (2) и одного изъ помѣстныхъ константинопольскихъ (3), а также и въ томъ обстоятельствѣ, что въ нѣкоторыхъ крещальняхъ встрѣчаются символическія изображенія соборовъ. Такова мозаика въ церкви св. Іоанна на источникѣ въ Равеннѣ—бывшемъ баптистеріи: на ней изображены двѣ епископскія каѳедры и посрединѣ столъ съ раскрытымъ евангеліемъ (4). Внутри крещальни эти состояли иногда изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Такъ Кириллъ іерусалимскій въ своей крещальнѣ различаетъ: *προάυλιον οἶκον*—притворъ, гдѣ

(1) *Μέγα φωτιστήριον*. Chron. paschal. Vid. ap. Bingham, Origin. Lib. VIII. c. VII, § 2.

(2) Дѣян. соб. рус. пер. т. III. стр. 299, изд. 1-е.

(3) Дѣян. помѣстн. соб. рус. пер. Казань 1877, стр. 228.

(4) Martigny, Dictionnaire, 2 ed. Art. Baptisteres IV, p. 8[illegible].

приступающіе ко крещенію отрицались сатаны, и внутреннее помѣщеніе—ἐσώτερον οἶκον, гдѣ они крестились чрезъ погруженіе (1). Кромѣ того крещальни дѣлились иногда внутри на отдѣленія мужское и женское (2), но не всегда: иногда мужчины и женщины крестились въ одномъ бассеинѣ, конечно не въ одно время. Обширность крещаленъ условливалась съ одной стороны тѣмъ, что оглашенные всегда должны были значительное время ждать крещенія и креститься массами въ извѣстныя назначенныя для того времена, частію же тѣмъ, что крещеніе всегда совершалось чрезъ погруженіе и потому самая купель крещенія должна была имѣть значительные размѣры и требовать обширнаго помѣщенія.

Купель или крещальная кадь — piscina, κολυμβήθρα — помѣщалась обыкновенно въ центрѣ зданія крещаленъ и была устроена изъ мрамора или подобнаго матеріала съ различными украшеніями. Купель эта обильно снабжалась водою чрезъ особые водопроводы и уставлялась въ углубленіи пола такъ, что края ея приходились почти вровень съ поломъ. Поэтому въ нее нужно было низходить, а изъ нея восходить, для чего въ каждой купели устроялось по символическимъ основаніямъ семь ступеней: три справа служили для схожденія, а три слѣва—для восхожденія; въ срединѣ между входомъ и восходомъ была площадка для священника и воспреемника—это была седьмая ступень (3). Форма купелей была большею частію круглая или осмиугольная, но иногда устроялись купели и необыкновенныхъ формъ, именно: иногда имъ давали наприм., видъ креста (4). Снаружи

(1) Кириллъ іерус. тайнов. поуч. I 1. II, 2.

(2) Augustin, De civit. Dei, Lib XXII. c. 13.

(3) Isidori Hispal., De eccles. offic. Lib. II. cap. 25. Migne. Patrol. t. LXXXIII.

(4) Greg. touron., De gloria mart. I. 21. Migne, t. LXXI, c. 725: Piscina namque est apud Osen campum antiquitus sculpta et ex marmore vario in modum crucis, miro composita opere.

крещальная купель окружалась иногда невысокимъ барьеромъ и колоннами, поддерживавшими болѣе или менѣе сложный эпистиль безъ кровли. Въ срединѣ купели ставился обыкновенно болѣе или менѣе высокій столбикъ съ урною на верху или съ изваяніемъ какого-либо животнаго, агнца или оленя, извергающихъ воду, наполняющую купель. Иногда же изваяніе, извергающее воду, помѣщалось сбоку купели, а урна служила для куреній. Вверху надъ купелью привѣшивался голубь, золотой или серебряный, бывшій символомъ Святаго Духа и заключавшій въ себѣ или освященный елей для оглашенныхъ, или святое мyро для крещаемыхъ. Всѣ эти изваянія оленей, агнцевъ, голубя и другія помимо своего символическаго значенія имѣли большую цѣну и какъ украшенія, такъ какъ выполняемы были постоянно изъ дорогихъ матеріаловъ и очень искусно. Какъ иногда великолѣпны были украшенія крещальныхъ купелей, можно судить по древнему описанію купели Латеранскаго баптистерія, украшенной Константиномъ великимъ. Бассейнъ здѣсь высѣченъ былъ изъ порфира и покрытъ былъ серебряными листами въ 3008 фунтовъ вѣсомъ. Въ срединѣ купели стояли порфировыя колонны, поддерживавшія золотой сосудъ въ 52 ф. вѣсомъ, который назначенъ былъ для куреній и въ которомъ во время пасхи сжигалось до 200 ф. благовоній. Сбоку бассейна стоялъ агнецъ изъ чистаго золота въ 30 ф. вѣсомъ, извергающій воду. По правую сторону агнца стояла статуя Спасителя изъ чистаго серебра въ 5 футовъ высоты и 170 фунтовъ вѣсу, а по лѣвую сторону -- статуя I. Крестителя, серебряная же и такой же высоты. Въ рукахъ Іоанна была досточка съ надписью: ecce agnus Dei, ecce qui tollit peccatum mundi. Кромѣ того здѣсь были изваянія семи оленей пьющихъ воду, изъ серебра, каждый въ 80 фунтовъ вѣсу и золотая кадильница, украшенная

42 драгоцѣнными камнями и вѣсившая 10 фунтовъ (1). Впослѣдствіи купель эта стараніями разныхъ папъ украшена была еще болѣе. Такъ Сикстъ III (432—440) поставилъ вокругъ нея порфировыя колонны съ эпистилемъ и украсилъ ихъ надписями (2). Иларій (461—467) — поставилъ трехъ серебряныхъ оленей, извергающихъ воду и подвѣсилъ золотаго голубя (3). Если не столь великолѣпныя, то подобныя же украшенія существовали и въ другихъ крещальняхъ.

Описаннаго рода крещальни, хотя были и отдѣльными, самостоятельными зданіями и имѣли мѣсто внѣ храма въ собственномъ смыслѣ, но они существенно отличались отъ всѣхъ другихъ церковныхъ пристроекъ или экзедръ, которыя въ древности иногда строились около церквей въ значительномъ количествѣ подъ разными названіями, наприм., secretarium, diaconicum magnum, bibliotheca и т. п. Всѣ эти послѣдняго рода зданія не имѣли большею частію никакого отношенія къ богослуженію и служили для разныхъ потребностей священнослужителей и прихода. Крещальни же имѣли такую же тѣсную связь съ богослуженіемъ, какъ и самые храмы, такъ какъ въ нихъ совершалось первое христіанское таинство, которое составляло въ древности не только одну изъ наиболѣе существенныхъ, но и наиболѣе развитыхъ составныхъ частей общественнаго богослуженія, одинъ изъ тѣхъ центровъ, вокругъ которыхъ развивалась величественная система христіанскаго культа. Другимъ такимъ центромъ была евхаристія, съ которою крещеніе имѣетъ тѣснѣйшую связь, такъ какъ участіе въ евхаристіи вполнѣ обусловлено имъ и воз-

---

(1) Migne, Patrol. curs. t. CXXVII. c. 1515—1518. Lib pontif. 36. Тоже въ Libellus de munific. Const. Migne, t. VIII.

(2) Migne, Patrol. t. CXXVIII. c. 227. Lib. pont. 65; Hic fecit ornamentum super fontem, quod ante ibi non erat, id est epistylia marmorea et columnas porphyreticas erexit... quas et versibus exornavit.

(3) Ibid. c. 347. Lib. pont. 70.

можно для человѣка только послѣ того, какъ чрезъ крещеніе онъ дѣлается членомъ царства Христова. Эта связь въ древности особенно ясно чувствовалась и выступала на видъ. У древнихъ отцевъ церкви, наприм., Іустина мученика, Діонисія ареопагита, Кирилла іерусалимскаго и др. описаніе обрядовъ крещенія постоянно помѣщается предъ описаніемъ обрядовъ евхаристіи и въ непосредственной съ нимъ связи. Отсюда и тѣсное отношеніе крещаленъ къ общему составу храмовъ, вслѣдствіе чего крещальни, хотя существовали не во всѣхъ храмахъ, а большею частію только въ храмахъ епископскихъ, всегда однакожъ считались одною изъ существенныхъ составныхъ частей христіанскаго храма вообще. Тотъ храмъ, гдѣ не было крещальни, считался какъ бы не полнымъ по своему устройству, и христіанскіе строители, когда желали, чтобы ничего не недоставало построеннымъ ими церквамъ, обыкновенно присоединяли къ нимъ и баптистеріи (1). Вообще существованіе крещаленъ въ качествѣ отдѣльныхъ зданій вытекало не столько изъ сущности дѣла, сколько изъ случайныхъ обстоятельствъ времени. Такіе крещальни нужны были въ то время, когда крестились большею частію взрослые послѣ длиннаго приготовленія и большими массами. По минованіи этого времени нужда въ отдѣльныхъ и обширныхъ крещальняхъ значительно ослабѣла и потому крещальныя купели уже въ VI в. стали переносить въ нарѳиксъ, а потомъ и во внутренность храмовъ (2).

Всѣ перечисленныя нами составныя части христіанскаго храма имѣли, такимъ образомъ, каждая свое особое устройство и свое особое убранство, сообразное съ своимъ назначеніемъ. Каждая изъ нихъ была приноровлена къ помѣщенію извѣстнаго класса

(1) Greg. toûron. Hist. Franc lib. X. c. 31. § 19. Migne t. LXXI, c. 571.

(2) Ibid. II, 31. col. 226.

вѣрующихъ и къ совершенію извѣстныхъ священныхъ дѣйствій и составляла какъ бы нѣчто особое и цѣлое. Но при всей своей особности всѣ онѣ находились въ самой тѣсной органической связи другъ съ другомъ и съ цѣлымъ. Онѣ раздѣлялись между собою болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ, но это раздѣленіе, сообразно съ духомъ христіанскаго культа, указывало болѣе на порядокъ и дисциплину, чѣмъ на что-либо другое и не могло служить препятствіемъ для соединенія, когда нужно было, всѣхъ вѣрующихъ въ общей и единогласной молитвѣ. Алтарь отдѣлялся рѣшеткою, но въ тоже время устроялся такъ, что его можно было видѣть со всѣхъ пунктовъ храма; средняя часть храма отдѣлялась отъ притвора, но не настолько, чтобы стоящіе здѣсь не могли слушать писаній; даже стоящіе за дверьми во внѣшнемъ притворѣ, въ извѣстное время, когда двери еще не были заперты, могли видѣть и слышать отчасти, что происходитъ въ храмѣ. Вообще въ христіанскомъ храмѣ все направлено было къ тому, чтобы множество народа могло съ удобствомъ участвовать въ общемъ богослуженіи и, расположившись въ порядкѣ, могло видѣть и слышать все происходящее въ храмѣ. Это свойство христіанскаго храма ясно выступаетъ на видъ въ извѣстномъ прекрасномъ описаніи христіанскаго храма, заключающемся въ стихотвореніи Григорія Назіанзена: Сонъ о храмѣ св. Анастасіи. „Мнѣ представлялось—говоритъ здѣсь св. Григорій—что я сижу на высокомъ тронѣ. По обѣ стороны ниже меня сидѣли пресвитеры—вожди стада почтенные возрастомъ; въ пресвѣтлыхъ одеждахъ предстояли діаконы, какъ образы ангельской свѣтозарности. Изъ народа же одни, какъ пчелы, жались къ рѣшеткѣ, и каждый усиливался подойти ближе; другіе тѣснились въ священныхъ преддверіяхъ, равно поспѣшая и слухомъ и ногами, а иныхъ препровождали еще къ слушанію словъ моихъ пестрыя торжища и звучащія подъ ногами улицы. Чистыя дѣвы вмѣстѣ съ благо-

родными женами съ верхнихъ галлерей преклоняли благочинный слухъ“ (1). Въ самомъ дѣлѣ христіанскій храмъ, наполненный народомъ, который слушаетъ поученіе епископа, сидящаго въ глубинѣ абсида на высокой каѳедрѣ и окруженнаго пресвитерами и діаконами—долженъ былъ представлять величественное зрѣлище, ни съ чѣмъ не сравнимое и достойное поэтическаго описанія; ни одинъ культъ, кромѣ христіанскаго не могъ представить ничего подобнаго. Зрѣлище это какъ на христіанъ, такъ и на язычниковъ, безъ сомнѣнія производило глубокое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе должно было усиливаться еще болѣе отъ той обстановки, частію иконографической, частію чисто декоративной, при которой каждый, даже мелкій архитектурный членъ зданія становился какъ бы одушевленнымъ. Къ описанію этой обстановки мы и обратимся въ слѣдующихъ своихъ статьяхъ.

Н. Красносельцевъ.

---

(1) Твор. Григ. Богосл. рус. пер. ч. IV, стр. 229—300. М. 1844.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О ТВОРЕНІИ МІРА И ЧЕЛОВѢКА

ВЪ I, II и V ГЛАВАХЪ КНИГИ БЫТІЯ,

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ПИСАТЕЛѢ КНИГИ.

—

Исторія философіи и исторія антропологіи представляютъ намъ примѣры ошибочныхъ мнѣній, вытекавшихъ изъ вопроса, котораго въ настоящій разъ мы коснемся. Извѣстно ученіе Филона о двукратномъ твореніи: идей, о которомъ говоритъ первая глава книги Бытія, и твореніи видимаго міра, описываемомъ во II главѣ. Въ XVII вѣкѣ Ляперейра возобновилъ это мнѣніе о двойственномъ твореніи и обосновалъ на немъ свою гипотезу о преадамитахъ. Двукратное сказаніе книги Бытія о твореніи міра послужило основаніемъ для обоихъ ошибокъ. Критики-раціоналисты новаго времени снова обратили вниманіе на двукратное сказаніе о твореніи міра, но рѣшили этотъ вопросъ иначе. Они признали двухъ писателей, коихъ произведенія были будто бы послѣ безъ всякой обработки включены въ нашу книгу Бытія. Съ этимъ-то послѣднимъ взглядомъ, какъ онъ обработанъ у Дильмана и Кнобеля (1), мы и будемъ имѣть дѣло.

---

(1) Kurz-gefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. Die Genesis. Aug. Knobel bearbeitet von Aug. Dillmann. 1875 г.

Главное и рѣшительное основаніе вышеуказанныхъ философскихъ, антропологическихъ и раціоналистическихъ взглядовъ заключается въ 4 стихѣ II главы, который читается такъ: „вотъ происхожденіе (1) неба и земли при сотвореніи ихъ въ то время какъ Господь Богъ создалъ землю и небо". Послѣ того, какъ писатель въ первой главѣ подробно сказалъ о твореніи неба и земли и всего міра, здѣсь онъ снова думаетъ, какъ будто, сказать о томъ же; мало того, словомъ—вотъ происхожденіе—elle toledot онъ какъ будто указываетъ на существующій у него новый манускриптъ, съ новымъ оглавленіемъ и отступленіемъ, какъ увидимъ далѣе, въ содержаніи отъ первой главы. Насколько справедливо такое предположеніе? Разберемъ это надписаніе.

Вотъ происхожденіе неба и земли или по-славянски: сія книга бытія неба и земли... По-еврейски—elle toledot haarez ve schamaim. Сдѣлаемъ прежде всего филологическій разборъ этого выраженія. Слово elle значитъ — сіи множ. ч. жен. род. указат. мѣстоименія. Toledot: Тухъ, Де-Ветте, Гупфельдъ слову toledot придаютъ значеніе происхожденія, появленія на свѣтъ, т. е. перваго момента бытія въ смыслѣ перваго стиха первой главы. Писатель, по ихъ мнѣнію, не знаетъ о сказаніи первой главы и начинаетъ свой разсказъ о происхожденіи міра. Но слово toledot никогда и нигдѣ въ такомъ значеніи не употребляется. Происходящее отъ toledet — родъ, это слово употребляется въ смыслѣ собранія родовъ—родословной, или вообще сказанія о поступкахъ родоначальниковъ исторіи (2).

Въ книгѣ же Бытія выраженіе elle toledot имѣетъ при томъ же значеніи особенный характеристи-

(1) Держимся пока нашего русскаго перевода, хотя, какъ укажемъ далѣе, мѣсто это можно читать и иначе.

(2) Исх. XXVIII. 10. Числъ III, 1. Руѳь II, 11. 1 Парал. I, 28, V, 7; VIII, 28. Gesenius. Lexicon Hebraicum et Chaldaicum, p. 1019. Wiener. Lexicon Hebraicum manuale, p. 413.

ческій оттѣнокъ. Это выраженіе указываетъ на различные отдѣлы книги и взаимную связь ихъ внѣшнюю и внутреннюю. По употребленію этого выраженія ясно представляется цѣль и планъ Моисеева сказанія. Книга Бытія дѣлится слѣдующимъ образомъ: 1-я глава есть какъ бы введеніе ко всему послѣдующему сказанію (безъ toledot); 1-й toledot II, 4 по IV главу — исторія вселенной въ связи съ первыми моментами жизни человѣка на землѣ; V—VI, 8—(2-й toledot) исторія Адама и его потомства чрезъ Сиѳа; VI, 9—IX—исторія Ноя; X—XI, 9—исторія дѣтей Ноя; XI, 10—26—исторія Сима; XI, 27—XXV, 10—исторія Ѳарры; XXV, 10—18—исторія Измаила; XXV, 19—XXXV—исторія Исаака; XXXVI—исторія Исава; XXXVII—L—исторія Іакова. Эти отдѣлы такимъ образомъ указываютъ основную мысль писателя книги Бытія: представить исторію сохраненія церкви Божіей на землѣ съ сотворенія человѣка до образованія іудейскаго народа и переходъ ея къ послѣднему. Въ нихъ дѣйствительно проводится послѣдовательная нить сохраненія вѣры и церкви въ періодъ патріархальный: основаніе церкви въ раю, сохраненіе ея у потомковъ Сиѳа, Ноя, Сима, Ѳарры... Внѣшнее построеніе начала каждаго toledot указываетъ на такое же единство и связь ихъ въ одномъ писателѣ. Начало каждаго отдѣла (toledot) всегда содержитъ указаніе на предыдущій отдѣлъ, служащій для него исходною точкою, затѣмъ нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній взятыхъ также изъ предыдущихъ отдѣловъ и необходимыхъ для веденія дальнѣйшаго разсказа и наконецъ ведется самый разсказъ. Для примѣра (опустивъ разсматриваемый и слѣдующій отдѣлъ, потому что о нихъ будемъ еще говорить) разберемъ начало нѣсколькихъ отдѣловъ. VI, 9 — „сія бытія Ноева (elle toledot Noah): Ной роди трехъ сыновей: Сима, Хама и Іафета. Ной человѣкъ праведенъ, совершенный, Богу угоди въ родѣ своемъ“... Но о рожденіи Ноемъ сыновей говорилось въ предыду-

щей V гл. 32; о его праведности также говорилось (VI, 7—8). Здѣсь такимъ образомъ писатель обращается нѣсколько назадъ, беретъ буквально нѣсколько свѣдѣній изъ предыдущаго отдѣла и ведетъ затѣмъ свой разсказъ о потопѣ, причемъ свѣдѣнія изъ предыдущаго отдѣла служатъ для него основною мыслію (благочестіе Ноя). X, 1—„сія бытія сыновъ Ноевыхъ Сима, Хама и Іафета и родишася имъ сынове по потопѣ и отъ сихъ раздѣлишася острови языковъ“... Но о сыновьяхъ Ноевыхъ и ихъ потомствѣ говорилось IX, 17; основная мысль — разселеніе народовъ взята буквально изъ предыдущаго отдѣла IX, 19. Еще болѣе такой порядокъ замѣтенъ въ исторіи Сима XI, 10: „сія бытія Симова“... Это и слѣдующее затѣмъ перечисленіе его потомства въ большей части служитъ повтореніемъ предыдущаго отдѣла (X, 21—31).

Итакъ, elle toledot книги Бытія указываетъ на отдѣлы и планъ, проникающій всю книгу, какъ исторію спасенія человѣчества.

Эти положенія примѣнимы и къ разсматриваемому нами отдѣлу — первому toledot. Поеврейски все надписаніе читается такъ: elle toledot gaschschamaim ve haarez behibbaream bejom asot. Но первый стихъ той же главы, по общему мнѣнію принадлежащій къ предыдущему отдѣлу, такъ заключаетъ сказаніе о шестидневномъ твореніи: кончилъ Господь небо и землю—schamaim ve haarez; а во второмъ стихѣ даются другія составныя части надписанія: и кончилъ Господь дѣла свои, которыя сдѣлалъ—asa (aca)—и благословилъ дѣла, которыя сдѣлалъ—asa, а въ третьемъ стихѣ — и благословилъ Господь день седьмой и почилъ отъ дѣлъ, которыя сотворилъ—bara. Итакъ, разсматриваемое надписаніе буквально повторяетъ окончанія предыдущихъ стиховъ другаго отдѣла. Слѣдовательно вопреки Гупфельду и др. оно прямо и рѣшительно указываетъ на свою связь съ предыдущимъ отдѣломъ. Вотъ почему и замѣтно колебаніе въ отнесеніи первой половины 4 стиха къ 1 или 2-му

отдѣлу.—въ признаніи его заключеніемъ или надписаніемъ. Вопреки Гупфельду, Туху, де-Ветте—Кнобель, Бунзенъ, Шрадеръ, Дильманъ—признаютъ ее заключеніемъ предыдущаго отдѣла, а новый отдѣлъ начинаютъ словами: bejom asot (также взятыми изъ предыдущаго отдѣла).

Къ чему же употреблено это надписаніе? Разъясненіе всей фразы даютъ слѣд. слова ея: въ то время какъ Господь Богъ создалъ землю и небо. Господь Богъ—Jehovah-Elohim. Въ первой главѣ употребляется имя Божіе Elohim, во 2 и 3-й Jehovah-Elohim. На что указываетъ такое слогоупотребленіе? Тертулліанъ, Василій великій, Златоустъ и др. отцы церкви обращали вниманіе на различіе именъ Божіихъ, употребляющихся въ ветхомъ заветѣ и ихъ значеніе. Въ послѣднее время, опираясь на это различіе, построили гипотезы о различіи писателей и времени написанія ветхозавѣтныхъ книгъ. Кнобель, Дильманъ и Тухъ на употребленіи имени Jehovah-Elohim, какъ въ надписаніи, такъ и во всемъ отдѣлѣ, основываютъ свое мнѣніе о различіи писателей. Но послѣднее предположеніе вызывало всегда протесты. Мнѣніе Кнобеля не согласно съ поперемѣннымъ употребленіемъ въ одномъ и томъ же отдѣлѣ разныхъ именъ, напр. со 2 по 4 стихи III главы въ рѣчи Евы со змѣемъ употребляется Elohim наряду съ Jehovah-Elohim; V гл. 29 стихъ Jehovah-Elohim наряду съ Elohim, Числъ въ 23 гл. поперемѣнно употребляются эти имена Божіи сообразно смыслу извѣстнаго выраженія. Употребленіе различныхъ именъ Божіихъ съ большимъ успѣхомъ оправдывается различнымъ значеніемъ ихъ сообразно содержанію извѣстной рѣчи. Разберемъ поэтому значеніе именъ Божіихъ, употребляющихся въ разсматриваемыхъ отдѣлахъ: Elohim, Jehovah и Jehovah-Elohim.

Слово Elohim или Eloah отъ глагола ala—поднимать, возвышать, означаетъ возвышенное, всеобъемлющее Существо, Божество управляющее всѣмъ міромъ. Это истинный Богъ въ своемъ безконечномъ

величіи, сотворившій небо и землю и управляющій какъ законодатель всѣмъ міромъ. Его признаютъ египетскіе волхвы и язычники (1 Ц. IV, 7); Его признаетъ вселенная.

Въ нѣсколько иномъ значеніи употребляется имя Jehovah. Извѣстно время откровенія этого имени Моисею въ купинѣ при горѣ Хоривѣ и значеніе его. Ehje ascher ehje есть Богъ отцовъ Моисея и іудейскаго народа, слышавшій стоны египетскихъ рабовъ и дававшій обѣтованія Аврааму и Исааку. Къ Нему могутъ обращаться, по словамъ І. Христа, люди всѣхъ временъ, родоначальники саддукеевъ не только живущіе, но и умершіе. Богъ іудейскаго народа и дарованнаго ему спасенія есть Іегова.

Что же означаетъ соединеніе обѣихъ именъ—Іегова—Элогимъ? Давидъ выслушавъ пророчество Наѳана о величіи его дома, взываетъ: кто есмь азъ, Господи мой Господи (Іегова—Элогимъ); и что домъ мой, яко возлюбилъ мя еси до сихъ. И мала сія предъ тобою суть Господи мой Господи! Величія ради твоего сотворилъ еси Господи мой Господи: нѣсть бо инъ, якоже ты, и нѣсть развѣ тебе во всѣхъ языцѣхъ (2 Цар. VII, 18—25). Онъ самъ такъ смиренъ и ничтоженъ и не смотря на это Іегова—Элогимъ, Богъ всего человѣчества оказываетъ ему такую милость. Моисей (Исх. IX, 23) говоритъ Фараону: ты и твои рабы не признаютъ Іеговы—Элогимъ и за это страдаютъ, т. е. іудейскій Богъ долженъ быть признанъ вмѣстѣ съ тѣмъ Богомъ всего человѣчества. У Іоны (IV, 6) Ниневія представляется городомъ Бога—Elohim, а Іона—посланникомъ Іеговы, проповѣдующимъ отъ лица своего Бога. Ниневитяне слушаютъ его проповѣдь и дѣлаются чтителями Іеговы—Элогимъ.

Моисей (Втор. IV, 35) въ прощальной рѣчи напоминаетъ благодѣянія Божіи іудейскому народу и заповѣдуетъ: да разумѣеши, яко Господь Богъ твой—сей Богъ есть и нѣсть развѣ Его.

На основаніи указанныхъ нами и другихъ очень многихъ библейскихъ выраженій (1) именемъ Іегова—Элогимъ называется Богъ Промыслитель и Спаситель всѣхъ людей. Elohim—Богъ—Творецъ всего міра, не входящій въ особенно близкія отношенія къ людямъ. Послѣ этого намъ понятно значеніе разбираемаго надписанія II, 4 и всего слѣдующаго за нимъ отдѣла.

„Вотъ исторія неба и земли, говоритъ писатель, переходя къ новому отдѣлу книги, какъ они сотворены, въ то время, когда Іегова—Элогимъ сотворилъ землю и небо". Такимъ образомъ писатель намѣренъ продолжать свое бытописаніе съ нѣсколько другой точки зрѣнія. Прежде онъ разсматривалъ исторію неба и земли въ объективно-хронологическомъ порядкѣ ихъ происхожденія. Элогимъ—Богъ Творецъ міра и всѣхъ его законовъ; насколько онъ безъ участія къ человѣку творилъ міръ, настолько и писатель излагалъ исторію этого творенія въ объективно-хронологическомъ порядкѣ. Но Элогимъ былъ и есть въ тоже время Іегова, объективные законы Онъ подчиняетъ цѣлямъ нравственнаго міроправленія, человѣкъ—царь природы и Элогимъ къ нему стоялъ всегда и теперь стоитъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ, Онъ—Спаситель всего человѣчества. Теперь и начинаетъ писатель исторію міра въ связи съ исторіей человѣчества. Планеты и звѣзды міра для него безразличны; человѣкъ жилъ и живетъ на землѣ, а потому писатель ставитъ ее на первомъ планѣ: „въ то время какъ Іегова—Элогимъ создалъ землю и небо". Раньше онъ изложилъ какъ бы введеніе въ свое бытописаніе, а теперь начинаетъ само бытописаніе, какъ исторію спасенія человѣчества Іеговою—Элогимъ. Съ этой точки зрѣнія и объясняются всѣ разности въ сказаніяхъ обѣихъ главъ, что и попытаемся доказать.

---

(1) Genstenberg. Beiträge zur Einleitung in das Alte Testament, erst. tom. f. 360—65.

5 ст. И всякій полевой кустарникъ, котораго еще не было на землѣ, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Богъ не посылалъ дождя на землю и не было человѣка для воздѣланія земли.

И всякій полевой кустарникъ... Много существовало разногласій какъ въ чтеніи, такъ и въ пониманіи этого стиха. По нашему синодальному переводу слова „всякій полевой кустарникъ“ стоятъ въ зависимости отъ глагола предыдущаго стиха—сотворилъ: но съ еврейскаго языка, такое чтеніе, по мнѣнію Делича (1) невозможно, еврейская грамматика не допускаетъ такого расположенія словъ. Въ большинствѣ нѣмецкихъ, особенно новыхъ, переводовъ „всякій полевой кустарникъ“ становится подлежащимъ, т. е. въ то время, какъ Господь Богъ создалъ землю и небо, никакого полеваго кустарника еще не существовало и никакая полевая трава не произрастала. Для нашей цѣли, впрочемъ, безразлично то и другое чтеніе. Въ обоихъ случаяхъ говорится о несуществованіи кустарниковъ и полевыхъ растеній до человѣка и дождя, въ противорѣчіе съ сказаніемъ первой главы о твореніи растеній въ третій день. Это выраженіе для Кнобеля и Дильмана служитъ прямымъ указаніемъ на другаго писателя, не знавшаго будто бы о существованіи первой главы. Для примиренія этого противорѣчія Филонъ и Перейра допускали здѣсь указаніе на новое твореніе; вслѣдъ за ними Керль (2) и Рихеръ (3) въ видахъ апологетическихъ — сохранить единство писателя также допускали указаніе на другое твореніе седьмаго дня, о коемъ не говоритъ первая глава. Признаваемый ими строгій хронологиче-

(1) Die Bücher Moses. 1. Genesis. Ссылается на грамматику Эвальда.

(2) Keerl. Ph. Fr. Die Einheit der Biblischen Uhrgesrhichte 1 Mos. 1—3 c. 1863 г.

(3) Richers. Joh. Die Schopfung—Paradieses—und Sündflüts—geschichte. 1854 г.

скій порядокъ всей второй главы самой въ себѣ и въ отношеніи къ первой главѣ, требуетъ твореніе кустарниковъ и животныхъ (20 ст.) во второй разъ—на полѣ (sadeh)—вблизи рая. Но такая теорія кромѣ несовсѣмъ точной филологической подкладки (о чемъ скажемъ далѣе) сама себѣ противорѣчитъ въ признаніи единичности творенія человѣка.

Выше мы замѣчали, что въ началѣ отдѣловъ—toledot'овъ не соблюдается хронологическій порядокъ,—всегда замѣтны отступленія для необходимаго уясненія. Тоже самое нужно сказать и о настоящемъ случаѣ. Въ подлинномъ текстѣ разсматриваемаго стиха встрѣчаются два слова: не произрастала (трава)—izma (ицма) и—для воздѣланія земли (не было человѣка)—abod. Эти слова повторены въ 9 стихѣ—возрастилъ—izma—Богъ дерева райскія; и въ 15-мъ—человѣкъ помѣщенъ въ раю для воздѣланія—abod—его. Такое словоупотребленіе, кажется, прямо и рѣшительно указываетъ причину отступленія писателя. Цѣль замѣчанія писателя о твореніи кустарниковъ есть указаніе на будущее пребываніе человѣка въ раю, гдѣ насаждены были особенныя деревья. Имѣя въ виду это помѣщеніе съ прекрасными деревьями, писатель ставитъ въ связь съ бытіемъ человѣка бытіе и вообще всего міра растеній (какъ въ слѣд. стихахъ—міра животныхъ). Онъ, какъ бы такъ говоритъ: вотъ исторія неба и земли, начиная со дня ихъ происхожденія, со дня, далѣе, творенія растительнаго міра, назначаемаго для человѣка. Такимъ образомъ, какъ и въ другихъ отдѣлахъ, писатель и здѣсь обращается нѣсколько назадъ, повѣствованіе предыдущаго отдѣла ставитъ въ связь съ главнымъ предметомъ настоящаго, — и затѣмъ ведетъ дальнѣйшую рѣчь.

Зачѣмъ писатель упоминаетъ о дождѣ? Кажется здѣсь заключается прямое указаніе на 9 и 10 стихи предыдущей главы. Появленіе дождя возможно только послѣ собранія водъ въ опредѣленныя мѣста, раздѣ-

ленія водъ надъ твердію, подъ твердію и отъ суши, что̀ подтверждаетъ и слѣд. стихъ.

6 ст. Но паръ поднимался отъ земли и орошалъ все лицо земли.

Слово «ed»—паръ только дважды употребляется въ Библіи—въ настоящемъ случаѣ и у Іова XXXVI, 27. На основаніи параллелизма о значеніи этого слова нельзя ничего сказать опредѣленнаго, а потому каждый комментаторъ понималъ его посвоему. Одни считали росой, другіе—туманомъ, третьи—облаками, Вульгата—источникомъ, Гезеніусъ (1) и Винеръ (2)—exhalatio, atmosphaera, munimentum—что̀ окружаетъ землю. Болѣе вѣроятно, кажется, мнѣніе Куртца (3), что словомъ—ed—указывается состояніе вселенной, предшествующее раздѣленію водъ и явленію суши: вся земля подобно облакамъ была жидка и парообразна, т. е. до окончанія втораго дня. Послѣ того, какъ явилась суша, говоритъ первая глава, Богъ повелѣлъ землѣ произвести растенія. Слѣд. вторая глава не противорѣчитъ, а только напоминаетъ о сказаніи первой главы.

Итакъ, смыслъ пятаго и шестаго стиха слѣд.: Господь Богъ сотворилъ землю и небо и всякій полевой кустарникъ и полевую траву, которыхъ дотолѣ не было частію потому, что цѣли ихъ творенія—человѣка не существовало, а частію и потому, что состояніе земли этому препятствовало. Указываютъ ли пятый и шестой стихи на одновременное происхожденіе растеній и человѣка? Судя по содержанію всей главы и началу отдѣловъ, кажется, нѣтъ. Писатель разсматриваетъ исторію неба и земли не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ отношеніи къ человѣку.

---

(1) Lexicon manuale Hebraicum et chaldaicum. 1828 г. p. 14.

(2) Lexicon manuale Hebraicum. p. 17. 1828 г.

(3) Beiträge zur Wertheitigung und Begründung der Einheit des Pentateuchs. 1844 г.

Человѣкъ—царь природы, для него все назначается. Имѣя въ виду насажденіе рая, писатель указываетъ причину (но не время) творенія всего растительнаго міра въ обработаніи послѣдняго человѣкомъ.

7 ст. И образовалъ Господь Богъ человѣка. Перстъ взялъ отъ земли и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душею живою.

Есть ли различіе въ сказаніи объ этомъ первой и второй главъ и чѣмъ оно объясняется? Въ первой главѣ говорится: и сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу своему и по подобію, и сотворилъ Богъ человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ. Въ первой главѣ такимъ образомъ творенію человѣка предшествуетъ совѣтъ Божій, о которомъ не упоминаетъ вторая глава. Но отсутствіе этого совѣта никто впрочемъ не ставилъ въ упрекъ писателю;—о немъ неупомянуто, потому что раньше сказано было, притомъ на него есть указаніе и во второй главѣ — при разсказѣ о твореніи жены.

И образовалъ (vajizar) Господь Богъ человѣка. Изъ описанія происхожденія человѣка видно, что рѣчь идетъ не о твореніи изъ ничего, а объ образованіи изъ готоваго матеріала. Но есть ли въ первой главѣ рѣшительное указаніе на твореніе человѣка изъ ничего, подобно тому какъ сотворены небо и земля? Правда, въ 27 ст. первой главы сказано—и сотворилъ Богъ—bara,—глаголъ, будто означающій твореніе изъ ничего. Но въ описаніи совѣта Божественнаго о твореніи человѣка въ томъ же стихѣ сказано: и сотворимъ — naaseh, т. е. сдѣлаемъ, какъ должны объяснять ученые такого буквалистическаго направленія. Слѣд. въ совѣтѣ Божественномъ не отвергается мысль объ образованіи человѣка изъ готоваго матеріала.

Но разсматривая 20 и 21 стихи первой главы, мы и въ сказаніи о самомъ твореніи человѣка (и сотворилъ—bara) не найдемъ противорѣчія съ сказаніемъ второй главы. Да произведутъ—ischrezu—воды

пресмыкающихся, душу живую... и сотворилъ—bara—Богъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода по роду ихъ. Итакъ, Божественное твореніе—(bara) совмѣстимо съ образованіемъ тварей изъ преждесуществовавшей матеріи. Точно также говорится въ 24 и 25 ст. первой главы о твореніи (bara) животныхъ, произведенныхъ землею. Слѣд. сказаніе первой главы о твореніи человѣка нисколько еще не отвергаетъ мысли, содержащейся во второй главѣ.

Разсмотримъ сказаніе первой главы о твореніи человѣка. Сотворимъ человѣка по образу нашему и подобію.. и сотворилъ Богъ человѣка по образу своему. Что означаетъ такое твореніе? Упоминаніе въ томъ же стихѣ о владычествѣ человѣка надъ животными приводило нѣкоторыхъ богослововъ къ предположенію, что образъ Божій есть право власти человѣка надъ животнымъ міромъ. Но соединительная частица—ve—„и“ (да обладаетъ) ослабляла силу такого предположенія, т. е. владычество человѣка не отожествляется, а присоединяется къ существованію образа Божія. Употребленіе въ V, 2 тѣхъ же словъ „образъ и подобіе“ — какъ сходства между отцемъ и сыномъ вело къ предположенію болѣе близкаго сходства между человѣкомъ и Богомъ въ настоящемъ случаѣ. Образъ и подобіе всѣ находили въ сходствѣ природы Божественной и человѣческой. Такъ смотрятъ на это выраженіе послѣдующія ветхозавѣтныя книги (VIII Пс. Прем. Сол. II, 23. Прем. Сир. XVII, 3—6) и новозавѣтныя (Посл. Іакова). А такъ какъ по Пятокнижію Богъ представляется возвышеннымъ, духовнымъ Существомъ, которое нельзя изображать въ видимыхъ, матеріальныхъ предметахъ (Исх. XX, 4. Втор. IV, 12. 18), то и отображеніе Божества, по общему мнѣнію, заключается въ духовной природѣ человѣка. Безсмертный духъ и разумъ — вотъ черты образа Божія въ человѣкѣ. Плодомъ этихъ-то духовныхъ способностей и должно быть господство надъ животными, пресмыкающимися и рыбами, о чемъ го-

воритъ 28 стихъ первой главы. Вообще, если писатель первой главы точно и не упоминаетъ о всѣхъ качествахъ образа Божія въ человѣкѣ, то изъ всего описанія его виденъ особенный образъ творенія человѣка, рѣзко отличающійся отъ творенія другихъ существъ. Этотъ-то образъ творенія, подразумѣваемый въ первой главѣ, подробно описывается во второй.— Такъ какъ во второй главѣ писатель излагаетъ исторію міра въ связи главнымъ образомъ съ человѣкомъ и его исторіею, то онъ подробно и описываетъ твореніе послѣдняго.

Божественное промышленіе о мірѣ всегда преимущественно сосредоточивалось на человѣкѣ, послѣдній постоянно пользовался особенною милостію и любовію Бога. Тоже самое отношеніе было и при твореніи. Іегова—Элогимъ съ особенною тщательностію образуетъ человѣка изъ земли и даетъ ему дыханіе жизни. Богъ одушевляетъ его своимъ собственнымъ дуновеніемъ, т. е. влагаетъ въ его природу особенное, высшее начало. Подъ дыханіемъ жизни, сообщеннымъ Богомъ человѣку, всегда признавалось сходство природы Божественной и человѣческой — духовныя способности человѣка. Іов. XXXII, 8—духъ есть въ человѣцѣхъ, дыханіе Вседержителево научающее. Слѣд. тоже самое, что и образъ Божій. И сталъ человѣкъ душею живою, т. е. существомъ одушевленнымъ, живущимъ, подобно тому, какъ живы отъ творческаго „да будетъ“ всѣ другія существа. Выраженіе „душа жива“—nefesch hajah— есть, кажется, прямое указаніе на 24 стихъ первой главы—да произведетъ земля душу живу.. Желая указать, при видимомъ различіи, сходство своего сказанія съ первой главой, писатель говоритъ объ одинаковыхъ результатахъ творческаго дѣйствія. Какъ въ первой главѣ душу живу образуетъ земля, такъ и здѣсь; тамъ происходятъ этимъ путемъ животныя и потому нѣтъ Божественнаго дыханія, здѣсь происходитъ человѣкъ и съ участіемъ Божественнаго дыханія.

Далѣе. Въ первой главѣ сказано: сотворилъ Богъ человѣка—мужа и жену сотворилъ ихъ. А во второй главѣ—сначала одного мужа, а потомъ изъ ребра его жену. Есть ли здѣсь противорѣчіе?

Нужно замѣтить, что съ филологической стороны существуетъ буквальное тожество первой половины 27-го стиха первой главы и 7-го ст. второй главы. Сотворилъ Богъ человѣка — haadam, — одно и тоже слово (и съ членомъ) употреблено въ обоихъ главахъ. Въ описаніи Божественнаго совѣта употреблено также слово haadam. Такое словоупотребленіе указываетъ тождество мысли. Писатель 7-го стиха второй главы указываетъ на тотъ актъ, который описанъ въ первой половинѣ 27-го стиха первой главы. Въ первой главѣ сначала указывается частность—твореніе человѣка—мужчины, а потомъ вообще мужа и жены по образу Божію. Писатель второй главы и разграничиваетъ эти два дѣйствія: подробно излагаетъ исторію творенія первыхъ людей, какъ основаніе будущей семейной жизни, и исторію грѣхопаденія. Такая разница въ описаніи одного и тогоже дѣйствія объясняется разностію цѣлей обоихъ сказаній. Въ первой главѣ человѣкъ поставленъ въ связи съ общей сотворенной природой, онъ только назначенъ господиномъ ея безъ указанія на особенныя отношенія къ нему Бога; призваніемъ его къ размноженію и господству надъ землей заканчивается все сказаніе. Во второй главѣ излагается религіозно-нравственная исторія человѣка, въ которой сотвореніе имѣло непосредственное участіе: мужъ и жена стояли въ особенныхъ отношеніяхъ ко всей природѣ и міру, и причина этого—ихъ происхожденіе.

8 ст. И насадилъ Господь Богъ рай въ Эдемѣ и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ.

Когда былъ насажденъ рай? — вотъ вопросъ, который частію почему-то не поднимали, а частію употребляли для проведенія оригинальныхъ взглядовъ. Если признавать во второй главѣ хронологическій по-

рядокъ, то насажденіе рая нужно отнести ко времени послѣ творенія мужа. Такъ дѣйствительно, нѣкоторые комментаторы и поступаютъ и сотвореніе мужа и сотвореніе рая относятъ къ седьмому дню (1). Но на основаніи указанной нами выше общей характеристики содержанія второй главы—расположенія не въ хронологическомъ, а въ систематическомъ порядкѣ, нѣтъ основаній относить насажденіе рая ко времени послѣ описываемыхъ въ первой главѣ событій. Не указывая на безразличное для цѣли повѣствованія время насажденія (можетъ быть въ шестой день, а можетъ быть и раньше), писатель только говоритъ о фактѣ насажденія. Іегова—Элогимъ принималъ особенное, непосредственное участіе въ твореніи человѣка, Онъ приготовилъ для послѣдняго и особенное жилище—рай. Насажденіемъ рая положено начало промыслительныхъ и спасительныхъ дѣйствій Іеговы-Элогимъ по отношенію къ человѣку,—здѣсь положено начало искупленію. Въ первой главѣ о раѣ неупомянуто, потому что созданіе его не относилось къ общей исторіи мірозданія; насколько человѣкъ участвовалъ въ этой общей исторіи, довольно было указать на его господство надъ всѣмъ.

Этой общностью сказанія объясняется и разность въ назначеніи пищи человѣку. Въ первой главѣ сказано: Я далъ вамъ всякую траву, сѣющую сѣмя, какая есть на всей землѣ, и всякое дерево, у котораго плодъ древесный, сѣющій сѣмя,—вамъ сіе будетъ въ пищу. Во второй главѣ назначаются въ пищу только плоды райскихъ деревъ и притомъ за исключеніемъ древа познанія добра и зла (15 ст.). Но и во второй главѣ не исключается употребленіе не райскихъ плодовъ. Древо же познанія имѣло значеніе только въ исторіи грѣхопаденія.

18 ст. И сказалъ Господь Богъ: не хорошо быть человѣку одному, сотворимъ ему помощника, соотвѣт-

(1) Керль и Рихеръ въ вышецитованныхъ сочиненіяхъ.

ственнаго ему. Эти слова, описывающія Божественный совѣтъ, прямо указываютъ на 26-й ст. первой главы. Совѣтъ о твореніи человѣка буквально тождественъ съ совѣтомъ о твореніи жены: vajomer Jehovah-Elohim naase... Такое буквальное тождество конечно немыслимо при различіи писателей. Причины различія въ описаніи творенія мы уже указывали.

19 ст. Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ и привелъ ихъ къ человѣку... Есть ли здѣсь разности съ сказаніемъ первой главы? Не будемъ ссылаться на общепринятое возраженіе по поводу хронологіи. Окончаніе 20-го стиха — и не нашлось человѣку подобнаго помощника — ясно указываетъ что писатель самъ смотритъ на замѣтку о твореніи животныхъ, какъ на отступленіе для уясненія исторіи творенія женщины. Твореніе женщины было вызвано потребностію самого человѣка. Съ сотвореніемъ человѣку дарована свобода, она никѣмъ не можетъ быть нарушена, а потому и созданіе второй половины твердо опирается на собственное желаніе человѣка. Сознаніе потребности въ помощникѣ и выводится писателемъ въ этомъ стихѣ.

Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ. Это выраженіе стоитъ въ прямой связи съ 24-мъ ст. первой главы—да произведетъ земля душу живу... Названіе животныхъ, птицъ и звѣрей вполнѣ тождественно съ названіемъ ихъ въ первой главѣ. Приведеніе всѣхъ животныхъ къ Адаму стоитъ съ одной стороны въ связи съ упомянутымъ въ первой главѣ господствомъ людей—воцареніе его, а съ другой—съ сознаніемъ потребности въ подобномъ ему существѣ. Указаніе первой главы на господство человѣка не только не противорѣчитъ, но прямо требуетъ сказанія о наименованіи всѣхъ животныхъ.

Итакъ, если есть различія въ сказаніяхъ первой и второй главъ, то они, какъ видимъ, объясняются не различіемъ писателей, а различіемъ точекъ зрѣнія и цѣлей обоихъ сказаній. При этихъ видимыхъ

различіяхъ мы въ каждомъ стихѣ второй главы встрѣчаемъ повторенія и указанія на первую главу.

Кнобель, Дильманъ, Тухъ и др. указываютъ на различіе въ языкѣ, употребленіе различныхъ словъ для обозначенія однихъ понятій. Но мы въ свою очередь можемъ указать на слѣд. слова: Adam — человѣкъ въ обоихъ главахъ имѣетъ одинаковое значеніе и употребленіе; Chajah, Behemah, Of haschschamaim— животныя и птицы—также въ обоихъ главахъ. Eseb, Ez—растенія; Nefesch-Chajah — I, 20. 21. 24=II, 7. 19. Разграниченія: Behema и Hajetah-Haarez—I, 25=II, 20; Ehad, Scheni, Scheloschi—I, 5. 8. 13=II, 11. Ascher asah, Ascher barah—II. 2. 3=Ascher jazar, Ascher lakah—II, 8. 22. III, 1. Adamah, Erez—I, 1. 2=II, 5. 6. 7. 9. tob—I, 4. 8. 10—lotob—II, 19.

Нельзя не упомянуть объ употребленіи слова «sadeh» — поле. Съ одной стороны, Кнобель, Дильманъ и под. указываютъ на это слово, какъ на признакъ другой руки; съ другой—Керль, Рихеръ и под. указываютъ на новыя творенія седьмаго дня, исключительно ограничиваемыя полемъ—предмѣстьемъ рая. И то и другое предположеніе не можетъ быть проведено до конца. О первомъ мы уже достаточно говорили; а о второмъ—довольно привести соображеніе Керля, что благословеніе 7-го дня (II гл. 3-й ст.) заключалось въ твореніи растительнаго и животнаго міра, рая и пр. въ теченіи этого дня. Очевидно, такое предположеніе, служащее для автора исходною точкою и опорою всего дальнѣйшаго разсужденія, противорѣчитъ первой главѣ, гдѣ благословенію Божественному 1, 22. 28. такого значенія не придается. Болѣе справедливо, кажется, предположить, что писатель этимъ словомъ указываетъ нѣсколько иное мѣсто своихъ наблюденій надъ описываемыми событіями. Онъ съуживаетъ горизонтъ описанія, отъ всей вселенной (Schamaim ve haarez) онъ переходитъ къ одной землѣ (erez), а отъ послѣдней къ окрестностямъ

рая—мѣсту жизни перваго человѣка. Глазами этого-то царя природы онъ и смотритъ на мірозданіе.

Наконецъ, нѣкоторыя отдѣльныя выраженія первой главы необходимо требуютъ повѣствованія, заключающагося во 2—3 главахъ. Таково напр. выраженіе Божественнаго одобренія каждаго творенія: и видѣ Господь, яко добро—ki tob I, 4. 8. 10. Это выраженіе непонятно безъ дальнѣйшаго повѣствованія о грѣхопаденіи, какъ нарушеніи этого первоначальнаго „добра". Выраженіе—ki tob—предполагаетъ—lo tob,—о послѣднемъ и говоритъ отдѣлъ 2—3 гл.

Разсмотримъ сказаніе пятой главы. Въ этой главѣ критики обращаютъ вниманіе только на первый и второй стихи, а потому мы только ихъ коснемся.

Первый стихъ: Вотъ книга рожденій Адама въ день, въ который Богъ сотворилъ человѣка, по образу Божію создалъ его. Поеврейски: zeh sefer toledot Adam bejom hibbaream Elohim.

Критики указываютъ на слова—zeh sefer toledot, какъ на оглавленіе и начало новаго элогистическаго документа, принадлежащаго другому автору. Дѣйствительно, съ перваго взгляда такое предположеніе представляется очень основательнымъ. Слово—sefer—вездѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ употребляется въ смыслѣ свитка, книги. Исх. XXIV, 7—книга Закона; Втор. XXIV, 1—разводное письмо; 2 Ц. XI, 14—письмо. Можетъ быть и въ настоящемъ случаѣ это слово имѣетъ такое же значеніе (1). Но наряду съ этимъ предположеніемъ мы необходимо должны признать, что писатель этой главы тоже самое лицо, которое писало первую и вторую главы.

---

(1) Не говоря уже объ иностранныхъ ортодоксальныхъ богословахъ—Геферникѣ, Кейлѣ, наши русскіе ученые признаютъ вѣроятнымъ существованіе у Моисея письменныхъ памятниковъ, напр. генеалогій, разсказа о войнѣ царей Сеннаарскаго и Сиддимскаго, покупки Махпельской пещеры и т. п. Чт. Об. люб. дух. пр. 1872, 1 и 2. Тр. к. ак. 1871, Ш.

Значеніе слова toledot объяснено нами выше. Къ чему употреблено выраженіе toledot Adam? Объясненіе этому дается съ одной стороны въ 3-мъ стихѣ 5-й главы — „Адамъ жилъ 130 лѣтъ и родилъ сына Сиѳа“, потомство котораго далѣе перечисляется. Съ другой—въ послѣднихъ стихахъ предыдущей главы—и позналъ Адамъ.. и родилъ сына Сиѳа. Т. е. писатель, сказавъ о рожденіи Сиѳа, имѣетъ намѣреніе начать новый отдѣлъ своего повѣствованія—исторію перваго человѣка и его благочестиваго потомства, происшедшаго отъ Сиѳа. Итакъ выраж. sefer toledot Adam—значитъ: исторія Адама чрезъ Сиѳа и служитъ связію и прямымъ указаніемъ на предыдущія главы.

Когда Богъ сотворилъ человѣка, по образу Божію создалъ его—выраженіе, буквально взятое изъ I, 27. Названіе Бога сл. Elohim заставило Кнобеля признать въ писателѣ этой главы одно лицо съ писателемъ первой главы (но не второй и третьей). Имя Божіе Elohim, употребляемое во всей главѣ, кромѣ 29 стиха вполнѣ подтверждаетъ вышеуказанное наше объясненіе. Въ этой главѣ также, какъ и въ первой, въ историческі-хронологическомъ порядкѣ перечисляется потомство Сиѳа, безъ всякаго отношенія къ особенному Божественному промышленію о человѣкѣ. Только въ 29 стихѣ—Ной успокоитъ насъ, говоритъ Ламехъ, при воздѣланіи земли, которую проклялъ Господь Богъ—Jehovah-Elohim. Здѣсь очевидно указывается на повѣствованіе 3-й главы о грѣхопаденіи и обѣтованіи, какъ участіи Господа Спасителя въ исторіи человѣчества. Вторая же и третья главы, по мнѣнію критиковъ, написаны однимъ лицомъ, слѣд. 29-й стихъ, подтверждая наше мнѣніе объ употребленіи именъ Божіихъ, въ тоже время указываетъ на единство писателя 2-й и 5-й главъ.

2 ст. Мужчину и женщину сотворилъ ихъ, и благословилъ ихъ и нарекъ имъ имя: человѣкъ, въ день сотворенія ихъ.

Нельзя не обратить вниманія вмѣстѣ съ Рихеромъ на грамматическую форму глагола „сотворилъ“ и въ предыдущемъ стихѣ „образовалъ“ — asah и beraah, т. е. perfectum. въ отличіе отъ первой главы— vajaas и vajibra—imperfectum: дѣйствіе давно совершившееся, и только повторяемое для уясненія. Писатель не намѣренъ разсказывать исторію творенія человѣка, — это имъ прежде было сдѣлано, онъ только въ двухъ словахъ упоминаетъ и прямо передаетъ о заключеніи творенія — и благословилъ Богъ. Какъ грамматическія сочетанія, такъ и содержаніе указываютъ на тождество писателя пятой главы съ писателемъ первой.

Есть ли указаніе на такое же отношеніе къ писателю второй главы?

И благословилъ ихъ Богъ и нарекъ имъ имя: человѣкъ, въ день сотворенія ихъ. Первый актъ, описываемый этой половиной стиха очевидно указываетъ на 28-й стихъ первой главы; но на что̀ указываетъ второй актъ — нареченіе имени? При обзорѣ второй главы мы встрѣчались уже съ указаніемъ на такой же поступокъ человѣка по отношенію къ животнымъ. Нареченіе имени указывало на власть человѣка надъ животными и опредѣленіе отношенія послѣднихъ къ нему. Очевидно въ настоящемъ отдѣлѣ писатель на основаніи сказанія второй главы, указываетъ отношенія Бога къ первозданной четѣ. Богъ приводилъ животныхъ къ человѣку для опредѣленія ихъ имени, а теперь Самъ даетъ имя человѣку и этимъ указываетъ на свои отношенія къ нему. Почему именно въ настоящемъ случаѣ писатель говоритъ о нареченіи имени первому человѣку, — такъ это ясно изъ контекста: и предыдущая и пятая главы содержатъ перечень предковъ и потомковъ Сиоа, коимъ отцы давали имена... родилъ сына и далъ ему имя.. Естественнѣе всего неупомянутое ранѣе, за отсутствіемъ повода, нареченіе имени указать теперь въ родослов-

ной. Въ день сотворенія ихъ—bejom hibbaream—выраженіе тожественное съ II, 4.

Указанными доводами заканчиваются возраженія критиковъ противъ разсматриваемаго отдѣла, а потому заканчивается и наша замѣтка.

П. Юнгеровъ.

Пріѣздъ въ городъ Казань Высокопреосвященнѣйшаго Сергія, архіепископа казанскаго и свіяжскаго, и вступленіе его на казанскую каѳедру.

Высокопреосвященнѣйшій Сергій, архіепископъ казанскій и свіяжскій, изволилъ прибыть въ Казань ровно въ часъ пополудни 9-го марта сего 1880 года. Встрѣченъ былъ новоприбывшій Архипастырь казанскій сперва въ Зилантовомъ Успенскомъ мужскомъ монастырѣ, на самой окраинѣ города, недалеко отъ пути слѣдованія Его Высокопреосвященства,—Преосвященнѣйшимъ Павломъ, викаріемъ казанской епархіи, также архимандритомъ Сергіемъ, настоятелемъ Зилантова монастыря и о. экономомъ казанскаго архіерейскаго дома, іеромонахомъ Амвросіемъ. Пересѣвъ въ означенномъ монастырѣ изъ дорожнаго экипажа въ архіерейскую карету, заложенную четвернею, Владыка прямо подъѣхалъ къ каѳедральному Благовѣщенскому собору, въ которомъ собралось не только всё казанское городское духовенство, но и граждане всѣхъ сословій въ громадномъ числѣ и во главѣ ихъ самъ г. казанскій губернаторъ. При вступленіи въ соборъ, каѳедральный протоіерей Викторъ Петровичъ Кипневскій обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующею рѣчью:

„Богодарованный намъ Архипастырь! За девятнадцать лѣтъ предъ симъ, Духъ Святый поставилъ Тебя епископомъ пасти церковь Господа и Бога во градѣ, въ немъ же отъ лѣтъ древнихъ призвася имя Господне; а нынѣ опредѣлилъ на служеніе въ нашемъ новопросвѣщенномъ градѣ, гдѣ, кромѣ познавшихъ благодать Божію во истинѣ, еще не мало невѣрующихъ, *умы которыхъ Богъ вѣка сего ослѣпилъ, чтобы для нихъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія о славѣ Христа* (2 Кор. IV, 4).

Если Господь, по слову Премудраго, все дѣлаетъ для своихъ цѣлей (Притч. XVI, 4); то очевидно, что Ты посланъ къ намъ, съ полнымъ благословеніемъ благовѣствованія Христова, чтобы не только *преподавать* вѣрующимъ здѣсь *дарованія духовныя, для нашего утвержденія* (Рим. I, 11), но и *совершать* для вдѣшнихъ *язычниковъ священнодѣйствіе благовѣствованія Божія, дабы сіе приношеніе* ихъ, *будучи освящено Духомъ Святымъ, было благопріятно Богу* (Рим. XV, 16).

Новая паства Твоя, *предстоя* теперь *предъ Богомъ слышати вся повелѣнная Тебѣ отъ Бога* (Дѣян. X, 33), *молится за Тебя, да слово Господне распространяется и славится;* а Ты *избавишься отъ злыхъ и лукавыхъ человѣкъ, не всѣхъ бо есть вѣра* (2 Сол. III, 1).

Да даруетъ же Господь Тебѣ *стребывать со всѣми нами, для нашего успѣха и радости, въ вѣрѣ* (Фил. I, 25), и самому *въ радости* утѣшаться съ нами“ (Рим. XV, 32).

За тѣмъ, по пропѣтіи тропаря празднику Благовѣщенія пресвятой Богородицы „Днесь спасенія нашего главизна“ и проч., была совершена краткая литія, по окончаніи которой Владыка приложился къ мѣстнымъ иконамъ и къ

мощамъ св. Гурія, а послѣ возглашенія многолѣтія Государю Императору и всему царствующему Дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду и самому Высокопреосвященнѣйшему Сергію, Архіепископу казанскому и свіяжскому, и самъ онъ произнесъ къ предстоявшимъ слѣдующее глубоко-прочувствованное слово:

„Вы собрались здѣсь, чтобы встрѣтить и видѣть, а быть можетъ, и желая слышать меня. Но мое лицо и имя и мой голосъ не сами по себѣ имѣютъ значеніе, а потому, что видите на мнѣ санъ, который уважаете, чтите должность, которую исполнять я посланъ сюда. Возведите же очи ваши къ Тому, кѣмъ установленъ санъ пастырскій,—къ Тому, кто сказалъ: *И будетъ едино стадо, и единъ пастырь* (Іоан. X, 16).

Господь нашъ Іисусъ Христосъ далъ пастырей и учителей, рядъ которыхъ отъ апостоловъ не прерывается до нашего времени, и *вѣщаніе которыхъ* отъ Іерусалима *во всю землю изыде* (Римл. X, 18). Триста лѣтъ исполнилось, какъ глаголы истинныхъ богопроповѣдниковъ стали оглашать и сію, тогда темную область. Извѣстно вамъ преданіе, что твердыни этой крѣпости, гдѣ мы теперь, потрясены были тотчасъ, какъ подлѣ нихъ въ походной церкви православнаго царя на литургіи въ евангельскомъ чтеніи возглашены были слова Христовы: *И будетъ едино стадо, и единъ пастырь.* Вслѣдъ за симъ возсіяла здѣсь православная вѣра. Ее насадили святые наши первоначальники, святители Гурій и Германъ; ее распространяли въ сей области приснопамятные ихъ преемники; её старались повсемѣстно здѣсь утвердить благочестивые мои предшественники.

Но дѣло истинной вѣры зависитъ отъ сердечнаго желанія, и не допускаетъ принужденія и насилія. Посему

понынѣ въ этомъ краѣ остаются такіе люди, которые не вошли еще въ православное стадо Христово, и о которыхъ съ глубокою скорбію должно сказать: *возлюбиша паче тьму нежели свѣтъ* (Іоан. III, 19).

О томъ предлежитъ попеченіе и мнѣ и моимъ сопастырямъ, чтобы *и иныя овцы, яже не суть отъ двора сего* православнаго, располагались войти въ него, оставляя тьму заблужденій и суевѣрій, а вошедшія въ него, или отъ рожденія воспитавшіяся въ немъ пребывали твердыми въ истинномъ благочестіи, не погружаясь въ тьму пороковъ и страстей.

Да слышатъ гласъ истины тѣ, которые хотя просвѣщены свѣтомъ вѣры Христовой, но по слѣпой привязанности къ такъ называемымъ старымъ обрядамъ удаляютъ себя отъ церкви православной.

Да покорятся гласу истины Христовой тѣ, которые или въ языческомъ суевѣріи понынѣ пребываютъ, или увлекаемые корыстными и чувственными приманками магометанства, подавляютъ въ себѣ чистыя стремленія души своей, которая по природѣ ищетъ христіанства.

Обыкновенно думаютъ, что обращеніе иновѣрцевъ лежитъ на обязанности только лицъ священнаго сана. Нѣтъ, и всѣ православные міряне должны въ семъ намъ содѣйствать. Какъ же и чѣмъ?—Способные словомъ и писаніемъ, а всѣ вѣрою и житіемъ. Древніе христіане удивляли язычниковъ своимъ благочестіемъ, своею честностію, правдивостію, строгимъ повиновеніемъ закону и властямъ, незлобіемъ, прощеніемъ обидъ, благотвореніемъ самымъ врагамъ, чрезъ что и привлекали ихъ въ свою вѣру христіанскую.

Соединимся же всѣ въ служеніи общему дѣлу православія, и если Промыслъ поставилъ меня для здѣшняго мѣста впереди, на высотѣ пастырскаго служенія и церковнаго управленія, то обращайтесь ко мнѣ съ довѣріемъ, молитесь, чтобы Господь давалъ мнѣ силу удовлетворять вашимъ духовнымъ потребностямъ и благонамѣреннымъ ожиданіямъ.

И нынѣ, вступая въ новое мое служеніе, призываю Божіе всемогущее благословеніе на градъ сей, и на всю паству казанскую, да будутъ домы ваши благоустроены, семейства здравы, дѣти добры и счастливы, ваши нивы и насажденія многоплодны, и всѣ полезныя предпріятія успѣшны, и даруя намъ тихое, чуждое волненій жительство на землѣ, да приведетъ насъ Господь къ вѣчному покою на небѣ. Аминь".

По окончаніи обряда встрѣчи Его Высокопреосвященства, Владыка, выходя изъ собора долго благословлялъ предстоявшихъ, изъ коихъ каждый желалъ получить благословеніе отъ своего новаго архипастыря.

Въ большомъ залѣ архіерейскаго дома ожидало новоприбывшаго Владыку всѣ городское духовенство, о. ректоръ казанской духовной академіи и о. ректоръ семинаріи, со всей корпораціей наставниковъ семинарскихъ, члены казанской духовной консисторіи, секретарь консисторіи и всѣ чиновники и канцелярскіе служители, также члены епархіальнаго попечительства, настоятель Зилантова Успенскаго монастыря архимандритъ Сергій, и настоятельница казанскаго первокласснаго женскаго монастыря игумена Анѳія съ казначеей тогоже монастыря, и наконецъ прибыли и г. казанскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Николай Яковле-

вичъ Скарятинъ, г. вице-губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Константинъ Никаноровичъ Хитрово и предсѣдатель мѣстнаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета вѣдомства Императорскаго человѣколюбиваго общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гарталовъ. По пропѣтіи тропаря святителю казанскому Гурію, каѳедральный протоіерей Викторъ Петровичъ Вишневскій поднесъ Его Высокопреосвященству отъ лица всего городскаго духовенства икону святителя Гурія, при чемъ произнесъ слѣдующую краткую рѣчь:

„Духовенство новой Твоей паствы, сподвизая св. первосвятителя своего, молитъ Бога всякія благодати дать Тебѣ многу силу благовѣствовать неизслѣдимое богатство Христово, а ему самому даровать мудрость соотвѣтствовать благимъ Твоимъ начинаніямъ, во спасеніе паствы".

Принявъ съ благодарностію св. икону отъ о. протоіерея, Его Высокопреосвященство обратился къ собравшемуся духовенству съ новою задушевною рѣчью, въ которой, вспомнивши, какіе многообразные и великіе труды и заботы предстоятъ Ему на поприщѣ Его новаго святительскаго служенія, какую трудную, напримѣръ, задачу для Него составляетъ миссіонерство, столь необходимое въ здѣшней разноплеменной и разновѣрной паствѣ, поставивъ на видъ, что здѣсь существуетъ разсадникъ высшаго духовнаго образованія, именно, духовная академія, что вообще Казань есть центръ просвѣщенія для всего сѣверо-восточнаго края, и что удовлетворить всѣмъ духовнымъ потребностямъ здѣшней паствы весьма не легкое дѣло, Высокопреосвященнѣйшій просилъ предстоявшихъ, чтобы Ему помогали въ дѣлѣ Его архипастырскаго служенія. Высоко-

уважаемому о. ректору здѣшней академіи выразилъ обѣщаніе и съ своей стороны помогать преуспѣянію и процвѣтанію академіи, своимъ вниманіемъ къ нуждамъ этого заведенія, и поощреніемъ трудящихся профессоровъ и преподавателей академическихъ. Обратился Владыка съ просьбою о содѣйствіи Ему въ дѣлахъ церковныхъ и къ господину начальнику губерніи, напомнивъ при этомъ, что церковь православная есть насадительница мира и любви, гдѣ власти гражданскія могутъ сходиться съ властію духовною при достиженіи общей для нихъ цѣли, т. е. водворенія общественнаго спокойствія и благоустройства.

Такимъ образомъ Владыка, высказавъ предстоявшимъ свои мысли и чувства, наполнявшія Его душу въ минуты вступленія на Казанскую каѳедру, наконецъ преподалъ каждому представлявшемуся свое архипастырское благословеніе, сопровождавшееся для священнослужителей, а также свѣтскихъ чиновъ и гг. наставниковъ и взаимнымъ цѣлованіемъ.

О. ректоръ здѣшней семинаріи, протоіерей Каменскій, предъ тѣмъ, какъ принять отъ Архипастыря благословеніе съ взаимнымъ цѣлованіемъ, поднесъ Его Высокопреосвященству отъ лица всей семинарской корпораціи хлѣбъ-соль, какъ знакъ своихъ благожеланій. Приношеніе благосклонно было принято, причемъ Владыка изволилъ сказать на ректорское привѣтствіе: „Желаю, чтобы духовный хлѣбъ и соль благодати въ учебномъ вашемъ домѣ не оскудѣвали“.

Затѣмъ, всѣ представлявшіеся новоприбывшему Владыкѣ разошлись по своимъ домамъ съ сіяющими лица-

ми, будучи обласканы привѣтливостію Его Высокопреосвященства.

День пріѣзда въ Казань Высокопреосвященнѣйшаго Сергія былъ свѣтлый и праздничный, именно день воскресный и торжества православія. А это обстоятельство представляется весьма знаменательнымъ: можно думать, что въ обстоятельствѣ этомъ имѣется намёкъ на то, что въ лицѣ новоприбывшаго Владыки какъ бы воскресъ для казанской паствы тотъ благостнѣйшій Архипастырь, котораго она такъ недавно лишилась, и что со вступленіемъ Его Высокопреосвященства на казанскую каѳедру для насъ наступили свѣтлые дни торжества православія въ здѣшнемъ краѣ надъ язычествомъ и магометанствомъ.

Н. Р.

СЛОВО

ВО ВТОРУЮ НЕДѢЛЮ ПОСТА.

—

Видѣвъ же Іисусъ вѣру ихъ, глаголаразслабленному: чадо, отпущаются тебѣгрѣси твои. Марк. II, 5.

Удивительный опытъ вѣры предложенъ нашему вниманію въ нынѣшнемъ евангеліи.—Спаситель въ Капернаумѣ, въ одномъ домѣ имѣлъ бесѣду съ народомъ; вошедшихъ было такъ много, что сдѣлалось тѣсно. Приносятъ разслабленнаго; но войдти было нельзя. Однако вѣру принесшихъ не остановило это препятствіе. Они взошли на верхъ, и раскрывши кровлю дома, спустили одръ съ больнымъ на то мѣсто, гдѣ находился Спаситель. Видя ихъ такую вѣру, Онъ отпустилъ грѣхи разслабленному, и исцѣлилъ его.

Этотъ случай весьма внушителенъ для насъ. Онъ наводитъ на мысль, что и нынѣ ходатайство предъ Богомъ однихъ за другихъ, можетъ увѣнчаться успѣхомъ.

Апостолъ Іаковъ прямо говоритъ: *Молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (V, 16). Чѣмъ бы человѣкъ ни страдалъ,—угрызеніями ли совѣсти, болѣзнію ли тѣлесною,

унынiемъ ли отъ несчастныхъ въ жизни обстоятельствъ,— во всякое время молитвы ближнихъ за него могутъ быть для него благотворны. Поэтому и Самъ Спаситель училъ насъ молиться не о самихъ себѣ только, но и о нашихъ ближнихъ, и такія ходатайственныя къ нему обращенія милостиво исполнялъ. Онъ исцѣлилъ слугу сотника, дочь жены хананеянки; Онъ осушилъ слезы Марѳы и Маріи. Апостолъ Петръ изведенъ былъ ангеломъ изъ темницы, потому что вѣрующіе прилежно о немъ молились Богу (Дѣян. XII, 5). Апостолъ Павелъ неоднократно приписывалъ свои успѣхи и свою безопасность молитвамъ за него многочисленныхъ учениковъ его.

Иной подумаетъ, что тутъ дѣйствовала молитва людей благочестивыхъ также за благочестивыхъ и святыхъ; но поможетъ ли людямъ грѣшнымъ молитва такихъ же грѣшниковъ за нихъ, какъ и они сами? Ибо давно замѣчено, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ (Іоан. IX, 31).—Правда, много можетъ усиленная молитва праведнаго (Іак. V, 15); однако же, при своихъ извѣстныхъ условіяхъ, не осуждена на безуспѣшность и молитва души грѣшной. Тутъ нужна вѣра, что Богъ всякій грѣхъ проститъ и всякую болѣзнь исцѣлитъ; нужно покаяніе, вводящее въ душу благодать прощенія; нужна любовь. Вы представьте себѣ, съ какою пламенною неотступностію, покорностію, съ какимъ самоотверженіемъ, молится сестра о братѣ, жена о мужѣ и мать о сынѣ. О такой смиренной молитвѣ и сказано, что она проходитъ облака (Сир. XXXV, 17). Святый Григорій Двословъ разсказываетъ объ одномъ человѣкѣ, который, бывъ взятъ въ плѣнъ, томился въ оковахъ. Жена его молилась за него и дѣлала въ храмъ приношеніе. Когда онъ изба-

вился отъ плѣна; то говорилъ, что въ иные дни спадали съ него оковы сами собою, и оказалось, что это были дни, когда она дѣлала за него жертвоприношеніе. Конечно не святая молилась за святаго, а грѣшная за грѣшнаго. И самъ апостолъ Павелъ у всѣхъ вѣрующихъ просилъ молитвъ себѣ, а между ними были и грѣшные, и свое избавленіе отъ опасности смертной приписывалъ молитвамъ такихъ людей, которыхъ иногда самъ же обличалъ (2 Кор. I, 10. 11).

Притомъ кто желаетъ, чтобъ за него молились, долженъ самъ несомнѣнно вѣровать въ силу такого ходатайства. Разслабленный самъ имѣлъ вѣру ко Христу; иначе не позволилъ бы, чтобъ несли его туда, гдѣ Онъ, и спускали чрезъ кровлю дома. А у насъ напротивъ не оказывается ли выраженіемъ обыкновенной, только нѣсколько благочестивой учтивости просить у другихъ молитвъ за себя, или поручать себя молитвамъ лицъ духовныхъ?

И такъ снимемъ кровлю маловѣрія, которая насъ иногда отдѣляетъ отъ Христа, и повергнемъ сами себя предъ Нимъ въ глубинѣ смиренія. *Споспѣшествуйте* и *мнѣ*,— скажу словами апостола, — *въ молитвахъ о мнѣ къ Богу* (Римл. XV, 30). Блаженъ, кто имѣетъ теплыхъ за себя молитвенниковъ, чтобы хотя при помощи ихъ услышать нѣкогда благодатный голосъ: *Чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои.*—Аминь.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ СОВѢТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

о пріемѣ въ августѣ 1880 года

СТУДЕНТОВЪ ВЪ АКАДЕМІЮ.

Въ казанской духовной академіи имѣетъ быть въ августѣ мѣсяцѣ настоящаго года пріемъ студентовъ въ составъ новаго курса на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Въ студенты академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, окончившія вполнѣ удовлетворительно курсъ семинаріи съ званіемъ студента или классической гимназіи. 2) Просьбы о пріемѣ въ студенты подаются на имя ректора не позже 15 августа. 3) Къ просьбамъ прилагаются слѣдующіе документы: а) семинарскій или гимназическій аттестатъ о вполнѣ удовлетворительномъ выдержаніи экзамена изъ наукъ полнаго семинарскаго или гимназическаго курса; б) узаконенное метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи для лицъ поступающихъ въ академію не по назначенію семинарскаго начальства, а по собственному желанію; лица же, поступающія въ академію по назначенію семинарскаго начальства, могутъ представить, вмѣсто свидѣтельства, выписку изъ метрическихъ книгъ,

надлежаще удостовѣренную мѣстною консисторіею; в) свидѣтельства о привитіи оспы и состояніи здоровья; г) документы о состояніи, къ которому проситель принадлежитъ и д) лица податнаго состоянія—увольнительное отъ общества свидѣтельство; е) лица, подлежащія въ настоящемъ году призыву къ отправленію воинской повинности, обязаны представить свидѣтельство о припискѣ къ какому либо призывному участку. 4) Поведеніе желающихъ поступить въ академію должно быть не ниже очень хорошаго; окончившіе курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи за годъ и болѣе до поступленія въ академію должны представить одобрительное свидѣтельство о своемъ поведеніи отъ мѣстнаго подлежащаго начальства. 5) Лица духовнаго званія, желающія поступить въ академію, обязаны представить при своемъ прошеніи одобрительное свидѣтельство епархіальнаго начальства о своемъ поведеніи. 6) Желающіе поступить въ студенты академіи, прежде принятія, подвергаются повѣрочному испытанію по слѣдующимъ предметамъ: а) по общей церковной исторіи, б) по русской гражданской исторіи, в) по догматическому богословію (воспитанники гимназій по пространному катихизису), г) по обоимъ классическимъ языкамъ и д) по одному изъ новыхъ языковъ, по желанію экзаменующихся. 7) Поступающіе въ академію, сверхъ означеннаго устнаго испытанія, должны дать два письменные отвѣта—одинъ по богословію, а другой по философіи (воспитанники же гимназій по русской словесности). На сочиненія будетъ обращаться особенное вниманіе, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ оцѣнкѣ зрѣлости сужденій и знанія отечественнаго языка. 8) Успѣшно выдержавшіе повѣрочное испытаніе, т. е. получившіе по каждому

предмету испытанія не менѣе 3, принимаются въ студенты академіи—лучшіе на казенное содержаніе, а остальные на свое за исключеніемъ лицъ женатыхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ, согласно опредѣленію Св. Синода отъ $\frac{\text{10 декабря}}{\text{10 января}}$ 187⁵/₆ г., на казенное содержаніе не будутъ принимаемы.

ОГЛАВЛЕНІЕ

первой части

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

НА 1880 ГОДЪ.

стран.

Возмущеніе соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ. *И. Я. Сырцова*. 3, 138 и 335.

О двухъ генеалогіяхъ Іисуса Христа (Матѳ. I, 1 — 17. Лук. III, 23 — 38 ст.). *М. И. Богословскаго* . . . . . 29.

Участіе римской религіи въ дѣлахъ государственныхъ. *И. С. Бердникова* . . . . 77 и 103.

Письма о нѣмецкомъ богословіи. *Г.* . . 176.

Расположеніе и убранство древне-христіанскихъ храмовъ. *Н. Ѳ. Красносельцева*. 215 и 367.

Императоръ Юстиніанъ и его отношеніе къ церкви. *Ѳ. А. Курганова* . . . . . 239.

Гордій Семеновичъ Саблуковъ. (Некрологъ) . . . . . 288.

Повѣствованіе о твореніи міра и человѣка въ I, II и V главахъ книги Бытія, въ отношеніи къ вопросу о происхожденіи и писателѣ книги. *П. А. Юнгерова* . . . . . 394.

стран.

Пріѣздъ въ городъ Казань Высокопреосвященнѣйшаго Сергія, архіепископа казанскаго и свіяжскаго, и вступленіе его на казанскую каѳедру. *Н. Р.* . . . . . 415.

Слово во вторую недѣлю поста. *Высокопр. Сергія*, архіепископа казанскаго . . . . . 423.

Съ риторики всего болѣе обращалось вниманія на письменныя упражненія семинаристовъ. Духовное начальство предписывало „къ большему успѣху наичаще содержать учениковъ въ экзерциціяхъ“ (1). Экзерциціи эти развивали у риторовъ мыслительность и своего рода ловкость и находчивость до такой степени, что за недостаткомъ философовъ и богослововъ они могли иногда замѣнять этихъ ученыхъ мужей и въ преподаваніи и на проповѣдническомъ поприщѣ. Нѣкоторые архіереи заставляли ритористовъ говорить ихъ ученическія проповѣди даже въ церкви. Вотъ наприм. что писалъ первый учитель риторики вятской семинаріи Финитекій архіерею Варлааму въ 1745 г.: „въ школахъ, мною основанныхъ, нѣкоторые изъ студентовъ въ толикую моими трудами произошли науку, что во всю покойнаго преосвященнаго Веніамина бытность поученія въ церквахъ сказывали, такожъ уже и въ бытность вашего преосв—ва, каковаго суть оные ученія, въ самоперсональномъ проповѣданія ихъ слушаніи ваше преосвященство опробовать ихъ изволили“ (2). Въ виду такой важности риторическаго обученія на него назначалось два года. Въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ весь курсъ оканчивался риторикой, ученики оставались въ риторическомъ классѣ года по 4 и больше до пріисканія мѣста, точно такъ же, какъ въ полныхъ семинаріяхъ они оставались по окончаніи курса въ богословскомъ классѣ (3). Въ новгородской семинаріи въ 1742 году риторы были оставлены въ томъ же классѣ на 4 года въ ожиданіи замедлившагося тогда открытія философскаго класса (4). Не говоримъ объ обыкновенныхъ случаяхъ

(1) Ист. моск. акад. 113.

(2) Вятск. епарх. вѣд. 1868 г. № 13.

(3) Тамъ же № 12, стр. 199.

(4) См. житіе св. Тихона при I т. его сочиненій. Въ 1746 г. философы оставлены въ риторикѣ за неимѣніемъ учителя философіи въ смоленской семинаріи. Смол. епарх. вѣд. 1878 г. № 2, стр. 59.

оставленія учениковъ безъ перевода за безуспѣшность. Въ псковской семинаріи въ 1752 г. встрѣчаемъ такой случай: начальство узнало, что ученики, переведенные уже въ философію, почему-то плохо знали риторику, и распорядилось снова преподать имъ эту важную науку въ философскомъ классѣ (1).

Въ философію переводилось еще менѣе учениковъ, чѣмъ въ піитику и риторику. Поэтому прошедшіе оба высшихъ класса считались очень рѣдкими учеными до конца описываемаго времени, тѣмъ болѣе, что самыхъ семинарій съ обоими этими классами было всего только 8 (кромѣ академій), да и въ этихъ 8 семинаріяхъ полные курсы явились большею частію уже въ царствованіе имп. Елизаветы. Раньше всѣхъ завелъ у себя высшіе классы харьковскій коллегіумъ, — философію въ 1727, богословію въ 1731 гг. Затѣмъ довольно рано явились они въ семинаріи смоленской (2). Въ Казани и Псковѣ при имп. Аннѣ былъ только философскій классъ (съ 1739 г.); богословіе введено въ Псковѣ съ 1746 г., а въ Казани съ 1751. Не ранѣе этого послѣдняго года полный курсъ сформировался въ семинаріи петербургской, — первый философскій курсъ кончился здѣсь еще въ 1743 г. (3). Въ новгородской семинаріи философія стала читаться съ 1746 г.; богословскій классъ открыли было съ 1748 г., но въ томъ же году начавшій въ немъ преподаваніе учитель Іосифъ Ямницкій померъ, ученики снова были переведены назадъ въ философію и приступили къ изученію богословія уже черезъ два го-

---

(1) Ист. псковск. семин. 29.

(2) Въ опис. смоленской епархіи сказано, что оба класса открыты съ 1728 г., но тамъ же говорится, что въ семинарской вѣдомости 1741 г. значится еще одинъ философскій классъ. Стр. 181. 184. Первый учитель богословія упом. въ 1746 г. Смол. епарх. вѣдомост. 1878 г. № 2: Матеріалы для ист. смол. семинаріи стр. 59.

(3) Сильвестръ Кулябка въ Страни. 1875 г. т. I. стр. 80—81.

да (1). Въ 1749 г. философія введена въ троицкую семинарію, богословскій классъ открылся черезъ два года въ 1751 г. Около того же времени философія стала читаться въ семинаріи тверской, а въ 1759 г. новый ректоръ ея архимандритъ Тихонъ, знаменитый послѣ святитель воронежскій, приступилъ къ преподаванію ея ученикамъ богословія (2). Кромѣ этихъ 8 полныхъ семинарій были еще 3 семинаріи съ однимъ философскимъ классомъ: тобольская съ 1755 г., рязанская съ 1757 г., нижегородская со времени архіерея Θеофана Чарнуцкаго (3). Мы упоминали, что философскіе классы стали было заводиться также въ семинаріяхъ воронежской и вологодской, но за недостаткомъ средствъ и учителей не продержались до конца.

Обѣ высшія науки читались въ семинаріяхъ на латинскомъ языкѣ по рукописнымъ запискамъ, составленнымъ подъ руководствомъ академическихъ лекцій. Записки эти остаются неизвѣстными въ нашей литературѣ до настоящаго времени и о содержаніи ихъ можно судить только по извлеченнымъ изъ нихъ конспектамъ и краткимъ ихъ характеристикамъ въ исторіяхъ семинарій (4). Философія проходилась въ два года и раздѣлялась обыкновенно на пять частей: діалектику или логику, физику, психологію или, какъ ее иногда называли, анимостику, метафизику и иθику. Изъ нихъ двѣ первыя обращали на себя особенное вниманіе преподавателей; логика была важна въ видахъ господствовавшаго схоластическаго образованія, физика была единственною наукою, которая, при всей своей отсталости и наивности въ понятіяхъ о природѣ и объясненіяхъ физическихъ явленій, дава-

(1) См. житіе св. Тихона.

(2) Тамъ же и Біогр. тверск. іерарх. стр. 116.

(3) См. выше стр. 181. Ист. Нижегор. іерархіи стр. 122 и 143.

(4) См Опис. смол. епарх. 182 — 183 и Ист. троицк. сем. 36 и далѣе.

ла семинаристу хотя кое-какія реальныя знанія. Въ основѣ всей философіи лежали начала Аристотеля, а господствующимъ методомъ былъ методъ схоластическій. Въ 1750-хъ гг. господство Аристотеля стало сильно колебаться на философскихъ каѳедрахъ обѣихъ академій; въ среду академическихъ схоластиковъ незамѣтно начали проникать идеи новой философіи Бэкона, Декарта и особенно Лейбница и Вольфа. Было ли что нибудь подобное въ семинаріяхъ, за недостаткомъ фактовъ сказать не можемъ.

Въ богословскомъ классѣ ученики оставались неопредѣленнное время до пріисканія мѣста. Напр. изъ вѣдомости троицкой семинаріи 1758 г. видно, что одни изъ учениковъ учились богословію 2 года и менѣе, другіе 3, 4 и 5 лѣтъ. Самый курсъ науки разсчитанъ былъ въ однихъ семинаріяхъ на два, въ другихъ на 4 года. Получившіе мѣсто ранѣе этихъ сроковъ большею частію оставляемы были при семинаріи доучиваться. Богословіе преподавалось по тому же схоластическому методу. Образцомъ богословствованія былъ латинскій богословъ Ѳома Аквинатъ, система котораго была долгое время главнымъ руководствомъ и для академическихъ лекцій. Семинарскія записки по богословію держались впрочемъ не столько системы самого Аквината, сколько лекцій его академическихъ послѣдователей, особенно лекцій кіевскаго богослова Іоасафа Кроковскаго и московскаго Ѳеофилакта (характеристику ихъ можно читать въ исторіяхъ кіевской и московской академій), которыя онѣ только перифразировали и сокращали. По характеру своему онѣ представляли собою обыкновенные схоластическіе трактаты со всѣми обычными недостатками стараго схоластическаго богословствованія. Такъ наприм., разбирая записки по богословію смоленской семинаріи 1747 и 1755 гг., авторъ Описанія смоленской епархіи говоритъ, что онѣ „состояли изъ разныхъ болѣе или менѣе утонченныхъ дефиницій, квестіоновъ, диспутацій, изложенныхъ безъ систематиче-

скаго порядка; чрезвычайная дробность дѣленій и подраздѣленій, изысканность и сухость силлогистическихъ формъ, въ которыхъ посылки большею частію извнѣ пригнаны къ готовымъ заключеніямъ, незначительность, иногда мелочность вопросовъ, пустая терминологія и отсутствіе истиннаго духа ученія христіанскаго только порождали любопреніе и ошибочную самоувѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости.“ Еще въ началѣ XVIII столѣтія въ Кіевѣ явилась новая система богословія, система Ѳеофана Прокоповича, изложенная по образцу новыхъ протестантскихъ теологій Германіи и нанесшая сильный ударъ старому схоластическому методу богословствованія, но она долго не принималась въ руководство ни въ семинаріяхъ, ни въ академіяхъ. Первыя попытки освободиться отъ схоластики и приблизиться къ направленію Прокоповича въ академіяхъ встрѣчаемъ уже въ 1740-хъ гг. Послѣ этого система Прокоповича начала понемногу проникать и въ семинаріи, начиная съ троицкой. Первый троицкій учитель богословія Аѳанасій Вольховскій оставилъ записки, составляющія почти копію съ лекцій Ѳеофана, но съ разными отступленіями отъ его метода въ пользу отживавшей свой вѣкъ схоластики. Разборъ этихъ записокъ, представляющихъ собою „разительный примѣръ борьбы между привязанностію къ схоластикѣ и стремленіемъ къ свободному преподаванію науки,“ можно видѣть въ Исторіи троицкой семинаріи.

Рука объ руку съ господствомъ въ богословіи схоластики шло господство въ немъ латинскаго языка. Тонкости и абстракціи схоластическаго богословія не нашли для себя въ русскомъ языкѣ равносильныхъ формъ и выраженій, да и въ самой латыни требовали множества техническихъ, нарочно выдуманныхъ въ средніе вѣка терминовъ, о которыхъ и не снилось римскимъ классикамъ, въ родѣ наприм. ubicatio, entitas, quidditas, aseitas, perseitas, futuritio и т. п. Съ другой стороны эта варварская латынь въ свою очередь

оказывала важную услугу схоластикѣ, составляя обманчивый покровъ для пустоты и безполезности ея богословскихъ разглагольствій. Съ первыми же опытами изложенія богословія на русскомъ языкѣ въ 60-хъ гг. XVIII столѣтія покровъ этотъ сталъ спадать и богословская схоластика быстро склонилась къ упадку. Но пока это случилось, латынь и схоластика успѣли много повредить развитію у насъ богословскаго образованія, отвлекая вниманіе учениковъ богословія отъ содержанія науки къ одной ея формѣ. Путаясь въ безплодныхъ діалектическихъ тонкостяхъ и варварскихъ терминахъ, богословъ только и годился для школьныхъ диспутовъ въ кругу такихъ же педантовъ, какъ онъ самъ, но не могъ попонятнѣе и на русскомъ языкѣ объяснить самыхъ простыхъ истинъ вѣры, что собственно и требовалось отъ будущаго народнаго учителя и пастыря. Русскій научно-богословскій языкъ, образчикъ котораго можно видѣть наприм. въ тезисахъ для публичныхъ диспутовъ въ московской академіи (1), былъ до того мало развитъ, что стоялъ несравненно ниже даже языка нашихъ старинныхъ переводчиковъ св. отецъ и оригинальныхъ богословскихъ произведеній древней Руси. Мысль о преподаваніи наукъ на русскомъ языкѣ высказана была еще въ 1731 г. въ грамотѣ харьковскому коллегіуму, гдѣ говорилось, чтобы высшія науки „старались вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ.“ Не смотря на это, первую попытку подобнаго преподаванія богословія встрѣчаемъ уже въ 1759 г. въ кіевской академіи: м. Арсеній распорядился тогда читать богословамъ по русски Православное Исповѣданіе П. Могилы; но и эта уступка требованіямъ жизни допущена была академіею, такъ сказать, ради человѣческой слабости, въ видѣ прибавленія къ настоящему богословскому курсу, который все-таки положено чи-

(1) Ист. моск. акад. прилож. № 4.

тать, „сохраняя чистый латинскій штиль и оберегаясь грубаго простаго нарѣчія“ (1). Раньше этого практическимъ потребностямъ богословскаго образованія семинаристовъ могли удовлетворять только упражненія въ составленіи русскихъ проповѣдей и особенно заведенныя въ нѣсколькихъ семинаріяхъ, по примѣру академій, катихизическія бесѣды, на которыхъ только и можно было услышать живое слово объ истинахъ вѣры на родномъ языкѣ, такъ какъ эти бесѣды имѣли публичный характеръ. Для семинаристовъ посѣщеніе бесѣдъ было строго обязательно, поэтому передъ началомъ каждой бесѣды имъ обыкновенно дѣлалась перекличка по списку. Составленіе и произношеніе бесѣдъ поручалось ректору или префекту или кому нибудь изъ учителей большею частію духовнаго сана. Можно положительно сказать, что катихизація была лучшимъ богословско-образовательнымъ средствомъ для самихъ нашихъ богослововъ, съ нея началъ свое богословское поприще и знаменитый авторъ нашего перваго русскаго Богословія, м. Платонъ (2).

Торжествомъ богословско-философской учености въ семинаріяхъ, какъ и въ академіяхъ, были публичные диспуты, производившіеся на латинскомъ же языкѣ въ концѣ каждаго учебнаго года. Схоластическая тонкость и изворотливость и знаніе латинскаго языка проявлялись здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Объявленія о диспутахъ разрисовывались на матеріи или вырѣзывались на желѣзныхъ листахъ съ разными символическими фигурами, представлявшими заслуги архіерея или благотворныя слѣдствія просвѣщенія, прибивались вмѣстѣ съ назначенными для диспута тезисами къ воротамъ семинаріи и привлекали въ семинарскій залъ множество любопытныхъ посѣтителей. О многолюдствѣ подобныхъ собраній можно судить по-

(1) Ист. кіевск. акад. 142 и 143.

(2) О катихизаціи въ семинаріяхъ см. ист. троицк. сем. 58. Ист. спб. акад. 26. Казанск. древн. Любарскаго 107. Ист. іерарх. 1. 604.

тому, что наприм. въ смоленской семинаріи на наемъ однихъ стульевъ для публики въ день диспута выходило свыше 14 рублей, — сумма тогда очень большая для семинаріи; замѣчательно, что въ той же семинаріи и въ тоже время на лекарства и содержаніе больныхъ семинаристовъ за цѣлый годъ расходовалось всего 9 р. 19 к. Многіе посѣтители, ничего не понимая полатыни, являлись просто изъ любопытства посмотрѣть какъ будутъ спорить между собою назначенные для состязанія бурсаки оппоненты и дефенденты, или изъ желанія послушать всегда сопровождавшаго эти диспуты партеснаго пѣнія кантовъ и концертовъ. Кромѣ этихъ торжественныхъ диспутовъ въ богословскомъ и философскомъ классахъ отъ времени до времени, большею частію помѣсячно, производились еще диспуты частные для упражненія учениковъ въ діалектикѣ. Въ петербургской семинаріи заведены были еще общія собранія всѣхъ воспитанниковъ и учителей каждую субботу, на которыхъ дѣйствующими лицами были ученики всѣхъ классовъ, кромѣ богословскаго; риторы и философы читали тутъ свои сочиненія, піиты декламировали вирши, синтаксисты и грамматисты вели между собой сочиненные для нихъ на разныхъ языкахъ разговоры, а ученики нисшихъ классовъ читали наизусть мѣста изъ свящ. исторіи и катихизиса. По окончаніи всего лучшіе ученики получали отъ ректора похвалу, а дурные нагоняй (1).

Всѣ перечисленные нами классы или школы были латинскіе. Преподаваніе греческаго языка было повсюду въ упадкѣ. Сама московская академія до 1738 г. оставалась съ одной только латынью и далеко отстала въ этомъ отношеніи отъ кіевской, которая все-таки имѣла у себя греческіе классы, хотя и не обязательные для всѣхъ студентовъ, и могла выставлять изъ среды своихъ питомцевъ такихъ рѣдкихъ

(1) Ист. спб. акад. 23—24. Опис. смол. епархіи 184.

еллинистовъ, какъ Симонъ Тодорскій, Варлаамъ Лящевскій и Іаковъ Блонницкій. Въ 1738 г., когда греческій языкъ велѣно было ввести въ московскую академію, за преподавателями его пришлось обратиться именно въ Кіевъ, который Москва сама когда-то упрекала за исключительную привязанность къ латыни. Съ этого же времени стали заботиться о преподаваніи греческаго языка и въ семинаріяхъ. Въ указахъ о штатѣ новгородской семинаріи и объ открытіи семинаріи троицкой онъ поставленъ былъ въ семинарскомъ курсѣ наравнѣ съ латинскимъ. На практикѣ такого равенства онъ впрочемъ никакъ не могъ достигнуть. Въ смоленской наприм. семинаріи для него не было особаго учителя, а поручалось преподавать его одному изъ наличныхъ учителей въ качествѣ прибавочнаго предмета. Въ псковской съ 1743 г. ему велѣно было обучать только понятнѣйшихъ и надежнѣйшихъ учениковъ по 3 раза въ недѣлю въ послѣобѣденное время (1). Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ преподаваніе его введено очень поздно, наприм. въ нижегородской и рязанской (1757 г.) (2). Всего успѣшнѣе онъ преподавался въ Харьковѣ, Новгородѣ, Твери и въ семинаріяхъ петербургской и троицкой. Студентъ петербургской семинаріи Пельскій въ 1745 г. по знанію греческаго языка признанъ достойнымъ занять въ московской академіи мѣсто выбывшаго изъ учителей Іакова Блонницкаго; тверскіе семинаристы были хорошо заправлены въ знаніи этого языка еще при Θеофилактѣ Лопатинскомъ, который самъ былъ его знатокомъ, потомъ о преподаваніи его много заботился другой тверской архіерей Митрофанъ Слотвинскій (1739 — 1752), который лично задавалъ ученикамъ

---

(1) Опис. смол. епархіи 187. Ист. псковск. семин. 26.

(2) Ист. нижегор. іерарх. 129. 122.

разные переводы и пересматривалъ всѣ ихъ греческія упражненія (1).

Къ числу „діалектовъ наипаче приличныхъ дух. чину“ присовокуплялся еще языкъ еврейскій, но сами указы о введеніи его въ семинаріи говорили только условно: „если возможно.“ Поэтому онъ преподавался лишь въ немногихъ болѣе устроенныхъ семинаріяхъ, невской, новгородской, троицкой. Въ послѣдней ученики начинали изученіе его съ младшихъ классовъ и такъ въ немъ успѣвали, что въ спискахъ 1761 года одинъ изъ нихъ Новиковъ отмѣченъ умѣющимъ поеврейски даже non inelegantter colloqui. Въ послѣднее время въ академіяхъ начали заботиться о введеніи преподаванія новыхъ языковъ. Изъ семинарій, сколько извѣстно, первая ввела у себя эти языки, нѣмецкій и французскій, харьковская при Петрѣ Смѣличѣ, но послѣ него въ 1741 г. каѳедры ихъ были снова закрыты (2). Въ 1758 г. Гедеонъ Криновскій распорядился о введеніи новыхъ языковъ въ троицкой семинаріи; чтобы приготовить учителей къ ихъ преподаванію, лавра отправила двоихъ троицкихъ студентовъ въ московскій университетъ. Вѣроятно около того же времени преподаваніе этихъ языковъ введено въ семинаріи петербургской. Въ Нижнемъ архіерей Ѳеофанъ завелъ классъ французскаго языка, а въ Новгородѣ уже въ 1762 г. открытъ классъ нѣмецкій (3). Объ изученіи мѣстныхъ инородческихъ языковъ тогда еще не заботились. Мы можемъ указать на одинъ только фактъ, относящійся къ этому предмету, и то касавшійся учениковъ исключенныхъ изъ семинарій. Въ 1748 г. петербургскій архіепископъ Ѳеодосій распорядился взять съ двоихъ такихъ учениковъ подписку,

(1) Жит. св. Тихона. Ист. моск. акад. 221. Біограф. тверск. іерарх. 105. 116. Ист. троицк. семин 53.

(2) Ист. росс. іерарх. I. 637—638.

(3) Ист. троицк. семин. 53. Ист. нижегор. іерарх. 143. Ист. рос. іерарх. I, 609.

чтобы они научились чухонскому языку „ради необходимо случающихся въ здѣшнихъ странахъ нуждъ;“ при этомъ, въ случаѣ хорошихъ успѣховъ, имъ обѣщаны были не только дьяконскія, но и священническія мѣста (1). Исключеніе составлялъ языкъ польскій, преподававшійся въ югозападныхъ семинаріяхъ, кажется, повсюду, какъ и въ кіевской академіи.

Кромѣ перечисленныхъ главныхъ предметовъ семинарскаго курса, по именамъ которыхъ назывались самые классы, по программѣ Д. Регламента въ семинаріяхъ должны были преподаваться другія свѣтскія науки, совокупность которыхъ могла бы составлять необходимое восполненіе сословно-спеціальнаго курса духовной школы, его часть общеобразовательную: ариѳметика съ геометріей, географія, исторія, физика и политика. Но гдѣ и какъ онѣ преподавались на самомъ дѣлѣ, объ этомъ мы имѣемъ очень мало опредѣленныхъ извѣстій. Въ извѣстныхъ доселѣ документахъ по исторіи разныхъ семинарій говорится только въ общихъ чертахъ, что ученики учились въ фарѣ, инфимѣ,... философіи, богословіи, но чему они тамъ обучались, раздѣльно не говорится. Политика, сколько извѣстно, не преподавалась ни въ одной семинаріи. Физика составляла часть философіи и преподавалась съ философско-богословской точки зрѣнія, какъ натур-философія, а не какъ наука изъ области естествовѣденія. Не много также посчастливилось въ семинаріяхъ и наукѣ математической.

Св. Синодъ, какъ мы знаемъ, обѣщался при Петрѣ завести цифирное обученіе во всѣхъ своихъ школахъ, но обѣщанія своего не выполнилъ. Ариѳметика введена была главнымъ образомъ въ тѣхъ изъ архіерейскихъ школъ, которыя возникали на мѣсто прежнихъ цифирныхъ или были съ послѣдними въ какой нибудь связи, какъ наприм. архіерейскія школы въ Вологдѣ и Рязани. Да и самое обѣщаніе завести въ

(1) Ист. спб. акад. 52.

своемъ вѣдомствѣ цифирное обученіе дано было не столько по сознанію его важности для образованія дѣтей духовенства, сколько изъ желанія освободить ихъ отъ невыгодной для духовнаго сословія посылки ихъ въ цифирныя школы вмѣсто духовныхъ и изъ угожденія царю, который желалъ развить это обученіе въ духовныхъ школахъ въ интересахъ государственной службы (1). Нѣкоторыя же мѣстныя дух. начальства тогда же стали освобождать отъ этого обученія всѣхъ учениковъ, готовившихся собственно къ духовной службѣ; такъ въ смѣшанной рязанской школѣ ариѳметикѣ обучались дѣти только свѣтскихъ лицъ, готовившіяся на государственную службу, а ученики духовные отдѣлены были отъ нихъ въ особую группу, которая ее не изучала. Послѣ Петра такой взглядъ на ариѳметику стало раздѣлять и правительство: въ указѣ 1737 г. о дѣтяхъ духовенства, откупавшихся отъ военной службы, прямо говорилось, чтобы желающіе изъ нихъ приготовиться къ свѣтской службѣ учились ариѳметикѣ съ геометріей, а готовившіеся въ дух. чинъ обучались грамматикѣ, риторикѣ и философіи (2). Тѣже науки, какъ особенно приличныя дух. званію, перечисляются въ указахъ о штатѣ новгородской семинаріи и объ открытіи троицкой. Около конца 1730-хъ годовъ извѣстія о преподаваніи въ дух. школахъ ариѳметики совсѣмъ прекращаются. Знаемъ только, что она входила въ составъ курса въ семинаріяхъ невской, смоленской и казанской (3). Въ исторіи харьковскаго коллегіума, гдѣ математическій классъ при П. Смѣличѣ организованъ былъ очень роскошно (въ немъ читались математика, геометрія и архитектура), находимъ извѣстіе, что въ 1741 г. математика вовсе

---

(1) См. выше стр. 77.

(2) П. С. З. № 7169.

(3) Ист. спб. акад. 21. Ист. росс. іерарх. I, 377. Смол. епарх. вѣд. 1871 г.: инструкціи смоленской семинаріи.

была исключена изъ курса, между тѣмъ какъ коллегіумъ былъ еще не столько духовнымъ, сколько общеобразовательнымъ заведеніемъ (1). Въ троицкой семинаріи съ 1743 г. она была напротивъ введена вновь по опредѣленію лаврскаго собора (велѣно было преподавать ариѳметику, геометрію и тригонометрію), но самое это опредѣленіе всего лучше показываетъ, что она вводилась вовсе не въ качествѣ науки нужной для полноты собственно семинарскаго курса, а изъ практическихъ видовъ, для удовлетворенія потребностей самой лавры, потому что „помянутое обученіе для знанія находящихся въ монастырѣ къ приказному порядку и прочихъ нужнѣйшихъ искуствъ, за неимѣніемъ таковыхъ людей, весьма Троицкому монастырю надобно.“ Отъ того и учились этой наукѣ не всѣ семинаристы, а вѣроятно только назначавшіеся послѣ на лаврскую приказную службу, сначала 45, а потомъ съ 1750 г. всего 17 человѣкъ. Въ подобныхъ же видахъ съ 1746 г. лавра завела при своей семинаріи классъ иконописи, въ которомъ съ самаго начала обучалось 8 учениковъ, а потомъ больше; классъ этотъ давалъ лаврѣ возможность имѣть своихъ иконописцевъ (2). Въ качествѣ обязательнаго предмета ариѳметика стала читаться въ лаврской семинаріи уже при архимандритѣ Гедеонѣ съ 1758—1760 гг.

Что касается до введенія въ семинарскій курсъ преподаванія географіи и исторіи, то объ немъ стали вспоминать только подъ конецъ описываемаго времени. Раньше всѣхъ семинарій ввели у себя эти науки петербургская невская (3) и харьковскій коллегіумъ (до 1741 г., когда историческій классъ въ немъ былъ снова закрытъ вмѣстѣ съ математическимъ). Въ тро-

---

(1) Ист. Росс. іерарх. I, 637—638.

(2) Ист. троицк. семин. 30—32. Живописи учились также въ невской академіи.

(3) Ист. спб. акад. 21.

ицкой семинаріи географія съ исторіей стали преподаваться только съ 1758 — 1760 гг. при Гедеонѣ Криновскомъ; въ новгородской введена была одна географія, и то уже въ 1762 г. (1). Въ другихъ семинаріяхъ, если и сообщались какія нибудь свѣденія по этимъ наукамъ, то вѣроятно мимоходомъ и между прочимъ, наприм. въ числѣ какихъ нибудь subsidia poëseos, или, какъ было въ переяславльской семинаріи, чрезъ чтеніе географическихъ и историческихъ руководствъ въ неучебные рекреаціонные дни. Переяславльскимъ семинаристамъ принято было читать въ такіе дни по исторіи Mellificium historicum, а по географіи историческую географію Целлярія. Какія руководства приняты были въ другихъ мѣстахъ, неизвѣстно.

Такимъ образомъ со стороны преподаванія общеобразовательныхъ наукъ семинарскій курсъ до послѣдняго времени постоянно оставался ниже программы, предначертанной для него въ Д. Регламентѣ, не смотря на то, что и самая эта программа, какъ мы видѣли, еще далеко не обнимала собою всѣхъ даже самыхъ существенныхъ требованій общаго образованія и отличалась въ этомъ отношеніи слишкомъ большими сокращеніями и въ числѣ назначавшихся къ преподаванію наукъ и во времени ихъ преподаванія. Причиною такой односторонности семинарскаго курса прежде всего была первоначальная неразвитость юныхъ духовныхъ школъ, потомъ большое съ теченіемъ времени развитіе въ духовномъ вѣдомствѣ извѣстныхъ намъ сословно-профессіональныхъ взглядовъ на образованіе, на основаніи которыхъ „науки святѣй церкви потребныя и наипаче духовному чину приличныя“ все рѣзче и рѣзче отдѣлялись отъ другихъ наукъ не прямо полезныхъ для духовной служ-

(1) Ист. троицк. семин. 51. Ист. росс. іерарх. I. 609.

бы. Чѣмъ болѣе развивался сословный характеръ дух. школы, тѣмъ сильнѣе онъ отражался и на составѣ ея учебнаго курса. Знанія общеобразовательнаго характера попадали въ ея курсъ, можно сказать, только случайно, или вслѣдствіе признанія ихъ полезными для изученія спеціальныхъ предметовъ, или по ихъ надобности, такъ сказать, для домашняго обихода сословія, чѣмъ наприм. мотивировано было введеніе въ троицкой семинаріи класса математики и обученія иконописи, или наконецъ по старымъ традиціямъ, какъ изученіе классическихъ языковъ, риторики съ піитикой и философіи. Не смотря на всю прочность того положенія, какое эти языки и науки издавна занимали въ семинарскомъ курсѣ, все-таки до послѣдняго времени находились люди, которые, смотря на семинарію съ исключительно профессіональной точки зрѣнія, считали ихъ вовсе не такъ для нея нужными, какъ это слѣдовало по старымъ традиціоннымъ понятіямъ;—въ числѣ этого рода людей видимъ даже одного изъ образованныхъ архіереевъ малороссовъ, Арсенія Маціевича. Какъ однако ни сильно наклонялось семинарское обученіе къ своей спеціальной цѣли и какъ вслѣдствіе этого ни съуживался объемъ его курса съ общеобразовательной стороны, общее образованіе въ семинаріяхъ было довольно высоко по тогдашнему времени и давало имъ важное преимущество предъ другими учебными заведеніями, которыя всѣ имѣли тогда спеціальные курсы. Каковы бы ни были семинарская риторика и философія, онѣ сообщали ученику не одну уже ремесленную выучку, а въ собственномъ смыслѣ образованіе, развитіе. Ихъ изучалъ одинъ семинаристъ, отъ того онъ и имѣлъ огромное преимущество предъ воспитанниками всѣхъ другихъ заведеній, гдѣ этихъ наукъ не было; отъ того такъ и дорожили имъ въ университетахъ, петербургскомъ академическомъ и въ московскомъ; отъ того такъ много замѣчательныхъ людей изъ духовныхъ воспитанниковъ встрѣчаемъ въ XVIII в. и на всѣхъ родахъ го-

сударственной и ученой службы. Надобно при этомъ замѣтить и то, что самая спеціальность дух. школъ, образованіе богословское, по своему развивающему вліянію стоитъ ближе къ общему образованію, чѣмъ всякая другая свѣтская спеціальность, и въ извѣстныхъ границахъ сама входитъ въ составъ этого образованія.

Важнѣе была другаго рода односторонность семинарскаго образованія, уже не находившая себѣ восполненія, — это слишкомъ и даже исключительно формальное его направленіе. Ученикъ въ теченіи всего своего многолѣтняго курса вращался въ однихъ формахъ, отъ формъ языка переходилъ къ формамъ піитической и ораторской рѣчи, отъ формъ рѣчи къ формамъ мысли, наконецъ всѣ эти формы учился прилагать къ разнымъ богословскимъ положеніямъ, которыя за тѣмъ и оставались почти единственнымъ ихъ содержаніемъ. Кое-какія положительныя знанія только и попадались ему, что въ разныхъ subsidia poëseos или въ источникахъ изобрѣтенія мыслей, въ разныхъ риторическихъ супеллексахъ eruditionum, sententiarum и проч., или наконецъ въ философской физикѣ; но само собою понятно, что всѣ подобные обрывки разнообразныхъ свѣденій по разнымъ наукамъ безъ правильнаго изученія этихъ наукъ, только могли служить развѣ въ качествѣ пособій для украшенія ораторскихъ рѣчей, для придаванія имъ извѣстнаго рода занимательности къ увеселенію слушателей, или въ качествѣ примѣровъ и свидѣтельствъ для усиленія діалектической аргументаціи. Недостатокъ положительныхъ знаній вредно отзывался на самомъ богословіи. Формальная, исключительно діалектическая ученость, при всемъ своемъ самомнѣніи, была слишкомъ довѣрчива и наивна. Обращая все свое вниманіе только на формальную правильность своихъ силлогизмомъ, она вовсе не отличалась критикой и простодушно набивала свои богословскіе трактаты всякими средневѣковыми бреднями, апокрифами, легендами объ ан-

гелахъ и демонахъ, росказнями о ложныхъ чудесахъ, важными рѣшеніями пустыхъ и мелочныхъ вопросовъ, которые человѣку вѣрующему и нетронутому схоластикой не могутъ прійти и въ голову, и т. п. Ѳеофанъ Прокоповичъ въ свое время колко смѣялся надъ этими трактатами, называя ихъ потѣшными кладовыми всякой всячины, смѣялся и надъ ихъ всезнающими поклонниками, которые „готовы, по его словамъ, отвѣчать на всякій вопросъ и отвѣчаютъ такъ самоувѣренно, такъ безстыдно, что ни на волосъ не хотятъ подумать о томъ, что такое говорятъ.“ Схоластическая привычка вращаться только въ области формальной діалектики производила даже какое-то отчужденіе отъ положительныхъ знаній, такъ что въ самомъ богословіи устранялась вся его положительная сторона, состоящая въ филологическомъ и историческомъ изученіи самыхъ источниковъ христіанскаго вѣроученія и церковной древности, и оставалась одна сторона логическая, лишенная всякой научной опоры и защищенная отъ діалектическаго произвола только требованіями православнаго чувства.

Надобно однако сказать и то, что старая семинарская наука имѣла слишкомъ мало средствъ для болѣе солидной своей постановки. Еще Регламентъ толковалъ о необходимости для дух. школъ библіотекъ, „ибо безъ библіотеки, какъ безъ души, академія,“ но только немногія семинаріи успѣли обзавестись нѣсколько достаточными библіотеками, большинство же крайне нуждалось даже въ самыхъ необходимыхъ учебныхъ книгахъ. Богаче всѣхъ семинарій были въ этомъ отношеніи семинаріи лаврскія, имѣвшія возможность, кромѣ своихъ библіотекъ, пользоваться еще книжными сокровищами лавръ, потомъ новгородская, на библіотеку которой въ штатѣ 1740 г. ассигнована была значительная ежегодная сумма въ 638 р. „Знатная библіотека“ троицкой семинаріи, составившаяся, частію благодаря щедрости на покупку для нея книгъ лаврскаго начальства, частію отъ по-

жертвованій разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ 1762 г. содержала въ себѣ 2655 книгъ и 190 рукописей. Невская лавра тоже отличалась значительною щедростію на покупку книгъ для своей семинаріи; кромѣ того послѣдняя воспользовалась для своей библіотеки собраніями книгъ и рукописей Аѳанасія Скіады, Никодима Селлія и Ѳеофана Прокоповича (1). Библіотека новгородская, кромѣ покупки книгъ на ассигнованную сумму, особенно обогатилась отдачей въ ея пользу части огромной библіотеки Прокоповича и книжными пожертвованіями новгородскихъ архіереевъ Амвросія Юшкевича и Стефана Калиновскаго. Амвросій устроилъ для нея каменный корпусъ и завѣщалъ въ ея пользу все свое весьма богатое книжное собраніе (2). Въ южной Россіи славился книжнымъ богатствомъ харьковскій коллегіумъ, благодаря поступленію въ его библіотеку книгъ Стефана Яворскаго и богатымъ пожертвованіямъ Голицыныхъ, Епифанія Тихорскаго и Петра Смѣлича. Пожертвованія архіереевъ составляли основу вообще всѣхъ семинарскихъ библіотекъ; покупка книгъ производилась только въ крайнихъ случаяхъ, и то книгъ исключительно учебныхъ. Альваровъ, элементаревъ, треязычныхъ лексикоповъ Поликарпова или Кнапіуша, Іустиновъ историковъ, Цицерона ad familiares и т. п., потому что денежныхъ средствъ для такихъ покупокъ рѣшительно не было никакихъ, кромѣ развѣ пожертвованій со стороны тѣхъ же архіереевъ. Въ 1737 г. казанскій архіерей Лука Конашевичъ, воспользовавшись тѣмъ, что правительство обратило тогда особенное вниманіе на казанскую семинарію и указало привести ее въ лучшее устройство, въ составленномъ для того штатѣ семинаріи включилъ статью объ ассигновкѣ на ея библіотеку особой суммы въ количествѣ

(1) Ист. троицк. сем. 55—58. Ист. спб. акад. 33—34.

(2) См. въ Ист. росс. іер. т. I. О новгор. семин.

500 р. на первоначальное обзаведеніе и затѣмъ постоянной каждогодной, сколько будетъ соблаговолено правительствомъ. Представленіе это, не смотря на всю свою скромность, не было, кажется, утверждено. Просвѣщенный архипастырь однако не оставилъ мысли о заведеніи библіотеки и учредилъ, по словамъ Любарскаго, на собственныя средства „библіотеку не малую, снабдѣнную многими знатныхъ авторовъ разноязычными и особливо латинскими книгами“ (1). Въ Вяткѣ такимъ же обогащеніемъ мѣстной семинарской библіотеки на собственныя средства сдѣлался извѣстенъ Лаврентій Горка, первый устроитель семинаріи. Одинъ изъ его преемниковъ, Варѳоломей Любарскій, при возстановленіи вятской семинаріи послѣ пожара 1758 г., выписалъ для ея библіотеки книгъ латинскихъ и греческихъ на 1492 р. 77 к. (2). Въ Нижнемъ къ 1764 г. изъ пожертвованій архіереевъ составилась библіотека изъ 684 экземпляровъ (3).

Но и въ подобныхъ семинаріяхъ, обильно воспользовавшихся щедротами своихъ преосвященныхъ патроновъ, самый составъ библіотекъ былъ далеко не удовлетворителенъ для потребностей учащихся, носилъ характеръ случайный, сборный, не приспособленный къ спеціальнымъ учебнымъ цѣлямъ. Большею частію было такъ, что въ библіотекѣ имѣлись дорогія и важныя для ученаго многотомныя изданія въ родѣ Maxima bibliotheca veterum patrum, Corpus iuris civilis Justiniani, Thesavrus antiquitatum graecarum et romanarum и т. п., — и не было необходимаго учебника или даже славянской Библіи. Согласно съ постановленіемъ Регламента, чтобы ученики дух. школъ учились туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ, архіереи не скупились на покупку учебниковъ,

---

(1) Прав. Собесѣдн. 1858 г. т. II, 584.

(2) Ист. вятск. іер. 30. 77.

(3) Ист. нижегор. сем. 9

но все-таки никакъ не могли удовлетворить въ этомъ отношеніи всѣхъ учащихся. Отъ этого послѣдніе должны были прибѣгать къ постоянному списыванію уроковъ и теряли на свои учебныя записки самую большую часть дорогаго учебнаго времени. Дѣло и при этомъ не обходилось безъ затрудненія: книгъ было такъ мало, что не съ чего было и списывать. Тогда учители прибѣгали къ диктовкѣ урока во время классныхъ часовъ, что необходимо должно было отнимать много класснаго времени нужнаго для экспликованія урока, какъ тогда выражались (1). Въ смоленской семинаріи встрѣчаемъ еще другой способъ для достиженія той же цѣли, указывающій на еще болѣе крайнюю нужду въ учебникахъ: преосв. Пароеній (уже въ 1766 г.) распорядился, чтобы учители сами прочитывали съ учениками уроки тоже въ классѣ (2). Вмѣсто славянской библіи въ семинаріяхъ употреблялась болѣе доступная, хотя тоже довольно рѣдкая, латинская Вульгата; пользованіе ею было тѣмъ удобнѣе, что и лекціи и оккупаціи по богословію были на латинскомъ же языкѣ. Славянская Библія была большой рѣдкостью, почти недоступной для частныхъ лицъ изъ духовенства, слишкомъ дорогой и для семинарской библіотеки даже послѣ изданія ея въ 1751 г. Неудивительно, что изученія св. Писанія вовсе не было не только въ семинаріяхъ, но даже и въ академіяхъ. Между духовенствомъ о чтеніи св. Писанія и рѣчи не было. Изданіе 1751 г., какъ извѣстно, въ первый разъ только познакомило съ Библіей русскую публику, но число экземпляровъ, выпущенныхъ въ свѣтъ, было слишкомъ недостаточно для удовлетворенія потребностямъ не только народа, но и служителей церкви, кромѣ того каждый экземпляръ стоилъ 5 рублей, большой тогда суммы денегъ. Въ смоленской наприм. епархіи, какъ разсказываетъ авторъ ея описанія (стр. 165), „не рань-

(1) Ист. пск. сем. 27.

(2) Опис. смоленск. епарх. 188.

ше, какъ 1752 г., выдано было на всю епархію,— архіер. домъ, монастыри, церкви и семинарію, 10 библій по 5 р. Какъ было подѣлиться этими книгами, когда однихъ монастырей въ епархіи было 10?“ По всей вѣроятности тоже было и въ другихъ епархіяхъ.

III.

СОСТОЯНІЕ ДУХОВНЫХЪ ШКОЛЪ СЪ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

Съ восшествія на престолъ имп. Екатерины II въ Россіи началось новое преобразовательное движеніе и наступилъ новый періодъ въ исторіи народнаго образованія. Прежній утилитарный взглядъ на образованіе, какъ на одну выучку чему нибудь непосредственно нужному для извѣстнаго опредѣленнаго рода занятій и главнымъ образомъ для пользы того или другаго рода государственной службы, смѣнился новыми, болѣе широкими, педагогическими воззрѣніями, развившимися подъ вліяніемъ философіи XVIII вѣка. Правительство сознало, что государственное благосостояніе зиждется не на одномъ распространеніи въ обществѣ непосредственно полезныхъ, спеціальныхъ знаній, а на общемъ образованіи ума и сердца гражданъ, на народномъ развитіи и нравственности, и обратило усиленное вниманіе на народное воспитаніе. „Наказъ“ императрицы провозгласилъ, что одно ученіе безсильно производить истинно полезныхъ гражданъ, отвращать преступленія и сообщать крѣпость гражданскому порядку и что „правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами.“ На основаніи такихъ воззрѣній на народное образованіе новая реформа русскаго общества поставила себѣ задачей обновить это общество нравственно, создавъ посредствомъ воспитанія „новую породу людей.“ Старыя учебныя заведенія подвергнулись пре-

образованіямъ; кромѣ того рядомъ съ ними одно за другимъ возникали новыя заведенія съ болѣе широкими общеобразовательными и воспитательными цѣлями. Учебно-воспитательная часть въ государствѣ никогда еще не пользовалась такими попеченіями со стороны правительства и никогда не была предметомъ такой щедрости, какъ въ царствованіе Екатерины. Сравнивая образовательную дѣятельность императрицы съ такою же дѣятельностію Петра Великаго, современники говорили: „Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души.“

На духовныя школы Екатерина обратила свое вниманіе въ первый же годъ своего царствованія. Въ инструкціи коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ она писала: „Св. Синодъ самъ довольно вѣдаетъ, что познаніе слова Божія есть первое основаніе благополучія народнаго и что изъ сего источника истекаетъ вся народная добродѣтель. Но мы съ прискорбіемъ видимъ, что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго исправленія, такъ что и самые многіе священники не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и будучи сами часто малограмотные, нерѣдко простому народу служатъ собственными примѣрами къ повреждению.“ Для поднятія уровня духовнаго просвѣщенія она считала необходимымъ поднять благосостояніе и расширить курсы духовныхъ школъ, на что, между прочимъ согласно съ узаконеніями Петра I, назначала доходы съ церковныхъ имѣній. „Когда нѣтъ добраго учрежденія къ воспитанію и приготовленію молодыхъ людей, говорилось въ инструкціи, изъ которыхъ бы добрые пастыри и учители ко всѣмъ церквамъ опредѣляемы были, то и нынѣ въ простомъ народѣ нѣтъ никакого руководства къ отвращенію отъ пагубныхъ дѣлъ, нѣтъ исправленія нравовъ и добраго сожитія въ обществѣ.“ Современнымъ состояніемъ дух. школъ императрица была крайне недовольна. Прошло 40 лѣтъ со времени изданія Д. Регламента, давшаго дух. шко-

ламъ уставъ, но и „по сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи. Семинаристы нынѣшніе обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравоучительныхъ, не знаютъ исторіи церковной ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцовъ и матерей большею частію неволею и содержатся безъ разбора, способные съ тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосамъ, дабы пѣческую повседневную должность отправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ.“ Въ этой мѣткой характеристикѣ признаны такимъ образомъ не удовлетворительными всѣ стороны быта семинарій, и экономическая, и учебная, и воспитательная. Правительство очевидно требовало полной ихъ реформы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи той же инструкціи вкратцѣ намѣчена самая программа этой реформы. Въ каждой епархіи велѣно завести по одной семинаріи и по два — по три училища и на содержаніе тѣхъ и другихъ составить подробные штаты, причемъ опредѣлить жалованье для всѣхъ учителей и сумму на учебныя пособія (библіотеки). Согласно съ общими просвѣтительными стремленіями правительства курсъ семинарскаго ученія велѣно расширить введеніемъ общеобразовательныхъ наукъ, — математики, исторіи и географіи; ученикамъ рекомендовалось больше заниматься чтеніемъ въ имѣющихъ составиться семинарскихъ библіотекахъ, „ибо безъ чтенія такого одни школьные классы весьма недовольны къ просвѣщенію учащагося и къ обогащенію его, къ проповѣди слова Божія приготовляемаго.“ Большаго числа учениковъ, какъ въ Регламентѣ,

набирать не совѣтовалось: „ибо лучше число умѣренное содержать учениковъ, но чтобы были всѣ остротою и понятіемъ выборные и надежные, а притомъ по учительскимъ примѣчаніямъ добронравные, и конпъ опредѣленный былъ бы имъ въ лучшее довольство не суетно употребляемъ“ (1).

Занявшись исключительно вопросами объ управленіи церковными вотчинами и о штатахъ для арх. домовъ, монастырей, соборныхъ и вотчинныхъ церквей, коммиссія не успѣла составить никакихъ предначертаній касательно судьбы дух. школъ. Поэтому по распущеніи ея въ 1764 г. императрица въ указѣ 26 февраля опять повторила свою волю относительно ихъ преобразованія (2). На этотъ разъ для начертанія проекта такого преобразованія составлена была особая коммиссія изъ трехъ наиболѣе талантливыхъ духовныхъ лицъ, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ со стороны императрицы: Гавріила, епископа тверскаго, Иннокентія псковскаго и іеромонаха Платона Левшина (послѣ митрополита московскаго). Составленный ими проектъ не былъ осуществленъ въ практикѣ, какъ и прежній такой же проектъ организаціи дух. школъ, начертанный въ Д. Регламентѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ и проектъ Регламента, онъ весьма важенъ для исторіи духовно-учебныхъ заведеній, представляя собою полное выраженіе современныхъ ему взглядовъ на духовное образованіе и организацію духовныхъ школъ, взглядовъ самыхъ лучшихъ людей изъ духовенства, притомъ же солидарныхъ съ современными просвѣтительными идеями самой императрицы. Сличеніе его съ проектомъ Регламента всего лучше можетъ опредѣлить разницу въ тѣхъ основныхъ воззрѣніяхъ на дѣло, изъ которыхъ развивались разныя подробности въ постановкѣ дух. школъ и въ опре-

---

(1) П. С. З. XVI, № 11718.

(2) Также № 12060.

дѣленіи состава ихъ образованія въ первой и во второй половинахъ XVIII в. (1).

Согласно предписанію инструкціи 1762 г. о раздѣленіи школъ на разряды по достоинству и богатству епархій, на школы меньшія и большія, коммиссія предполагала открыть по епархіямъ два разряда семинарій, большія и меньшія, смотря по епархіи, и по 3—4 на каждую епархію низшія школы или гимназіи при монастыряхъ,—всѣ на опредѣленномъ содержаніи по штатамъ, кромѣ того особыя низшія школы грамотности при каждомъ благочиніи внѣ опредѣленнаго числа штатныхъ заведеній.

Послѣднія школы коммиссія предполагала сдѣлать всесословными и сосредоточить въ нихъ подъ вѣдѣніемъ благочинныхъ народное образованіе, о которомъ во время Екатерины въ первый разъ начались серьезныя попеченія. Курсъ ихъ ограничивался русскимъ чтеніемъ, чистописаніемъ и пѣніемъ. Гимназіямъ придавалось назначеніе двойственное, съ одной стороны такое же общенародное, для обученія дѣтей всякаго состоянія и чина, съ другой спеціальное, собственно для дѣтей духовенства, значеніе заведеній приготовительныхъ къ семинаріямъ, отъ того противъ курса низшихъ благочинническихъ школъ въ ихъ курсъ предположено ввести преподаваніе ариѳметики и первыхъ основаній латинской или греческой грамматики. Малыя семинаріи назначались спеціально для образованія кандидатовъ на духовную службу, ихъ предполагалось завести 21, т. е. въ большинствѣ епархій, „однако добавлялось въ проектѣ, чтобы епархіи, въ которыхъ учредятся меньшія семинаріи, въ равенствѣ были съ епархіями, въ которыхъ будутъ семинаріи большія, для сего изъ меньшихъ семинарій въ большія всегда нѣкоторое опредѣленное число учениковъ будетъ отсылаемо для

(1) Представляемъ существенные черты проекта по изложенію его въ Труд. кіевск. академіи за 1867 г. т. III, стр. 588—601.

совершеннаго обученія, чрезъ что всѣ епархіи нѣкоторымъ образомъ сравняются". Преподавать въ нихъ предположено классическіе языки, ариѳметику географію, исторію, риторику съ піитикой, логику, моральную философію и богословіе. Въ курсъ большихъ семинарій введено сверхъ этихъ предметовъ преподаваніе нѣмецкаго и французскаго языковъ, предпочтительно послѣдняго, геометріи, метафизики, теоретической физики и полемическаго богословія. „Къ большему же успѣху въ богословскихъ ученіяхъ, прибавлялъ проектъ, должно неотмѣнно присоединено быть толкованіе св. Писанія въ извѣстные дни и часы". Далѣе для лучшаго изученія св. Писанія высказана надобность ввести со временемъ въ курсъ еще преподаваніе языка еврейскаго. Большія семинаріи предположено завести только въ Новгородѣ, Казани, Ярославлѣ и въ „разсужденіи царствующаго города" въ Петербургѣ, хотя епархія его и дозволяла завести только семинарію малую. Кіевская академія должна была оставаться на старомъ положеніи. Что касается до академіи московской, то изъ уваженія къ ея давности и къ самой Москвѣ, какъ царствующему граду, коммиссія опредѣлила отличить ее отъ другихъ большихъ семинарій даже особымъ названіемъ, какъ „такое мѣсто, гдѣ всякимъ наукамъ обучаются", именно названіемъ духовнаго университета. Въ этомъ любопытномъ опредѣленіи выразилась весьма важная мысль о необходимости выдѣлить наконецъ академію изъ круга среднихъ заведеній, съ которыми она доселѣ совершенно сливалась, какъ учебное заведеніе высшее, хотя впрочемъ курсъ ея и при этомъ остался ничѣмъ неотличенъ отъ курса семинарій, кромѣ болѣе полнаго преподаванія математики и физики. Мысль эта очевидно еще далеко не выяснилась въ головахъ самихъ составителей проекта и высказана была едвали только не въ связи съ посылкой въ 1765 г. по повелѣнію императрицы нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ дух. школъ за границу, въ Оксфордъ, Геттингенъ и Лейденъ, для обученія выс-

шихъ наукъ, восточныхъ языковъ и богословія. По крайней мѣрѣ, признавая необходимость возвышенія академическаго образованія и введенія въ него преподаванія восточныхъ языковъ, проектъ прямо разсчитывалъ въ этомъ дѣлѣ на силы и знанія именно этихъ молодыхъ людей, когда они воротятся изъ-за границы для занятія профессорскихъ должностей.

Въ статьѣ о штатномъ содержаніи дух. школъ коммиссія положила раздѣлить воспитанниковъ на штатныхъ или казеннокоштныхъ и заштатныхъ, своекоштныхъ. Содержаніе назначалось изъ доходовъ церковныхъ имѣній и распредѣлялось по заведеніямъ, сообразно съ ихъ степенями, въ разнообразномъ, но вообще весьма удовлетворительномъ количествѣ. Такъ, на содержаніе гимназіи съ 20 штатными учениками и однимъ учителемъ назначалось отъ 271 до 415 р. На жалованье наставникамъ духовнаго университета исчислено 4401 р. въ годъ; на столъ 256 студентамъ 4608; всего на 4 гимназіи московской епархіи, 3 крутицкихъ и московскій дух. университетъ назначалось въ первый годъ 25,879 р. 80 к., во второй 15,101 р. 80 к., въ третій 19,625 р. 39 к., въ четвертый, какъ во второй, въ пятый 22,523 р. 40 к. и т. д.

Внутренняя администрація школъ ввѣрена префектамъ съ инспекторами изъ учителей; въ большихъ семинаріяхъ во главѣ всего заведенія поставленъ ректоръ. По внѣшнему управленію всѣ школы оставлены по прежнему въ вѣденіи епархіальныхъ архіереевъ, за исключеніемъ университета, подчиненнаго непосредственно Св. Синоду, а мѣстному архіерею, только какъ куратору. Въ этомъ важномъ исключеніи, какъ и въ указанномъ стремленіи отличить академію отъ семинарій, тоже нельзя не видѣть первыхъ проблесковъ идеи высшаго дух. заведенія, по самому существу своему выступающаго изъ узкой сферы епархіальной жизни въ болѣе широкую сферу жизни обще-церковной. Кромѣ этого коммиссія предположила завести еще общее центральное управленіе для всѣхъ духовныхъ школъ

въ лицѣ особаго протектора школъ изъ членовъ св. Синода и такимъ образомъ придать этой важной отрасли церковной жизни единство, котораго она никакъ не могла получить, оставаясь подъ вѣдомствомъ однихъ епархіальныхъ властей. Подобный протекторъ школъ уже былъ одно время при Синодѣ въ царствованіе Петра I, но мысль о возвышеніи учебнаго управленія на степень дѣла общецерковнаго тогда еще не созрѣла до надлежащей степени, а потому должность протектора вскорѣ, какъ мы видѣли, снова была упразднена. Проектъ коммиссіи воспользовался этимъ неудавшимся прежде учрежденіемъ и, предположивъ его возстановить, придалъ ему нѣкоторыя новыя черты и болѣе компетентный видъ. Протекторъ долженъ былъ заботиться объ усовершеніи дух. школъ, приводить въ дѣйство, что потребуется для этой цѣли по обстоятельствамъ, представлять государынѣ объ опредѣленіи на учебныя потребности новыхъ суммъ, какія окажутся нужны, имѣть общее наблюденіе за порядкомъ ученія и воспитанія во всѣхъ училищахъ и быть ходатаемъ обо всѣхъ ихъ дѣлахъ предъ св. Синодомъ и верховною властію. Назначеніе его должно было зависѣть отъ высочайшей воли. Для большей пользы дух. школъ коммиссія представляла императрицѣ „почтить наименованіемъ протектора дух. училищъ одного изъ свѣтскихъ знатнѣйшихъ особъ, дабы онъ съ тѣмъ духовнымъ протекторомъ въ пользу дух. училищъ къ вашему императ. величеству былъ надежнѣйшій предстатель“.

Относительно учебно-воспитательной части коммиссія руководствовалась особымъ, какъ говоритъ проектъ, предписаніемъ императрицы, „чтобъ ученіе соединено было съ добрымъ учащихся воспитаніемъ“. „Чтобы достигнуть сего, говорится далѣе, намъ надобно, чтобы учащіяся дѣти всѣ жили въ одномъ мѣстѣ, на однихъ благоразумныхъ правилахъ, подъ добрымъ и неопускаемымъ присмотромъ, и всѣмъ для ихъ содержанія потребнымъ были бы снабдѣны“.

Учебный курсъ для семинарій назначался въ 8 лѣтъ. На классы каждый день отведено по 6 часовъ, 4 до обѣда и 2 послѣ обѣда. До риторики большая часть учебнаго времени должна была посвящаться попрежнему на изученіе латинскаго языка. На преподаваніе риторики въ первый годъ риторическаго курса назначалось по 4 часа каждый день, вмѣстѣ съ нею должны были преподаваться по часу каждый же день греческій языкъ и исторія; въ среду и субботу для послѣдней назначено еще по другому часу. Во второй годъ къ риторикѣ и исторіи, по окончаніи преподаванія греческаго языка, предполагалось присоединить обученіе стихотворству. На философію тоже назначалось по 4 часа ежедневно. Во второй годъ философскаго (и вмѣстѣ катихизическаго) курса положено читать ученикамъ катихизическое богословіе по 4 же часа и по часу Библію. Остальное время положено заниматься экзерциціями и проповѣдями. Въ большихъ семинаріяхъ распредѣленіе времени было тоже, лишь съ необходимыми измѣненіями для преподаванія тѣхъ предметовъ, которые были введены въ ихъ курсъ сверхъ предметовъ малыхъ семинарій. Послѣдніе два года въ нихъ исключительно назначались для изученія богословія.

Учителей рекомендовалось принимать въ школы съ строгимъ разборомъ, по надлежащемъ испытаніи ихъ въ знаніи предметовъ, которые они намѣрены преподавать, и удостовѣреніи въ ихъ доброй нравственности; положено произвести экзамены и тѣмъ учителямъ, которые уже состояли на службѣ. Способъ преподаванія представленъ въ такихъ чертахъ: первая обязанность учителя выслушать урокъ, потомъ толковать правила науки, которой обучаетъ, съ изъясненіемъ примѣровъ на всякую регулу, причемъ спрашивать учениковъ, всѣ ли поняли; назначать въ нисшихъ классахъ переводныя экзерциціи, а въ высшихъ пристойныя сочиненія въ присутствіи учителя, которыя учитель потомъ долженъ разобрать по регуламъ; всякую субботу дѣлать ученикамъ краткое повтореніе тѣхъ

правилъ, которыя въ недѣлю толкованы, да и о томъ спросить, что читали ученики; при изученіи языковъ наблюдать, чтобы семинаристы говорили на нихъ. Кромѣ изложенія этихъ правилъ, имѣвшихъ цѣлію улучшить и упростить преподаваніе, проектъ почелъ нужнымъ предоставить учителямъ больше самостоятельности и свободы вводить отъ себя все, что найдутъ полезнымъ для учениковъ, лишь извѣщая о томъ предварительно префекта. Такъ какъ всѣ учители долженствовали быть вмѣстѣ и воспитателями, то проектъ налагалъ на нихъ обязанность внимательно наблюдать не только за успѣхами, но и за поведеніемъ семинаристовъ, посѣщать послѣднихъ въ жилищахъ, возбуждать ихъ совѣтами къ прилежному храненію учрежденнаго порядка, бывать съ ними въ церкви и во всемъ подавать собою примѣръ. Для наблюденія за успѣхами учениковъ назначались экзамены, частные и публичные. Въ первый день каждаго учебнаго года положено дѣлать торжественное собраніе „въ воспоминаніе основанія училищъ и прославленіе всегдашнее мудрыя ихъ основательницы, всепресвѣтлѣйшія самодержицы Екатерины II“, на которомъ „въ присутствіи архіереевъ и другихъ приглашенныхъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ людей одинъ изъ учителей долженъ сказать рѣчь, избравъ матерію приличную, соединяя оную съ должнымъ благодареніемъ ея имп. величеству, всемилостивѣйшей основательницѣ и покровительницѣ“. Послѣ рѣчи въ собраніяхъ слѣдовало производить диспуты и раздавать семинаристамъ подарки. Не забылъ проектъ упомянуть въ своемъ семинарскомъ уставѣ и о другихъ школьныхъ торжествахъ, которыя тогда вездѣ были въ большомъ ходу, о торжествахъ по случаю посѣщенія школъ архіереями и другими высокими персонами; при этихъ посѣщеніяхъ положено читать семинаристамъ привѣтственныя рѣчи на разныхъ языкахъ, которымъ они обучались.

Образъ жизни воспитанниковъ опредѣленъ подробными правилами. Подобно Д. Регламенту уставъ позаботился объ увеселеніяхъ семинаристовъ „для здравія и для разогнанія смутныхъ мыслей“. Раза два въ годъ дозволено быть въ семинаріяхъ комедіямъ, „пріобучающимъ семинариста къ честной смѣлости и къ вѣжливости“. только чтобы эти комедіи не заключали въ себѣ чего нибудь не приличнаго и вреднаго для нравственнаго чувства, „но подъ видомъ увеселительнаго представленія вдыхали бы воспитанникамъ нравоучительную пользу“. Дозволялись также и другія забавы подъ надзоромъ инспектора и сеньоровъ: киданіе въ мячи, катаніе шарами въ фортунѣ, кегли—лѣтомъ въ саду, а зимой въ комнатахъ. Въ праздничное время позволено семинаристамъ заниматься музыкою и пѣніемъ.—Въ педагогическихъ мѣрахъ проекта, касавшихся разныхъ школьныхъ провинностей, находимъ значительное смягченіе прежней крайне суровой системы наказаній. Современная ему педагогія отрицала эту систему въ самомъ ея основаніи, устраняя въ дѣлѣ воспитанія всякое устрашеніе воспитанниковъ, чѣмъ бы то ни было, тѣлесными ли наказаніями или грубымъ принудительнымъ обращеніемъ, и замѣняя его болѣе мягкими и благородными побужденіями дѣтей къ добру и порядку, обращеніемъ къ ихъ чувству чести или стыда. Уставъ коммиссіи, не отступая отъ прежней системы устрашенія, ограничился пока только изгнаніемъ прежнихъ жестокихъ наказаній батогами, розгами и т. п. Изъ 12 видовъ дозволенныхъ имъ наказаній самыми чувствительными признавались: обуваніе провинившагося въ лапти или замаранный кафтанъ, назначеніе ему прислуживать на кухнѣ, подавать блюда за столомъ, чистить обувь и платье, лишеніе на день или на два пищи, угрозы тѣлеснымъ наказаніемъ, исключеніемъ изъ семинаріи и отдачею въ солдаты.

Въ 1766 г. составители проекта представили его на утвержденіе императрицы. Но такъ какъ въ томъ же году порѣшено было созвать знаменитую коммис-

сію о составленіи новаго уложенія, которая должна была пересмотрѣть всѣ стороны государственной жизни и отозваться на всѣ предпринятыя правительствомъ реформы, то императрица не утвердила проекта, а предоставила его разсмотрѣніе имѣющей собраться коммиссіи новаго уложенія. Послѣдняя, какъ извѣстно, была вскорѣ распущена, не оправдавъ цѣли своего созванія, и оставила дѣло о преобразованіи дух. школъ безъ рѣшенія (1). Проектъ такимъ образомъ остался не утвержденнымъ и не былъ приведенъ въ исполненіе въ цѣломъ его видѣ. Но многія мысли его, бывшія выраженіемъ современныхъ понятій о духовномъ образованіи, не остались безъ приложенія къ практикѣ школьной жизни.

а) штатные оклады, открытіе новыхъ школъ и внѣшняя организація духовнаго школьнаго образованія.

Самымъ главнымъ, исходнымъ пунктомъ въ предпринятомъ преобразованіи дух. школъ безспорно было назначеніе на ихъ содержаніе постоянныхъ штатныхъ окладовъ изъ доходовъ отобранныхъ въ казну церковныхъ вотчинъ. Такъ на это дѣло смотрѣли и инструкція коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ и проектъ коммиссіи о дух. школахъ, прежде всего и съ особеннымъ вниманіемъ остановившійся именно на опредѣленіи школьныхъ окладовъ.

Своею торжественно провозглашенною заботливостію о благѣ духовныхъ школъ императрица первоначально должна была возбудить большія надежды на скорое и блестящее улучшеніе ихъ скудной жизни. Еще недавно въ манифестѣ о церковныхъ вотчинахъ, изданномъ при Петрѣ III, на семинаріи назначалось по 3000 руб. ежегоднаго штатнаго содержанія; въ ма-

(1) Ист. росс. іер. I, 448.

л. 288. Отписъ. на листъ въ Бозе еленаго отца Ипатия володимерскаго и берестейскаго епископа. до яснеосвецонаго кнжа Костентина острозского, воеводы кіевскаго. о залецанию и прехвалению восточно цркви, ззаходны костело, оупѣи абегоды. врок8 афчи писаныи. чере одного наменшаго клирика цркви острозско. вторже рок8 отписаный. Сочиненіе священника острожскаго Василія. Въ началѣ предисловіе до чительника. Нач: „Велико есть бздовае на ч8ждемъ заклада ф8ндамете пебепеченство. не менша не свой рядити домъ тр8ность".

л. 294. Листъ. Нач. „Малый хмары облочепъ кгды по пасвѣлѣйшее солнце пост8питъ, мало невве свѣ потенѣетъ".

л. 346. Исторія о листрикійскомъ то есть о рабоническомъ, ферарскомъ албо флоренско синоде вкороцѣ правдиве описапая. Нач. „Кгды высокаго неба незычливые оброты нападоль земный кола свои накеровали". Того же автора. Обѣ статьи напечатаны вмѣстѣ въ Острогѣ, въ 1598 году; см. Истор. русск. церкви Филарета, періодъ IV, стр. 92—93, и его же Обзоръ дух. литературы ч. I, №. 154.

320 (856). Бесѣда Козьмы пресвитера на богомилы, съ другими статьями, въ 4 д., полууставомъ XVI в., переходящимъ въ скоропись на 283 л. На внутренней сторонѣ верхней переплетной доски запись въ кругѣ, въ формѣ печати: „Сщнноинока Дwсwѳеѣ". На об. 4 л. киноварью: „Книг8 сію взялъ па списокъ влкы бесѣда на новоявившюся ересь, а писана на харатіи и есть ей за пятьсотъ лѣтъ". Слѣд. Бесѣда Козьмы списана съ рукописи очень древней. Подъ владыкою разумѣется новгор. владыка Геннадій, подъ руководствомъ котораго игуменъ Досиѳей списывалъ книги для Соловецкаго монастыря.

л. 4. Оглавленіе статей, находящихся въ рукописи.

№ 320

л. 5—57. Недостойнаго Козмы прозвитера Бесѣда на новоявившуюся ересь богомилоу. Напечатана по этой рукописи въ Прав. Собес. 1864, I, 483; II, 82. 198. 310. 411.

л. 68 об. Многосложный свитокъ, егоже стѣйшіи патріарси къ Ѳеофилу грѣческам скыпетра отъ отца пріемшѳ жребіи сьшедшеся вкупѣ посланіе написаша составительно. отъ изряденьства бываемъ. о стыхъ иконахъ чести и покланяніи. Александрьскый Хртофоръ. и Ивъ антиохийскый и Василей ерлмскый. и въ томъ подписавшихъ имѳть. Прѣдсловіе послания. Еже отъ вышнѣм десница Бжіа. Напечатанъ въ Сборникѣ 1642 г. слово 9 е Сравн. Опис. ркп. синод. библ. отд. II, 3, № 267.

л. 106. Повѣсть полезна на латинѳ когда отълѳчишася отъ грекъ и стыя Бжіа цркви. како изъобрѣтоша себѣ ереси опрѣснокомъ слѳжити. Повѣсть эта входила въ составъ хронографовъ и въ сводныя лѣтописи (Никоновскую). Въ XVII в. она два раза была напечатана: въ такъ называемой Кириловой книгѣ (1644 г.) и въ Кормчей (1651—1653 г.). Недавно по списку XV в. издана А. Н. Поповымъ въ историко-литер. Обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.). Москва 1875 г. стр. 178—188. Здѣсь же изслѣдованіе о повѣсти и у А. С. Павлова: Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. Спб. 1878 г. стр. 78—80.

л. 116. Исповѣданіе вькратцѣ. како и его же ради дѣла отълоучишася отъ насъ латина и извержени быша отъ пръвеньства своего и отъ книгы помѣпныихъ, идеже пишоутся. Напечатано въ Памятн. старин. рус. литер. Вып. IV. Греческій подлинникъ въ Monumenta Graeca ad Photium ejus que historiam pertinentia (Ratisbonae. 1869). Вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ издано А. Н. Поповымъ въ Обзорѣ древне-рус. полем. сочин.

стр. 137—145. Здѣсь же указаны другіе списки Исповѣданія. Сравн. Критич. Опыты А. С. Павлова стр. 74—76.

л. 119. Слово третіе о латинѣ. сказаніе. ѩ. аплоу о латинѣ о опрѣснокѣхъ. Нач: „Къ вамъ слово. о хытріі римляне. ваше разгласіе. еже съ нами не единьствуете“.—Сказаніе это въ другихъ рукописяхъ называется: Епистолья на римляны. въ ней же сказаніе о Іаковѣ, братѣ Гни, и о двоюнадесяте аплоу. како первѣе поставленіе бысть въ сщенный чинъ. Напеч. въ Обзорѣ полем. сочин. стр. 191—238.

л. 160. Посланіе Михаила патріарха Константина града. еже посла патріархѕ антіохійскомѕ Петру о ересехъ латиньскихъ. „Прѣблженомоу и дѕховномѕ братѕ и съслоужебникѕ нашемѕ. преосщенномѕ патріархѕ Бжїа града великіа Антіохіа кѵръ Петрѕ. Михаилъ млтію Бжію архіепкпъ Константина града новаго їерлма и вселеньскый патріархъ. Вѣсть оубо сщенство твое. яко отъ стыхъ вселенскихъ съборъ“.... Одна изъ редакцій посланія Михаила Керулларія. Смотр. Обзоръ полемич. сочин. стр. 148.

л. 164. Посланіе Домника архіепкпа венетійскаго. еже посла къ стѣйшомоу патріархѕ великіа Антіохіа кѵръ Петрѕ о опрѣснокѕ же и о прочихъ своихъ. „Прѣвысокаго пртла еже въ антіохійской цркви перьвопртльномѕ великомѕ патріархѕ и аплообразномѕ моужоу Петрѕ Домникъ млтію Бжіею. граньдейскый и акилинскыа цркви архіеппъ“. Греческій текстъ у Котелерія: Monumenta ecclesiae graecae tom. II.

л. 167. Отписаніе стѣйшаго патріарха Петра къ Домнику архіепкпѕ венедійскомѕ противѕ посланію его посланномѕ. Нач. Чтномоу и равноангльномѕ архіеппѕ грандейскомоу“... Греч. текстъ тамъ же. Сравн. Опис. ркп. синод. библ. отд. II, 3, № 268.

№ 320

л. 182 об. Сіе исповѣданіе папы римскаго. еже принесоша отвѣтници его. наричаеміи фременѕріи къ стѣйшомѕ патріархѕ Константина града киръ Германоу. иже и сами они записаша своими рѕками. множайшаго ради ѕвѣреніа и непрѣложенаго оума ихъ при блгочтивѣмъ црѣ Іоаннѣ Ватацѣ. Нач: „Сѣцъ есть съвръшенъ Бъ въ себѣ". Этимъ исповѣданіемъ начинаются пренія патріарха Германа († 1240) съ латинскими монахами миноритами, посланными папою Григоріемъ, объ исхожденіи св. Духа.—Отвѣщаніе стѣйшаго вселеньскаго патріарха Германа и сщеннаго его събора. къ посланнымъ отъ папы фременѕремь и иже сними латиномъ: *Ἀπάντησις πρὸς τὴν ὁμολογίαν τοῦ παπα Γρυγορίου καὶ πρὸς τοὺς ὑπ' ἐκείνου σταλέντας Φρεμενουρίους, περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου Πνεύματος.* Смотр. Обзоръ полем. сочин. А. Н. Попова стр. 149—154.

л. 192 об. Фотѣя патріарха Константина града къ римляномъ о стомъ Дхѕ и о приносимѣмъ отъ нихъ опрѣснокоу. Нач: „Бжтвный оубо Григорій. нареченый двоесловъ". Смотр. Обзоръ полем. сочин. стр. 40—44.

л. 195. Чтнѣйшаго хартофилока и просиггела Никиты никейскіа црквн о бесквасной слѕжбѣ. и о латинѣхъ и о слѕжбѣ ихъ. Нач: „Бесквасноѕ слѕжбѕ сирѣчь опрѣсночноую не приемлемъ"... Напечатано вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ А. С. Павловымъ: Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. стр. 135.

л. 199. Откѕдѕ начатъ папа римъскый съ латиньскымъ языкомъ опрѣсночная слѕжити и откѕдоу пріаша сіа рещи подобаеть. Нач: „Влѣто оубо Лва цря Исавра иконоборца"... Сравн. Опис. ркп. синод. библ. отд. II, 3, № 268.

л. 202. Иже въ стыхъ отца нашего Никона о томъ же опрѣсноцѣхъ на латину. Нач: „Иже 8бо опрѣснокомъ служить". Смотр. тамъ же № 268.

л. 204. Слово о немечьскомъ прельщеніи, яко навчи ихъ гугнивый Петръ ереси своей. Нач: „Егда прелесть бысть въ Римѣ отъ Симона волъхва"... Смотр. тамъ же № 268.

л. 212 об. Слово отвѣтное на латин8 глщихъ. яко Дхъ стый отъ Отца и отъ Сна исходитъ. Нач: „Гь нашь Iѵ Хъ въ ев̂алиихъ рече. не входяй дверми въ дворъ wвчій"...

л. 233. Статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ.

л. 235. об. Оусп̂еніе правовѣрнаго цря Оустиніана и Феодоры.

л. 237 об. Мца ноемврія. s. Память преподобнаго отца нашего Варлаама чюдотворца. Стихъ. Аще и преставися отъ насъ пастырю добрый. но опщемоу пастырю влцѣ̂ Ху предстоиши. „Сей прпбный wць нашь Варлаамь родися въ велицѣмь Новѣградѣ". Житіе второй краткой редакціи. См. Ключевскаго: Житія св. стр. 140—141.

л. 246. Слово похвально на пречестн8ю память прпбнаго и бгоноснаго отца нашего Варлаама чютворца. въ немже и на іоудея. Нач: „Память праведнаго спохвалами бываетъ". Слово Пахомія сербина.

л. 261 об. Мца wктября. кѝ. М8ченіе стыя и славныя мчнца Параскевгіи. еже толъкоуется пятница. въ Иконѣйстѣмъ градѣ.

л. 269. Мца ноября. кд. М8ченіе стым Екатерины и Виргиліа и Витіа.

321 (605). Инока Зиновія обличеніе на ересь Феодосія Косаго, въ 4 д. скорописью XVII в, на 474 л. На первыхъ 28 л. внизу подпись: „Сия книга Соловецкаго монастыря соборнова старца Ѵринарха Тарбѣева келейная. По смерти моей взяти въ книгохранительную соловецкую казну прочитающимъ

№№ 321—323

въ пользу выдавати и меня грѣшнаго во святыхъ вашихъ молитвахъ поминати. Подписалъ своею брепною грѣховодимою рукою рпн (1680) году маия въ ѧ день". Эта рукопись служила для сличенія и повѣрки текста при изданіи сочиненія Зиновія въ Прав. Собесѣдникѣ въ 1863 г. т: I, II и III и 1864 г. I, II и III. Сравн. Опис. ркп. синод. библ. Отд. II, 3, № 270.

322 (490). Лебедь съ перьемъ Іоанникія Голятовскаго, въ 4 д. новымъ скорописнымъ полууставомъ на 98 л.

„Лебедь съ періемъ своимъ, сдарми Божіими Христосъ. Православѣрпому народу христіанскому лебединымъ перомъ своея божественныя мѫдрости испишетъ приличности и вины, чесо ради долговременно пребываетъ на свѣтѣ ересь Махометова, и чесо ради множество народовъ пріяша законъ Махометовъ, и чесо ради на войнѣ басурмани благополѫченіе имѫтъ и христіанъ побѣждаютъ, грады и царства христіанскія обдерживаютъ. Тойже Лебедь Христосъ лебединымъ перомъ своего оученія испишетъ вины и подлоги войнамъ и како на войнѣ Махометъ своихъ подъущаетъ и случаи вымыслы же и коварства побѣдамъ, ими же христіане турковъ и прочихъ враговъ своихъ на рати побѣждати могѫтъ, или отъ враговъ себе оборонити. Сей Лебедь въ тіпографіи преосвященнаго въ Бозѣ его честности отца Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго новоградскаго и всего сѣвера по благословенію его въ Новогородкѫ сѣверскомъ дрѫкованъ есть. Сей Лебедь съ періемъ своимъ, съ дарми Божіими Христосъ, великимъ въ Бозѣ отцемъ Іоанникіемъ Галятовскимъ, архимандритомъ черниговскимъ елецкимъ лѣта ѧχοѳ міру явленъ есть. Съ польска языка и літеръ книга сія Лебедь преведеся лѣта ѧχπє. Преведшаго имя и прослытіе отъ к начинаемо въ числѣ ѧфг слагаемо".

323 (607). Обличеніе на лютеранъ и латинянъ, съ разными другими статьями, въ 4 д. скорописью XVII в. на 542 л. На первыхъ листахъ внизу подпись: „Книга на лоторы Соловецкаго монастыря казенная, старца Іоасафа Сороцкаго дачи".

Въ началѣ помѣщено сказаніе главамъ въ книзе сей;—перечислено 47 главъ, составляющихъ обличеніе. Л. 1—394. Самыя главы. Нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены въ такъ называемой Кирилловой книгѣ; но въ Кириллову книгу онѣ заимствованы изъ

книги о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви, изданной на Бѣлорусскомъ нарѣчіи въ 1619 г. въ Кіевѣ и приписываемой Захаріи Копыстенскому. Всѣ главы расположены въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находятся въ синодальной рукописи XVII в. Смотр. Опис. отд. II, 3, № 274. Обличеніе совершенно согласно съ этой рукописью.

л. 1. Изложеніе извѣстно отъ бжтвенныхъ писаній стараго закона и новые блгти на окаянныя и злоименитыя лютеры, на многія ихъ ереси ответы возразительныя. глава а.

л. 12. Глава в. Отъ коего же времени начатъ быти иконоборство. отъ самѣхъ же хртіянъ воста. и которые цари иконоборцы быша. и на которомъ соборѣ вселенскомъ за сие прокляти быша.

л. 14 об. Глава г. Паки иконоборцы на ны глаголютъ, приводяще съ собою нѣкія еппы, иже за иконоборство отъ стыя соборныя и апльскія цркви отриновены и стыми оцы на соборѣхъ прокляты. ихъ же иконоборцы беруще къ помощи своей на иныя же стыя отци лжѣще глаголютъ неповинныя ихъ безумія ереси лжею къ себѣ привлачатъ.

л. 19 об. глава д. О крестѣ Га нашего Іса Ха и о явленіи его, иже явится в часъ втораго пришествія Сна человѣческаго на облацѣхъ небесныхъ видимъ всѣми. и на враги креста Хва возразительныя отвѣты истиннымъ православнымъ хртіяномъ.

л. 33 об. Глава е. Потребно есть намъ и се вѣдати о крестѣ, чесо ради знаменаемъ лице свое крестообразно рукою.

л. 39. Глава ѕ. О хожденіи со кресты. что ради сие стаа соборная и апльская цркви приатъ.

л. 44. Глава з. О хвалѣ и чти стыхъ ѕгодниковъ Бжіихъ..

л. 53. Глава и. О молитвѣ стыхъ, еже нынѣ стіи молятся о насъ.

л. 57 об. Глава і. О постѣ, еже четыре кратъ влѣте повелѣваетъ стая Бжия цркви и о томъ, чесо ради постимся сред8 и пятниц8.

№ 323

л. 71 об. Глава і. О исповѣди, иже есть творимъ по повелѣнию самого Бга въ цркви Его.

л. 75 об. Глава ѧі. О прчтомъ тѣле и крови Хве.

л. 79 об. Глава кѳ. О отшедшихъ свѣта сего и о еже о нихъ память творити и милостыня даяти...

л. 85. Глава гі. Отвѣтъ люторемъ иже глаголютъ, яко не могѫтъ праведніи ничто помощи намъ, аще не самъ Богъ кого помилѫетъ.

л. 89. Глава дѳ. Отвѣтъ люторемъ и кальвиномъ, иже хѫлятъ иноческое житіе и глаголютъ, яко иноцы оставиша заповѣдь Бжію и пророческое і евангельское и апльское писаніе і самосмышленіемъ изообрѣтоша себѣ житіе и держатъ преданія человѣческа.

л. 131. об. Глава ѳі. Отвѣтъ латынникомъ и люторемъ и прочимъ еретикомъ, иже кромѣ стыхъ Бжіихъ церквей і въ простыхъ домѣхъ своихъ службу жертву и приношеніе возносятъ и проч.

л. 137. Глава зі. О женитве поповъ у люторей.

л. 140. об. Глава зѳ. Отвѣтъ люторемъ о томъ, иже глютъ, яко не подобаетъ стымъ ѫгодникомъ Бжіимъ празднествовати кромѣ Бжіихъ праздниковъ.

л. 147 об. Глава иѳ. О лѣтописныхъ нѣмецкихъ и русскихъ, что не сходятся съ греческими лѣтописцы, и о томъ отвѣтъ нѣмцомъ и люторемъ.

л. 174. Глава. ѯѳ. Еще отвѣтъ православныхъ къ люторемъ, иже глютъ, яко въ чести подобаетъ имѣти стыя иконы, а молитися предъ ними недостоитъ. сице ѕбо второе идолопоклоненіе бѫдетъ.

л. 181. Глава к. О поклоненіи древнихъ свѧтынь в видимыхъ вещехъ и о приношеніи жертвы предъ ними, иже образъ вновой благодати свѧтыни.

л. 185 Глава ка. О молитве, яко стоя подобаетъ молитися Гдви и открытою главою. а не возлегши на локтяхъ или на колѣнахъ падши, какъ латинники и лютореве и кальвинцы молятся, агарянскимъ обычаемъ въ шапкахъ и въ шляпахъ.

л. 191 об. Глава кв. О томъ же изъ ветхаго закона къ тѣмъ же еретикамъ, како мнози покланяхуся праведницы до земли самомѵ Гду Бгу, такоже и цремъ и владѣющимъ ими и дрѵга дрѵгѵ всякъ полъ мѵжескъ и женскъ.

л. 222. Глава кг. Отвѣтъ лютеремъ и латынникомъ и инѣмъ еретикомъ о книгахъ ветхаго закона и новыя блгдати, иже глютъ, яко кромѣ бытейскихъ книгъ и Ѥѵлия и апла гдѣ что ни писано, и тому нѣчево вѣрити.

л. 231 об. Глава кд. О апльскомъ крещеніи, яко при самомъ Хртѣ крестишася.

л. 236. Глава ке. О сществоприятіи и о поставленіі аплъ і о рѵкоположеніі съ нбсе въ проповѣдники и исповѣдники.

л. 263. Глава кѕ. О лѵкавыхъ словесехъ еретическыхъ, опрѣсночнемъ хлѣбѣ, иже въ чомъ сами прельстишася и инѣхъ прельщаютъ.

л. 264 об. Глава кз. О Клеопе и Луце, имъ же Хртсъ во к. днь хлѣбъ поладе опрѣсночный.

л. 269 об. Глава ки. Сказаніе о днехъ прежде праздниковъ июдейскихъ.

л. 273. Глава кѳ. Сказаніе о многихъ праведныхъ, иже прежде закона и взаконе бывшихъ, и о многихъ пророцехъ, кромѣ Ісаіи и Ерѣмія, иже не ядоша пасхи, ни опресноκъ, ни со арганы, ни съ трубами пи пѣша предъ Гдемъ, но дивны и велицы сѵть во стыхъ....

л. 276. Глава л. О еже самъ законодавецъ Гдь законныхъ небрегъ и невопросилъ о законныхъ заповѣдехъ праздниковъ.

л. 278 об. Глава ѧа. О празднице пасхи со опресноки еже въ цркви июдеи, а не въ простомъ домѣ начинахѫ праздновати, якоже лютори блѧдятъ.

л. 280 об. Глава ѧк. Еще о прроцехъ и о праведницехъ мнозехъ, иже закона небрегоша многихъ заповѣдей, понеже и самъ Гдь не требова сихъ.

л. 281. об. Глава ѧг. О сѫщихъ въ плененіи стыхъ въ Вавилонѣ, иже выше закона дѣла сотвориша, а законныхъ всѣхъ не брегоша.

л. 282. Глава ѧд. О седмидесяти лѣтехъ, въ нихже постишася іильтестіи людіе и цркновныхъ преданій ничтоже не сотвориша, иже и въ велицей славѣ и въ покои бывшеи.

л. 284. Глава ѧе. О единомъ мѣсте, идѣже опреснокомъ быти и всѣмъ июдейскимъ цркновнымъ преданіямъ и чиномъ, а инде отнюдь не возможно.

л. 285. Глава ѧѕ. О языцехъ, яко июдѣомъ въ мѣстехъ своихъ не повелѣвахѫ законныхъ своихъ ничтоже творити.

л. 287. Глава ѧз. О нуждѣ неудобной июдеомъ и въ самомъ іерусалимѣ о томъ опрѣсночномъ праздницѣ, и о Моисеи законодавцѣ, яко онъ самъ законодавецъ опрѣсноковъ до смерти своея не яде, такожде и Ааронъ не яде.

л. 304 об. Глава ѧи. Латыни и римляне и лютори квасу не кладѫтъ въ опрѣснокъ за чистоту и безстрастіе Бжіе, и по ихъ мѫдрованію Бжство страдало и умерло.

л. 312. Глава ѧѳ. О отверженіи вѣтхаго закона и о новомъ пѫти въ жизнь вѣчнѫю и о крестной силѣ отъ всѣхъ пррkъ сказание. о стѣни мимошедшей ко евреомъ послание все.

л. 314. Глава ѧ. О мерзости жертвъ июдейскихъ и о скверномъ приношеніи ихъ.

л. 319. Глава мѧ. О отриновеніи іюдейскомъ съ приношеніемъ ихъ все ко евреомъ Павлово послание свидѣтельствѳетъ.

л. 325 об. Глава мв. О арганѣхъ и о трѳбѣхъ.

л. 334. Глава мг. О Іоаннѣ предтечи, иже закона Моисеева не храняше.

л. 338. Глава мд. О блгодати стаго Дха, ею же законъ Моиссовъ разорися.

л. 343. Глава ме. Глаголъ сретическъ... еже ѳбо вы Русь з грѣки о блгодати стаго Дха дѣйствѳемой въ васъ приносите па ны и па папежники и лютори. глетъ, яко едини токмо вы Русь з грѣки Дхомъ стымъ свидѣтельствуетеся, яко правѳ вѣрѳ держите...

л. 349. Глава мѕ. О стыхъ wцъ писаніі и о седми вселенскихъ соборехъ къ тѣмъ же люторемъ отвѣтъ, сними же и къ латынникомъ.

л. 371 об. Глава мз. О цркважъ стыхъ восточныхъ и о россійстей цркви.

Два такихъ же списка „Обличенія на лютеранъ и латинянъ“ указаны между рукописями Царскаго №№ 394 и 690. Въ первомъ спискѣ № 394, по окончаніи 47 главы, находится запись: „Совершена же бысть сія книга въ лѣто 7150 (1643) іюля въ 14 день (рукою) многогрѣшнаго и непотребнаго раба, попа Іоанна“. Вѣроятно, на основаніи этой записи въ Обзорѣ дух. литературы ч. 1. № 208 Обличеніе (Изложеніе на Лютеры) приписывается священнику Іоанну Насѣдкѣ.

л. 395—399. Помѣщена статья, заключающая указаніе разныхъ неправильностей въ печатныхъ церковныхъ книгахъ, подъ заглавіемъ: О описехъ. „Въ тріоди цвѣтной печатной в среду д-я недѣли, в канонѣ троичне, в шестой пѣсни три сѳщества стѣй Троицы сказѳетъ, ариевой ереси способьствѳетъ. А въ сапозарехъ

№ 323

вси недѣли перемѣнены не противъ старыхъ переводовъ и не противъ пасхалей из осмоогласника. гдѣ надобеть вторая недѣля, т8 написана третьяя и тако и до седмой недѣли“ и т. д. Указываются разныя перемѣны въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ. Сравн. Опис. ркп. синод. библ. отд. II, 3, № 273, гдѣ указана защитительная рѣчь священника Іоанна Насѣдки къ патріарху Филарету объ исключеніи изъ молитвы на освященіе воды слова: и огнемъ. Въ этой рѣчи помѣщены и указанія упомянутыхъ неправильностей въ церковныхъ книгахъ.

л. 399—473. Непосредственно послѣ этой статьи помѣщены слѣдующія статьи, которыя принадлежатъ, вѣроятно, тому же Іоанну Насѣдкѣ (см. Обз. дух. лит. ч. 1. № 208): Л. 399 об. О просщеніи и осщеніи. Л. 400 об. О явленіи аптловъ. яко блгодатію и любовію Хртовою соединяются з Богомъ. и просщеніи ихъ, перечневый выборъ изъ книги Кормчей и изъ епистоліі на римлянъ. Л. 405. О соединеніи всѣхъ языкъ з Богомъ. Л. 408. О апльскомъ крещеніи. Никто же да усумнится, яко апли не кртишася водою и Дхомъ стымъ и не мнитъ, яко въ день н. с небесе огнемъ кртишася... Л. 412. О Дсѣ стѣмъ, яко не дѣйствоваше в непросщенныхъ водою и Дхомъ стымъ во имя Іса Ха. Л. 414. О евангельской проповѣди. „Паче же всего и се намъ образъ бысть Гдемъ нашимъ Ісомъ Хртомъ. Дондеже 8бо не кртися отъ Іоанна въ водахъ Іерданскихъ, и дот8д8 не творяше чюдесъ, ни 8чаше народы, ниже крщаше“. Л. 411 об. О Адамовѣ крщеніи. „Есть же обрѣтается въ торжественныхъ словесехъ, яко по воскресеніи Гдни вси воскресшеи со Адамомъ с8щіі во адѣ і вси кртишася во Іерданѣ рецѣ и паки почишя. но се свидѣтельство не отъ всѣхъ приемлетца. Имѣяй же кто раз8мъ правъ и истинно свидѣтельство, той да вѣсть о семъ, мы же сего не вѣмы, истина ли или ложь“. Л. 418. О сщньствопрі-

ятіи и о поставленіи апл̃ъ и о р8коположеніи съ небесе въ проповѣдники и исповѣдники. Л. 421. О водѣ и о огнѣ отъ Дха стго дѣйствъ разрѣшеніе. отъ по8ченія въ нлю н. цы. Л. 429. О новой винѣ, претворсной на бгоявленское водосщеніе млтвѣ.

л. 434. О огни просвѣтительномъ новодобытомъ. „Да вы же вмѣстили въ люди на Москвѣ о огни просвѣтительномъ, яко отъ Бжія существа исходитъ. и того же глаголете огнь и свѣтъ просвѣтительный и пишете на насъ, что мы сего раздѣляемъ отъ Бжія существа. а мы сего по се время и не знаемъ и не вѣдаемъ. или вамъ во снѣ пригрѣзился тотъ свѣтъ и огнь просвѣтительный“... Это обличеніе Іоанна Насѣдки иноку Антонію Подольскому, который писалъ о огнѣ просвѣтительномъ по случаю спора о исправленіи молитвы на водосвященіе. Смотр. Обз. дух. литер. №№ 199 и 208. Обличеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ статей. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ прямо называется имя Антонія, или дѣлается обращеніе къ нему. Напр.: Л. 444. О Антоновѣ х8лѣ на стыя апл̃ы. Глетъ 8бо тотъ Антонъ вземъ Предотечево слово отъ Л8ки евангелиста с-го зачала, еже рече Предотеча ко і8деомъ: той вы кр̃титъ Дхомъ стымъ и огнемъ. Л. 445. О лжѣ Антоновѣ на Предотечю. Л. 459. О приятии неизлитнемъ и не тѣлесне сия раз8мѣти подобаетъ на Антона. „Виждь Антоней: аще 8бо то нераздѣльно пребываетъ“. Л. 467. Къ том8 же Антон8 о невѣріи его о стыхъ апл̃ѣхъ и яко не огнемъ кр̃тишася в день пятдесятный апли.... Л. 472. Къ том8 же Антон8 о его с8мнѣніи и о м8дрованіи, еже н8дится свою волю поставити, яко и языки прияша стый Дхъ, не крестившеися вкупѣ со апостолы, еже не бысть тако.

л. 473 об. И сіе подобаетъ вѣдати, како подобаетъ пріити ко иному брату въ кѣлію.

л. 481—510. Блгородному и блгочтивому и истинному цркому правителю и боярин8 гдрю Борису Михайловичу бьетъ челомъ нищій чернецъ Трцы живоначальные Сергіева мнтря Арсеньишко Глухой... Челобитная къ боярину Салтыкову инока Сергіевой лавры Арсенія Глухаго, занимавшагося исправленіемъ книгъ съ преп. Діонисіемъ и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшаго.

л. 510—518. Непосредственно послѣ челобитной слѣдуетъ, безъ всякаго заглавія, вѣроятно, отвѣтное посланіе Салтыкова, начинающееся слѣдующими словами: „Что имамъ писати къ твоему пространнѣйшему разуму и любомудрію, паче же къ честному твоему житію и благоговѣйнству. кия утѣшительныя словеса подамъ. и како разгоню унынія облакъ твоего же и своего, въ немъ же і въ день, аки въ пощи, пребываемъ“.

л. 519. Наказаніе прпбнаго и бгоноснаго wца пшего великаго Нила Златоструинаго. Нач: „Повѣдаше намъ wцъ Iwанъ и wцъ Соѳроніе глющи. яко шедши намъ ко wцу Нилу в вечеръ суботы в гору Синайскую“. Изъ Лимонаря.

л. 532—541. Челобитная къ собору 1503 г. ростовскаго священника Георгія Скрипицы Напечатана въ Чтен. общ. ист. и древн. за 1847 г.

л. 541—542. Поучение къ дѣтемъ, како подобаетъ чтити родителя своя паче дша своея. Нач: „Послушайте братие заповѣди Гня, юже рече къ законнику Моисею пророку бговидцу“...

324 (606). Обличеніе на лютеранъ и латинянъ съ другими статьями, въ 4 д. на 407 листахъ, скорописью XVII в. На внутренней сторонѣ переплетной доски замѣчено: „Соборникъ діякона Иларіона“. Л. 1—109. Слово обличительное на ересь новыхъ развратниковъ православныя христіанскія вѣры, Лютора глаголю и Кальвина и на Феодосія черпца, рекомаго Косаго и еретика. Списано же сіе слово іпокомъ Зиновіемъ бголюбезнѣйшимъ Отни

пустыни. Нач: „Глютъ еретицы, по сему ложни учители русстіи епископы и попы, понеже учатъ, книги въ руку не держатъ". Въ этомъ словѣ мнѣнія Ѳеодосія Косаго приписываются Лютеру и Кальвину и опровергаются также, какъ у инока Зиновія въ 14 и 22 главахъ его Обличенія на Косаго (почему, вѣроятно, въ описи соловецкихъ рукописей и дано этой рукописи названіе: Обличеніе на ересь Ѳеодосія Косаго).

л. 112—327. Оглавленіе обличительныхъ статей, а потомъ и самыя статьи на лютеранъ и латинянъ. Всѣхъ статей 32. Статьи съ 3-й до 14-й тѣже самыя, какія помѣщены въ предыдущемъ спискѣ Обличенія № 323. Другія, начиная съ 14-й и оканчивая 32-й, тѣже самыя, какія помѣщены въ Книгѣ о вѣрѣ. Смотр. выше № 317.

л. 327—407. Разныя статьи, изъ коихъ однѣ также помѣщены въ Книгѣ о вѣрѣ (смотр. выше № 318), каковы: св. Кирилла іерусалимскаго вопросы и отвѣты о св. Троицѣ (л. 327—328), Анастасія патріарха антіохійскаго и Кирилла александрійскаго Изложеніе вкратцѣ о вѣрѣ по вопрошенію (л. 329—330), св. Максима изложеніе о вѣрѣ вкратцѣ (л. 398), а другія составляютъ особыя статьи, которыхъ нѣтъ въ указанныхъ спискахъ Книги о вѣрѣ, каковы Св. Іоанна Дамаскина о стѣй Троицѣ и о вѣрѣ (330 об. 332), блженнаго Афонасия архіепкпа александрійскаго ко Антіоху кнзю о многихъ нужныхъ взысканныхъ вещехъ, (иже въ божественныхъ писаніихъ) обрѣтающихся недоумѣнныхъ, всѣмъ христіаномъ вѣдомы быти должны (объ этой статьѣ смотр. выше № 129), и нѣсколько мелкихъ статей: Вопросы любомудреца и отвѣтъ истинна вѣрника Хртва подобно стому символу; Врачебница врача мудра зѣло (извѣстная статья о дух. врачевствѣ); Главы душеполезны избраны отъ стослова стыхъ wцъ: о аггелехъ, о вѣнцы Гдни, о иконѣ сшествия стаго

Дха, о иконѣ Бцы, о скуфьи, сказаніе стаго Никона, на колико сребренниковъ Изда Хрта предаде, о вертограде.

325 (603). Обличеніе на латинъ. Полуустав въ 4 д. XVII в. на 441 л. Рукопись содержитъ списокъ съ двухъ печатныхъ книгъ, изданныхъ въ Острогѣ: 1) Сборника въ 6 отдѣлахъ, составленнаго Василіемъ священникомъ Острожскимъ и напечатаннаго въ 1598 г. и 2) Сборника (въ 10 отдѣлахъ), напечатаннаго въ 1598 г. (см. Хронолог. росп. славянск. кн. Карагаева №№ 96 и 127. Обзоръ дух. литер. Филарета, періодъ 4-й; 1588—1720 г. О Кирилловой кн. Лилова, стр. 220—226). Изданія эти составляютъ библіографическую рѣдкость. Въ началѣ на бѣломъ листѣ помѣтка: „Книга на латыни князя Василія острожскаго Соловецкаго монастыря казенная. старца Іоасафа Сороцкаго дачи". Въ концѣ 5 отдѣла на л. 278 об. киноварью приписано: „Написася сіа въ лѣто отъ созданіа миру ѕ҃ѯ҃з. римляномъ же пишущимъ отъ по плоти рождества Господня ҂аф҃ѳ. по отщепенствѣ же ихъ еже отъ насъ въ праздникохъ. лѣта ѕ҃".

л. 1. Оглавленіе.—Л. 3. Предисловіе къ первому отдѣлу: О единой истинной православной вѣрѣ о святой соборной апостольской церкви, откуду начало пріяла и како повсюду распростреся.—Л. 31. О исхожденіи всесвятаго и животворящаго Духа, яко отъ Отца единаго исходящу ему.—Л. 104. О первенствѣ римстѣмъ, и о старшенствѣ епископа ихъ.—Л. 167. О опрѣснокахъ и баранку (агнцѣ)...—Л. 218. О премѣненіи дней и праздниковъ.—Л. 279. О святыхъ храмѣхъ, въ молитву и къ пребыванію имени Господня созданныхъ и о почитаніи святыхъ иконъ. (Подробное оглавленіе см. въ Опис. рукоп. рум. музея № 295).—Л. 300. Послѣсловіе. Въ немъ авторъ объясняетъ побужденія къ написанію книги—заключающіяся въ совращеніяхъ право-